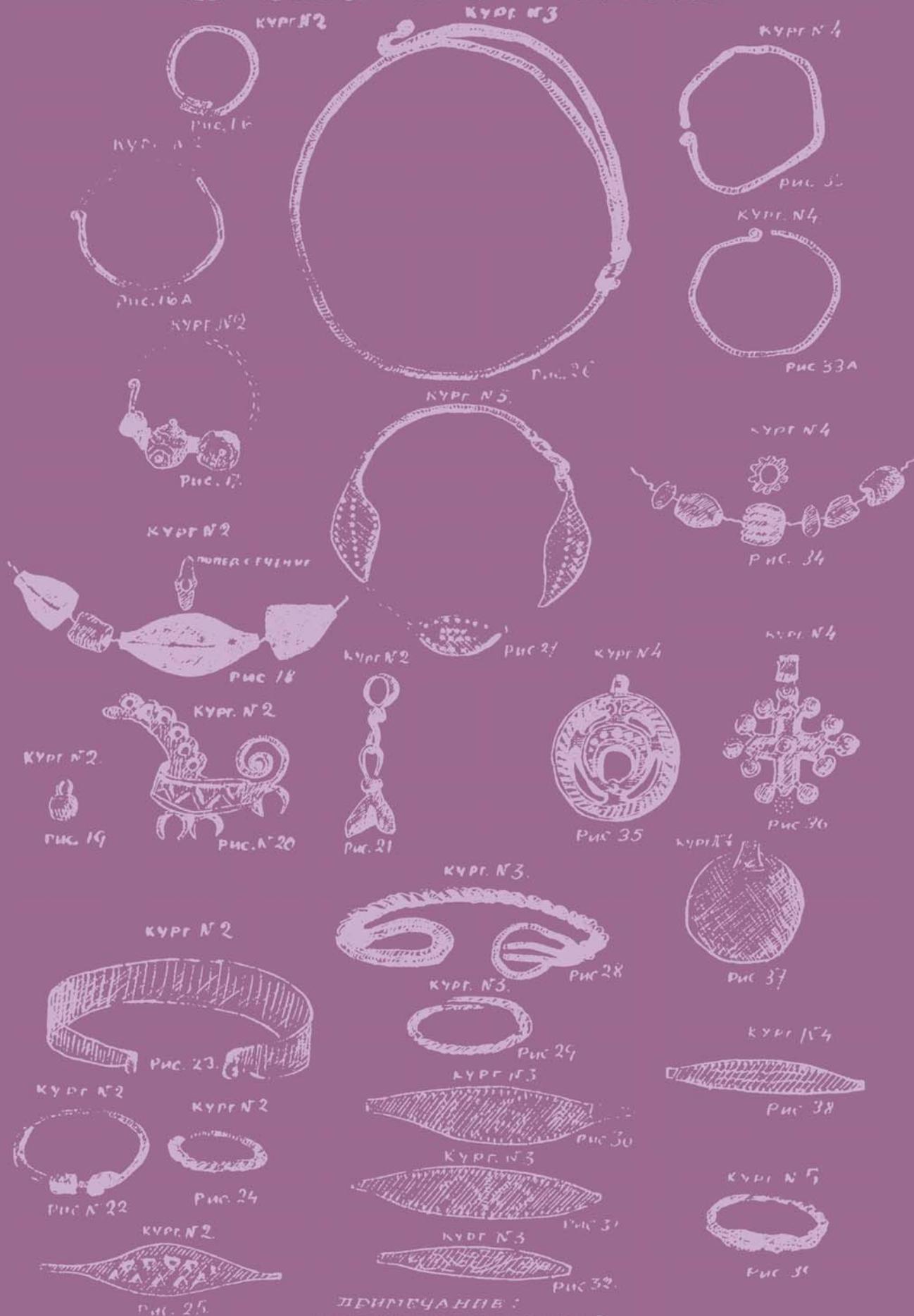

МЯКИНИНСКИЕ КУРГАНЫ

МЯКИНИНСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС
В ПОДМОСКОВЬЕ

МЯКИНИНО

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ Р. МОСКВЫ.

ПРИМЕЧАНИЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПЕРСТНИ ДАНЫ В
РАЗВЕРНУТОМ ВИДЕ

Институт
археологии
Российской
академии наук

А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль, Е. П. Зоц, Е. К. Столярова, Т. Г. Сарачева

МЯКИНИНСКИЕ КУРГАНЫ

МЯКИНИНСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС
В ПОДМОСКОВЬЕ

Материалы
спасательных
археологических
исследований

21

МОСКВА 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
Э63

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор:
А. В. Энговатова

Рецензенты:
к. и. н. *Т. А. Пушкина*,
к. и. н. *С. Д. Захаров*

Э63 **Энговатова А. В.**, Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. Материалы спасательных археологических исследований. Том 21. – М.: ИА РАН, 2018. – 344 с.: илл.
ISBN 978-5-94375-236-0

В коллективной монографии публикуются результаты комплексного исследования Мякининского средневекового курганного могильника, расположенного в Красногорском районе Московской области, исследовавшегося в 1924, 1927, 1948 и 2004–2006 гг. На основе анализа полученных материалов предложены исторические выводы.

Для археологов, антропологов, историков и всех интересующихся прошлым Подмосковья.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-236-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2018
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2018

Содержание

Введение. <i>Энговатова А. В.</i>	7
Глава 1. <i>Коваль В. Ю., Энговатова А. В.</i> Мякининский комплекс памятников и его округа. История археологического изучения Мякининских курганов	9
Письменные и картографические источники об округе Мякининского комплекса памятников	11
История изучения Мякининского курганного могильника	15
Глава 2. <i>Энговатова А. В., Коваль В. Ю.</i> Описание курганов, исследованных в 2004–2006 гг.	27
Глава 3. <i>Столярова Е. К.</i> Предметы из стекла	60
Глава 4. <i>Сарачева Т. Г.</i> Металлические украшения	76
Глава 5. <i>Коваль В. Ю.</i> Керамика	91
Глава 6. <i>Энговатова А. В., Коваль В. Ю.</i> Результаты анализа полученных данных	99
Заключение. <i>Энговатова А. В., Коваль В. Ю.</i>	117
Альбом иллюстраций	121

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. <i>Спиридонова Е. А.</i> Заключение по данным палинологического анализа по кургану 1	269
Приложение 2. <i>Гольева А. А.</i> Почвенные исследования на курганах 1, 2, 5, 6, 9, 10, 14, 15, 16 Мякининского курганного могильника	272
Приложение 3. <i>Орфинская О. В.</i> Исследование археологического текстиля из кургана 5 в Мякинино	288
Приложение 4. <i>Лебедева Е. Ю.</i> Результаты анализа косточек слив из кургана 5 в Мякинино	293
Приложение 5. <i>Гончарова Н. Н.</i> Исследование антропологического материала из раскопок курганов 2, 5–12, 15, 16, 19, 27 у деревни Мякинино	297
Приложение 6. <i>Зоц Е. П.</i> Реконструкция женского костюма по материалам Мякининских курганов	300

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕПУБЛИКАЦИИ

<i>Рыбаков Б. А.</i> О раскопках вятичских курганов в Мякинино и Кременьи в 1927 г.	307
<i>Городицов М. В.</i> Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой, Московской губернии и уезда	312
<i>Рабинович М. Г.</i> Отчет о раскопках группы курганов у д. Мякинино Московской области	323
<i>Равдина Т. В.</i> Описание курганных могильников для свода памятников культуры Московской области	332
Литература	334
Список сокращений	342

Мякининский курганный могильник является одной из наиболее исследованных на сегодня курганных групп Подмосковья. Однако к такому итогу вел длинный и сложный путь. Открытый только в 1923 г. (что само по себе удивительно, учитывая хорошую исследованность долины р. Москвы в XIX в.), он уже в следующем году начал раскапываться одним из наиболее авторитетных археологов послереволюционной России – В. А. Городцовым. В 1927 г. эти раскопки продолжил его сын Мстислав, причем в этом, втором этапе работ принял участие студент Московского государственного университета Б. А. Рыбаков, будущий академик, директор Института истории материальной культуры, а затем – Института археологии АН СССР. И так получилось, что первая публикация этого выдающегося ученого была посвящена Мякининским курганам (Рыбаков, 1928. С. 5–7)¹. Полностью результаты раскопок курганов в 1924 и 1927 гг. введены в научный оборот благодаря статье М. В. Городцова (1928). Затем Мякининские курганы были надолго забыты и не посещались археологами. Поэтому, когда в 1948 г. М. Г. Рабинович возобновил раскопки курганов близ д. Мякинино², вскрыв четыре насыпи, поначалу ему даже показалось, что он нашел какую-то другую курганную группу, а не ту, что копали Городцовы. Новые исследования памятника начались в 2004 г., когда возникла реальная угроза его уничтожения из-за развернувшегося рядом крупного строительства. Спасательные раскопки были организованы Подмосковной экспедицией Отдела охранных раскопок Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой. Предварительное обследование памятника показало, что он был существенно крупнее, чем казалось предшествующим исследователям, но к моменту возобновления его изучения большая часть насыпей уже была уничтожена или сильно повреждена, так что в относительно сохранном состоянии осталась лишь небольшая часть могильника. Работы Под-

московной экспедиции продолжались на памятнике в течение трех лет, в результате чего уцелевшая часть могильника раскопана практически полностью. Эти работы выполнялись по Открытым листам А. В. Энговатовой и В. Ю. Ковалья и отражены в соответствующих отчетах о проведенных раскопках (Энговатова, Коваль, 2005; 2006; Коваль, 2007).

С самого начала раскопки были организованы таким образом, чтобы изучить не только остатки курганов, но и в максимально возможной степени исследовать межкурганное пространство, а также те участки, где наличие курганов предполагалось по микротопографии местности. Раскопки проводились широкой площадью по методике исследования поселенческих памятников и грунтовых могильников, т. е. со сплошной сеткой квадратов. Это позволило исследовать не только сохранившиеся курганы, но и уничтоженные ранее насыпи, а также межкурганное пространство. Поэтому именно такая методика работ в данном случае была наиболее эффективной. Курганы копались «на снос» с оставлением двух взаимопересекающихся в центре насыпи бровок, проходивших по линиям север – юг и запад – восток. При этом бровки продлевались настолько, чтобы перерезать и околоскурганные ровики. Ровики выбирались полностью, с обязательными разрезами. Без бровок исследовались только те единичные курганы, насыпи которых были полностью уничтожены и захоронения под которыми обнаруживались в процессе площадных вскрытий.

В результате трехлетних исследований удалось вскрыть площадь 3494 кв. м, на которой размещалось 26 курганов. С первых же шагов раскопки проводились в тесном контакте со специалистами в различных областях естественных наук – почвоведом д. г. н. А. А. Гольевой (ИГ РАН), геоморфологом д. г. н. Ю. М. Лаврушиным (ГИН РАН), палинологом к. г. н. Е. А. Спиридоновой (лаборатория

¹ Републикация этой статьи Б. А. Рыбакова, впервые вышедшей в сборнике МГУ тиражом всего 60 экз. и давно ставшей раритетом, помещена в настоящем издании (см. раздел «Архивные материалы и републикации»).

² Републикация статьи М. В. Городцова и отчета М. Г. Рабиновича также помещены в настоящем издании (см. раздел «Архивные материалы и републикации»).

естественнонаучных методов ИА РАН), что позволило получить качественно новую информацию о последовательности и особенностях возведения курганных насыпей (см. Приложения 1, 2). В камеральном изучении материалов раскопок кроме специалистов Института археологии РАН (к.и.н. Е.К. Столярова, исследовавшая находки из стекла) приняли также участие сотрудники иных научных организаций Москвы – в частности, Государственного исторического музея (к.и.н. Т.Г. Сарачева с исследованием предметов из цветных металлов). В отдельные авторские приложения вынесены специальные исследования, касающиеся некоторых категорий находок или объектов: антропологический материал рассмотрен к.и.н. Н.Н. Гончаровой (НИИ и Музей антропологии МГУ), образцы ткани – к.и.н. О.В. Орфинской (НИИ культурного и природного наследия), археоботанические остатки – к.и.н. Е.Ю. Лебедевой (ИА РАН) (см. Приложения 3, 4, 5); а также реконструкции женского костюма – Е.П. Зоц (ИА РАН) (см. Приложение 6).

Монография ставит целью полностью ввести в научный оборот памятник, исследовавшийся разными археологами с 1924 по 2006 г., изученный на значительной площади и притом комплексно, с привлечением различных естественнонаучных методов. Особая важность этого памятника обусловлена также тем, что МЯКИНИНСКИЕ КУРГАНЫ примыкали к крупному древнерусскому селищу (МЯКИНИНО 1), исследовавшемуся параллельно с ними, и в домонгольскую эпоху были его кладбищем. Таким образом, публикация курганного могильника является подготовительной частью к изданию всего МЯКИНИНСКОГО КОМПЛЕКСА ПЯМЯТНИКОВ, который включает в себя несколько разновременных поселений, исследованных раскопками на значительной для Северо-Восточной Руси площади – более 20 тыс. кв. м.

Изучение курганных могильников на Русской равнине является одним из важных направлений археологии эпохи Средневековья, однако, несмотря на многочисленные публикации раскопок отдельных курганных групп, эту тему нельзя считать хорошо разработанной. На начальном этапе изучения курганных древностей основное внимание уделялось систематизации вещевого материала из курганных захоронений. Наиболее яркие результаты получены в этих исследованиях А.А. Спицыным (1896; 1899; 1903; 1905 и др.). На протяжении XX в. большие успехи достигнуты в классификации отдельных категорий погребального инвентаря – ви-

сочных колец, гривен, фибул, браслетов, перстней, привесок (Арциховский, 1930; Левашова, 1967а, 1967б; Мальм, 1967; Недошивина, 1967; Рябинин, 1981; Седова, 1981; 1997; Успенская, 1967; Фехнер, 1967). В конце XX столетия появились публикации ряда эталонных (по исчерпывающей фиксации и полноте издания) курганных и грунтовых могильников домонгольской эпохи на северо-западе Руси и на Русском Севере (Макаров, 1997; Рябинин, 2001; Хвоцинская, 2004; Археология севернорусской деревни..., 2008). Однако до сих пор курганный обряд славянского и славянизированного населения Русской равнины изучен недостаточно полно и требует новых исследований, проводимых на современном научном уровне. В этом смысле публикация раскопок МЯКИНИНСКИХ КУРГАНОВ может представлять существенный интерес.

В печати уже появлялись предварительные публикации, посвященные МЯКИНИНСКОМУ КОМПЛЕКСУ и МЯКИНИНСКИМ КУРГАНАМ (Энговатова, Коваль, 2007; 2008; Энговатова, Сапрыкина, 2007; Захарова, 2008; 2009; 2010; Столярова, 2008), а также информация в сборниках «Археологические открытия» (Энговатова и др., 2005; 2007; Коваль и др., 2009).

Настоящая публикация МЯКИНИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА должна подвести итог работам, проводившимся на этом памятнике с 1924 г. Поэтому в книгу включены все прежние исследования, касающиеся раскопок этого интереснейшего памятника Подмосковья (статьи Б.А. Рыбакова и М.В. Городцова), а также текст отчета М.Г. Рабиновича и паспорт памятника, подготовленный Т.В. Равдиной. Введение подготовлено А.В. Энговатовой, главы 1, 6 и заключение – А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковалем; глава 2 – А.В. Энговатовой, В.Ю. Ковалем и Е.П. Зоц; глава 3 – Е.К. Столяровой; глава 4 – Т.Г. Сарачевой; глава 5 – В.Ю. Ковалем.

Авторы книги выражают свою глубокую благодарность всем участникам раскопок МЯКИНИНСКИХ КУРГАНОВ: студентам вузов Москвы, Иванову и иным городам России, специалистам Института археологии РАН, рабочим-добровольцам. За помощь в проведении раскопок памятника благодарим директора Института археологии РАН академика РАН Н.А. Макарова, а за содействие в подготовке иллюстраций находок из раскопок 1924 г. (хранящихся в ГИМ) – Н.Г. Недошивину и Ив.В. Волкова. Иллюстративный материал монографии подготовлен к печати сотрудниками Института археологии РАН Д.Ю. Бадеевым, Е.П. Зоц (Захаровой), М.А. Труновой, О.А. Блохиной.

Глава 1

Коваль В. Ю., Энговатова А. В.

МЯКИНИНСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ И ЕГО ОКРУГА. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЯКИНИНСКИХ КУРГАНОВ

Мякининский комплекс памятников археологии размещается на северо-западной границе современной Москвы, на территории Красногорского и Одинцовского р-нов Московской обл., неподалеку от д. Мякинино (между историческими селами Строгино и Спас-Тушино), в излучине правого берега Москвы-реки (рис. 1). Весь комплекс включает два средневековых селища (1-е и 2-е Мякининские селища), курганный могильник, (которому посвящена данная монография), четыре селища раннего железного века³, остатки позднесредневекового (XVI в.) полевого стана (Мякинино 5) и ныне существующую д. Мякинино (XVII–XXI вв.). Обнаружение памятников, входящих в комплекс, произошло по мере изучения его территории разными археологами. В 1923 г. открыт Мякининский курганный могильник. В 1991 г. А. В. Трусовым в ходе проведения разведок, связанных с проектированием трассы метро, открыты селища 1 и 2 у д. Мякинино (Трусов, 1991). Селище Мякинино 3 обнаружено Н. А. Кренке в 2000 г. при исследовании почвенных разрезов на правом берегу р. Москвы (Кренке, 2000. С. 68. Илл. 198–200). В том же 2000 г. Н. А. Кренке зафиксировал еще один памятник – селище Мякинино 4 (Там же. С. 66–68. Илл. 198, 223–230)⁴, находившийся в 150 м к СВ от селища Мякинино 1.

В 2001 г. А. В. Энговатова и В. В. Сидоров в ходе разведок в мякининской пойме открыли селище Мякинино 5 (Энговатова, 2001), а в 2002 г. Д. О. Осипов и Б. Е. Янишевский обнаружили на территории современной д. Мякинино селище 6

(Энговатова, Коваль, 2002). В 2004 г. на площадке селища Мякинино 1 А. В. Трусовым открыта и исследована стоянка эпохи мезолита (Трусов, 2005)⁵.

Мякининский курганный могильник размещался на границе территорий Красногорского и Одинцовского р-нов Московской обл. (АКР, 1994. С. 161), на правом берегу Москвы-реки (в 300 м от воды), на высоте 26–31 м от ее современного уровня⁶ или на отметках 152–157 м в балтийской системе высот (рис. 1, 2). Курганы располагались широкой (до 100 м) полосой на протяжении почти 300 м по краю платообразной равнины, имеющей небольшой уклон к С, в сторону высокой поймы р. Москвы, вдоль выраженной бровки, за которой следовал спуск в пойму. Многие курганы явно приурочены к этой бровке. Географические координаты могильника 55°48'59,59"N 37°23'02,20"E.

Селище Мякинино 1 (XII–XV вв.) и Мякининский курганный могильник (XII–XIII вв.) составляют два главных взаимосвязанных памятника комплекса (расстояние между ними не превышало 200 м), являющихся самыми ранними среди средневековых объектов данного микрорегиона, возникших в первой половине – середине XII в. Третий памятник домонгольской эпохи в комплексе – селище Мякинино 2 появилось, вероятно, в середине – второй половине XII в., однако значительных размеров достигло только в конце XII – первой половине XIII в., продолжая оставаться крупным населенным пунктом на протяжении XIV–XVI вв.

³ Это отдельно расположенные селища Мякинино 3 и 6, а также два памятника, размещавшиеся на территории двух названных выше средневековых селищ Мякинино 1 и 2.

⁴ Имеются сведения об открытии этого памятника С. З. Черновым в декабре 1999 г. (Чернов, 2005. С. 454), однако документальная фиксация селища выполнена в 2000 г. Н. А. Кренке.

⁵ Отдельного номера этот памятник не получил, поскольку размещался полностью на территории средневекового селища Мякинино 1.

⁶ Надо учитывать, что этот уровень несколько выше, нежели в древности, благодаря гидротехническим сооружениям канала Москва – Волга.

Рис. 1. Карта северо-западной окраины Москвы с размещением Мякининского комплекса памятников (А)

Местность, в которой размещается Мякининский комплекс памятников (а это участок долины Москвы-реки между устьями ее левых притоков рек Истра и Сходня), до сих пор исследована крайне слабо. Целенаправленные разведки проводились здесь sporadически в связи с различными строительными проектами (сооружение канала Москва – Волга в 1930-е гг., строительство московских микрорайонов Митино и Пенягино, а также проектирование ветки метро в Митине в 1990-е гг.). Поэтому археологическая изученность региона остается недостаточной. Даже Мякининская курганная группа стала известна археологам только в 1923 г. благодаря сообщению местного жителя (о ней не знали ни М. А. Саблин, ни А. И. Кельсиев, составившие первые сводки курганов Московской губернии).

Если рассматривать несколько более широкий регион, в радиусе 3–6 км, то оказывается, что на территории площадью около 60 кв. км сегодня известно 25 памятников археологии, относящихся к домонгольской эпохе, включая и Мякининский комплекс (рис. 2). При этом слабо обследованной остается территория исторических сел Тушино,

Строгино, Щукино, Митино, Пенягино, Павшино, Путилково, занятых современной городской застройкой. Единственный более или менее полно изученный микрорегион на левобережье р. Москвы – Митинско-Спас-Тушинский, где еще в XIX – начале XX в. были известны три курганных могильника (Спас-Тушинский⁷, Митинский и Пенягинский) (Саблин, 1879. С. 185; Кельсиев, 1885. С. 34; Бадер, 1947. С. 116), а разведками 1990-х гг., проводившимися Московской археологической экспедицией Института археологии РАН (Кренке, 1992) и Центром археологических исследований Москвы (под руководством А. Г. Векслера), открыты восемь селищ (1–4-е Митинские, 1–4-е Спас-Тушинские)⁸. К сожалению, все эти памятники исследованы недостаточно полно. Из 89 насыпей, существовавших некогда в Спас-Тушинских курганах, раскопано чуть более 30 (Археологические известия..., 1895. С. 223), из них в XX в. только 13 (работы проводились Г. П. Смирновой, А. Г. Векслером и Н. Г. Недошивиной в 1951–1961 гг.), причем материалы этих раскопок не опубликованы. На селищах велись лишь сбор подъемного материала и шурфовка. Небольшой раскоп был заложен А. В. Трусовым на селище Митино 2, однако этот памятник практически полностью уничтожен в ходе строительства микрорайона Митино. На Спас-Тушинских городищах 1 и 2 проводились разведочные работы, они многократно посещались краеведами и археологами (Мачульский, 1968; Крис, 1970; Балинский, 1977; Кренке, 1992), на них проводились крайне ограниченные раскопки и зачистки обнажений (Косинский, 1958; 1959; Розенфельдт, 1960; Юшко, 1972), а сегодня их существованию угрожают планы коммерческого строительства.

Остальные пункты в пределах очерченного региона исследованы еще более фрагментарно. О некоторых из них вообще нет никаких современных сведений (курган в Павшине, поселения и курганные могильники в Тушине, Алешкине, Серебряном Бору и др.). Пенягинские курганы, вероятно, уничтожены современным кладбищем. Возможно, такая же судьба постигла и другие памятники в черте Москвы. Совершенно очевидно, что многие сельские поселения в регионе до сих пор не открыты, а другие уже частично уничтожены современным строительством (Митинские и Пенягинские селища).

⁷ Рядом с селом Спас-Тушино зафиксировано три курганные группы (1, 2, 3 Спас-Тушинские), которые, вероятно, в действительности являются частями одного большого курганного кладбища, где курганные насыпи концентрировались в несколько подгрупп (подобно Мякининским курганам).

⁸ 3-е Спас-Тушинское селище вплотную примыкает к «селищу при Втором Спас-Тушинском городище», и, вероятно, оба составляют две части одного памятника, открытые в разное время.

Несмотря на недостаточную исследованность региона, даже те скудные данные, которые имеются сегодня о памятниках эпохи русского Средневековья, позволяют сделать вывод о довольно плотной заселенности всей долины р. Москвы и ее притоков: от крупных (р. Сходня, р. Химка) до мелких (р. Банька в Павшине) и совсем крошечных, длиной до 2 км (ручей Барышиха, в долине которого размещаются все Митинские и часть Спас-Тушинских селищ). Всего в очерченном регионе площадью 60 кв. км было не менее семи комплексов памятников археологии: Мякининский, Митинско-Спас-Тушинский, Тушинский, Алешкинский, Троицкий, Шукинский, Серебрянопрудский. К сожалению, имеющиеся в распоряжении науки данные крайне неполны, поскольку раскопки проводились лишь на отдельных памятниках из числа известных: не определены площади многих селищ, не установлены даты их функционирования.

Рассматриваемый регион размещается в центре племенной территории москворецких вятичей. В свое время изучение курганных древностей позволило М. Г. Рабиновичу провести примерную границу между ареалами кривичей и вятичей в Северо-Западном Подмосковье (рис. 3). Согласно этой схеме Мякининский комплекс расположен в глубинных территориях зоны вятичского расселения. В соседних с Мякинином Митинских курганах вятичские наборы присутствовали в большинстве погребений. В связи с этим требует объяснения единичность таких украшений в Мякининском курганном могильнике. С этой проблемой связан также вопрос о размещении и времени появления Войницкого мыта, известного по письменным источникам XV–XVI вв. и, несомненно, составлявшего региональный центр притяжения, учитывая отдаленное расположение городских центров – Москвы и Звенигорода. По мнению С. З. Чернова, Войницкий мыт мог размещаться на территории 1-го Спас-Тушинского городища (Чернов, 1994; 2005. С. 446, 447), однако анализ письменных и археологических источников не позволяет принять эту гипотезу. Зато имеются аргументы в пользу того, что Войницкий мыт XV–XVI вв. располагался на площадке селища Мякинино 2 (Коваль, 2014).

Средневековые памятники составляют более половины объектов археологического наследия в рассматриваемом регионе. Остальные памятники относятся к эпохам камня (от верхнего палеолита до неолита), бронзы и раннего железа. Их рассмотрение не входит в задачу настоящей публикации, однако нельзя не отметить того, что многие из них оказались впоследствии на территории средневе-

ковых поселений. Речь идет о мезолитической стоянке и селище дьяковской культуры на площади Мякинина 1, дьяковском селище на месте Мякинина 2 (рис. 2).

Топографически Мякининский комплекс памятников домонгольской эпохи занимает довольно ограниченную территорию внутри излучины р. Москвы, включающую обширную пойму и высокий коренной берег, простирающийся далее к Ю. Площадь этой территории вряд ли превышала 4 кв. км, причем земли, пригодные для пашни, составляли, видимо, небольшую ее часть. Хотя объем ресурсов этой территории оказался достаточным для жизнеобеспечения двух размещавшихся здесь сельских поселений, по сравнению с соседними микрорегионами эти ресурсы, видимо, были невелики. Уже один этот факт заставляет предполагать, что земледелие не было единственной основой такого жизнеобеспечения.

Письменные и картографические источники об округе Мякининского комплекса памятников

Письменных источников эпохи Средневековья, упоминающих мякининский микрорегион, не сохранилось, но имеются некоторые крайне скудные данные о его ближайшей округе, где наиболее ярким памятником, безусловно, является монастырь Спаса на Выходе, сведения о котором собраны А. Л. Баталовым (1995) и С. З. Черновым (2005. С. 447–451). Церковь Спаса (вероятно, находившаяся уже в составе монастыря) впервые упоминается в 1390 г., когда в ней был погребен боярин Дмитрия Донского, герой Куликовской битвы Иван Родионович Квашня, от которого, собственно, и произошла фамилия Квашниных (Карамзин, 2010. С. 315. Прим. 254; Забелин, 1905. С. 16). В XVI в. в Спасо-Преображенском монастыре, основанном и поддерживаемом боярским родом Квашниных (позже – Тушиных, главной ветви этого рода), возникает архитектурный ансамбль из двух каменных храмов, не дошедших до наших дней, фундаменты которых археологически зафиксированы в обрыве левого берега р. Москвы. В актовом материале второй половины XV – начала XVI в. вблизи устья р. Выходни (совр. Сходни) упоминается Войницкий мыт, принадлежавший удельному князю с центром в Волоке Ламском (СГГД, 1813. С. 63, 419; ДДГ, 1950. С. 226, 250, 269, 408; Забелин, 1905. С. 16; Чернов, 2005. С. 446, 447).

В период правления Ивана IV Грозного (1547–1584 гг.) местность, на которой расположен Мякининский археологический комплекс, вместе

Рис. 2. Памятники археологии Мякининского комплекса и его ближайшей округи (на карте 1930-х гг.)

А – курганные могильники (XII–XIII вв.); Б – селища древнерусской эпохи (XII–XIV вв.); В – селища позднесредневекового периода (XV–XVII вв.); Г – средневековые поселения на месте городищ РЖВ; Д – средневековые селища на месте поселений РЖВ и стоянок эпохи камня; Е – стоянки эпох камня и бронзы; Ж – городища РЖВ; З – селища РЖВ; И – граница современной Москвы

Памятники русского средневековья (домонгольской эпохи):

1 – Мякинино, курганный могильник (XII–XIII вв.); 2 – Мякинино 1, селище (XII–XV вв.), стоянка эпохи мезолита; 3 – Мякинино 2, селище (XII–XVI вв.); 4 – Павшино, курган; 5 – Спас-Тушино 1, городище (РЖВ, до-

с окрестными д. Мякинино, Острогино, Щукино, Хорошево и др. входила в состав земель дворцового ведомства. Видимо, поэтому в писцовых книгах времени Ивана Грозного нет упоминания ни о д. Мякинино, ни о других окрестных селениях, т. к. в них не содержалось сведений о дворцовых землях. Известно также, что окрестные территории с селами Павшино, Хорошево и другие были местами заповедной царской охоты, разведения и содержания коней для царского войска.

Скорее всего, местность пришла в запустение из-за демографических потрясений в эпоху правления Ивана Грозного и некоторых природных изменений (нарастание паводков). К XVII в. заселенной осталась лишь южная граница Мякининского археологического комплекса, где появилась д. Мякинино, существующая донныне.

Поэтому, несмотря на близость расположения Тушинского лагеря (1608–1610 гг.) в Смутное время, в письменных свидетельствах этого периода нет сведений о населенных пунктах на правом берегу р. Москвы, хотя собственно тушинский лагерь, с. Хорошево, другие территории на левобережье р. Москвы, а также р. Ходынка упоминаются неоднократно: в «Истории Московской войны» Николая Мархоцкого, дневнике Осипа Будило (Иностранцы о древней Москве..., 1991. С. 241, 248) и других источниках.

В 1613 г., после избрания на престол Михаила Федоровича Романова, среди многочисленных владений, пожалованных его властной и энергичной матери Марфе Ивановне, оказались также и двор-

цовые села на Москве-реке: Хорошево, Крылатское, Щукино и Павшино. Границы этих владений упоминаются в межевой грамоте на соседние земли боярина Б. М. Лыкова. Возможно, что ей были пожалованы также д. Мякинино и Острогино. После смерти матери-царицы в 1631 г. все эти владения, возвращенные в дворцовое ведомство, объединяются в Хорошевскую конюшенную волость, где должны были готовить лошадей для царского конного войска. Село Хорошево было центром этой волости, которая начиналась от речки Ходынки и доходила до с. Рублево, включая в свой состав с. Крылатское, Ромашково, Павшино и окрестные деревни.

В 1692–1693 гг. д. Мякинино и Острогино пожалованы в вотчину дяде Петра I – боярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, которому уже принадлежали с. Троицкое-Лыково с д. Черевково, Луки и Рублево, т. е. вся местность на левом берегу р. Москвы, в ее излучине.

После М. К. Нарышкина по именному указу Петра I в январе 1698 г. с. Троицкое-Лыково с окрестными деревнями отдано во владение боярину Льву Кирилловичу Нарышкину с его матерью – вдовой боярыней Анной Леонтьевной (матерью царицы Натальи Кирилловны и бабкой Петра I). В 1732 г., когда его сыновья разделили свое имение, Троицкое-Лыково с деревнями досталось капитану Ивану Львовичу Нарышкину, а в дальнейшем его дочери Наталье Ивановне.

Территория Мякининского археологического комплекса оставалась незастроенной, с фактически неповрежденным культурным слоем, вплоть

монгольская эпоха), монастырь Спаса на Восток (XIV–XX вв.); 6 – Спас-Тушино 1, курганный могильник (XII–XIII вв.); 7 – Спас-Тушино 2, курганный могильник (XII–XIII вв.); 8 – Спас-Тушино 3, курганный могильник (XII–XIII вв.); 9 – Спас-Тушино 2, селище (XII–XIII вв.); 10 – Спас-Тушино 4, селище (XII–XIII вв.); 11 – Митино 1, селище (XII–XIII вв.); 12 – Митино 1 («Великая могила»), курганный могильник (XII–XIII вв.); 13 – Пенягино, курганный могильник (XII–XIII вв.); 14 – Тушино 1, курганный могильник (XII–XIII вв.); 15 – Тушино 2, курганный могильник (XII–XIII вв.); 16 – Алёшкино 1, селище (XII–XIII вв.); 17 – Алёшкино 1, курганный могильник (XII–XIII вв.); 18 – Алёшкино 2, курганный могильник (XII–XIII вв.); 19 – Никольское-Химки, курганный могильник (XII–XIII вв.); 20 – Серебряный Бор 1, курганный могильник (XII–XIII вв.); 21 – Троице-Лыково 2, селище (XII–XIII вв.); 22 – Спас-Тушино 3, селище (XII–XIII вв.); 23 – Митино 2, селище (XII–XIII вв.); 24 – Митино 3, селище (XII–XIII вв.); 25 – Митино 4, селище (XII–XIII вв.); 26 – Пенягино, селище (XII–XVI вв., не сохранилось);

Памятники иных эпох:

27 – Мякинино 5, селище (XVI в.); 28 – Круглица, селище (XV–XVI вв.); 29 – Щукино, селище (XV–XVI вв.); 30 – Троице-Лыково, селище (XV–XVI вв.); 31 – Тушинский лагерь (начало XVII в.); 32 – Спас-Тушино, грунтовый могильник (эпоха бронзы); 33 – Спас-Тушино 2, городище (РЖВ); 34 – Мякинино 3, селище (РЖВ); 35 – Мякинино 6, селище (РЖВ); 36 – Пенягино, городище (РЖВ); 37 – Тушино, городище (РЖВ); селище (XII–XIII вв.); 38 – Никольское, селище (РЖВ); 39 – Химки, селище (РЖВ); 40 – Троице-Лыково, селище (РЖВ); 41 – Барышиха, селище (РЖВ); 42 – Сходненское местонахождение (верхний палеолит); 43 – Алёшкино, стоянка (верхний палеолит, неолит); 44 – Троице-Лыково, стоянка (неолит или эпоха бронзы); 45 – Щукино, стоянка (неолит); 46 – Луки, стоянка у старицы «Кружок» (неолит, эпоха бронзы)

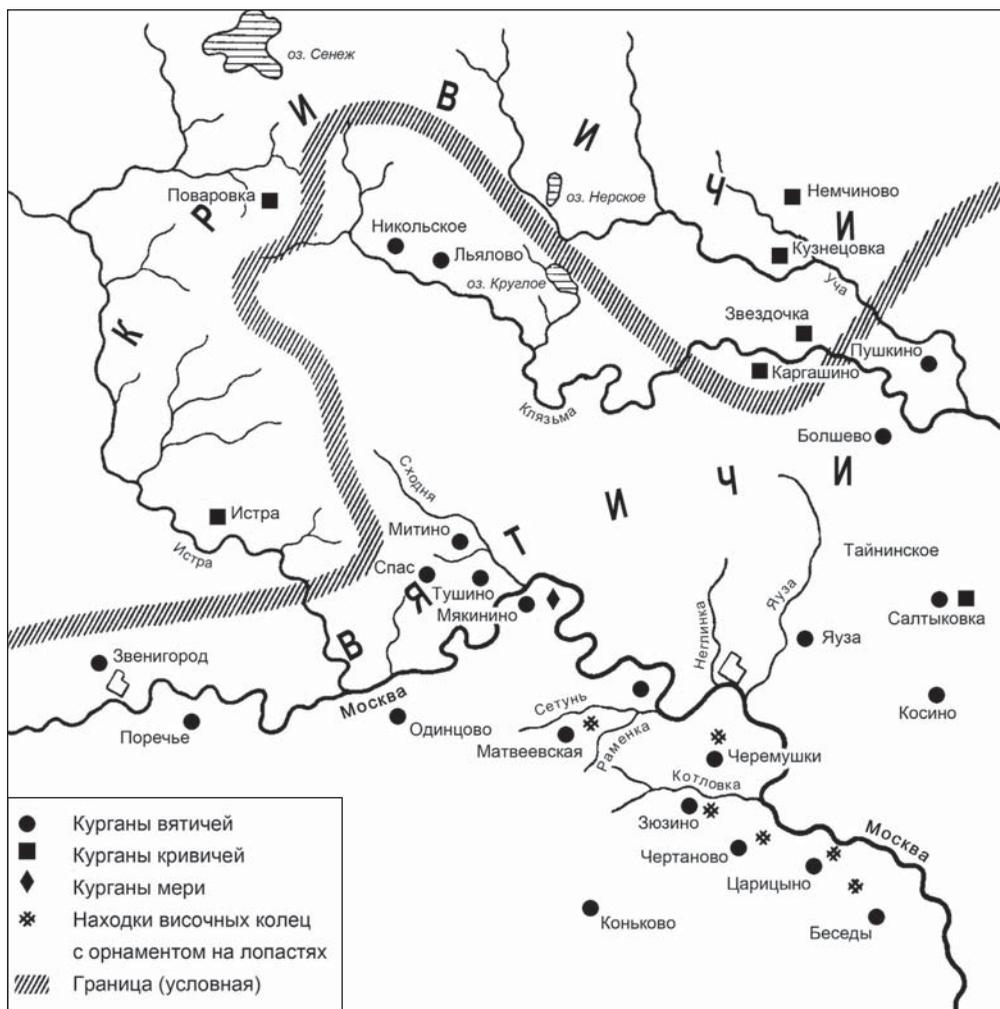

Рис. 3. Племенные территории вятичей и кривичей в Подмоскowie (по: Рабинович, 1964. Рис. 26)

до конца XX в. Об этом свидетельствуют карты 1763, 1848, 1852 и 1927 гг. На Геометрическом специальном плане Генерального межевания Московского уезда 1763 г. (рис. 4) д. Мякинино включена в земли с. Троицкое, принадлежавшие президенту Академии наук графу К. Г. Разумовскому (2320 десятин). На этой карте четко выделяется пойма р. Москвы на севере Мякининского археологического комплекса, а на юге этой территории, между д. Мякинино и Строгино, показаны распаханное поля. На пространстве именно этих полей и размещалась исследуемая курганная группа.

В 1834 г. владельцем Троицкого-Лыкова и соседних деревень Строгино, Мякинино, Рублево стал полковник Николай Александрович Бутурлин. На топографической карте окрестностей Москвы, снятой под руководством генерал-лейтенанта Шуберта в 1848 г. (рис. 5), фиксируется пойма р. Москвы со старицей на севере, небольшие леса в центре Мякининского археологического ком-

плекса, сеть дорог, связывающих д. Мякинино, Строгино, Троицкое, Луки, Рублево и лесистые участки (на месте полей XVIII века) на юге. Очевидно, что уже в это время Мякининские курганы заросли лесом или кустарником, и повреждение их распашкой прекратилось. На топографической карте 1852 г. (рис. 6) ситуация остается прежней.

Топографическая карта 1927 г. (рис. 7) фиксирует на севере Мякининского археологического комплекса пойменные луга, через всю территорию комплекса проходит дорога, связывающая д. Мякинино с с. Спасское, а в центре и на юге этой территории находились леса и проходили дороги, связывающие д. Мякинино и Строгино.

К моменту проведения раскопок на всей излучине шло массивное строительство, ежегодно изменявшее древний рельеф и ландшафт (рис. 8). В 2014 г. всю территорию памятников занимали здания торгово-выставочного комплекса «Крокус Сити», администрации Московской области и другие

многоэтажные постройки. Здесь же размещается линия метро со станцией «Мякинино», целая сеть дорог, а на ряде еще не застроенных участков рельеф полностью изменен срезками и насыпями. На площади курганного могильника также возникло несколько строений, проложены асфальтированные дороги.

История изучения Мякининского курганного могильника

Курганная группа у д. Мякинино известна с 1923 г. после сообщения о ней, поступившего от местного жителя Б. В. Прохорова и вызванного кладоискательской деятельностью крестьян, разрывавших насыпи в поисках сокровищ. Территория могильника тогда была частично занята кустарником, а частично распахивалась. В 1924 г. 10 курганов были раскопаны В. А. Городцовым, а в 1927 г. – еще 5 курганов М. В. Городцовым. Таким образом, всего здесь исследовано 15 курганов, причем, по мнению раскопщиков, это были последние оставшиеся неповрежденными насыпи, остальные курганы были либо разрыты кладоискателями, либо распаханы⁹ (Городцов, 1928; см. републикацию этой статьи в разделе «Архивные материалы и републикации»). Раскопки велись по уже устаревшей к тому времени методике – «колодцами» размерами 2,85×2,85 или 3×3 м. Один курган был раскопан М. В. Городцовым «на снос». В 15 курганах обнаружено 16 погребений (в одном кургане размещались два погребения), в одном из которых найден серебряный поясной набор, состоявший из подтреугольных бляшек-накладок¹⁰. В 8 женских погребениях встречен характерный инвентарь: височные кольца, сердоликовые, стеклянные бусы, бусы из горного хрусталя, бронзовые нагрудные и поясные привески, браслеты, перстни. Все погребения размещались в подкурганых ямах. По находкам пятибусинных и трехбусинных височных колец, объемной шумящей привески, целого стеклянного крученого браслета и погребениям в подкурганых ямах некрополь датирован началом XIII в. (Городцов, 1928. С. 557). Того же мнения придерживался и Б. А. Рыбаков при публикации результатов раскопок 1927 г. (Рыбаков, 1928; см. републикацию этой статьи в разделе «Архивные материалы и републикации»).

Рис. 4. «План Москве с ситуациею около онаго на тридцать верст (сочинял генерал квартирмейстер лейтенант Петр Иванов)» 1763 г.

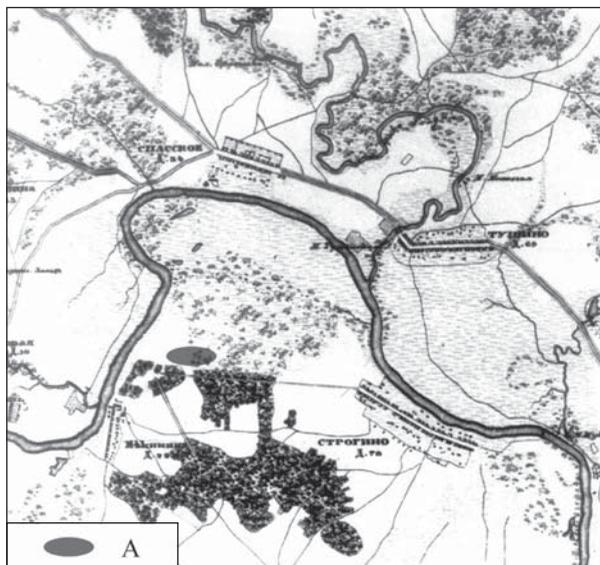

Рис. 5. Топографическая карта окрестностей Москвы 1848 г. (снята под руководством генерал-лейтенанта Шуберта и гравирована в Военно-топографическом бюро)

⁹ Как будет видно из дальнейшего изложения, это мнение В. А. и М. В. Городцовых оказалось неверным.

¹⁰ Интересно отметить, что одна накладка, отсутствовавшая в этом поясе и замененная в древности на другую (из иного набора), обнаружена в 2005 г. при раскопках на селище Мякинино 1. Она была единственной среди четырех накладок из белого металла, найденных на селище за все годы раскопок, полностью идентичной накладкам пояса из кургана. Следовательно, ее утеря произошла именно здесь, на поселении, где, вероятно, проживал и владелец пояса.

Рис. 6. Топографическая карта 1852 г.

Когда в 1948 г. раскопки могильника продолжил М. Г. Рабинович, окружающий ландшафт существенно изменился: часть курганов поросла молодым лесом, рядом с ними были построены дачи (рис. 6). Все это привело М. Г. Рабиновича к мысли о том, что он обнаружил еще одну курганную группу, это и было записано в его отчете. Однако, вероятно, вскоре он понял свою ошибку,

и в том же отчете появилась рукописная приписка: «... впоследствии оказалось, что это та же самая группа», которую раскапывали Городцовы. В своей книге «О древней Москве» М. Г. Рабинович уже прямо писал, что раскапывал тот же могильник, что и Городцовы (Рабинович, 1964. С. 75, 76), однако версия о двух Мякининских курганных группах, зафиксированная в отчете, продолжала жить

и попала даже в авторитетный каталог памятников домонгольской эпохи, составленный Н. А. Кренке (2004. С. 323)¹¹. Без всяких сомнений, это была та же самая курганная группа, которая 20-ю годами ранее исследовалась Городцовыми. Судя по плану, снятому М. Г. Рабиновичем (рис. 9), он раскопал насыпи, размещавшиеся к ССЗ от северо-западной подгруппы могильника. Раскопки велись М. Г. Рабиновичем по более совершенной методике – «на снос». В четырех раскопанных курганах тогда были обнаружены два мужских и два женских погребения. Важно отметить, что три погребения размещались в подкурганных ямах, но одно, мужское, – на горизонте. Это единственное погребение, совершенное по такому обряду среди исследованных на могильнике за все годы раскопок.

В 1950–1990-е гг. большая часть Мякининской курганной группы оказалась включена в границы пионерского лагеря фабрики Гознака. По периметру владений пионерлагеря построили прочный забор из вкопанных железных столбов и натянутой между ними стальной сетки. На территории пионерлагеря соорудили два капитальных кирпичных одноэтажных здания и целый ряд деревянных. На ряде курганов возвели туалеты с выгребными ямами (например, на кургане 10). Многие курганы были повреждены или уничтожены хозяйственной деятельностью.

К середине 1990-х гг. пионерский лагерь прекратил свое существование, и территория оказалась бесхозной. В 1994–1998 гг. Центром археологических исследований г. Москвы под руководством А. Г. Векслера проводились археологические исследования на селищах Мякинино 1 и Мякинино 2. При этом территория курганного могильника также обследовалась, однако никаких работ там не проводилось. В апреле 1996 г. Н. А. Кренке совместно с Т. А. Пушкиной и группой студентов МГУ обследовал Мякининскую курганную группу и снял глазомерный план западной части могильника, где

Рис. 7. Топографическая карта 1927 г.

были зафиксированы 24 кургана и 3 курганообразные насыпи¹² (рис. 10). В отчете об этих исследованиях была высказана мысль о том, что на плане М. Г. Рабиновича показаны курганы западной части могильника (те самые, съемку которых проводил Н. А. Кренке), причем было даже проведено сопоставление нумерации курганов по съемкам Рабиновича и Кренке (Кренке, 2000. С. 65, 66). Однако М. Г. Рабинович копал курганы «на снос», поэтому они не могли сохраниться до 1996 г. в виде морфологически выраженных насыпей. В той подгруппе, которую исследовал М. Г. Рабинович (рис. 9), им было раскопано четыре кургана, еще два были наполовину срыты при установке ограды дома отдыха ВЦСПС¹³, а еще один, последний, был ранее раскопан колодцем

¹¹ Не исключено, что вторая группа все-таки существовала, но располагалась она ближе к д. Мякинино. О пяти курганообразных насыпях близ крутого спуска к р. Москве в лесу на северной окраине д. Мякинино упоминает М. В. Городцов (1928. С. 543), считавший, что они принадлежали старой барской усадьбе. Однако данных о размещении здесь старых усадеб нет. Ныне это место находится на территории охраняемых частных дач (воспреемников дач ВЦСПС 1940–1980-х гг.). Попытка провести обследование этой территории оказалась безрезультатной: дачи имели обширные заросшие лесом участки, попасть внутрь которых было невозможно (владельцы либо отсутствовали, либо не пускали археологов на них).

¹² Практически все эти насыпи раскопаны в 2004–2006 гг. Исключение составляли: курган 2 (по нумерации Н. А. Кренке), полностью разрушенный к началу наших работ; курганообразная насыпь к востоку от кургана 3 (№ 8 по нашей нумерации), под которой следов кургана не обнаружилось; две курганообразные насыпи – к ЮЗ от кургана 21 (17) и к В от кургана 23 (21), участки с которыми были заняты в ходе раскопок под строительные нужды.

¹³ Следов этой ограды не сохранилось, однако не исключено, что ее маркирует старая канава, проходящая с Ю на С вдоль западной границы северо-западной подгруппы.

Рис. 8. Мякининский комплекс памятников (селище 1, селище 2 и курганы) в ходе раскопок (2005 г.). Космоснимок

и, вероятно, почти сливался с местностью. Таким образом, после раскопок М. Г. Рабиновича вся та подгруппа, на которой он проводил работы, уже не могла восприниматься в виде выраженных в рельефе курганов. Получается, что М. Г. Рабинович частично исследовал еще одну, не сохранившуюся до наших дней подгруппу Мякининского курганного могильника, размещавшуюся к ССЗ от северо-западного края существовавших в 1996–2004 гг. курганов. В 1994–1998 гг. на месте этой подгруппы располагалось распаханное поле, а в 2002–2006 гг. – склады ЗАО «Крокус». По-прежнему неясно, почему М. Г. Рабинович, зафиксировав северо-западный край основного скопления курганов могильника, не увидел остальные курганы. Возможно, это объяснялось тем, что раскопки проводились летом, когда в густых зарослях кустарника курганы можно было попросту не заметить. Курганы, которые были на виду, М. Г. Рабинович зафиксировал довольно точно, а те, которые стояли на опушке молодого леса (самые южные на его плане), – приблизительно; те же, которые находились в глубине зарослей, вообще не попали на план. Надо иметь в виду, что раскопщик не ставил задачу снять план всего могильника, а ограничился вскрытием нескольких насыпей для проведения студенческой практики.

В 1999 г. на площади, непосредственно примыкающей к курганной группе с севера, развернулось масштабное строительство торгово-выставочного комплекса «Крокус Сити», продолжавшееся до 2008 г. В ходе этого строительства проведена подрезка склона, на краю которого размещалась курганная группа, а на самой ее территории развернут городок строителей, что нанесло непоправимый урон сохранности курганов. Несмотря на усилия, предпринимаемые Управлением охраны памятников истории и культуры правительства Московской области, и постоянные обращения Института археологии РАН к землевладельцу и правительству Московской области, разрушение курганов продолжалось в ходе различных строительных работ (прокладка коммуникаций, перестройка рабочих общежитий, благоустройство территории и т. п.).

В 2001 г. территория памятника обследована В. В. Сидоровым в рамках разведочных работ Подмосквовской археологической экспедицией ИА РАН (Энговатова, 2001), в ходе которых установлено, что территория могильника была гораздо больше, нежели считалось ранее. На обширном пространстве зафиксировано более 100 всхолмлений (рис. 11), часть из них представляла собой остатки курганов (на них сохранились кладоискательские

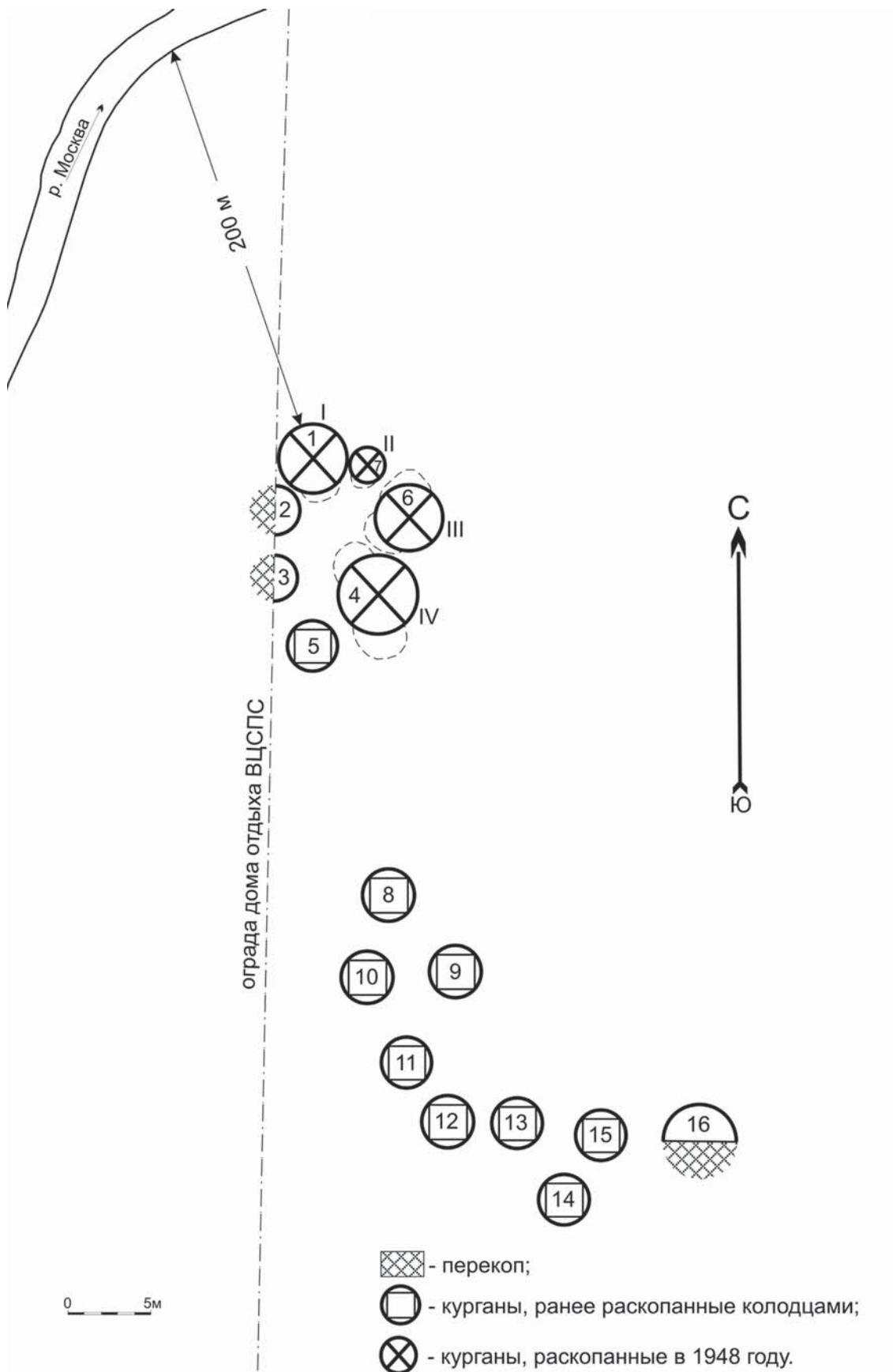

Рис. 9. Курганы у деревни Мякинино, зафиксированные М. Г. Рабиновичем в 1948 г.
План-схема из отчета

ямы), тогда как другие могли быть следами современной деятельности. Прежде всего, это касается восточной окраины могильника, непосредственно примыкавшей к трассе Московской кольцевой автодороги (МКАД). Наблюдения за земляными работами, проводившимися в этом месте, подтвердили такие подозрения: некоторые всхолмления оказались кучами строительного мусора или техногенными насыпями без следов погребений под ними. К сожалению, все насыпи в центральной и восточной частях группы уничтожены в ходе функционирования бытового городка строителей в 2002–2007 гг.

На подготовленный в 2002 г. план могильника из-за технического сбоя не попала вся северо-западная подгруппа курганов (6 насыпей которой прекрасно наблюдались на местности), а из 12 выраженных в рельефе курганов юго-западной подгруппы на план попали только 8. Не были зафиксированы также те два или три маловыразительных всхолмления, размещавшиеся в рощице к западу от северо-западной подгруппы и предположительно относившиеся к западной подгруппе могильника, которые бесследно исчезли в ходе строительства здания администрации Московской области.

Новый этап археологического изучения Мякининского курганного могильника наступил в 2004–2006 гг., когда Подмосковная экспедиция Отдела охранных раскопок Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой (начальник экспедиции) и В. Ю. Ковалева развернула здесь масштабные исследования. В этих работах участвовали сотрудники Института археологии РАН, руководившие работами на отдельных курганах: К. И. Панченко (2004), к. и. н. А. М. Смирнов (2004–2005), Е. П. Захарова (Зоц) (2005–2006), Д. Ю. Бадеев (2005–2006), А. В. Алексеев (2005–2006), С. И. Вальчак (2005). За три года раскопок почти полностью изучена вся западная (сохранившая остатки выраженных в рельефе насыпей) часть могильника (рис. 12).

В 2004 г. пятью раскопами (с нумерацией I–V) исследованы шесть курганов, получивших номера 1–5 и 11 (последний пронумерован в 2005 г., поскольку в ходе исследований не сразу стало понятно, что два обнаруженных погребения без остатков курганной насыпи над ними принадлежали кургану XIV, раскопанному в 1927 г. М. В. Городцовым).

Первоначальное количество курганов в Мякининском могильнике неизвестно: в 1924 г. В. А. Городцов насчитал их «около 30» – при том что уже тогда многие насыпи были сильно распаханы и почти не выделялись на местности. В 1948 г. М. Г. Рабинович увидел в могильнике

всего 16 курганов, 10 из которых были раскопаны ранее колодцем. К сожалению, ни В. А. и М. В. Городцовы, ни М. Г. Рабинович не сняли план всего памятника. Правда, М. Г. Рабинович дал в своем отчете схему размещения тех 16 курганов, которые он зафиксировал (рис. 9), однако в их число попала лишь небольшая часть насыпей, вероятно, тех, которые выходили за пределы зарослей кустарника, скрывших основное скопление курганов (см. выше).

При обследованиях Н. А. Кренке с Т. А. Пушкиной (1996 г.) и А. В. Энговатовой с В. В. Сидоровым (2001 г.) сделаны глазомерные съемки памятника (рис. 10, 11), причем в 2001 г. эта съемка была размещена на топооснове. Главным результатом этих подготовительных работ стало выявление в составе курганной группы нескольких скоплений (подгрупп) курганных насыпей, отделенных друг от друга пространствами, на которых насыпи не фиксировались. Всего выявлено шесть таких подгрупп: восточная, центральная, южная, северо-западная, юго-западная и западная. К ним добавляется еще седьмая подгруппа, раскопанная М. Г. Рабиновичем в 1948 г. Количество курганов в этих подгруппах варьировалось (в связи с разной степенью их сохранности) от 3 до 23 (рис. 12).

Впервые топосъемка могильника была проведена в 2004 г., перед началом раскопок, однако ею удалось охватить только западную часть курганной группы (северо-западную и юго-западную подгруппы), сохранившуюся наилучшим образом (рис. 13). Центральная и восточная части могильника, находившиеся под застройкой, на огороженной территории, оставались недоступными для исследований. При проведении топосъемки удалось зафиксировать 25 всхолмлений, предварительно интерпретированных в качестве остатков курганных насыпей. Кроме того, в результате применения методики проведения раскопок широкой площадью (включавшей межкуранные и околокуранные пространства), кроме тех курганов, насыпи которых были выражены в рельефе, удалось обнаружить остатки еще трех полностью сnivelированных, от которых сохранились погребения и части ровиков, а иногда и остатки насыпей. Этим практически полностью уничтоженным курганам также присваивались номера по сплошной нумерации, принятой в начале работ. Таким образом, всего зафиксировано 28 курганов (из них курган 24 размещался далеко к востоку от остальных, он относился к южной подгруппе).

К сожалению, две курганные насыпи (курганы 21 и 24) исследовать не удалось по целому ряду не зависящих от археологов причин: они были

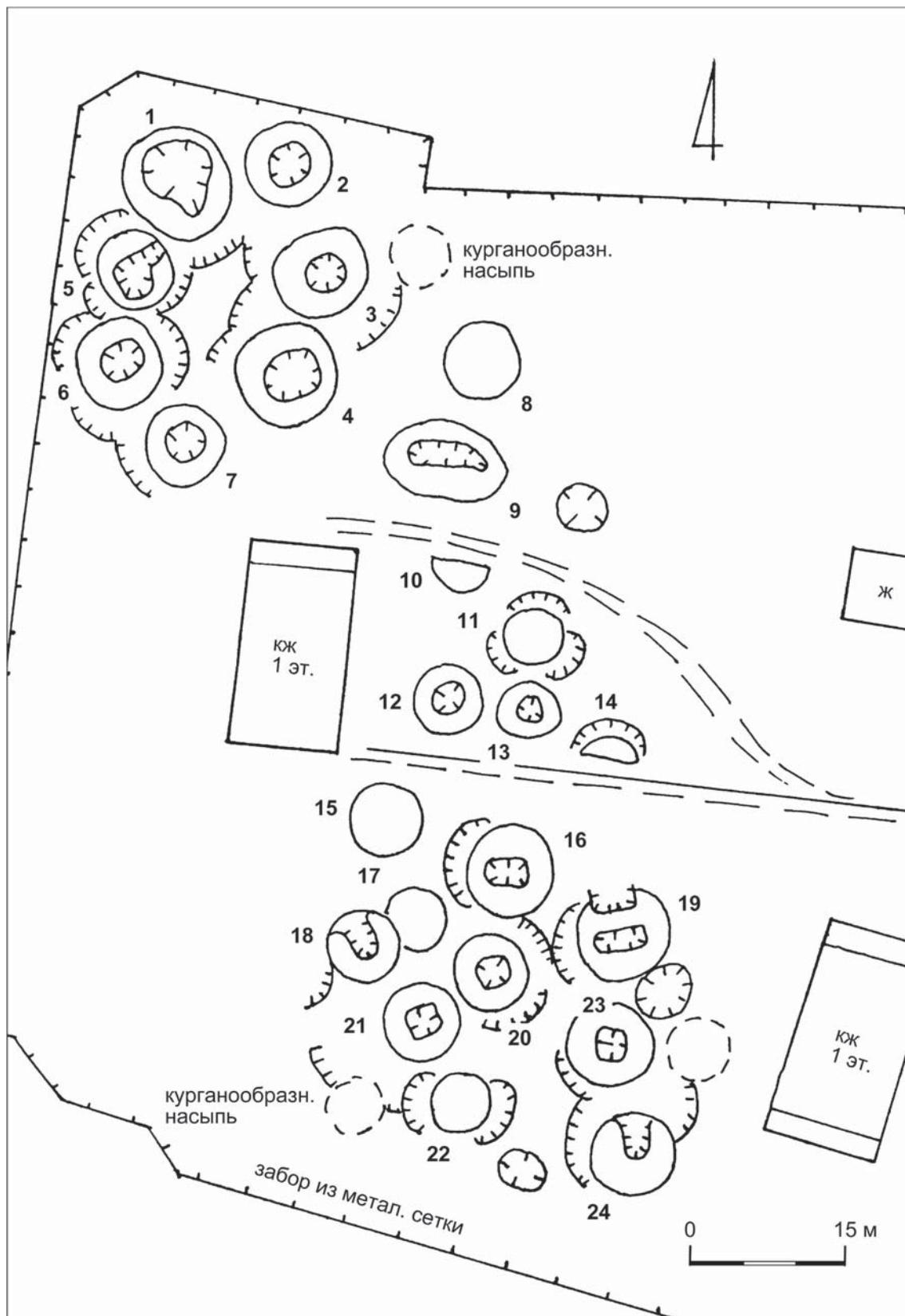

Рис. 10. План Мякининских курганов, снятый Н. А. Кренке в 1996 г.

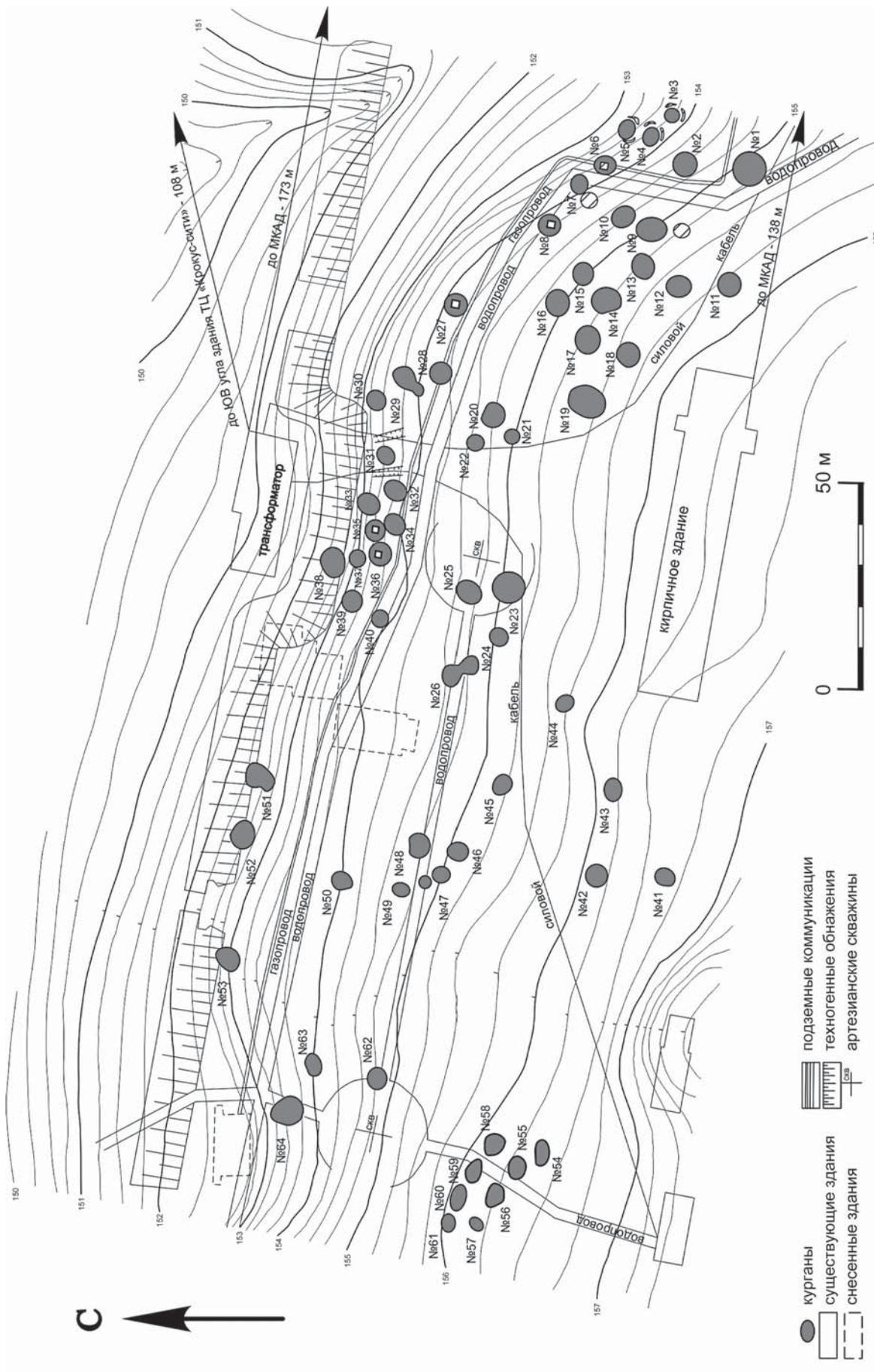

Рис. 11. Топографический план Мякинского курганного могильника 2001 года

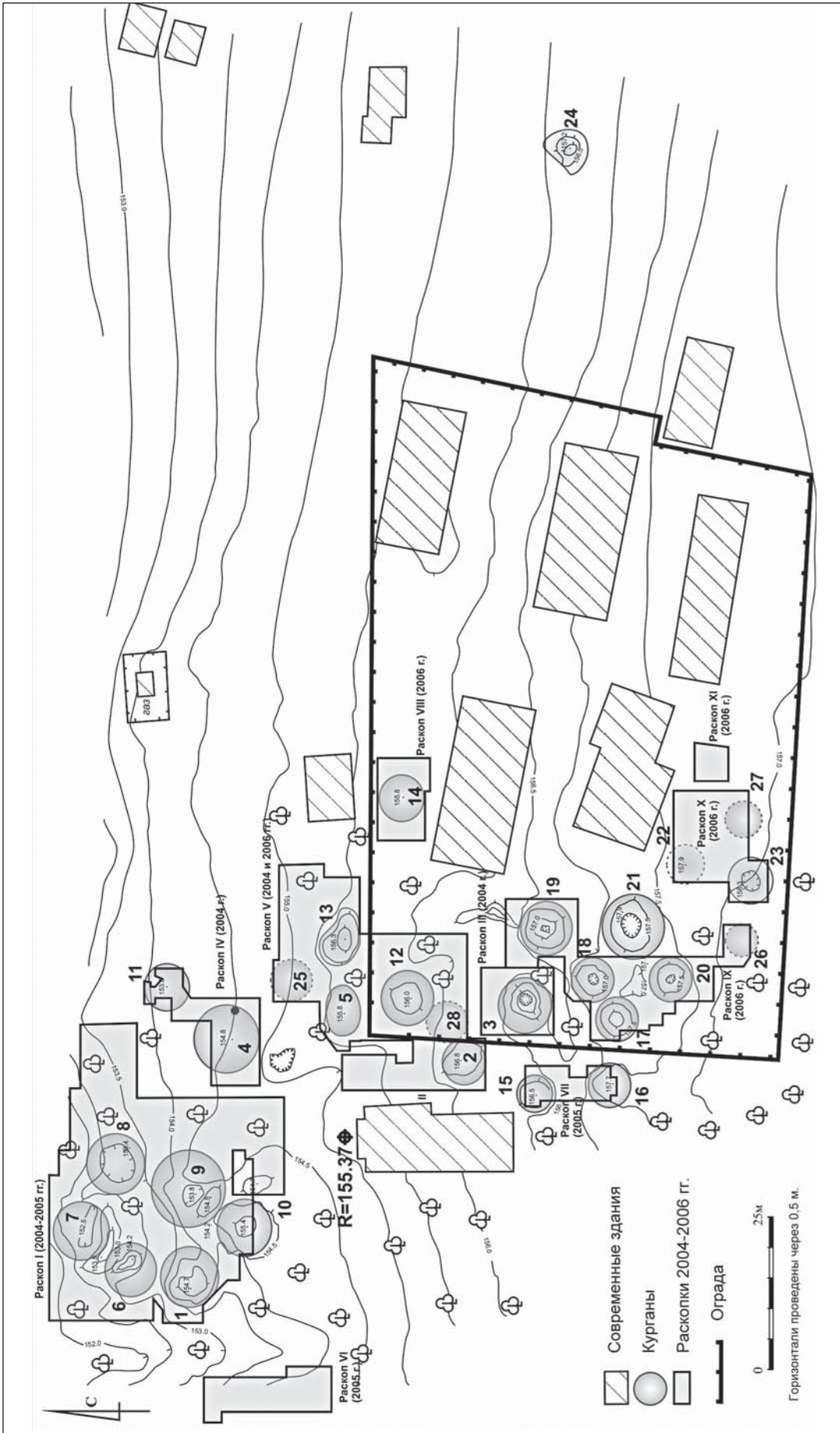

Рис. 12. Схема Мякинского курганного могильника с разделением на подгруппы курганов

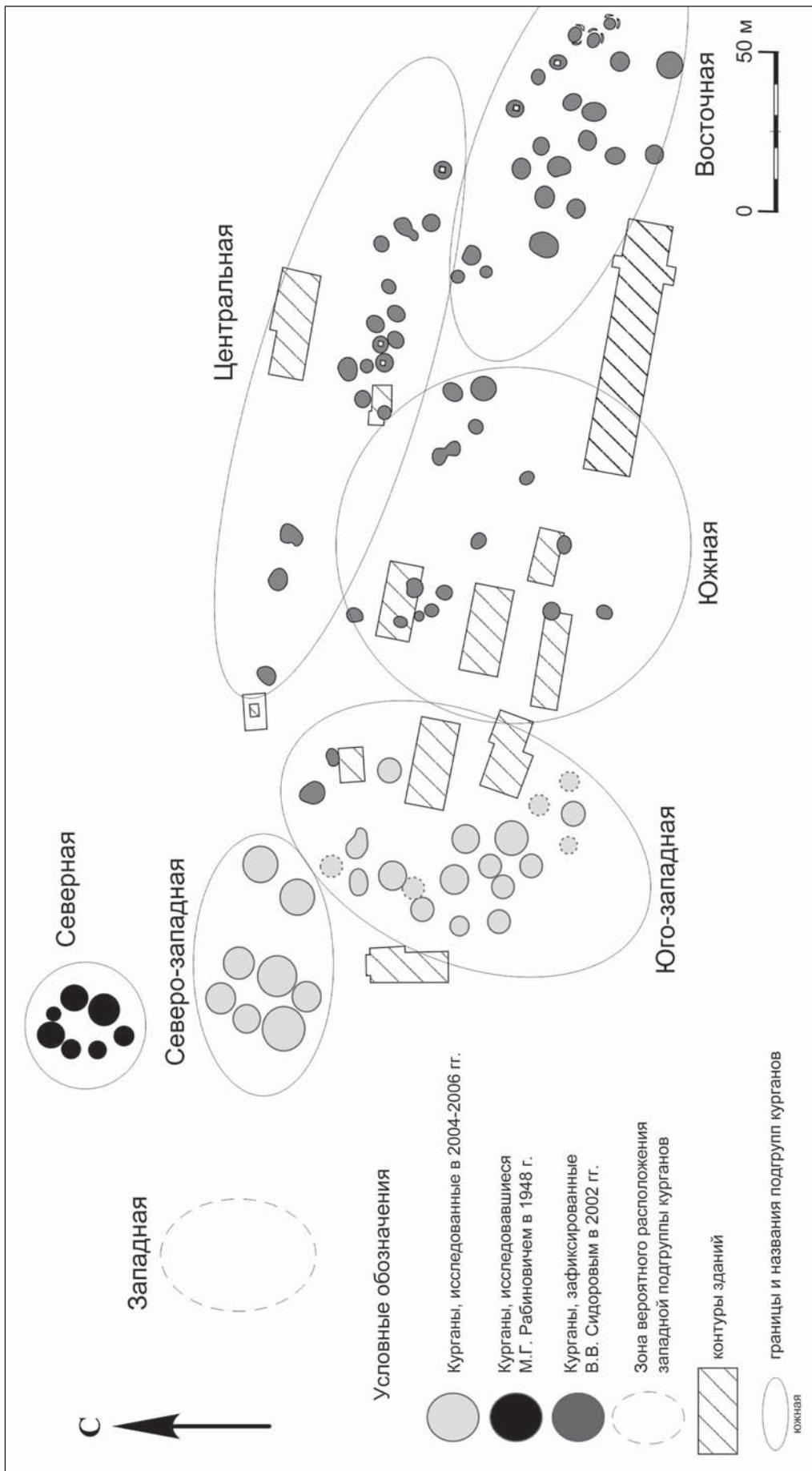

Рис. 13. Топографический план западной части Мякининского курганного могильника (зона раскопок 2004–2006 гг.)

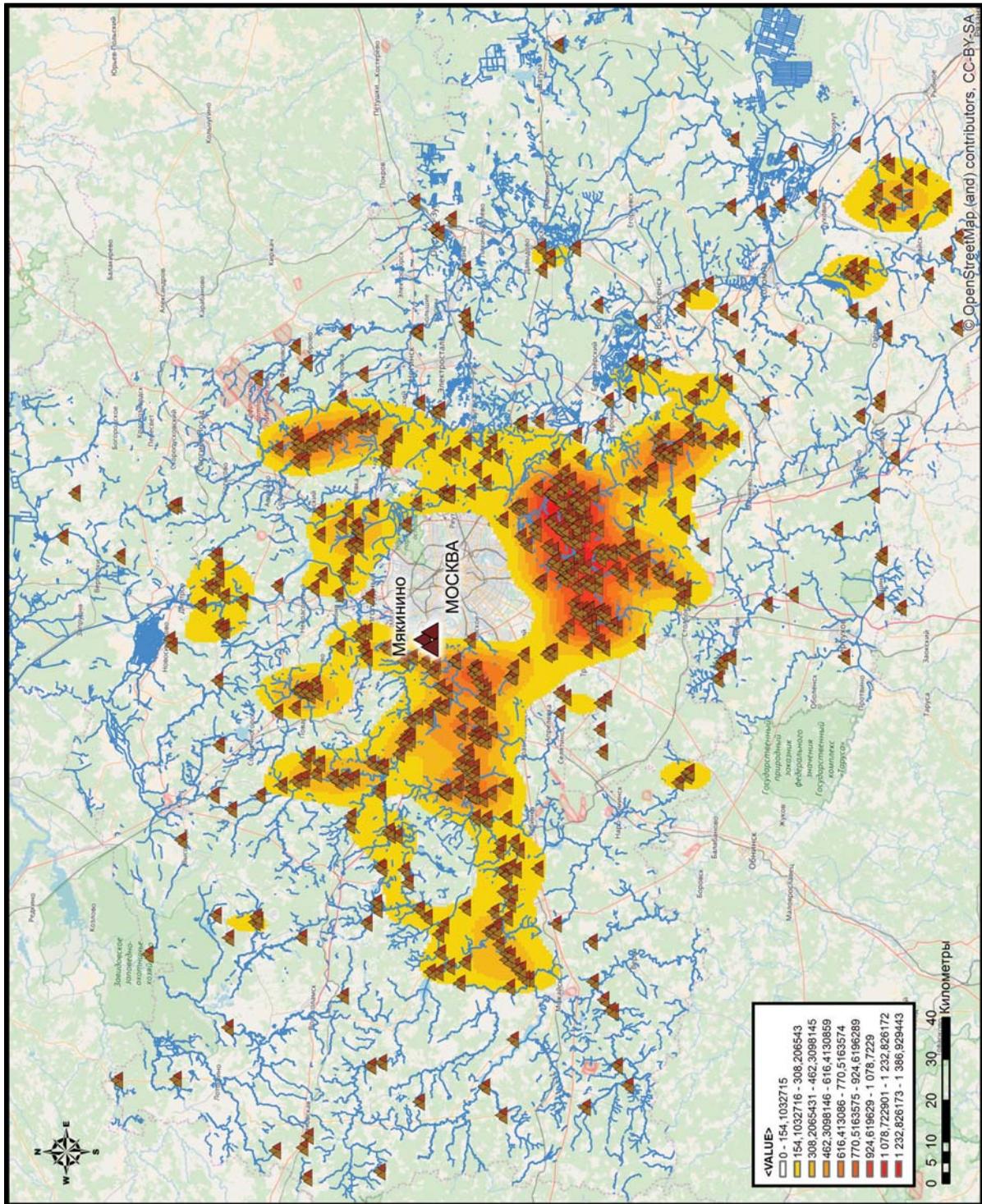

Рис. 14. Карта распространения курганных могильников в Московской области

уничтожены при строительстве. Таким образом, Подмосковной экспедицией исследовано 26 древних погребальных сооружений или их остатки (курганы 1–20, 22, 23, 25–28), как минимум два из которых (курганы 8 и 11) были ранее вскрыты М. В. Городцовым (см. ниже).

Различные обстоятельства не позволили ни одному из исследователей памятника снять его план целиком. Однако крупные размеры селища Мякинино 1, могильником которого в домонгольскую эпоху была рассматриваемая курганная группа, позволяют утверждать, что прежние предположения о небольших размерах этой группы неверны и количество курганов в ней изначально было весьма значительным, вероятно, не менее сотни.

Изучение курганных древностей Подмосковья, проводимое сегодня на новом техническом уровне, с привлечением технологий ГИС, позволяет составить объемное представление о концентрации погребальных памятников в зависимости от географического положения и топографии

местности (Кренке А., Кренке Н., 2014. Рис. X, XI). Благодаря исследованиям ГИС, проведенным в отделе охранных раскопок Института археологии РАН, удалось установить, что Мякининский курганный могильник расположен в зоне средней концентрации погребальных памятников домонгольской эпохи, близ северо-западного края района их максимальной плотности (правобережье р. Москвы, между долинами рек Сетунь и Пахра) (рис. 14), который маркирует территорию с максимальной плотностью вятичского населения, где исследователи и видят центр сложения культуры данного региона (Там же. С. 72).

Таким образом, Мякининские курганы (и, соответственно, весь Мякининский комплекс памятников археологии) находятся за пределами наиболее освоенной вятичами части Москворецкой долины, однако в непосредственной близости от нее, т. е. примерно в той же географической позиции, что и основанный в первой половине XII в. город Москва.

Глава 2

Энговатова А. В., Коваль В. Ю.

ОПИСАНИЕ КУРГАНОВ, ИССЛЕДОВАННЫХ В 2004–2006 ГОДАХ

В составе Мякининского могильника выделено семь скоплений курганов, называемых далее подгруппами (т.е. малыми группами) (рис. 12). Сейчас уже невозможно сказать, существовало ли такое деление могильника изначально, поскольку памятник оказался сильно нарушен хозяйственной деятельностью, и на протяжении XX в. многие насыпи в нем были уничтожены. К 2004 г. от большинства подгрупп, еще прослеживавшихся в 2001 г., сохранились лишь невыразительные следы.

Восточная подгруппа размещалась на обочине трассы МКАД. В 2004 г. число курганов здесь уже не могло быть установлено из-за проведенных планировочных работ, но изначально оно составляло, видимо, около 20 насыпей. Пробное вскрытие одного из всхолмлений показало, что оно не являлось курганом и представляло собой кучу земли. Однако другие всхолмления этой подгруппы вполне могли быть курганами.

Центральная подгруппа примыкала к искусственной подрезке склона, осуществленной при строительстве торгового центра «Крокус Сити», однако изначально она размещалась на краю естественного склона коренного берега Москворецкой долины. Здесь в 2001 г. насчитывалось около 20 насыпей, часть из которых была раскопана колодцем (возможно, это те курганы, которые в 1924 г. исследовал В. А. Городцов). В 2004 г. от этих насыпей сохранились лишь едва заметные следы (поэтому точное число насыпей не могло быть установлено). На юго-востоке центральная подгруппа фактически смыкалась с восточной, разрыв между ними не превышал 20 м.

Южная подгруппа размещалась к югу от центральной подгруппы. В 2001 г. она включала 16 насыпей, притом значительная часть ее территории была сnivelирована постройками и современными земляными работами (не исключено, что некоторые из этих насыпей имели техногенное происхождение). К 2004 г. здесь сохранилась только

одна насыпь (курган 24), в прошлом уже сильно поврежденная (наполовину скрытая). От центральной и восточной подгрупп южная отделялась расстоянием в 20–50 м.

Юго-западная подгруппа зафиксирована к юго-западу от центральной подгруппы, на расстоянии не менее 30 м, и соответственно к западу от южной (расстояние – не менее 30 м). К 2004 г. эта подгруппа включала 15 насыпей, большинство из которых имели хорошую сохранность. Впрочем, и здесь были курганы, сnivelированные полностью или почти полностью, так что изначально тут размещалось не менее 20 курганов.

Северо-западная подгруппа располагалась к северо-западу от юго-западной подгруппы, примыкая к ней почти вплотную. Однако компактное расположение насыпей позволяет все же выделять их в отдельное скопление. К 2004 г. здесь были видны шесть насыпей, следы еще двух курганов обнаружены при раскопках.

Западная подгруппа (в березняке, на территории строительства здания администрации Московской области) находилась не менее чем в 50 м к 3 от северо-западной подгруппы. В 2004 г. следы курганов здесь уже не были видны (хотя в 2001 г. еще были заметны остатки двух-трех насыпей).

Северная подгруппа, частично исследованная в 1946 г. М. Г. Рабиновичем, размещалась к С от северо-западной подгруппы, на пологом склоне в пойму. Включала семь насыпей. К 2004 г. никаких следов этой подгруппы не сохранилось.

В завершение этого обзора следует заметить, что нет никакой уверенности в том, что на пространствах между отдельными подгруппами не могли в прошлом размещаться курганы, насыпи которых не сохранились. Поэтому предложенное разделение могильника на подгруппы курганных насыпей является условным, оно необходимо, прежде всего, для пространственной ориентации на памятнике, сильно поврежденном хозяйственной деятельностью.

Фактически к началу раскопок могильника в 2004 г. курганные насыпи остались только в северо-западной и юго-западной подгруппах (рис. 12, 13), на которых и были сосредоточены все усилия экспедиции. На первом этапе охранных работ (в 2004 г.), когда курганы еще не находились в зоне строительства, вскрывались отдельные насыпи, причем вырубка деревьев производилась только непосредственно на курганах, тогда как на окружающем их пространстве, в том числе на площади ровиков, многие деревья оставались на месте, и вскрытие таких участков часто оказывалось невозможным по условиям техники безопасности. При работах 2005 г. отдельные части курганов и околочурганного пространства также не всегда могли быть вскрыты из-за размещения действующих дорог, зданий, коммуникаций (водопровод, силовые электрокабели) и различных ограждений. На последнем этапе охранных исследований (в 2006 г.), когда все курганы оказались в зоне отчуждения под строительство, раскопки проводились параллельно со строительными земляными работами. Древостой на этом этапе уже отсутствовал, но некоторые зоны рядом с исследуемыми курганами не могли быть изучены из-за появления там строительных отвалов, дорог, временных сооружений и т. п. Вся сумма изложенных причин привела к тому, что хотя раскопки могильника изначально организовывались как площадные, с полным вскрытием всех насыпей и межкурганного пространства, некоторые участки насыпей и ровиков курганов все же так и остались недоисследованными. В дальнейшем изложении эти детали технологии проведения охранно-спасательных работ, включая конкретные причины, по которым те или иные части курганов не могли быть вскрыты, нами не дублируются.

Описание грунтов в насыпях курганов выполнялось с помощью традиционно принятой в полевой археологии терминологии, но при постоянных консультациях с геоморфологом (д. г. н. Ю. А. Лаврушин) и почвоведом (д. г. н. А. А. Гольева), что позволило уже в ходе раскопок выявить признаки погребенной почвы, верхний уровень которой и принимался за уровень древнего горизонта. Под погребенной почвой на всей площади могильника фиксировался материк, состоявший в основном из рыжего крупнозернистого песка с гравием

(окатанными аморфными камнями, в основном мелкими, до 3 см в поперечнике). Именно из этого материала (наряду с грунтом почвенного горизонта) состояли и насыпи курганов.

В процессе раскопок 2004–2006 гг. полностью исследованы курганы северо-западной и юго-западной подгрупп. Единственным неисследованным в юго-западной подгруппе был курган 21, имевший довольно хорошую сохранность¹⁴, из-за чего курган планировалось музеефицировать, однако зимой 2006–2007 гг. его насыпь была скрыта в ходе планировочных строительных работ.

Описания курганов 1–20, 22, 23, 25–28, изучавшихся в 2004–2006 гг., подготовлены на основе отчетов о раскопках, с учетом данных почвоведения (см. Приложение 2). Антропологическая экспертиза костных останков из раскопок 2004–2006 гг. проводилась с. н. с. НИИ и Музея антропологии МГУ к. б. н. Н. Н. Гончаровой (приложение 5).

Раскопки курганов 1–5, 11 осуществлялись в 2004 г.; 6–10, 15, 16 – в 2005 г.; 12–14, 17–20, 22, 23, 25–28 – в 2006 г. (Энговатова, Коваль, 2005; 2006; Коваль, 2007). Нивелировочные отметки, обозначенные на чертежах всех курганов, отмерялись от единого нулевого репера, за который была принята точка с балтийской отметкой 155,37 м, находившаяся на крыльце кирпичного здания, оставшегося от пионерлагеря Гознака (в ходе строительства это здание разрушено).

Курган 1

Насыпь кургана¹⁵ до начала раскопок в плане имела овальную форму (рис. 12, 15, 16, 70, 71), размером 10×8 м. Максимальная сохранившаяся высота от древнего горизонта – 1,2 м. В северной части вершины кургана фиксировалась заплывшая грабительская яма размерами 2×1,5 м. Ровики не прослеживались, с севера и юго-востока к кургану 1 вплотную примыкали курганы 6 и 10.

Стратиграфия (рис. 16, 72). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь) толщиной 0,1 м, с отчетливо прослеживаемой более темной полоской дернины. В центральной части кургана на древнем горизонте сохранились остатки материкового выкида из ямы погребения 1. У границ насыпи зафиксирована подрезка почвенного горизонта до уровня поверхности материка шириной

¹⁴ Курган 21 располагался к Ю от кургана 19 (рис. 12), он соответствует кургану 23 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10). В плане имел округлую форму, диаметр насыпи достигал 8 м. Максимальная высота от древнего горизонта – 1,2 м. Ровики до начала раскопок на дневной поверхности не прослеживались, на вершине имелась заплывшая яма от кладоискательского разрытия.

¹⁵ Соответствует кургану 6 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

1,5–2 м (скорее всего, это части не заглубленных в материк ровиков). Выше залегал слой коричневого пылеватого песка, составлявшего нижнюю часть курганной насыпи (мощностью от 0,1 до 0,4 м, достигая максимума в южной части). На нем находился слой желто-рыжего крупнозернистого песка с гравием (мелкими слабо окатанными камешками). Толщина этой части насыпи достигала 0,6 м в северной половине кургана, где слой имел примесь пылеватого песка. Края насыпи покрывала прослойка темно-серой гумусированной супеси (дерна) мощностью 0,15 м. В центральной части насыпи находился перекоп размерами от 3,5×2,5 м вверху до 2,5×1,5 м на уровне древнего горизонта. Выброшенный из него грунт фиксировался по склонам насыпи (поверх засыпанного им дерна).

Ровики. Вокруг кургана обнаружены три заглубленных в материк дугообразных ровика, разделенных перемычками (рис. 79), на которых зафиксирована кольцевидная подрезка почвенного горизонта. Иначе говоря, ровик вокруг кургана был кольцевидным, но на его дне после снятия почвенного горизонта вырыты три ямы. Эти ямы размещались к СЗ, СВ и Ю от насыпи (рис. 71, 72, 79). Их глубина от уровня древнего горизонта колебалась от 0,5 до 1 м. Все ямы-ровики были заполнены серой гумусированной супесью. Северо-западная яма имела размеры 10×1,5–3,0 м¹⁶. В ее южной части у дна зафиксирован развал красноглиняного горшка (№ 20¹⁷, рис. 157, 5) с днищем на подсыпке из мелкой дресвы. Профилировка и состав формовочной массы горшка (с единичными включениями мелкой дресвы) характерны для московской керамики XV в. В 0,5 м к СВ от горшка на дне ровика обнаружено скопление лежавших без видимого порядка железных кованых гвоздей (10 шт.) плохой сохранности, достоверная датировка которых не может быть установлена. Все эти вещи попали в ровик значительно позже совершения захоронения в кургане. Северо-восточная яма ровика имела размеры 5,5×2,5 м. Южная яма ровика вошла в раскоп и исследована не полностью, что связано с размещением крупных деревьев на бортах раскопа. Ее ширина составляла 2,0 м.

Погребение 1. Могильная яма в плане подпрямоугольной формы (2,8×1,4 м), с закругленными углами, ориентирована длинной осью по

направлению ЮЗ–СВ, глубина от древнего горизонта – 1,1–1,2 м, размещалась под центром курганной насыпи; ее восточный угол и прилегавшие части стенок разрушены грабительским перекопом. Заполнена рыжим крупнозернистым песком с гравием.

Костяк, расчищенный на дне могильной ямы (рис. 17, 18, 73), имел очень плохую сохранность. От черепа остались только обе височные кости и нижняя челюсть. Сохранились также небольшая часть одной из длинных костей предплечья и три фаланги пальцев рук, лежавшие в анатомическом порядке. Из расположения костей видно, что погребенный индивид лежал головой на ЮЗ, вероятно, на спине. На дне, преимущественно в северо-восточной половине могилы, прослежено пятно серого гумусированного тлена, который, как показали специальные исследования А. А. Гольевой, включал остатки подстилки из трав (см. Приложение 2).

Вещевой инвентарь погребения разнообразен (рис. 73). У правой височной кости, вплотную к ней, вертикально располагались три серебряных браслетообразных завязанных височных кольца (№ 5, рис. 155, 1). Под кольцами и рядом с ними сохранились пряди волос. Еще два аналогичных височных кольца (№ 6, рис. 155, 2) обнаружены у левой височной кости. Они также располагались вертикально и были сверху и сбоку перекрыты плотным слоем бересты. Важно отметить, что у четырех из пяти колец «завязки» были сломаны, следовательно, относились к числу старых вещей, которые не могли быть заменены новыми. Рядом с черепом, у нижней челюсти и под ней, находилось скопление различных бусин (отдельно от них, рядом с левой височной костью, лежал ряд бусин, образовывавших полукруг): сердоликовые бипирамидальные 14-гранные бусины (14 шт.; № 7, рис. 156, 1), лежавшие параллельно друг другу; стеклянный бирюзовый бисер (36 шт.; № 1, рис. 155, 3); стеклянный зеленый бисер (89 шт.¹⁸; № 2, рис. 155, 7); золотостеклянные бусины (2 шт.; № 3, рис. 155, 5); ложнозолотостеклянные бусины (10 шт.; № 4, рис. 155, 4); стеклянные бусины бежевого цвета (2 шт.; № 19, рис. 155, 6)¹⁹. Правая рука погребенной украшена пластинчатым серебряным с орнаментом «волчий зуб» (№ 12, рис. 156, 3) и бронзовыми ложновитым и дротовым перстнями

¹⁶ Здесь и далее длина ровиков определена по дуге.

¹⁷ Здесь и далее указаны полевые номера находок по описям отчетов о раскопках, соответствующие номерам на чертежах погребений в настоящем издании.

¹⁸ Шесть бусин рассыпались при расчистке, так что в коллекцию удалось взять только 83 экз.

¹⁹ Подробные описания стеклянных бусин из этого и остальных курганов приведены в главе 3.

(№ 18, 17, рис. 156, 2, 4). К украшениям левой руки относились два сомкнутых дротовых бронзовых перстня (№ 15, 16, рис. 156, 5, 6) и дротовый браслет из сплава на основе олова (№ 13, рис. 156, 8). Здесь же обнаружена часть совершенно истлевшего деревянного предмета, с которым связаны скрепы из бронзовой проволоки (№ 11, рис. 157, 3). Вероятно, это был деревянный ларчик, железная ручка от которого найдена в зоне грабительского перекопа (№ 8, рис. 157, 1). Отдельно от всех этих находок, у середины северо-западной стенки могилы, лежал еще один бронзовый перстень – пластинчатый ячеиковый (№ 14, рис. 156, 7). У северо-восточной стенки могилы стояла нижняя часть красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» с клеймом на дне в виде двух соприкасающихся вершинами треугольников (№ 10, рис. 157, 4), под ним обнаружено несколько угольков от хвойных деревьев (определение д. г. н. А. А. Гольевой (ИГ РАН)). Помимо перечисленных находок в заполнении северо-восточной части могильной ямы (там, где располагался грабительский перекоп, разрушивший часть могилы), обнаружено железное кольцо (№ 9, рис. 157, 2).

Плохая сохранность костей погребенного в кургане I не позволила провести их антропологическую экспертизу.

Яма с захоронением лошади (рис. 73, 74). Рядом с описанным погребением (примыкая к его северо-восточной части), обнаружена еще одна яма, впущенная в материк. К сожалению, точно установить, являлась ли эта яма более поздней, нежели могильная, невозможно, поскольку грабительский перекоп разрушил как раз то место, где соприкасались могила и яма. Из-за перекопа осталось неясно также, с какого уровня эта яма впущена. Сохранившаяся ее часть в плане подпрямоугольной формы (1,0×0,8 м), ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ, т. е. расположена под прямым углом к оси могилы. Глубина ямы от древнего горизонта – 1 м. Заполнение состояло из рыжего песка с гравием. На дне ямы обнаружен костяк молодой особи лошади (жеребенка) (рис. 19), лежавший на левом боку, вплотную к северо-восточной стенке, ориентированный на ЮВ. Кости сохранили анатомический порядок, при этом череп находился в необычном положении: он лежал частично под ребрами, между плечевыми и бедренными костями, на левой боковой поверхности, глазницами на З. Очевидно, при укладке трупа жеребенка в яму голову и шею животного завернули под туловище. Кости передних и задних ног лежали вытянуто, перпендикулярно туловищу.

Грабительский перекоп, нарушивший могильную яму и яму с захоронением жеребенка, уходил в материк на большую глубину (подбоям под яму с жеребенком). Зафиксированный на древней поверхности курганной насыпи выброс мешаного грунта, прорезанного грабительской ямой, позволяет допускать возможность совершения захоронения жеребенка после того, как курган уже был насыпан. Таким образом, как данные стратиграфии, так и хорошая сохранность костей животного указывают на то, что захоронение совершено значительно позднее, нежели возведение курганной насыпи, т. е. относится к современной эпохе. Захоронения животных (коровы и лошади) встречались и в других курганах мякининской группы, правда, там они совершались в заплывших грабительских ямах. В этом смысле захоронение из кургана I стоит особняком.

Выводы. Нижняя часть насыпи кургана I сформирована из переотложенного почвенного грунта, а верхняя сложена из материкового песка. Курган насыпан на подзолистый горизонт неплохой сохранности. В кургане было совершено погребение женщины. Судя по характерным височным кольцам, она принадлежала к потомкам кривичей.

Для датировки погребения важен набор бус, встреченных в нем. Рубленый бисер, составлявший основную массу стеклянных бус, датируется по новгородской хронологии X – началом XII в. Золотостеклянные бусы датируют XI – началом XII в., а ложнозолотостеклянные – серединой XI – серединой XIII в. (см. главу 3). Таким образом, наиболее вероятной датой для такого бусинного набора является вторая половина XI в., однако не может исключаться и первая половина XII в., когда бисер и золотостеклянные бусы еще сохранялись в уборах, а ложнозолотостеклянные уже начали поступать и использоваться. На последнюю дату указывает и присутствие сердоликовых бипирамидальных бусин, датирующихся в основном XII в., при полном отсутствии бус из горного хрусталя. Браслетообразные завязанные на две стороны кольца датируют X – началом XII в. (Седова, 1997. С. 64), однако в данном погребении лишь одно кольцо из пяти сохранило крепление полностью. У остальных четырех колец это крепление обломано, а сами они использовались в качестве полутораоборотных. Следовательно, эти кольца попали в погребение в то время, когда «завязанные» кольца уже не производились. Присутствие же в комплексе пластинчатого ячеикового перстня, датируемого в пределах середины – второй половины XII в. (Равдина, 1978),

и обломка горшка с клеймом, аналогичным обнаруженным на селище Мякинино 1 в комплексах середины – второй половины XII в., заставляет относить данный погребальный комплекс ко времени около середины XII в., когда более ранние вещи еще могли оставаться в костюмах умерших, а вещи второй половины XII в. уже начинают проникать в обиход. Трудно сказать, насколько глубоко может заходить нижняя граница этой даты в первую половину XII в., однако вряд ли она пролегал ниже второй четверти столетия.

В XV в. курган посещался людьми, о чем говорит находка на дне ровика развала красноглиняного горшка. Вероятно, здесь была сделана яма, не достигшая материка и не фиксировавшаяся в однородном грунте заполнения ровика, куда были сброшены железные крепежные гвозди и разбитый горшок.

Курган 2

Курган 2 в плане имел округлую форму²⁰. Его вершина срезана, склоны сильно нарушены. Поперечник насыпи составлял 7,5 м. Максимальная сохранившаяся высота от горизонта – 0,9 м (рис. 20, 80). Центральная часть насыпи значительно повреждена грабительской ямой размерами 2×1 м и глубиной более 1 м. Ровики визуально не прослеживались.

Стратиграфия (рис. 21, 82). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь) толщиной 0,08 м, с отчетливо прослеживаемой по верхней границе более темной полоской дерниной. У границ насыпи зафиксирована подрезка почвенного горизонта до уровня поверхности материка шириной 0,4–1,2 м (от внутреннего края ровиков). Выше залегал слой толщиной 0,25 м, состоявший из комьев переотложенного дерна и служивший основой насыпи. Еще выше залегал коричневый пылеватый песок (толщина слоя – до 0,75 м). Его перекрывал слой рыжего крупнозернистого песка с гравием мощностью 0,2–0,5 м. Поверхность насыпи не обдернована, вероятно, из-за планировочных работ в районе кургана. Центральная часть насыпи прорезана перекопом размерами 3,5×2,5 м.

Ровики. Курган опоясывали с СЗ и Ю два заглабленных в материк ровика, разделенных перемычками (рис. 81, 82, 89), где фиксировалась лишь подрезка погребенного почвенного горизонта. Западная пола кургана и находившиеся здесь части

обоих ровиков уничтожены современными перекопами. Глубина ровиков от уровня древнего горизонта варьировалась от 0,4 до 0,7 м, оба заполнены серым гумусированным песком. Северо-западный ровик имел размеры 5,5×2,4 м. Южный ровик сохранился на длину 7,4 м, полная его ширина не могла быть установлена из-за перекопа.

Погребение 1. Могильная яма располагалась под центром кургана, в плане имела подпрямоугольную форму (2,3×1,5 м), со слегка закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Глубина могилы от древнего горизонта составляла 0,8 м. Основное ее заполнение – крупнозернистый песок с гравием. Северо-восточная часть могильной ямы задета перекопом старой грабительской ямы, не достигшей дна могилы. Следы гробовища прослежены в виде тонких полос гумусированного песка и полос едва различимого тлена в центральной части могильной ямы (рис. 22, 83). Возможно, гробовище представляло собой дощатую конструкцию прямоугольной формы размерами 2,1×0,8 м. При этом изучение образцов тлена не показало наличия остатков древесины, вместо которых выявлены следы травянистой подстилки (см. Приложение 2). Возможно, органический материал гробовища разложился и оказался полностью деструктурирован.

Костяк погребенного практически не сохранился, обнаружены только фрагменты черепа с остатками волос и несколькими разновидностями тлена (различались по оттенкам цвета и плотности), фаланга пальца, возможно, левой руки с надетым на нее перстнем. Судя по расположению остатков тлена, погребенный был уложен головой на ЮЗ (рис. 23, 84). Согласно антропологическому определению, погребение могло принадлежать женщине 30–35 лет. Инвентарь погребения (рис. 84): под нижней челюстью горизонтально лежали три серебряных височных браслетообразных завязанных кольца (№ 1, рис. 158, 1). Три других аналогичных кольца (№ 2, рис. 158, 2) обнаружены у левой височной кости (у одного из них «завязка» была сломана), здесь они располагались вертикально вплотную к черепу. Рядом с нижней челюстью лежали бусы ожерелья: семь сердоликовых бипирамидальных (№ 3, рис. 158, 3), семь шарообразных бус из горного хрусталя (№ 5, рис. 158, 4) и четыре стеклянные зонные бусины (в обломках; цвет не мог быть установлен из-за расстекловывания) (№ 4, рис. 158, 5). На расстоянии 0,3 м от нижней

²⁰ Соответствует кургану 12 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

челюсти обнаружен щитковый несомкнутый перстень индивидуальной формы из медного сплава (№ 6, рис. 159, 1). В 0,5 м к СВ от черепа (в том месте, где могла размещаться правая часть костяка) лежали два пластинчатых перстня из медного сплава, связанные прядью шерстяных нитей (№ 9, рис. 159, 6): кованный несомкнутый гравированный (№ 7, рис. 159, 3) и литой с рельефным растительным орнаментом и остатками красной эмали в углублениях (№ 8, рис. 159, 2).

На уровне дна могильной ямы располагались еще два перстня (найжены в выбросе), обнаруженные в куске органического тлена (завернуты в ткань полотняного переплетения): обломки пластинчатого широкосрединного завязанного серебряного перстня с гравированным орнаментом на щитке (№ 10, рис. 159, 4) и целый дровотый (плосковыпуклый) сомкнутый перстень (№ 11, рис. 159, 5) из медного сплава. Подобно двум связанным нитками перстням, они также могли представлять собой посмертный дар.

Выводы. Курган 2 сооружен преимущественно из подзолистого грунта, насыпанного на поверхность подзолистого горизонта неплохой сохранности. Верхняя часть насыпи состояла из материкового песка. В кургане совершено погребение женщины с инвентарем, характерным для кривичей. Завязанные височные кольца и завязанный перстень являются вещами, датирующимися в основном XI в. и связанными с культурой кривичей. Вместе с тем присутствие в ожерелье бусин из сердолика и горного хрусталя – признак погребений XII в. Поэтому наиболее вероятной датой захоронения следует считать середину XII в. Возможно, курганы 1 и 2 почти синхронны.

Курган 3

Насыпь кургана²¹ в форме шарового сегмента сохранилась относительно неплохо: она имела диаметр 8,2 м при высоте от древнего горизонта 1,1 м (рис. 24, 90). На вершине кургана находилась грабительская яма прямоугольной формы размерами 1,0×0,6 м. Ровики вокруг насыпи не прослеживались.

Стратиграфия (рис. 25, 26, 92). На материке залегала погребенная почва (прослойка светло-серой супеси) толщиной до 0,15 м, с прослеживаемой по верхнему контуру более темной полоской дернины (рис. 26). У границ насыпи зафиксирована подрезка почвенного горизонта до уровня поверх-

ности материка шириной 0,6–1,2 м. На погребенной почве залегала переотложенная погребенная почва с заметной пятнистой структурой (комья дерна?) мощностью 0,25 м. Основную часть насыпи составлял слой коричневого пылеватого песка толщиной до 0,9 м. Его перекрывал слой рыжего крупнозернистого песка с гравием мощностью 0,2–0,4 м. Поверхность насыпи была покрыта современным дерном, над которым местами фиксировался грунт, выброшенный из грабительского перекопа в центре насыпи. Юго-западная полая насыпи прорезана узкой траншеей перекопа под коммуникацию.

Ровики. К ССВ и ЮЮВ от насыпи обнаружены два дугообразных ровика, разделенных перемычками, на которых фиксировалась подрезка погребенной почвы (рис. 27, 91, 92, 98). Глубина ровиков от уровня древнего горизонта колебалась от 0,4 до 1 м. Оба ровика заполнены серым гумусированным песком. Северо-восточный ровик имел размеры 9×2,5–3,3 м, южный – 11×2,3 м (рис. 25). На дне южного ровика обнаружены обломки красноглиняного горшка (№ 11, рис. 160, 11) из формовочной массы рецепта «глина + песок + дрсва крупная», относившегося к домонгольской эпохе.

Погребение 1. Могильная яма располагалась под центром насыпи кургана, прямоугольная в плане, ориентирована длинной осью по линии В–З и имела размеры 310×110 см. Глубина ямы от уровня древнего горизонта составляла 1,0 м. Основное ее заполнение – рыжий крупнозернистый песок с гравием. В верхней части заполнения ямы зафиксирована просадка коричневого пылеватого песка, произошедшая, вероятно, после истлевания гроба. Восточная часть могильной ямы повреждена грабительским перекопом, не достигшим погребения. В заполнении могилы обнаружен уголек ольхи (определение д. г. н. А. А. Гольевой (ИГ РАН)). Гробовище прослежено в виде прямоугольного пятна грунта размерами 2,3×0,7 м, отличавшегося по цвету от остального заполнения могилы за счет включений органического тлена (рис. 93). Вместе с тем анализы образцов грунта с тленом, взятых в этом пятне, показали только наличие остатков травы (см. Приложение 2).

От погребенного сохранились лишь отдельные кости, залегавшие на дне могильной ямы (рис. 94). Череп представлял собой массу плотного темного тлена, где костное вещество практически не сохранилось (хотя некоторые кости черепа были все же различимы). В центральной части могилы лежали параллельно друг другу две длинные кости конеч-

²¹ Соответствует кургану 16 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

ностей, возможно, бедренные. Еще одна кость, вероятно перемещенная, найдена в восточной части ямы. Погребенный лежал, вероятно, вытянуто, головой на З. На дне могилы, под костями, обнаружено пятно серого гумусированного грунта (тлена), расположенное вдоль длинной оси ямы размерами 1,5×0,4 м.

Инвентарь погребения (рис. 94): у правой височной кости лежало серебряное семилопастное височное кольцо (№ 8, рис. 160, 1) с сохранившимися волосами человека, перекрытое фрагментом деревянной плашки (вероятно, от гробовища). У левой височной кости обнаружены пятилопастное височное кольцо (№ 6, рис. 160, 2) и обломок проволочного перстнеобразного височного кольца (№ 7, рис. 160, 3). Рядом размещались сильно коррозированные обломки бронзовой пластины от еще одного лопастного височного кольца (№ 5, рис. 160, 4). К украшениям левой руки, вероятно, можно отнести пластинчатый ячеичковый перстень из медного сплава (№ 10, рис. 160, 9) и обломки дровяного (?) браслета из свинца (?) (№ 9, рис. 160, 10), лежавшие в 35 см к ВСВ от черепа. В стороне от погребения (в 20 см от черепа), в северо-западном углу могилы, лежало скопление бусин, возможно, составлявших ожерелье: 10 сердоликовых бипирамидальных (№ 2, рис. 160, 8), бронзовая бипирамидальная бусина (№ 3, рис. 160, 5), стеклянная бусина-бисер (цвет не установлен из-за расстекловывания) (№ 4, рис. 160, 6), зонная красно-коричневая стеклянная бусина с пластичным декором белого цвета (№ 1, рис. 160, 7).

Плохая сохранность костей погребения в кургане 3 не позволила провести их антропологическую экспертизу.

Выводы. Основная часть насыпи кургана 3 сооружена из переотложенного почвенного грунта, лишь верхняя ее часть состояла из материкового песка. Курган насыпан на поврежденной маломощной почве. В могильной яме совершено погребение женщины с инвентарем, характерным для вятичей. Форма височных колец (с секировидной формой лопастей) характерна для изделий второй половины XII – начала XIII в., сростнозубцовое пятилопастное кольцо могло датироваться несколько более ранним временем. В целом дата погребения вряд ли выходила за пределы второй половины XII в. Обращает на себя внимание относительная бедность этого погребения: в нем всего один перстень, один браслет, ожерелье из бусин не надето на покойную, а положено рядом с ней (возможно, это посмертный дар).

Курган 4

Насыпь кургана²² почти полностью сnivelирована (рис. 99). Судя по расположению ровиков, диаметр насыпи составлял 8 м. От насыпи сохранилась только нижняя часть высотой 0,45 м от уровня древнего горизонта. Северная и восточная части кургана уничтожены современной подрезкой грунта.

Стратиграфия (рис. 100). Непосредственно на поверхности материка зафиксирован слой светло-серой погребенной почвы мощностью 0,15 м, на поверхности которой у южного края могилы залегала углистая прослойка толщиной 2 см. По западному и южному краю кургана почвенный горизонт подрезан до материка еще в древности. Нижняя (сохранившаяся) часть насыпи кургана состояла из коричневого пылеватого песка с включениями рыжего крупнозернистого песка и гравия (мощностью 0,45 м). Центр кургана поврежден современным перекопом.

Ровики. К ЮВ и ЮЗ от центра кургана обнаружены два дугообразных ровика, разделенных перемычками (рис. 100, 1, 2; 104). Глубина ровиков от уровня древнего горизонта составляла от 0,4 до 0,8 м. Оба ровика заполнены серым гумусированным песком. Юго-восточный ровик имел размеры 4,5×1,6 м, юго-западный – 6,5×3 м. На дне последнего обнаружено скопление камней небольших размеров, лежавших приблизительно равномерно без какого-либо видимого порядка (рис. 28).

Погребение 1. Могильная яма размещалась под северо-западной частью курганной насыпи, в плане подпрямоугольная (2,8×1,3 м) с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, глубина от древнего горизонта – 0,9 м. Могила заполнена перемешанным коричневым пылеватым и рыжим крупнозернистым песком с гравием. Гробовище прослежено только по пятну более рыхлого и светлого грунта с примесью переотложенной погребенной почвы (рис. 101). Размеры этого пятна составляли 2×0,6 м.

От костяка погребенного сохранились только незначительные фрагменты костей (рис. 29, 102). Череп прослеживался лишь как округлая масса тлена темно-серого и черного цвета, находившаяся в западной части могилы. В центральной ее части обнаружены обломки костей предплечья и фаланга пальца. Судя по костным останкам, погребенный лежал головой на ЗЮЗ.

²² Остатки насыпи этого кургана с большой грабительской ямой видны на съемке Н. А. Кренке 1996 г., где ему присвоен № 9 (рис. 10).

Остатки костей лежали на узкой длинной полосе (1,7×0,25–0,4 м) плотного темно-серого тлена, располагавшейся по оси могилы, начиная от черепа и далее к восточной стенке. В поперечном разрезе полоса имела лоткообразную форму, с краями, приподнятыми на высоту 0,06–0,08 м. Возможно, это остатки гробовища. Изучение образцов тлена показало наличие в нем остатков трав и шерсти (см. Приложение 2).

Инвентарь погребения (рис. 102): справа от черепа лежали три серебряных браслетообразных височных кольца (№ 1, рис. 161, 1). Два из них полутораоборотные, причем одно в прошлом было завязанным (крепезж отломан), а второе – загнутоконечным. Третье кольцо меньше по диаметру, вероятно, оно изготовлено из обломка браслетообразного завязанного кольца. Другие три браслетообразных серебряных височных кольца (№ 2, рис. 161, 2) располагались вертикально у левой части черепа, вплотную к нему. На этих кольцах обнаружены остатки волос погребенной и кусочки бересты. Два из них полутораоборотные загнутоконечные, а третье, меньшее по диаметру, изготовлено из обломка браслетообразного завязанного кольца (со сломанным крепезжем). Возможно, оно и подобное украшение у правого виска сделаны из одного и того же сломанного кольца.

В центральной части могилы обнаружены металлические украшения рук (все из медного сплава), располагавшиеся вдоль длинных сторон пятна тлена. К правой руке относились витой (2×2) браслет (№ 3, рис. 161, 3) и два перстня – витой разомкнутый (№ 4, рис. 161, 5) и решетчатый (№ 5, рис. 161, 6), рядом лежали кусочки бересты. К левой руке относились два браслета (один из них был витой 2×3 (№ 6, рис. 161, 4), а от второго сохранились только окислы) и пластинчатый широкосрединный перстень с гравированным орнаментом (№ 7, рис. 161, 7). У северного края пятна тлена обнаружено небольшое скопление угольков древесины дуба (определение д.г.н. А. А. Гольевой (ИГ РАН).

Плохая сохранность костей погребения в кургане 4 не позволила провести их антропологическую экспертизу.

Выводы. Насыпь кургана 4 сложена из почвенного и материкового грунтов, помещенных на маломощную (поврежденную подрезками) почву. В кургане совершено погребение женщины с инвентарем, близким инвентарю курганов 1 и 2, т.е. свойственным кривичам. В то же время

в погребальном наборе оказался и решетчатый перстень, более характерный для вятичского убора. Использование сильно изношенных браслетообразных завязанных височных колец наряду с загнутоконечными указывает, возможно, на более позднюю дату (по сравнению с курганами 1 и 2) – в пределах третьей четверти XII в.

Курган 5

Насыпь кургана²³ сильно сnivelирована и угадывалась по едва заметному овальному всхолмлению размерами 6,5×10,5 м (рис. 105). Сохранившаяся высота от уровня древнего горизонта составляла 0,7 м. Ровики визуально не прослеживались. Под южной полкой насыпи на уровне древнего горизонта обнаружены обломки красноглиняного горшка неполного окислительного обжига из формовочной массы с мелкой дресвой, с днищем на зольной подсыпке (№ 11, рис. 163, 9). Близкий по форме, размерам, профилю венчика и орнаментации горшок найден на селище Мякинино 1 в комплексе первой половины XIII в. (раскоп V, яма 26. № 2004-58).

Стратиграфия (рис. 107). На поверхности материка фрагментарно сохранилась погребенная почва мощностью 0,05–0,1 м. Остатки нижней части насыпи сложены коричневым пылеватым песком (мощность 0,15–0,6 м). Выше этого слоя к С и Ю от центра насыпи залегала прослойка рыжего крупнозернистого песка с гравием толщиной от 0,3 до 0,45 м, составлявшая остатки верхнего горизонта насыпи. К В от центрального погребения в кургане обнаружена могила, перекрытая только коричневым пылеватым песком мощностью 0,6 м. Промежуток между этой присыпкой и насыпью над центральным погребением засыпан рыжим крупнозернистым песком с гравием.

Ровик. К северной поле кургана примыкал дугообразно изогнутый ровик длиной 4,5 м, шириной 3 м и глубиной (от древнего горизонта) 0,4–0,5 м (рис. 30, 106, 107, 112). Заполнение ровика состояло из серого гумусированного песка. Восточный край ровика соприкасался с южным ровиком кургана 25.

Погребение 1. В центре площадки кургана размещалась прямоугольная могильная яма размерами 2,5×1,2 м и глубиной (от уровня древнего горизонта) 0,8 м, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Заполнение ямы состояло из рыжего крупнозернистого песка с гравием.

²³ Соответствует кургану 10 по съемке Н. А. Кренке 1996 г., северная половина которого была срезана (рис. 10).

В восточной части могилы (над большой берцовой костью правой ноги погребенного) обнаружен обломок (нижняя часть с дном на зольной подсыпке) красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая», лежавший кверху дном (№ 10, рис. 163, 8).

На дне могилы расчищен костяк довольно хорошей сохранности (рис. 31, 108), лежавший вытянуто на спине, головой на З, череп – на затылочных костях. Правая рука согнута в локте (локоть отставлен от тела), кисть – на верхней части таза. Левая рука согнута в локте под острым углом, кисть – на груди. Согласно антропологической экспертизе, погребение принадлежало женщине в возрасте 18–20 лет (см. Приложение 5).

Инвентарь погребения (рис. 108): перстнеобразные височные кольца из медного сплава обнаружены у левой части основания черепа (5 шт., № 9) и у правой ветви нижней челюсти (6 шт., № 8) (рис. 162, 1). Рядом с нижней челюстью, по обе стороны от нее, находилось скопление различных бусин, видимо, входивших в состав ожерелья: семь сердоликовых бипирамидальных (№ 3, рис. 162, 3); восемь шарообразных из горного хрусталя (№ 2, рис. 162, 2); четыре стеклянные фиолетовые «рыбовидные» (№ 1, рис. 162, 4). На середине предплечья правой руки обнаружен витой браслет из медного сплава (№ 6, рис. 163, 1). На фаланге среднего пальца правой руки находился рубчатый перстень из медного сплава (№ 4, рис. 32, 163, 3), сверху на нем сохранился плотный слой бересты²⁴. На левой руке, на середине предплечья, также располагался браслет из медного сплава – пластинчатый загнутоконечный, с гравированным орнаментом (№ 7, рис. 163, 2), он тоже перекрывался слоем бересты. На одной из фаланг кисти этой руки обнаружен пластинчатый широкосрединный перстень из медного сплава с чеканным орнаментом (№ 5, рис. 163, 4).

На дне могилы, между локтем левой руки и краем таза, выявилось плотное массивное скопление тлена округлой формы темно-серого цвета с обрывками ткани (см. Приложение 3). После расчистки в нем обнаружены остатки ткани, в которую были завернуты следующие предметы:

- 1) фрагмент тканого пояса;
- 2) «бусины» из просверленных косточек сливы (рис. 163, 7); (14 шт., в том числе 5 сохранились фрагментарно) (см. Приложение 4);
- 3) полая зооморфная подвеска (рис. 163, 6) с шумящими привесками (не сохранились) из мед-

ного сплава, относящаяся к группе VI (типу XIX), по классификации Е. А. Рябинина (1981. С. 38, 39. Табл. XIX; XX) и датирующаяся XII–XIII вв.;

4) плоская ажурная коньковая подвеска из медного сплава, принадлежавшая к группе III (типу XIII) зооморфных украшений, по Е. А. Рябинину (1981. С. 27, 28. Табл. XI, 1; XII, 1). Датируются они также XII–XIII вв.

В погребениях коньковые и полые подвески находят обычно на груди или ниже пояса (Голубева, 1997. С. 157). Подвески из погребения 1 кургана 5 найдены в области таза, т. е. в аналогичном контексте, хотя они не были прикреплены к одежде, а были завернуты в ткань, т. е. находились в какой-то отдельной емкости.

Погребение 2 (рис. 109) располагалось под восточной полой курганной насыпи, в 2 м к В от погребения 1. После совершения этого погребения, вероятно, курган был досыпан (см. выше описание стратиграфии насыпи). Яма погребения 2 в плане прямоугольной формы (вытянута по линии ЗСЗ–ВЮВ), размерами 1,6×0,6 м, глубиной от древнего горизонта 0,15–0,2 м. Заполнение ее состояло из коричневого пылеватого песка. От костяка погребенного сохранилась лишь часть черепа, который располагался в западной части могилы. Согласно антропологической экспертизе, в погребении захоронен подросток 12–15 лет, половое определение которого невозможно (см. Приложение 5). Инвентарь в погребении отсутствовал. Судя по этому признаку, погребение принадлежало мальчику. В восточной половине ямы у обеих длинных стенок на дне находилось несколько скоплений мелких древесных угольков, которые продолжались и за пределами могилы, к ЮВ от нее, на поверхности погребенной почвы.

Яма 1. К ЮЗ от центра кургана обнаружена врезанная в погребенную почву яма 1 (рис. 33; 107, 3) подовальной формы (1,6×0,8 м), ориентированная длинной осью по линии С–Ю. В сечении яма имела наклонные стенки и округлое дно (глубина от древнего горизонта 0,3 м). Заполнение состояло из рыжего песка и многочисленных разномерных валунных камней, лежавших на дне ямы без видимого порядка. Индивидуальные находки и керамика в заполнении ямы отсутствовали.

Выводы. Курган 5 насыпан из переотложенного почвенного грунта и материкового песка на сильно поврежденную подрезками почву. Такие подрезки могли проводиться для возведения

²⁴ Возможно, это остатки полностью истлевшего берестяного гробовища (см. ниже описание такого погребального сооружения в кургане 6).

насыпей более ранних курганов. В кургане 5 совершено два погребения, имевших разную ориентировку и могильные ямы разной глубины. Первоначально было проведено захоронение молодой женщины, над погребением которой возведена курганная насыпь. Металлические украшения из погребения 1 относятся к XII в. (см. главу 4), однако захоронение принадлежало очень молодой женщине, убор которой мог перейти к ней частично по наследству. В то же время совместное присутствие в ожерелье бусин из сердолика и горного хрусталя – признак относительно более поздних погребений. Погребение 1 можно предположительно датировать последней четвертью XII – началом XIII в. Через какое-то время (но не позже первой половины XIII в.) рядом с курганом (в его восточной поле) совершено погребение мальчика-подростка, после чего курган был досыпан и приобрел овальную форму. Назначение ямы 1, наполненной валунами, неясно; возможно, она связана с погребальным ритуалом.

Курган 6

Насыпь кургана округло-овальной формы сохранилась частично²⁵: ее диаметр составлял 7–7,5 м (рис. 113), высота от современной дневной поверхности – 0,7–0,9 м (максимальная сохранившаяся высота от уровня древнего горизонта – 0,95 м). В центре вершины кургана находилась свежая грабительская яма, доходившая до материка и частично врезавшаяся в заполнение могилы. Кроме того, в разрезах кургана читались еще две старые (засыпанные грунтом и на современной дневной поверхности не фиксировавшиеся) грабительские ямы: одна частично прорезала юго-западный угол могилы, а вторая достигала материка к ЮВ от погребения. Ровики визуально не прослеживались.

При разборке нижнего горизонта насыпи кургана (в юго-восточном секторе) обнаружен развал горшка-миски (№ 1, рис. 167, 3) неполного окислительного обжига из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая», с дном на зольной подсыпке. Рядом с ним найдены обломки второго горшка (№ 2, рис. 167, 2), более крупные части которого происходили из заполнения могильной ямы.

Под насыпью, на материке рядом с могильной ямой, обнаружен валун без следов обработки, расколотый пополам и обращенный плоской стороной вверх (рис. 34).

Стратиграфия (рис. 35, 115). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь) мощностью до 0,14 м. К С, З и В от центра насыпи вдоль внутренних границ ровиков почва срезана вместе с верхней частью материка на ширину от 1 до 2,5 м. К Ю от могильной ямы погребенная почва практически вовсе отсутствовала, здесь насыпь сооружалась непосредственно на материковом грунте. Нижний горизонт насыпи состоял из переотложенной погребенной почвы (серо-коричневой супеси), достигавшей наибольшей мощности (0,4 м) к В от центра насыпи. В западной поле кургана этот слой отсутствовал вовсе. Верхняя часть насыпи состояла из рыжего крупнозернистого песка с гравием (мощность этого слоя варьировалась от 0,25 до 0,8 м), но западная часть насыпи сложена из коричневого пылеватого песка.

В центральной части насыпи фиксировались три грабительских перекопа. Два из них заполнены крупнозернистым рыжим песком с гравием – переотложенным грунтом насыпи; третий перекоп, наиболее поздний, врезанный в верхнюю часть могильной ямы на 30 см (от уровня ее материкового края), в придонной части заполнен темно-серым гумусом и современным мусором. Грунт, выброшенный из ям, залегал по склонам насыпи.

Ровики. Курган опоясывали с С, З и В три заглубленные в материк ямы-ровика, разделенных перемычками (рис. 114, 115, 120), находившимися внутри кольцевидной подрезки почвенного горизонта. Северный ровик имел длину 8 м и ширину 3 м. Размеры западного ровика – 4,8×2,6 м, восточного ровика – 7,8×2,3–3,0 м. Глубина ровиков от уровня древнего горизонта колебалась от 0,8 до 1,3 м. Их основным заполнением был гумусированный пылеватый песок, по стенкам ровиков фиксировались прослойки пылеватого песка и пылеватого песка с примесью крупнозернистого, образовавшиеся в результате оплывания насыпи кургана и материковых стенок рвов. В придонной части западного ровика зафиксированы древесные угли и найден обломок венчика красноглиняного горшка (№ 3, рис. 168, 1), остальные части которого найдены в кургане 9 (см. ниже).

Погребение 1. Расположенная в центре курганной площадки могильная яма в плане была прямоугольной формы (340×180 см) с закругленными углами, ориентирована длиной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина ямы от уровня древнего горизонта – 1,05–1,15 м. Основное заполнение могильной ямы, размещавшейся под

²⁵ Соответствует кургану 5 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

центром насыпи, – рыжий крупнозернистый песок с гравием.

На дне могильной ямы располагался гроб из бересты (рис. 36), верхняя часть которого состояла из полос шириной до 25–30 см, лежавших в несколько (не менее трех) слоев в направлениях вдоль и поперек погребения (пласты перекрывали друг друга), причем полосы бересты верхнего слоя лежали поперек погребения, а следующий (средний) слой – вдоль его оси. Важно отметить, что никаких отверстий (например, от скрепления полос бересты между собой нитками или лыком) не зафиксировано. Поскольку края берестяного покрытия сохранились плохо, не удалось установить, состоял ли гроб из двух половинок (верхней и нижней) или представлял собой только короб, перекрывавший погребение. Берестяной короб гробовища оказался продавлен под тяжестью массы грунта и лежал непосредственно на остатках костяка. Однако, судя по хорошо сохранившемуся юго-западному торцу, высота этого погребального сооружения первоначально составляла не менее 45 см (расстояние от дна могильной ямы до уровня первой фиксации бересты при расчистке). Ширина гроба – не менее 85 см, а длина – не менее 210 см (полная длина не могла быть установлена, поскольку северо-восточная часть гроба не сохранилась, но, судя по длине костяка, можно предположить, что она могла достигать 240 см). Возможно, гроб имел какой-то жесткий каркас, следы которого зафиксировать не удалось (обычный древесный тлен здесь не отмечен, но древесина могла полностью истлеть). Под погребением пролежала тонкая прослойка темно-коричневого органического тлена, которая могла быть остатками берестяного (или дощатого) дна короба-гроба. Сохранность бересты ухудшалась по направлению к ногам погребенного, где она практически отсутствовала. Причиной тому был грабительский перекоп, который здесь врезался в заполнение могильной ямы. Вероятно, проникновение влаги и воздуха привело к быстрому разрушению этой части гроба.

От погребения в берестяном гробу сохранились лишь отдельные кости (рис. 37, 38, 116). На дне могилы, в ее юго-западной трети, на затылочных костях лежал череп. Сохранились *in situ* правая ключица (?), правая плечевая кость; бедренные и большие берцовые кости очень плохой сохранности. Судя по положению костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Согласно антропологи-

ческой экспертизе, костные останки принадлежали женщине старше 55 лет (см. Приложение 5).

Инвентарь погребения (рис. 38, 116): у левой височной кости черепа компактно размещались шесть перстнеобразных височных колец (№ 14, рис. 38, 164, 3) – пять из медного сплава и одно серебряное. У правой височной кости черепа лежали пять перстнеобразных височных колец из медного сплава (№ 22, рис. 38, 164, 1). Здесь же сохранились волосы черного цвета. Недалеко от правой височной кости найден ложновитой сомкнутый перстень из медного сплава (№ 13, рис. 164, 2), который мог входить в состав височных украшений (если он был использован в качестве шестого перстнеобразного кольца). Возле челюсти и под ней лежали восемь узкорогих орнаментированных лунниц из медного сплава (№ 12, 14–21, рис. 38, 165, 1–8). Рядом с лунницами и между ними лежали 10 сердоликовых (рис. 166, 1б) и 43 стеклянные бусины (7 серебро-стеклянных) (рис. 166, 1а), одна бусина из белого металла (бипирамидальной формы, имитирующей форму бус из горного хрусталя и сердоликовых) (рис. 166, 1в) и шесть позолоченных полых пуговиц из медного сплава (№ 23, рис. 166, 1з). Бусы, вероятно, входили в состав ожерелья, к которому принадлежали и лунницы, а пуговицы могли относиться к воротнику одежды. Рядом с черепом и левой плечевой костью лежала сильно корродированная железная цепочка из восьмеркообразных звеньев, свернутая в компактный комок (№ 24, рис. 167, 1). К цепочке был привешен какой-то железный предмет, форма которого невосстановима из-за коррозии²⁶. В районе пояса погребенной найдено шиферное битрапецеидное пряслице (№ 25, рис. 166, 4). В центральной части могилы, у ее северо-западной стенки, лежал рубчатый перстень из медного сплава (№ 26, рис. 166, 2). Напротив него, у юго-восточной стенки могилы (в 60 см от черепа), найден фигурно-щитковый сомкнутый перстень из медного сплава (№ 27, рис. 166, 3). Эти перстни маркируют размещение кистей рук погребенной, которые, вероятно, были вытянуты вдоль тела.

Выводы. Почвоведческие исследования показали, что насыпь кургана 6 создавалась из перемешанных грунтов почвенного горизонта и нижележащих песчано-гравийных отложений. Курган сооружен на сильно поврежденном, сохранившемся фрагментарно почвенном горизонте, причиной чему была подрезка этого горизонта при возведении кургана 1. Судя по полному отсутствию

²⁶ Возможно, это была трехпетельчатая подвеска, бронзовые аналогии которой известны в курганных древностях Северо-Западной Руси (Соболев, 2006. Рис. 4, 11).

погребенной почвы под южной частью насыпи, вплотную примыкавшей к кургану 1, временной разрыв между сооружением этих курганов был очень небольшим. Исследованное в кургане погребение принадлежало женщине, похороненной в берестяном гробу-коробе, с ожерельем, включавшим восемь лунниц (обычно такие привески встречаются в значительно меньшем числе). Отличительной чертой была контрастирующая с обилием украшений головы и шеи бедность украшений рук: браслеты отсутствовали вовсе, а на каждой из рук было всего по одному перстню. Что касается шиферного пряслица, то подобные находки в курганных погребениях довольно редки, но они известны как среди ранних погребений, так поздних, вплоть до XIII в. В труположениях такие находки обнаруживаются обычно у ног или рук погребенных, известно также несколько случаев фиксации пряслиц в районе тазовых костей (Мальм, 1971. С. 200–202).

Наличие в уборе погребенной бипирамидальных сердоликовых бус при отсутствии бус из горного хрусталя свойственно первой половине – середине XII в. (Седова, 1997. С. 82), однако надо учитывать, что погребение принадлежало очень пожилой (по меркам того времени) женщине, убор которой мог формироваться в период ее молодости, т. е. на 30–40 лет раньше совершения захоронения. На основе этих данных датировка кургана 6 возможна в пределах середины – третьей четверти XII в.

Курган 7

До начала работ в качестве кургана 7 рассматривалась небольшая возвышенность к ССВ от кургана 6 (рис. 113). Однако вскоре после начала ее вскрытия стало ясно, что она представляет собой кучу современного мусора, заваленную землей и поросшую растительностью²⁷. Однако после разборки этого навала именно под ним обнаружено аморфное продолговатое углубление в материке размером 4,4×2,6 м, вытянутое по линии З–В и заполненное крупнозернистым песком с гравием. Глубина западины не превышала 0,3 м. На ее дне обнаружены бессистемно расположенные человеческие кости (рис. 117). Среди них находились обломки тазовых костей, кости рук (?), бедренные кости и крестец. К востоку от этого углубления под слоем мусора и современным дерном обнаружен

обломок черепа человека. Согласно антропологической экспертизе, здесь находились кости, принадлежавшие одному мужчине старше 50 лет.

К западу от углубления с костями обнаружена яма неправильных очертаний (6,3×3,0 м), которая могла являться ровиком кургана (рис. 114, 120). Основным заполнением ямы был гумусированный пылеватый песок. В наиболее глубокой ее части зафиксирована прослойка светло-коричневой супеси с углем мощностью 0,04–0,2 м.

Обнаруженное скопление костей могло принадлежать разрушенному погребению, находившемуся в полностью уничтоженном кургане и совершенному в очень неглубокой могильной яме (или на уровне древнего горизонта?). Датировка этого полностью разрушенного погребения невозможна.

Курган 8

Насыпь этого кургана²⁸ размещалась к ВЮВ от кургана 7. Форма остатков насыпи в плане до начала раскопок – округло-овальная, диаметром 6–7 м (рис. 113). Максимальная сохранившаяся высота от древнего горизонта составляла 0,6 м. В центре кургана фиксировалась обширная (3×3 м) частично заплывшая яма, уничтожившая большую часть насыпи. Ровики не прослеживались.

В заполнении ямы, разрушившей курган, обнаружены обломок белоглиняного горшка (№ 30, рис. 168, 3), принадлежавшего к тому же сосуду, что и обломок из восточного ровика кургана 9 (см. ниже № 29, рис. 170, 2). Вероятно, изначально этот обломок находился в самой насыпи.

Стратиграфия (рис. 118). Насыпь кургана сохранилась очень фрагментарно. На материке залегал слой погребенной почвы (светло-серая супесь) мощностью до 0,25 м. Под восточной полой насыпи часть погребенной почвы срезана до материка. Насыпь кургана (во всяком случае, ее нижняя часть, сохранившаяся на высоту до 0,6 м) возведена из рыжего крупнозернистого песка с гравием. Древнюю поверхность кургана маркировала прослойка почвенного темно-серого гумуса, мощностью около 0,05 м. Грунт, выброшенный из грабительской ямы в центре кургана, фиксировался по склонам насыпи.

Ровики. Курган опоясывали с С, З и Ю три заглибленных в материк ровика, разделенных перемычками (рис. 114, 118, 120), находившимися вну-

²⁷ Судя по глазомерной съемке 1996 г., проведенной Н. А. Кренке, именно на этом месте размещались остатки полностью разрушенной насыпи (курган 1 по его нумерации) с обширной грабительской ямой в центре (рис. 10).

²⁸ Соответствует кургану 3 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

три кольцевидной подрезки почвенного горизонта. Глубина ровиков от уровня древнего горизонта колебалась от 1,0 до 1,8 м.

Северный ровик в плане неправильной формы, поскольку сливался с несколькими ямами иного происхождения, располагавшимися к С и СВ от него (эти ямы выходили частично за пределы раскопанной площади). Конфигурацию ровика удалось выявить только после зачистки поверхности материка. Длина его – 6,7 м, ширина – 1,8–4,2 м. Основным его заполнением был серо-коричневый пылеватый гумусированный песок. В восточной, самой глубокой части ровика, в средней части заполнения, фиксировался слой пылеватого песка мощностью 0,8 м, включавший в себя линзу пылеватого песка с углем толщиной до 0,26 м, которая, в свою очередь, включала прослойку золы (рис. 119, 2).

Западный ровик овальной формы (3,8×3 м) имел многослойное заполнение (рис. 118, 3). В его придонной части залегал гумусированный серо-желтый песок (прослойка толщиной до 0,6 м). Выше лежала тонкая (0,02 м) прослойка угля, поверх которой залегал слой коричневого пылеватого песка, а на нем находилась еще одна угольная прослойка (толщиной 0,02–0,03 м). Выше лежали слои рыжего крупнозернистого песка с гравием, однородного крупнозернистого рыжего песка и гумусированного пылеватого песка общей мощностью до 0,4 м. Их перекрывала гумусная прослойка (остатки современной дернины), поверх которой фиксировался слой рыжего крупнозернистого песка с гравием – выброс из современной ямы, расположенной к З от ровика.

Южный ровик прорезан северным ровиком более позднего кургана 9 (рис. 41). Длина сохранившейся части ровика – 5,7 м, ширина – 3,3–4,7 м. Основное его заполнение – гумусированный пылеватый песок. По северному краю фиксировался заплыв из коричневого пылеватого песка. В заполнении юго-восточной части ровика преобладал пылеватый песок с золой и углем. Практически везде в придонной части заполнения фиксировались золистые и угольные прослойки и линзы.

Погребение 1 размещалось под центром курганной насыпи. После зачистки по материк выявлен обширный (4,5×4,5 м) перекоп подпрямоугольной формы, практически полностью разрушивший всю верхнюю часть могильной ямы (рис. 114, 118, 119), от которой сохранилась только ее придонная часть (на 30–40 см), заполненная рыжим песком с гравием. В плане могильная яма прямоугольной формы, с немного закругленными углами (2,50×0,95 м), ориентирована длинной осью

по линии 3–В. Дно могилы располагалось на глубине 1,0 м от уровня древнего горизонта.

В северо-восточной части могильной ямы фиксировалась полоса тлена длиной 0,85 м и шириной 0,02 м, оставшаяся от гробовища. От погребенного остались лишь отдельные мелкие кости и их обломки (позвонки, ребра и т. д.), в основном плохой сохранности. Большинство из них лежало скученно в центральной части могильной ямы. Согласно антропологической экспертизе, костные останки предположительно принадлежали женщине в возрасте 35–40 лет. В скоплении костей посреди могильной ямы обнаружены три пластинчатых широкосрединных перстня из медного сплава (№ 31, рис. 168, 2), связанные веревочкой. Скопления украшений, не надетых на погребенного, а положенных в могилу отдельно, обычно рассматривают или как жертвенные комплексы, или как посмертные дары близких усопшему.

Выводы. Курган 8 практически полностью уничтожен перекопом. Отсутствие в разрушенном погребении черепа и необычно крупные размеры перекопа (свидетельство масштабных работ) позволяют допускать, что курган относится к числу насыпей, раскопанных в 1924–1927 гг. В. А. и М. В. Городцовыми. Антропологические данные указывают на то, что погребение принадлежало женщине. Разрушенность скелета свидетельствует в пользу определения (проводился поиск украшений, сопровождавшийся смещением костей). Посмертные дары также известны в могильнике только в женских погребениях. Правда, из могилы были изъяты длинные кости скелета, которые М. В. Городцов оставлял на месте (см. курган 11), а яма-колодец не была засыпана после завершения раскопок. Но нельзя исключать того, что именно в данном случае обычный порядок был по какой-то причине нарушен и колодец оставлен незасыпанным.

Среди восьми курганов с женскими захоронениями, вскрывавшимся в 1924–1927 гг., могилу глубиной около 1 м и ориентировку по линии 3–В имели погребения в курганах III, VI, XII. Но по размерам могильной ямы захоронения в курганах III и VI не могут быть идентифицированы с курганом 8 (в первом могильная яма была уже, шириной всего 0,7 м, а во втором – короче, длиной 2,2 м). Остается только курган XII, могила которого по всем характеристикам (размеры, глубина, ориентировка) идентична могиле в кургане 8.

Курган 8 (XII) насыпан раньше кургана 9, поскольку его ровик успел заплывть грунтом, после чего он был прорезан ровиком кургана 9. Если

идентификация данного кургана с насыпью XII из раскопок М. В. Городцова верна, то это был именно тот курган, в котором найдено единственное овалнощитковое височное кольцо (наряду с перстнеобразными загнутоконечными), что позволяет относить данное захоронение к числу самых ранних в могильнике. Возможно, его следует датировать серединой XII в.

Курган 9

Форма кургана до начала раскопок в плане округло-овальная (диаметр насыпи составлял 7–9 м)²⁹. Сохранившаяся высота кургана от уровня древнего горизонта – 1 м (рис. 70, 75). В центре насыпи размещалась обширная частично запыленная грабительская яма. Ровики визуально не прослеживались. С северной стороны к кургану 9 вплотную примыкал курган 8, с ЮЗ – курган 10.

Стратиграфия (рис. 75). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь) мощностью до 0,18 м. К Ю, З и В от центра насыпи (у ее границ) погребенная почва срезана кольцом на ширину 2,5–3 м. К С от могильной ямы она вообще отсутствовала, насыпь здесь сооружалась непосредственно на материковом грунте. Основу сохранившейся насыпи составлял слой переотложенной погребенной почвы (серо-коричневая супесь) мощностью до 0,45 м. В северной поле насыпи этот грунт имел наименьшую мощность – 0,1 м, эта часть насыпи сооружена из рыжего крупнозернистого песка с гравием. Из этого же грунта сложен верх остальных частей насыпи (максимальная сохранившаяся мощность этого слоя составляла 0,35 м). Края насыпи маркировали прослойки темно-серого гумуса и гумусированного пылеватого песка толщиной от 0,2 до 0,3 м (почва, сформировавшаяся на поверхности насыпи). В центральной части насыпи находился грабительский перекоп. Выброшенный из него грунт фиксировался по склонам насыпи поперек прослоек почвы.

Под насыпью, на поверхности погребенной почвы, к С от погребения обнаружено несколько валунов различных размеров (рис. 39).

Ровики. Курганы опоясывали с С, В и Ю три заглибленных в материк ровика, разделенных перемычками (рис. 75, 79). Их глубина от уровня древнего горизонта колебалась от 0,55 до 1,8 м. Между заглибленными в материк ровиками зафиксирована

подрезка почвенного горизонта, иногда вместе с верхней частью материка.

Северный ровик частично перекрывал и прорезал заполнение южного ровика кургана 8 (рис. 41, 75). Длина его – около 10 м, ширина – до 4,3 м. Основным заполнением ровика был серо-коричневый пылеватый гумусированный песок. В западной части ровика фиксировался слой пылеватого песка с включением золы мощностью до 0,2 м, внутри которого имелась прослойка угля толщиной 0,02 м (рис. 40, 76). В центральной части ровика залегал темно-серый гумусированный слой мощностью до 0,35 м. В верхней части заполнения ровика найдены:

1) венчик красноглиняного горшка (№ 35), который склеился с обломком из ровика кургана 6 (см. выше № 3) и развалом стенки из заполнения могильной ямы в кургане 9 (см. ниже № 37). Горшок (рис. 168, 1) изготовлен из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва крупная», его поверхность украшена линейным орнаментом, выполненным гребенкой – в манере, совершенно не свойственной московоречевой красноглиняной керамике, но применявшейся в декоре белоглиняной посуды южнорусской (поокской) традиции. Такое заимствование непривычного для гончаров московоречевой гончарной традиции приема декора не могло появиться ранее середины XII в. и позже третьей четверти того же столетия (после прекращения производства в Московоречье белоглиняной посуды южнорусского облика). Судя по месту находки, венчик горшка мог попасть в ровик из насыпи кургана (в ходе ее оплывания), но более вероятно, что он оказался здесь как выброс из грабительской ямы, т. е. изначально находился либо в насыпи, либо в заполнении могилы;

2) развал верхней части (горловины и плечика) серолощеного кувшина XVIII в. (№ 36, рис. 169, 1), изготовленного из формовочной массы рецепта «глина + песок мелкий». Этот обломок попал в ровик уже в новое время, когда курганы посещались окрестными крестьянами.

В нижней части заполнения западной половины ровика найдено несколько обломков от одного красноглиняного горшка домонгольской эпохи (№ 33, 39, рис. 169, 2, 3). Горшок прошел полный окислительный обжиг (изготовлен из формовочной массы рецепта «глина + дресва мелкая и крупная», глина светло-красная мажущаяся, без включений песка).

²⁹ Соответствует кургану 4 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

Восточный ровик размерами 6,3×2,8 м заполнен серо-коричневым гумусированным пылеватым песком. В центральной части ровика фиксировался слой пылеватого песка с примесью гумуса и угля, наибольшее скопление угля находилось в придонной части этого слоя, его мощность – до 0,4 м. В южной части ровика, у самого дна, обнаружен развал (семь обломков) нижней части красноглиняного горшка (№ 34, рис. 170, 1) из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва крупная» с дном на зольной подсыпке. Датировка этого сосуда возможна в пределах домонгольской эпохи.

В этом же ровике найден обломок белоглиняного горшка (№ 29, рис. 170, 2), изготовленного из глины с примесью крупного речного песка и органики, прошедшего полный окислительный обжиг. Линейный орнамент на поверхности горшка выполнен гребнем. Такая керамика хорошо известна на селище Мякинино 1 и на других памятниках верхнего Москворечья, где она бытовала в середине – второй половине XII в. (Коваль, Хижняков, 2005; Коваль, 2008; 2010). На внешней поверхности образца сохранился нагар (он пропитывал и всю толщу черепка). Второй обломок этого же горшка найден в перекопе над центром кургана 8 (см. выше № 30, рис. 168, 3).

Южный ровик уходил в борт раскопа, соприкасаясь своим юго-западным краем с восточным ровиком кургана 10. Его длина (в пределах раскопа) – 7,5 м, ширина – 3,5 м. В верхней части западной половины ровика выявлен массив прокаленной глины размерами 1,0×0,4 м. Заполнение ровика неоднородное, в его придонной части залегал слой серой гумусированной супеси мощностью до 0,7 м, перекрытый дерном (серая супесь) толщиной 0,03 м. Верхняя часть заполнения состояла из серо-коричневого гумусированного пылеватого песка мощностью 0,8 м.

При разборке верхней части заполнения южного ровика обнаружены:

1) обломок стенки красноглиняного горшка (№ 32, рис. 170, 3), изготовленного из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва крупная», прошедшего неполный окислительный обжиг, с линейным орнаментом, выполненным палочкой, относившегося к домонгольской эпохе;

2) обломок днища белоглиняного горшка коломенского типа XVII–XVIII вв. (№ 38, рис. 170, 4).

Погребение 1. После зачистки по материке под центром курганной насыпи выявлен обширный грабительский перекоп овальной формы, разрушивший края могильной ямы, контуры которой

прослежены лишь 0,7 м ниже уровня древнего горизонта (рис. 42, 75, 76). Заполнением ямы был коричневый пылеватый песок. В плане могильная яма была подпрямоугольной формы (2,5×1,0 м), ориентирована длиной осью по линии 3–В. Глубина ямы от уровня древнего горизонта достигала 1,0 м. При разборке заполнения ямы обнаружен развал стенки (с частью дна с подсыпкой дресвы) красноглиняного горшка (№ 37), которому принадлежали также венчики из северного ровика кургана 9 (см. выше № 35) и западного ровика кургана 6 (рис. 168, 1).

От погребенного сохранились лишь отдельные кости и их обломки (рис. 42, 75). В западной части могильной ямы лежали две кости конечностей и еще одна небольшая кость. Еще одно скопление обломков костей находилось в восточной части могилы, к СЗ от них на песчаном заплыве лежал череп. Согласно антропологической экспертизе, костные останки из погребения принадлежали мужчине в возрасте 40–45 лет.

Яма 1. Юго-западный край восточного ровика прорезала яма 1 овальной формы (размерами 300×195 см), ориентированная длинной осью по линии В–3, глубиной до 0,7 м. Верхняя часть заполнения ямы представляла собой рыжий песок с гравием мощностью до 0,4 м, включавший в себя гумусные линзы разной величины. Ниже и вдоль северной стенки находился серо-коричневый слой гумусированного пылеватого песка толщиной до 0,2 м (рис. 76). Яма относилась к периоду, следовавшему после затягивания ровика грунтом, т. е. к позднесредневековой эпохе. Возможно, она синхронна обломку горшка XVII–XVIII вв. из верхней части заполнения ровика.

Выводы

Как показали палеопочвенные исследования, курган 9 насыпан из смеси грунтов почвенного горизонта и материковой песчано-гравийной породы, т. е. аналогично кургану 6. Насыпь кургана возводилась на сильно поврежденной предшествующими подрезками поверхности почвы (возможно, для создания насыпи кургана 1). Курган 9 включал погребение, разрушенное при грабительском разрытии. По данным стратиграфии, курган 9 насыпан позже кургана 8, т. к. его северный ровик прорезал заполнение южного ровика этого более раннего кургана. Присутствие в ровиках курганов 6 и 9 обломков от одного и того же горшка, датировка которого возможна в узких пределах третьей четверти XII в., позволяет довольно точно датировать время насыпки этих курганов и констатировать их синхронность.

Курган 10

Насыпь кургана³⁰ до начала раскопок была в плане округло-овальной (поперечником 6–6,7 м). Максимальная сохранившаяся высота от уровня древнего горизонта – 0,8 м. В центре вершины кургана фиксировался заплывший современной перекоп (остатки выгребной ямы 1950-х гг., судя по находкам мусора в ее заполнении). Ровики на уровне дневной поверхности не прослеживались. Курган 10 вплотную примыкал с ЮЗ к кургану 9 и с ЮВ – к кургану 1 (рис. 70).

Стратиграфия (рис. 77). На материке местами сохранился слой погребенной почвы (светло-серая супесь) толщиной 0,1 м. К З от центра насыпи у ее границы фиксировалась подрезка погребенной почвы. В южной части насыпи ее нижний горизонт толщиной 0,1 м состоял из рыжего крупнозернистого песка с примесью коричневого пылеватого песка. Основную часть сохранившейся насыпи составлял слой коричневого пылеватого песка с включениями рыжего крупнозернистого песка и гравия, мощностью до 0,7 м. Древнюю поверхность насыпи маркировали прослойки темно-серой гумусированной супеси и гумусированного пылеватого песка, толщиной до 0,1 м. Грунт, выброшенный из перекопа в центре насыпи, залегал на склонах насыпи поверх этих прослоек.

Ровики. Курган опоясывали с ЮВ и ЮЗ два заглубленных в материк ровика размерами 9×3 и 6×2,4 м соответственно (рис. 71, 77, 79), находившиеся внутри кольцевидной подрезки почвенного горизонта. Глубина ровиков от уровня древнего горизонта составляла 0,2–0,9 м. Основным заполнением служил серо-коричневый гумусированный пылеватый песок. В заполнении юго-восточного ровика обнаружены обломки нижней части красноглиняного горшка (№ 28, рис. 172, 3), изготовленного из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва крупная», с дном на зольной подсыпке, относившегося к домонгольской эпохе.

Погребение 1. Могильная яма размещалась под центром курганной насыпи. Северный ее край прорезан выгребной ямой 1950-х гг. В плане могила была прямоугольной формы (3,2×1,1 м), ориентирована длиной осью по линии В–3, глубиной до 0,8 м. Заполнение могильной ямы состояло из рыжего песка с гравием. На высоте 0,1 м от дна могильной ямы прослежены следы деревянного гробовища прямоугольной формы (1,8×0,7 м

в виде параллельных полос древесного тлена шириной около 0,02 м (рис. 43, 78). Восточный край гробовища не сохранился.

Следы черепа погребенного фиксировались в виде пятна тлена по форме верхней части черепа (глазницами вверх). От костяка сохранились лишь отдельные кости. Исходя из расположения всех сохранившихся костей и пятен тлена, можно сделать вывод, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З, причем правая рука слегка согнута в локте (кость располагалась на животе), а левая рука вытянута вдоль тела. Согласно антропологической экспертизе, погребение принадлежало женщине в возрасте 25–30 лет (см. Приложение 5).

В погребении обнаружен сопровождающий инвентарь. В районе черепа были найдены 56 стеклянных бусин (№ 10, рис. 171, 2), входивших, видимо, в состав ожерелья. Основную их массу (41 экз.) составляли винтообразные бусины (4 целые и 37 обломков) из прозрачного бирюзового (37 экз.) и фиолетового (4 экз.) стекла. Кроме того, здесь найдены зонные бусины из желто-зеленого (7 экз.), синего (5 экз., одна из них сдвоенная) и бирюзового (1 экз.) стекла, битрапециодная бусина из синего стекла и корродированная эллипсоидная усеченная дважды бусина, цвет и прозрачность стекла которой оказались неопределимы.

Здесь же, у левой стороны нижней челюсти, найдено серебряное трехбусинное височное кольцо диаметром 3 см с ажурными бусинами³¹ (рис. 44). С правой стороны от нижней челюсти (от нее сохранились только несколько зубов и полоса тлена) были расчищены полностью корродированные остатки двух перстнеобразных височных колец из медного сплава (№ 11, рис. 171, 1). Правую руку погребенной женщины украшал литой ложновитой разомкнутый браслет из медного сплава (№ 4, рис. 171, 3). В районе пояса также обнаружены предметы из медного сплава: поясное кольцо (пряжка без язычка) (№ 6, рис. 172, 1) с остатками тканого шерстяного пояса и шарообразный линейнопрорезной бубенчик (№ 7, рис. 172, 2). Здесь же, среди окислов меди, найдено еще несколько текстильных фрагментов (ткань полотняного переплетения и отдельные шерстяные нити). В пятне тлена от тазовых костей найден ложноплетеный сомкнутый перстень (№ 9, рис. 171, 4), надетый, вероятно, на один из пальцев правой руки. Среди костей пальцев левой руки обнаружены еще один ложновитой сомкнутый перстень из медного сплава

³⁰ Соответствует кургану 7 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

³¹ К сожалению, это кольцо рассыпалось на части сразу после изъятия из земли.

(№ 5, рис. 171, 5) и ячеиковый перстень из медного сплава (№ 8, рис. 171, 6).

Яма 1

На расстоянии 1,5 м к С от могилы находилась овальная в плане (поперечником 1,2 м) и чашевидная в разрезе яма (глубина 0,5 м), заполненная светло-коричневым пылеватым песком, включавшим тонкую (0,02 м) прослойку угля. Ниже находились две линзы рыжего песка и прослойка серой супеси с примесью угля и золы. В придонной части ямы прослеживалась зольная прослойка толщиной до 0,03 м. Наличие золы и углей позволяет допускать разные интерпретации данного объекта (в т.ч. как искусственно вырытого), однако эта яма могла быть также оставлена упавшим в древности деревом (в результате ветровала или целенаправленной корчевки).

Выводы. Согласно почвоведческим исследованиям, насыпь кургана 10 сформирована целиком из древнего почвенного грунта (правда, верхняя часть насыпи кургана не сохранилась). Поверхность почвенного горизонта к моменту возведения насыпи была сильно повреждена подрезками, проводившимися для сооружения более ранних курганов. Вероятно, курган 10 насыпался после возведения курганов 1, 6 и 9. В кургане 10 совершено погребение молодой женщины, похороненной в своеобразном уборе, включавшем тканый пояс с поясным кольцом, два трехбусинных височных кольца, ожерелье из синих и бирюзовых стеклянных бусин, браслет на правой руке и три перстня на пальцах рук. Ячеиковый перстень датируется временем не ранее третьей четверти XII в. (Равдина, 1975. С. 88; 1978. С. 138), что позволяет нам (учитывая также данные планиграфии), с большой долей вероятности датировать погребение последней четвертью XII в.

Курган 11

Насыпь кургана полностью сивелирована и не читалась на местности³² (рис. 99), а выявить все ровики этого кургана не удалось из-за проведения раскопок на участке среди деревьев, уборка которых в момент производства работ была невозможна. К С и СВ от могилы в материк врезаны пять ям, две наиболее удаленные из которых (ямы 4 и 5), вероятно, служили ровиками этого кургана. Остальные ямы в этом случае могли иметь ритуальное назначение. Рядом с ямами, в прослойке светло-серого пылеватого песка с включениями

рыжего крупнозернистого песка с гравием мощностью до 0,2 м (представлявшей собой, вероятно, переотложенные остатки почвенного горизонта или насыпи), обнаружен крупный обломок венчика древнерусского красноглиняного горшка с морфологическими признаками XII в. (№ 12, рис. 173, 5). Рядом с ним найдены еще три мелких обломка от двух других горшков домонгольской эпохи.

Северо-восточный ровик (яма 4) располагался в 3,2 м к СВ от погребений 1 и 2. В плане имел подквадратную форму (1,7×1,4 м), ориентирован длинной осью по линии ЮЗ–СВ, глубина от поверхности материка – 0,4 м (рис. 100, 1, 3). Заполнение состояло из серого гумусированного песка, смешанного с рыжим материковым песком. На дне ровика обнаружено скопление мелких камней, рядом с которыми находились угли и зола.

Северный ровик (яма 5). Яма обнаружена в 3,8 м к С от погребений 1 и 2. Северный край ровика разрушен современным перекопом (рис. 100, 1, 3). В плане имел неправильную овальную форму (1,9×1,1 м), длинной осью по линии З–В, глубина от поверхности материка – 0,3 м. Заполнение состояло из последовательно залегающих прослоек рыжего материкового песка, угля (толщиной 0,05 м), рыжего материкового песка с гравием и серого гумусированного песка (толщиной до 0,2 м). В верхней части заполнения ямы, в угольном слое, найден линейнопрорезной литой шарообразный бубенчик из медного сплава (№ 11, рис. 173, 4).

Погребения 1 и 2. Яма с погребениями 1 и 2 имела размеры 2,7×2,7 м (рис. 45, 103). Ее заполнение состояло из смеси серого пылеватого песка и рыжего песка. Яма разделялась материковой перемычкой (шириной 0,4–0,6 м на две равные части, в которых размещались могилы, ориентированные длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ).

Погребение 1. Южная могила имела длину 2,4 м, ширину 1,1 м и глубину 0,8 м (от поверхности материка, т.е. около 1,0 м от реконструируемого уровня древнего горизонта). На ее дне лежал погребенный, большая часть костей которого сохранилась *in situ* (рис. 46, 103). Разрушения заметны лишь в правой половине и верхней части костяка. Отсутствовали череп, шейные позвонки, правая плечевая кость и ребра справа; лопатка и ключица оказались смещены и находились у левого плеча. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть не сохранилась; правая – согнута

³² На плане Н. А. Кренке 1996 г. примерно на месте описываемого кургана показана насыпь № 8 (рис. 10), однако она отнеслась, вероятно, к еще одному кургану, не попавшему в наши раскопки (она могла размещаться на пространстве между раскопами I и IV (рис. 12).

в локте, предплечьем и кистью – на тазе. Согласно антропологической экспертизе, этот костяк принадлежал мужчине в возрасте от 25 до 50 лет (см. Приложение 5). Сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Погребение 2. Располагалось в 1 м к С от погребения 1, параллельно ему в могиле длиной 2,7 м, шириной 1,1 м и глубиной 0,6 м (от поверхности материка, т.е. около 0,8 м от уровня древнего горизонта). В западной части могилы, на дне, обнаружено скопление костей взрослого человека, лежавших без какого-либо порядка, причем часть костей (в том числе череп) отсутствовала. Согласно антропологической экспертизе, они принадлежали подростку 15,5–16,5 лет (см. Приложение 5).

Среди костей в этом скоплении найдены две стеклянные зонные бусины – синяя и фиолетовая (№ 8, 9, рис. 173, 2, 3), а также обломок колечка из медного сплава (№ 10, рис. 173, 1).

Расположение погребений 1 и 2 идентично двум погребениям (также с номерами 1 и 2), обнаруженным М. В. Городцовым в 1927 г. под курганом XIV (по нумерации 1928 г.). Погребение 1, согласно публикации материалов этих раскопок, было мужским и безынвентарным, а погребение 2 – женским и содержало среди инвентаря стеклянные бусы (Городцов, 1928. С. 549, 550). Это позволяет объяснить отсутствие черепов в обоих погребениях (они, вероятно, были изъяты как антропологический материал, хорошую сохранность костяка в погребении 1 (мужское безынвентарное погребение, которое, вероятно, расчищалось наскоро, не полностью) и перемешанность костей в погребении 2 (женское погребение с разнообразным инвентарем, изъятие которого потребовало смещения костей с мест).

Яма 1 открыта на расстоянии 0,1 м к СВ от погребений 1 и 2, причем своим северо-восточным краем она соприкасалась с ямой 2 (рис. 100). В плане яма 1 имела неправильную округлую форму (поперечником 1,4–1,8 м), ориентирована на длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. В сечении воронковидная, с почти отвесной западной стенкой и более пологой восточной (глубина ямы от поверхности материка – 1,0 м). Заполнение ямы состояло из серого гумусированного песка, смешанного с рыжим материковым песком. Никаких находок в яме 1 не встречено.

Яма 2 примыкала с СВ к яме 1, а своим восточным краем почти соприкасалась с ямой 3 (отделена от нее расстоянием 0,1 м). В плане она имела непра-

вильную овальную форму (1,4×0,8 м), ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. В сечении имела наклонные стенки и плоское дно (глубина от поверхности материка – 0,4 м). Заполнение ямы состояло из серого гумусированного песка, смешанного с рыжим материковым песком (рис. 100, 1, 3).

Яма 3 имела неправильную овальную форму (1,7×1,0 м), ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 100, 1, 3). Ее северо-восточный край перерезан ямой 4 (см. выше). В сечении имела отвесную западную стенку и более пологую восточную (глубина от поверхности материка – 0,2 м). Заполнение ямы состояло из серого гумусированного песка, смешанного с рыжим материковым песком, т.е. не отличалось от заполнения ям 1 и 2. У дна ямы зафиксированы мелкие угольки.

Выводы. Судя по отсутствию непотревоженного почвенного горизонта под курганом 11, он был насыпан не на начальном этапе существования могильника, когда вокруг наиболее ранних курганов этот слой уже был срезан для возведения насыпей. Инвентарь женского погребения в кургане XIV раскопок М. В. Городцова включал перстнеобразные височные кольца (рис. 153, 1), стеклянные (и одну сердоликовую) бусины (рис. 153, 3), лунницевключенную (рис. 153, 5) и крестовключенную (рис. 153, 6) подвески, характерные для вятичских древностей XII–XIII вв. (Голубева, 1997. С. 155. Табл. 92, 19, 22). Однако крестовключенные подвески в не меньшей степени характерны и для Северо-Западной Руси (Седова, 1997. С. 68. Табл. 53, 27). Датировка погребений в кургане 11 (XIV) допустима в пределах второй половины XII в.

Курган 12

Курган 12 располагался к Ю от кургана 5, до начала работ остатки его насыпи³³ имели округлую в плане форму диаметром 6 м. Насыпь сильно повреждена (в центре кургана фиксировалась заплывшая грабительская яма) и сохранилась на высоту 0,45 м от древнего горизонта (рис. 80, 85). К С от кургана на дневной поверхности слабо прослеживался ровик глубиной до 0,4 м. В заполнении грабительской ямы обнаружен костяк лошади, труп которой был буквально свернут кольцом и так втиснут в яму. Следовательно, для захоронения лошади яма не вырывалась, а использовано уже имевшееся углубление, оставшееся от грабительской ямы.

³³ Соответствует кургану 11 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

Стратиграфия (рис. 85). На материке залегала погребенная почва (слой светло-серой супеси) мощностью до 0,3 м, с прослеживаемой полосой погребенного дерна. К С, В и З от центра насыпи у ее границ фиксировалась подрезка погребенной почвы на ширину 1,8–2,0 м (остатки кольцевого ровика). Насыпь сложена из рыжего крупнозернистого песка с гравием, помещенного непосредственно на горизонт. Выброшенный из грабительской ямы грунт фиксировался на склонах насыпи, поверх засыпанной им дернины (прослойки темно-серой гумусированной супеси).

Ровики. К кургану относились два заглубленных в материк ровика, находившихся внутри кольцевидной подрезки почвенного горизонта (рис. 81, 85, 89). Северный ровик размерами 10,0×2,8 м имел глубину 0,95 м от уровня древнего горизонта. Глубина юго-восточного ровика (размерами 5,8×3,1 м) составляла 0,8 м. Основным заполнением обоих ровиков был серый гумус, на дне их залегали прослойки серо-коричневого пылеватого гумусированного песка толщиной 0,2–0,45 м.

В юго-западной части кургана, между ровиками, частично под насыпью, размещалась вытянутая по линии З–В яма (№ 5 по полевой нумерации, вошедшая в раскоп частично), длиной более 4,8 м при ширине 2,0 и глубине 0,4 м, которая планиграфически не могла служить ровиком какого-либо кургана (рис. 81). Заостренный восточный край этой ямы размещался всего в 1 м к ЮЗ от подкурганного погребения. Заполнение состояло из пылеватого песка, т. е. было схоже с переотложенным почвенным горизонтом. Возможно, эта яма имела ритуальное назначение.

Погребение 1. Грабительский перекоп полностью уничтожил края могилы на уровне материка (рис. 47, 85, 86). Могильная яма, размещавшаяся под центром курганной насыпи, в плане была прямоугольной (размерами 2,1×1,2 м), ориентирована длиной осью по линии З–В, глубиной 1,6 м от уровня древнего горизонта. Заполнение могилы состояло из рыжего песка с гравием. В заполнении обнаружены обломок венчика и дна (на зольной подсыпке) от красноглиняного горшка домонгольской эпохи (формовочная масса + дресва) (№ 17, рис. 173, 6, 7).

Погребение разрушено грабительским перекопом, однако в придонной части заполнения ямы удалось выявить контуры пятна тлена подпрямоугольной формы (2,0×0,6 м), вероятно, представлявшего собой следы гробовища. Антропологический материал сохранился фрагментарно: в юго-западном углу могильной ямы лежали большие берцовые кости, в центре могилы – обломки бедренной

и плечевой костей, черепная коробка. Никакого сопровождающего инвентаря в погребении не обнаружено. Антропологическая экспертиза показала, что погребение принадлежало индивиду 60–65 лет, который по косвенным признакам мог быть женщиной (см. Приложение 5).

Выводы. Курган 12 сооружен на неплохо сохранившемся почвенном слое, но его насыпь сложена целиком из материкового грунта. В кургане совершено погребение, разрушенное грабительской ямой. Исходя из антропологического определения и судя по сильной перемешанности костей (вероятно, результату поиска вещей грабителями), можно полагать, что погребение принадлежало пожилой женщине. Датировка кургана затруднена, но сохранившийся почвенный горизонт под ним указывает на раннюю дату возведения насыпи, возможно, в пределах первой половины – середины XII в.

Курган 13

В качестве кургана 13 при составлении плана могильника рассматривалась небольшая насыпь к СВ от кургана 5. К моменту начала раскопок эту насыпь почти полностью уничтожили современные перекопы (рис. 105). Диаметр ее составлял 10 м (такой размер реконструируется и по распространению погребенной почвы, см. ниже). Остатки сохранились на высоту не более 0,6 м.

Стратиграфия (рис. 110). В центре насыпи зафиксирован котлован подвала подквадратной формы (4,5×4,3 м) глубиной 1,6 м от современной дневной поверхности. В подвал вела бетонная лестница с северной стороны. Заполнение котлована состояло из современного бытового мусора. Вероятно, котлован выкопан в первой половине XX в. и служил погребом или иным хозяйственным помещением на территории пионерского лагеря, занимавшего площадку могильника.

На поверхности материка к Ю, В и З от котлована, т. е. предполагаемого центра насыпи, фиксировалась погребенная почва (слой светло-серой подзолистой супеси), перекрытая слоем серой гумусированной супеси, которая, скорее всего, являлась пахотным горизонтом. Его нижняя граница достаточно хорошо видна, хотя немного размыта. Общая мощность этих слоев составляла до 0,35 м. Выше залегал слой переотложенного почвенного грунта толщиной до 0,2 м. У южного и западного краев насыпи и за ее пределами погребенная почва отсутствовала. К С от центра насыпи древняя почва сохранилась крайне фрагментарно, над ней залегал слой коричневого пылеватого песка мощностью

до 0,5 м. Остальные части насыпи состояли из яркого красновато-рыжего крупнозернистого песка с гравием (толщина от 0,1 до 0,35 м).

При разборке остатков насыпи в северо-восточном секторе в пахотном горизонте встречены обломки керамики:

1) неполный развал красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» (№ 3, рис. 174, 4), состоявший из 26 обломков. По технологическим и морфологическим признакам горшок относился к домонгольской эпохе;

2) венчик другого (аналогичного) горшка (№ 1, рис. 174, 1);

3) обломок лепного гладкостенного горшка из формовочной массы рецепта «глина + дресва крупная» (№ 2, рис. 174, 2), принадлежавшего, вероятно, к древностям раннего железного века;

4) обломки от двух лепных горшков раннего железного века (№ 4, рис. 174, 3):

а) семь обломков принадлежали гладкостенному горшку из формовочной массы рецепта «глина + дресва мелкая» с дном, имевшим закраину-«сапожок»;

б) два мелких обломка принадлежали горшку с сетчатой (мелкорябчатой) поверхностью из аналогичной формовочной массы.

На расстоянии около 5 м от предполагаемого центра насыпи лежали два обломка валунов с горизонтальными плоскостями, обращенными вверх, размерами 1,0×0,65 и 1,0×0,3 м. Подобные камни были обнаружены под насыпями курганов 6, 14 и 28.

Следов подкурганного погребения не обнаружено. Ровики вокруг предполагаемого центрального погребения отсутствовали, но были выявлены три небольшие ямы (№ 1, 2 и 4), размещавшиеся к СВ от центра насыпи. В 8 м к ЮЮВ от него размещалась яма 3. Ни одна из этих ям не могла являться частью ровиков кургана 13, и сама их связь с данной насыпью проблематична (рис. 106, 107, 112).

Яма 1. Имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, северным краем уходила в борт раскопа. Своей длинной осью яма ориентирована по линии С–Ю (размеры вошедшей в раскоп части – 1,3×1,4 м). Яма имела пологие стенки, плавно переходящие в уплощенное дно, наибольшая ее глубина от уровня поверхности материка – 0,46 м. Заполнение нижней части ямы (мощностью до 0,3 м) состояло из переотложенной погребенной почвы (золистой супеси), выше залегал современный почвенный горизонт, просевший в яму.

Яма 2. Имела овальную форму (1,3×1,7 м) с длинной осью по линии С–Ю. Наклонные стен-

ки ямы плавно переходили в неровное дно, глубина ямы от уровня поверхности материка достигала 0,35 м. Заполнение ямы состояло из гумусированного пылеватого песка.

Яма 3. Своим южным краем уходила в борт раскопа. В плане овальная (1,3×1,0 м), длинной осью ориентирована по линии С–Ю. В разрезе имела наклонные стенки, плавно переходящие в округлое дно. Глубина достигала 0,5 м от уровня поверхности материка. Заполнение ямы состояло из гумусированного пылеватого песка.

Яма 4. Имела овальную форму, размеры – 1,3×0,7 м (северный край уходил в борт раскопа), длинной осью ориентирована по линии З–В. Яма имела наклонные стенки, плавно переходящие в уплощенное дно, глубина достигала 0,3 м. Заполнение ямы состояло из гумусированного пылеватого песка.

Ни в одной из ям не встречены вещевые находки или керамика.

Выводы. Насыпь сооружена, вероятно, из привозного грунта. Ровиков вокруг нее не прослежено. Погребение уничтожено современным подвалом вместе со всей могильной ямой. Однако стратиграфические наблюдения указывают на размещение здесь древней насыпи: на участке диаметром около 10 м сохранились погребенная почва и даже остатки древнего пахотного горизонта с керамикой раннего железного века (единственная находка на площади могильника) и древнерусской (домонгольской) эпохи. Эти слои могли сохраниться только в том случае, если они еще в древности перекрывались консервирующей насыпью. Именно так они сохранились под другими курганами данного могильника.

Таким образом, хотя прямых свидетельств существования древнерусского кургана 13 нет, косвенные признаки указывают на возможность размещения здесь курганной насыпи, в которую был впущен современный погреб, полностью разрушивший существовавшее некогда погребение. Отсутствие курганных ровиков могло объясняться небольшими размерами насыпи и, соответственно, малой глубиной рвов, а также тем, что для возведения насыпи мог использоваться грунт, привезенный со стороны. Среди курганных сооружений домонгольской эпохи в разных районах Руси изредка встречаются курганы без ровиков (*Хвощинская*, 2004. С. 45). Назначение обнаруженных материковых ям с близким по составу заполнением остается неясным. Отсутствие в них современного мусора указывает на возможное раннее время их возникновения (в эпоху существования могильника).

Курган 14

В качестве кургана 14 при составлении плана могильника рассматривалась небольшая насыпь к ЮВ от кургана 5 и к Ю от кургана 13. До начала раскопок (в 2004–2005 гг.) эта насыпь читалась очень четко, причем половина ее была срезана. К моменту начала исследований данного объекта (в 2006 г.) имелись только сильно спланированные остатки этой насыпи, имевшие овальную форму (8×12 м), сохранившиеся на высоту 0,6 м от древнего горизонта (рис. 121, 122). Под насыпью на материке обнаружен большой (1,0×0,6 м) валун без следов обработки, расколотый пополам и обращенный плоской стороной вверх.

Стратиграфия (рис. 48, 122). На материке залегала погребенная почва (слой светло-серой супеси, верхняя граница которого имела коричневатый оттенок) толщиной 0,1–0,25 м. Под северо-восточной полой насыпи поверх погребенной почвы фиксировался древний пахотный горизонт (слой серой супеси), нижняя граница которого прослеживалась достаточно четко. Общая мощность почвенного и пахотного горизонтов здесь составляла 0,2 м. Следовательно, пахотный слой был долгое время законсервирован насыпью (см. Приложение 2). Нижняя часть насыпи сформирована из переотложенного почвенного грунта мощностью до 0,5 м. Выше залегал слой яркого красновато-рыжего крупнозернистого песка с гравием толщиной 0,1–0,35 м. Из точно такого же грунта сложена насыпь кургана 13 (см. выше).

Под насыпью на уровне древнего горизонта обнаружены пятна пяти ям, одно из которых, под центром насыпи, выглядело как могильная яма, другое, в юго-восточной части исследованного участка, напоминало конфигурацией курганный ровик, а еще три располагались под насыпью (рис. 121).

Ровик (?). В юго-восточном углу раскопа обнаружена яма с округлым северным краем, расширявшаяся к Ю и напоминавшая в плане край курганного ровика (рис. 121, 122), уходившего в южный борт раскопа (размеры вскрытой его части – 2,6×2,2 м). В сечении яма имела наклонные стенки и уплощенное дно, ее глубина от уровня поверхности материка – 0,7 м. Заполнение состояло из серой гумусированной супеси. Индивидуальные находки и керамика здесь не обнаружены. Нельзя исключать и того, что этот ровик принадлежал кургану, который мог размещаться южнее исследованного участка, на месте современного здания, при строительстве которого местность была спланирована, а все курганные насыпи

уничтожены. В этом случае данный ровик не имеет отношения к кургану 14.

Могильная (?) яма. Под центральной частью насыпи выявлена подпрямоугольная в плане яма (2,1×0,8 м), длинной осью ориентированная по линии 3–В, глубиной 0,7 м от древнего горизонта (рис. 121, 123). Стенки и дно этой ямы очень неровные. Заполнение состояло из рыжего крупнозернистого песка с примесью пылеватого песка. Костей, следов тлена, вещевых находок и керамики в яме не обнаружено.

Яма 1. Вплотную примыкала к могильной (?) яме с С (рис. 121–123). В плане имела подпрямоугольную форму (2,4×1,0 м), длинной осью ориентирована по линии 3–В. Стенки и дно ямы неровные. Наибольшая глубина ямы от уровня древнего горизонта – 0,75 м. Заполнение ее идентично заполнению могильной (?) ямы: рыжий песок с небольшой примесью пылеватого песка.

Яма 2. Размещалась в 2,5 м к Ю от могильной (?) ямы. В плане округлая (диаметр – 0,8 м), в сечении имела вертикальные стенки и уплощенное дно, глубиной 0,35 м от уровня поверхности материка. Заполнение состояло из серой гумусированной супеси (рис. 121).

Яма 3. Открыта в 4,6 м к З от могильной (?) ямы. В плане круглая (диаметр – 0,8 м), стенки вертикальные, дно уплощенное. Глубина ямы – 0,25 м от уровня поверхности материка. Заполнение состояло из серой гумусированной супеси (рис. 121).

Ни в одной из ям вещевые находки или керамика не встречены.

Выводы. Насыпь кургана 14 создана из того же грунта, что и курган 13. Ровиков вокруг нее не прослежено. Яма под центром насыпи может рассматриваться как могильная только предположительно, т.к. никаких следов погребения в ней не обнаружено. Непонятно назначение и остальных ям. Стратиграфические наблюдения указывают на возможное размещение здесь древней насыпи – это сохранившаяся локально погребенная почва и даже остатки древнего пахотного горизонта. Эти слои могли сохраниться только в том случае, если они еще в древности были перекрыты консервирующей насыпью (см. Приложение 2). Именно так они сохранились под целым рядом курганов данного могильника. На курганную интерпретацию данной насыпи указывают сохранившиеся под ней ямы и расколотый валун (валуны помещались под многие несомненные курганы могильника). Датировка этой не вполне ясного генезиса насыпи затруднительна, однако она возникла отнюдь не в современную эпоху и, видимо, была синхронна курганным насыпям могильника.

Курган 15

Вся поверхность кургана сильно изменена многочисленными перекопами³⁴ (рис. 124). В раскоп вошла лишь южная часть кургана, поскольку северная его пола уничтожена перекопом под коммуникацию, а западный край перекрыт асфальтированной площадкой. В предполагаемом центре кургана хорошо видна заплывшая грабительская яма. Предполагаемый диаметр насыпи – около 6 м. Максимальная сохранившаяся высота от уровня древнего горизонта – 0,4 м. Ровики на современной поверхности не прослеживались.

Стратиграфия (рис. 125, 1, 4). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь) толщиной до 0,1 м. Южная половина насыпи сложена из переотложенной погребенной почвы (серо-коричневой супеси) мощностью до 0,4 м, северная часть – из коричневого пылеватого песка (этот грунт, скорее всего, также был переотложенным почвенным слоем). Древнюю поверхность насыпи маркировала прослойка темно-серой гумусированной супеси толщиной до 0,1 м. В центральной части насыпи находился перекоп. Выброшенный из него грунт залегал поверх гумусной прослойки.

К югу от насыпи фиксировалась подрезка почвенного горизонта до поверхности материка на ширину 2,4 м – остатки кольцевого рва вокруг кургана, включавшего углубленные в материк участки (ровики).

Ровики. В раскоп вошел только юго-западный край восточного ровика шириной 3,3 м (длина превышала 3,5 м) и глубиной 0,35 м от уровня поверхности материка (почвенный горизонт здесь не сохранился). Заполнение ровика состояло из коричневого пылеватого песка с примесью рыжего крупнозернистого песка (рис. 124, 125, 5; 129).

Погребение 1. Могильная яма имела прямоугольную форму (шириной 1,0 м и длиной не менее 1,5 м), ориентирована длиной осью ЗСЗ–ВЮВ, глубиной 0,8 м от уровня древнего горизонта. Заполнение ямы состояло из коричневого пылеватого песка с примесью гравия. Вероятно, могила размещалась под центром курганной насыпи.

Кости погребенного сохранились плохо: выявлены фрагменты костей левой руки и бедренные кости. От черепа, позвоночника, правой руки и тазовых костей остался только темный тлен (рис. 49, 126). Судя по расположению сохранившихся и полностью истлевших костей, погребенный ле-

жал вытянуто на спине, головой на З. Никаких индивидуальных находок в погребении не обнаружено. Согласно антропологической экспертизе, останки могли принадлежать как женщине, так и мужчине (с очень грацильным телосложением) в возрасте 40–45 лет (см. Приложение 5). Полное отсутствие каких-либо украшений в погребении делает более вероятным предположение о его принадлежности мужчине.

Выводы. Сохранившаяся часть насыпи кургана 15 сложена исключительно из грунта древней почвы, причем к моменту сооружения данной насыпи почвенный горизонт под ней уже был сильно поврежден, возможно, из-за подрезок для возведения насыпей других курганов. Следовательно, курган 15 относится к числу относительно поздних в подгруппе, не ранее конца XII – первой половины XIII в. Захоронение в кургане сохранилось очень плохо, отсутствие в нем погребального инвентаря заставляет предполагать, что в кургане 15 похоронен мужчина.

Курган 16

Курган размещался к Ю от кургана 15. Вся его поверхность сильно изменена многочисленными перекопами³⁵ (рис. 124). Не удалось исследовать западный край насыпи, перекрытый асфальтированной площадкой. В предполагаемом центре кургана хорошо видна современная выгребная яма, заваленная строительным мусором. Предполагаемый диаметр насыпи – 6–7 м. Максимальная сохранившаяся высота от уровня древнего горизонта – 0,7 м. Ровики на современной поверхности не прослеживались. Под центром насыпи обнаружены могильная яма с погребением и две близкие по размерам и расположению ямы без следов погребений. В отчете о раскопках этим ямам присвоены номера 1 и 2, но есть основания рассматривать их в качестве остатков погребений 3 и 4 с несохранившимися костяками. На это указывают размеры и прямоугольная форма ям, близкая с погребением 1 глубина. Погребения с полностью или почти полностью разрушившимися костяками обычны для Мякининских курганов. В юго-западной поле насыпи обнаружено впускное погребение (№ 2), кости в котором также не сохранились.

При разборке насыпи кургана обнаружены четыре обломка от трех различных красноглиняных горшков из формовочной массы рецепта

³⁴ Соответствует кургану 15 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

³⁵ Соответствует кургану 18 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

«глина + песок + дресва мелкая», относившихся к домонгольской эпохе:

1) два обломка (№ 1, 4, рис. 175, 6), принадлежавшие одному горшку-миске, найдены в разных частях насыпи кургана, причем на различной глубине;

2) обломок стенки горшка с линейным орнаментом (№ 3, рис. 175, 7);

3) обломок стенки горшка (№ 5, рис. 175, 9).

Стратиграфия (рис. 125, 2, 3, 6, 7). На материке залегала погребенная почва (светло-серая супесь с остатками дернины в верхней части) максимальной мощностью до 0,5 м. В северной части кургана поверхность почвы нарушена, а к ЮВ от центра насыпи почва срезана до материка. Выше залегал слой серо-коричневой супеси и коричневого пылеватого песка (переотложенной погребенной почвы) толщиной до 0,5 м. Верхняя часть насыпи сложена из рыжего крупнозернистого песка с гравием (максимальная сохранившаяся толщина – 0,45 м). В центральной части насыпи находился современный перекоп под выгребную яму.

Ровики. В раскоп вошли края двух заглубленных в материк ровиков кургана 16 – северо-западного и северного (рис. 50; 125, 3, 6; 129). Оба заполнены темно-серым гумусированным песком и имели вдоль стенок заплывы из серо-коричневого гумусированного пылеватого песка, толщиной от 0,2 до 0,4 м. Ширина северо-западного ровика – 2,8 м, глубина от уровня древнего горизонта – 1,1 м. Ширина северного ровика – 2,2 м, глубина от уровня древнего горизонта – 1,2 м. В северном ровике найден обломок стенки горшка домонгольской эпохи из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» (№ 2, рис. 175, 8), не относившийся ни к одному из тех трех сосудов, фрагменты которых были встречены в насыпи кургана.

Погребение 1. Могильная яма находилась под центром кургана. В плане она была прямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 2,0×0,6 м, ориентирована длинной осью ЗЮЗ–ВСВ. Глубина могильной ямы от уровня древнего горизонта составляла 0,9 м. Заполнение состояло из коричневого пылеватого песка с примесью гравия (рис. 51, 127). В юго-западном углу могильной ямы обнаружен венчик красноглиняного горшка-миски (№ 6, рис. 175, 6), остальные части которого встречены в насыпи.

Костяк в погребении не сохранился. Положение скелета фиксировал коричневатый тлен от костей (и гробовища?). На юго-западном краю этого пятна обнаружены три молочных зуба и погребальный инвентарь: целое перстнеобразное незамкнутое височное кольцо с обрубленными концами из медного

сплава (№ 8, рис. 175, 1) и обломок аналогичного кольца (№ 10, рис. 175, 2). В центральной части пятна тлена обнаружен рубчатый перстень из медного сплава (№ 7, рис. 175, 4) и витой (тройной) браслет из медного сплава (№ 9, рис. 175, 3). Судя по расположению этих вещей, они украшали левую руку, вытянутую вдоль туловища.

Судя по форме и ориентации пятна тлена от костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Наличие украшений позволяло предположить, что погребение принадлежало индивиду женского пола. Согласно антропологической экспертизе, проведенной по сохранившимся молочным зубам, это погребение девочки 6–8 лет (см. Приложение 5).

Погребение 2 (рис. 52, 128) находилось на расстоянии около 2 м к ЮЗ от погребения 1, под юго-западной полкой курганной насыпи. Могильная яма в плане прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, северо-западный край ямы в раскоп не попал. Могильная яма имела ширину 1,3 м и длину более 2,6 м. Глубина от уровня древнего горизонта – 0,7 м. Основное заполнение могильной ямы был коричневатый пылеватый песок с примесью гравия. Погребение 2 впущено в юго-западную полу курганной насыпи, т.е. является более поздним, нежели центральные погребения 1, 3, 4.

Кости погребенного не сохранились. Положение тела фиксировал тлен серо-коричневого цвета. В центре пятна тлена обнаружены обломки решетчатого однозигзагового перстня из медного сплава (№ 11, рис. 175, 5), который, вероятно, украшал левую руку погребенного. Исходя из формы и ориентации пятен тлена, оставшихся от костей погребенного, можно сделать вывод, что он лежал в центре ямы головой на СЗ.

Погребение 3. Яма неправильной подпрямоугольной формы, длинной осью ориентированная по линии ЗЮЗ–ВСВ, располагалась в 0,1 м к ЮВ от погребения 1 (в поле маркирована как яма 1). Длина ямы – 2,6 м, ширина – 1,0 м, глубина (от уровня древнего горизонта) – 1,1 м, заполнение состояло из коричневого крупнозернистого песка с гравием. Контуры этой ямы напоминают могильную яму погребения 1 (рис. 51, 127). Вероятно, здесь размещалось несохранившееся мужское погребение.

Погребение 4. Яма неправильной четырехугольной формы размерами 2,4×0,8 м, размещалась на расстоянии 0,2 м к СЗ от могильной ямы погребения 1 (в поле маркирована как яма 2). Длинной осью она ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, т.е. параллельно погребениям 1 и 3 (рис. 51, 127). Заполнение ямы состояло из рыжего песка с примесью гравия, в нем обнаружены остатки залегающей

по оси ямы обугленной деревянной плахи, состояние сохранности которой не позволяло провести ее расчистку, фиксировались только отдельные фрагменты и угольки. Длина плахи превышала 1 м, ширина – 0,2 м, толщина – около 1 см. Максимальная глубина ямы (от уровня древнего горизонта) – 0,9 м. Форма ямы напоминает могилу для погребения взрослого человека, но присутствие в ней обгорелой плахи заставляет думать, что погребения в этой могиле никогда не было: ни в одном из погребений могильника не встречено сочетание захоронения с обугленными плахами. Возможно, здесь имеет место редкий случай кенотафа, где обугленная плаха символизировала погребение (?).

Выводы. Согласно почвоведческим исследованиям, курган 16 насыпан исключительно из грунта древней почвы, причем к моменту сооружения его насыпи почвенный горизонт на месте ее возведения практически не имел повреждений (см. Приложение 2). Центральное погребение в кургане – захоронение девочки 6–8 лет, на которой были два перстнеобразных височных кольца, витой браслет и рубчатый перстень. По обе стороны от этой могилы были вырыты еще две могильные ямы (погребения 3 и 4), в которых следов погребений, однако, обнаружить не удалось (возможно, здесь находились погребение мужчины, которое не сохранилось, и кенотаф). После создания насыпи кургана в его юго-западной поле было сделано впускное погребение мужчины, глубина могильной ямы которого оказалась даже больше, нежели в центральном погребении. Мужское захоронение сохранилось очень плохо. На палец левой руки погребенного надет решетчатый перстень – характерное украшение подмосковных вятичей XII–XIII вв.

Курган 16 насыпан на совершенно неповрежденную древнюю почву, что относит возникновение этого кургана к ранней стадии формирования могильника – середине – третьей четверти XII в. При этом впускное погребение 2 должно датироваться более поздним временем – вероятно, последней четвертью XII или первой половиной XIII в.

Курган 17

Курган 17 (рис. 53, 54, 130, 131) располагался к В от кургана 16. В плане он имел округлую форму (диаметр 5,5–7,5 м)³⁶, максимальная высота от уровня древнего горизонта – 0,55 м. До начала

раскопок слабо прослеживался только северо-западный ровик глубиной около 0,4 м. В насыпи кургана и погребенной почве под ним никаких находок и керамики не встречено, но между курганами 17 и 18 были обнаружены три скопления обломков горшков домонгольской эпохи:

1) придонная часть красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая», с дном на зольной подсыпке (№ 1, рис. 176, 4), неполного окислительного обжига (глина легко размывается в воде);

2) венчик (типа³⁷ 8) и стенки другого аналогичного горшка (№ 2, рис. 176, 2);

3) три обломка (венчик типа 7, дно на зольной подсыпке и стенка) от третьего подобного горшка и два обломка стенок белоглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок мелкий» (№ 4, рис. 176, 3), украшенных нестандартным линейным орнаментом: поверх горизонтальных линий, нанесенных гребнем, тем же инструментом проведены диагональные полосы. Белоглиняная посуда этого вида датируется серединой XII в., она производилась предположительно в верхнем Москворечье (Коваль, 2010).

Стратиграфия (рис. 54, 132). На материке залегала погребенная почва (светло-коричневая супесь) толщиной 0,2 м, дернина фиксировалась на ней в виде полосы немного более темного грунта с нечеткими границами. Выше залегала прослойка коричневого пылеватого песка (переотложенной почвы), составлявшая нижний горизонт курганной насыпи, мощностью до 0,55 м. Поверхность насыпи маркировала прослойка темно-серой гумусированной супеси мощностью до 0,2 м. В центральной части насыпи находился перекоп, выброшенный из него грунт залегал по склонам насыпи поверх этой прослойки.

Ровики. Курган опоясывали с СЗ и В два заглубленных в материк ровика, разделенных перемычкой, глубиной до 1 м (рис. 131, 132, 138). Основным заполнением ровиков служил гумусированный песок. В придонной части заполнения ровиков встречались древесные угли. Длина северо-западного ровика – 6,4 м, ширина 0,8 м. В заполнении северо-западного ровика обнаружен венчик (типа 7) от красноглиняного горшка домонгольской эпохи из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» (№ 3, рис. 176, 1). Размеры восточного ровика составляли 3×2,5 м.

³⁶ Соответствует кургану 21 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

³⁷ Здесь и далее типы венчиков приводятся по опубликованной типологии В. Ю. Ковалю, разработанной для Москвы и Подмосковья (Коваль, 2004; 2014б).

К югу от насыпи зафиксирована подрезка почвенного горизонта до поверхности материка на ширину около 2 м от той части кольцевого ровика, которая не была заглублена в материк.

Погребение 1. Могильная яма подкурганного погребения уничтожена перекопом, поэтому точные ее размеры и глубину установить невозможно. Однако, судя по габаритам перекопа (рис. 131, 132), первоначальная могила не могла иметь размеры более 2,2×1,2 м и глубину более 0,9 м (от древнего горизонта). Вероятно, могильная яма ориентирована по линии З–В и находилась под центром насыпи. Отсутствие костей в выбросе из могилы указывает на то, что костный материал в данном погребении не сохранился к моменту вскрытия захоронения кладоискателями.

Выводы. Курган был сооружен на луговой (?) почве небольшой мощности (согласно определению в поле д. г. н. А. А. Гольевой). Нижнюю часть насыпи составлял переотложенный почвенный грунт, верхняя же ее часть не сохранилась, однако на восточном склоне кургана зафиксирован выброс материкового крупнозернистого песка; можно предположить, что именно он использовался для сооружения вершины насыпи. Интересно, что погребенная почва под расположенным рядом курганом 16 имела значительно большую мощность и сохранила следы лесного подзола. Можно сделать вывод, что курган 17 возник позже кургана 16. Вероятная датировка кургана 17 возможна в пределах последней четверти XII в. или первой половины XIII в.

Курган 18

Курган 18 располагался к СВ от кургана 17 (рис. 130). В плане он имел округлую форму³⁸, максимальная высота насыпи от древнего горизонта составляла 0,65 м, диаметр насыпи – 6 м. До начала раскопок слабо прослеживался юго-восточный ровик. В насыпи кургана, в его восточной поле, обнаружен развал дна (на подсыпке золы) красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + дресва мелкая» с клеймом (№ 8, рис. 176, 5), относящегося, вероятно, к изделиям домонгольской эпохи.

Стратиграфия (рис. 133). На материке залегал слой погребенной почвы (серо-коричневой супеси) толщиной до 0,5 м, дерн фиксировался в виде полосы более темного грунта с нечеткими границами. У восточной границы насыпи почва слегка подрезана. К З от центра кургана обнаруже-

на яма овальной формы размерами 3,0×2,5 м, глубиной около 0,7 м, прорезавшая погребенную почву, заполненная пылеватым песком и перекрытая насыпью кургана. Насыпь состояла из коричневого пылеватого песка мощностью до 0,65 м. Поверхность насыпи маркировала прослойка темно-серой гумусированной супеси гумуса толщиной до 0,2 м. В центральной части насыпи находился перекоп, выброшенный из него грунт залегал на склонах насыпи поверх прослойки гумуса.

Ровики. Курган был опоясан с ЮВ и СЗ двумя заглубленными в материк ровиками (рис. 131, 133, 138). Их глубина от уровня древнего горизонта варьировалась от 0,6 до 0,75 м. Оба ровика попали в раскоп не полностью: у юго-восточного ровика исследован южный край (в длину 3 м и ширину 2,6 м. Основным заполнением ровиков (придонной частью их заполнения) был коричневый пылеватый песок. В верхней части заполнения северо-западного ровика находились прослойки серо-коричневого гумусированного пылеватого песка (рис. 133, 3). Южный край северо-западного ровика сливался с ямой размерами 3,5×2,5 м, располагавшейся к З от могильной ямы.

К С и Ю от насыпи фиксировались подрезки почвенного горизонта до поверхности материка: на ширину не менее 2 м на Ю и 1,5 м на С – не заглубленные в материк части кольцевого ровика.

Погребение 1. Могильная яма размещалась под центром курганной насыпи. Она была прямоугольной формы (3,0×1,4 м), со слегка закругленными углами, ориентирована длиной осью по линии З–В, глубиной 1,1 м от уровня древнего горизонта. Ее заполнение – желтый песок с гравием. Восточная стенка могильной ямы имела уступ у дна высотой 12 см. Контуры гробовища прослежены в виде прямоугольного пятна серо-коричневого гумусированного пылеватого песка длиной 2,8 м и шириной около 0,8 м. Гробовище располагалось под углом около 30° к длинной оси могильной ямы (рис. 55, 134).

От костей погребенного ничего не сохранилось, лишь в западной части ямы обнаружено округлое пятно тлена, вероятно, от черепа. К СЗ от него размещалось скопление мелких углей, еще одно угольное скопление находилось практически в самом центре могильной ямы. Никаких вещевых находок в погребении не обнаружено (рис. 135).

Выводы. Курган 18 сооружен на луговой (?) почве (согласно определению в поле д. г. н. А. А. Гольевой). Нижнюю часть насыпи составлял

³⁸ Соответствует кургану 20 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

переотложенный почвенный грунт, верхняя же ее часть не сохранилась, однако на ее восточном склоне зафиксирован выброс материкового крупнозернистого песка. Из этого можно сделать вывод, что именно он использовался для сооружения вершины насыпи. В кургане 18 было совершено одно погребение, судя по отсутствию в нем сопровождающего инвентаря, принадлежавшее индивиду мужского пола. Кости погребенного не сохранились, вероятно, из-за нарушения насыпи грабительской ямой и активной аэрации грунта.

Относительная датировка кургана возможна, исходя из планиграфии участка (он размещался в той части юго-западной подгруппы, которая начала формироваться в середине XII в.), в интервале середина – вторая половина XII в.

Курган 19

Курган 19 располагался к СВ от кургана 18 (рис. 12), в плане имел округлую форму³⁹, диаметром до 7,5 м. Максимальная высота от уровня древнего горизонта – 1,2 м (рис. 90). До начала раскопок был замечен юго-восточный ровик глубиной 0,3 м от современной дневной поверхности.

Стратиграфия (рис. 56–58, 95). На материке залегала погребенная почва (серо-коричневая супесь) толщиной до 0,4 м, верхняя часть которой окрашена в серый цвет и содержала большое количество тонких железистых прослоек естественного происхождения (рис. 56, 58). У восточной границы насыпи почва подрезана до поверхности материка на ширину 1,1 м. У западной полы насыпи также зафиксирована подрезка почвенного горизонта до поверхности материка. Над погребенной почвой лежал слой переотложенной почвы (коричневого пылеватого песка) толщиной 0,3 м, составлявший нижнюю часть курганной насыпи. Выше находился слой желто-рыжего крупнозернистого песка с гравием мощностью 1 м (в центре насыпи). Поверхность насыпи маркировала прослойка темно-серой гумусированной супеси толщиной до 0,15 м. В центральной части насыпи находился свежий перекоп, заполненный современным мусором.

Ровики. Курган опоясывали с СЗ, ЮЗ и ЮВ три заглубленных в материк ровика (рис. 59; 95, 3; 98), глубина которых от уровня древнего горизонта составляла 0,6–1,0 м. Длина северо-западного ровика – не менее 8 м, ширина – не менее 3 м. От юго-западного ровика в раскоп вошел только

его юго-восточный край шириной 1,3 м. Юго-восточный ровик вошел в раскоп почти целиком, его размеры: 9,5×4,0 м. Северо-западный и юго-восточный ровики заполнены в придонной части крупнозернистым рыже-желтым песком с гравием, поверх которого залегал гумусированный пылеватый песок. В северо-западном ровике эти две прослойки разделяла тонкая (0,03 м) линза угля. Юго-западный ровик целиком заполнен гумусированным пылеватым песком.

Погребение 1 располагалось под центром курганной насыпи. В плане могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами (3,2×1,8 м), ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Глубина от уровня древнего горизонта – 1,0 м. Заполнение могильной ямы состояло из желто-рыжего крупнозернистого песка с гравием с незначительной примесью пылеватого песка.

Гробовище фиксировалось в виде прямоугольного пятна размерами 2,1×0,7 м, заполненного коричневым пылеватым песком с примесью материкового крупнозернистого песка с гравием (рис. 96). На дне могильной ямы, под головой и ногами погребенного, обнаружены две неглубокие (0,05 м) канавки размером 1,05×0,07 м, вырытые поперек длинной оси могилы, от одной до другой ее стенки (рис. 60, 97). Скелет погребенного имел очень плохую сохранность (почти все кости превратились в тлен), однако было отчетливо видно, что он лежит вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка составляла 175 см. Инвентаря в погребении не обнаружено. Согласно антропологической экспертизе, проведенной по фрагментарно сохранившемуся своду черепа и отдельным зубам, погребение могло принадлежать женщине в возрасте 45–55 лет (см. Приложение 5). Между тем полное отсутствие сопровождающего инвентаря указывает на то, что данное погребение, скорее всего, принадлежало мужчине того же возраста.

Выводы. Курган 19 был одним из самых хорошо сохранившихся в могильнике к середине 2000-х гг. Нижняя часть насыпи сформирована переотложенным почвенным грунтом, а верхняя насыпана из материкового песка. Почвенный горизонт под курганом неплохой сохранности, однако имел повреждения, вероятно, в результате вытаптывания или подрезки, происшедших в ходе функционирования площадки могильника. Зафиксированные нарушения погребенного почвенного

³⁹ Соответствует кургану 19 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

покрова под курганом свидетельствуют о том, что он относится к числу насыпей, сооруженных не в самый начальный период существования могильника, однако довольно большая глубина могильной ямы (1 м) является признаком ранних захоронений. Следовательно, погребение могло быть совершено в третьей четверти XII в.

Курган 20

Курган 20 располагался к ЮВ от кургана 17 (рис. 130), в плане имел округлую форму⁴⁰, диаметр насыпи составлял 6 м. Максимальная высота от древнего горизонта – 0,68 м. Ровики до начала раскопок на дневной поверхности не прослеживались, на вершине имелась заплывшая грабительская яма.

При разборке насыпи в центре кургана на дне грабительской ямы обнаружен полный костяк коровы в анатомическом порядке (рис. 61, 131, 2). По хорошему состоянию костей видно, что это захоронение совершено гораздо позже сооружения кургана.

В насыпи кургана обнаружены:

1) неполный развал красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» с поверхностью и изломом черного цвета (обжиг неполный, глина легко размывается в воде), с венчиком типа 1 и дном на зольной подсыпке с фрагментом клейма в виде круга (№ 5, рис. 177, 2). Линейный орнамент на стенках выполнен палочкой толщиной 2 мм;

2) два крупных обломка стенок от одного красноглиняного горшка из аналогичной формовочной массы, но несколько лучшего обжига, с черным нагаром на внешней поверхности (№ 7, рис. 177, 1). Линейный орнамент на стенках горшка выполнен палочкой толщиной 1 мм. Возможно, этому же горшку принадлежал венчик (типа 7), найденный в засыпке захоронения коровы (№ 6, рис. 178, 2).

Стратиграфия (рис. 136). На материке залегала погребенная почва (серо-коричневая супесь) толщиной до 0,4 м, с фрагментарно прослеживавшейся дерниной, отличавшейся более темным цветом. За северной границей насыпи зафиксирована подрезка почвенного горизонта. На погребенной почве лежал слой коричневого пылеватого песка, составлявшего нижнюю часть курганной насыпи, толщиной от 0,2 до 0,35 м. Выше залегал слой желто-рыжего крупнозернистого песка с гравием мощностью до 0,45 м. Края насыпи покрывала

прослойка темно-серого гумуса, маркировавшая современную дернину на поверхности кургана. В центральной части насыпи находился перекоп от старой грабительской ямы, выброшенный из него грунт фиксировался по склонам насыпи.

Ровики. Курган с СЗ и ЮВ опоясывали два заглубленных в материк ровика (рис. 131, 1; 136, 3; 138). Глубина ровиков от уровня древнего горизонта составляла 0,7–0,9 м. Основным их заполнением был гумусированный пылеватый песок, встречались также угли и зола. В северной части юго-восточного ровика обнаружен развал красноглиняного горшка (№ 9, рис. 178, 1) из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая», плохо обожженного (черепок размывается водой). Горшок имел венчик типа 7, тип дна не установлен, поскольку его внешняя поверхность отслоилась. Орнамент (линейный и волнистый) наносился палочкой толщиной 2 мм по часовой стрелке (если смотреть на горшок сверху) от дна к венчику (волнистый орнамент наносился поверх линейного). Подобный горшок мог быть изготовлен в XIII–XIV вв., т. е. он попал в ровик существенно позже возведения насыпи.

Погребение 1 размещалось под центром курганной насыпи. Перекоп грабительской ямы врзался в заполнение могилы на глубину 0,3 м. В плане могильная яма была прямоугольной (2,4×1,0 м), со слегка закругленными углами, ориентирована длиной осью по линии З–В, глубиной 0,7 м от уровня древнего горизонта. Заполнение могильной ямы состояло из желтого песка с гравием. От костей погребенного не сохранилось ничего, кроме двух узких полос и округлого пятна тлена (рис. 137). Вещевые находки и керамика в погребении отсутствовали.

Выводы. Курган 20 сооружен на луговой (?) почве из переотложенного почвенного грунта и материкового песка. В кургане совершено одно погребение, предположительно принадлежавшее индивиду мужского пола (судя по отсутствию в погребении сопровождающего инвентаря). Кости погребения не сохранились, скорее всего, из-за нарушения насыпи кургана грабительской ямой и последовавшей активной аэрации грунта, приведшей к полному естественному разрушению костного материала. Периферийное положение кургана в юго-западной подгруппе позволяет датировать его поздним этапом существования могильника – от последней четверти XII в. до первой половины XIII в.

⁴⁰ Соответствует кургану 22 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

Курган 22

Курган 22 располагался в южной части могильника⁴¹, к ЮВ от курганов 19 и 21 (рис. 12). Насыпь кургана повреждена еще в 2003 г., когда на ней соорудили туалет. По требованию органов охраны памятников туалет снесли, но этот процесс осуществлялся с помощью экскаватора, ковшом которого было не только изъято заполнение отхожей ямы, но и уничтожена почти вся насыпь. К 2006 г. насыпи этого кургана уже не существовало, а при работах на раскопе X, в пределы которого попадало то место, на котором он когда-то стоял, было установлено, что эту территорию занимает обширный перекоп. Вероятно, в 2004–2005 гг. здесь проводили какие-то земляные работы, уничтожившие не только остатки насыпи кургана, но и размещавшееся под ней погребение.

Курган 23

Курган 23 располагался в южной части могильника⁴², к ЮВ от курганов 20 и 21 (рис. 12). Насыпь кургана к моменту начала раскопок была полностью уничтожена, ровики не прослеживались. Остатки кургана с могильной ямой обнаружены при площадном вскрытии территории на южной периферии могильника. В раскоп вошли только часть северо-западного ровика и могильная яма погребения (рис. 139).

Стратиграфия. На материке к Ю и З от предполагаемого центра кургана с погребением фиксировалась погребенная почва (слой коричневого пылеватого песка) мощностью 0,2 м. Выше залегали техногенные отложения XX – начала XXI в.). Южная пола кургана прорезана траншеей современной коммуникации, проходившей по линии З–В. Еще один обширный перекоп фиксировался к СВ от могильной ямы (рис. 139, 2).

Ровики. Северо-западный ровик кургана вошел в пределы раскопа лишь частично. Его зафиксированные размеры: длина не менее 2,8 м, ширина не менее 2,3 м, глубина от уровня поверхности древнего горизонта – 0,5 м (рис. 139, 2; 140, 2; 143, 2). Заполнение ровика состояло из коричневого пылеватого песка (в придонной части – с примесью материкового песка с гравием). К ЮЗ от предполагаемого центра кургана погребенная почва прорезана углублением шириной 2,6 м, заполненным гумусированным пылеватым песком. Возможно, это часть ровика, не заглубленного в материк.

Погребение 1. После зачистки по матерiku выявлено пятно могильной ямы прямоугольной формы со слегка закругленными углами, ориентированное длинной осью по линии З–В. Размеры ямы – 1,7×1,5 м, глубина от уровня древнего горизонта – 0,3 м (рис. 140, 1). Заполнение могильной ямы состояло из коричневого пылеватого песка (в восточной части ямы – с примесью материкового песка).

Следов погребения в яме не обнаружено, не встречено здесь также вещевых находок и керамики. Кости погребенного не сохранились, вероятно, из-за разрушения насыпи кургана и активной аэрации грунта, приведшей к полному разложению костного материала.

Выводы. Насыпь кургана 23 полностью уничтожена, вероятно, в XIX–XX вв. при распахке, а затем на ее месте отложился техногенный слой. В кургане, возможно, было совершено одно погребение. Судя по небольшому размеру могильной ямы, оно могло принадлежать ребенку (или даже двум-трем детям, если судить по необычной «подквадратной» форме могилы). Исходя из местоположения кургана (это один из самых южных курганов в группе), можно предположить относительно позднюю его датировку, в пределах первой половины XIII века.

Курган 24

Курган 24 располагался к В от раскопов 2004–2006 гг. и входил в состав южной подгруппы насыпей (рис. 12). В 2008 г. он был уничтожен при строительстве без согласования с органами охраны памятников.

Курган 25

Курган 25 располагался к СЗ от кургана 13 (рис. 12, 105). К моменту начала раскопок насыпь кургана была почти полностью уничтожена⁴³. Ровики до начала раскопок не прослеживались. Диаметр кургана составлял 5–6 м.

При разборке грунта на месте уничтоженного кургана обнаружены обломки стенок от красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» (№ 6, рис. 179, 1) той разновидности кухонной посуды, которая бытовала в домонгольскую эпоху, и обломок железного предмета неизвестного назначения (№ 7, рис. 179, 3).

⁴¹ На плане Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10) этот курган не показан.

⁴² Соответствует кургану 24 на плане Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

⁴³ На плане Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10) этот курган не показан.

Стратиграфия. На материке залегала погребенная почва толщиной до 0,25 м с хорошо прослеживаемым дерновым горизонтом. Выше фиксировался слой серо-коричневого гумусированного пылеватого песка толщиной 0,2 м. Это все, что осталось от курганной насыпи. На этом слое залегал пахотный горизонт XIX–XX вв.

Ровики. Курган опоясывали с С и Ю два заглубленных в материк ровика, разделенных перемычками. Глубина ровиков 0,6–0,8 м. Размеры северного ровика – 6,0×3,0 м, южного – 3,4×3,0 м (рис. 63; 106; 111, 2; 112). Заполнены ровики серо-коричневым гумусированным пылеватым песком, на дне и по стенкам фиксировались небольшие валунные камни.

На дне северного ровика, в центральной его части, обнаружен венчик (типа 8) (№ 21, рис. 179, 2) и стенка (№ 5) от красноглиняного горшка из формовочной массы рецепта «глина + песок + дрсва мелкая», относившегося к домонгольской эпохе.

Погребение 1. В плане могильная яма имела прямоугольную (2,4×0,8 м) форму, ориентированную длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис 63, 64), глубина ямы от уровня древнего горизонта – 1,0 м. Заполнение могильной ямы состояло из рыжего крупнозернистого песка с гравием. В верхней части заполнения (на уровне зачистки по материк) фиксировались небольшие валунные камни (рис. 62). Следы гробовища обнаружены на дне могилы в виде полос тлена шириной от 1 до 5 см. Судя по ним, гробовище имело прямоугольную форму, шириной около 0,5 м. Череп погребенного фиксировался в виде овального пятна тлена (рис. 65). От костяка не сохранилось ничего, кроме фрагментов локтевой и лучевой костей правой руки. Позвоночный столб угадывался по полосе светло-коричневого тлена длиной 0,5 м и шириной 0,1 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, правая рука согнута в локте, а левая вытянута вдоль тела (рис. 64; 111, 1).

Инвентарь погребения: в районе черепа обнаружено скопление (рис. 65) из 38 стеклянных бусин⁴⁴ (№ 8, 9, 14, рис. 179, 4), принадлежавшие ожерелью. Среди них 28 зонных бусин из бледно-желтого стекла, 2 цилиндрические фиолетовые бусины и 8 обломков винтообразных бусин, цвет которых неопределим из-за сильной коррозии. Справа и слева от черепа находились пятна окислов медного сплава – вероятно, это остатки височных колец. Судя по форме и размерам окислов, кольца были бусинными (возможно, им принадлежит бу-

сина из медного сплава, обнаруженная среди стеклянных бус к ЮВ от черепа (№ 15, рис. 179, 5)). Не исключено, что височных колец с каждой стороны было больше, чем по одному. К СВ от черепа найден ложновитой перстень медного сплава (№ 10, рис. 179, 8). К северу от черепа лежал еще один ложновитой перстень медного сплава (№ 11, рис. 179, 9). Оба эти перстня не относились к инвентарю погребения (не были надеты на пальцы) и могли являться посмертным даром умершей.

У запястья погребенной обнаружены обломки пластинчатого загнутоконечного браслета из медного сплава с гравированным и чеканным орнаментом (№ 12, рис. 179, 6). Между костями и обломками браслета отмечены остатки бересты (?). К комплексу левой руки относился пластинчатый браслет (№ 13, рис. 179, 7), к которому прилипла сверху береста (от гробовища?). Восточнее найден третий ложновитой перстень медного сплава (№ 16, рис. 179, 10), относившийся к украшениям левой руки.

Выводы. В кургане 25, судя по инвентарю, погребена женщина (антропологическая экспертиза мелких обломков костей не дала результата). Все встреченные вещи характерны для домонгольской эпохи (XII – первой трети XIII в.). Исходя из планиграфии кургана (его южный ровик соприкасался с северным ровиком кургана 5), наиболее вероятно датировать его серединой – третьей четвертью XII в.

Курган 26

Курган 26 располагался к ЮВ от кургана 20 (рис. 12, 139). Насыпь кургана к моменту исследования была полностью уничтожена⁴⁵ и к началу раскопок не прослеживалась на местности. Стратиграфию насыпи проследить не представлялось возможным: на материке здесь залегал переотложенный техногенный грунт, погребенная почва отсутствовала.

Ровик. Северный ровик вошел в раскоп не полностью и был сильно поврежден современными перекопами (рис. 139, 143). Длина ровика составляла не менее 3,2 м, ширина – не менее 1,7 м. Его максимальная глубина от уровня зачистки по материк – 0,2 м. Заполнение ровика состояло из коричневого пылеватого песка, в придонной части фиксировался светло-серый подзолистый грунт мощностью до 0,1 м.

Погребение 1. Могильная яма трапециевидной формы (1,8×0,8–1,1 м), со слегка закругленными

⁴⁴ В тексте отчета из-за опечатки число бусин было указано неверно – 28 шт.

⁴⁵ Соответствует кургану 23 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

углами, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, глубиной от уровня зачистки по материке 0,2 м, заполнена желтым материковым песком с гравием. В северо-западной части дна ямы имелась «ступенька» шириной 0,2 м, высотой до 0,1 м. В заполнении могильной ямы не обнаружено следов костей, индивидуальных находок и керамики (рис. 141). В кургане совершено одно погребение, которое, судя по отсутствию сопровождающего инвентаря, могло принадлежать индивиду мужского пола. Небольшие размеры могильной ямы указывают на то, что здесь мог быть погребен ребенок. Кости погребения не сохранились, вероятно, из-за разрушения насыпи кургана и активной аэрации грунта.

Выводы. Насыпь кургана, видимо, была спланирована распашкой в XIX–XX вв., а незадолго до начала раскопок окончательно срезана техникой. Курган 26 можно датировать в широких пределах, однако его окраинное размещение в группе (это одна из самых южных насыпей) позволяет предполагать его датировку в пределах первой половины XIII в.

Курган 27

Курган 27 располагался в южной части юго-западной подгруппы⁴⁶, к В от кургана 25 (рис. 12, 139). Его насыпь к моменту начала раскопок была почти полностью уничтожена при строительных работах, ровики не прослеживались, площадка сильно повреждена современными перекопами, так что выяснить форму и размеры кургана не представлялось возможным.

Стратиграфия. Вокруг могильной ямы на материке залегала маломощная погребенная почва (слой серо-коричневой супеси) с неровной верхней границей, толщиной до 0,15 м. Выше залегал слой гумусированного пылеватого песка, который, скорее всего, образовался после уничтожения насыпи кургана, т. е. в современную эпоху. На расстоянии 2–3 м от могильной ямы размещались современные перекопы, заполненные техногенным грунтом (серым суглинком со строительным мусором).

Ровики. Сохранился только северный ровик кургана размерами 3,7×2,2 м, глубиной до 0,2 м от уровня поверхности материка (рис. 139, 143). Заполнение ровика состояло из коричневого пыле-

ватого песка (в придонной части – с примесью материкового песка и гравия), у дна фиксировалась светло-серая подзолистая прослойка толщиной до 0,2 м (рис. 139, разрез Б-Б').

Погребение 1. Могильная яма в плане была прямоугольной (2,6×1,1 м), со слегка закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, глубиной не менее 0,8 м от уровня древней дневной поверхности. В западной части дна ямы находился уступ шириной 0,2 м, высотой 0,07 м. Заполнение могильной ямы состояло из коричневого пылеватого песка, в восточной части ямы он имел примесь желтого песка с гравием. Контуры гробовища фиксировались в придонной части могильной ямы по меньшей плотности и немного более темной окраске песка. Пятно гробовища имело трапециевидную форму, длиной около 2 м и шириной от 0,4 м в западной части до 0,7 м в восточной. В западной части пятна гробовища лежал перевернутый на теменные кости череп (рис. 143, 1) (лобная и большая часть лицевых костей отсутствовала). От костей рук сохранились плечевая кость левой руки и фрагменты локтевой и лучевой костей правой руки. Бедренные кости лежали параллельно в анатомическом порядке. Остальные кости не сохранились (рис. 66, 142). Судя по положению сохранившихся костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, а его левая рука была немного согнута в локте.

Инвентарь погребения: с левой стороны черепа, у виска, обнаружены полностью корродированные обломки проволочных височных колец из медного сплава⁴⁷, которые сохранились в виде окислов и мельчайших обломков (№ 1, 9, рис. 180, 1, 2), поэтому их число установить невозможно. Диаметр этих колец не превышал 3 см. С правой стороны черепа, в пятне медных окислов, лежали обломки еще одного такого же височного кольца из медного сплава (№ 8), а около шейных позвонков – 14 бусин из горного хрусталя и 11 стеклянных: 4 «рыбовидные» синие, 2 «рыбовидные» фиолетовые, 4 зонные бледно-желтого цвета и бусина с «пластичным» декором (№ 6, рис. 180, 3), входившие в состав ожерелья (рис. 67; 142, 1). Среди бусин обнаружена полоска бересты, возможно, это остатки стоячего воротника. Бусы размещались компактно внутри витой гривны, изготовленной из железной прово-

⁴⁶ На плане Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10) этот курган не показан.

⁴⁷ К сожалению, очень плохая сохранность не позволила установить тип этих колец. Это могли быть небольшие браслетообразные или бусинные кольца (правда, никаких следов бусин на них или рядом с ними не обнаружено). Не исключено, что некоторые кольца могли относиться к числу перстнеобразных.

локи с медной оплеткой и имевшей очень плохую сохранность (№ 7, рис. 67; 142, 1; 181, 5). На правой руке надет витой (тройной) браслет из медного сплава (№ 4, рис. 181, 1), концы которого украшали накладки со стеклянными синими вставками в металлических оправках. Между браслетом и костями руки обнаружены фрагменты бересты. Левая рука украшена плетеным щитковоконечным браслетом из медного сплава, на концы которого прикреплены луженые накладки с рельефным растительным орнаментом (№ 5, рис. 181, 2). Под этим браслетом также обнаружена береста. К комплексу украшений левой руки относились еще два перстня из медного сплава, обнаруженных на левой бедренной кости: ложновитой (№ 2, рис. 181, 3) и пластинчатый ячеиковый (№ 3, рис. 181, 4). Согласно антропологической экспертизе, костные останки в кургане 27 принадлежали женщине 30–35 лет (см. Приложение 5).

Выводы. Для датировки погребения важно периферийное расположение кургана в могильнике. В уборе погребенной присутствовали довольно ранние вещи (гривна, ячеиковый перстень и плетеный браслет, датирующиеся XI–XII вв.) и бусины из горного хрусталя при полном отсутствии сердоликовых. Плетеные браслеты со стеклянными вставками обычно относят к первой половине XIII в. (Равдина, 1975. Табл. 8), однако в Салтыковских курганах такой браслет найден в погребении с браслетообразными завязанными височными кольцами (Монгайт, 1947. С. 86), что заставляет предполагать возможность бытования таких вещей в более раннее время, во второй половине XII в. Таким образом, вероятная датировка погребения в кургане 27 – вторая половина XII в. (скорее всего, последняя четверть столетия).

Курган 28

Курган располагался в центре юго-западной подгруппы, между курганами 2 и 12 (рис. 14, 80). К моменту проведения раскопок в 2006 г. насыпь кургана не сохранилась, однако в 1996 г. она была еще видна⁴⁸.

Стратиграфия. На поверхности материка фрагментарно сохранилась погребенная почва (серая супесь) мощностью до 0,08 м. Выше залегал слой коричневого пылеватого песка толщиной до 0,5 м, а к С от предполагаемого центра насыпи – слой желто-рыжего песка с гравием толщиной 0,1–0,35 м. Вероятно, эти слои являлись остатками курганной насыпи.

У северного края погребения 4 на материке лежал плоский подпрямоугольный камень-валун размерами 0,5×0,4 м. Подобные камни были также обнаружены в курганах 6, 9, 13 и 14.

Ровики. В раскоп попали северный и часть юго-восточного ровика кургана (рис. 81; 88, 2; 89). Их глубина доходила до 0,4 м от уровня древнего горизонта. Северный ровик имел размеры 4,4×2 м, исследованная часть юго-восточного ровика – шириной 2,3 м. Северный ровик в придонной части заполнен серо-коричневым гумусированным пылеватым песком (толщиной до 0,2 м). Выше фиксировался темно-серый гумус толщиной до 0,2 м, в котором встречено несколько валунов средних размеров. В заполнении ровика обнаружен развал красноглиняного горшка (№ 22, рис. 182, 2) из формочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» с венчиком типа 7 и дном на зольной подсыпке, а у юго-восточного края ровика найден обломок венчика (типа 8) от другого горшка (№ 19, рис. 182, 1). Заполнением юго-восточного ровика служил серо-коричневый гумусированный пылеватый песок с небольшой примесью гравия в придонной части.

В кургане обнаружено четыре погребения (рис. 68, 81, 87, 88, 1). Все могильные ямы параллельны друг другу, их заполнением во всех случаях был рыжий песок с гравием. Расстояние между могилами колебалось от 10 до 50 см.

Погребение 1. Самое южное из четырех захоронений. Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,7×0,75 м, глубиной 0,2 м, длинной осью сориентирована по линии ЮЗ–СВ. В юго-западном конце ямы обнаружено округлое пятно тлена диаметром 0,2 м, оставшееся от черепа. К СВ от него лежали две бедренные (?) кости и часть большой берцовой (?) кости от правой ноги, все очень плохой сохранности. Остальные кости не сохранились. Никаких следов гробовища, вещевых находок и керамики в погребении не оказалось. Судя по относительно небольшим размерам могилы, она могла принадлежать ребенку.

Погребение 2 находилось к С от погребения 1. Размеры прямоугольной могильной ямы 2,2×0,8 м, глубина – 0,3 м. Длинной осью она ориентирована по линии ЮЗ–СВ. От костяка остались лишь отдельные кости очень плохой сохранности, среди них мелкие фрагменты черепа, плечевой кости левой руки, бедренных и берцовых костей. Остальные кости не сохранились. Никаких следов гробовища, вещевых находок и керамики

⁴⁸ Соответствует кургану 13 по съемке Н. А. Кренке 1996 г. (рис. 10).

в погребении не оказалось. Судя по отсутствию сопровождающего инвентаря, погребение могло принадлежать индивиду мужского пола.

Погребение 3 располагалось севернее погребения 2. Прямоугольная могильная яма длиной 1,8 м, шириной 0,7 м и глубиной 0,3 м длинной осью ориентирована по линии ЮЗ–СВ. От скелета погребенного практически ничего не осталось: в северо-западной части ямы обнаружены сильно фрагментированные кости свода черепа; сохранилась также часть бедренной (?) кости левой ноги. Никаких следов гробовища, вещевых находок и керамики в погребении не оказалось. Судя по отсутствию украшений и относительно небольшим размерам могилы, погребение могло принадлежать подростку мужского пола.

Погребение 4 размещалось к С от погребения 3. Прямоугольная могильная яма размерами 2,0×0,75 м, глубиной 0,3 м, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Костей, следов тлена и гробовища в яме не обнаружено, как не встречено и вещевых находок и керамики. Судя по размерам и отсутствию инвентаря, погребение могло принадлежать мужчине.

Яма 6. Яма⁴⁹ обнаружена к В от погребений кургана 28. Она имела неправильную овальную форму (1,5×0,75 м), длинной осью ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На уровне зачистки по материке в яме расчищен скелет собаки. Глубина ямы (от уровня зачистки по материке) составляла 0,3 м. Заполнение ямы (рис. 88, 2) состояло из двух прослоек: придонной прослойки серо-коричневого пылеватого песка с примесью гумуса толщиной до 0,25 м и верхней прослойки серого гумуса мощностью 0,1–0,3 м. В средней части заполнения фиксировалось большое количество валунных камней среднего размера (диаметром до 0,15 м). Под камнями обнаружено несколько обломков трубчатых костей животных (?) очень плохой сохранности, лежавших по линии ВСВ–ЗЮЗ. Скорее всего, яма возникла на территории могильника в позднесредневековую эпоху, когда он уже не функционировал.

Выводы. В кургане 28 совершено погребение четырех человек, но из-за плохой сохранности костей их пол и возраст установить оказалось невозможно. Можно предположить, что все они были мужскими, на что указывает отсутствие погребального инвентаря (при этом большинство погребений принадлежало детям). Исходя из размещения кургана 28, буквально втиснутого между

курганами 2 и 12, можно предположить, что он мог возникнуть в первой половине XIII в.

Раскоп XI

Раскоп XI располагался в 1,5 м к В от раскопов, исследовавших курганы юго-западной подгруппы (рис. 12). Он был заложен с целью поиска разрушенных курганов, но вместо них здесь обнаружены ямы, генезис которых остался не вполне ясным. Участок этого раскопа сильно поврежден строительными земляными работами.

Стратиграфия. На материке залегали частично распаханные остатки погребенной почвы (прослойка серо-коричневой супеси) толщиной до 0,15 м. Выше лежал слой серой гумусированной супеси (пахотный горизонт) мощностью около 0,4 м, перекрытый современным строительным мусором.

После проведения зачистки по материке на площади раскопа выявлены контуры шести ям (рис. 69, 144, 145), ни одна из которых не содержала в своем заполнении вещевых находок, керамики или органических материалов.

Яма 1 находилась в северо-западной части раскопа, перерезая северо-западный край ямы 4. Имела подпрямоугольную форму (3,4×1,0 м), длинной стороной ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В сечении имела наклонные стенки, плавно переходящие в ровное дно. Наибольшая глубина от уровня зачистки по материке – 0,3 м. Заполнение ямы состояло из светло-серого пылеватого песка. В северо-восточной части ямы и по ее краям фиксировались тонкие рыже-коричневые прослойки выпавших окислов железа.

Яма 2 располагалась в 0,2 м к югу от ямы 1, соприкасаясь восточным краем с ямой 4. Ее южный край перерезан ямой 3. Яма 2 имела подпрямоугольную форму (1,1×1,0 м), длинной осью ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В сечении яма имела наклонные стенки, которые плавно переходили в ровное дно. Наибольшая глубина от уровня зачистки по материке – 0,17 м. Заполнение ямы – светло-серый пылеватый песок, в котором фиксировалась кольцевидная ожелезненная структура естественного происхождения.

Яма 3 открыта к Ю от ямы 2. Она перерезала ее южный край и вплотную соприкасалась с ямой 4 своим северо-восточным бортом. Яма 3 имела подпрямоугольную форму (2,6×1,5 м), длинной осью ориентирована по линии СЗ–ЮВ.

⁴⁹ Нумерация ям производилась в пределах раскопа и в полевых условиях не увязывалась с конкретными курганами.

В сечении яма имела наклонные стенки, плавно переходящие в ровное дно. Наибольшая глубина от уровня зачистки по материке – 0,3 м. Заполнение ямы – светло-серый пылеватый песок, в придонной части он включал примесь желтого песка с гравием. В юго-восточной части ямы фиксировалась ожелезненность (скопление тонких рыже-коричневых прослоек).

Яма 4 вплотную примыкала к яме 1 с Ю и к ямам 2 и 3 с В. Она имела в плане подквадратную форму (3,1×3,1 м). Дно ямы было очень неровным, перепады глубин достигали 0,3 м. Наибольшая глубина зафиксирована в северо-восточной части ямы (0,4 м от уровня зачистки по материке). В центре и юго-западной ее части было обнаружено скопление известняковых камней. Заполнение ямы состояло из серо-коричневого пылеватого песка с гумусом и небольшой примесью желтого песка.

Яма 5 впущена в яму 4 у ее юго-восточного края. В плане она была круглой (диаметр 0,35 м), в сечении имела вертикальные стенки и плоское дно. Наибольшая глубина ямы от уровня зачистки по материке – 0,2 м. Заполнение состояло из коричневого пылеватого песка.

Яма 6, выявленная к В от ямы 4, имела круглую форму (диаметр – 0,5 м), вертикальные стенки и плоское дно. Наибольшая глубина ямы от уровня зачистки по материке – 0,15 м. Заполнение ямы – коричневый пылеватый песок.

Назначение ям, исследованных на этом раскопе, непонятно. Они не имели хозяйственного назначения, поскольку заполнены однородным грунтом, скорее всего, переотложенного почвенного слоя, без следов органики. Отсутствие какого-либо материала затрудняет и датировку этих объектов. Важно подчеркнуть, что все вскрытые ямы находились в пределах округлого пятна погребенной почвы. Это позволяет допускать некую связь обнаруженных объектов с погребальной обрядностью курганного могильника.

Курганы, раскопанные В. А. и М. В. Городцовыми

Описания курганов, раскопанных в 1924 и 1927 гг. В. А. и М. В. Городцовыми, приведены в републикациях статей Б. А. Рыбакова и М. В. Го-

родцова (см. раздел «Архивные материалы и републикации»). Раскопаны 15 насыпей, содержащих 16 погребений (8 мужских и 8 женских). Находки из 10 курганов, вскрытых В. А. Городцовым в 1924 г., сохранились в фондах ГИМ (фонд 24 «В») и представлены на рис. 146–151. Место хранения находок из раскопок М. В. Городцова в 1927 г. неизвестно, поэтому судить о них можно только по рисункам, опубликованным в его статье (рис. 152–153). Очевидно, эти вещи не попали в Исторический музей, возможно, они хранились в МГУ и пропали в период Великой Отечественной войны. Нет также данных о месте хранения антропологического материала (коллекции черепов) из раскопок 1924 и 1927 гг. В фондах Музея антропологии МГУ, куда они могли бы быть сданы, такая коллекция отсутствует.

Курганы, раскопанные М. Г. Рабиновичем

Описание четырех курганов, исследованных М. Г. Рабиновичем в 1948 г., приведено в публикации отчета о раскопках, хранящегося в научном архиве Института археологии РАН (см. раздел «Архивные материалы и републикации»). В этих курганах обнаружено четыре погребения (два мужских и два женских). Местонахождение вещевых находок и антропологических материалов из этих раскопок неизвестно. Хотя в отчете указано, что кости одного из четырех погребений переданы в Музей антропологии МГУ, в действительности их там не оказалось (проверка проведена Д. В. Пеземским). Судьба еще двух костяков не оговорена в отчете, четвертый костяк был плохой сохранности, и поэтому он, согласно отчету, «не взят».

Интерес представляют два погребения в берестяных гробах и насыпь одного кургана, созданная не из песка (как все остальные насыпи могильника), а из суглинка. Правда, ни цвет, ни иные характеристики этого суглинка не приведены. Отсутствие изображений вещей, кроме одной привески и перстнеобразного височного кольца (рис. 154), опубликованных М. Г. Рабиновичем (1964. Рис. 27, Б), не позволяет полноценно использовать этот материал для хронологических построений или иных выводов.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ СТЕКЛА

В ходе исследований в 1924 и 1927 гг. В. А. и М. В. Городцовыми Мякининской курганной группы в погребениях пяти (курганы III, VII, X, XII, XIV)⁵⁰ из 15 раскопанных ими курганов обнаружены стеклянные изделия – 61 бусина и браслет (Городцов, 1928. С. 544–550) (табл. 1).

В 2004–2006 гг. в результате исследований Подмосковной экспедиции отдела охранных раскопок ИА РАН в 25 курганах Мякининской группы обнаружено 17 могильных ям, содержащих непо потревоженные погребения. В восьми из них (курганы 1–3, 5, 6, 10, 25, 27) найдены стеклянные предметы: 291 стеклянная бусина и две вставки. К этим восьми погребениям следует добавить еще одно – погребение 2 кургана 11 (это курган XIV, раскопанный М. В. Городцовым), содержавшее две стеклянные бусины (табл. 1)⁵¹. При раскопках М. Г. Рабиновича в 1948 г. стеклянные изделия не были встречены в курганах. Итак, при исследовании 13 погребений обнаружено 357 стеклянных изделий. Большинство их составляют бусины (354 экз.), также обнаружен браслет и две вставки, украшавшие концы металлического браслета.

Подсчет бусин в погребениях (табл. 2) и размещение полученных данных на координатной прямой (рис. 184) позволили выделить четыре группы погребений (табл. 3):

1) из пяти погребений, содержавших единичные находки бусин (от одной до четырех);

2) из двух погребений, где найдено малое число бусин (10–11 шт.);

3) из пяти погребений, где встречено среднее число бусин (от 21 до 56 шт.);

4) одно погребение с большим числом бусин (133 шт.).

Оказалось, что чуть больше половины украшений (52,8%) приходится на погребения со средним числом бус. При этом почти 39% погребений содержали около 4% украшений, в то время как в одном погребении было сосредоточено почти 38% бус. Таким образом, бусы могильника распределены по погребениям очень неравномерно.

Группы погребений, выделенные по числу бус, мы сопоставили с датировками комплексов, полученными по данным планиграфии и почвоведения. Оказалось, что большое число бусин в погребении кургана 1 (133 шт.) связано с ранней датой сооружения этого кургана (первая половина – середина XII в.). Начиная с середины XII и вплоть до начала XIII в. в погребения попадали бусины в малом или среднем количестве (от 10 до 56 шт.). А единичные бусины (от 1 до 4 шт.) присутствуют в погребениях на протяжении всего времени сооружения курганов.

Остановимся на морфологии, технологии изготовления и химическом составе стеклянных украшений из Мякининских курганов. Подробное описание проведено для 326 предметов: из раскопок 1924 г. в фондах ГИМ в настоящее время хранится 30 бусин и стеклянный браслет⁵², местонахождение находок из раскопок 1927 г. на сегодняшний день не установлено, предметы из раскопок 2004–2006 гг. изучены полностью (295 экз.)⁵³.

⁵⁰ Здесь и далее римскими цифрами указаны номера курганов Мякининской группы, раскопанные В. А. и М. В. Городцовыми в 1924 и 1927 гг. (Городцов, 1928).

⁵¹ Стеклянным бусам, полученным в ходе работ 2004–2006 гг., посвящена предварительная публикация (Столярова, 2008).

⁵² Благодарю ведущего научного сотрудника отдела археологических памятников ГИМ Н. Г. Недошивину за предоставленную возможность исследовать данную коллекцию.

⁵³ Предварительная публикация стеклянных бус из Мякининского могильника (Столярова, 2008) проводилась без учета находок из раскопок В. А. Городцова 1924 г.

Таблица 1. Распределение стеклянных находок по комплексам. Мякининская курганная группа

Год раскопок	№ п/п	Номер комплекса	Кол-во находок из стекла по комплексам			
			Бусы	Браслеты	Вставки	Итого
1924	1	Курган III	1			1
	2	Курган VII	29	1		30
	3	Курган X	2			2
1927	4	Курган XII	10			10
	5	Курган XIV, погребение 2	19			19
2004	6	Курган 11, погребение 2 ⁵⁴	2			2
	7	Курган 1	133			133
	8	Курган 2	4			4
	9	Курган 3	2			2
	10	Курган 5, погребение 1	4			4
2005	11	Курган 6	43			43
	12	Курган 10	56			56
2006	13	Курган 25	38			38
	14	Курган 27	11		2	13
Всего			354	1	2	357

Таблица 2. Распределение стеклянных бусин по комплексам. Мякининская курганная группа

№ п/п	Кол-во бусин в погребении	Кол-во погребений	Номера комплексов
1	1	1	Курган III
2	2	2	Курган X, курган 3
3	4	2	Курган 2, курган 5, погребение 1
4	10	1	Курган XII
5	11	1	Курган 27
6	21	1	Курган XIV, погребение 2
7	29	1	Курган VII
8	38	1	Курган 25
9	43	1	Курган 6
10	56	1	Курган 10
11	133	1	Курган 1
Всего		13	

Таблица 3. Группировка комплексов по числу бусин. Мякининская курганная группа

№ группы	Кол-во бусин в погребении	Погребения		Бусины	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	1–4	5	38,5	13	3,7
2	10–11	2	15,4	21	5,9
3	21–56	5	38,5	187	52,8
4	133	1	7,6	133	37,6
Всего		13	100	354	100

Бусины (323 экз.)

Морфологические характеристики

Около 8% учтенных бусин (24 экз., 7,4%) представлены настолько разрушенными экземплярами, что невозможно определить не только цвет

стекла, но и форму, размеры и технологию их изготовления. Происходят эти бусины из кургана 6.

Из оставшихся украшений подавляющее число бусин (73,7%, 238 экз.) представляют собой округлые формы (табл. 4). Из них большинство составляют шаровидные усеченные дважды, так называемые

⁵⁴ Курган XIV, погребение 2 по М. В. Городцову.

Таблица 4. Форма тулова стеклянных бусин. Мякининская курганная группа

Форма тулова		Кол-во	%
Округлое	Шар усеченный дважды	108	33,4
	Кольцо	75	23,2
	Цилиндр	20	6,2
	Эллипс усеченный дважды	9	2,8
	Биконус усеченный дважды	7	2,2
	Яйцо усеченное дважды	7	2,2
	Конус усеченный	3	0,9
	Нельзя установить	9	2,8
Граненое	Эллипс усеченный дважды	10	3,1
Винтообразное	Цилиндр	4	1,2
	Нельзя установить	45	14
Составное	Шар + кольцо	1	0,3
	Шар + яйцо	1	0,3
Нельзя установить		24	7,4
Всего		323	100

Таблица 5. Размерные характеристики стеклянных бусин. Мякининская курганная группа

Группировка бусин по диаметру тулова		Кол-во	%
Микробусины (менее 9 мм)	Малые (менее 3 мм)	42	13
	Средние (от 3 до 5 мм)	85	26,3
	Большие (от 6 до 8 мм)	73	22,6
Средние бусины (от 9 до 17 мм)	Малые (от 9 до 11 мм)	25	7,7
	Средние (от 12 до 14)	11	3,4
	Большие (от 15 до 17 мм)	6	1,9
Нельзя установить		81	25,1
Всего		323	100

зонные (108 экз.) и кольцевидные (75 экз.) бусины, две из которых сдвоенные. Меньше бусин цилиндрических (20 экз.). Мало встречено бусин эллипсоидных усеченных дважды (9 экз.), биконических усеченных дважды, так называемых битрапециодных (7 экз., одна из которых с валиками), яйцевидных усеченных дважды (7 экз.). Единичны бусины конические усеченные (3 экз.). Форма девяти бусин не установлена. Округлые бусины встречены во всех раскопанных погребениях, за исключением кургана 5.

На втором месте после округлых находятся винтообразные бусины (15,2%, 49 экз.). Почти все они (45 экз.) сильно фрагментированы, что не позволяет точно определить форму продольного сечения бусины. Полностью сохранились только четыре цилиндрические бусины. Бусины винтообразной формы найдены в погребениях курганов 10 и 25.

В коллекции присутствуют граненые эллипсоидные усеченные дважды бусины, так называемые рыбовидные (10 экз.). Они происходят из погребений курганов 5 и 27.

Обнаружены также две сдвоенные пронизки, одна из которых состоит из шаровидной и кольцевидной бусин, а другая – из шаровидной и яйцевид-

ной. Поэтому такая форма названа нами составной. Происходят эти бусины из курганов 3 и 10.

По размерным характеристикам мы вслед за Ю. Каллмером разделили изученные бусины на группы по диаметру/ширине тулова (*Callmer*, 1977. Р. 35). Согласно этому параметру Каллмер делит украшения на микробусины (менее 9 мм в диаметре), средние бусины (от 9 до 17 мм), макробусины (от 18 до 29 мм) и гиганты (свыше 30 мм). Каждая из этих групп в свою очередь подразделяется на малые, средние и большие бусины (табл. 5).

У четверти бусин диаметр тулова не установлен. Среди остальных преобладают микробусины (около 62%, 200 экз.). Из них больше всего средних (от 3 до 5 мм в диаметре) и больших (от 6 до 8 мм), а малых (менее 3 мм) в два раза меньше. Все малые бусины и часть средних с диаметром тулова не более 3,5 мм можно отнести к группе бисера (112 экз., 34,7%).

В группу средних попало немного бусин (42 экз., 13%). Причем большинство их оказалось в группе малых (от 9 до 11 мм), 11 – в группе средних (от 12 до 14 мм), и только 6 отнесены к большим (от 15 до 17 мм).

Таблица 6. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных бусин из Мякининских курганов

№ п/п	Шифр лаб.*	Паспорт	Цвет	Состав**	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	Ag ₂ O	Au	Навеска
1	774-26	Кург. 3, № 1	Красно-коричневый		0,09		2,4	0,2	0,01	0,1	3,4	0,02	0,02	51,0	0,3	0,5	0,01		
2	774-27	Кург. 1, № 3	Бесцветный	Осн.	15,0		2,6	15,0	7,0	3,6	0,9	2,4	0,1	0,01	-	-	0,01	+	
3	774-28	Кург. 1, № 4	Желтый	Осн.	0,1		9,5	0,2	0,01	0,2	0,2	-	0,03	31,0	-	-	-		
4	774-29	Кург. 1, № 1	Бирюзовый	Осн.	18,0		2,9	3,6	1,0	1,8	1,9	0,4	0,1	2,8	1,0	3,0	-		8,0
5	774-30	Кург. 1, № 1	Бирюзовый	Осн.	19,0		3,4	6,9	2,9	3,9	2,3	0,6	0,2	2,0	1,0	2,1	-		7,0
6	774-31	Кург. 1, № 1	Бирюзовый	Осн.	17,0		2,1	5,5	2,0	3,1	1,9	0,4	0,09	5,0	1,0	1,6	-		
7	774-32	Кург. 1, № 2	Желто-зеленый		0,5		-	0,4	0,01	0,1	0,1	-	0,2	85,0	-	1,6	-		8,0
8	774-33	Кург. 1, № 2	Зеленый		0,1		-	0,5	-	0,05	0,08	-	0,01	85,0	-	1,4	-		
9	774-34	Кург. 1, № 2	Зеленый		0,09		-	0,4	0,01	0,04	0,07	-	0,01	60,0	-	1,3	-		
10	787-30	Кург. 10	Сине-зеленый	Осн.	0,4	14	1,4	0,2	0,2	0,5	0,7	0,02	0,09	38,0	0,3	3,2	-		
11	787-31	Кург. 6	Красно-коричневый		-		-	0,4	0,06	0,2	1,2	0,01	0,09	51,0	0,2	0,8	-		
12	787-32	Кург. 6	Красно-коричневый	Осн.	0,03		-	0,6	0,08	0,2	1,2	-	0,6	42,0	1,3	2,5	-		
13	787-33	Кург. 6	Желтый		-		-	0,3	0,04	0,1	0,1	-	0,05	50,0	-	0,5	-		
14	787-34	Кург. 10	Желто-зеленый		0,07		-	0,5	0,1	0,1	0,3	-	0,08	77,0	-	1,0	-		
14	787-35	Кург. 10	Бирюзовый	Осн.	0,5	3,6	0,8	0,3	0,3	0,7	1	0,2	0,3	37,0	0,2	3,1	-		
16	787-36	Кург. 10	Фиолетовый	Осн.	0,2	5,0	0,5	0,3	0,3	0,6	0,8	1,8	0,3	32,0	-	-	-		
17	787-37	Кург. 6	Желтый	Осн.	0,2	9,4	0,5	0,3	0,3	0,3	0,2	0,01	0,2	32,0	-	-	0,05		
18	787-38	Кург. 6	Желтый	Осн.	0,2	4,1	0,5	0,1	0,1	0,3	0,5	0,01	0,2	22,0	-	-	0,05		7,5
19	787-39	Кург. 6	Желтый	Осн.	0,2	7,1	0,6	0,3	0,3	0,2	0,2	0,01	0,1	29,0	-	-	0,02		
20	787-40	Кург. 6	Желтый	Осн.	0,04	-	0,5	0,2	0,2	0,3	0,4	0,01	0,1	28,0	-	-	0,02		
21	787-41	Кург. 6	Желтый +Ag?	Осн.	0,1	2,8	0,5	0,1	0,1	0,3	0,1	-	0,1	29,0	-	-	-		9,5
22	787-42	Кург. 10	Бирюзовый	Осн.	0,2	6,6	0,6	0,2	0,2	0,5	0,4	0,06	0,2	16,0	0,2	1,4	-		

* Анализы выполнены в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьевым.

** В составе стекла не обнаружены CoO, NiO, Sb₂O₅

Исследованные бусины изготовлены из стекла 11 цветовых тонов. Чуть больше четверти бусин сделано из бирюзового полупрозрачного стекла (83 экз.; 25,6%), чуть меньше – из зеленого прозрачного (77 экз.; 23,8%). Все зеленые и немногим меньше половины бирюзовых (36 экз.) мы отнесли к группе бисера (менее 3,5 мм в диаметре) (курган 1). Для остальных бусин использовано прозрачное стекло бледно-желтого (35 экз.), желто-зеленого (13 экз.), фиолетового (13 экз.), синего (10 экз.), ярко-желтого (3 экз.), бесцветного (2 экз.), бежевого (2 экз.) и сине-зеленого (2 экз.) цветов. Из непрозрачного стекла изготовлены три бусины красно-коричневого цвета, 21 черного, одна из которых дополнена белыми валиками, у одной бусины цвет не установлен. Цвет и прозрачность не могли быть определены из-за плохой сохранности стекла у 58 бусин (18%).

Из всей массы бусин декорированы только пять, причем все они округлые и из непрозрачного стекла. Две из них покрыты беспорядочными пятнами также из непрозрачного стекла. Шаровидная усеченная дважды бусина из красно-коричневого стекла украшена белыми пятнами (курган 3), а эллипсоидная усеченная дважды из стекла с неустановленным цветом – желтыми (курган 27). Остальные бусины украшены фестонами (курган 6). Черную биконическую усеченную дважды бусину с валиками и одну красно-коричневую эллипсоидной усеченной дважды формы украшают по одному поперечному фестону из непрозрачного белого стекла, а вторую красно-коричневую такой же эллипсоидной формы – несколько поперечных фестонов из желтого и белого непрозрачного стекла. Все декорированные образцы относятся к группе бус с «пластичным» декором.

Девять экземпляров относятся к группе бусин с металлической прокладкой. Две из них (курган 1. № 3, рис. 155, 5), округлой биконической усеченной дважды формы, изготовлены из бесцветного стекла, имеют прокладку из золотой фольги и покрытие из такого же бесцветного прозрачного стекла (табл. 6, ан. 774-27). Остальные семь бусин (курган 6. № 23, рис. 166, 1а), округлой формы (три шаровидные усеченные дважды, две цилиндрические и две усеченно-конические) имели серебряную фольгу, покрытую желтоватым стеклом (табл. 6, ан. 787-37–41). По устному сообщению

аналитика А. Н. Егорькова, металлическая прокладка одной из них помимо серебра содержала еще и золото (табл. 6, ан. 787-37). Возможно, здесь был применен так называемый двойник, когда поверх серебра наносилось золото. Можно предположить, что и для остальных бусин из этой серии тоже был использован двойник.

Группу из 10 округлых шаровидных усеченных дважды бусин можно отнести к ложнозолоченым или псевдозолоченым бусинам (курган 1. № 4, рис. 155, 4). В них на основу из бледно-желтого стекла вместо металлической фольги положено прозрачное стекло желтого или бежевого цвета, покрытое желтоватым стеклом.

Технологические характеристики

Не удалось установить способ изготовления 38 бусин (11,8%). Основная масса остальных изготовлена при помощи навивки (249 экз., 77,1%), большая часть серийно (187 экз.), меньшая – индивидуально (52 экз.), у 10 бусин прием точно не установлен. Остальные бусины (36 экз., 11,1%) сделаны при помощи разрезания тянутой трубочки и полировки. Причем все они изготовлены из бирюзового полупрозрачного стекла (курган 1).

Одна половина (93 экз.) серийно навитых бус сформована приспособлением в виде решетки⁵⁵, другой половине (94 экз.) форма придана в момент навивки. Затем бусы, кроме трех сдвоенных, были отделены друг от друга, в большинстве случаев при помощи отшибания (101 экз.), меньшая часть – резанием (83 экз.). Большая часть бусин (106 экз.) отполирована в горячую. Две бусины обернуты в горячую покровным стеклом, вероятно, с уже предварительно наложенной также в горячую серебряной фольгой или двойником. Одна бусина обкатана для придания ей биконической формы, и затем на нее наложены валики.

Большая часть (29 экз.) индивидуально навитых бусин дополнительно обработана. В том числе десять бусин подвергнуты формованию с помощью прессования инструментом, а семь – обкатке с этой же целью. На десять бусин при помощи обертывания в горячую для имитации золочения наложен промежуточный слой стекла, на который в свою очередь наложен покровный слой. Также при помощи обертывания в горячую на семь украшений наложено покровное стекло с металлической фольгой, в двух случаях она была золотой,

⁵⁵ Приспособление представляет собой параллельно расположенные стержни или пластины, закрепленные в раме. Прокатка навитой трубочки по такому приспособлению позволяла за один прием получить цепь бусин одинаковой, округлой формы, которые затем отделялись друг от друга при помощи отшибания.

в остальных использована серебряная фольга или двойник.

Декор на трех бусинах получен при помощи наклада стеклянных нитей и растягивания их острием в разных направлениях. После чего бусины были подвергнуты обкатке для уплощения декоративных элементов. На двух бусинах декор выполнен при помощи наклада мелкой стеклянной крошки, которую разогревом и обкаткой превращали в пятна.

Характеристики химического состава бусин

Исследование химического состава стекол проведено для 22 бусин (курган 1 – 8 экз.; курган 3 – 1 экз.; курган 6 – 8 экз.; курган 10 – 5 экз.) (табл. 6). Оказалось, что девять из них сварены из стекла класса $K_2O-PbO-SiO_2$ (ан. 774-28; 787-30, 35–39, 41, 42), столько же – из стекла класса $PbO-SiO_2$ (ан. 774-26, 32–34; 787-31–34, 40), три изготовлены из стекла класса $Na_2O-CaO-SiO_2$ (ан. 774-27, 30, 31) и одна – из стекла класса Na_2O-SiO_2 (ан. 774-29).

Вставки

Две найденные вставки из стекла украшали концы витого браслета из медного сплава, надетого на правую руку погребенной (курган 27). Вставки имеют плоскую треугольную форму. Ширина вставок 8,5 и 9,5 мм, толщина – 2,5 мм, длину установить не удалось. Вставки изготовлены из синего стекла при помощи литья в форму.

Браслет

Единственный браслет (курган VII) состоит из четырех фрагментов, которые собираются в полную форму. Он ребристый с розеткой в поперечном сечении. По числу ребер (их 11) браслет можно отнести к мелкокрученым. Его внутренний диаметр составляет 6 см. Изготовлен из прозрачного фиолетового стекла вытягиванием с помощью формы и закручиванием ребристого дрота. Концы браслета соединены встык при помощи сварки и прессования на плоскости.

Рассмотрим стеклянные украшения Мякининских курганов по погребальным комплексам.

Раскопки 1924 г.

Курган VII (рис. 148, 5, 6). В погребении найдено 29 бусин и целый браслет. В настоящее время в фондах ГИМ хранится 28 бусин и браслет.

Большинство бусин (20 экз.) составляют округлые украшения из группы микробусин (менее

9 мм), изготовленные серийной (18 экз.) и индивидуальной (2 экз.) навивкой из черного непрозрачного стекла. Они имеют различную форму: шаровидную усеченную дважды (зонную) (8 экз., две из них сдвоенные), яйцевидную усеченную дважды (7 экз.) и эллипсоидную усеченную дважды (5 экз.) (рис. 148, 5). На Белозерье, в могильнике Минино II, зонные черные бусины присутствуют в погребениях, укладываемых в рамки второй половины XI – первой четверти XII в., а также в одном захоронении второй половины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187, 188. Табл. 86. Тип 81). На селище Минино VI такие же бусины обнаружены в комплексе XII в. (Там же. С. 189. Табл. 87). Эллипсоидные бусины из черного непрозрачного стекла по новгородской хронологии датируются XII–XIII вв., причем они более характерны для XII, чем для XIII в. (Щапова, 1956. С. 170, 171). В Мининском могильнике эти бусы обнаружены в погребениях, датирующихся серединой XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 98). Нам неизвестен химический состав этих бусин, однако цвет и прозрачность стекол позволяют связать их с поливным и смальтовым производством, которое существовало в различных городах Руси, в том числе в Киеве, Смоленске, Владимире и, возможно, в Новгороде (Щапова, 1972. С. 188, 189; Егорьков, 2000. С. 80, 82).

Остальные восемь бусин из этого погребения изготовлены серийной навивкой из прозрачного бирюзового стекла (рис. 148, 5). Это округлые кольцевидные бусины, одна из которых сдвоенная. Их можно отнести к подгруппе больших группы микробусин (от 6 до 9 мм). По новгородской хронологии эти бусины датируются XII – серединой XIII в. (Щапова, 1956. С. 167). В могильнике Минино II подобные бусины встречены в погребении второй половины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187, 188. Табл. 86. Тип 88). Цвет и сохранность бусин позволяют определить их как продукцию древнерусского, возможно, киевского производства.

Браслет с розеткой в сечении диаметром 6 см изготовлен из фиолетового прозрачного стекла при помощи вытягивания и кручения ребристого дрота (рис. 148, 6). Один фрагмент браслета найден на левой руке погребенной, три других – на месте истлевшей правой (Городцов, 1928. С. 546). Сохранность и цвет браслета позволяют предположить его принадлежность к столичной школе, производящей такие украшения из калиево-свинцово-кремнеземного стекла в столетие перед татаро-монгольским нашествием.

Заметим, что находки стеклянных браслетов в древнерусских курганах чрезвычайно редки. В подкурганых ямных захоронениях, за исключением Мьякининских курганов, известны только три находки: в Филях (голубой ребристый браслет) (*Арциховский*, 1930. С. 193; 1947. С. 18), в курганной группе, расположенной в 5 верстах к СВ от г. Пронска Рязанской губернии (крученный фиолетовый браслет) (*Черепнин*, 1898. С. 14, 15), и в кургане близ д. Вирково Бобруйского уезда (два синих и два черных браслета на костях рук женского погребения, исследованного в 1892 г.) (*Соловьева, Кропоткин*, 1953. С. 22). Надо заметить, что стеклянные браслеты известны также в грунтовом Липинском могильнике (Курская обл.) и в трех подкурганых захоронениях на горизонте, в т. ч. одном трупосожжении (в Костромской и Могилевской обл.) (Там же). Таким образом, стеклянные браслеты встречаются редко как среди ранних (XI в.), так и относительно более поздних (XII – первой половины XIII в.) захоронений.

Курган X. Найдены две бусины округлой шаровидной усеченной дважды (зонной) формы, одна из которых сдвоенная (рис. 151, 5). Обе бусины имеют диаметр тулова 9 мм, что позволяет отнести их в группу средних (от 9 до 17 мм). Сдвоенная бусина изготовлена из сине-зеленого полупрозрачного стекла при помощи серийной навивки, отшибания и полировки, одинарная – из бирюзового полупрозрачного стекла индивидуальной навивкой. Новгородские аналогии датируют такие бусины XII – серединой XIII в. (*Щапова*, 1956. С. 167). В Мининском археологическом комплексе подобные бусины происходят из погребения второй половины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187, 188. Табл. 86. Тип 88). Судя по цвету и сохранности стекла, обе бусины можно отнести к древнерусской, возможно, киевской школе стекловарения.

Помимо стеклянных в погребении найдены каменные бусины. Среди них пять бусин округлой шаровидной формы (в фондах ГИМ хранятся четыре) из горного хрусталя и одна граненая бипирамидальная бусина из сердолика (рис. 151, 5).

Раскопки 2004–2006 гг.

Курган 1 (рис. 155, 3–7). В погребении под курганом 1 обнаружены 133 бусины. Основную массу (119 экз.) составляют бусины, которые можно отнести к группе бисера. Это округлые украшения кольцевидной (62 экз.), шаровидной усеченной дважды (41 экз.) и цилиндрической (16 экз.) формы с диаметром тулова менее 3,5 мм.

Чуть менее трети этих бусин (36 экз.) сделано из бирюзового полупрозрачного стекла при помощи вытягивания трубочки, разрезания ее на части и полирования (рис. 155, 3). Этот вид бисера относится к группе рубленого. В Старой Ладогере рубленый бисер датируется VIII – началом XI в. (*Львова*, 1970. С. 97). В могильниках на Кубенском озере (Минино II и Владышново II) такой тип бусин встречается в погребениях второй половины X века (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186. Табл. 86. Тип 23). По материалам Новгорода этот вид бусин датируется X – началом XII в., основная масса приходится на X – первую половину XI в., а для второй половины XI – начала XII в. рубленый бисер – большая редкость (*Щапова*, 1956. С. 173). Аналогичный бисер, но из сине-фиолетового стекла обнаружен в погребении конца XII в. некрополя, находящегося на территории кремля г. Дмитрова (*Энговатова*, 2003. С. 5; *Столярова*, 2011. С. 170). Исходя из технологии изготовления, этот вид бисера можно отнести к ближневосточной продукции (*Щапова*, 1972. С. 178, 179). Это подтверждает и химический состав их стекол. Из трех проанализированных бусин две сделаны из стекла тройной шихты ($\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$) с рецептурной нормой 2,5, которая является одной из самых распространенных в сирийских центрах (табл. 6, ан. 774-30–31) (*Щапова*, 1983. С. 127). Третья бусина сделана из стекла двойной шихты ($\text{Na}_2\text{O}-\text{SiO}_2$) с рецептурной нормой 4,5 (ан. 774-29). Составление шихты из двух компонентов характерно для Египта и Восточного Средиземноморья, что обусловлено наличием месторождений специальных песков (*Щапова*, 1983. С. 107). Однако двойные стекла известны и из внутренних регионов Переднего Востока (*Щапова*, 1983. С. 98. Рис. 21; *Столярова*, 2003. С. 116, 117). Во всех трех случаях стекло сварено на золе наземных частей однолетнего растения пустынной зоны (поташника), окрашено окисью меди и обесцвечено окисью марганца. Зола пустынных растений (галофитов) – традиционное сырье, применяемое для получения стекла в Передней Азии, в том числе в Месопотамии и во внутренних районах Сирии. При размещении результатов анализа исследованных бусин на корреляционном поле они расположились в той области, где обычно размещаются ближневосточные стекла (рис. 185).

Две трети бисера (83 экз.) изготовлено из прозрачного зеленого (77 экз.) и желто-зеленого (6 экз.) стекла при помощи серийной навивки трубочки, обработки ее приспособлением в виде решетки, отшибания и полирования (рис. 155, 7). В Мининском археологическом комплексе подоб-

ные бусины отнесены к наиболее ранним видам навитого бисера. Его появление в Минино относят ко времени не позднее начала XI в. В частности, он обнаружен в нескольких погребениях могильника Минино II, самое раннее из которых датируется второй четвертью XI в. На селищах Минино I и Минино VI такой же бисер происходит из комплексов, укладываемых в рамки середины XI–XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189, 191. Табл. 86, 87. Тип 67). Навитой бисер различных цветов и прозрачности найден в погребениях могильника Нефедьево, где его особенно много в комплексах XI в., а в погребениях XII в. он встречается в значительно меньших количествах (Там же. С. 191). Проведенный анализ химического состава мякининского навитого бисера показал, что он изготовлен из стекла класса $PbO-SiO_2$, окрашенного окисью меди (табл. 6, ан. 774–32–34). Такое стекло обычно связывается с древнерусскими центрами, такими как Новгород, Смоленск, Церковище, Полоцк, которые функционировали с 30-х гг. XII в. по первую половину XIV в. С другой стороны, из такого же свинцово-кремнеземного стекла в Византии в IV–XI вв. изготавливали смальту, в XI в. так называемые треугольные бусы, а в Польше в XII–XIII вв. – мелкие украшения (Щанова, 1998. С. 21, 25, 84, 152; Ольчак, 1959. С. 86). Критериев для разделения изделий по этим трем источникам пока не разработано. Заметим, что большая часть изученного бисера окрашена в зеленый цвет, который не характерен для древнерусского стеклоделательного производства. Этот факт в совокупности с ранним появлением таких бусин на территории Руси, в частности на Кубенском озере, заставляет склоняться в пользу его византийского происхождения.

Из оставшихся бусин две имеют прокладку из золотой фольги и потому могут быть отнесены к группе золоченых (рис. 155, 5). Эти бусины имеют округлую биконическую усеченную дважды форму. Заметим, что в этих бусинах ребро сглажено, биконическая форма почти превратилась в эллипсоидную. Диаметр тулова бусин – 6,5 и 7 мм. Изготовлены основы бусин из бесцветного прозрачного стекла при помощи индивидуальной навивки. Золотая фольга и покрытие из такого же бесцветного прозрачного стекла наложены на основу, вероятно, одновременно при помощи обертывания. Такой способ обусловил наличие так называемой каймы по краям канала бусины. Иначе говоря, фольга наложена только в средней части, а края остались без фольги, но с покрытием. В Саркеле – Белой Веже такие бусины встречены в слоях второй половины IX – первой полови-

ны X в. и конца X–XI в. (Львова, 1959. С. 326). В могильнике Минино II подобные бусины происходят из нескольких погребений, самое раннее из которых датируется второй половиной X – началом XI в. На селищах Минино I и VI такие же бусины встречены в комплексах, укладываемых в рамки середины XI–XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186, 189. Табл. 86, 87. Тип 46). По мнению А. В. Арциховского, у вятичей золотостеклянные бусы были известны в XII в. Тем не менее на других территориях эти бусины хорошо датируются монетами XI в. (Арциховский, 1930. С. 139, 145). По новгородской хронологии золоченые бусины с диаметром более 5 мм датируются концом X – серединой XIII в., причем время расцвета приходится на XI в. (Щанова, 1956. С. 172). Правда, Б. А. Колчин уточнил время существования этих бусин, сократив его на 100 лет – с конца X по 40-е гг. XII в. (Колчин, 1956. С. 123). Эти бусины следует относить к византийскому производству конца X–XII в. (Щанова, 1972. С. 87), что подтверждает и химический состав одной из них (рис. 185). Она сделана из стекла тройной шихты (класс $Na_2O-CaO-SiO_2$) с рецептурной нормой 0,75 (табл. 6, ан. 774–27). Данная рецептурная норма вместе с нормой 1 находится на втором месте среди византийских стекол по частоте встречаемости после норм 1,25 и 1,5, которые доминируют. Стекло обесцвечено окисью марганца и сварено на золистом щелочном сырье, которое является преобладающим в византийском стекловарении периода X–XII вв. В частности, в качестве источника щелочей использованы наземные части однолетнего растения пустынной зоны (поташника). Исследованное стекло имеет высокое содержание щелочных земель (22%), что также свойственно византийскому стекловарению (Щанова, 1983. С. 180; 1998. С. 95–98).

Еще 10 бусин сходны с предыдущими по технологической схеме, но отличаются от них тем, что вместо золотой фольги у них положено желтое или бежевое стекло (рис. 155, 4). В качестве основы и покрытия использовано прозрачное стекло бледно-желтого цвета. Эти бусины могут быть отнесены к группе так называемых псевдо- или ложнозолоченых. Отличаются они от настоящих золоченых еще и формой: все они округлые шаровидные усеченные дважды (зонные). Диаметр тулова бусин превышает 5 мм (от 5,5 до 7 мм). Проведенное исследование химического состава одной из них показало, что ее стекло сварено по древнерусскому рецепту – $K_2O-PbO-SiO_2$ (табл. 6, ан. 774–28) и, возможно, изготовлено в Киеве. Данный состав не имеет специально введенного красителя, но при

отсутствии обесцвечивателя наличие окиси свинца как основного стеклообразующего элемента и примеси железа привело к окрашиванию стекла в бледно-желтый цвет. Такие бусины по новгородской хронологии датируются серединой XI – серединой XIII в. (Щанова, 1972. С. 87).

Последние две бусины этого комплекса имеют округлую кольцевидную форму, одна из них сдвоенная, другая одинарная (рис. 155, б). Диаметр тулова 5,5 и 6 мм соответственно. Изготовлены они из прозрачного бежевого стекла при помощи серийной навивки трубочки и обработки ее «решеткой». В одном случае технологическая схема дополнена отшибанием полученных бусин друг от друга. Анализ химического состава стекла этих бусин не производился. Поэтому для определения происхождения и хронологии таких бусин можно использовать только косвенные признаки. Например, наличие иризации на поверхности стекла может свидетельствовать о применении натриевого щелочного сырья, которое свойственно византийской стекловаренной школе. Византийские бусы бытуют на территории Восточной Европы с конца X до начала XIII в. Правда, с начала XII в. византийских бус из прозрачного стекла становится гораздо меньше, только непрозрачные бусы с «пластичным» декором бытуют на протяжении всего XII и начала XIII в.

Помимо стеклянных в погребении найдены бусины граненой бипирамидальной формы из сердолика (рис. 156, 1).

Курган 2 (рис. 158, 5). Здесь найдены четыре бусины округлой шаровидной усеченной дважды формы (зонные), изготовленные индивидуальной навивкой. Диаметр тулова всех четырех бус – 7,5 мм. Стекло их настолько подверглось разрушению, что установить его цвет и прозрачность не представляется возможным. В свою очередь, это является признаком стекла химического класса $K_2O-PbO-SiO_2$ древнерусского, возможно, киевского производства, которое существовало со второй четверти XI по середину XIII в. Однако большинство аналогий относят древнерусские так называемые зонные бусы различных цветов к периоду XII – середины XIII в. (Щанова, 1956. С. 166–169).

Помимо стеклянных в погребении найдены каменные бусины, в том числе сердоликовые граненой бипирамидальной формы, а также из горного хрусталя округлой шарообразной формы (рис. 158, 3, 4).

Курган 3 (рис. 160, 6, 7). В погребении обнаружены только две бусины. Одна из них представляет собой так называемую многочастную пронизку, составленную из двух разных форм: шаровидной усеченной дважды и кольцевидной⁵⁶ (рис. 160, 6). Поэтому форма этой бусины была названа нами составной. Диаметр тулова бусины составляет 3 мм, что позволяет отнести ее к группе бисера. Изготовлена бусина при помощи серийной навивки трубочки, которая затем обработана приспособлением в виде решетки. Цвет и прозрачность бусины установить не удалось из-за плохой сохранности стекла. Это, как и в предыдущем случае, позволяет отнести эту бусину к древнерусскому, возможно, киевскому производству и датировать ее XII – серединой XIII в.

Вторая бусина из этого же кургана имеет округлую шаровидную усеченную дважды форму (зонную). Она изготовлена из непрозрачного красно-коричневого стекла и декорирована белыми пятнами (рис. 160, 7). Изготовлена бусина при помощи индивидуальной навивки. Декор получен с помощью наклада, разогрева и обкатки стеклянной крошки. Бусина изготовлена из стекла класса $PbO-SiO_2$ (табл. 6, ан. 774-26), окрашенного и заглащенного при помощи окиси меди в коллоидном состоянии. Стекло такого химического класса было распространено в Средневековье, его производили в мастерских различных центров (см. выше). Однако особенностью состава рассматриваемой бусины является примесь окиси калия (2,4%). Наличие щелочи в бесщелочном свинцовом стекле из различных памятников древнерусского времени уже отмечалась нами. Например, такую примесь к основному составу имеет слиток из непрозрачного красно-коричневого стекла из Киева, украшения (бусы и перстни) из непрозрачного стекла разных цветов из Владимира (Кузина, 2012. С. 246) и Москвы, с поселения Усть-Шексна и селищ Волжской Булгарии. Эта же черта присутствует и у украшений (браслетов, бус и перстней) из прозрачного стекла, найденных в Дмитрове, на поселениях Настасьино и Усть-Шексна. Объяснение присутствию небольшой концентрации щелочи в стекле такого состава уже приводилось нами неоднократно: им может быть либо добавление в шихту боя стеклянных изделий, сваренных на поташе, либо вторичное использование тиглей, в которых до того варили калиевое стекло (Столярова, 2002. С. 200–202. Табл. 5; 2004. С. 69, 70; 2005. С. 51, 59; 2006а. С. 315; 2006б. С. 162. Табл. 2. № ан. 733-30;

⁵⁶ Кольцевидная часть пронизки в процессе исследования разрушилась.

Столярова, Журухина, 2014. С. 198). Такое объяснение должно указывать на древнерусское происхождение стекол такого состава. В противоположность им анализы других стекол класса $PbO-SiO_2$, в том числе предполагаемого византийского навитого бисера из кургана 1 рассматриваемого могильника (табл. 6, № ан. 774-32-34), а также византийской смальты из Преслава и колец из польских памятников показали полное отсутствие в их составе окиси калия (Безбородов, 1956. С. 295. Табл. XXXIX; Щапова, 1998. С. 254, 255. № 70).

Рассматриваемая бусина из Мякининского кургана относится к группе бусин с «пластичным» декором, которая датируется широко – XI – серединой XIV в., но в основной массе встречается в XII–XIII вв. (Щапова, 1972. С. 91). К примеру, бусины, аналогичные мякининской, найдены на селище Минино VI в комплексе середины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 189. Табл. 87. Тип 64). Центры производства бус с «пластичным» декором, в том числе сделанных из стекла класса $PbO-SiO_2$, точно не установлены. В литературе неоднократно отмечалось сходство цветовой гаммы таких бус, их декоративных элементов и химического состава с поливными изделиями и смальтой, из остатков и отходов которых могли изготавливать бусы (Щапова, 1972. С. 94; Столярова, 1996. С. 183). А изготовление полив и смальт существовало во многих городах Руси, в том числе в Киеве, Смоленске, Владимире, возможно, в Новгороде (Щапова, 1972. С. 188, 189; Егорьков, 2000. С. 80, 82). Данные нами выше объяснения присутствию примеси окиси калия в составе бесщелочных свинцовых стекол, вероятно, позволяют сузить список возможных центров производства бус с «пластичным» декором из такого стекла и предполагать их изготовление в Киеве или Новгороде, где, вероятно, существовало производство стекол обоих составов (свинцово-кремнеземного и калиево-свинцово-кремнеземного) (Щапова, 1972. С. 191, 192).

Кроме стеклянных в погребении найдены сердоликовые (рис. 160, 8) и металлические (рис. 160, 5) бусины граненой бипирамидальной формы.

Курган 5 (рис. 162, 4). В погребении 1 обнаружены четыре бусины. Форма этих бусин – граненая эллипсоидная усеченная дважды (так на-

зывается рыбовидная). Ширина тулова в двух случаях – 1,55 см, в двух других – 1,65 см. Длина тулова – от 2,85 до 3,45 см. Изготовлены бусины из фиолетового прозрачного стекла при помощи индивидуальной навивки и прессования инструментом. Такая же бусина найдена в могильнике Минино II в погребении XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 99). Однако полагают, что «рыбовидные» бусины более характерны для второй половины XII – первой трети XIII в. (Арциховский, 1930. С. 140). Сохранность стекла этих бус (наличие кракелюра), цвет и прозрачность идентичны изделиям древнерусского, предположительно киевского производства.

В кургане 5 помимо стеклянных присутствуют каменные бусины. Среди них шарообразные из горного хрусталя (рис. 162, 2) и граненые бипирамидальные из сердолика (рис. 162, 3).

Курган 6 (рис. 166, 1а). Тут обнаружено 43 бусины. Как уже упоминалось выше, больше половины находок (24 экз.) нельзя использовать для изучения в связи с плохим состоянием их сохранности. Среди остальных присутствуют семь бусин с прокладкой из серебряной фольги или из двойника. Состояние сохранности этих бусин – характерная расстеклованность в виде кракелюра – и результаты анализа состава говорят о том, что сделаны они из стекла, сваренного по древнерусскому рецепту – $K_2O-PbO-SiO_2$ (табл. 6, ан. 787-37-41)⁵⁷. Это стекло не имело специально введенного красителя, но при отсутствии обесцвечивателя наличие окиси свинца как основного стеклообразующего и примеси железа привело к окрашиванию его в бледно-желтый цвет. Производили такие бусы, по-видимому, в Киеве (Щапова, 1972. С. 88)⁵⁸. Бусы с металлической прокладкой русского производства появляются в Новгороде в середине XI в. и бытуют до середины XIII в. (Щапова, 1972. С. 85, 87). По данным Ю. М. Лесмана, такие бусы доживают в Новгороде до 80-х гг. XIII в. (Лесман, 1984. Табл. 1). В могильнике Минино II самое раннее появление подобных бус относится к концу XI – рубежу XI–XII вв., а на селище Минино VI они обнаружены в комплексе XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 186, 189. Табл. 86, 87. Тип 49). С. Д. Захаров датирует такие бусы на Белоозере тем же периодом, что и ближневосточные и византийские, т. е.

⁵⁷ Анализ стекла одной из бус (ан. 787-40) показал отсутствие в его составе щелочей, однако низкое содержание окиси свинца (28%) не позволяет отнести это стекло к классу бесщелочных свинцовых ($PbO-SiO_2$). Скорее всего, перед нами результат почвенной коррозии стекла, суть которой заключается в выведении щелочных компонентов из массы стекла в ходе процесса гидролиза.

⁵⁸ Правда, М. В. Фехнер предполагала их изготовление в мастерских Смоленщины (Фехнер, 1959. С. 165).

X – серединой XII в., считая их наиболее характерными для XI – первой половины XII в. (Захаров, 2004. С. 51).

В погребении присутствуют шесть шаровидных усеченных дважды (зонных) бус из бледно-желтого стекла. Судя по их сохранности, они являются продукцией древнерусского, предположительно киевского производства. Встречаются они в Новгороде начиная с 70–80-х гг. XI в. Временем наибольшего распространения таких бус является XII – 30-е гг. XIII в., однако отдельные экземпляры доживают до конца XIII – начала XIV в. (Щапова, 1956. С. 165–166; Захаров, 2004. С. 54). Так, например, в могильнике Минино II подобные бусы найдены в погребении XII в., а на селище Минино VI они обнаружены в комплексе середины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 92).

Три кольцевидные бусины из ярко-желтого стекла помимо разницы в цвете отличаются от предыдущей группы еще и отсутствием кракелюра. Это не позволяет считать их изготовленными из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, что подтверждает анализ состава одной из них (табл. 6, ан. 787-33). На изготовление таких бус шло стекло другого класса – бесщелочного свинцово-кремнеземного. В качестве красителя использована окись меди, но в небольшой концентрации, поэтому наличие в составе окиси свинца как основного стеклообразующего привело к получению стекла желтого цвета. Делали такие бусы предположительно в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Церковище начиная с 30-х гг. – середины XII в. По курганным древностям такие бусы датируются XII в. У вятичей они встречаются в XIII–XIV вв. В Новгороде основная масса таких бус найдена в слоях XII – 80-х гг. XIII в., тем не менее единичные находки встречаются и в ярусах, датируемых XIV – началом XV в. (Щапова, 1956. С. 167, 168). В Мининском археологическом комплексе подобные бусы датируются серединой XII–XIII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 87). По мнению Б. А. Колчина, важным является то, что такие бусы ни разу не встречены в курганных комплексах XI в. и старше (Колчин, 1956. С. 123).

Три бусины изготовлены из непрозрачного стекла красно-коричневого и черного цветов и украшены фестонами – это так называемые бусы с «пластичным» декором. Состав двух красно-коричневых бусин изучен: они изготовлены из стекла класса PbO-SiO₂ (табл. 6, ан. 787-31, 32). В качестве красителя использована окись меди в коллоидном состоянии. Она же играет роль глу-

шителя. Добавку окиси олова в одном случае (ан. 787-32) можно рассматривать не как глушитель, а как восстановитель, который стеклоделы добавляли в шихту для создания условий образования закиси меди или металлической меди (Безбородов, 1956. С. 173). Бусы с «пластичным» декором датируются достаточно широко – XI–XIV вв., но основная их масса приходится на XII–XIII вв. (Щапова, 1972. С. 91; Захаров, 2004. С. 56). Например, на селище Минино VI такая бусина найдена в комплексе середины XII–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 189. Табл. 87. Тип 108). По-видимому, бусин поздней хронологической группы (так называемых бусин с рельефной спирально-волнистой орнаментацией) среди описанных выше нет. Поэтому их следует датировать XII – первой половиной XIII в. Что касается места изготовления этих бусин, то химический состав и сохранность позволяют считать их древнерусскими, а цвет и прозрачность стекол позволяют связать их с поливным и смальтовым производством, которое существовало в различных городах Руси. Бусина с «пластичным» декором также происходит из кургана 3 (см. выше).

В кургане 6 помимо стеклянных были найдены граненые бипирамидальные бусины из сердолика (рис. 166, 1б) и белого металла (рис. 166, 1в).

Курган 10 (рис. 171, 2). Из 56 бусин, обнаруженных в погребении, основную массу (41 экз.) составляли винтообразные бусы, большая часть которых фрагментирована (37 экз.). Изготовлены они в основном из прозрачного бирюзового (37 экз.), а также из фиолетового (4 экз.) стекла. Бусины имеют на поверхности характерные трещинки – кракелюры, что позволяет предполагать их изготовление из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Это подтвердил проведенный эмиссионно-спектральный анализ их состава (табл. 6, ан. 787-35, 36, 42). Красителем бирюзового стекла служит окись меди (ан. 787-35, 42), а фиолетового – окись марганца (ан. 787-36). Винтообразные бусы хорошо известны у вятичей, а также в Новгороде, где они появляются в середине XII в. и бытуют до середины XIV в. На остальной территории Руси этот тип чрезвычайно редок. Ареал этих бус и версия о существовании в Новгороде производства стекла состава K₂O-PbO-SiO₂ дали возможность предполагать изготовление подобных бус в Новгороде (Щапова, 1956. С. 172; 1972. С. 80–82).

Среди остальных встречены бусины округлые шаровидные усеченные дважды (зонные) из яркого желто-зеленого (7 экз.), синего (4 экз., одна из них сдвоенная), сине-зеленого (1 экз.) и бирюзового (1 экз.) стекла.

Бусины из яркого желто-зеленого стекла (7 экз.) встречаются в Новгороде с 70-х гг. XI в. Основной период существования таких бус по новгородской хронологии и по находкам в древнерусских курганах составляет XII–XIII вв. (Щапова, 1956. С. 168, 169; Захаров, 2004. С. 54). В могильнике Минино II эти бусины обнаружены в погребениях с середины XI по XIII в., а на селище Минино VI они найдены в комплексах XII–XIII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 85). Можно предположить происхождение этих бус из таких древнерусских центров, как Новгород, Смоленск или Полоцк, поскольку анализ состава одной из них показал, что изготовлена она из прозрачного стекла класса $PbO-SiO_2$, окрашенного в желто-зеленый цвет с помощью окиси меди (табл. 6, ан. 787-34).

Бусины округлые шаровидные усеченные дважды (зонные, одна из них сдвоенная) синего (4 экз.), сине-зеленого (1 экз.) и бирюзового цвета (1 экз.) можно отнести к древнерусской школе, в которой производили изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Основой для такой интерпретации служит состояние сохранности этих бус, а также анализ химического состава одной из них, который показал, что бусина сделана из стекла класса $K_2O-PbO-SiO_2$, окрашенного в сине-зеленый цвет при помощи окиси меди (табл. 6, ан. 787-30). Основной центр этой школы предположительно находился в Киеве. По находкам в могильнике Минино II и на селище Минино VI подобные бусы датируются серединой XI–XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Типы 86, 88). По новгородской хронологии такие бусы датируются серединой XII – 60-ми гг. XIII в. (Щапова, 1956. С. 167, 168). Аналогичные бусы из бирюзового и сине-зеленого стекла происходят из кургана X (см. выше).

Также в кургане 10 присутствует бусина из синего стекла биконической усеченной дважды формы (битрапециодная) с пропорциями 1:1. Наиболее ранняя находка подобных бус сделана в могильнике Минино II в погребении третьей четверти XI в. На селищах Минино I и VI эти бусы присутствуют в комплексах XI и XII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 73). По Новгороду такие бусы датируются XII – 40-ми гг. XIII в. (Щапова, 1956. С. 169, 170). Ю. М. Лесман увеличивает период бытования этих бус в Новгороде до 80-х гг. XIII в. (Лесман, 1984. Табл. 1).

Среди бус погребения кургана 10 присутствует эллипсоидная усеченная дважды бусина из настолько разрушенного стекла, что его цвет и про-

зрачность оказалось невозможным установить. Как правило, такое состояние сохранности свидетельствует о калиево-свинцово-кремнеземном составе стекла. По данным Новгорода, эллипсоидные бусины разных цветов встречены в слоях начала XII – 40-х гг. XIII в., причем наиболее характерны они для XII в., а для XIII в. редки (Щапова, 1956. С. 170, 171).

Курган 11. Погребение 2 (рис. 173, 2, 3). При исследовании погребения 2 кургана 11 (оно соответствует погребению 2 под курганом XIV, раскопанным М. В. Городцовым в 1927 г.) найдены две бусины. Их форма – округлая шаровидная усеченная дважды (зонная). Диаметр тулова бусин – 0,9 и 1,1 см. Одна бусина изготовлена из синего прозрачного стекла при помощи индивидуальной навивки и последующей обкатки (рис. 173, 2). Вторая – из фиолетового прозрачного стекла при помощи серийной навивки трубочки, обработки ее приспособлением в виде решетки и отшибания (рис. 173, 3). В результате применения такой технологической схемы бусина имеет шейку на крае канала. В могильниках и поселениях на Кубенском озере зонные бусы из синего стекла встречены в комплексах середины XI–XIII в., а из фиолетового – XII–XIII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 86, 89). У вятичей такие бусы встречаются в комплексах XII в., в других памятниках – XII в. и моложе. Новгородские аналогии датируют эти бусы XII – серединой XIII в. (Щапова, 1956. С. 167, 169). Цвет стекла, его прозрачность и сохранность (наличие кракелюров) позволяют отнести эти бусы к древнерусскому, возможно, киевскому стекольному производству. Аналогичные бусы из синего стекла происходят из кургана 10 (см. выше).

Курган 25 (рис. 179, 4). Из 38 бусин большинство (28 экз.) составляли округлые бусины шаровидной усеченной дважды формы (зонные). Диаметр тулова – от 0,7 до 1,7 см. Половина их изготовлена из стекла бледно-желтого цвета, у остальных плохая сохранность не позволила определить цвет стекла. Бусины изготовлены навивкой, часть – индивидуально, часть – серийно с последующим отшибанием и полированием. Такие же бусины найдены в Мининском археологическом комплексе, где они датируются XII–XIII вв. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187–189. Табл. 86, 87. Тип 92). Цвет стекла и его сохранность дают возможность предположить древнерусское, возможно, киевское производство этих бус в период с XII в. по 30-е годы XIII в. (Щапова, 1956. С. 165, 166). Аналогичные бусины происходят из кургана 6 (см. выше).

В кургане 25 обнаружено восемь осколков винтообразных бус. Изготовлены они при помощи наливки. Состояние их сохранности не позволяет определить размеры и цвет стекла, что косвенно указывает на калиево-свинцово-кремнеземный состав. По мнению исследователей, бусы такой формы изготавливали в Новгороде с середины XII по середину XIV в. (Щапова, 1956. С. 172; 1972. С. 80–82). Такие же бусины присутствуют в кургане 10 (см. выше).

Оставшиеся бусины представлены двумя округлыми цилиндрическими формами. Они имеют в диаметре 5 мм и изготовлены из фиолетового стекла при помощи наливки. Судя по цвету и состоянию сохранности, такие бусины можно отнести к древнерусскому, предположительно киевскому производству. Бусины аналогичной формы встречаются в Новгороде с первой четверти XI по начало XIII в., в основной массе с середины XI в. по 60-е гг. XII в. (Щапова, 1956. С. 171).

Курган 27. В погребении найдено 11 стеклянных бусин (рис. 180, 3) и две стеклянные вставки (рис. 181, 1). Половина бусин (6 экз.) представлена гранеными эллипсоидными усеченными дважды («рыбовидными») формами. Длина их колеблется от 2,35 до 2,70 см, а ширина – от 1,20 до 1,65 см. Четыре из них изготовлены из синего, две – из фиолетового стекла. Сделаны бусины индивидуальной наливкой и прессованием с помощью инструмента. Такая же бусина из могильника Минино II найдена в погребении XII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 187. Табл. 86. Тип 99). «Рыбовидные» бусины в целом встречаются в период XII–XIII вв., но более характерны для второй половины XII – первой трети XIII в. (Арициховский, 1930. С. 140). Сохранность стекла, цвет и прозрачность дают основания предположить древнерусский, возможно, киевский центр производства этих бусин. Такие же фиолетовые бусины происходят из погребения 1 в кургане 5 (см. выше).

В погребении также присутствуют четыре округлые бусины из бледно-желтого стекла. Диаметр их тулова – от 0,95 до 1,05 см. Изготовлены они путем серийной наливки и отшибания. Одна из них имеет усеченно-коническую форму, а три – биконическую усеченную дважды. Однако у последних ребро сглажено, в результате чего они приближаются к шаровидным усеченным дважды (зонным), которые наиболее характерны для XII – 30-х гг. XIII в. (Щапова, 1956. С. 165, 166). По материалам Мининского археологического комплекса такие бусины датируются XII–XIII вв. (Археология севернорусской

деревни..., 2008. С. 187–189, 197. Табл. 86, 87. Тип 92). Цвет и сохранность стекла этих бусин указывают на их древнерусское, предположительно киевское, происхождение. Схожие бусы найдены в погребениях курганов 6 и 25 (см. выше).

Еще одна бусина из погребения кургана 27 имеет округлую эллипсоидную усеченную дважды форму. Диаметр тулова – 0,95 см. Изготовлена бусина с помощью индивидуальной наливки из непрозрачного стекла, цвет которого установить не удалось. Бусина имеет декор в виде беспорядочно наложенных пятен желтого цвета. Эти признаки позволяют отнести ее в группу бусин с «пластичным» декором, основной период бытования которой составляет XII–XIII вв. (Щапова, 1972. С. 91; Захаров, 2004. С. 56). Бусина с пятнами присутствует в погребении кургана 3. Еще три бусины из этой же группы найдены в погребении кургана 6 (см. выше).

Две стеклянные вставки украшали концы того браслета из медного сплава, надетого на правую руку погребенной (рис. 181, 1). Вставки имеют плоскую треугольную форму. Ширина вставок – 8,5 и 9,5 мм, толщина – 2,5 мм, длину установить не удалось. Вставки изготовлены из синего стекла при помощи литья в форму. Цвет и сохранность стекла этих вставок позволяют отнести их к древнерусскому, предположительно киевскому, производству.

Помимо стеклянных в кургане 27 присутствуют округлые шарообразные бусины из горного хрусталя (рис. 180, 3).

Исследователи различают три принципа составления набора бус в погребении: образцовый, основной и сборный (Andrae, 1975. P. 103, 104).

Образцовый набор составлял сам изготовитель или торговец, связанный с ним. В такую комбинацию входят бусины синхронные и одинаковые по происхождению. Бусины, отнесенные к образцовому набору, происходят из одной мастерской одного производственного центра. Поэтому, по мнению Андре, такая комбинация бытует не более четверти века, что соответствует максимальному периоду работы одного мастера.

Сборную комбинацию создает сам потребитель из разных бусин, оказавшихся у него в определенный момент. Поэтому такой набор включает бусины разные по происхождению, из разных центров, и разные по времени. Датируется он по младшей бусине.

Основная комбинация занимает промежуточное положение. По сути – это образцовая комбинация, дополненная другими видами бусин. Такую комбинацию создает торговец, связанный с про-

изводителем. Туда входят бусины из одного производственного центра, но из разных мастерских. Датируется она также по младшей бусине.

Рассмотрим с этих позиций стеклянные бусины Мякининского могильника. Из исследованных десяти наборов⁵⁹ три представляют образцовые комбинации (бусины из погребений курганов X, 2, 5), семь – сборные (из погребений курганов VII, 1, 3, 6, 10, 25, 27), основные отсутствуют совсем (табл. 7).

Все три образцовые комбинации небольшие по числу бусин: в двух погребениях найдено по четыре бусины, в одном – две. Во всех случаях наборы составлены из одинаковых бусин, без добавления бусин других типов. Бусины, входящие в каждую из этих комбинаций, были куплены у торговца, привезшего украшения, скорее всего, одновременно. Видимо, каждый из этих наборов происходит из одной мастерской одного производственного центра, во всех случаях предположительно киевского. В частности, комбинацию бусин, найденных в погребении под курганом X, составляли однотипные бусины зонной формы, одного диаметра, сделанные одним и тем же способом из бирюзового и сине-зеленого стекла. Набор стеклянных бусин, найденных в погребении кургана 2, состоял из четырех совершенно одинаковых зонных бусин. В кургане 5 найдены четыре рыбовидные бусины из фиолетового стекла. Аналогии датируют наборы бусин из курганов X и 2 XII – первой половины XIII в., а из кургана 5 – второй половины XII – первой половины XIII в.

В отличие от образцовых комбинаций сборные могут быть разными по числу составляющих их бусин. Например, сборная комбинация погребения в кургане 3 включает всего две бусины, а в кургане 1 – 133 экз. Бусины сборных комбинаций производили в мастерских разных стекольных центров, в том числе Византии и Ближнего Востока, где делали натриево-калиево-свинцово-кремнеземным стеклом; Новгорода, Смоленска и Полоцка, где варили прозрачное бесщелочное свинцово-кремнеземное стекло, и древнерусских городов, где из непрозрачного свинцово-кремнеземного стекла изготавливали глазурные покрытия, смальту и украшения. Комбинации из бусин разных центров, а следовательно, и типов составлял сам потребитель по разным принципам.

В частности, подбор комбинации бусин из погребения в кургане 1, с одной стороны, осуществ-

лялся по размеру, в результате чего в одну комбинацию был включен бисер, изготовленный из тянутой трубочки и сделанный навивкой. Несмотря на разные способы изготовления, эти бусины имеют одинаковую форму (кольцевидную и зонную) и размер (не более 3,5 мм в диаметре). С другой стороны, вместе были собраны бусины с металлической прокладкой и бусины, имитирующие золочение. Технологически эти бусины отличаются друг от друга тем, что в одних использована золотая фольга, а в других вместо нее положено желтое или бежевое стекло. Также у этих бусин есть отличия и по форме. Но, видимо, внешне эти бусины были довольно схожи, что и позволяло использовать их вместе. Очевидно, что этот набор составлял сам потребитель из тех украшений, которые оказались в его распоряжении, причем создавался он в течение длительного времени. На это указывает хронология бусин, входящих в комбинацию. В частности, бисер из трубочки привезен на Русь из мастерских Ближнего Востока в период X – первой половины XI в. и бытовал до конца XII в. Золоченые бусы, а возможно, и навитой бисер являются продукцией византийского производства, наиболее распространенной на территории Восточной Европы с конца X до середины XII в. Псевдозолоченые бусы, вышедшие из рук древнерусского мастера, бытуют с середины XI по середину XIII в. В целом датироваться такой набор должен серединой XI – первой половиной XII в., но не позднее середины века. В этот период одна часть этого комплекса (древнерусские бусы) могла быть приобретена у купца, а другая, к которой в первую очередь относятся самые ранние входящие в набор бусины, бисер ближневосточного производства, возможно, получена по наследству. Скорее всего, бисер использовали для вышивки одежды, в этом случае у него было больше шансов сохраниться в быту после того, как основная масса таких бусин вышла из употребления. В погребении кургана 1 стеклянные бусины, в том числе и бисер, обнаружены рядом с черепом (с правой стороны), у нижней челюсти и под ней, что дает возможность предполагать их использование для вышивки на воротнике платья или на головном уборе (Захарова, 2009. С. 164. Цв. рис. XVI).

В отличие от набора бусин из погребения кургана 1, который создавался в течение длительного времени, сборные комбинации других погребений (курганы VII, 3, 6, 10, 25 и 27) могли быть собраны в более короткий срок или даже одновременно.

⁵⁹ Бусины из погребения 2 кургана 11 (погребение 2 кургана XIV по М. В. Городцову) с этих позиций не рассматривались.

Таблица 7. Характеристика комбинаций стеклянных бусин, найденных в Мьякининских курганах

№ п/п	№ комплекса	Происхождение стеклянных бусин						Комбинация	Общее кол-во бус
		Ближний Восток	Византия	Киев (K ₂ O-PbO-SiO ₂)	Новгород (K ₂ O-PbO-SiO ₂)	Новгород, Смоленск, Полоцк (PbO-SiO ₂)	Мастерские по изготовлению глазурей и смальт (PbO-SiO ₂)		
1	Курган X (1924)	–	–	+	–	–	–	Образцовая	2
2	Курган 2 (2004)	–	–	+	–	–	–	Образцовая	4
3	Курган 5 (2004)	–	–	+	–	–	–	Образцовая	4
4	Курган 3 (2004)	–	–	+	–	–	+	Сборная	2
5	Курган 27 (2006)	–	–	+	–	–	+	Сборная	11
6	Курган VII (1924)	–	–	+	–	–	+	Сборная	29
7	Курган 25 (2006)	–	–	+	+	–	–	Сборная	38
8	Курган 6 (2005)	–	–	+	–	+	+	Сборная	43
9	Курган 10 (2005)	–	–	+	+	+	–	Сборная	56
10	Курган 1 (2004)	+	+	+	–	–	–	Сборная	133

Бусины, входящие в состав наборов из курганов VII, 3 и 6, датируются XII – первой половиной XIII в., из курганов 10 и 25 – второй половиной XII – началом XIII в., а из кургана 27 – второй половиной XII – первой половиной XIII в.

В сборную комбинацию стеклянных украшений из погребения кургана 3 входят две бусины, одна из которых относится к предполагаемому киевскому производству XII – первой половины XIII в., а местом изготовления второй, возможно, были мастерские, производившие в XII–XIII вв. глазурь и смальту из свинцово-кремнеземного стекла.

В сборную комбинацию бусин из кургана 27 (11 экз.) входят бусины из предполагаемого киевского центра – синие и фиолетовые «рыбовидные», датируемые второй половиной XII – первой половиной XIII в., и бледно-желтые зонные бусы, характерные для 70-х гг. XI – 30-х гг. XIII в. Другой центр из этого набора представляет бусина с «пластичным» декором, основной период бытования которой составляет XII–XIII вв. По-видимому, она была произведена там, где из свинцово-кремнеземного стекла производили глазурь и смальту.

Стеклянные бусины, составляющие сборную комбинацию из погребения под курганом VII (29 экз.), как и два предыдущих набора, представляют предполагаемый киевский центр (бирюзовые

кольцевидные бусины), функционировавший в период XII – первой половины XIII в., и мастерские, производившие в XII–XIII вв. глазурь и смальту из непрозрачного стекла (черные зонные бусины).

Сборная комбинация стеклянных бусин из кургана 6 (43 экз.) подбиралась самим потребителем по цвету и собрана в желтой гамме. Поэтому здесь присутствуют бусины желтого цвета и бусины с металлической фольгой. Но изготовлены они в разных производственных центрах. Бусины с металлической фольгой, которые появляются в середине XI в. и бытуют до середины XIII в., и зонные бледно-желтые бусы, характерные для 70-х гг. XI – 30-х гг. XIII в., предположительно происходят из Киева. Кольцевидные ярко-желтые бусы, датируемые XII–XIII вв., изготовлены в центрах, работающих с прозрачным свинцово-кремнеземным стеклом (Новгород, Смоленск, Полоцк). Бусы с «пластичным» декором, основной период бытования которых падает на XII–XIII вв., происходят из мастерских, производивших глазурь и смальту из непрозрачного свинцово-кремнеземного стекла.

Сборную комбинацию стеклянных бусин из кургана 10 (56 экз.) также создавал потребитель по цвету, в результате чего они все представлены в сине-зеленой гамме. Здесь присутствуют фиолетовые, синие, зеленые, сине-зеленые, а также

бирюзовые бусины разных форм. Изготовлены они в одной технике, но происходят из разных центров. Большая часть бусин, а именно винтообразные, предположительно сделаны в Новгороде в период с середины XII по середину XIV в. Несколько зонных бусин яркого желто-зеленого цвета происходят из тех центров Руси, где изготавливали украшения из прозрачного бесщелочного свинцового стекла (Новгород, Смоленск или Полоцк). Датируются такие бусины по находкам в Новгороде и в древнерусских курганах XII–XIII вв. Остальные бусины этого погребения имеют разную форму, в том числе зонную, битрапецидную и бочонковидную, хотя происходят из одного центра – предположительно Киева. Датируются они также по-разному, но дата их совместного бытования составляет XII – начало XIII в.

Принцип подбора сборной комбинации бус кургана 25 (38 экз.) нам установить не удалось. Отчасти это связано с тем, что основная масса бу-

син имеет настолько плохую сохранность, что цвет стекла не подлежит определению. Тем не менее, можно говорить о том, что украшения произведены в мастерских разных стекольных центров. Бледно-желтые зонные, датируемые 70-ми гг. XI – 30-ми гг. XIII вв., и фиолетовые цилиндрические (середина XI – начало XIII в.) бусины происходят из предполагаемого киевского центра, а винтообразные изготавливали, вероятно, в Новгороде в период с середины XII по середину XIV в.

В целом бусы из погребений Мякининского курганного могильника укладываются в рамки XII – первой половины XIII в.

Таким образом, основываясь на подробном изучении стеклянных украшений из Мякининского курганного могильника, можно решить некоторые вопросы их хронологии и происхождения, а также понять, где, как и по какому принципу были сформированы наборы стеклянных бусин из погребений.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Украшения из цветных и драгоценных металлов играли важную роль в погребальном уборе древнерусского населения Подмосковья. Как правило, они сопровождают женские погребения; в мужских находки из металла единичны – встречаются элементы поясной гарнитуры, перстни, единичное височное кольцо. Практически во всех женских захоронениях встречены украшения рук и головы – перстни, браслеты и височные кольца. Зачастую их дополняют шейные украшения, входившие вместе со стеклянными и каменными бусинами в состав ожерелий; детали костюма встречаются редко. Подобная характеристика металлических украшений и их места в контексте погребального инвентаря применима и к курганам Мякининской группы.

Наборы изделий из цветных и драгоценных металлов обнаружены в 12 курганах из раскопок 2004–2006 гг., в шести комплексах, изученных В. А. и М. В. Городцовыми в 1920-е гг., и в двух – М. Г. Рабиновичем в 1948 г. Одно погребение было мужским. Отдельные предметы найдены в курганах 8 и XIV. Погребения отличаются по составу, расположению и количеству ювелирных изделий (табл. 8)⁶⁰. Обычный набор составляет около 10 предметов. Судя по количеству украшений рук, столько же было металлических изделий и в курганах 25 и 27, где сохранилась лишь малая их часть, а от височных колец остались лишь обломки, не позволяющие определить их количество. К малоинвентарным можно отнести два погребения из кургана 16, в котором были захоронены девочка и мужчина. Сравнительным богатством металлического убора выделяются два захоронения из курганов 5 (18 экз.) и 6 (23 экз.). В четырех случаях рядом с умершими находились

дары (курганы 2, 6, 8, 25). Интересно отметить, что в качестве даров во всех погребениях найдены перстни, хотя известно, что эту функцию выполняли разные предметы (*Недошивина*, 2007. С. 128).

В большинстве погребений расположение ювелирных изделий с левой и правой сторон головы и на руках приближается к симметрии (курганы 1, 2, 4–6, 25, 27). На девочке из кургана 16 все украшения надеты с левой стороны⁶¹. В захоронении женщины из кургана 3, возраст которой не определен, на левой стороне находились три височных кольца, браслет и перстень, а справа – лишь одно височное кольцо.

Таким образом, можно отметить, что в Мякининских курганах преобладают женские захоронения с симметричным расположением украшений в уборе, обычное число которых было около 10. Количественно преобладают **головные украшения**, представленные височными кольцами трех морфологических групп: проволочными, бусиными и щитковыми (53 экз.).

Проволочные кольца делятся на браслето- и перстнеобразные в зависимости от диаметра обруча. Браслетообразные кольца обнаружены в курганах X, XIII, 1, 2, 4, 27 (17 экз.; рис. 150, 3; 151, 1–4; 152, 11, 12; 155, 1, 2; 158, 1, 2; 161, 1, 2; 180, 1, 2). Все они изготовлены из серебросодержащих сплавов. Некоторые кольца сохранились фрагментарно. Среди целых экземпляров есть сомкнутые, завязанные на один или оба конца и разомкнутые. Форма концов некоторых разомкнутых колец с уплощенными краями позволяет предположить, что изначально они также были завязанными. Из набора кургана 1 полностью сохранилось лишь одно кольцо, завязанное на один конец. Уплощенная форма концов, их изогнутость позволяют

⁶⁰ Сохранность металлических украшений из раскопок курганов разная. Так, в некоторых случаях обнаружены окислы, маркирующие место расположения изделий из цветного металла; обломки височных колец в курганах 10, 16, 27 не позволяют определить точно их форму и число; в кургане 25 сохранились лишь бусины височных колец с обеих сторон черепа. В статистические подсчеты вошли морфологически определяемые находки.

⁶¹ Возможно, одно фрагментированное височное кольцо находилось с правой стороны головы. К сожалению, череп погребенной не сохранился, что не позволяет указать точное место находки фрагмента.

предположить, что три других кольца из этого же погребения были аналогичны по своему строению. Еще одно кольцо завязано на оба конца.

Лучше других сохранились височные украшения из кургана 2: все они завязаны на оба конца путем обмотки уплощенных краев в два-три оборота вокруг обруча. Кольца кургана 4 разомкнутые, на некоторых экземплярах края не сохранились. Один край двух колец имеет эсовидную форму, полученную в результате уплощения проволоки ковкой и последующего изгибания. Возможно, что у остальных экземпляров из этого погребения было подобное оформление краев или завязанные концы, от которых остались лишь слегка изогнутые уплощенные окончания.

Подобные же кольца с эсовидными краями происходят из курганов X и XIII (рис. 151, 1, 3, 4; 152, 11). Два других кольца из этих курганов завязаны на один край (рис. 150, 3; 151, 2). Единственным экземпляром представлено кольцо с завязанными краями, украшенное тремя плоскими овальными щитками с гравированным декором из кургана XIII (рис. 152, 12).

Распределение колец в зависимости от диаметра обруча⁶² показывает преобладание украшений диаметром 75–90 мм (рис. 186). Большинство колец изготовлено из проволоки овального поперечного сечения (12 экз.), причем разница между шириной и толщиной проволоки довольно ощутима – до 0,6 мм. Распределение колец по толщине обруча представлено на рис. 187. На многих экземплярах сохранились хорошо заметные продольные риски, свидетельствующие о том, что проволока была получена в процессе волочения. Овальное сечение придавали обручу дополнительной проковкой волоченой заготовки. В результате этой операции появлялось неравномерное сечение проволоки на одном и том же экземпляре. Ковкой уплощали и края обручей перед «завязыванием» или изгибанием. Интерес представляет кольцо из кургана 4, отремонтированное в древности путем пайки двух проволок разной толщины (рис. 161, 2). Скорее всего, мастер использовал фрагменты разных сломанных колец.

Браслетообразные височные кольца большого диаметра, изготовленные из серебросодержащих сплавов, характерны для кривичских погребений XI – первой четверти XII в. Более узкую дату имеют загнутоконечные кольца (*Левашева*, 1967б. С. 40). Т. В. Равдина относит их ко второй – тре-

тьей четверти XII в. (*Равдина*, 1975. Табл. 8). Кольца из драгоценных металлов входили в состав погребального инвентаря курганных групп Поворонка, Каблуково, Пирогово, расположенных неподалеку от Мякинино (*Рабинович*, 1940. С. 90; *Недошивина*, 2007. С. 129).

Проволочные кольца малого размера, перстнеобразные, обнаружены в курганах 3, 5, 6, 10, 16, 27, III, VI, X, XII, XIV (38 экз.; рис. 160, 3; 159, 1; 164, 1, 3; 171, 1а, б; 173, 1; 175, 1, 2; 146, 2; 147, 1; 148, 4; 150, 4; 151, 4; 152, 2, 3; 153, 1, 2). Лишь одно кольцо серебряное (курган 6. № 14, рис. 164, 3), остальные изготовлены из медных сплавов. Преобладают находки, диаметр обруча которых составляет около 20 мм (рис. 188). Все бронзовые кольца согнуты из проволоки круглого поперечного сечения. На многих экземплярах сохранились риски волочения. Проволока серебряного кольца овальная. Судя по материалу и толщине заготовки, можно предположить, что в данном случае мастер использовал обломок браслетообразного кольца.

Края полностью сохранившихся обручей заходящие, простые, обрубленные или слегка заостренные в результате проковки. Специально оформленные края имеют находки из кургана 5. Край двух колец согнут в виде длинной петли, одного – в виде спирали. Еще одно кольцо имеет застежку: уплощенный ромбический край с отверстием с одной стороны и спиральный – с другой. Особенностью колец кургана 6 и двух колец с длинной петлей из кургана 5 являются сильно заходящие края и толстая (1,5–1,8 мм) проволока. Вероятно, подобные кольца были обнаружены и М. Г. Рабиновичем. В кургане 3 (1948 г.) кольца располагались у обоих висков по одному; число украшений в другом кургане автором раскопок не указано (*Рабинович*, 1948). Все операции, связанные с приданием формы краям, сводились к ковке, изгибанию и пробивке отверстия. Спиралевидный конец имели также находки из курганов X и XII.

Проволочные кольца малого диаметра принадлежат к широко распространенным на всей древнерусской территории головным украшениям и в погребениях чаще всего дополняют кольца более развитых форм, например, кривичские браслетообразные и вятичские лопастные (например, в курганах 3, 5, 10). Датировка перстнеобразных украшений очень широкая (X–XV вв.), однако пик их бытования приходится на XI – первую половину XIII в.

⁶² Диаметр обруча фрагментированных экземпляров указан приблизительно; диаметр одного кольца из кургана 4 не определен из-за плохой сохранности.

Бусинные кольца обнаружены в курганах 5, 10, 25, X, XII (10 экз.; рис. 162, 1, 2–4; 171, 1в, 2; 179, 5; 150, 1, 2; 152, 1). Все они сохранились фрагментарно, что не позволяет определить число бусин на каждом. Кольца отнесены к этой морфологической группе по следующим признакам: находки бусин в районе черепа, специальное оформление краев обручей, остатки бусин и проволочных разделителей на обручах. Кольца из курганов № 10 и XII серебряные; обручи других изготовлены из сплавов на основе меди, а бусины – из легкоплавких металлов, за исключением двух сканых бусин кольца кургана XII. Кольца разомкнутые, диаметром 20–25 мм и 75 мм (многобусинные, курган X). Они изготовлены из проволоки круглого поперечного сечения толщиной 1 мм. Оформление краев разное: один край обруча оставляли нетронутым, другой изгибали в виде дуги или спирали; три кольца имели застежку, один край которой изогнут в форме спирали, а другой расплюсчен ковкой, и в нем пробито отверстие.

Все бусины литые шаровидные: полые (судя по найденным фрагментам) из оловянно-свинцового сплава и ажурные серебряные. Бусины из легкоплавкого сплава сохранились плохо. Ажурные бусины аналогичны украшениям, входившим в княжеско-боярский убор или костюм горожанок, однако отличаются техникой изготовления. Они отлиты по сборным восковым моделям, составленным из проволочных одинарных и двойных витых нитей, а также наклепных шариков воска. Все эти элементы имитируют дорогие бусы, собранные пайкой из серебряной скани и зерни. В отверстиях литых бусин сохранились заливки. Кольцо с ажурными бусинами из Мякинино, несмотря на то, что является подражанием, также выполнено по трудоемкой технологии.

Трехбусинные кольца со скаными бусами из драгоценных металлов характерны преимущественно для древнерусских кладов X – первой половины XIII в. В погребениях подобные кольца встречаются редко. Иногда они изготовлены из медных сплавов. В Подмосковье бусинные кольца обнаружены в Александровке, Каблукове, Косине, Пирогове, Поворовке, Салтыковке (*Рабинович, 1940. С. 90; Монгайт, 1947. С. 83; Недошина, 2007. С. 130*).

Отличительной чертой погребения в кургане 3 является находка лопастных височных колец, характерных для вятичского убора (3 экз.; рис. 160, 1, 2, 4). Они представлены фрагментами семи- и пятилопастного колец с боковыми колечками и плоскими лопастями, а также обломками еще одного экземпляра, размеры которых не позволя-

ют определить его форму. Пятилопастное кольцо относится к типу сростнозубцовых. Украшения отлиты по выплавляемой модели. На них очень хорошо воспроизвелись линии резьбы, выполненные на восковой заготовке. Лужение на кольцах отсутствует, что свидетельствует, наряду с формой и сечением лопастей, об их ранней датировке.

Семилопастное кольцо относится к типу VI, по классификации Т. В. Равдиной. Подобные кольца появляются в середине XII в. Пятилопастные кольца со штрихованными полосами на щитке бытуют в 50–70-х гг. XII в. Они синхронны семилопастным кольцам типа VI и семилопастным сростнозубцовым кольцам (*Равдина, 1975. С. 58–60*). Необходимо отметить, что в обширной картотеке Т. В. Равдиной отсутствуют пятилопастные сростнозубцовые кольца. Таким образом, находка из Мякининских курганов относится к редкому типу головных украшений.

Шейные украшения представлены гривнами, бусами и привесками (11 экз.). Гривна из кургана 27 сохранилась фрагментарно (рис. 181, 5). Согласно полевым наблюдениям, ее обруч был изготовлен из железа, оплетен проволокой из медного сплава и заканчивался навершиями из цветного металла. Состояние сильно корродированного металла сохранившихся фрагментов не позволяет исследовать элементы этого украшения. В состав погребального инвентаря кургана VI входила витая из толстых проволок гривна 2×3 с пластинчатыми концами (рис. 147, 3). Подобные гривны являются самым распространенным типом шейных украшений на всей территории Древней Руси в XII – первой половине XIII в. (*Фехнер, 1967. С. 70*).

Среди большого количества стеклянных и каменных изделий в состав ожерелий погребений из двух курганов (№ 3 и 6) включены две металлические бипирамидальные бусины (рис. 160, 5; 166, 1в). По форме и размерам (18×7 мм) они имитируют сердоликовые бусы, широко распространенные в подмосковных погребениях, а также редко встречающиеся бипирамидальные бусины из горного хрусталя. Находки металлических бус довольно редки и относятся к XII в. (Александровка, Таганьково). Мякининские бусы отлиты, вероятно, в глиняных формах, полученных путем оттиска каменных экземпляров. Для их изготовления использовали высокооловянную бронзу – сплав, из которого обычно отливали подобные бусы.

В состав ожерелья из богатого погребения кургана 6 входили восемь привесок-лунниц (рис. 165). Они относятся к типу узкорогих орнаментированных. Изделия выполнены из характерного для этих украшений металла – высоко-

оловянной бронзы. Четыре привески украшены растительным декором в центре щитка и шариками ложной зерни по контуру (рис. 165, 1, 4, 5, 8). Полное совпадение размеров, рисунка и литейных дефектов позволяет определить, что все они были отлиты в двустворчатых глиняных формах, полученных по оттиску одной модели. На всех образцах в одних и тех же местах прерываются линии декора, расположены наплывы и отсутствуют шарики псевдозерни. При отливке одной привески произошло смещение створок литейной формы, что отразилось на ее внешнем виде: по контуру расположен плоский наплыв металла. На двух лунницах сохранилось место присоединения литника – наплыв на ушке (рис. 165, 5, 8).

Три лунницы украшены простыми линиями и крупными шариками псевдозерни между ними. Две отлиты по оттиску одной модели (рис. 165, 6, 7). Третий экземпляр отличается меньшими размерами (рис. 165, 2). Декор на нем смазанный, пролит плохо, в верхней части щитка – значительный недолив.

Одна лунница украшена редко встречающимся декором: по контуру расположен бордюры из частых рубчиков, на щитке – две линии, имитирующие витую проволоку; на концах щитка – шарики псевдозерни (рис. 165, 3). Она отличается от остальных находок высоким, отчетливым рельефом орнамента. Его особенности позволяют предположить отливку привески в глиняной форме, полученной путем оттиска металлической лунницы с напаянными элементами проволочного декора.

Узкорогие лунницы распространены на широкой территории в XI–XII вв. В Подмосковье они происходят из Степанова, Салтыковки, Тушина, Чернева, Черганова, Горок. Экземпляры с геометрическим декором встречаются повсеместно. Лунницы, украшенные двумя побегам, встречены преимущественно в курганах XII в., исследованных в Московской и восточных районах Смоленской обл. (*Успенская*, 1967. С. 103, 123).

В кургане XIV шейные украшения представлены тремя круглыми привесками, в том числе монетовидной и ажурной лунницеключенной (рис. 153, 4, 5), характерными для вятичского убора XII – первой половины XIII в. (*Журжалина*, 1961. С. 137; *Успенская*, 1967. С. 110). От третьей, крестовключенной, подвески сохранилась центральная часть в виде креста редкой формы с пирамидальным средокрестием и ветвями с треугольными концами, завершающимися тремя шариками (рис. 153, 6). Эта

подвеска имеет аналогичию начала XII в. из Великого Новгорода (см. главу 2, описание кургана 11/XIV). Другую аналогичию такой крестовключенной подвески указывал М. В. Городцов в Гдовских курганах (из раскопок Г. О. Шмидта) с датировкой в пределах XII в. (*Городцов*, 1928. С. 555).

Украшения рук представлены разнообразными по форме браслетами (28 экз.) и перстнями (60 экз.). Браслеты обнаружены в восьми курганах (1, 3, 10, 16, 27, VI, VII, XII) по одному, преимущественно на левой руке, в шести (4, 5, 25, XIII, 2 (1948 г.), 3 (1948 г.)) – по одному на каждой руке. Они относятся к четырем морфологическим группам: пластинчатые, проволочные витые и плетеные, дротовые, ложновитые. Преобладают украшения из медных сплавов, два экземпляра получены из легкоплавких сплавов (табл. 9, 11).

Шесть пластинчатых браслетов имеют одинаковую форму – слегка расширяющиеся в средней части загнутоконечные обручи. Максимальная ширина обручей – 11–13 мм, толщина – 0,8–1 мм. Они сделаны из кованных заготовок, края которых согнуты в полутораоборотную спираль. Браслет из кургана XII имеет гладкую поверхность (рис. 152, 6), остальные украшены геометрическим декором⁶³. Весь обруч браслета из кургана 5 покрыт гравированными зигзагообразными линиями, выполненными штихелем с рабочей частью длиной 2,8 мм (рис. 163, 2). На браслете из кургана 25 пересекающиеся в разных направлениях линии нанесены зубчатым колесиком. Этот инструмент использовали для нанесения бордюров и розеток на другой браслет из этого же кургана. Бордюры состоят из двойных линий прямоугольников. Параллельно ему идет ряд, состоящий из миниатюрных чеканных треугольников высотой 1 мм. Розетки дополняют окружности, выполненные чеканом диаметром 0,6 мм (рис. 179, 6, 7).

Пластинчатые загнутоконечные браслеты относятся к широко распространенным типам древнерусских украшений. Их находки особенно многочисленны в подмосковных курганах второй половины XII – середины XIII в. (*Левашева*, 1967а. С. 235). А. В. Арциховский считал их типичным вятичским украшением (*Арциховский*, 1930. С. 21), однако они известны и за пределами племенной территории.

Витые браслеты представлены пятью экземплярами. Они изготовлены из круглой в поперечном сечении волооченой проволоки, о чем свидетельствуют параллельные риски, заметные на обручах.

⁶³ Характер декора двух браслетов из курганов 2 (1948 г.) и 3 (1948 г.) неизвестен.

Толщина проволоки составляет 2–2,2 мм. Два скручены из проволоки, сложенной втрое, и имеют петлевидные концы с прутом внутри (рис. 175, 3). Проволока браслета из кургана 27 перед скручиванием в обруч была туго обмотана узкой лентой, полученной ковкой проволоочной заготовки (рис. 181, 1). Концы обруча уплощены для того, чтобы прикрепить на них треугольные стеклянные накладки синего цвета в металлических оправках. Для изготовления оправ использовали тонкие узкие полоски, вложенные друг в друга. Внутренняя полоска шире наружной, дополненной тонкой витой двойной проволокой. Края внутренней пластины отогнуты наружу. Все элементы оправы собраны пайкой. Вероятно, и крепились эти накладки с помощью пайки оправы к краям обруча.

Тройные петлевидные браслеты являются наиболее распространенным типом витых украшений. Согласно Т. В. Равдиной, на территории вятичей они появляются во второй четверти XII в. и продолжают бытовать до середины XIII в., в то время как браслеты со стеклянными накладками относятся к узкому хронологическому периоду – первой половине XIII в. (Равдина, 1975. Табл. 8). Однако анализ сопутствующего инвентаря, в частности, наличие в погребениях ячeyковых перстней, височных браслетообразных колец, позволяет удревить витые браслеты со вставками и отнести время их появления к середине – второй половине XII в. Они обнаружены в единичных экземплярах в подмосковных курганах близ Салтыковки, Матвеевской, Тургенева, а также на верхнедонских памятниках Бельково и Бутырки (Монгайт, 1947. С. 86; Латышева, 1954. С. 50; Шполянская, 2005. С. 232; Гоняный, Недошивина, 1991. С. 248).

Браслет из кургана 5 согнут из трех проволоочных заготовок, две из которых были сложены вдвое и одна одинарная (рис. 163, 1). Одна из проволок повреждена в древности, в результате концы браслетов получились разными: петля с двумя стержнями внутри и петля с тремя стержнями внутри. Концы сильно уплощены ковкой.

К сложновитым 2×2 и 2×3 относятся браслеты из курганов 4, VII, XIII (рис. 161, 3, 4; 148, 7; 152, 13). Чтобы получить подобные браслеты, вначале скручивали двойной жгут, который затем изгибали и перекручивали. Браслеты этих типов появляются в последней четверти XII в. и бытуют до середины XIII в. (Равдина, 1968. С. 118).

Имитацией витого браслета является украшение из кургана 10 (рис. 171, 3). Оно отлито в глиняной форме, полученной путем оттиска металлического сложновитого браслета 2×2. На украшении отчетливо воспроизвелись петлевидные

концы с заливами металла внутри. По контуру обруча проходят литейные швы, свидетельствующие об отливке в двустворчатой разъемной форме. В подмосковных курганах ложновитые разомкнутые браслеты встречаются редко. Датируются они концом XI–XII в. (Левашева, 1967а. С. 226). Один из них обнаружен в Каблукове (Недошивина, 2007. С. 131).

Плетеные браслеты происходят из курганов 2 (1948 г.), 3 (1948 г.) (Рабинович, 1948) и 27. Последний изготовлен из семи тонких (1,5 мм) проволок (рис. 181, 2). Уплощенные ковкой концы проволок украшены металлическими треугольными накладками с изображением процветшего крина. Интересен способ крепления накладок: они присоединены к краям плетеного браслета путем долива. На оборотной стороне щитков хорошо заметны проволоочные края, промежутки между которыми заполнены металлом. Литые накладки отличаются цветовой гаммой от обруча. Неровности и наплывы на щитках свидетельствуют о том, что они отлиты по восковым моделям, которые прикреплялись на концы обруча и заформовывались в глину, образуя тем самым литейную форму. На обруче и щитках сохранились остатки лужения. Форма и декор накладок, а также наличие покрытия сближает браслет с аналогичными украшениями из драгоценных металлов, входивших в княжеско-боярский убор.

В отличие от витых, плетеные браслеты встречаются гораздо реже. Их концы скреплены «завязыванием» или украшены стеклянными и металлическими накладками. Браслеты с металлическими щитками, украшенными процветшим крином, происходят из раскопок курганов у с. Городище Владимирской обл., курганной группы Дубки и курганов у с. Борисово Московской обл. Датируются они XI–XII вв. (Левашева, 1967а. С. 228).

Четыре браслета принадлежат к дротовым. Обручи находок из курганов 1, III и VI разомкнутые с простыми краями (рис. 156, 8; 146, 4; 148, 2). Поперечное сечение их округлое, по направлению к краям обручи постепенно утоньшаются. Они получены из литой заготовки, доработанной ковкой. Фрагментарность браслета из кургана 3 не позволяет определить строение его обруча и технологию изготовления (рис. 160, 10).

В Мьякининских курганах перстни составляют вторую по численности группу, уступая лишь височным кольцам. Они найдены на погребенных или рядом (в качестве даров) во всех инвентарных комплексах, за исключением кургана X. Количество перстней в каждом случае разное: от одного до шести. Максимальное число происходит из кур-

гана 1, причем все перстни были на руках женщины, по три на каждой. Украшения изготовлены из сплавов на основе меди, за исключением одного серебряного. Они относятся к шести морфологическим группам: дрововые (4 экз.), витые (1 экз.), ложновитые (19 экз.), ложноплетеные (2 экз.), пластинчатые (32 экз.) и щитковые (2 экз.).

Обручи дрововых перстней сомкнутые плосковыпуклого поперечного сечения с плавно расширяющейся передней частью (курганы 1, 2; рис. 156, 4–6; 159, 5). Ширина и толщина тыльной стороны приблизительно в два раза меньше средней части обруча. Сохранившиеся местами литейные швы свидетельствуют об изготовлении перстней в двустворчатых разъемных формах. Они имеют широкие хронологические рамки бытования и встречаются повсеместно.

В кургане 4 обнаружен витой разомкнутый перстень (рис. 161, 5). Он изготовлен из двух волоочных заготовок округлого поперечного сечения диаметром 2 мм. После витья внутренняя сторона и концы обруча прокованы для более прочного соединения проволок. В результате этой операции концы приобрели заостренную форму. Перстень, свитый из трех проволок, обнаружен в кургане XIII (рис. 152, 17). В отличие от витых браслетов, подобные перстни в подмосковных погребениях встречаются редко. Два экземпляра остроконечных перстней, свитых из четырех проволок, найдено в Пирогове. Двойные остроконечные перстни встречаются сравнительно редко, преимущественно на территории расселения кривичей, в то время как для вятичей более характерны тройные и четверные петлеконечные перстни (*Недошивина*, 1967. С. 263). Пик распространения витых перстней приходится на XII в.

Обручи сохранившихся полностью ложновитых⁶⁴ перстней сомкнутые. Имитация витья расположена на боковых поверхностях (курган 6; рис. 166, 2), наружной поверхности передней (курганы 5, 6, 25, III; рис. 163, 3; 164, 2; 179, 8–10; 146, 6) или большей части обручей (курганы 1, 10, 16, 27, III, VI, X, XII, XIV; рис. 155, 2; 171, 5; 175, 4; 181, 3; 146, 5; 148, 3; 151, 8; 152, 10). Это свидетельствует об отливке перстней в двустворчатых разъемных формах, полученных по оттиску специальной резной модели, а не витого изделия. Высоким рельефом отличается имитация витья на перстнях из курганов 6 и 27. На многих экземплярах в углублениях между выпуклыми элементами остались наплывы металла от неплотного прилегания створок формы. На двух перстнях литейные швы очень сильно нарушили имитацию витья (курганы 25 и 10). После отливки углубленные элементы декора на перстне из кургана 5 дополнительно прорабатывали с целью удаления остатков литейных швов и для придания большей рельефности имитации витья.

Иная техника изготовления зафиксирована при изучении перстня из кургана № 6. Насечки расположены лишь на боковых поверхностях передней части обруча и полностью отсутствуют на его лицевой поверхности. Для изготовления этого перстня использовали обычный дрововый литой. В процессе кузнечной обработки его боковые поверхности сделали уплощенными и нанесли насечки.

Сомкнутые и разомкнутые ложновитые перстни принадлежат к широко распространенным в XII–XIII вв. типам перстней (*Недошивина*, 1967. С. 264).

Два ложноплетеных сомкнутых перстня из курганов 10 и XV по своим морфологическим

⁶⁴ При описании перстней этой формы исследователи употребляют два термина: «ложновитые» и «рубчатые». Составные наименования с первым компонентом «ложно» относятся, как правило, к литым украшениям, которые имитируют изделия или декор, исполненные с помощью различных приемов механической обработки металла. Название «рубчатый» объясняет морфологические особенности перстней, которые состоят из сомкнутого или разомкнутого обруча с параллельными прямыми или наклонными литыми или выполненными после литья насечками. Визуально перстни сходны с витыми из проволочных заготовок украшениями. Насечки могут располагаться по всему обручу, на большей части или в его передней части, иногда только на его наружной поверхности. Эти перстни составляют единую морфологическую группу, однако исследователи разделяют их на два типа. К ложновитым относят экземпляры, отлитые в формах, полученных путем оттиска в глине витых; остальные перстни составляют группу рубчатых, независимо от способа получения обруча и приемов исполнения насечек (*Арциховский*, 1930. С. 83, 84; *Недошивина*, 1967. С. 264; *Седова*, 1981. С. 122; *Лесман*, 1990. С. 50, 51). Изучение технологии изготовления представительной выборки перстней этой морфологической группы (более 120 экз.) показывает, что подобные критерии деления не всегда можно точно установить. На это обратила внимание Н. Г. Недошивина, утверждая, что ложновитые перстни часто трудно отличить от рубчатых. Перстни, отлитые по оттиску витых проволочных, практически невозможно отличить от экземпляров, отлитых по сборной из проволочных нитей модели. Следовательно, образцы, отлитые по модели, попадут в группу ложновитых, хотя такими они не являются. Существовали и другие приемы изготовления перстней с насечками (*Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 213). Несмотря на различные способы литья и исполнения насечек, все они имитировали витые экземпляры. Таким образом, термин «ложновитые» отражает в большей мере особенности перстней этой группы, нежели «рубчатые».

и технологическим показателям примыкают к группе ложновитых (рис. 171, 4; 153, 8), они отлиты в разъемной форме. Сильная коррозия не позволяет определить способ изготовления литейной формы. Обычно ложноплетеные перстни отливали в разъемных формах, полученных с помощью оттиска плетеных или ложноплетеных изделий, или в одноразовых формах по сборной из проволочных нитей модели.

Широкосрединные пластинчатые перстни с разомкнутыми обручами преобладают в коллекции Мьякининских курганов. Два перстня украшены растительным декором в виде завитков (рис. 159, 2; 152, 16). Они отлиты по выплавляемым моделям в одноразовых пластичных формах. Три литых перстня из раскопок Городцовых украшены геометрическим орнаментом (рис. 151, 6, 7; 153, 7). Пять перстней из кургана 2 (1948 г.) также были покрыты растительным декором, однако из каких элементов он был составлен, неизвестно. Еще четыре пластинчатых перстня обнаружены в кургане 3 (1948 г.) (Рабинович, 1948).

Четыре перстня относятся к так называемым ячеиковым – типу, характерному для территории вятичей (рис. 156, 7; 160, 9; 171, 6; 181, 4). Они украшены выпуклым орнаментом из трех клейм-розеток, разделенных бордюрами. Углубленное пространство между выпуклыми элементами ячеиковых перстней заполнялось эмалью, однако на изученных экземплярах она не сохранилась (Недошивина, 1967. С. 261; Равдина, 1978. С. 135). Орнаментальные композиции ячеиковых перстней детально охарактеризованы Т. В. Равдиной. Лучше других сохранились розетки на перстне из кургана 27 (рис. 181, 4): это кресты с трехчастным окончанием ветвей; между ветвями центральной розетки помещены точки. Одно из боковых клейм перстня из кургана 3 украшено свастикой.

Ячеиковые перстни отливали в виде прямой, сравнительно толстой (1,2–1,7 мм) заготовки: на боковых поверхностях обручей сохранились остатки литейных швов. Один край их, как правило, немного толще другого, так как к нему присоединяли литник. Судя по неотчетливым линиям декора, перстни из курганов 1 и 27 отлиты в формах, полученных по оттиску готовых изделий.

Т. В. Равдина датировала ячеиковые перстни узким хронологическим периодом – второй половиной XII в. (Равдина, 1978).

К вятичскому кругу древностей, бесспорно, относятся пять решетчатых (ажурных) перстней. На однозигзаговом перстне из мужского захоронения в кургане 16 треугольные отверстия украшены углубленной контурной линией (рис. 175, 5).

В кургане VII обнаружены двузигзаговые перстни (рис. 149, 2, 3). Перстень из кургана 4 украшен круглыми отверстиями, организованными в розетки, между которыми угадываются плохо пролитые линии углубленного контурного декора (рис. 161, 6). Недоливы и заливы металла, неотчетливый линейный декор свидетельствуют о невысокой технике изготовления перстней литьем в двустворчатых разъемных формах, полученных по оттиску готовых изделий.

Ажурные пластинчатые перстни появляются в начале XII в. и развиваются в сторону усложнения рисунка отверстий. К самым распространенным типам относятся перстни с треугольными и круглыми отверстиями (Арциховский, 1930. С. 73–80). Хронологические рамки их бытования – до середины XIII в.

Десять широкосрединных перстней изготовлены ковкой (рис. 156, 3; 159, 4; 161, 7; 163, 4; 168, 2). Эту группу дополняют три перстня из курганов VII и XIII (рис. 149, 4; 152, 14, 15). Их обручи намного тоньше литых (0,5–0,8 мм). Все перстни украшены геометрическим декором. По технологии нанесения орнамента выделяются две группы. На перстни первой группы декор наносили чеканами, оставляющими различные отпечатки, и одинарным зубчатым колесиком; вторую группу образуют экземпляры с гравированным орнаментом.

Прямые и зигзагообразные бордюры на перстне из кургана 5 выполнены зубчатым колесиком, а розетки – кольцевидным чеканом диаметром 1 мм. Для нанесения орнамента на перстень из кургана 1 использовали более разнообразные инструменты: одинарное зубчатое колесико с шириной зубцов 0,8 мм, кольцевидный чекан с диаметром рабочей части 1 мм и два чекана, оставляющие отпечатки в виде так называемого «волчьего зуба» высотой 1–1,2 мм.

Обручи шести перстней из курганов 4, 8 и XIII по всей длине украшены бордюрами и розетками, выполненными гравировкой. Размер рабочей части штихеля составляет около 1,2–2 мм. На территории вятичей гравированные широкосрединные разомкнутые перстни появляются в последней четверти XII в. и бытуют до середины XIII в. (Равдина, 1975. С. 86).

Из кургана 2 происходит единственный перстень с прямым обручем, полученный ковкой (рис. 159, 3). Он украшен пересекающимися зигзагообразными линиями, выполненными гравировкой. Ширина рабочей части штихеля – 1,5 мм. Лезвие инструмента имело выемку, что позволяло наносить декор в виде елочки.

В состав посмертных даров погребения в кургане 2 входил сомкнутый перстень с сильно расширяющейся (20 мм) передней частью и выпуклым продольным ребром по центру (рис. 159, 4). Плоские концы его соединены «завязыванием». По контуру перстень украшен двойным бордюром – рядом окружностей, выполненных кольцевидным чеканом с размером рабочей части 0,8 мм, и линией миниатюрных прямоугольников, нанесенных одинарным зубчатым колесиком. Такие же полоски расположены с обеих сторон ребра. Перстень изготовлен ковкой из тонкой (0,2 мм) серебряной пластины. Хорошо поддающийся кузнечной обработке материал позволил сделать среднюю часть перстня широкой. Ребро получено ковкой на специальной наковальне с желобком. В Подмоскovie пластинчатые «завязанные» перстни обнаружены в Бисерове и Елизарове. Они относятся к ранним типам и не встречаются позднее начала XII в. (*Недошивина*, 1967. С. 256, 257; *Равдина*, 1975. Табл. 8).

В древнерусское время щитковые перстни (*Седова*, 1981. С. 132–137) являлись преимущественно городским украшением, их редко находят в погребениях. В Мякинских курганах встречены два перстня этой группы. Щиток перстня из кургана 2 выпуклый в виде трехступенчатой пирамиды (рис. 159, 1). Его плоский квадратный верх украшен четырехлепестковой розеткой, сходной с декоративными элементами ячеек перстней. Нижние выступы щитка оконтурены бордюрами, состоящими из параллельных насечек. Переходы от щитка к обручу оформлены в виде овалов с аналогичными насечками. Перстень изготовлен по нехарактерной для щитковых перстней технологии: он отлит в виде прямой заготовки в форме с плоской крышкой. По контуру разомкнутого обруча сохранились литейные швы.

Сомкнутый перстень из кургана 6 относится к редкому типу (рис. 166, 3). Его щиток состоит из семи соприкасающихся овалов. Он отлит в двусторончатой форме по оттиску готового изделия, вследствие чего нарушилась форма овалов. Близкие по форме перстни происходят из раскопок курганов в Пирогове и из сборов на поселении Устье-2 в Верхнем Подонье (*Гоняный*, 2005. Рис. 41, 10).

Детали костюма в Мякинских курганах немногочисленны (21 экз.). Особый интерес представляют четыре зооморфные коньковые привески из курганов 5 и XII (рис. 163, 5, 6; 152, 8, 9). Полые объемные привески относятся к типу шумящих. находка из кургана № 5 сохранилась не полностью: по низу тулова проходят колечки без шу-

мящих элементов. Обычно в качестве последних использовали привески в виде «утиных лапок», бубенчиков или бутылочковидные. Привеска отлита в одноразовой форме по сборной восковой модели. В металле очень хорошо воспроизвелись элементы декора, собранные из простой проволочной нити и наклепанные на модель. Согласно классификации Е. А. Рябиной, привески относятся к группе VI, типу XIX. Большинство находок, учтенных исследователем, происходят из Костромского Поволжья (*Рябинин*, 1981. С. 38, 39. Табл. XIX, XX).

Плоская ажурная привеска отлита в двусторончатой форме по оттиску готового изделия. Линии декора неотчетливые, по контуру сохранились остатки литейных швов. В сводке Е. А. Рябиной подобные привески относятся к группе III, типу XIII, варианту 1. Коньки с раскрытой пастью и свисающей уздечкой распространены среди древностей Новгородско-Псковской земли и Костромского Поволжья. Подобная привеска обнаружена случайно в Старой Рузе (*Рябинин*, 1981. С. 27, 28. Табл. XI, 1; XII, 1). Оба типа мякинских привесок датированы довольно широко – XII–XIII вв.

Коллекцию зооморфных привесок дополняет находка из раскопанного М. Г. Рабиновичем в 1948 г. кургана 2 (*Рабинович*, 1964. С. 75. Рис. 27, б). Шумящая плоская привеска имеет форму двуглавого петушка с тщательно смоделированными головками (рис. 154, 1). По нижнему краю двусторонней привески расположены пять отверстий для привешивания шумящих элементов, вероятно, лапок. Судя по окислам, оставшимся на фрагментах одежды погребенной, они были изготовлены из железа (*Рабинович*, 1948). Контурные птиц выделены рельефными линиями с поперечными насечками. Этот же прием использован для отделения шеи от туловища петушков. Е. А. Рябинин выделил близкие по форме привески в тип VIII второй группы (*Рябинин*, 1981. С. 23. Табл. VIII, 6, 7). Всего исследователем учтено шесть амулетов с территории Древней Руси (Тверская, Московская, Костромская обл. и близ Киева). Одна из последних находок – привеска из раскопок тверского Затьмачья (*Персов*, *Солдатенкова*, 2011. С. 142. Рис. 4, 3). Мякинская находка отличается от остальных тем, что ее тулово сплошное, лишенное отверстий, число которых на других привесках различное. Время бытования привесок этого типа – XII – середина XIII в. На основании этой находки М. Г. Рабинович допускал принадлежность погребенной женщины к финно-угорской группе племен. Однако для подобного утверждения недостаточно одного зооморфного украшения, характерного для финно-угорского круга древностей. Они были

распространены и на древнерусской территории. Известны находки шумящих украшений в составе погребального инвентаря, типичного для славянских племен, что свидетельствует, прежде всего, о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии различных культурных традиций.

Деталими пояса являлись плоское кольцо и шарообразный бубенчик в погребении женщины из кургана 10. Кольцо округлой формы с сегментовидным поперечным сечением, слегка деформированное, вероятно, в процессе ношения (рис. 172, 1). Оно отлито в двустворчатой разъемной форме. Поверхность сильно повреждена коррозией, которая не позволяет определить наличие на ней декора. Обычно кольца подобной формы украшались углубленным растительным орнаментом. В Подмосковье они встречаются в погребениях преимущественно XII в. (Равдина, 1975. С. 107). Два поясных кольца обнаружены в курганах X и XII, а из кургана I происходит поясной набор, в состав которого входили литые (по выплавляемой модели) накладки трилистной формы с углубленным декором, накладка-розетка и фигурная пряжка (рис. 146, 1). Точные аналоги деталей набора не обнаружены. Двучастная пряжка с оригинальным трилистным завершением относится к группе лировидных. Ее рамка украшена поперечными насечками. Как правило, подобные пряжки отливали по выплавляемым моделям, поэтому они отличаются большим разнообразием вариантов. Лировидные застёжки относятся к широко распространенному типу. На основе новгородской шкалы древностей их время бытования определяется XI–XII вв. (Седова, 1981. С. 144. Рис. 56, 1). В Подмосковье лировидные пряжки обнаружены в Настасьине, Волкове, Копках и на Биостанции МГУ (Авдусина, 1962. С. 283; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 56. Рис. 92, 9).

Шарообразный бубенчик, который мог выполнять роль пуговицы, получен из двух тисненых половинок, соединенных пайкой (рис. 172, 2). Технологический процесс изготовления штампованных бубенчиков детально исследовала Н. В. Рындина (1963. С. 247). Для изготовления половинок вначале вырезали круглые заготовки. Отходы подобного производства (медные листы с круглыми отверстиями или углублениями, полушария с неудаленными остатками металла) и пуансон-секач для вырезания заготовок обнаружены в новгородской мастерской по изготовлению штампованных

бубенчиков, а также во Владимире (Колчин и др., 1981. С. 131. Рис. 66, 67; Енисосова, Жарнов, 2006. С. 77, 78). Полусферическую форму получали в результате вытяжки листовой заготовки на специальной матрице с углублением. В качестве ударного инструмента использовали пуансон с округлой рабочей частью. Дополнительной операцией было пробивание отверстий: в верхних половинках – одного, в нижних – двух круглых и овальной прорези. Для получения ушек бубенчиков использовали тонкую проволоку, которую изгибали и вставляли в верхнее отверстие.

Еще один линейнопрорезной бубенчик, украшенный тремя рельефными линиями, обнаружен в ровике кургана XIV⁶⁵. Он отлит по выплавляемой модели. На тулове бубенчика расположены многочисленные недоливы, в том числе на соединительных швах восковых половинок, из которых была составлена модель бубенчика⁶⁶. Украшение относится к широко распространенному типу древностей XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 137).

Шесть миниатюрных пуговиц, вероятно, от верхней части одежды обнаружены в кургане 6 (рис. 166, 1с). По технике изготовления они сходны с бубенчиком из кургана 10, однако отличаются наличием золотого покрытия, нанесенного на тулова пуговиц из медного сплава. Сходные по форме, размерам и технологии изготовления золоченые бубенчики входили в состав головного убора кургана 21, раскопанного у д. Бельково Тульской обл. (Недошвина, 2014. С. 40. Рис. 13, 8; Сарачева, 2014. С. 59).. В кургане XII обнаружены четыре бронзовые пуговицы близких размеров (рис. 152, 5).

Таким образом, металлические украшения из Мякининских курганов представлены как широко распространенными изделиями, так и редко встречающимися на территории Подмосковья находками. К общедревнерусским типам принадлежат перстнеобразные и бусинные височные кольца, дрововые и ложновитые перстни, дрововые, витые и пластинчатые загнутоконечные браслеты, шарообразные бубенчики, лунницы. Для кривичского набора характерны, прежде всего, браслетообразные завязанные височные кольца, зооморфные привески. К вятичским древностям относятся пластинчатые широкосрединные перстни, украшенные гравированным декором, решетчатые и ячеиковые перстни, лопастные височные кольца, браслеты со стеклянными вставками на концах, бипирамидальные металлические бусы.

⁶⁵ Обнаружен в процессе раскопок 2004 г.

⁶⁶ Технология изготовления шарообразных бубенчиков (Сарачева, 2007. С. 150–152).

В Мякинских курганах преобладают украшения, широко распространенные на древнерусской территории. Наиболее ярко выраженным вятичским комплексом является набор украшений из кургана 3 (лопастные височные кольца, ячeyковый перстень, бусина). В других курганах украшения вятичского круга представлены единичными экземплярами. По наличию браслетообразных височных колец наборы из курганов 1, 2, 4, 27, X, XIII можно отнести к кривичским. Подобное сочетание разноплеменных украшений характерно для пограничных районов, в которых происходило смешение этнических групп. Таковым можно считать регион, к которому относятся изученные комплексы. Близкие наборы украшений обнаружены в курганах, раскопанных близ Пирогова, Поворовки, Болшева, Каблукова. Определенную роль в сложном наборе украшений сыграло и место расположения Мякинского археологического комплекса на крупном торговом пути, идущем по р. Москве из южнорусских земель в Новгород и Верхнее Поволжье.

Анализ совстречаемости типов украшений позволяет отнести к ранней группе захоронений середины XII в. курганы 1, 2, I. Второй половиной XII в. можно датировать комплекс находок из кургана 3. Наборы украшений из курганов 4, 5, 6, III, VI, X, XII, XIII также укладываются в хронологические рамки XII в. В остальных комплексах встречены находки, характерные для памятников как второй половины XII, так и первой половины XIII в.

Коллекция металлических изделий Мякинских курганов интересна тем, что в ней присутствует целый ряд редких по форме или технологии изготовления украшений. Это височные кольца с ажурными бусинами, пятилопастное сростно-зубцовое височное кольцо, гривна с оплеткой, бипирамидальные бусины, лунница, имитирующая серебряную филигранную, браслеты со стеклянными и металлическими накладками на концах, двойные витые и щитковые перстни, золоченые пуговицы. Авторы раскопок полагают, что в курганах похоронены жители близлежащего селища Мякинино 1 (*Энговатова, Коваль, 2007. С. 73, 74*). Действительно, практически все типы украшений из курганов встречены при раскопках этого селища. Состав находок на поселении позволяет предположить, что в XII в. среди его жителей были лица высокого социального статуса. Украшения редких типов, выявленные при раскопках курга-

нов, являются дополнительным свидетельством в пользу высказанной исследователями гипотезы.

В связи с этим несомненный интерес представляет анализ химического состава металла мякинских находок. В рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ исследовано 34 предмета из раскопок 2004 г. по методу неразрушающего рентгенофлуоресцентного энергодисперсионного анализа (табл. 9)⁶⁷. Согласно принятой в настоящее время классификации в выборке выделено пять типов сплавов (табл. 10). Характерной чертой массива данных является единообразие металла украшений, которое проявляется не только в малом количестве типов сплавов, но и в сходстве количественных показателей внутри каждого типа.

Преобладают два типа сплавов: оловянно-свинцовая бронза и серебряные сплавы. Так как в выборку вошли материалы лишь одного года раскопок, сравним данные, полученные аналитическим путем и в результате визуального осмотра (табл. 11). Тип медных сплавов визуально определить невозможно, поэтому все медные сплавы объединены в одну группу. Аналитически изученная выборка отражает реальную картину количественного и категориального распределения сплавов. Учитывая данные визуального осмотра, можно отметить, что среди мякинских украшений существенно преобладают изделия, полученные из сплавов на основе меди. Серебряные сплавы составляют пятую часть выборки, а легкоплавкие представлены единичными экземплярами.

Сплавы на основе меди. Из оловянно-свинцовой бронзы получено 10 украшений. Олово представлено средними концентрациями: 6–10%. Исключение составляет лишь бипирамидальная бусина с высоким содержанием олова и свинца. Свинец находится в интервале 1–3%. Практически во всех анализах зафиксированы одинаковые примеси: незначительные количества серебра и сурьмы. В бусине их дополняет мышьяк. Металл всех проанализированных витых браслетов оказался одинаковым, несмотря на различные способы их скручивания.

Оловянно-свинцовые бронзы характерны, прежде всего, для вятичской металлообработки конца XI – первой половины XIII в. Однако существенный процент этого типа бронзы зафиксирован при изучении химического состава металла украшений из расположенного неподалеку Каблукова

⁶⁷ Приношу искреннюю благодарность зав. лабораторией Р. А. Митояну за выполненную аналитическую работу. О методике анализа см.: *Ениосова и др., 2008. С. 114–120.*

(Коновалов, 1972; Сарачева, 2007. С. 156). Вероятно, в этом сказывается соседство Мякининских и Каблуковских курганов с вятичской территорией.

Металл семи предметов из оловянно-свинцовой бронзы, обнаруженных в курганах 4 и 5, совпадает не только по набору примесей, но и по концентрации легирующих элементов. Это свидетельствует о том, что украшения вышли из стен одной мастерской и бытовали в один период времени. В составе металла трех височных колец (курган 5), полученных из многокомпонентных сплавов, содержится цинк. Известно, что цинкосодержащие сплавы характерны для раннего периода древнерусской цветной металлообработки X – начала XII в. (Енисова и др., 2008. С. 133–136). Концентрации цинка выше 1% зафиксированы в металле украшений лишь тех курганов, которые датируются ранним периодом. Особенно высокие показатели цинка выявлены в металле трех дровых перстней из кургана 1: 11–20%.

Сплавы на основе серебра. Эта группа, включающая 13 предметов, представляет особый интерес, так как серебряносодержащие сплавы этой территории малоизучены. А. А. Коновалов выполнил более 30 анализов металла изделий из Каблукова с высоким содержанием серебра, но поскольку они относятся к разряду качественных, во многих случаях не удается определить даже основу сплава – серебро или медь (Коновалов, 1972). Анализ мякининских находок существенно расширил базу количественных анализов серебряных сплавов.

Серебро содержится здесь в довольно высоких концентрациях: 81–92%, т.е. составляет основу сплава. Судя по цвету образцов, столько же серебра было и в непроанализированных серебряных украшениях. В металле всех предметов выявлены медь, свинец и цинк. Обращает на себя внимание, что в этом типе сплава ни разу не встречено олово, даже в виде примесей. В то же время этот элемент присутствует во всех других анализах. Сле-

довательно, при составлении серебряных сплавов мастера разбавляли драгоценный металл чистой медью, а не бронзой. Возможно, они получали уже готовый сплав и не смешивали лом серебряных и бронзовых изделий при переплавке. Практически во всех случаях зафиксировано невысокое (около 1%) содержание золота, ни разу не встреченное в других типах сплавов.

Из серебряных сплавов получены все браслетообразные височные кольца. Этот тип колец характерен для кривичского костюма. Данные А. А. Коновалова и результаты визуального осмотра позволяют говорить о широком употреблении серебряных сплавов для браслетообразных завязанных височных колец XI – начала XII в. (Сарачева, 2007. С. 156). В более позднее время браслетообразные разомкнутые кольца делали преимущественно из оловянных бронз. Гораздо реже серебряные сплавы встречаются в вятичской металлообработке.

Из серебра выполнены также два пластинчатых кованых перстня. Несмотря на то, что они найдены в разных курганах, полное сходство состава металла, технологии изготовления и инструментов для нанесения декора позволяет считать их продукцией одной мастерской. Серебряные сплавы, обладающие высокими механическими свойствами, применяли для изготовления проволочных и кованых изделий.

Украшения из серебра входили в состав погребального инвентаря курганов самой ранней группы: 1, 2, 4. Особняком стоит курган 3, в котором обнаружено семилопастное височное кольцо, близкое по составу металла к браслетообразным.

Таким образом, изучение химического состава металла мякининских украшений позволило, с одной стороны, уточнить хронологию некоторых находок, с другой – расширить аналитическую базу данных по металлу Подмоскovie в целом и по серебряным сплавам в частности.

Таблица 8. Металлические украшения в погребальном инвентаре Мякининских курганов⁶⁸

Находки с левой стороны погребенных	Находки с правой стороны погребенных
Курган 1 – 12 предметов; женщина, возраст не определен	
№ 6 – два височных кольца браслетообразных № 13 – браслет дровотый № 14 – перстень пластинчатый широкосрединный № 15 – перстень дровотый № 16 – перстень дровотый	№ 5 – три височных кольца браслетообразных № 12 – перстень пластинчатый широкосрединный № 17 – перстень дровотый № 18 – перстень ложновитой
Курган 2 – 11 предметов; женщина 30–35 лет	
№ 2 – три височных кольца браслетообразных	№ 1 – три височных кольца браслетообразных
№ 6 – перстень щитковый (вероятно, относится к украшениям рук, однако его расположение не позволяет определить сторону)	
Посмертные дары: № 7, 8, 10, 11 – четыре перстня: дровотый, пластинчатый прямой, два пластинчатых широкосрединных (в том числе один завязанный)	
Курган 3 – 7 предметов; женщина, возраст не определен	
№ 5 – височное кольцо лопастное № 6 – височное кольцо пятилопастное № 7 – височное кольцо перстнеобразное № 9 – браслет дровотый № 10 – перстень пластинчатый широкосрединный	№ 8 – височное кольцо семилопастное
Шейные украшения: № 3 – бусина бипирамидальная	
Курган 4 – 11 предметов; женщина, возраст не определен	
№ 1 – три височных кольца браслетообразных № 6 – браслет проволочный витой № 7 – перстень пластинчатый	№ 2 – три височных кольца браслетообразных № 3 – браслет проволочный витой № 4 – перстень проволочный витой № 5 – перстень пластинчатый ажурный
Курган 5, погребение 1 – 18 предметов; женщина 18–20 лет	
№ 9 – четыре височных кольца перстнеобразных, два височных кольца бусинных № 7 – браслет пластинчатый № 5 – перстень пластинчатый широкосрединный	№ 8 – два височных кольца перстнеобразных, четыре височных кольца бусинных № 6 – браслет проволочный витой № 4 – перстень ложновитой
Поясные украшения: б/№ – две привески зооморфные	
Курган 6 – 23 предмета; женщина старше 55 лет	
№ 14 – шесть височных колец перстнеобразных № 26 – перстень ложновитой	№ 22 – пять височных колец перстнеобразных № 27 – перстень щитковый
Шейные украшения: № 12, 15–21 – восемь лунниц круторогих № 23 – бусина бипирамидальная, шесть пуговиц	
Посмертные дары (?): № 13 – перстень ложновитой	
Курган 8 (XII по нумерации М. В. Городцова) – 3 предмета; женщина 35–40 лет	
Посмертные дары: три перстня пластинчатых широкосрединных	
Курган 10 – 9 предметов; женщина 25–30 лет	
№ 11 – височное кольцо бусинное № 5 – перстень ложновитой № 8 – перстень пластинчатый широкосрединный	№ 11 – два височных кольца перстнеобразных № 4 – браслет ложновитой № 9 – перстень ложноплетеный

⁶⁸ Таблицы 8–11 составлены с учетом находок из раскопок 2004–2006 гг.

Таблица 8. Металлические украшения в погребальном инвентаре Мякининских курганов (окончание.)

Находки с левой стороны погребенных	Находки с правой стороны погребенных
В районе тазовых костей: № 6 – кольцо поясное № 7 – бубенчик (пуговица) шаровидный	
Курган 11 (XIV по нумерации М.В. Городцова); девушка 15–16 лет	
В скоплении костей: № 10 – височное кольцо перстнеобразное	
В ровике кургана: № 11 – бубенчик шаровидный линейнопрорезной	
Курган 16, погребение 1 – 4 предмета; девочка 6–8 лет	
№ 8, 10 – два височных кольца перстнеобразных № 9 – браслет проволочный витой № 7 – перстень ложновитой	
Курган 16, погребение 2 – 1 предмет; мужчина, возраст не определен	
№ 11 – перстень пластинчатый ажурный	
Курган № 25 – 5 предметов (без учета височных колец); женщина, возраст не определен	
№ 15 – височные кольца бусинные (сохранились лишь фрагменты бусин) № 13 – браслет пластинчатый № 16 – перстень ложновитой	№ 15 – височные кольца бусинные № 12 – браслет пластинчатый
Посмертные дары (?): № 10, 11 – два перстня ложновитых	
Курган 27 – 4 предмета (без учета височных колец); женщина 30–35 лет	
№ 1, 9 – височные кольца браслетообразные и перстнеобразные (количество не установлено) № 5 – браслет проволочный витой № 2 – перстень ложновитой № 3 – перстень пластинчатый широкосрединный	№ 8 – височные кольца браслетообразные и перстнеобразные № 4 – браслет проволочный витой
Шейные украшения: № 7 – железная гривна с проволочной оплеткой из цветного металла	

Таблица 9. Химический состав металла находок из Мякининских курганов

№ п/п	Название предмета	Паспорт	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Au	Тип сплава
1	Браслет дротовый	к. 1, № 13	2307	1,32	93,97	4,71						Sn+Pb+Cu
2	Браслет витой	к. 5, № 6	2312	88,77	9,5	1,45		0,08	0,21			Cu+Sn+Pb
3	Браслет витой	к. 4, № 6	2315	87,99	10,24	1,15		0,12	0,51			Cu+Sn+Pb
4	Браслет витой	к. 4, № 3	2316	88,52	10,03	1,11		0,08	0,27			Cu+Sn+Pb
5	Браслет пластинчатый	к. 5, № 7	2308	88,1	10,55	1,13			0,22			Cu+Sn+Pb
6	Бусина бипирамидальная	к. 3, № 3	2318	46,84	39,11	12,94		0,33	0,52	0,16		Cu+Sn+Pb
7	Бусина височного кольца	к. 5, № 9	2285	7,71	87,89		4,39					Sn+Cu+Zn
8	Бусина височного кольца	к. 5, № 8	2286	5,98	88,9	0,4	4,72					Sn+Cu+Zn
9	Височное кольцо бусинное	к. 5, № 8	2287	86,5	8,0	3,79	1,26	0,1	0,34			Cu+Sn+Zn+Pb
10	Височное кольцо браслетообразное	к. 1, № 5	2282	8,28		7,5	0,94	82,62			0,66	Ag+Cu+Pb
11	Височное кольцо браслетообразное	к. 2, № 2	2283	8,29		7,37	0,94	82,69		0,06	0,66	Ag+Cu+Pb
12	Височное кольцо браслетообразное	к. 2, № 2	2299	10,53		6,4	0,93	81,31		0,13	0,71	Ag+Cu+Pb
13	Височное кольцо браслетообразное	к. 4, № 2	2277	3,92		3,96	2,47	89,65				Ag+Cu+Pb+Zn
14	Височное кольцо браслетообразное	к. 4, № 2	2278	6,92		6,01	1,56	84,6			0,92	Ag+Cu+Pb+Zn
15	Височное кольцо браслетообразное	к. 1, № 5	2280	6,88		5,18	1,7	85,3			0,86	Ag+Cu+Pb+Zn
16	Височное кольцо браслетообразное	к. 1, № 5	2281	5,16		5,41	1,4	87,3			0,73	Ag+Cu+Pb+Zn
17	Височное кольцо браслетообразное	к. 2, № 1	2300	9,62		6,58	1,32	81,99		0,04	0,45	Ag+Cu+Pb+Zn
18	Височное кольцо браслетообразное	к. 2, № 1	2301	9,64		6,12	1,0	82,62			0,62	Ag+Cu+Pb+Zn
19	Височное кольцо браслетообразное	к. 4, № 2	2279	3,3		2,04	1,18	92,23			1,25	Ag+Cu+Pb+Zn+Au
20	Височное кольцо бусинное	к. 5, № 9	2284	82,2	10,92	2,8	4,08					Cu+Sn+Zn+Pb
21	Височное кольцо перстнеобразное	к. 5, № 8	2288	86,03	7,1	3,11	3,76					Cu+Sn+Zn+Pb
22	Височное кольцо семилопастное	к. 3, № 8	2309	7,34		4,35	0,87	86,36		0,06	1,02	Ag+Cu+Pb+Au
23	Перстень витой	к. 4, № 4	2317	87,01	4,78	1,34	6,5	0,12	0,25			Cu+Zn+Sn+Pb
24	Перстень завязанный	к. 2, № 9	2289	10,66		4,72	1,22	82,4			1,0	Ag+Cu+Pb+Zn+Au
25	Перстень ложновитой	к. 1, № 18	2303	90,57	7,87	1,57						Cu+Sn+Pb
26	Перстень пластинчатый	к. 1, № 12	2313	8,43		4,08	1,38	84,85		0,06	1,21	Ag+Cu+Pb+Zn+Au
27	Перстень пластинчатый	к. 4, № 7	2290	88,71	9,36	1,66			0,28			Cu+Sn+Pb
28	Перстень пластинчатый	к. 5, № 5	2311	89,5	8,74	1,42		0,1	0,34			Cu+Sn+Pb
29	Перстень пластинчатый	к. 1, № 14	2302	80,84	8,04	1,72	9,41					Cu+Zn+Sn+Pb
30	Перстень дротовый	к. 1, № 15	2305	69,18	17,21	2,23	11,38					Cu+Sn+Zn+Pb
31	Перстень дротовый	к. 1, № 16	2306	55,54	20,19	4,12	20,14					Cu+Sn+Zn+Pb
32	Перстень дротовый	к. 1, № 17	2304	65,08	15,67	3,38	15,87					Cu+Zn+Sn+Pb
33	Перстень решетчатый	к. 4, № 5	2314	90,88	7,24	1,57		0,1	0,22			Cu+Sn+Pb
34	Перстень щитковый	к. 2, № 6	2310	89,64	6,19	3,34		0,19	0,64			Cu+Sn+Pb

Таблица 10. Типы сплавов мякининской выборки

№	Тип сплава	Категория	Кол-во	%
1	Оловянно-свинцовая бронза	Браслеты: витые – 3, пластинчатый – 1. Перстни: пластинчатые – 3, ложновитой – 1, щитковый – 1. Бусина бипирамидальная – 1.	10	29,5
2	Многокомпонентная бронза	Височные кольца: бусинные – 2, перстнеобразное – 1. Перстни: проволочные – 2	5	14,7
3	Многокомпонентная латунь	Перстни: витой – 1, пластинчатый – 1, проволочный – 1.	3	8,8
4	Сплав на основе олова с медью, свинцом и цинком	Браслет: дровотый – 1. Бусины: височных колец – 2.	3	8,8
5	Сплав на основе серебра с медью, свинцом, цинком и золотом	Височные кольца: браслетообразные – 9, бусинное – 1, семилопастное – 1. Перстни пластинчатые – 2.	13	38,2
	Итого		34	100

Таблица 11. Распределение украшений из Мякининских курганов по группам сплавов

Категория/ источник данных	Серебро		Медные сплавы		Легкоплавкий сплав	
	Анализ	Визуальный осмотр	Анализ	Визуальный осмотр	Анализ	Визуальный осмотр
Височные кольца:						
браслетообразные	9	8	–	–	–	–
бусинные	1	–	2	4	–	–
семилопастные	1	–	–	2	–	–
перстнеобразные	–	1	1	22	–	–
бусины колец	–	3	–	–	2	***
Гривна	–	–	–	1	–	–
Бусы						
бипирамидальные	–	–	1	1	–	–
Привески:						
зооморфные	–	–	–	2	–	–
лунницы	–	–	–	8	–	–
бубенчики	–	–	–	2	–	–
Браслеты:						
витые	–	–	3	3	–	–
дротовые	–	–	–	–	1	1
пластинчатые	–	–	1	2	–	–
ложновитой	–	–	–	1	–	–
Перстни:						
пластинчатые	2	–	4	8	–	–
дротовые	–	–	3	1	–	–
ложновитые	–	–	1	7	–	–
ложноплетеный	–	–	–	1	–	–
щитковые	–	–	1	1	–	–
витой	–	–	1	–	–	–
Пуговицы	–	–	–	6	–	–
Кольцо поясное	–	–	–	1	–	–
Итого	13	12	18	75	3	1

Примечание: *** – Точное число указать невозможно

Глава 5

Коваль В. Ю.

КЕРАМИКА

Характерной особенностью погребального обряда Мякининского могильника было отсутствие обычая помещать в могильную яму заупокойную пищу в керамической посуде. Ни в одном из погребений не обнаружено сосудов, поставленных на дно могильной ямы рядом с захоронением. Эта черта Мякининских курганов может быть однозначно расценена как поздний признак, характерный для подкурганых захоронений в могильных ямах. Во всяком случае, для «Земли вятичей» установлена именно такая закономерность: если в ранних погребениях (с захоронениями на уровне древнего горизонта) горшки фиксируются в большинстве захоронений, то в более поздних ямных захоронениях они, как правило, отсутствуют (*Недошивина*, 1971. С. 188). Например, в полностью раскопанном курганном могильнике Новоселки 2, расположенном в долине р. Клязьмы и датированном второй половиной XII – первой половиной XIII в., целые горшки были встречены лишь в двух погребениях из 29 (*Коваль*, 2009). Аналогичная картина прослеживается и в ареале кривичей.

Итак, в Мякининских курганах, также по преимуществу относившихся к позднему этапу существования курганного погребального обряда, целые горшки в могилы не устанавливались. Однако в самом раннем из исследованных на территории могильника погребении женщины под курганом 1 обнаружена нижняя часть красноглиняного горшка, поставленная на дно могильной ямы рядом с ногами погребенной женщины, в чем можно видеть отголосок древнего обряда, когда горшок с заупокойной пищей ставился в ногах погребенного. Именно такое (в изножье) размещение целых горшков характерно для вятичских курганов (*Арциховский*, 1930. С. 95; *Недошивина*, 1971. С. 186), а также для большинства (9 из 10) горшков в кривичских Каблуковских курганах на Клязьме (*Недошивина*, 2007. С. 126). По мнению исследователей, обломки горшков, намеренно положенных рядом с погребенным, имели

то же значение, что и целые сосуды (*Недошивина*, 1971. С. 186).

Горшок, дно которого было использовано в обрядовых действиях в кургане 1, изготовлен из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва мелкая» и имел на дне клеймо в виде двух соприкасающихся вершинами треугольников (рис. 157, 4. № 10). Клейма с точно таким же рисунком (9 шт.) встречены среди керамики селища Мякинино 1 в основном в комплексах домонгольской эпохи (*Хижняков*, 2009. С. 154, 157. Рис. 4, 1, 2). Аналогичные по рисунку клейма известны в материалах второй половины XI–XIII в. с территории Ростово-Суздальской земли и из Великого Новгорода (*Кадиева*, 2007. С. 181. Рис. 4, 22–30; *Хижняков*, 2002. Рис. 1. Табл. 3).

Отсутствие обычая устанавливать горшки в погребения вовсе не означает, однако, что керамика играла незаметную роль в погребальной обрядности Мякининского могильника, где она была найдена в 21 из 43 раскопанных курганов. Правда, при раскопках Городцовых обломки горшков зафиксированы только в могильных ямах трех курганов из 15, но это объясняется несовершенной методикой раскопок «колодцем», когда вскрывались только могильные ямы, а большая часть насыпей оставалась неизученной. Повторное вскрытие остатков двух курганов из этого числа (курганы 8 и 11, соответствующие курганам XII и XIV раскопок Городцовых, в которых при первых раскопках керамики найдено не было) показало, что в каждом из них присутствовали обломки керамической посуды. При раскопках М. Г. Рабиновича керамика обнаружена в насыпях двух курганов из четырех, но по методике тех лет не вскрывались ровики курганов, в которых тоже могла находиться керамика. Поэтому реальную картину присутствия керамики в курганах дают только работы 2004–2006 гг., когда полностью исследовались и насыпи, и ровики, и все погребения. В этих раскопках обломки керамической посуды зафиксированы в 16 курганах из 26 изученных, т.е. почти в 2/3 всех погребальных

сооружений⁶⁹. Интерес представляет то, в какой части курганного сооружения фиксировались находки керамических обломков (рис. 189):

- засыпка могильных ям – 6 случаев (курганы 5, 6, 9, 12, 16, XV);
- насыпи курганов – 11 случаев (курганы 5, 6, 11, 13, 16, 18, 20, 25, II, 1 (1948 г.), 4 (1948 г.));
- околочурганье ровики – 8 случаев (курганы 3, 6, 9, 10, 16, 17, 25, 28);
- неясный контекст (перекопанный грунт насыпи) – 3 случая (курганы 8 и VII);
- межкурганное пространство – 1 случай (между курганами 17 и 18).

Как видно из этого списка, керамика гораздо чаще попадала в насыпи курганов и в ровики, нежели в могилы. При этом в заполнения могильных ям керамика попадала лишь на самом раннем этапе существования могильника; она встречена преимущественно в ранних курганах, датирующихся XII в. Как правило, обломки керамики обнаруживаются только в одной из частей кургана – либо в могиле, либо в насыпи, либо в ровиках. Очень редко они встречались во всех трех контекстах одновременно, можно назвать лишь два таких случая (курганы 6 и 16, из той же группы ранних захоронений). Столь же редки варианты, при которых керамика обнаруживается одновременно в двух контекстах – могильной яме и насыпи (курган 5), могильной яме и ровике (курган 9), насыпи и ровике (курган 25). Заметим, что и эти курганы тоже датируются не позже XII в.

От констатации случаев фиксации керамики перейдем к ее непосредственной характеристике. Прежде всего, в 21 кургане из 43 раскопанных обнаружены обломки не менее чем 40 сосудов, из которых 35 относились к периоду существования курганного могильника (остальные пять датировались более поздним временем) и принадлежали к категории кухонной посуды. Важно, что из этих 35 сосудов лишь два изготовлены из беложгущейся (неожелезненной) глины, причем они были представлены лишь четырьмя мелкими обломками. Два из них, принадлежавшие одному горшку, найдены в ровике кургана 9 (рис. 170, 2. № 29) и в перекопанном грунте кургана 8 (рис. 168, 3. № 30). Второму горшку принадлежали два обломка стенки, найденные между курганами 17 и 18 (рис. 176, 3. № 4). Таким образом, можно утверждать, что белоглиняная керамика практически не ис-

пользовалась в погребальном обряде Мякининского могильника и попадала на него случайно, в виде мелких обломков. На первый взгляд этот вывод может показаться удивительным, ведь на селище Мякинино I (месте проживания людей, похороненных в курганах) белоглиняная посуда в середине – третьей четверти XII в. (времени начала существования могильника) составляла до половины (!) всей кухонной посуды (Коваль, 2008а. С. 341). Однако надо учитывать, что эта посуда изготавливалась в чужеродной для Москворечья гончарной традиции, происхождение которой можно связывать с контингентом южнорусского по происхождению населения, ближайшим районом массового расселения которого в XII в. было Поочье. Именно там уже в первой половине XII в. производилась светлоглиняная керамика, идентичная по технологии обжига, морфологии венчиков и даже декору той посуде, что внезапно появилась в Москворечье в середине (может быть, второй четверти) XII в. Носители производства такой посуды могли компактно размещаться в каком-то локальном районе Верхнего Москворечья. Одним из наиболее вероятных районов их размещения можно считать окрестности Звенигорода и долину Истры, где фиксируется смешанное кривичско-вятичское население (Алексеев, 2005. С. 111, 112), а белоглиняная керамика массово присутствует не только в поселенческих материалах, но и в курганном инвентаре (Коваль, Хижняков, 2005; Коваль, 2008б). Сравнение звенигородского и московского регионов показывает, что жители последнего не принадлежали к южнорусским (поокским) выходцам, они пользовались высококачественной белоглиняной посудой в быту до тех пор, пока она имела на рынке, но при совершении погребальных обрядов эту чуждую посуду почти не применяли.

Какая же керамика рассматривалась насельниками Мякининского селища как «своя», которую можно было если не поставить в могилу, то разбить в ходе погребальных действий? Это круговая посуда из красножгущихся глин, производство которой в Москворечье началось еще в XI в. и которая наследовала более ранней лепной керамике эпохи первой волны славянского расселения в Москворечье. Формовка сосудов «москворецкой» традиции проводилась на ручном гончарном круте методом ленточного налета из массы, приготовленной на основе красножгущейся (сильноожелезненной) глины, где присутствовал мелкий песок (как естественная или

⁶⁹ Для сравнения: в Каблуковских курганах, где ровики не вскрывались, а только прорезались стратиграфическими траншеями, обломки керамической посуды встречаются существенно реже – в 9 курганах из 33 (Недошивина, 2007. С. 126). Очевидно, что в случае исследования ровиков количество курганов с керамикой увеличилось бы и составило пропорцию, близкую к мякининской. Этот вывод подтверждают материалы наших раскопок 2008 г. курганной группы Новоселки 2 (также располагавшейся в верховьях Клязьмы и принадлежавшей вятичам), где керамика обнаружена в 12 курганах из 20.

искусственная примесь) и значительное количество мелкой (с зернами до 2 мм в поперечнике) кварцитовой дресвы, полученной дроблением гранитных или кварцитовых камней (валунов небольшого размера). Добавка дресвы позволяла понизить усадку глины при сушке готовых изделий и существенно снизить температуру обжига керамики (до 600–700 °С). Однако обжиг проводился, как правило, еще и недостаточно продолжительное время, в результате чего достигалась средняя спекаемость глины, сосуды приобретали некоторую прочность, однако цвет глины проявлялся далеко не всегда, а если даже это происходило, на изломе стенок всегда оставалась видна черная полоса непрокаленной глины. При установке на гончарный круг для подсыпки под дно, облегчающей снятие горшка с круга после завершения его формовки, чаще всего использовалась просеянная печная зола.

Подобные характеристики типичны для гончарных традиций, распространенных на севере Древней Руси, в том числе в Верхнем Поволжье и Московщине. Московщанская традиция гончарного производства по указанным признакам близка покладья-менской, ростовской и верхневолжским (тверской, ярославской и др.) традициям. Сходство между ними прослеживается и в общей профилировке горшков, оформлении венчиков, орнаментации. В частности, в XII–XIII вв. доминировали сильнопрофилированные (так называемые эсовидные) формы венчиков, с валикообразным завершением чернового края, а также секировидные формы, достигавшиеся сложной операцией трансформации чернового края венчика сначала наружу, а затем внутрь сосуда. Орнаментация посуды во всех перечисленных традициях базировалась на использовании в качестве орнамента заостренной палочки, которой наносился линейный орнамент в виде спирали, покрывавшей большую часть поверхности горшка – от основания венчика до дна (декор заканчивался обычно на 1/4 или 1/3 высоты горшка). Нанесение линейного орнамента гребенкой использовалось исключительно редко, как и волнистый орнамент.

Рассмотрим керамику московщанской традиции, обнаруженную при раскопках Мякининских курганов (обломки от 32 горшков) в различных структурных частях этих сооружений.

Керамика в могильных ямах (рис. 189)

В отличие от кургана 1, в погребении которого дно горшка было установлено на дно могилы, (подобно тому, как устанавливались в погребения целые горшки), в шести других курганах обломки горшков найдены в заполнении могильных ям

на разной глубине. В этом ряду наиболее интересен курган 6, в засыпке могилы которого обнаружены обломки от половины горшка, остальные части которого лежали у края могилы на поверхности погребенной почвы (рис. 167, 2. № 2), причем рядом с ними находился развал горшка-миски (рис. 167, 3. № 1). Их профилировка типична для посуды второй половины XII в., в том числе той, что была найдена при раскопках селища Мякинино 1. Эти два сосуда – единственные почти целые горшки, обнаруженные при раскопках Мякининских курганов.

В погребении 1 кургана 5 над костями скелета найдена нижняя часть горшка, лежавшая вверх дном (рис. 163, 8. № 10) и явно попавшая в могилу в ходе ее засыпки.

В кургане 9 в заполнении могилы найден развал стенки и дна горшка (рис. 168, 1. № 37), обломки венчика которого обнаружены в северном ровике этого кургана (№ 35) и западном ровике кургана 6 (№ 3). Этот горшок может быть датирован в узких пределах третьей четверти XII в., исходя из признаков его декора (см. главу 2).

В кургане 12 при расчистке могилы найдены венчик и дно горшка (рис. 173, 6, 7. № 17, 18).

В кургане 16 в заполнении могильной ямы погребения 1 обнаружен венчик горшка-миски, другие части которого находились в насыпи этого же кургана (рис. 175, 6. № 1, 4, 6).

В кургане XV (раскопки М. В. Городцова) обломок горшка найден рядом с черепом погребенного, однако отсутствие рисунка и подробного описания обстоятельств этой находки не позволяет установить, был ли он положен специально рядом с головой покойного или попал в могилу при засыпке и лишь случайно оказался поблизости от черепа.

Керамика в насыпях курганов (рис. 189)

Курган 5. В южной поле насыпи найдены обломки (около 1/3 объема сосуда, полный профиль) маленького горшочка (рис. 163, 9. № 11), который мог попасть в насыпь как в ходе ее первоначального формирования в последней четверти XII в. (тогда его заманчиво связывать с ритуальной ямой 1 в юго-западном секторе насыпи), так и при досыпке кургана в первой половине XIII в., связанной с появлением погребения 2. Второе предположение кажется менее вероятным, поскольку грунт поздней досыпки не сохранился (курган сильно сnivelирован в новейшее время).

Курган 6. Керамика из насыпи (обломки горшка и горшка-миски) описана выше, поскольку обломки этих сосудов присутствовали как в насыпи, так и в заполнении могилы.

Курган 11. В насыпи встречены четыре мелких обломка от трех горшков. Близкий по форме, размерам, профилю венчика и орнаментации горшок найден на селище Мякинино 1 в комплексе, датированном первой половиной XIII в. (рис. 173, 5. № 12).

Курган 13. В остатках почти полностью уничтоженной насыпи кургана собрано 26 мелких обломков горшка, которые не склеивались между собой (рис. 174, 4. № 3).

Курган 16. Наряду с тремя обломками от горшка, венчик которого происходил из заполнения могильной ямы (см. выше), в насыпи кургана встречены еще два обломка стенок от одного (?) горшка (рис. 175, 7, 9. № 3, 5).

Курган 18. Встречен развал дна горшка с клеймом (рис. 176, 5. № 8).

Курган 20. Здесь собраны два крупных обломка стенок горшка (рис. 177, 1. № 7) и неполный развал горшка с клеймом на дне (рис. 177, 2. № 5). Профилировка этого горшка типична для керамики второй половины XII в.

Курган 25. В насыпи обнаружены пять обломков стенок горшка (рис. 179, 1. № 6).

Курган II. Семь обломков керамики с линейным орнаментом найдены на вершине кургана (на глубине 0,15 м).

Курган 2 (1948 г.). В северо-восточной поле насыпи находились два обломка керамики.

Курган 4 (1948 г.). Рядом с краем могильной ямы, на уровне погребенного горизонта, найдены обломки двух горшков (число обломков М. Г. Рабиновичем не указано).

Керамика в ровиках (рис. 189)

Курган 3. На дне южного ровика найден развал верхней части горшка (рис. 160, II. № 11).

Курган 6. На дне западного ровика найден венчик горшка (рис. 168, I. № 3), склеившегося с другим обломком, встреченным в северном ровике кургана 9 (№ 35) и принадлежавшим к развалу горшка, части которого происходили из могильной ямы кургана 9 (см. выше).

Курган 9. Керамика обнаружена во всех трех ровиках, окружавших этот курган. В северном ровике наряду с обломком венчика, склеившимся с обломком горшка из ровика кургана 6 (см. выше), на дне также найдены четыре обломка другого горшка из светло-красной мажущейся (неспекшейся) глины (рис. 169, 2, 3. № 33, 39). На дне восточного ровика встретился развал (семь обломков) нижней части красноглиняного горшка (рис. 170, I. № 34). Наконец, в верхней части заполнения южного ровика лежал обломок стенки третьего

(в данном кургане) красноглиняного горшка домонгольской эпохи (рис. 170, 3. № 32).

Кроме того, в восточном ровике найден обломок белоглиняного горшка середины XII в. (рис. 170, 2. № 29), изготовленного из глины с примесью крупного речного песка и органики, прошедшего полный окислительный обжиг. Второй обломок этого горшка обнаружен в перекопе над центром кургана 8 (см. ниже).

Курган 10. В нижней части заполнения юго-восточного ровика собраны три обломка горшка (рис. 172, 3. № 28).

Курган 16. В северном ровике найдена стенка красноглиняного горшка (рис. 175, 8. № 2).

Курган 17. В заполнении северо-западного ровика обнаружен венчик красноглиняного горшка (рис. 176, 1. № 3).

Курган 25. Венчик и стенка горшка (рис. 179, 1, 2. № 6, 21) найдены в северном ровике.

Курган 28. В северном ровике находился венчик горшка (рис. 182, 1. № 19).

Керамика с неясным контекстом обнаружения

Курган 8. Обломок стенки белоглиняного горшка середины XII в. найден в перекопе над центром кургана 8 (рис. 168, 3. № 30). Он мог попасть сюда из насыпи кургана 9, поскольку в восточном ровике последнего встретился обломок того же самого горшка (см. выше).

Курган VII. Находка керамики в этом кургане упоминается в тексте статьи М. В. Городцова (1928. С. 556), но в описании этого кургана керамика не упомянута.

Керамика в межкурганном пространстве

Единственная зона, где такая керамика была обнаружена, — это пространство между курганами 17 и 18 в юго-западной подгруппе. Здесь найдены части трех горшков: придонная часть горшка из плохо обожженной размокающей в воде глины (рис. 176, 4. № 1) и шесть обломков от двух разных горшков (рис. 176, 2. № 2).

Обломки керамики в насыпях курганов встречены в разных их частях, на различных отметках, что свидетельствует о случайном характере их размещения в насыпи. Однако само их присутствие там не может рассматриваться как случайное, поскольку в окружающем межкурганном пространстве керамика встречается еще реже, чем в самих курганах. Фактически на всей исследованной

площади за пределами курганов она обнаружена только в одном месте, да и то между двумя насыпями, расположенными рядом. Специально подчеркнем также, что никаких поселенческих объектов на территории могильника не обнаружено, нигде не выявлено даже следов культурного слоя, который можно было бы связывать с каким бы то ни было поселением. Единственная группа ям неясного происхождения, исследованная на раскопе XI (см. выше), не содержала никакого археологического материала и не может быть связана с поселенческими объектами (скорее тут можно видеть ритуальный комплекс), а находки керамики раннего железного века в остатках насыпи кургана 13 также выглядят случайными, хотя, конечно, связанными с какой-то жизнедеятельностью дославянского населения.

Для контрольной проверки вывода об отсутствии в зоне могильника культурных отложений в 2005 г. к западу от кургана 1 (в 6 м от края его ровика), т. е. на краю могильника, максимально близком площадке синхронного поселения, был заложен раскоп площадью 156 кв. м. (раскоп VI). На всей его площади зафиксировано всего 12 обломков керамики, причем керамика домонгольской эпохи и даже XIII–XV вв. здесь отсутствовала полностью. Обломки принадлежали чернолощеному кувшинам и горшкам XVIII в., а также белоглиняным горшкам гжельского и коломенского типов, датированных в интервале XVI–XVIII вв. Скорее всего, эта керамика могла попасть сюда при вывозе навоза на поля из д. Мякинино в XVIII–XIX вв.

Представленные данные позволяют уверенно утверждать, что до начала возведения курганов никаких отложений культурного слоя, которые могли бы содержать керамический материал, на этом участке не существовало. Значит, обломки горшков не попадали в насыпи курганов и засыпи могил из грунта, взятого на месте, а приносились специально с площадки поселения именно для того, чтобы быть помещенными в курган и участвовать в обряде похорон. Но при этом, по-видимому, не было каких-то ясных правил, в какие именно места надо бросать обломки разбитых горшков при насыпании кургана.

В ровиках, напротив, обломки керамики обнаруживаются обычно в самых нижних частях их заполнения, чаще всего просто на дне, а это значит, что их кидали сюда сразу после возведения курганов. Заплывали ровики очень быстро, что способ-

ствовало консервации этих остатков. Развалы целых сосудов в ровиках не встречены ни разу, всегда это только разрозненные обломки горшков. При этом не зафиксировано какого-либо предпочтения в размещении таких обломков по странам света, они обнаруживаются в самых разных частях кольцевого ровика, но всегда на дне самых углубленных его частей. В верхние части заполнения ровиков керамика, синхронная совершенно погребения, попадала редко и только из насыпи в результате ее разрушения – естественного (оплывания) или искусственного (грабительских разрытий).

Дадим несколько общих характеристик для 33 сосудов из красножгущихся глин, части которых оказались в курганных сооружениях Мякининского могильника. Только три сосуда из их числа относились к горшкам низких пропорций, т. е. «горшкам-мискам» (с диаметром тулова, заметно превышающим его высоту) (курганы 6, 9, 16). Все остальные горшки имели обычные для домонгольской кухонной посуды вытянутые пропорции.

26 горшков изготовлены из стандартной для москворецкой гончарной традиции второй половины XII – первой половины XIII в. формовочной массы по рецептуре «глина + песок + дресва мелкая», но семь горшков из курганов 3, 6, 9 (3 шт.), 10 и 25 сформованы из массы, рецепт которой отличался использованием крупной дресвы (с зернами более 2 мм в поперечнике), применяемой в это время довольно редко.

Обжиг всей керамики в основном неполный, фиксируемый по черным или бурым поверхностям и черному или трехслойному излому стенок. Большинство горшков, вероятно, использовалось как бытовая кухонная посуда. Хотя выраженного нагара на их поверхностях не зафиксировано, он насыщал их стенки. Судя по размерам горшков, в ритуальных целях использовали в основном сосуды небольшого размера (с диаметром не более 21 см). Не исключено, что применялись уже разбитые горшки, части которых приносились на кладбище к моменту совершения погребения и насыпки курганов.

Венчики сохранились от 16 горшков из 33. По профилировке они распределялись следующим образом: больше всего было венчиков обычного «курганного» типа (типа 8)⁷⁰ с валикообразно оформленным черновым краем – 6 шт. (курганы 13, 17/18, 25) (рис. 174, 1, 3; 176, 1–3; 179, 2). Несколько реже встречены венчики цилиндрической профилировки (или в виде конической

⁷⁰ Здесь и далее приводятся номера типов по нашей группировке, используемой при статистической обработке керамики Москвы и Подмоскovie (Коваль, 2004. Рис. 22–24, 46; 2014б).

воронки – типа 1) – 4 шт. (курганы 6, 12, 22, 20) (рис. 167, 3; 173, 7; 175, 6; 177, 2). Столько же (4 шт.) найдено венчиков упрощенной профилировки – эсовидных с уплощенным валиком черного края – тип 7 (курганы 3, 6, 17/18, 20, 28) (рис. 160, 11; 168, 1; 178, 2; 182, 1, 2). Наконец, всего двумя образцами представлены секировидные венчики типа 8а (курганы 6, 11) (рис. 167, 2; 173, 5), а еще двумя – венчики со срезанным краем типа 6 (курганы 9, 13) (рис. 163, 9; 169, 2). В целом все перечисленные формы бытовали на протяжении середины XII – первой половины XIII в., хотя венчики типов 1, 8 и 8а в первой половине XIII в. встречаются уже несколько реже.

Днища всех горшков, обнаруженных в Мякининских курганах, сформованы на зольных подсыпках. В москворецкой гончарной традиции рассматриваемого периода другие типы подсыпок практически не использовались, поэтому и данный признак нельзя использовать для хронологической дифференциации массива керамики.

Горшки без всяких следов орнаментации встречены в данном наборе всего дважды (курганы 9, 16). Все остальные покрыты линейным орнаментом, нанесенным палочкой толщиной 1–2 мм по спирали на верхнюю и среднюю зоны тулова. Единственным исключением из этого правила был горшок-миска из кургана 9, покрытый линейным орнаментом, выполненным гребенкой, что и позволило датировать его в узких пределах третьей четверти XII в. (см. главу 2).

Наряду с описанной выше керамикой, синхронной времени создания курганов, при раскопках встречены и обломки посуды, датирующейся иными эпохами.

Керамика второй половины XIII–XV в.

Керамика, относящаяся к периоду, когда курганный могильник уже перестал функционировать, но селище еще продолжало существовать всего в 200 м от крайних западных насыпей курганного поля, крайне немногочисленна, но она показывает, что могильник посещался потомками погребенных в курганах людей.

Неполный развал горшка XIII–XIV вв. очень плохого обжига (из размываемой водой глины) рецепта «глина + песок + дресва мелкая» с венчиком типа 7 и волнистым орнаментом по основанию шейки, переходящим в линейный орнамент по стенкам (рис. 178, 1. № 9), найден в юго-восточном ровике кургана 20, размещавшегося на южной окраине могильника. Развал другого горшка, изготовленного

из аналогичной формовочной массы, хорошо обожженного, с венчиком типа 5 и дном на зольной подсыпке (рис. 182, 2. № 22) происходил из северного ровика кургана 28. О поздней датировке этих сосудов говорят упрощенные формы их венчиков, волнистый орнамент у первого и отсутствие всякого орнамента у второго. Такое сочетание признаков нехарактерно для сосудов домонгольской эпохи.

Интересно, что обе находки встречены в ровиках самых поздних курганов первой половины XIII в. (рис. 190). Эти курганы удалены от площадки поселения, поэтому здесь можно было незаметно проводить поминальные обряды по языческим предкам. Однако такое объяснение находок поздних горшков в ровиках курганов вряд ли будет верным, поскольку единичность этих находок и значительный хронологический разрыв со временем возведения курганов заставляет сомневаться в столь внезапном возрождении интереса к культуре предков. В то же время надо учитывать, что курганы стояли на краю пахотных полей, поэтому они были удобным местом для отдыха крестьян и обеда. Во время такого отдыха некоторые горшки с пищей, принесенные без всяких ритуальных целей, могли быть разбиты и выброшены в ближайшее углубление.

Третий развал горшка, относящегося уже к XV в. (рис. 157, 5. № 20), происходил со дна северо-западного ровика кургана 1, самого древнего из исследованных в могильнике. Горшок по всем признакам идентичен московской керамике и, несомненно, был привезен именно с московского рынка. В венчике горшка имелось отверстие, просверленное после обжига, вероятно, для привязывания крышки. Рядом с горшком найдены 10 кованых железных гвоздей. Хотя горшок и гвозди обнаружены на дне ровика, они не могли попасть сюда в момент сооружения кургана. Следовательно, они были положены на дно ямы, специально выкопанной в заплывшем ровике (перекоп этой ямы в однородном грунте заполнения ровика не читался). Смысл этого «захоронения» не вполне ясен. Возможно, он имел некий магический подтекст, связанный с местом совершения этого действия (старое языческое кладбище), однако трудно сомневаться в том, что оно уже не имело никакого отношения к поминальной обрядности или иному виду памяти о захороненных в курганах предках.

Керамика позднего Средневековья и Нового времени

Позднесредневековая керамика обнаружена на могильнике только в одном месте – в ровиках кургана 9 (рис. 190). В южном ровике этого

кургана найден обломок дна белоглиняного коломенского горшка XVII–XVIII вв. (рис. 170, 4. № 38) – той разновидности посуды, которая была широчайшим образом распространена тогда в центре России. В северном ровике того же кургана собран развал верхней части серолощенного кувшина XVIII–XIX вв. (рис. 169, 1. № 36). Эти находки отмечают посещения курганов в тот период, когда память об их происхождении была окончательно утрачена, а сами они начали зарастать кустарником.

При рассмотрении керамики, найденной в ходе раскопок Мякининских курганов, нельзя обойти молчанием еще 10 обломков, не имевших отношения к курганным погребениям, но обнаруженных в пахотном горизонте под курганом 13 и относящихся к древностям раннего железного века. Речь идет о восьми обломках двух гладкостенных горшков и двух обломках стенок горшка с «сетчатыми» («рябчатой») фактуры отпечатками (рис. 174, 2, 3. № 2, 4). Находки такой керамики в этом месте оказались довольно неожиданными, поскольку никаких иных артефактов раннего железного века на территории могильника не встречено. В то же время на площади селища Мякинино 1 (в 300 м к СЗ от кургана 13) размещалось селище дьяковской эпохи с аналогичным керамическим материалом. Возможно, находки под курганом 13 отмечают место, посещавшееся жителями этого селища в хозяйственных целях.

Раскопки Мякининских курганов позволили полностью изучить значительный участок могильника такого рода и собрать с его территории всю керамику, использовавшуюся в погребальном обряде. В результате было установлено, что обломки кухонных горшков приносились и оставлялись на подавляющем большинстве курганных сооружений – они попадали и в могилы, и в насыпи, и в ровики. Изучение керамического материала позволило убедиться, что весь он, за исключением нескольких поздних сосудов в ровиках, синхронен времени возведения насыпей. Оказалось также, что керамический материал может стать не менее важным маркером для установления хронологии и культурно-генетического происхождения погребенных в курганах, чем женские украшения в составе погребального инвентаря, традиционно используемые для подобных определений.

Мякининские курганы наглядно показали, что в тех районах Подмосковья, где в середине XII в. сохранилось преобладание вятического и кривичского

населения, потомков «первой волны» расселения (IX–XI вв.), высококачественная светлоглиняная посуда южнорусской (поокской) традиции, широко применявшаяся в быту, не участвовала в погребальном обряде и не попадала в курганные захоронения. Значит, районы расселения переселенцев «второй волны» (XII в.) могут быть установлены по тем курганным могильникам, где такая керамика попадала в погребения, т. е. не расценивалась сельским населением в качестве «чужеродной».

В Мякининском могильнике керамика чаще встречалась в тех курганах, где захоронены женщины (11 случаев), тогда как в курганах с мужскими захоронениями она зафиксирована только шесть раз⁷¹. Возможно, это соотношение сложилось случайно (выборка не столь велика), но до тех пор, пока не будут получены другие сопоставимые данные по памятникам, раскопанным с такой же степенью полноты, эти сведения нельзя полностью игнорировать. По материалам раскопок XIX – первой трети XX в., когда керамика фиксировалась только в виде целых сосудов, помещенных в захоронения (а они, будем помнить, относились в основном к ранней группе погребений, совершенных на горизонте), никакой тенденции в ее размещении по гендерному признаку исследователями не прослеживалось (*Арциховский*, 1930. С. 95), однако и соответствующих подсчетов не производилось. Сводные данные по результатам раскопок курганов в XIX – начале XX в. также не позволяют делать каких-то выводов. Например, при раскопках 4500 южнорусских курганов керамика встречена в 440 насыпях и 760 могилах (*Моця*, 1990. С. 33), однако неясно, как эти могилы соотносились с насыпями, в которых она обнаружена, как распределялись погребения по гендерному признаку, в каких частях могил и насыпей керамика найдена и т. п. Те же вопросы касаются находок керамики, сделанных при раскопках курганов Тверского Поволжья в 1970–1980-х гг. Так, в Избрижских курганах в 116 погребениях найдены 68 сосудов, однако в публикации эти погребения не разделены ни по одному признаку, а о числе находок керамики в насыпях и ровиках вообще не приведено никаких данных (*Арсланова, Ковалец*, 1991. С. 74, 75). В целиком раскопанной Большекошской курганной группе керамика встречена в шести погребениях из 32 и в пяти насыпях из 21 (*Черных*, 1989. С. 63). Эти обобщенные данные позволяют только констатировать большую частоту фиксации целых сосудов в ранних (XI в.) курганах (Избрижье)

⁷¹ В этот подсчет не включен курган 11 с парным (женским и мужским) захоронением.

и более частую встречаемость обломков керамики в Мякининских курганах, которая может объясняться тщательностью ее фиксации.

Даже некоторые новейшие публикации курганных комплексов с территории Новгородской земли не содержат никаких данных о наличии или отсутствии керамического материала в насыпях, ровиках или заполнениях могильных ям. Количество же погребений с целыми горшками в составе инвентаря оказывается слишком мало для построения достоверных выводов об их преимущественной связи с мужскими или женскими захоронениями. Так, в 109 курганах Водской земли встречены только 11 горшков, из них девять круглых сосудов обнаружены в захоронениях женщин и девочек-подростков (*Рябинин*, 2001. С. 20, 42, 49). В то же время в могильнике Залахтовье

(Причудье, запад Новгородской земли) в 124 курганах XI–XII вв. с ингумациями на горизонте и в подкурганных ямах обнаружено 47 горшков (из них лишь 13 относились к погребениям на горизонте), причем подавляющая их доля происходила из мужских погребений, и лишь 12 сосудов встречены в женских захоронениях (*Хвоцинская*, 2004. С. 109, 110, 203–246). Для могильника в Залахтовье, как видим, прослеживается совершенно иная тенденция, однако и эти данные еще не позволяют делать обоснованных выводов о погребальных традициях не только всего древнерусского населения, но даже каких-то обширных территорий. Необходимо дальнейшее накопление данных и широкий сравнительный фон для получения достоверных выводов обо всем спектре существовавших традиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЯКИНИНСКИХ КУРГАНОВ

Проведенные раскопки 2004–2006 гг. и анализ данных, добытых предшествовавшими исследованиями В. А. и М. В. Городцовых, Б. А. Рыбакова и М. Г. Рабиновича, позволяют сделать несколько общих наблюдений, касающихся хронологии Мякининского курганного могильника, порядка возведения курганов, сохранности погребений и деталей погребальной обрядности.

Общие сведения о могильнике

В ходе раскопок 2004–2006 гг. полностью исследованы 25 курганов. Погребения или следы разрушенных погребений выявлены под 22 из них (под курганами 13 и 17 возможные погребения полностью уничтожены перекопами, а курган 14, не имевший ровиков, вообще отнесен к числу таковых условно). Общее число исследованных погребений достигало 30, поскольку под двумя курганами (5 и 11) вскрыто по два погребения, а под двумя другими (16 и 28) – по четыре. В пяти погребениях из 30 (курганы 23, 26; 16, погребения 3, 4; 28, погребение 4) могильные ямы не включали видимых следов органического тлена, однако плохая сохранность костных останков была вообще характерной чертой данного могильника (см. ниже раздел «Антропологический материал»). Поэтому перечисленные могилы можно все же считать остатками некогда существовавших мужских и детских безынвентарных погребений. В этом убеждают

погребение под курганом 20 и погребение 2 кургана 16, от которых сохранился лишь слабо различимый тлен на дне могил, причем реальность последнего погребения подтвердилась находкой перстня в том месте, где могла размещаться кисть руки погребенного. Характерно, что могилы без следов погребений встречались и при раскопках Городцовых, исследовавших насыпи, не потревоженные кладоискательскими ямами⁷². Только в одном подкурганном погребении, полностью уничтоженном грабительским перекопом (курган 17), не сохранилось вообще никаких следов захоронения.

К 25 курганам (с 30 погребениями), исследованным в 2004–2006 гг., следует добавить 13 курганов (с 13 погребениями), раскопанных В. А. и М. В. Городцовыми в 1924–1927 гг.⁷³ и четыре кургана, вскрытых М. Г. Рабиновичем в 1948 г. Таким образом, за всю историю археологического изучения могильника в нем исследованы 42 кургана с 47 захоронениями, причем в 10 могилах антропологические останки не зафиксированы⁷⁴ (табл. 12, рис. 12).

Все курганы, не имевшие значительных повреждений (это курганы 19, 20 наших раскопок; курганы 1–4 раскопок М. Г. Рабиновича и все курганы раскопок В. А. и М. В. Городцовых), имели так называемую полусферическую форму (в сечении они представляли собой сегмент круга). Диаметр их колебался от 4,0 до 10,0 м, высота – от 0,4 до 1,8 м. Чаще всего встречались

⁷² Таких курганов было три: в двух из них (IV, V) следы костяка не сохранились, а в одном (XI) зафиксирован только тлен. С учетом такой сохранности костного материала количество погребений в курганах, исследованных в 2004–2006 гг., могло быть еще больше, чем в приведенных выше подсчетах: так, под центром кургана 14 размещались две ямы, по форме напоминавшие могилы, а под курганом 23 находилась могила подквадратной формы, в которой мог быть захоронен не один ребенок, а два или даже три индивида.

⁷³ Согласно публикации, в те годы были вскрыты 15 курганов, однако как минимум два из них были повторно изучены в раскопах 2004–2006 гг. (курганы 8 и 11). Возможно, число повторно вскрытых курганов было даже больше, ведь достоверно установить, был ли тот или иной курган раскопан кладоискателями или вскрыт по несовершенной методике в 1920-х гг., удается далеко не всегда.

⁷⁴ Речь идет о курганах IV, V, XI раскопок Городцовых и курганах 16 (два погребения), 23, 26, 28 (одно погребение) наших раскопок, в которых обнаружены могильные ямы без явных следов органического тлена, а также о полностью разрушенных перекопами курганах 13 и 17.

курганы диаметром 6–8 м и высотой 1,2 м. Большинство насыпей были круглыми в плане (это не касается большинства курганов, исследованных в 2004–2006 гг., насыпи которых нарушены кладоискательскими ямами и различными подрезками). В момент их создания все курганные насыпи были, вероятно, выше, поскольку они возводились из песчаного грунта, сразу же начинавшего оползать в ровики, заплывавшие, вероятно, уже в первые годы после возведения кургана. На это указывает ровик кургана 8, успевший быстро заполниться и прорезанный ровиком чуть более позднего кургана 9. Таким образом, даже самые высокие из курганов являются лишь подобием тех насыпей, которые создавались в ходе процесса погребения. Оседание уплотнявшихся насыпей и их оплывание в ровики происходило, по-видимому, сразу после насыпки курганов, затем они задерновывались, после чего процесс разрушения насыпей резко замедлялся, форма курганов стабилизировалась, и в таком виде они продолжали существовать практически до наших дней.

Среди 47 погребений только одно было впускным (т.е. прорезавшим уже созданную насыпь кургана – погребение 2 кургана 16), одно – дополнительным (повлекшим расширение насыпи кургана – погребение 2 кургана 5), а все остальные размещались под центром насыпи. Если под курганом находилось несколько захоронений, то все они располагались параллельно, на расстоянии не более 0,2–0,3 м друг от друга (курганы 11, 16, 28).

46 из 47 погребений совершены в подкурганных могилах прямоугольной формы со слегка закругленными углами, длиной от 1,5 до 3,4 м, шириной 0,6–1,8 м и глубиной 0,2–1,6 м. Размеры могил с детскими погребениями были меньше взрослых захоронений – как правило, в плане они не превышали 2,0×0,8 м, а по глубине – 0,2–0,3 м (хотя встречаются и глубокие могилы, такие как погребение 1 в кургане 16). Несомненные детские погребения (курган 5, погребение 2; курган 16, погребение 1; курган 2 (1948 г.)) размещались в могильных ямах длиной 1,6–2,0 м и шириной 0,6–0,8 м. В то же время ряд погребений взрослых индивидов также имел могильные ямы близких размеров: 1,8×0,7 м (курган 10), 2,0×0,6 м (курган 12), 2,0×0,7 м (курган 27). Поэтому среди безынвентарных погребений к числу детских отнесены лишь те, которые имели длину не более 1,8 м (курганы 23, 26, 28, погребения 1 и 3).

Единственным исключением из ряда ямных погребений было мужское безынвентарное погребение в кургане 1 (1948 г.), совершенное на уровне древнего горизонта в деревянном дощатом гробу. Столь ранние (по обряду) погребения редко помещались в гробах, однако они все же встречаются в Подмоскowie. Например, одно такое погребение находилось в составе Пузиковских курганов на р. Рогожке в южном Подмоскowie (*Шполянская*, 2005. С. 239. Курган 6).

Форма могильных ям была единообразна: прямоугольные в плане, с закругленными углами, вертикальными стенками и уплощенным дном. Как правило, переход от стенок к дну был хорошо выраженным, в центре могила обычно была чуть глубже, чем по краям. В некоторых случаях могила могла иметь трапециевидную в плане форму (курган 28, погребение 2), но такие отклонения можно считать случайными. Единственное заметное отличие прослежено в кургане 19, где на дне могилы, под головой и ногами погребенного, обнаружены две неглубокие (5 см) канавки размерами 105×7 см, располагавшиеся поперек длинной оси могилы, от одной до другой ее стенки (рис. 60, 97). Такие канавки стали отмечаться в захоронениях домонгольской эпохи лишь при раскопках последних лет (ранее на них, вероятно, просто не обращали внимания). В частности, они обнаружены в могильной яме (возможно, располагавшейся под разрушенным курганом), исследованной в Пскове на XXXI Богоявленском раскопе в 2005 г. На дне могилы в плотном материковом суглинке были вырыты две канавки шириной 3–4 см, длиной 60 см, перпендикулярные скелету и проходившие под плечевыми и берцовыми костями (расстояние между канавками – 85 см) (*Салмина*, 2007. С. 55–57. Рис. 8). Десять могил домонгольской эпохи, аналогичных мякининской, т.е. с двумя канавками, размещенными под головой и ногами погребенного у торцевых стенок могилы, обнаружены на прицерковном кладбище Ростиславля Рязанского (*Руссаков и др.*, 2014. С. 186, 187. Рис. 7, 8, 11–14). Наконец, точно такие же канавки встречены в могилах 15 погребений вятичского курганного могильника Новоселки 2, раскопанного Подмоскowieй экспедицией ИА РАН (начальник экспедиции А. В. Энговатова) в Верхнем Поклязьменье в 2008 г. (*Коваль*, 2009)⁷⁵. Возможно, такие канавки находились под гораздо большим числом погребений в разных районах Руси, но трудно-

⁷⁵ Погребения в курганах 4, 6, 8–17, 19 (две могилы), 20.

сти их фиксации (заполнение слабоокрашенным грунтом могильной засыпки, внешнее сходство с кротовинами и др.) не всегда позволяли ранее выявлять эти малозаметные детали обрядности.

По мнению руководителя раскопок в Пскове, эти канавки являются следами подкладок под гроб (Салмина, 2007. С. 55–57. Рис. 8). Этой гипотезе соответствуют реконструкции гробовищ домонгольской эпохи, предложенные М. А. Сагайдаком по результатам раскопок кладбищ на киевском Подоле и Э. М. Загорульским по материалам раскопок в детинце Минска, согласно которым дощатые гробы скреплялись снизу (под дном) двумя поперечными деревянными планками («замками») (Сагайдак, 1991. С. 97–99; Івакін, 2008. Рис. 10, В; Загорульський, 1982. С. 256. Рис. 163). Такие же конструктивные элементы (в виде двух поперечных брусков под торцевыми частями гроба) обнаружены в грунтовом Жовнинском могильнике на устье р. Сулы (Дяденко, Моця, 1986. Рис. 6; Моця, 1993. С. 37. Рис. 18). Возможно, именно эти бруски под гробом оставляли отпечатки в мягком материковом песке. По крайней мере, для Мякинаина такой вариант объяснения вполне приемлем. Правда, на других памятниках подобные канавки прослежены в плотном материковом суглинке, так что предположить продавливание ими дна могилы под тяжестью гроба невозможно. Материалы недавних раскопок на Украине позволяют несколько прояснить и эту конструктивную деталь могил. В грунтовом некрополе конца XI–XIII в. на юго-восточной окраине Переяславля Русского, исследовавшемся в 2004–2007 гг., среди 76 погребений в 30% случаев на дне могильных ям зафиксированы по две поперечные канавки (аналогичные описанным выше), выкапывавшиеся на всю ширину могилы и имевшие ширину 20–40 см, глубину 10–15 см. В разрезах этих ямок отчетливо видны вертикальные плахи, опущенные в канавки (Товкайло и др., 2012. С. 216. Рис. 3, 4; 4, 1–4). По свидетельству авторов публикации, в современной погребальной практике Переяславля сохранилась традиция вырезания таких канавок на дне могил для беспрепятственного вытягивания веревок, на которых опускают гроб (Там же. С. 216). Возможно, в древности такие канавки могли быть полифункциональными, поскольку при наличии подкладок под дном гроба веревки могли и так легко выниматься, но, видимо, существовала традиция обязательного опускания этих подставок в специально вырезанные углубления. Смысл этой детали обряда остается неясным. К сожалению, авторы публикации переяславльского материала не проследили, имеется ли связь между особенностью

устройства гроба (и, соответственно, дна могилы) и другими признаками погребений (их хронологией, половой принадлежностью, возрастом, антропологическими особенностями погребенных).

Антропологический материал

При раскопках В. А. и М. В. Городцовых, как и при работах М. Г. Рабиновича, исследовались погребения достаточно хорошей сохранности, с отчетливо прочитываемыми костяками, включая черепа погребенных. Однако даже тогда под непо потревоженными насыпями встречены захоронения, не содержавшие никаких следов человеческих останков (курганы IV и V раскопок В. А. Городцова) или только органический тлен (курган XI раскопок М. В. Городцова).

Раскопки начала XXI в. дали материал значительно худшего состояния: в большинстве исследованных погребений кости практически отсутствовали, а на их месте фиксировался только слабо различимый органический тлен. Столь резкое ухудшение состояния сохранности антропологического материала не может быть объяснено только прошедшими 60–80 годами: за такой короткий срок костный материал может подвергнуться активному разрушению только в особо негативных условиях. И такие условия существовали. Если в 1920-х и 1940-х гг. раскапывались неповрежденные курганы, то в 2004–2006 гг. пришлось исследовать курганы, нарушенные глубокими грабительскими ямами. Плохая сохранность костей в погребениях из этих курганов могла быть следствием действия атмосферных осадков с повышенной кислотностью и аэрации грунта после возникновения грабительских ям, превращавшихся в воронки над погребением. Поэтому хорошую сохранность имели в исследованной нами серии только два костяка. Один из них обнаружен под курганом 5, где насыпь была почти полностью сnivelирована, но грабительская яма над погребением отсутствовала. Второй располагался под курганом 11, который был исследован еще М. В. Городцовым, но сразу после раскопок могильная яма со скелетом была засыпана. В пользу высказанного предположения свидетельствует и другой пример – необычно хорошо сохранившийся берестяной гроб в кургане 6. Грабительская яма здесь была вырыта не прямо над погребением, а чуть в стороне от него и к тому же не более чем за 10 лет до начала раскопок. В результате более всего пострадала только та часть захоронения (включая гроб), которая находилась непосредственно под этим перекопом.

Столь низкая степень сохранности костных останков привела к тому, что антропологическую экспертизу удалось провести лишь для 15 погребений из 30 (см. Приложение 5). При этом половая принадлежность погребенного по антропологическим признакам в 14 случаях из 15 совпала с полевыми определениями по археологическим признакам (наличие–отсутствие женских украшений). Лишь в одном случае фиксировалось расхождение: останки взрослого индивида без всякого сопровождающего инвентаря диагностированы антропологом как принадлежащие женщине, тогда как археологический признак (отсутствие инвентаря) указывал на то, что это захоронение мужчины (курган 19). Полагаем, что в данном случае археологическое определение следует считать предпочтительным⁷⁶.

Из 15 антропологически экспертированных погребений восемь принадлежало взрослым женщинам, пять – мужчинам, два – детям (из них одно – девочке, а второе – мальчику⁷⁷). Однако эти данные можно дополнить археологическими половозрастными определениями тех погребений, где костный материал не сохранился вовсе (превратился в тлен) или был в столь плохом состоянии, что антропологическая экспертиза его была невозможна. Речь идет еще о 15 захоронениях, среди которых четыре включали полный набор женских украшений, одно (с одним решетчатым перстнем) могло принадлежать мужчине, а еще девять были безынвентарными, из которых размеры погребений указывают на принадлежность четырех из них детям, а пяти – взрослым мужчинам. Таким образом, в 30 погребениях могильника фиксируется 10 мужских погребений, 13 женских и 6 детских. Но и эти данные можно несколько расширить за счет определений пола погребенных в курганах, раскопанных В. А., М. В. Городцовыми и М. Г. Рабиновичем, которые делались по археологическому инвентарю.

Итак, из 47 погребений, исследованных в 1924, 1927, 1948 и 2004–2006 гг., 12 принадлежало взрослым мужчинам и 20 взрослым женщинам⁷⁸.

Кроме того, два погребения принадлежали девочкам 6–8 и 12 лет с однозначно определявшим половую принадлежность индивидов инвентарем⁷⁹, одно – предположительно подростку мужского пола (курган 5, погр. 2), а восемь безынвентарных погребений с могильными ямами стандартного размера могли принадлежать взрослым мужчинам, костяки которых не сохранились по естественным причинам (курганы 16 (погр. 3 и 4), 20, 28 (погр. 2 и 4), IV, V, VIII). В оставшихся четырех могилах, судя по их небольшим размерам, могли быть захоронены дети, пол которых установить невозможно, тем более что и сами костяки почти не сохранились (рис. 192). Таким образом, общее соотношение мужчин и женщин в могильнике было примерно равным: на 20 женских взрослых погребений приходится 20 мужских. Семь погребений принадлежали детям (девочкам и мальчикам, среди которых по украшениям надежно диагностируются только две девочки). Детские погребения составляют около 1/6 всех подкурганых захоронений, и эта доля точно соответствует пропорции, зафиксированной при раскопках Каблуковской курганной группы к северо-востоку от Москвы (*Недошивина*, 2007. С. 126). Таким образом, Мьякининские курганы ничем не отличаются в этом смысле от соседних курганых групп Подмосквья. В то же время нельзя не заметить, что доля детских погребений здесь нереально низка. В эталонном Нефедьевском могильнике, где были исследованы 109 погребений, детские составляли 1/3, причем часть таких погребений не сохранилась до наших дней (из-за слишком небольшой глубины заложения детских могил, разрушенных распашкой), а изначально их доля могла доходить до половины всех захоронений в этом некрополе (*Макаров*, 1997. С. 131).

Куда же пропали детские погребения в Мьякининине? Если обратиться к антропологическому материалу, можно заметить, что в подкурганых могилах захоранивались дети в возрасте не менее

⁷⁶ Этот случай несколько не подрывает доверия к выводам антрополога Н. Н. Гончаровой, поскольку определения проводились по фрагментированному материалу крайне низкой степени сохранности в условиях полного отсутствия у эксперта информации о предварительных археологических определениях пола погребенных. В то же время он указывает на необходимость комплексного подхода к определению пола и возраста погребенного.

⁷⁷ В данном случае погребение девочки диагностировано как по антропологическим, так и по археологическим данным (наличие височного кольца), а погребение мальчика – только по археологическому признаку (отсутствие сопровождающего инвентаря).

⁷⁸ К числу взрослых женщин причислены индивиды в возрасте от 15–16 лет или при длине костяка не менее 1,2 м, с соответствующим инвентарем. В эту серию включено также погребение в кургане XV, которое содержало только три перстня на руках погребенной, без следов других украшений (височных, нагрудных). Конечно, эта интерпретация не может считаться однозначной, но столь большое число перстней еще более сомнительно в мужском погребении.

⁷⁹ Это погребения курганов 16 (погр. 1) и 2 (1948 г.).

6–8 лет. Разумеется, к числу погребений детей младшего возраста могли принадлежать те захоронения, в которых костяки не сохранились вообще, однако более вероятным представляется иное объяснение этого факта. Возможно, на данном могильнике новорожденных и детей в возрасте до 5–6 лет захоранивали по другому обряду, отличному от того, по которому погребали взрослых и подростков. Эти погребения могли совершаться на вершинах или склонах курганов, в небольших ямках, без какого-либо инвентаря. Такие погребения не могли сохраниться до наших дней, поскольку находились слишком близко к поверхности и разрушались под действием естественных причин, а также первыми становились жертвами кладоискательских разрытий.

Хронология курганных погребений

Основания для датировки каждого из курганов раскопок 2004–2006 гг. приведены в главе 2 при описании соответствующих комплексов. Однако этих данных оказалось недостаточно для хронологизации всех курганных насыпей, поскольку половина курганов включала погребения без инвентаря (мужские) либо датировки соседних курганов оказывались очень близкими. В этих случаях для датировки захоронений использовались косвенные данные, прежде всего – данные планиграфии, указывающие на вероятную последовательность возведения насыпей, и сведения о степени сохранности почвенного горизонта под ними. Почва лучше сохранилась под наиболее ранними насыпями, а последующие размещались на участках, где уже проводилась подрезка дернины для возведения ранних курганов, поэтому почвенный горизонт сохранился под ними гораздо хуже – в виде слабо выраженных тонких прослоек. Правда, вдали от самых ранних курганов, на периферии могильника, почвенный горизонт долго сохранялся неповрежденным, и поэтому некоторые поздние курганы размещались на неповрежденных почвах.

Выделив наиболее ранние курганы середины XII в., мы получили возможность проследить цепочки насыпей, последовательно примыкавших друг к другу, и тем самым установить их относительную хронологию (Захарова, 2008). Подобная методика имеет уже некоторый опыт применения на материалах исследований древнерусских курганов (Смирнова, 1999).

В северо-западной подгруппе курганов могильника (насыпи 1, 6–10) первым, несомненно, появился курган 1, сооруженный на неповрежденном почвенном горизонте (см. главу 2 и При-

ложение 2). Вероятно, почти одновременно с ним или немного позже появился курган 8, также возведенный на неплохо сохранившейся почве. Следующими были курганы 6 и 9, насыпанные на маломощную (скальпированную) почву (результат подрезки для создания насыпей курганов 1 и 8). Первый из них вплотную примыкал к кургану 1, а второй перерезал своим ровиком успевший заплыть ровик кургана 8. При этом в ровиках обоих курганов (6 и 9) встречены обломки от одного и того же горшка. К ЮВ от кургана 1 находился курган 10, насыпанный на еще более сильно поврежденной поверхности, где отсутствовал почвенный горизонт. Очевидно, незадолго до его создания здесь бралась почва для сооружения других курганов (ими могли быть курганы 1 и 9). Таким образом, среди рассмотренных курганов насыпь 10 была самой поздней. По вещевому материалу погребение в этом кургане датируется не ранее последней четверти XII в.

В северной части юго-западной подгруппы (курганы 2, 5, 12, 25, 28) первым сооружен курган 2, насыпанный на неповрежденный почвенный горизонт. Вслед за ним появился курган 12, возведенный уже на несколько поврежденном почвенном горизонте (что связано, вероятно, с созданием насыпи кургана 2). Одновременно с курганом 12 или немного позже был насыпан курган 25. Курган 5, скорее всего, насыпан еще позже, он разместился между курганами 12 и 25. Последним в этой подгруппе возник курган 28, втиснутый в узкое пространство между курганами 2, 12 и 3, почвенный горизонт под которым практически отсутствовал.

К южной части юго-западной подгруппы относятся курганы 3, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27. Вероятно, первыми из них сооружены курганы 3 и 19, почва под которыми сохранилась достаточно хорошо. К тому же они размещались неподалеку от ранних курганов северной части подгруппы. Позже возникли курганы 16 и 18, причем курган 16 оказался насыпан на совершенно ненарушенной почве, видимо, потому, что разместился вдалеке от более ранних курганов, на самой западной периферии подгруппы. Все остальные курганы этой части подгруппы возведены на сильно поврежденной почве, на которой, однако, в разной степени успел образоваться дерновый покров. Расширение этой части подгруппы шло к Ю и ЮВ.

Наиболее ранние курганы (1, 2, 8, 12) располагались достаточно свободно, не теснясь. Впоследствии плотность курганов возрастала. Вероятно, каждая из подгрупп развивалась самостоятельно, поэтому расширение курганного поля

шло в разных направлениях, но преимущественно на Ю и В. Интересно соседство синхронных или близких по времени курганов, содержащих женские и мужские захоронения, которые могли принадлежать семейным парам (рис. 192). Так, в северо-западной подгруппе рядом с ранним курганом 8 (с женским погребением) чуть позже возник курган 9 с захоронением мужчины. В юго-западной подгруппе такую же пару могли составлять несколько более поздние курганы 3 и 19 с женским и мужским погребениями. Наконец, имеются курганы с двойными (женским и мужским) захоронениями под одной насыпью (№ 11). Подобная половая парность прослеживается на исследованных участках могильника далеко не всегда, однако надо иметь в виду, что не все курганы здесь сохранились и попали в пределы раскопов. Так, к 3 от раннего кургана 1 с женским погребением вполне мог размещаться парный ему курган с захоронением мужчины, который был уничтожен строительными работами: здесь находилась обширная выемка, появившаяся, несомненно, в результате работы землеройной техники.

Наибольшую проблему при хронологизации курганов могильника составляет отсутствие в погребениях вещей, которые можно было бы надежно датировать XIII в. Таким образом, выделение самой поздней группы курганных погребений (предположительно датированных первой половиной XIII в.) возможно преимущественно по косвенным признакам, и оно не может претендовать на полную достоверность, это только наиболее вероятная гипотеза.

Итак, можно предположить существование в могильнике трех разновременных групп захоронений:

1) Курганы первой половины – середины XII в.: 1, 2, 8/XII, 12, I, 1 (1948 г.)⁸⁰.

Основные признаки курганов этой группы:

– погребенная почва под насыпями без следов повреждений (подрезок);

– в погребальном женском инвентаре присутствуют украшения, датирующиеся XI – первой половиной XII в.: целые или сломанные завязанные браслетообразные серебряные височные кольца, стеклянный бисер из тянутой трубочки;

– присутствие в мужском погребении пояса (курган I, 1924 г.), а в женском погребении – железного ножа (курган 8/XII), признаков, характерных для подкурганных погребений на горизонте (Недошвина, 1971. С. 187);

– наличие погребения на горизонте: курган 1 (1948 г.).

2) Курганы второй половины XII в.: 3–6, 9, 10, 16–19, 25, 27, III, V, VI, IX, X, XI, XIII.

Основные признаки курганов второй группы:

– погребенная почва под насыпями различной степени сохранности, с преобладанием поврежденных поверхностей;

– планиграфическая связь с более ранними курганами группы 1;

– в погребальном женском инвентаре присутствуют украшения конца XI – третьей четверти XII в.: сломанные завязанные браслетообразные височные кольца, браслетообразные загнутоконечные серебряные височные кольца, ячеиковые перстни;

– присутствие в инвентаре стеклянных бусин XII–XIII вв. и появление бусин из горного хрусталя.

Внутри этой группы можно выделить более раннюю серию насыпей (курганы 3, 4, 6, 9, 19, 25, VI, X), предположительно относимую к третьей четверти XII в. Эти курганы насыпались на почти не поврежденную почву, но при этом обладали всеми остальными перечисленными признаками.

3) Курганы первой половины XIII в.: 11/XIV, 14, 15, 20, 23, 26, 28, II, IV, VII, VIII, XV, 2–4 (1948 г.).

Основные признаки:

– погребенная почва под насыпями повреждена подрезками, часто вообще не сохраняется или почти не выражена;

– планиграфически курганы занимают окраинное положение в составе территориальных подгрупп или втиснуты в узкое пространство между более ранними курганами (курган 28);

– распространены курганы небольших размеров (диаметром менее 8 м и высотой менее 1 м);

– в погребальном женском инвентаре полностью отсутствуют украшения XI – первой половины XII в., но могут встречаться вещи второй половины XII в. (например, ячеиковые перстни, шейные гривны), а также характерные преимущественно для первой половины XIII в. (стеклянный браслет);

– малоинвентарность части женских погребений (встречаются погребения с неполным набором украшений).

Количественное сравнение числа погребений в курганах середины – второй половины XII в. и первой половины XIII в. не дает корректных результатов,

⁸⁰ Единственный в могильнике курган с захоронением на горизонте.

Таблица 12. Важнейшие характеристики погребений⁸¹

Хронологические группы курганов, номера погребений	Ориентировка могилы	Половая принадлежность	Глубина могилы от горизонта (м)
1. Первая половина – середина XII в.:			
1	ЮЗ–СВ	Ж	1,2
2	ЮЗ–СВ	Ж	1,0
8 (XII)	З–В	Ж	1,0
12	З–В	Ж	1,6
I	ЮЗ–СВ	М	1,0
1 (1948 г.)	З–В	М	0 (на горизонте)
2. Вторая половина XII в.:			
3	З–В	Ж	1,0
4	ЗЮЗ–ВСВ	Ж	0,9
5/1	ЗЮЗ–ВСВ	Ж	0,8
6	ЮЗ–СВ	Ж	1,15
9	З–В	М	1,0
10	З–В	Ж	0,8
11(XIV)/1	ЗЮЗ–ВСВ	М	1,0
11(XIV)/2	ЗЮЗ–ВСВ	Ж	0,8
16/1	ЗЮЗ–ВСВ	Ж/Д	0,8
16/3	ЗЮЗ–ВСВ	Д?	1,0
16/4	ЗЮЗ–ВСВ	М?	0,7
17	З–В	?	0,9
18	З–В	М	1,1
19	ЮЗ–СВ	М	1,0
25	ЮЗ–СВ	Ж	1,0
27	ЮЗ–СВ	Ж	0,8
III	З–В	Ж	0,9
V	З–В	М?	0,9
VI	З–В	Ж	1,0
IX	З–В	М	0,9
X	ЮЗ–СВ	Ж	1,1
XI	З–В	М?	0,8
XIII	З–В	Ж	0,8
3. Первая половина XIII в.:			
5/2	ЗСЗ–ВЮВ	М/Д	0,2
15	ЗСЗ–ВЮВ	М	0,8
16/2	ЗСЗ–ВЮВ	М	0,7
20	З–В	М?	0,7
23	З–В	Д	0,3
26	ЗСЗ–ВЮВ	Д	0,2
28/1	ЮЗ–СВ	Д	0,2
28/2	ЮЗ–СВ	М?	0,3
28/3	ЮЗ–СВ	Д	0,3
28/4	ЮЗ–СВ	М?	0,3
II	З–В	М	0,6
IV	?	М?	0,7
VII	ЗСЗ–ВЮВ	Ж	0,8
VIII	З–В	М?	0,6
XV	З–В	Ж	0,6
2 (1948 г.)	З–В	Ж/Д	0,4
3 (1948 г.)	З–В	Ж	0,4
4 (1948 г.)	З–В	М	0,25?

Примечание: М – погребение взрослого мужчины.
 Ж – погребение взрослой женщины.
 М/Д – погребение ребенка предположительно мужского пола.
 Ж/Д – погребение ребенка женского пола.
 Д – погребение ребенка без возрастных и половых признаков.
 М? – безынвентарное погребение (возможно, мужское).

⁸¹ В таблицу не включены данные по трем курганам: 13 (погребения в нем уничтожены перекопом), 7 (погребение полностью разрушено, основания для датировки отсутствуют, неясен обряд погребения – на горизонте или в неглубокой яме), 14 (погребение отсутствовало).

поскольку среди поздней группы погребений значительную долю составляют безынварные захоронения, датированные по косвенным признакам. Если хронологизация погребений проведена правильно, то ранние погребения (середины – второй половины XII в.) преобладают над поздними (первой половины XIII в.), что можно объяснять дальнейшей христианизацией населения и его переходом к совершению погребений на кладбищах вокруг церквей.

Сравнение линейных размеров могильных ям под курганами разных хронологических групп позволяет прийти к несколько неожиданному выводу об уменьшении со временем глубины могильных ям. Если в самой ранней группе захоронений могилы имели глубину около 1 м (0,9–1,1 м) от уровня древнего горизонта, достигая максимальной глубины 1,6 м, то к финалу существования могильника их стали выкапывать на меньшую глубину – 0,6–0,8 м, а ряд погребений впускались на совсем незначительную глубину 0,2–0,3 м. Эта тенденция контрастирует с гипотезой о постепенном углублении могильных ям на протяжении домонгольской эпохи и поэтапном переходе от захоронений на уровне древнего горизонта к неглубоким могилам с последующим увеличением их глубины (*Недошивина*, 1971. С. 188). Возможно, исследованный могильник демонстрирует лишь исключение из этого правила, но исключение, имеющее аналоги. Например, в вятичской курганной группе Новоселки 2 все погребения в могильных ямах глубже 1 м также относились к числу ранних (второй половины XII в.) (*Коваль*, 2009). В отношении Мякининских курганов данное наблюдение отнюдь не опровергает выводов, к которым пришли наши предшественники, поскольку население, оставившее это кладбище, пришло сюда с уже сложившимися погребальными традициями. Переход к захоронению в подкурганых ямах произошел у него раньше и на иных территориях. Мякининский могильник демонстрирует финальный этап существования курганного погребального обряда, когда могли включиться в действие иные факторы, воздействующие на представления о необходимой глубине и размерах могильных ям. В частности, нельзя исключать того, что сокращение глубины могильных ям связывалось с уменьшением высоты насыпей, что соответствовало христианским представлениям о необходимости стремиться к скромным размерам надгробных сооружений.

Определенные сомнения может вызывать сопоставление самых неглубоких могильных ям с поздней группой погребений, поскольку большинство из них принадлежало детским захоронениям. Сравнение с другими погребальными памятниками Под-

московья (например, с уже упоминавшейся курганной группой Новоселки 2) показывает, что для детских погребений могильные ямы, как правило, делались гораздо мельче, чем для взрослых. В то же время в Мякинине встречены ямы глубиной 0,3 м, которые по своим размерам соответствуют захоронениям взрослых (курган 28, погребения 2 и 4). Поэтому даже с учетом превалирования детских погребений выявленная тенденция представляется все же вполне отражающей объективную реальность.

Погребальная обрядность

Все погребенные Мякининского могильника лежали вытянуто на спине, причем в тех случаях, когда они не были потревожены, черепа покоились на затылочных костях (лицом вверх). При этом ориентировка захоронений различалась. Эти различия фиксировались по ориентировке могильных ям, а не по положению костяка в могиле, которое могло отклоняться по случайным причинам (например, в кургане 18 гроб был так неудачно опущен в могилу, что повредил стенку могильной ямы и занял диагональное положение относительно оси могилы). Из 46 погребений с твердо установленной ориентировкой могильных ям 22 ориентированы по линии 3–В, 6 – по линии 3Ю3–ВСВ, 12 – по линии Ю3–СВ и 5 – по линии 3С3–ВЮВ. При этом надо иметь в виду, что ориентировка погребений в курганах, раскопанных Городцовыми, указана приблизительно. Вероятно, небольшие отклонения к Ю при западной ориентировке просто не фиксировались (на это указывает полное отсутствие в публикации погребений, ориентированных на 3Ю3).

Во всех случаях, когда в могилах сохранялись кости скелетов, тлен в виде антропоморфных пятен или вещевой инвентарь, погребенные положены головой в сторону захода солнца. При этом различия в ориентировке женских и мужских погребений практически отсутствовали, а те небольшие отличия, которые все же фиксировались, нельзя рассматривать как достоверные из-за нерепрезентативности всей выборки (46 единиц). Не заметно и больших хронологических различий в ориентировке погребенных. Пожалуй, единственным таким отличием можно считать появление в поздней группе (первой половины XIII в.) захоронений, ориентированных головой на 3С3 (пять случаев). Это наблюдение особенно интересно в сравнении с кривичскими погребениями в Каблуковских курганах, где преобладала ориентировка на 3 и С3, а на Ю3 ориентировано только одно погребение из 33 (*Недошивина*, 2007. С. 126). Видимо, общая идея ориентации погребений на 3 все же несколько

по-разному осмысливалась в разных общинах. Кроме того, нельзя забывать о сезонных отклонениях в ориентировке, связанных с разными точками захода солнца на линии горизонта.

Несколько иначе обстоит дело с положением рук погребенных, которое удалось установить только в 16 случаях. Можно говорить о трех вариантах их размещения:

1) обе руки вытянуты вдоль тела – шесть случаев: погребения в курганах 6, 11 (погр. 2), 16 (погр. 1)⁸², 19, 27, 4 (1948 г.). Редким подвариантом можно считать погребение в кургане 1 (1948 г.), где кисти рук размещались под тазовыми костями;

2) левая рука вытянута вдоль тела, а правая слегка согнута в локте и положена кистью на живот (археологически фиксируется на тазовых костях) – семь случаев: погребения в курганах 10, 11 (погр. 1), 25, IX, X, XII, 3 (1948 г.). Единичным подвариантом можно считать погребение в кургане 2 (1948 г.), где правая рука согнута в локте под прямым углом и положена кистью на грудь;

3) правая рука слегка согнута в локте и положена кистью на живот, а левая резко согнута в локте, так что предплечье прижато к плечу (плечевая и локтевая кости в этом случае лежат параллельно), а кисть руки покоилась на ключице (такое размещение руки часто требовало пеленания трупа) – погребение 1 в кургане 5.

Наблюдения за хронологией погребений с первым и вторым вариантами размещения рук вряд ли можно считать достоверными при столь небольшой выборке, однако следует отметить, что вариант 1 встречается в основном в погребениях XII в. По материалам Каблуковского курганного могильника, все ранние погребения, помещенные на горизонте, имели именно такое положение рук, а среди ямных захоронений наряду с ним уже встречались и погребения с руками на тазовых костях (*Недошивина*, 2007. С. 126).

Погребения мужчин в подавляющем большинстве случаев были безынвентарными. Исключениями являются только два захоронения: в кургане I раскопок В. А. Городцова (с поясом, украшенным накладками) и в кургане 16 (погребение 2) – с решетчатым перстнем. Женские погребения, напротив, практически всегда содержали разнообразный инвентарь, причем почти безотносительно к возрасту погребенной (в интервале от 12 до 50 лет).

В более ранних погребениях вещей заметно больше (в этом смысле особо выделяется самое раннее погребение в кургане 1), тогда как поздние малоинвентарны. Но даже на этом фоне захоронение в кургане XV (где украшения ограничены только тремя перстнями) выглядит исключением. Во всех остальных 19 женских погребениях (и двух погребениях девочек 6–12 лет) обязательно присутствовали украшения головы (височные кольца) и рук (перстни). При этом наличие шейных украшений (ожерелий, шейных гривен) и браслетов не было неизменным атрибутом этих погребений. Шейные украшения отсутствовали в пяти захоронениях (курганы 3⁸³, 4, 16 (погр. 1)⁸⁴, 2 (1948 г.), 3 (1948 г.)), а браслеты – в шести (курганы 2, 6, 16 (погр. 1), III, X и курган 11/XIV (погр. 2)). Интересно, что списки этих погребений не совпадают, т. е. при отсутствии ожерелий в них имелись браслеты, а при отсутствии браслетов, напротив, наличествовали ожерелья. Может быть, это случайное совпадение, однако на этот факт следует обратить внимание. Зато в трех женских погребениях кроме обязательных украшений головы и рук были еще встречены поясные кольца (курганы 10, X, XII). Все указанные отклонения от «нормы» встречаются среди захоронений разных хронологических групп, т. е. отсутствие тех или иных украшений не является датирующим признаком, а имеет какое-то иное, не до конца еще понятное значение. Совершенно очевидно, что «недостаток» украшений обнаруживается, прежде всего, у девочек-подростков, однако он иногда фиксируется и в погребениях взрослых женщин.

Если сравнивать материалы Мякининских курганов с теми, которые получены при исследовании могильников домонгольской эпохи, прежде всего – на севере и северо-западе Руси (поскольку именно эти погребальные памятники наилучшим образом изучены, а их материал систематизирован и опубликован), то окажется, что они в чем-то подтверждают эти выводы, но в чем-то и противоречат им. Подтверждаются, прежде всего, выводы о существовании возрастных рубежей, со сменой которых происходило заметное изменение статуса женщины и соответствующего набора украшений (*Макаров*, 1997. С. 139). С другой стороны, мякининские материалы противоречат тезису о том, что перстень являлся украшением,

⁸² В этом погребении положение рук установлено гипотетически – по размещению украшений рук, при несохранившихся костях скелета.

⁸³ Точнее, ожерелье было положено рядом с погребенной и могло быть даже посмертным даром.

⁸⁴ Принадлежало девочке 6–8 лет с одним височным кольцом (второе могло не сохраниться) и перстнем.

обусловленным семейным статусом (*Макаров*, 1997. С. 140), поскольку перстни присутствовали здесь на руках всех женщин, от девочек 6–8 лет (курган 16, погребение 1) и до пожилой женщины старше 55 лет (курган 6). Таким образом, связь этого украшения со сменой статуса женщины не прослеживается здесь вовсе. Незаметно и обеднения убора у пожилых женщин в сравнении с женщинами среднего возраста, отмечавшееся для могильников Ижорского плато (*Павлова*, 2008. С. 129). Сделанные здесь замечания вовсе не опровергают выводов наших коллег, поскольку в разных регионах Руси могли существовать разные традиции ношения украшений.

Среди тех 38 погребений могильника, в которых сохранились непотревоженные (или частично потревоженные) остатки захоронений, гробовища прослежены лишь в 22 (в том числе 7 – в курганах, раскопанных Городцовыми⁸⁵, 4 – в курганах, вскрытых М. Г. Рабиновичем, и 11 – в курганах, исследованных в 2004–2006 гг.). Их длина составляла 1,8–2,5 м, ширина – 0,5–0,85 м, высоту гроба удалось зафиксировать только три раза – 0,25, 0,35 и 0,45 м⁸⁶. В двух случаях установлено, что гробы были изготовлены из досок, скрепленных без помощи гвоздей (курганы I, 1 (1948 г.)⁸⁷, в двух – из бересты (курганы 6, 4 (1948 г.)). Материал остальных погребальных сооружений не установлен, поскольку они превратились в тлен, а высота этих деформированных конструкций (около 20–25 см) была, видимо, меньше, чем изначально существовавшие гробы⁸⁸. В ряде случаев гробовище фиксировалось только по пятну грунта более темного цвета на фоне заполнения могилы при горизонтальных зачистках (курганы 2, 3, 4, 18), тогда как в других захоронениях сохранился коричневый от стенок и днищ гробов (курганы 1, 8, 10, 12, 19, 25, 27, III, VI, VII, X, 2 (1948 г.), 3 (1948 г.)). Столь плохая сохранность органических материалов позволяет думать, что и в остальных погребениях (где следов гробов, а часто и костей, не осталось), изначально такие погребальные сооружения также существовали.

На первый взгляд этому предположению противоречат результаты анализов (по валовому фосфору и микробиоморфам), проведенному А. А. Гольевой для четырех пятен тлена, предположительно

относившихся к гробовищам, обнаруженным в курганах 1–4 (см. Приложение 2). Однако в трех случаях этот был диагностирован как остатки травы, а в одном – травы и шерсти/волоса. Однако присутствие этих подстилок не опровергает наличие гробовищ, фиксировавшихся по довольно четким прямоугольным темноцветным пятнам в заполнениях могил, которые не могли бы остаться от травяных выстилок. Возможны два объяснения этого феномена: 1) древесина гробовищ полностью разложилась, не оставив заметного количества древесного детрита, по которому обычно диагностируется присутствие древесины в грунтах; 2) во многих могилах гробы были сделаны не из дерева, а из иного материала, например из бересты.

В связи с этим особенный интерес представляют сохранившиеся подкурганые погребения в берестяных гробах. Среди погребений, раскопанных в 2004–2006 гг., берестяной гроб хорошей сохранности расчищен только в одном захоронении под курганом 6. Он имел вид короба длиной не менее 2,1 м (гроб сохранился не на полную длину), шириной 0,85 м и высотой 0,45 м (рис. 36, 116. См. описание в главе 2). Второй берестяной гроб обнаружен в кургане 4 (1948 г.). По наблюдениям М. Г. Рабиновича, стенки могильной ямы в этом кургане были выложены плахами, «обернутыми белой прекрасно сохранившейся берестой. Берестой же было покрыто погребение сверху» (*Рабинович*, 1948. Л. 8). Возможно, тут все же обнаружен именно гроб, обернутый берестой, а вовсе не обкладка стенок могилы.

Однако этими двумя сооружениями количество берестяных гробов в могильнике не ограничивалось. По отпечаткам бересты на металлических вещах погребального инвентаря и обрывкам бересты над погребением в кургане 2 (1948 г.) М. Г. Рабинович высказал предположение, что захоронение было «прикрыто сверху берестой» (*Рабинович*, 1948. Л. 7). Вероятно, и в этом случае можно говорить о плохо сохранившихся остатках берестяного гроба, аналогичного гробу из кургана 6. Точно такие же остатки бересты, прилипшие к металлическим вещам погребального убора, встречены в курганах 1, 5, 25 (2004–2006 гг.). Таким образом,

⁸⁵ Пять курганов из раскопок В. А. Городцова в 1924 г. (курганы I, III, VI, VII, X) упомянуты в статье М. В. Городцова (1928), еще два кургана с остатками гробовищ из раскопок М. В. Городцова в 1927 г. упомянуты в статье Б. А. Рыбакова (1928. С. 6).

⁸⁶ Курган 4 раскопок М. Г. Рабиновича, курган I раскопок В. А. Городцова и курган 6 наших исследований 2005 г.

⁸⁷ Согласно краткому описанию М. Г. Рабиновича, в кургане 1 (1948 г.) располагался прямоугольный (1,76×0,8 м) гроб из досок толщиной до 3 см. Судя по очень плохой сохранности костяка, остатки гроба фиксировались лишь по полосам древесного тлена.

⁸⁸ По материалам курганных раскопок известны также погребения в колодах из цельного куска дерева (*Арсланова*, 1989. С. 34; *Степанова*, 2010. С. 194).

можно предполагать присутствие в могильнике как минимум шести погребений в берестяных гробах или с использованием бересты.

Обычай помещать покойных в берестяные гробы был широко распространен у вятичей (*Арциховский*, 1930. С. 108; *Седов*, 1982. С. 148), что подтверждается последними раскопками вятической курганной группы второй половины XII – первой половины XIII в. Новоселки 2 на Верхней Клязьме, где среди 29 погребений 15 совершены в берестяных гробах (*Коваль*, 2009)⁸⁹. Если же учитывать плохую сохранность таких погребальных сооружений в этом могильнике, можно предполагать, что все или большинство погребений в нем совершены в таких же гробах из бересты. Известны погребения в бересте и на территории нынешней Москвы: два таких захоронения открыты в Московском Кремле (*Шелятина*, 1971. С. 146). Еще более широко береста использовалась в погребальном обряде сельского вятичского населения в окрестностях Москвы. Впервые такое погребение открыто еще в 1879 г. при раскопках кургана «Великая могила» около с. Митино, всего в нескольких километрах к северу от Мякинина (*Забелин*, 1905. С. 15). Еще одно погребение в срубе (?) «вместе с берестой» было обнаружено в 1894 г. в близлежащем (2 км к С от Мякинино) Спас-Тушинском курганном могильнике (*Бадер*, 1947. С. 97, 117). Погребение в гробу с берестяной обкладкой исследовано Г. П. Латышевой в курганном могильнике Матвеевский 3 в бассейне р. Сетунь, а еще одно, в деревянном гробу на подстилке из бересты, – в курганном могильнике Чертановский 4 (*Кренке*, 2004. С. 332, 353). По мнению Т. Д. Пановой, захоронения в бересте в ареале вятичей были особенно характерны для окрестностей Москвы и Переяславля-Рязанского, но в целом она склонна связывать эту деталь обряда с влиянием традиций финно-угорских народов Восточной Европы и отмечает ее распространенность в Новгороде (*Панова*, 2004. С. 69, 147, 148). Об использовании бересты в погребальной обрядности финно-угорских народов Восточной Европы и Сибири имеется немало этнографических и археологических свидетельств, начиная с раннего Средневековья (*Энговатова*, *Сапрыкина*, 2007; *Краснов*, 1980. С. 21–26).

В эпоху русского Средневековья использование берестяных гробов было характерно не только

для вятичей, но и для других восточнославянских племен. Так, они были широко распространены в погребальной практике верхневолжских кривичей. В Подмосковье присутствие бересты фиксировалось в некоторых погребениях кривичских Каргашинских курганов в верховьях Клязьмы. Берестяные гробы обнаружены в пяти погребениях домонгольского грунтового некрополя г. Дмитрова (*Энговатова*, *Гончарова*, 2002. С. 203, 204. Рис. 54–56, 72, 99–101, 130) и в курганных могильниках Ярославского (*Пакин*, 1997. С. 55) и Тверского Поволжья, причем чаще всего такие погребальные сооружения встречались в окрестностях Старицы (*Лесман*, 1977. С. 112; *Лагуткина*, 2003. С. 23). В 123 курганных группах Верхневолжья достоверно зафиксировано 17 погребений, совершенных в берестяных гробах; кроме того, известны случаи, когда деревянные гробовища покрывались листьями бересты (*Степанова*, 2010. С. 194). Хорошо известны берестяные покрытия и в подкурганных могилах из окрестностей Ростова (*Леонтьев*, 1991; *Самойлович*, 1993). В то же время в некоторых кривичских могильниках применение бересты (для покрытия гробовищ) встречается очень редко: например, в одном из наиболее полно раскопанных курганных могильников Тверского Поволжья, Избрижском, береста встречена только в 4 курганах из 58 (*Арсланова*, 1989. С. 34). Впрочем, такое отклонение может быть связано с неблагоприятными условиями для ее сохранности.

Но ареал берестяных гробов не ограничивался и бассейном Волги. Такие погребальные сооружения известны в южнорусских курганах – в 49 погребениях из более чем 1270, где были зафиксированы следы каких-либо гробовищ (*Моця*, 1990. С. 32). Дощатые гробы, обернутые берестой, были распространены в Беларуси, в зоне расселения дреговичей (*Тарасенко*, 1957. С. 229; *Загорюльский*, 1982. С. 255, 256). В домонгольскую эпоху традиция сооружения берестяных гробов простиралась до самой северо-западной окраины славянского ареала, такие погребальные сооружения известны в курганном могильнике Залахтовье на восточном берегу Чудского озера. «Завертывание в бересту» отмечено здесь в 4 погребениях⁹⁰ из 124 в курганах XI–XII вв. с ингумациями на горизонте (1) и в подкурганных ямах (3), причем два из них были мужскими (*Хвоцинская*,

⁸⁹ Эта важная деталь погребального обряда зафиксирована благодаря работе Е. П. Зоц (Захаровой), осуществлявшей руководство фиксации погребений. Раскопки могильника проведены Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой.

⁹⁰ В курганах 7, 101, 136, 185.

2004. С. 207–220). Однако важно подчеркнуть, что приведенные данные касаются могильника, уже сильно разрушенного кладоискательскими разрытиями. Между тем в раскопках К. Д. Трофимова, проводившихся в 1908–1909 гг. (когда курганы еще стояли нетронутыми), береста отмечена в 10 захоронениях из 75 раскопанных, причем в четырех случаях она покрывала костяки «сверху и с боков», а в остальных шести случаях отмечена только сверху (*Хвоцинская*, 2004. С. 253–259). Из этих 10 захоронений только одно принадлежало женщине, а в остальных обнаружены погребения мужчин. Видимо, даже в начале XX в. сохранность залахтовских погребений была уже невысока (т. е. примерно такой же или немногим лучше, чем в Мякинине), что не позволило раскопщику зафиксировать наличие здесь не просто «покрытий», а берестяных гробов. Вместе с тем в могильниках Водской земли на Новгородчине не прослежено использование ни берестяных гробов, ни какой-то иной коры деревьев при совершении погребений (*Рябинин*, 2001. С. 41).

Имеется и письменное свидетельство о применении берестяных гробов в зоне расселения кривичей, причем на территории города. Именно в таком гробу («обверченное берестой») обнаружено в первой половине XV в. тело св. Никиты Столпника, убитого в 1186 г. в Переславском Никитском монастыре (*Ильинский*, 2005. С. 19; *Свирелин*, 2005. С. 5)⁹¹. Для нашего случая особенно важно то, что во второй половине XII в. погребения в берестяных гробах допускались церковью северо-востока Руси не только для мирян (в том числе в городах), но и для монашествующей братии.

Этот случай можно дополнить целой серией монашеских захоронений XII в. в Великом Новгороде. В частности, два погребения, скорее всего – игуменских, из Юрьева монастыря были совершены в деревянных колодах с обкладкой из бересты. Еще одно захоронение 1198 г. в двойном каменном составном саркофаге содержало обернутые берестой останки (*Каргер*, 1946. С. 204, 208; *Панова*, 2004. С. 148). Ряд захоронений церкви Бориса и Глеба в Новгородском кремле совершены в дубовых колодах, обернутых берестой, а одно из погребений XII в. этого некрополя в каменном составном саркофаге включало дубовую колоду, крышку которой покрывала береста (*Строков*, 1945. С. 70, 72; *Панова*, 2004. С. 148).

Еще более знаковыми в этом смысле являются захоронения новгородских епископов Аркадия (ум. 1163 г.) и Мартирия (ум. 1199 г.). По гипотезе В. Л. Янина, два захоронения в деревянных колодах, обернутых берестой, обнаруженные на Мартирьевской паперти Софийского собора (погребения 24 и 25 по его нумерации), принадлежат именно этим иерархам, перезахороненным здесь в 1558 г. (*Янин*, 1988. С. 87, 88, 199). Если эта гипотеза верна, то следует признать, что использование берестяных покрытий для погребений в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XII в. рассматривалось церковью как вполне допустимое при совершении захоронений всех православных, вплоть до церковных иерархов.

При этом ошибочно было бы думать, что церковные погребения с использованием бересты были свойственны только Новгороду или только северорусским землям. Можно назвать захоронение в гробу с остатками бересты из притвора Борисоглебского собора в Старой Рязани (*Монгайт*, 1952. С. 114), которое также могло принадлежать церковнослужителю.

Берестяные гробы (или берестяные покрытия деревянных гробов и колод) продолжали использоваться на Руси и в последующую эпоху. Так, береста обнаружена в захоронении, совершенном в 1302 г. в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского, которое принадлежало князю Ивану Дмитриевичу (*Воронин*, 1949. С. 200; *Панова*, 2004. С. 148). Согласно житию благоверного святого князя Андрея (умер в том же Переславле в 1390 г.), при обретении его мощей в 1540 г. они были обнаружены «обвитыми» берестой (*Свирелин*, 2005. С. 15)⁹². Берестяные покрытия использовались для покрытия гробов в XIV–XV вв. в Ростове Великом (*Леонтьев*, 2006. С. 227), на Ярославовом дворище в Великом Новгороде (*Турина*, *Крижевская*, 1939. С. 15; *Панова*, 2004. С. 69) и на нескольких других кладбищах (*Панова*, 2004. С. 148). Не исключено, что под «лубком», которым велел обернуть свое тело после смерти св. Пафнутий Боровский в 1477 г. (*Ключевский*, 1871. С. 451; *Кадлубовский*, 1899. С. 130), понималась также береста.

Имеются сведения и о более позднем использовании бересты для обертывания дощатых гробов и долбленых колод в захоронениях XVI–XVII вв. из Великого Новгорода (*Арциховский*, 1949. С. 161), Смоленска (*Пронин и др.*, 2011. С. 76–95).

⁹¹ Этот рассказ приведен в рукописном житии святого Никиты, помещенном в Степенной книге (1564–1566 гг.).

⁹² В публикации приведены сведения из рукописного Жития князя Андрея, хранящегося в переславльском Даниловом монастыре.

Илл. 58, 70), Кашина и Киева (Панова, 2004. С. 69, 148), Архангельска и Мангазеи (Урванцев, 1969), прицерковного кладбища XV–XIX вв. в с. Варзуга на Кольском полуострове (Шахнович, Ширококов, 2013. С. 102).

Итак, берестяные гробы были распространены на обширной территории, занятой славянскими племенами, поэтому этот признак нельзя использовать для выяснения происхождения населения, являвшегося носителем такой погребальной традиции. Не имеет он и твердых хронологических привязок, что заставляет с определенной осторожностью использовать его в хронологических построениях (если не имеется иных надежных критериев хронологизации).

Исследователи видят в использовании бересты при совершении погребений славянами дань древней традиции, рассматривавшей березу как символ «мирового древа», проводника между мирами живых и мертвых, подчеркивая связь между березами и умершими женщинами (Токарев, 1957; Славянские древности..., 1995. С. 156, 157; Энговатова, Сапрыкина, 2007). Ранее некоторые археологи считали, что захоронения в бересте принадлежали только женщинам (Городцов, 1914. С. 56). Действительно, берестяные гробы часто фиксируются именно в женских погребениях, но происходит это зачастую потому, что в них имелись металлические украшения, способствовавшие лучшему сохранению органических материалов, в т. ч. бересты. Однако берестяные гробы известны и в мужских захоронениях (в кургане 4 (1948 г.) Мякинино, ряде погребений Новоселок 2, в двух безынвентарных погребениях в Московском Кремле, в упомянутых погребениях могильника Залахтове, в захоронении Никиты Столпника, новгородских монахов и церковных иерархов и др.). Существует и противоположное мнение, что обернутыми берестой чаще хоронили мужчин (Арсланова, 1989. С. 38), однако, как видим, его тоже нельзя считать верным. Думается, что на нынешнем уровне знаний рано делать окончательные выводы о распространении этой детали обряда: не исключено, что в разных районах Руси существовали локальные особенности в использовании берестяных гробов.

Еще одной важной деталью погребального обряда, зафиксированной в восьми курганах Мякининского могильника, было присутствие в погребениях так называемых даров в виде украшений, положенных в могилу (в гроб?) рядом с погребенным. В подавляющем большинстве случаев такими дарами были перстни, часто связанные веревочками. Подобные находки зафиксированы в шести курганах:

- курган 1 – один перстень (№ 14);
- курган 2 – два перстня в куске ткани и еще два перстня, связанные нитью (№ 7–11);
- курган 8 – три перстня, связанные веревочкой (№ 31);
- курган 26 – два перстня (№ 10, 11);
- курган VII – три перстня, 29 стеклянных бусин (рис. 148, 5), обрывки ткани и кожи;
- курган 3 (1948 г.) – два перстня, соединенные шерстяным шнуром, найденные, видимо, не «на пальцах», как написано в отчете М. Г. Рабиновича, а рядом с ними (что следует из легенды к чертежу погребения – см. ниже публикацию отчета).

Седьмая находка заупокойного дара сделана в кургане 5. В его состав входили две зооморфные привески из медного сплава и 14 бусин из косточек сливы, завернутые в кусок ткани (см. Приложения 3, 4).

Еще одна находка, которую, может быть, следует рассматривать в качестве особого погребального дара, происходит из кургана 3. Это ожерелье из десяти сердоликовых, двух металлических и двух стеклянных бусин, лежавшее в углу могилы, хотя на погребенной женщине ожерелья не было вовсе. Остается неясным, было ли это ожерелье ее собственным, которое по каким-то причинам не могло быть надето на покойную, либо это был действительно дар.

Считается, что дары являются часто встречающейся в курганах Подмосковья деталью погребальной обрядности. В кривичских Каблуковских курганах они отмечены в восьми погребениях (как в ранних, на уровне древнего горизонта, так и в поздних, ямных), из которых только одно было мужским, причем в составе даров здесь использовались разные предметы: перстни, височные кольца, бубенчики, пояс (Недошивина, 2007. С. 128). В вятичских погребениях перстни в составе даров встречаются чаще всего, но известны также височные кольца, браслеты, бубенчики (Недошивина, 1974. С. 113).

В Мякининских курганах все дары обнаружены только в женских погребениях. По частоте их находок могильник не выделяется на общем фоне подмосковных курганов. Может быть, по сакральному смыслу дарам украшений были близки и обломки горшков, брошенные в могилы или насыпи курганов.

Одной из особенностей курганного обряда считается присутствие в погребениях, насыпях и ровиках углей, рассматриваемых как рудименты ушедшей в прошлое традиции кремации покойных (Недошивина, 1971. С. 186). Чаще такие угли встречаются в курганах с захоронениями на горизонте, однако их отмечают и в могильных ямах.

Так, в Каблукове угли в насыпях и на уровне древнего горизонта прослежены в 15 курганах⁹³ из 44 (*Недошивина*, 2007. С. 138–144). В Мякининских курганах угли встречены на дне пяти могил (курганы 1, 3, 4, 5 (погр. 2), 18) в виде мелких единичных угольков. Только под одним курганом (4) обнаружено небольшое углистое пятно на поверхности погребенного горизонта, которое может указывать на выжигание поверхности перед совершением погребения. На дне погребения 4 под курганом 16 (без следов захоронения человека) найдена обугленная плаха. Наконец, угольно-зольные прослойки толщиной 1–5 см встречены в ровиках шести других курганов (6, 8, 9, 11, 19, 20), как правило, в придонной части их заполнения, а также на дне ямы 3 под насыпью кургана 11, игравшей, несомненно, какую-то роль в погребальном обряде. Интересно, что при раскопках Городцовых угли отмечены в насыпях 11 курганов из 15 раскопанных, тогда как в раскопках 2004–2006 гг. в насыпях курганов они не встречены ни разу. Возможно, объяснением этому служит различная сохранность курганов: Городцовы вскрывали неразрушенные курганы с хорошо сохранившимися насыпями, в центре которых могли размещаться следы от тризн и других ритуальных костров, тогда как к началу XXI в. все центральные части насыпей уже были уничтожены кладоискателями.

Как бы там ни было, количество угля в Мякининских курганах ничтожно мало по сравнению с другими курганными могильниками Подмосковья, так что «огненные ритуалы» здесь при совершении захоронений практически не проводились. Те же единичные угольки, встреченные в могилах и насыпях, могли быть связаны не только с языческой, но и с христианской обрядностью (уголь из кадил), что заметил в свое время В. А. Городцов (*Городцов*, 1928. С. 551).

Характерным признаком курганов с погребениями на горизонте, в отличие от содержащих ямные захоронения, считается наличие костей животных как в насыпях, так и в самих погребениях (*Недошивина*, 1971. С. 187). Однако кости находят и в курганах с ямными ингумациями. Так, в Каблуковской группе из шести курганов с костями в насыпях два содержали захоронения в ямах. В Мякининских курганах кости встречены только один раз – в кургане X (1924 г.), где найдена челюсть коровы. Таким образом, по двум приведенным выше признакам мякининские погребения ближе к обычным грунтовым христианским.

Особенностью Мякининских курганов является присутствие во многих курганах валунных камней, которые не могли попасть туда только по случайности. В насыпях курганов валуны зафиксированы девять раз. В четырех курганах (6, 28, 2 (1948 г.) и 4 (1948 г.)) обломки крупных валунов, уложенных плоской стороной вверх рядом с могильными ямами (в кургане 28 – рядом с погребением 4), обнаружены на поверхности древнего почвенного горизонта, несколько углубленными в него (т. е. их плоские поверхности размещались на уровне древней дневной поверхности или слегка выступали над ней). Под курганом 9 лежало несколько целых валунов. Расколотые валуны найдены и под насыпями курганов 13 и 14 (предположительно отнесенных к числу погребальных конструкций из-за отсутствия под ними как захоронений, так и ровиков). В курганах VII и 3 (1948 г.) валуны фиксировались внутри насыпи.

Непосредственно в погребениях валуны встречены четыре раза. На дне могил камни крупных размеров обнаружены в курганах II (с мужским захоронением) и XV (с женским). В кургане 25 валуны лежали в засыпи могилы на уровне древнего горизонта. В кургане 1 (1948 г.) с мужским погребением на уровне горизонта три валуна лежали на крышке гроба над черепом, тазом и ногами, а еще два – рядом с восточным краем гроба.

В трех курганах камни найдены на дне ровиков: больше всего таких камней было в юго-западном ровике кургана 4. В ровиках курганов 11 и 25 количество их было существенно меньше. В отличие от камней под насыпями, в ровиках располагались только валуны небольшого размера (не более 20 см в поперечнике).

Особенный интерес представляет курган XV из раскопок М. В. Городцова в 1927 г., на вершине которого, на глубине всего 15 см от поверхности, выявлена округлая булыжная вымостка диаметром 1,5 м. Подобные вымостки, покрывающие, правда, почти всю поверхность кургана, были широко распространены на северо-западе владений Великого Новгорода земли (в Водской и Ижорской землях), а также в Верхнем Полужье у курганов с погребениями на горизонте (*Рябинин*, 2001. С. 24). В Мякинине курган XV включал редкое по бедности инвентаря (лишь три перстня) женское погребение, помещенное в могилу глубиной 0,6 м. По двум коррелирующим признакам (бедный инвентарь, неглубокая могила) для Мякинина это позднее погребение (первой половины XIII в.).

⁹³ Из них три с ямными погребениями.

Таким образом, целенаправленное использование камней в курганном обряде захоронений наблюдается в 13 разных курганах могильника, т.е. почти в каждом третьем кургане. Назначение этих валунов не вполне ясно, однако оно не обязательно должно быть связано только с языческими обрядами. В связи с этим нелишне напомнить о распространившемся в центральных районах Руси в XIV в. обычае устанавливать над могилами валунные надгробия, происхождение которого также достаточно загадочно. Не исключено, что корни этой традиции как раз и ведут в период затухания курганного обряда, когда валуны могли восприниматься и как вполне христианский символ.

Социальный статус погребенных

Оценка социального статуса погребенных в славянских курганах центра Русской равнины с ямными подкурганными погребениями обычно проводится для мужчин – по наличию престижного вооружения и воинского снаряжения, для женщин – по количеству и разнообразию украшений, а также присутствию в захоронениях шейных гривен. Используя эти признаки, можно констатировать обнаружение в могильнике четырех погребений высокого социального статуса – одного мужского и трех женских.

Первое – это погребение мужчины с кожаным поясом, украшенным 26 бляшками (из них 25 серебряных и одна из медного сплава), в кургане I (рис. 146, 1). Курганные погребения с поясными наборами для середины XII в. (а именно так датируется данное погребение) известны в крайне небольшом количестве, поскольку распространение христианства вытеснило к этому времени из погребальной обрядности помещение в могилы оружия и статусных предметов. Среди 146 погребальных комплексов с наборными поясами, зафиксированных В. В. Мурашевой, XII в. (или XII–XIII вв.) датированы только 10, причем 9 из них происходят с территории Северо-Западной Руси, а один – со Смоленщины (Мурашева, 2000. Прил. 5). Это означает, что к XII в. традиция помещать наборный воинский пояс в могилу вместе с его владельцем сохранялась на Руси практически только в Новгородской земле. Это важное наблюдение, позволяющее делать хоть какие-то предположения о происхождении владельца этого пояса.

Полные аналогии поясному набору из Мякинина отсутствуют, как это уже отмечалось выше, однако надо упомянуть мнение М. В. Городцова (вероятно, обсуждавшего этот вопрос с В. А. Городцовым) о том, что пряжка, аналогичная мякининской, имелась в курганном погребении близ села Тушина (из Спас-Тушинского курганного могильника), раскопанном М. Н. Щербатовым⁹⁴ (Городцов, 1928. С. 552), а это значит, что пряжка могла иметь местное происхождение. Однако, в отличие от пряжки, изготовленной из медного сплава, основной поясной набор (25 накладок) сделан из белого металла (серебра?), т.е. имел совершенно иное происхождение. И хотя форма этих накладок уникальна, углубленное изображение на них, напоминающее сильно стилизованные знаки Рюриковичей, можно видеть, например, на сердцевидной накладке из Удмуртии (случайная находка в окрестностях г. Глазова) (Мурашева, 2000. Рис. 63, 3).

Таким образом, наборный пояс в условиях XII в. мог указывать на довольно высокий статус его владельца, который вполне мог иметь отношение к княжеской администрации.

Два женских погребения могильника включали в состав убора шейные гривны из медного сплава (курганы 27, VI). Оба содержали довольно разнообразный инвентарь, однако не относились к числу особенно ранних. По мнению исследователей, гривны редко встречаются в рядовых (сельских) курганных могильниках, в основном они характерны для погребений наиболее зажиточной прослойки населения, будучи составной частью княжеско-боярского убора (Фехнер, 1967. С. 55, 56; Седова, 1997. С. 65). Гривны, обнаруженные в Мякинине, относятся к самой распространенной разновидности этих украшений и изготовлены из медного сплава. Следовательно, их владелицы относились далеко не к самой высокой социальной группе общества древнего поселения. Их статусность вырисовывается на общем фоне именно потому, что оба эти погребения относились к числу относительно поздних захоронений (конца XII – первой половины XIII в.). Третье женское погребение (из кургана 1), отличавшееся особым разнообразием инвентаря (большое число бус, части ларчика), было, напротив, самым ранним из исследованных и выделялось богатством на фоне остальных, хотя и не включало гривны. Видимо, эти три одновременных погребения

⁹⁴ Судя по сводке В. В. Мурашевой, эта пряжка не сохранилась до наших дней, так как в материалах из раскопок М. Н. Щербатова в Спас-Тушине она не фигурирует (Мурашева, 2000. С. 129).

принадлежали женщинам относительно высокого социального ранга, причем самое раннее из них по своему уровню было сопоставимо с захоронением мужчины-воина с поясом.

Порядок возведения курганов

Самые ранние из исследованных курганов Мякинина сооружены на подзолистом горизонте, следовательно, незадолго до их возведения здесь был сведен лес (Гольева, 2007. С. 103–109). Выжигание поверхности до начала возведения кургана в Мякинине достоверно зафиксировано лишь однажды – в виде тонкой прослойки угля под насыпью кургана 4.

Стратиграфическая структура насыпей курганов, отражающая порядок и архитектуру их возведения, оказалась довольно стандартной. Создание погребального сооружения начиналось с отрытия могильной ямы, грунт из которой складировался рядом с ней. После совершения захоронения яма засыпалась перемешанным грунтом, вынутым из могилы, иногда туда попадал и дерново-почвенный грунт. Ни в одной из исследованных могил не встречена так называемая заливка (плотный грунт, смешанный с песком и золой), известная в подкурганых захоронениях Верхневолжья и Костромского Поволжья (Степанова, 2010. С. 190, 191). Ни разу не встречены и кольцевые канавки от оград, опоясывавших могилу, которые известны на разных территориях и считаются характерными для курганов вятичей (Седов, 1982. С. 146; Степанова, 2010. С. 191).

До начала возведения насыпей в пространстве, ограниченном будущими ровиками, иногда выкапывались ямы различной формы и размеров. Под курганом 5, к ЮЗ от центрального погребения, исследована яма размерами 1,6×0,8 м при глубине 0,3 м, заполненная размерными валунными камнями, уложенными плотно в ряд (рис. 33). Под курганом 11, к СВ от парного погребения, размещались три ямы, вплотную примыкавшие друг к другу, могильной яме и ровику. Одна из них была округлой (диаметром 1,4–1,8 м), глубиной 1,0 м, вторая – овальной (1,4×0,8 м), глубиной 0,4 м, третья – овальной (1,7×1,0 м), глубиной 0,2 м, с угольками на дне (рис. 100). Под курганом 12, к З от погребения, обнаружена яма неправильной формы, не вошедшая целиком в пределы раскопа (длиной более 5 м, шириной до 2 м и глубиной 0,4 м) (рис. 81). Под курганом 18, к З от погребения зафиксирована яма овальной формы (размерами 3,0×2,5 м и глубиной 0,7 м), которая находилась столь близко к погребению (0,3 м), что не могла быть частью курганного ровика (рис. 131).

Ни в одной из перечисленных ям не встречено никаких артефактов. Нельзя исключать того, что часть из них могла представлять собой следы от выворотов корней крупных упавших деревьев. Однако ямы под курганами 5, 10 и 11 к числу таких объектов никак не могли относиться, поскольку содержали валуны, угли, золу.

Подобные «пустые» ямы – не уникальное явление для могильников средневековой Руси. На раскопе площадью 1164 кв. м в центре курганно-грунтового могильника Залахтовье (Причудье) обнаружены 83 подобные ямы, причем лишь две из них включали углистые прослойки, а в 12 найдены отдельные вещи и керамика (Хвоцинская, 2004. С. 44. Табл. L). Следовательно, в 69 ямах (4/5 всех ям) никакого археологического материала не встречено. Назначение всех этих ям не может быть достоверно установлено, но исследователи курганных древностей склоняются к мысли об их связи с ритуальными действиями, сопровождавшими захоронения.

К числу ритуальных действий, предшествовавших возведению насыпи, следует также отнести доставку к краю могилы расколотых валунов, устанавливавшихся рядом с ней плоской стороной вверх, которые обнаружены в некоторых из курганов Мякининской группы (см. выше). Использование валунов в насыпи и в заполнении могилы известно по материалам Верхневолжья (Степанова, 2010. С. 193).

Нижнюю часть подавляющего числа насыпей (мощностью от 0,2 до 0,7 м) составлял переотложенный почвенный горизонт – грунт, срезанный, прежде всего, по кольцу вокруг будущей насыпи, т. е. из первоначального неглубокого ровика. Иногда этот грунт укладывался валиком вокруг могильной ямы. В кургане 2 он набросан и поверх насыпки могилы, причем куски дерна располагались хаотично. В пределах формирующегося ровика (ширина которого могла составлять от 0,4 до 3,0 м) почвенный горизонт срезался вплоть до материка, т. е. на глубину от 0,1–0,2 м (в тех местах, где почва уже была скальпирована в прошлом) до 0,3–0,5 м там, где она оставалась неповрежденной. Судя по значительным участкам с нарушенным (истонченным) почвенным горизонтом, кроме кольцевой подрезки для возведения насыпи проводилась подрезка почвы и на более широком пространстве, окружавшем очередной создаваемый курган. Как показали раскопки, под многими курганами почвы и пахотные горизонты подрезаны, а кое-где и почти полностью уничтожены при возведении более ранних насыпей (см. Приложение 2).

Верхние части насыпей создавались из материкового желто-рыжего крупнозернистого песка с гравием, который брался из ям на дне первоначального

кольцевого ровика. Исключение из этого правила составляли курганы 13 и 14, располагавшиеся на северо-восточном краю юго-западной подгруппы, верхние части насыпей которых созданы из яркого красновато-рыжего песка, заметно отличавшегося по цвету от материкового грунта. Этот песок мог быть привезен откуда-то со стороны (выходы его нигде не зафиксированы, несмотря на большое количество разрытий, наблюдавшихся на стройке).

Ямы в кольцевых ровиках вокруг курганных насыпей чаще всего имели дуговидную в плане форму (их длина колебалась от 3 до 7 м, ширина – от 1,5 до 4,0 м), но встречены также ямы округлой и даже неправильной формы. Глубина таких ям колебалась в очень широких пределах – от 0,3 м до 1,8 м (от уровня древнего горизонта), однако чаще всего их глубина составляла 0,6–1,0 м. Расположение ям в ровиках подчинялось общей планировке могильника: если новый курган создавался рядом со старым, то со стороны старой насыпи яма обычно не вырывалась (и даже сам первоначальный ровик мог в этом случае быть не кольцевым, а дуговидным). Но из этого правила также есть исключения: если ровик более старого кургана успевал заплывть, кольцевой ровик нового кургана и ямы в нем могли прорезать его заполнение (см. курганы 8 и 9).

Мощность верхних частей насыпей может быть определена лишь приблизительно, поскольку именно эти части курганов особенно сильно пострадали от естественных процессов разрушения и кладоискательских разрытий. Исходя из реконструированной высоты курганных насыпей⁹⁵, можно предполагать, что толщина песчаного слоя в насыпях могла достигать от 0,3 до 1,5 м. Таким образом, по объему грунта верхняя (песчаная) часть насыпей была примерно равна нижней (почвенной) части.

Наряду с описанной выше типовой схемой стратиграфии насыпей были встречены и несколько исключений.

1. В кургане 8 нижний горизонт насыпи сформирован из материкового песка. Поэтому весьма вероятно, что он целиком насыпан из такого песка, без использования грунта почвенного горизонта. Это особенно удивительно, поскольку курган создавался на хорошо сохранившейся почве и по всем признакам относился к числу наиболее ранних в могильнике. Возможно, грунт из кольцевого ровика (подрезки почвенного горизонта) использовался для возведения насыпи какого-то другого кургана, строившегося одновременно с курганом 8.

2. Курган 16 целиком насыпан из грунта почвенного горизонта.

3. Из отчета М. Г. Рабиновича известно об одном кургане (4 (1948 г.)), верхняя часть которого состояла из привозного суглинка (*Рабинович*, 1948. Л. 7), однако ни цвет, ни иные характеристики этого суглинка не приведены. При раскопках 1924, 1927 и 2004–2006 гг. такой грунт не был встречен ни разу. Выходы каких-либо суглинков на данном участке и в радиусе 300 м вокруг обнаружить не удалось.

Надо специально подчеркнуть, что ни в одной из курганных насыпей не обнаружено следов каких-либо погребальных сооружений – бревенчатых срубов или «домиков», сложенных из дерна, известных по раскопкам в Верхневолжье (*Степанова*, 2010. С. 192, 193). Однако, как указывалось выше, отмечены случаи, когда ядро нижнего горизонта насыпи (непосредственно над могилой и вокруг нее) создавалось из кусков срезанного дерна, набросанных часто без какой-то системы, как попало. Возможно, такой прием строительства в какой-то степени наследует древней традиции складывания «дерновых домиков».

Подводя итог изучению обрядности Мякининских курганов, следует сказать, что она в целом полностью вписывается в общеславянскую традицию курганного строительства и имеет отдельные черты сходства как с вятичскими, так и с верхневолжскими (кривичскими) курганами. Можно проследить отдельные линии связей и с более отдаленными территориями, например, Новгородской землей. Однако если рассматривать Мякининский могильник с учетом хронологических рамок его существования (середина XII – первая половина XIII в.), то совершенно очевидно его резкое отличие от синхронных курганов вятичей (с горшками в могилах) и близкое сходство с курганными и бескурганными погребениями Суздальского ополья и Верхневолжья, где курганный обряд уже находился на грани изживания.

Мякининские курганы в Новое и Новейшее время

Интересны материальные свидетельства посещения курганов в более поздние эпохи, после исчезновения курганного обряда погребений. Они разделяются на три группы:

– вещевые и керамические находки;

⁹⁵ Реконструкции основываются на объемах грунта, смещенного с вершины кургана на его склоны и в ровики, что хорошо видно на большинстве разрезов.

- ямы вокруг курганов;
- кладоискательские ямы и сооружения XX в.

Первая группа включает развал горшка XV в. и скопление железных кованых гвоздей на дне ямы в ровике кургана 1, а также обломки горшка XVII–XVIII вв. и кувшина XVIII в. (см. главу 5).

Вторую группу составляют ямы, прорезавшие края насыпей и ровики, которые не могли относиться к числу грабительских. Одна из таких ям (размерами 3,0×2,0 м, глубиной 0,7 м) прорезала восточную полу кургана 9 и край его ровика. Никаких находок в яме обнаружено не было. Именно в ровиках этого кургана найдены упомянутые обломки горшка и кувшина XVII–XVIII вв. Видимо, на кургане в Новое время проводились какие-то работы.

Под курганом 28, к В от погребений, обнаружена яма овальной формы (размерами 1,5×0,75 м, глубиной 0,3 м), в верхней части которой находился скелет собаки, а ниже фиксировалось большое количество валунных камней диаметром до 0,15 м.

Третью группу поздних объектов оставляют кладоискательские ямы, разрушившие большинство курганных насыпей. Такие ямы размещались в центре курганов и представляли собой колодцы разных размеров, достигавшие уровня древнего горизонта, часто врезавшиеся в заполнения могильных ям и иногда достигавшие их дна. В большинстве случаев (курганы 1, 2, 3, 4, 6, 15, 16, 18, 19, 20) грабительские ямы только наруша-

ли насыпи курганов, но не затрагивали погребений на дне могил. В ряде случаев (курганы 7, 9, 12, 17) они нарушали погребения. Большой вред нанесли курганам хозяйственные сооружения пионерского лагеря XX в., повредившие (яма под отхожее место на кургане 10) или уничтожившие (погреб на кургане 13) древние захоронения. Ряд старых кладоискательских ям на протяжении XX в. был использован в качестве скотомогильников – для захоронения лошади (курган 12) и коровы (курган 20). Скорченное положение костяков животных свидетельствует о том, что их трупы были буквально втиснуты в небольшие ямы и слегка присыпаны землей. Нескольким особняком стоит погребение жеребенка в кургане 1, которое совершено в глубокой яме, вырытой, вероятно, с поверхности курганной насыпи и достигшей материка. К сожалению, грабительский перекоп уничтожил все стратиграфические следы, которые могли бы указать на время совершения этого захоронения, но хорошая сохранность костей жеребенка указывает на их относительно небольшой возраст (не раньше Нового времени).

Разграбление Мякининских курганов началось, вероятно, в конце XIX в., когда археологические раскопки в Подмосковье стали проводиться довольно интенсивно целым рядом исследователей. Согласно сведениям, полученным В. А. Городцовым в 1923 г., кладоискательские разрытия на курганах данной группы проводились крестьянами близлежащей д. Мякинино (*Городцов, 1928. С. 542*).

Энговатова А. В., Коваль В. Ю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История изучения Мякининской курганной группы насчитывает 80 лет. Открытая очень поздно, в 1923 г., она трижды подвергалась раскопкам, но так и не была изучена полностью. В. А. и М. В. Городцовы, первые археологи, посетившие и предпринявшие раскопки Мякининских курганов, к сожалению, не составили план могильника. Вероятно, они даже не задавались такой целью, посчитав, что могильник почти полностью разграблен местными жителями. Судя по расположению тех курганов, которые ими раскопаны (курганы 8 и 11 нашей нумерации, исследованные повторно в 2004 и 2005 гг.), они работали на тех насыпях, которые размещались вдоль бровки коренного берега, в северо-западной, центральной и, возможно, восточной подгруппах насыпей. Здесь вполне могли стоять те 30 курганов, числом которых исследователи ограничили размеры могильника. Однако В. А. и М. В. Городцовы, вероятно, даже не видели курганы южной и юго-западной подгрупп. Если бы это было не так, они обязательно провели бы раскопки и в этих подгруппах, где нетронутые курганы простояли по меньшей мере до 1990-х гг. Между тем В. А. и М. В. Городцовы были уверены, что вскрыли все оставшиеся неповрежденными курганы. Как это можно объяснить? Видимо, западная и южная части могильника в 1920-х гг. были заняты густым кустарником, надежно скрывавшим несколько десятков насыпей.

Поскольку курганы XII и XIV, раскапывавшиеся М. В. Городцовым (курганы 8 и 11 по нашей нумерации), размещались в западной части могильника, можно предполагать, что именно здесь и были сосредоточены усилия раскопок 1927 г. Значит, в 1924 г. В. А. Городцов вскрывал курганы в центральной и восточной подгруппах, т. е. там, где впоследствии раскопки никогда уже не проводились. Судя по публикациям 1928 г. (см. раздел «Архивные материалы и републикации»), В. А. и М. В. Городцовы вскрывали курганы независимо от их размеров: в выборке присутствуют как очень крупные, так и совсем маленькие насыпи. Этот вывод важен, поскольку он позволяет составить представление о восточной части могильника: она ничем принципиально не отличалась от западной его части. Большинство курганов из раскопок 1924 и 1927 гг. относились к концу XII – первой половине XIII в.

К 1948 году ситуация несколько изменилась: надо думать, что лес или густой кустарник покрыл уже большую часть курганного поля, на виду оставались только самая северная и северо-западная подгруппы. Не исключено, что часть зарослей была сведена при работах, которые проводил дом отдыха ВЦСПС СССР, осваивавший обширную территорию к СВ от д. Мякинино. В ходе этого освоения был выстроен железный решетчатый забор, повредивший часть курганов северной подгруппы. В результате в 1948 г. М. Г. Рабинович увидел в могильнике только 16 курганов, из-за чего ему поначалу показалось, что он обнаружил какую-то иную курганную группу, а не ту, которую раскапывали Городцовы. Очень скоро, впрочем, ученому стало ясно, что он ошибался. Однако и М. Г. Рабинович не задался целью снять план всего памятника, ограничившись глазомерной схемой тех 16 курганов, которые были у него на виду (видимо, он и не подозревал о существовании иных курганов).

Раскопки 2004–2006 гг. позволили исследовать уже лишь остатки курганных насыпей и подкурганных захоронений (часто без сохранившихся насыпей).

Объединенными усилиями трех разных экспедиций (1924–1927, 1948 и 2004–2006 гг.) удалось изучить 43 кургана с 47 погребениями, по большей части в западной половине могильника, приближенной к селищу Мякинино 1. Конечно, установить точное число курганов, некогда составлявших Мякининский могильник, уже не удастся, однако некоторые оценки привести все же можно. Размеры курганного поля составляли 350 м в длину (с 3 на В) и более 100 м в ширину. В западной части этого поля на площади около 3400 кв. м размещались 27 курганов (в 2004–2006 гг. из них раскопано 26). Однако отдельные подгруппы курганов разделялись пространствами, на которых могло не быть никаких насыпей. Вероятно, около половины курганного поля составляли такие пустые пространства. В этом случае, если предполагать, что концентрация курганов была примерно одинаковой на всем курганном поле и она соответствовала концентрации, выявленной в наших раскопках, расчетное количество курганов в могильнике

могло составлять от 100 до 150 насыпей. Следовательно, исследованные 43 кургана составляют 1/3–1/4 от общего числа погребальных сооружений, некогда входивших в состав могильника.

Раскопки Мякининских курганов 2004–2006 гг. позволили полностью исследовать часть этих древностей на современном методическом уровне (площадные раскопки со вскрытием всех ровиков и межкурганного пространства) с привлечением специалистов естественных наук, что позволило рассматривать курганы в том ландшафтном контексте, в котором они возникали. Несмотря на сильнейшую разрушенность курганов к началу XXI в. из-за строительной деятельности и кладоискательства, применение комплексного подхода к их изучению позволило извлечь максимум информации из раскопок. Это, в свою очередь, дало возможность выстроить хронологическую шкалу для подавляющего большинства насыпей, изучить порядок их возведения. Выяснилось также, что те ровики, которые еще наблюдаются вокруг курганов сегодня, являлись лишь небольшой частью кольцевого рва, соорудившегося вокруг каждого кургана.

Изучение хронологии курганов позволило разделить их на три группы в рамках довольно узкого временного отрезка, охватывающего не более 100 лет (с середины XII по первую половину XIII в.), а также выявить некоторые закономерности в развитии курганного обряда. Установлено, что населением, основавшим село и курганный могильник, уже в середине XII в. практиковалось совершение захоронений в глубоких подкурганых ямах. Этот факт входит в противоречие с устоявшейся точкой зрения, предполагающей постепенный переход от захоронений на горизонте к погребениям в ямах с последовательным увеличением их глубины. При этом для подмосковных вятичей отмечался довольно поздний переход к захоронениям в могилах – в конце XII в. (*Недошвина*, 1971. С. 194). Мякинино демонстрирует совершенно иной сценарий развития событий: при единственном захоронении на горизонте все ранние могилы имеют только глубокие ямы, и лишь со временем их глубина начинает постепенно уменьшаться – от 1–1,6 м в середине XII в. до 0,5 м и менее в первой половине XIII в. Этот вывод кажется неожиданным только на первый взгляд, если исходить из предположения об эволюционном развитии обряда у того населения, которое оставило Мякининские курганы. Но если учитывать, что эти курганы оставлены населением, пришедшим сюда в середине (самое раннее – во второй четверти) XII в. и принесшим с собой уже сформированные

представления о погребальном обряде, то внезапное появление подкурганых ям становится понятным.

Поскольку ранние курганы Мякинина оказались вне континуитета, в котором развивались погребальные традиции в тех местах, откуда пришло разнородное население селища Мякинино 1, очень трудно определить эти места, тем более что их могло быть довольно много. Можно только констатировать, что на «исходных» территориях подкурганый обряд с использованием могильных ям, по-видимому, уже давно сформировался. Что касается выявленной тенденции к уменьшению глубины могильных ям, то ее, вероятно, можно связывать с сокращением размеров курганых насыпей, т.е. с изживанием курганного обряда, связанным с углублением христианизации населения.

Разработанная хронология погребений могильника, разумеется, не может рассматриваться в качестве бесспорной, поскольку базируется на ряде косвенных признаков. Задача хронологической стратификации подкурганых захоронений осложняется целым рядом проблем: недостаточной разработанностью хронологии вещей, неясностью причин помещения в могилу тех или иных предметов и определенной условностью выводов о датировке курганов по степени сохранности почв под ними (иногда под соседними и хронологически близкими, судя по инвентарю, курганами сохранность почв оказывается весьма различной).

И все же, если полученная хронология курганых захоронений оказалась хотя бы отчасти верной, несмотря на все перечисленные трудности, можно говорить о том, что ранние курганы могильника тяготели к его западному краю, т.е. стояли ближе к поселению (селищу Мякинино 1), а значит, Мякининское курганное кладбище расширялось к востоку (вдоль бровки коренного берега) и к югу. А поскольку некоторые курганы насыпались на распаханной поверхности, то возникновению кладбища предшествовал период хозяйственного освоения этой территории, когда поселение уже возникло и земли вокруг него уже были распаханы.

Первые исследователи Мякининских курганов в целом одинаково датировали исследованные погребения в пределах XII–XIII вв., но несколько расходились в своих мнениях о происхождении населения, оставившего эти захоронения. Б. А. Рыбаков, бывший тогда еще студентом МГУ, предполагал, что это были вятичи, пытаясь объяснить чуждые им предметы «теорией замужества» (присутствием кривичских женщин), торговлей и культурной зависимостью «колонистов»

от «туземного» (финского) населения (*Рыбаков*, 1928. С. 8). М. В. Городцов, несомненно, пользовавшийся при написании статьи помощью отца, также считал, что Мякининский могильник оставлен вятическим населением, опираясь при этом только на находки ажурных перстней и сочетание сердоликовых и бусин из горного хрусталя в ожерельях (*Городцов*, 1928. С. 557). М. Г. Рабинович полагал, что Мякининский могильник был оставлен вятичами (вероятно, повторяя суждение В. А. и М. В. Городцовых), но думал, что исследованные им курганы включали погребения волжских финнов («вернее всего – мерян»), допуская, впрочем, что «в Мякинине это могла быть даже одна семья» (*Рабинович*, 1964. С. 76).

Сейчас, обладая суммой данных всех раскопок, можно утверждать, что в этом все наши предшественники были все же неправы. Для отнесения Мякининского могильника к числу вятических нет достаточных оснований. Из 20 женских погребений могильника, вскрытых за всю историю его исследования, только в одном встречены семилопастные вятичские височные кольца (курган 3), тогда как браслетообразные кривичские – в пяти (курганы 1, 2, 4, X, XIII). Кроме того, нельзя считать совсем случайными одно овальнощитковое кольцо, характерное для новгородских словен (курган XIII), а также многобусинное височное кольцо, более свойственное населению Северо-Запада Руси. Но еще больше оказалось курганов, в которых женщины были похоронены в уборе из перстнеобразных височных колец (12 захоронений), а в одном кургане находились трехбусинные височные кольца (курган 25)⁹⁶. Таким образом, население, оставившее Мякининские курганы, было в значительной степени смешанным и включало выходцев из различных регионов Древней Руси. Вещевой материал указывает на Верхнее (Костромское?) Поволжье или Новгородскую землю в целом (воинский наборный пояс, овальнощитковое височное кольцо). Москворецкие же вятичи составляли лишь часть этого населения, и притом, видимо, самую малочисленную⁹⁷. Ажурные перстни, на которые ссылались В. А. и М. В. Городцовы, составляют лишь малую долю среди использовавшихся украшений – их всего 5 из 62 перстней, найденных при раскопках.

Доминирование в женских погребениях из Мякинина перстнеобразных височных колец не может рассматриваться и в качестве свидетельства присутствия среди жителей древнего Мякинина представителей южнорусского населения, поскольку белоглиняная керамика южнорусского (поокского) типа почти не применялась в погребальном обряде, хотя на поселении Мякинино-1 во второй половине XII в. она составляла почти половину всей использовавшейся в быту посуды. Вместо нее в похоронных ритуалах применялась только традиционная для Москворечья (равно как и Верхневолжья, и Новгородчины) красноглиняная керамика с грубыми примесями в тесте. Возможно, носительницы перстнеобразных височных колец были горожанками (?), попавшими сюда из разных городов Северо-Восточной Руси.

Но, может быть, первыми насельниками этого места были кривичи, а вятичи пришли сюда позже и постепенно сменили (или дополнили) население поселка? Вероятно, эта заманчивая схема также не может быть признана верной. Прежде всего, она не подтверждается хронологией погребений. Можно только с некоторой долей условности допускать смену «кривичского» компонента «городским» (с перстнеобразными височными кольцами). Но в случае смены населения следовало бы ожидать некоего обособления пришельцев, никаких следов которого в могильнике не прослеживается: единственное «вятичское» погребение размещается рядом с более ранними «кривичскими» (рис. 192). Еще более показателен тот факт, что и «кривичские» захоронения не составляют какой-то обособленной группы, причем даже на самом раннем этапе существования могильника. Более того, погребение пожилой женщины с перстнеобразными височными кольцами (курган 6) вплотную примыкало к самому древнему кургану, в котором похоронена женщина в кривичском уборе. Это значит, что даже в момент основания кладбища люди разного происхождения погребались рядом друг с другом. Если же предполагать, что каждая из территориальных подгрупп курганов включала погребения представителей отдельных семей, проживавших на поселении (иначе объяснить некоторое обособление подгрупп трудно), то окажется, что в состав этих семей входили потомки разных племенных групп. Возможно ли

⁹⁶ За исключением этого кургана, бусинные височные кольца (включая ажурные) были найдены еще в четырех курганах, в дополнение к браслетообразным (курган X) или перстнеобразным (курганы 5, 10, XII) кольцам.

⁹⁷ Правда, на селище Мякинино 1 обломки семилопастных вятичских височных колец встречались довольно часто, но и там они не составляли большинства. Кроме того, надо учитывать, что даже мелкие обломки этих украшений легко атрибутируются, тогда как обломки перстнеобразных и браслетообразных колец, представляющие собой просто куски проволоки, не всегда можно уверенно идентифицировать в качестве украшения.

это? Думается, что да, в том случае, если население поселка формировалось не стихийно, а он был организован и поддерживался из какого-то города, формировавшего и основную долю его населения, причем часть этого населения исполняла какие-то административные или иные специальные функции. Мобильность и экстерриториальность лиц, причастных к административной деятельности, являются их характерными чертами. Размещение мякининского поселения на берегу крупной транспортной артерии – Москвы-реки, заставляет рассматривать это предположение как вполне допустимое. Не случайным выглядит в этом контексте и захоронение мужчины с наборным поясом (курган I), который явно был причастен к властным структурам. Возможно, это захоронение одного из высших администраторов данного поселения.

Но если так, и среди жителей селища Мякинино I, похороненных в Мякининских курганах, были не только обычные земледельцы, но и представители властных структур, следовало бы ожидать и какого-то повышенного влияния церкви на обряд курганных захоронений. И такое влияние прослеживается – сразу по двум факторам:

- достаточно раннему (уже в середине XII в.) совершению захоронений в глубоких подкурганных могилах (об этом уже достаточно много написано выше),

- полному отсутствию в могилах заупокойной пищи, оставившейся в горшках.

Последняя черта ярко выделяет Мякининский могильник на общем фоне, причем важно подчеркнуть ее проявление уже в самых ранних погребениях середины XII в., т. е. в то время, когда в других (как вятических, так и кривичских) курганных могильниках Подмосковья обычай установки в могилы горшков с пищей был еще очень широко распространен. Изживание этого обряда происходит в них в лучшем случае к концу XII в.

Многочисленные находки мелкой христианской пластики домонгольской эпохи с селища Мякинино I (кресты-тельники, половинка креста-энколпиона, две каменные иконки, амулет-змеевик) свидетельствуют о самом широком распространении христианства в среде жителей этого крупного села. По-видимому, при жизни они считали себя христианами и носили кресты-тельники, а после смерти их погребения совершались в курганах по христианскому обряду (в гробах), но с рядом языческих элементов (украшения на погребенных женщинах, обломки керамики в насыпях и ровиках курганов). В этом, надо думать, и заключалось одно из проявлений пресловутого двоеверия, столь характерного для домонгольской Руси.

Мякининский курганный могильник, таким образом, ярко дополняет материалы поселения, к которому он относился (Мякинино I), и позволяет более уверенно подходить к исторической интерпретации этого памятника (Коваль, 2014а).

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 15. Курган 1 до начала работ. Вид с юга

Рис. 16. Курган 1. Бровка север–юг. Вид с запада

Рис 17. Курган 1. Погребение 1. Вид с юго-запада

Рис 18. Курган 1. Погребение 1. Череп. Вид с севера

Рис 19. Курган 1. Захоронение лошади. Вид с юго-востока

Рис. 20. Курган 2 до начала работ. Вид с севера

Рис. 21. Курган 2. Бровка запад–восток. Вид с севера

Рис. 22. Курган 2. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. Зачистка. Вид с северо-востока

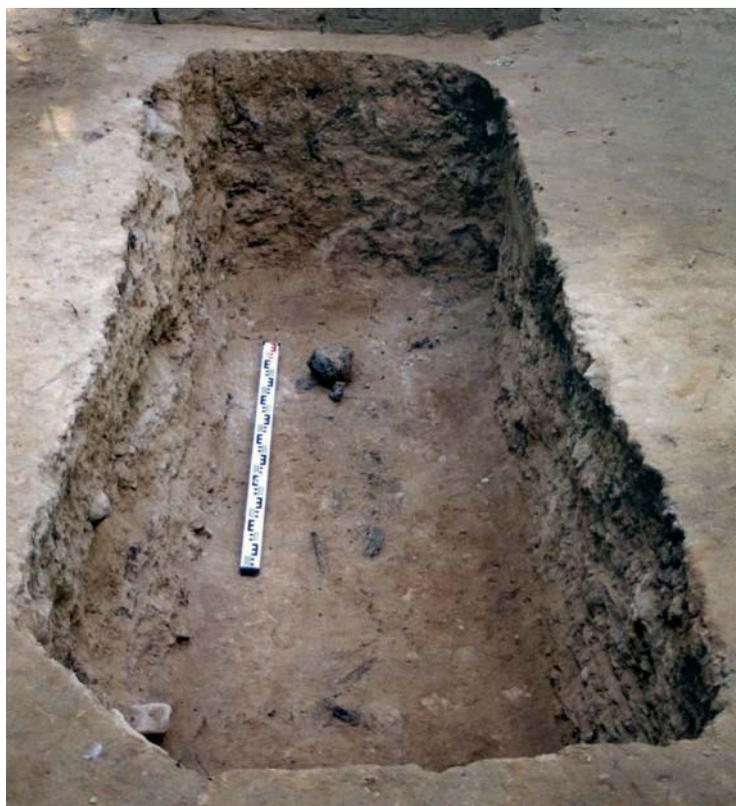

Рис. 23. Курган 2. Погребение 1. Вид с северо-востока

Рис. 24. Курган 3 до начала работ. Вид с севера

Рис. 25. Курган 3. Бровка запад–восток. Вид с севера

Рис. 26. Курган 3. Погребенная почва в бровке запад–восток. Стрелкой показана поверхность почвы. Вид с севера

Рис. 27. Курган 3. Южный ровик (поверхность материка). Вид с юго-востока

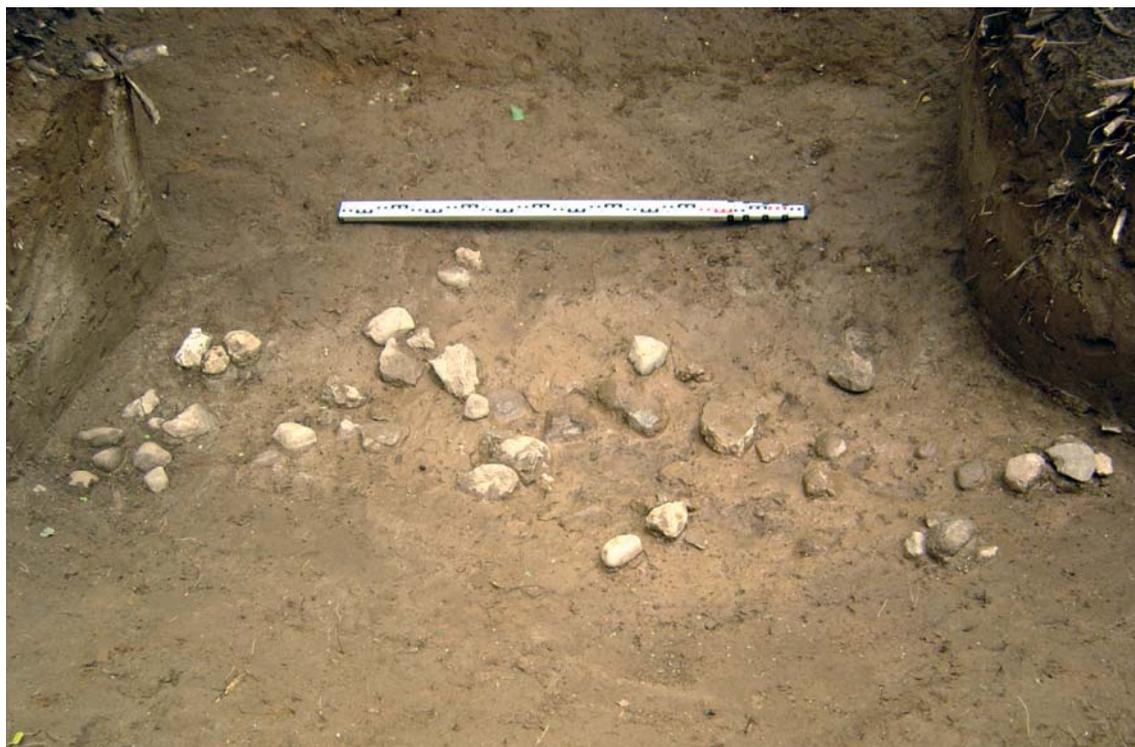

Рис. 28. Курган 4. Юго-западный ровик. Скопление камней. Вид с северо-востока

Рис. 29. Курган 4. Погребение 1. Вид с северо-востока

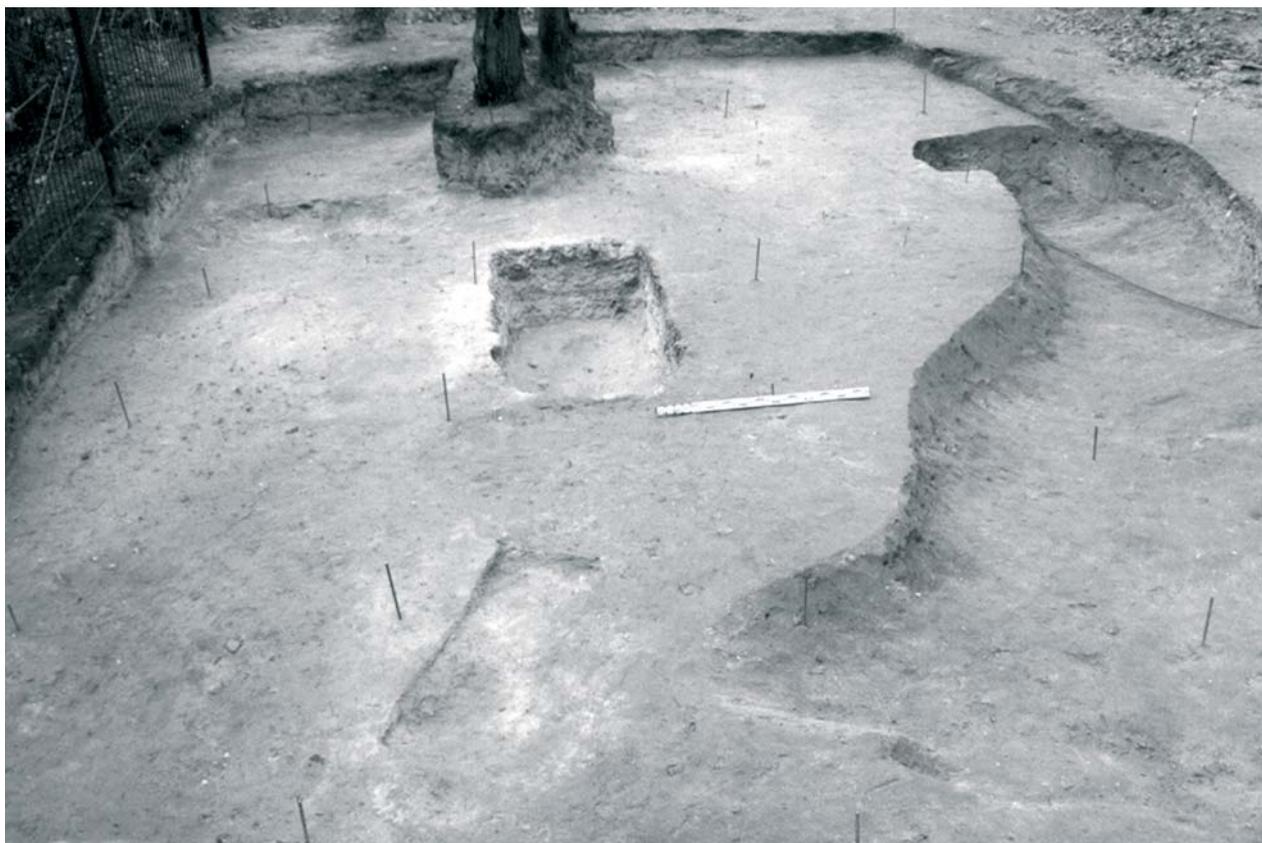

Рис. 30. Курган 5. Поверхность материка после разборки насыпи и ровика. Вид с востока

Рис. 31. Курган 5. Погребение 1. Вид с севера

Рис. 32. Курган 5. Погребение 1. Кисть правой руки с перстнем на фаланге среднего пальца. Вид с востока

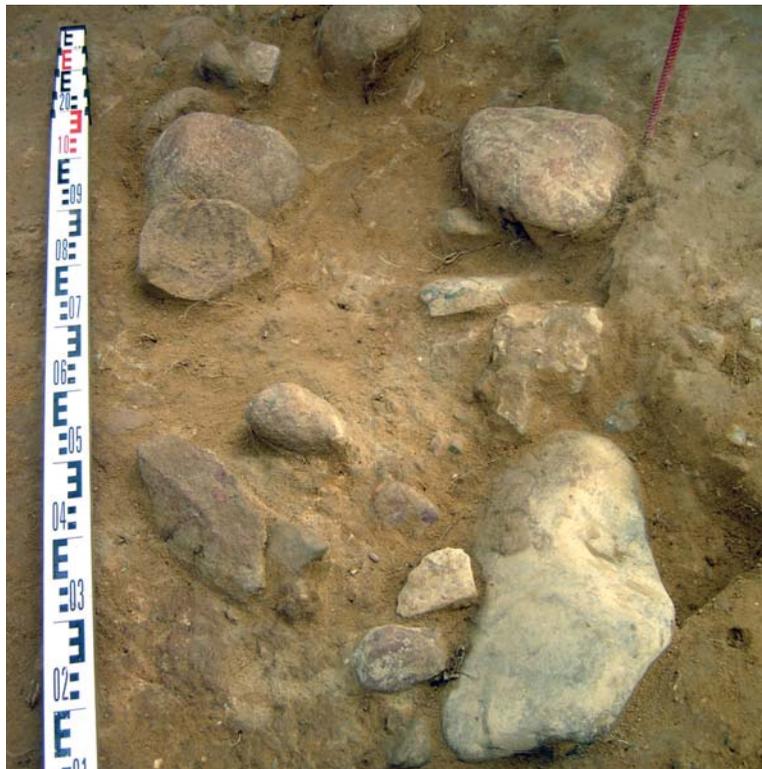

Рис. 33. Курган 5. Яма 1 после выборки. Вид с юга

Рис. 34. Курган 6. Валун под насыпью к востоку от погребения. Вид с юго-востока

Рис. 35. Курган 6. Бровка север–юг. Вид с востока

Рис. 36. Курган 6. Погребение 1. Берестяной гроб. Вид с севера

Рис. 37. Курган 6. Погребение 1. Вид с севера

Рис. 38. Курган 6. Череп и височные и шейные украшения. Вид с востока

Рис. 39. Курган 9. Валуны под насыпью к северу от погребения. Вид с востока

Рис. 40. Курган 9. Разрез западной части северного ровика. Вид с юго-запада

Рис. 41. Курган 9. Разрез северного ровика, прерывающего южный ровик кургана 8. Вид с востока

Рис. 42. Курган 9. Погребение 1. Могильная яма. Вид с севера

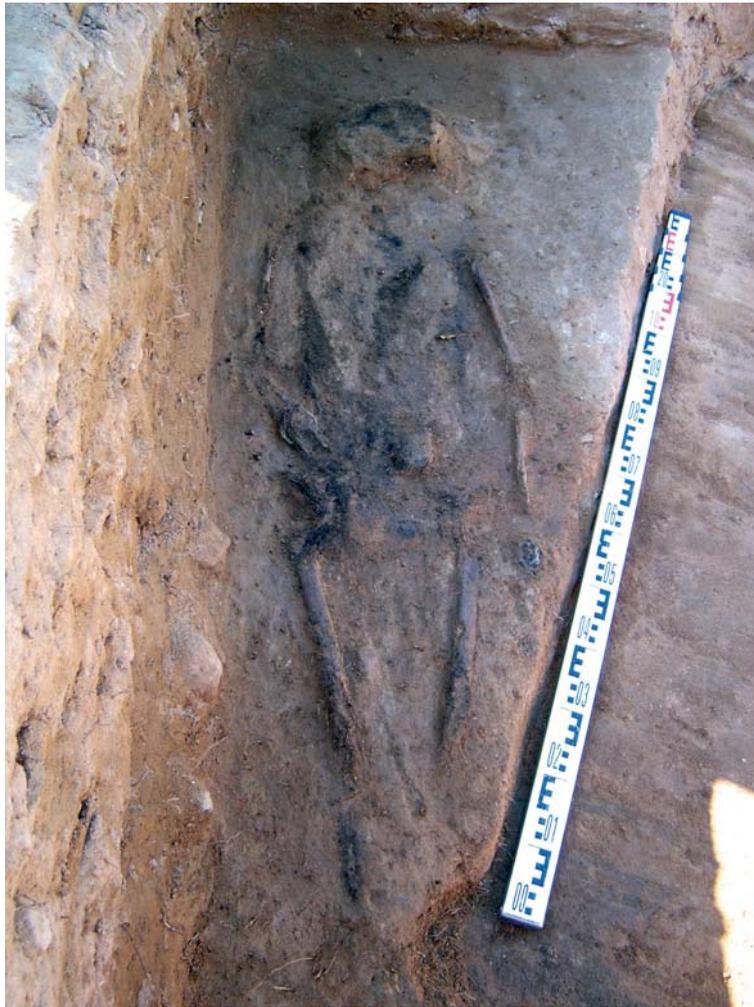

Рис. 43. Курган 10. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 44. Курган 10. Погребение 1. Бусинное височное кольцо *in situ*. Вид с востока

Рис. 45. Курган 11. Погребения 1 и 2. Вид с востока

Рис. 46. Курган 11. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 47. Курган 12. Погребение 1. Вид с юга

Рис. 48. Курган 14. Бровка запад–восток (восточная часть). Вид с севера

Рис. 49. Курган 15. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 50. Курган 16. Разрез северо-западного ровика. Вид с востока

Рис. 51. Курган 16. Погребения 1, 3, 4. Могильные ямы. Вид с юго-востока

Рис. 52. Курган 16. Погребение 2. Вид с востока

Рис. 53. Курган 17 до начала работ. Вид с юго-востока

Рис. 54. Курган 17. Разрез северо-западного ровика. Вид с востока

Рис. 55. Курган 18. Погребение 1. Контуры гробовища. Вид с востока

Рис. 56. Курган 19. Бровка север–юг (северная половина). Вид с запада

Рис. 57. Курган 19. Бровка запад–восток. Вид с севера

Рис. 58. Курган 19. Погребенная почва под курганом. Вид с юго-востока

Рис. 59. Курган 19. Поверхность материка. Вид с юго-запада

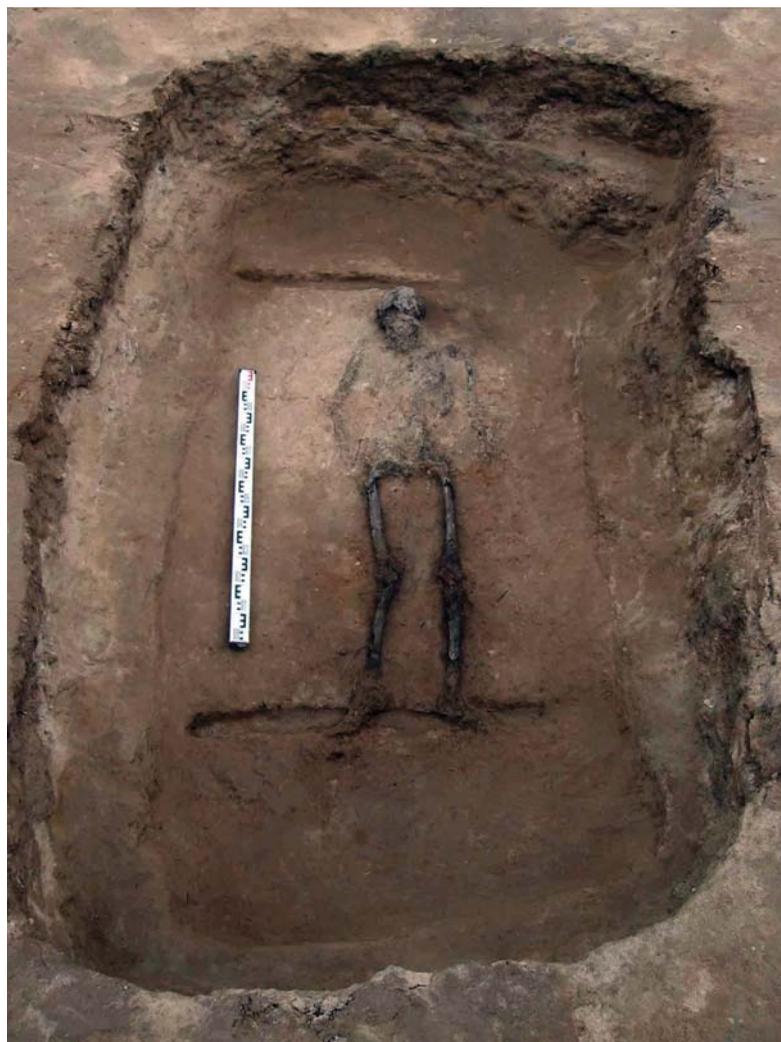

Рис. 60. Курган 19. Погребение 1. Вид с северо-востока

Рис. 61. Курган 20. Скелет коровы в грабительской яме. Вид с юга

Рис. 62. Курган 25. Камни в заполнении могилы. Вид с запада

Рис. 63. Курган 25. Поверхность материка. Вид с востока

Рис. 64. Курган 25. Погребение 1. Вид с северо-востока

Рис. 65. Курган 25. Погребение 1. Череп и бусы ожерелья. Вид с северо-востока

Рис. 66. Курган 27. Погребение 1. Вид с северо-востока

Рис. 67. Курган 27. Погребение 1. Украшения шеи *in situ*. Вид с востока

Рис. 68. Курган 28. Погребения 1–3. Вид с северо-востока

Рис. 69. Раскоп XI. Поверхность материка. Вид с востока

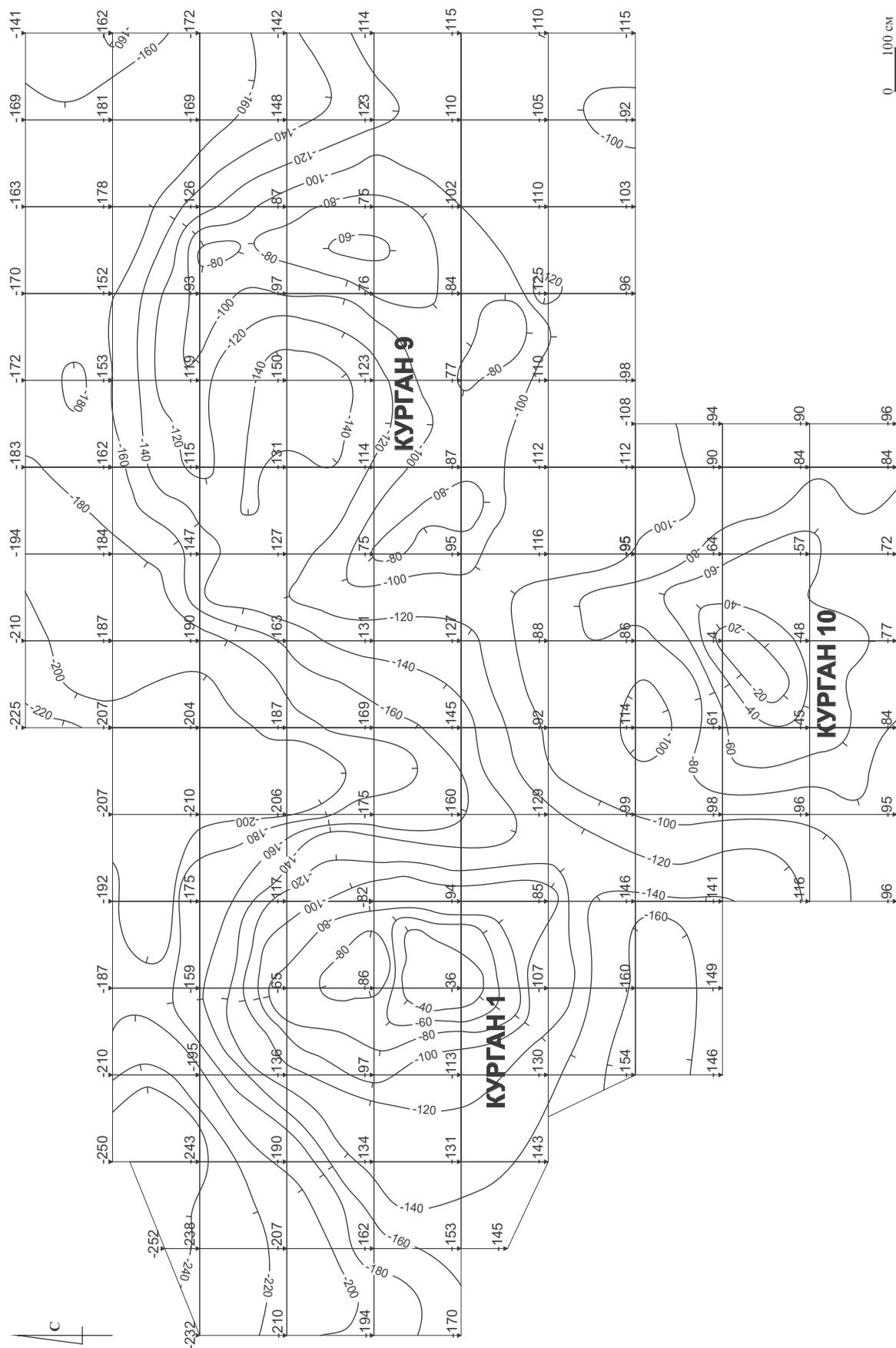

Рис. 70. Курганы 1, 9, 10. План нивелировки дневной поверхности

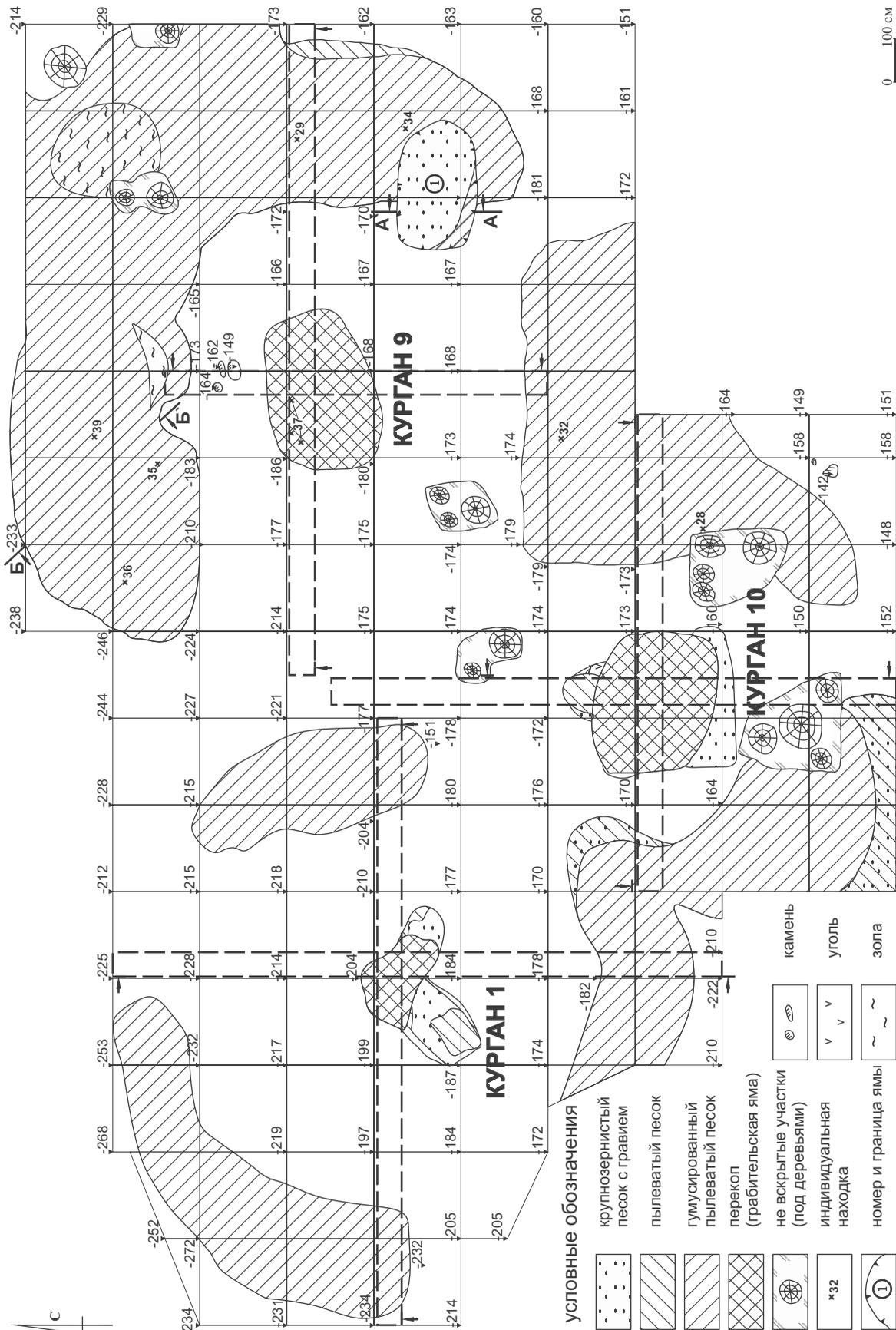

Рис. 71. Курганы 1, 9, 10. План зачистки по матерiku

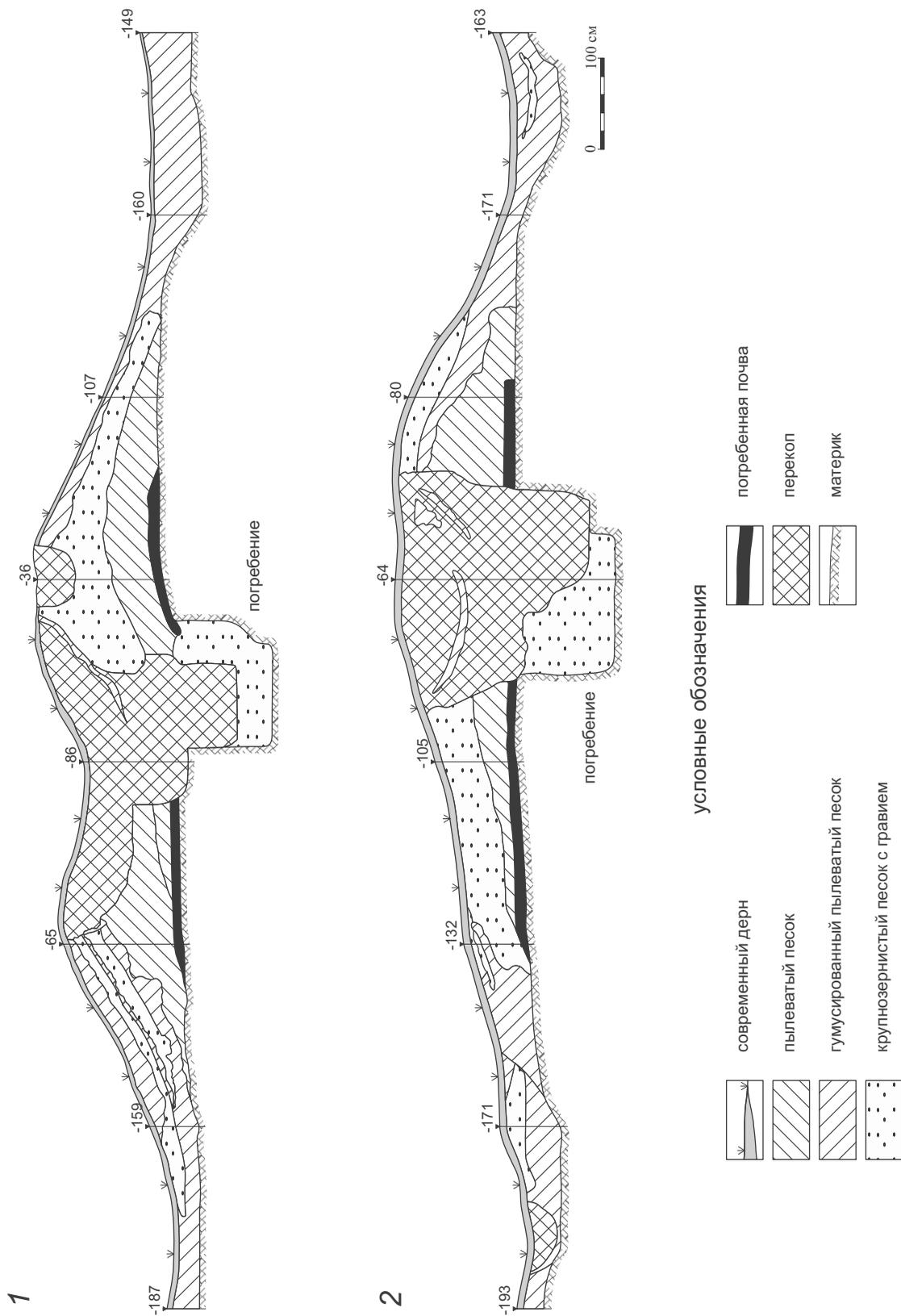

Рис. 72. Курган 1. Разрезы кургана

1 – бровка север–юг (вид с запада); 2 – бровка запад–восток (вид с юга)

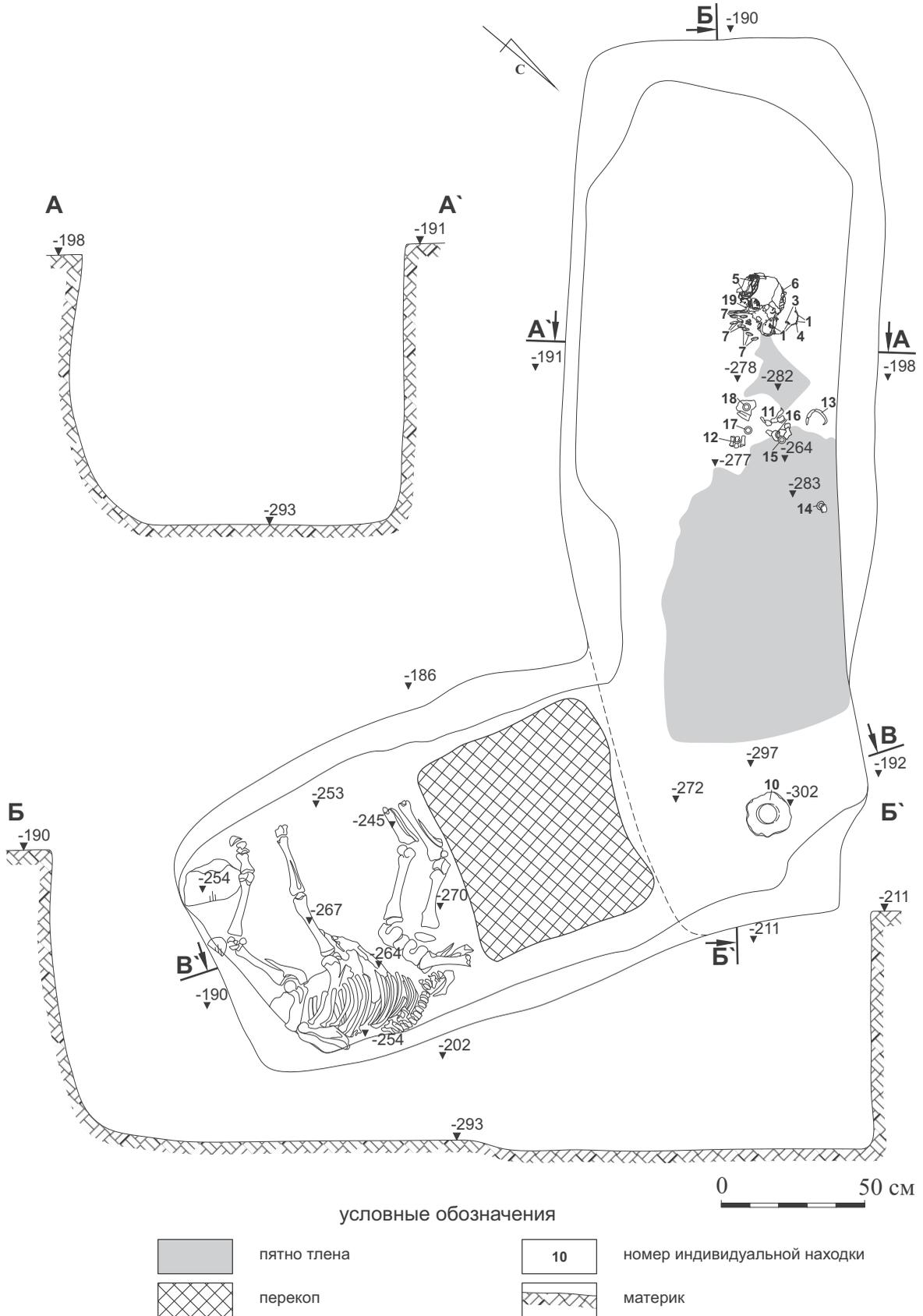

Рис. 73. Курган 1. Погребение 1 и захоронение лошади. Планы и разрезы

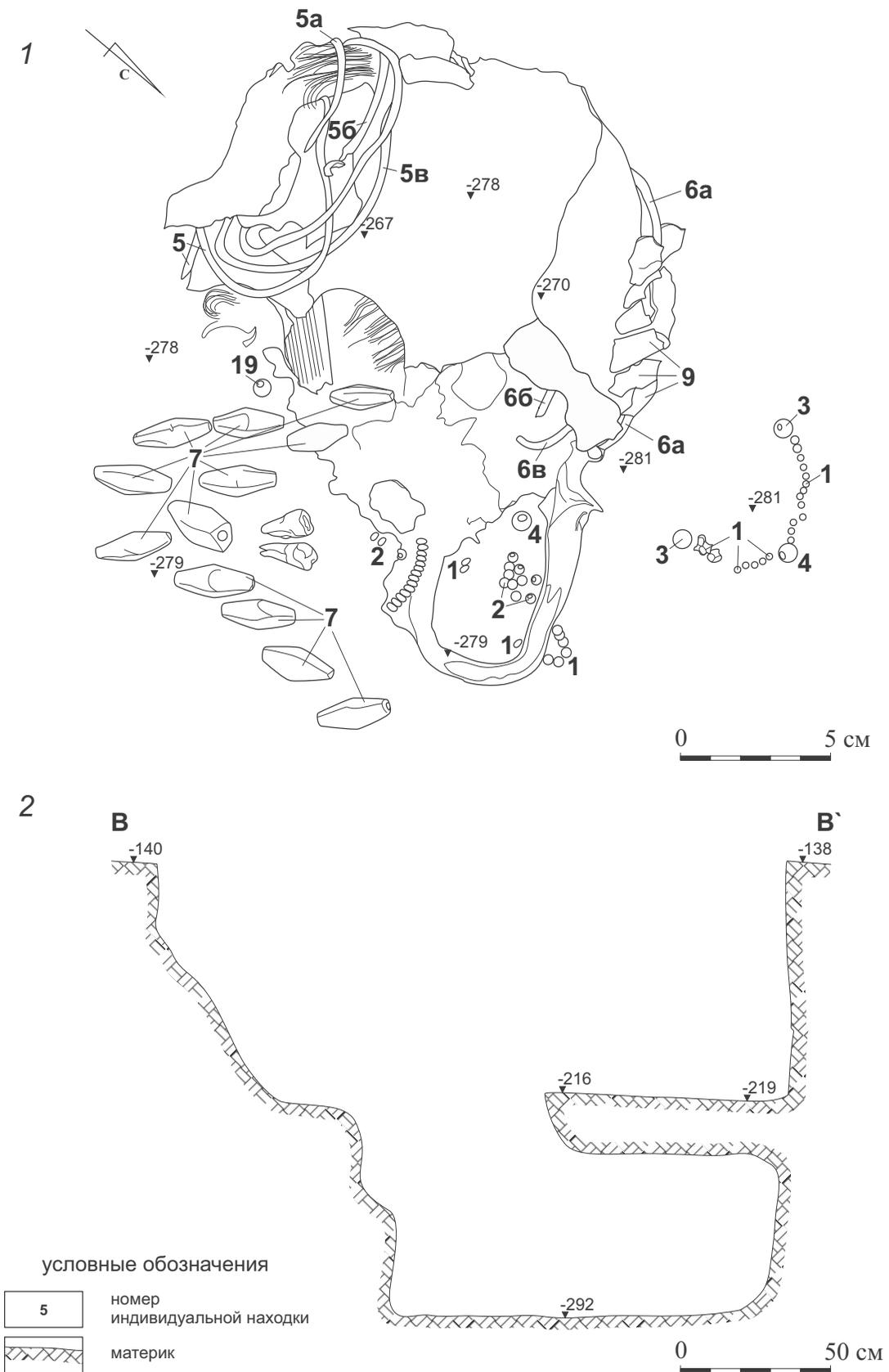

Рис. 74. Курган 1. План расположения инвентаря у черепа погребения 1 (1) и разрез ямы с захоронением лошади (2)

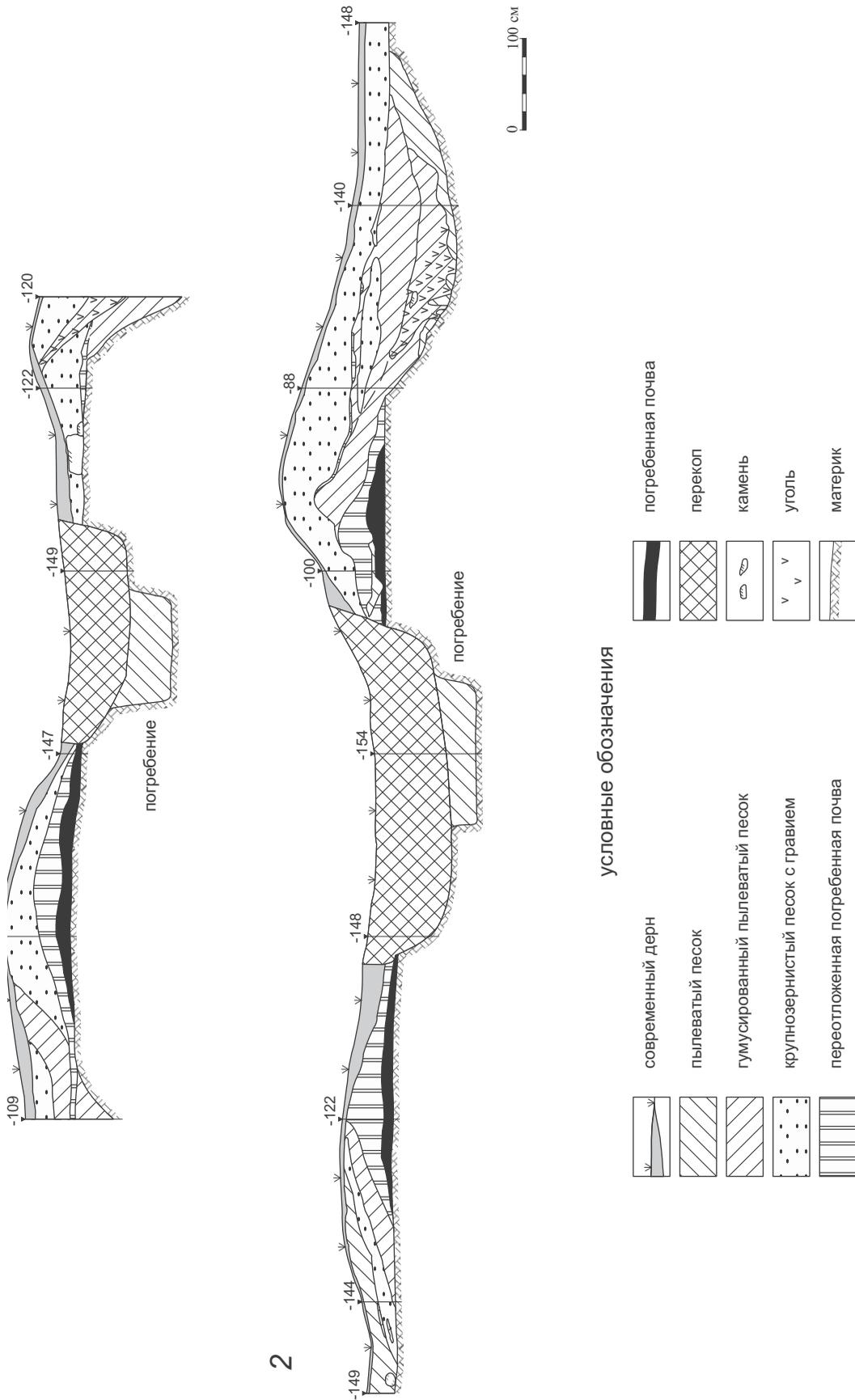
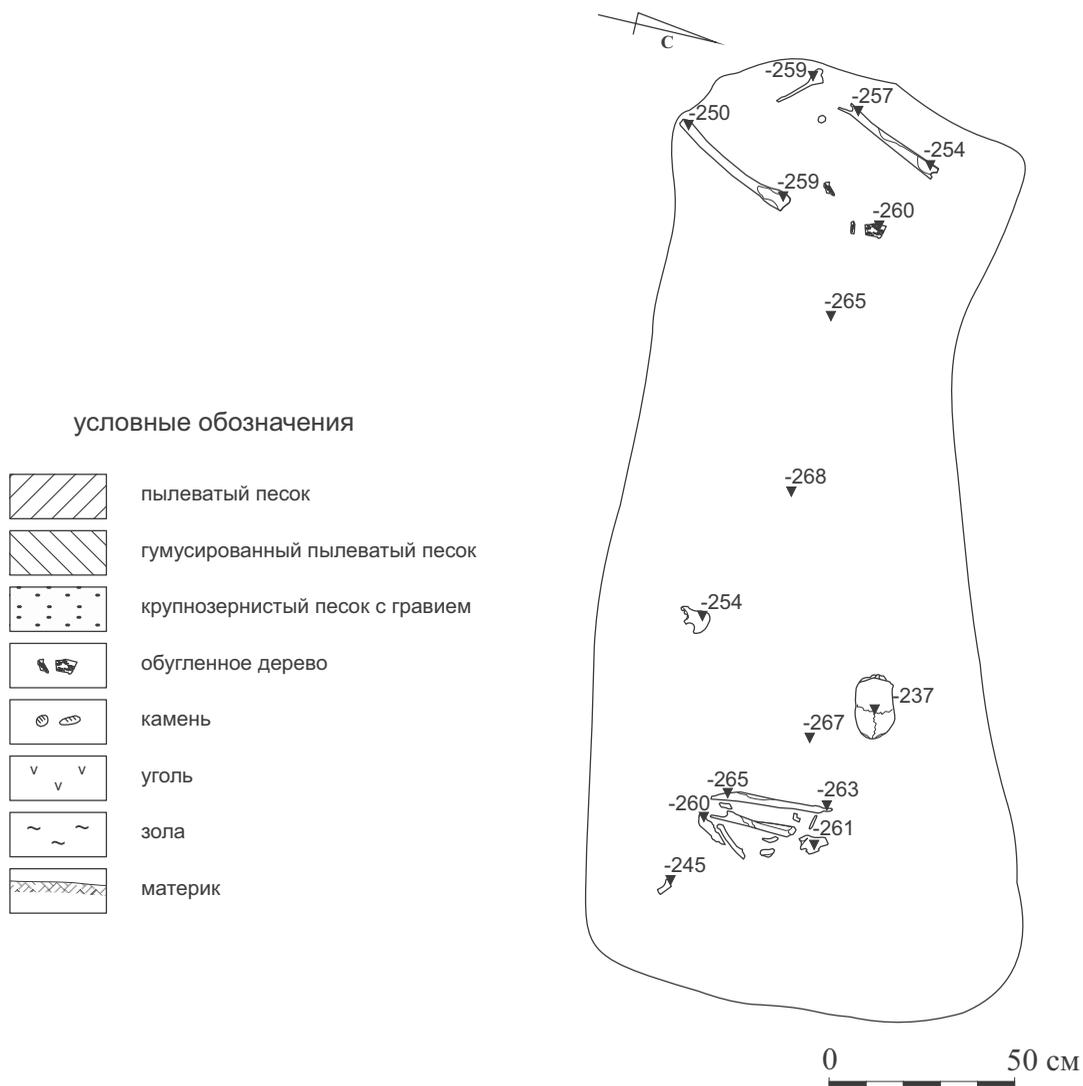

Рис. 75. Курган 9. Разрезы кургана

1 — бровка север-юг (вид с востока); 2 — бровка запад-восток (вид с юга)

1

2

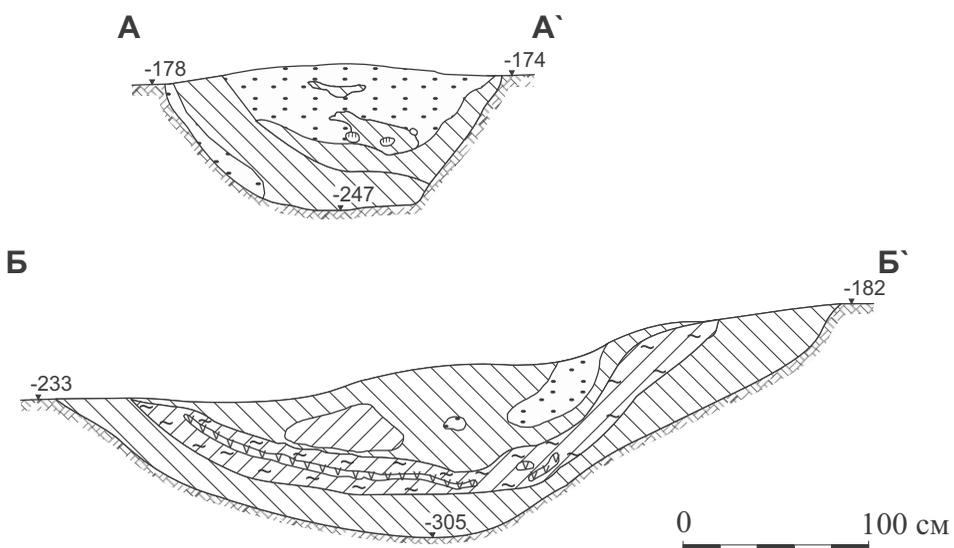

Рис. 76. Курган 9. План погребения 1 (1). Разрезы (2) ямы 1 (А-А') и северного ровика (Б-Б')

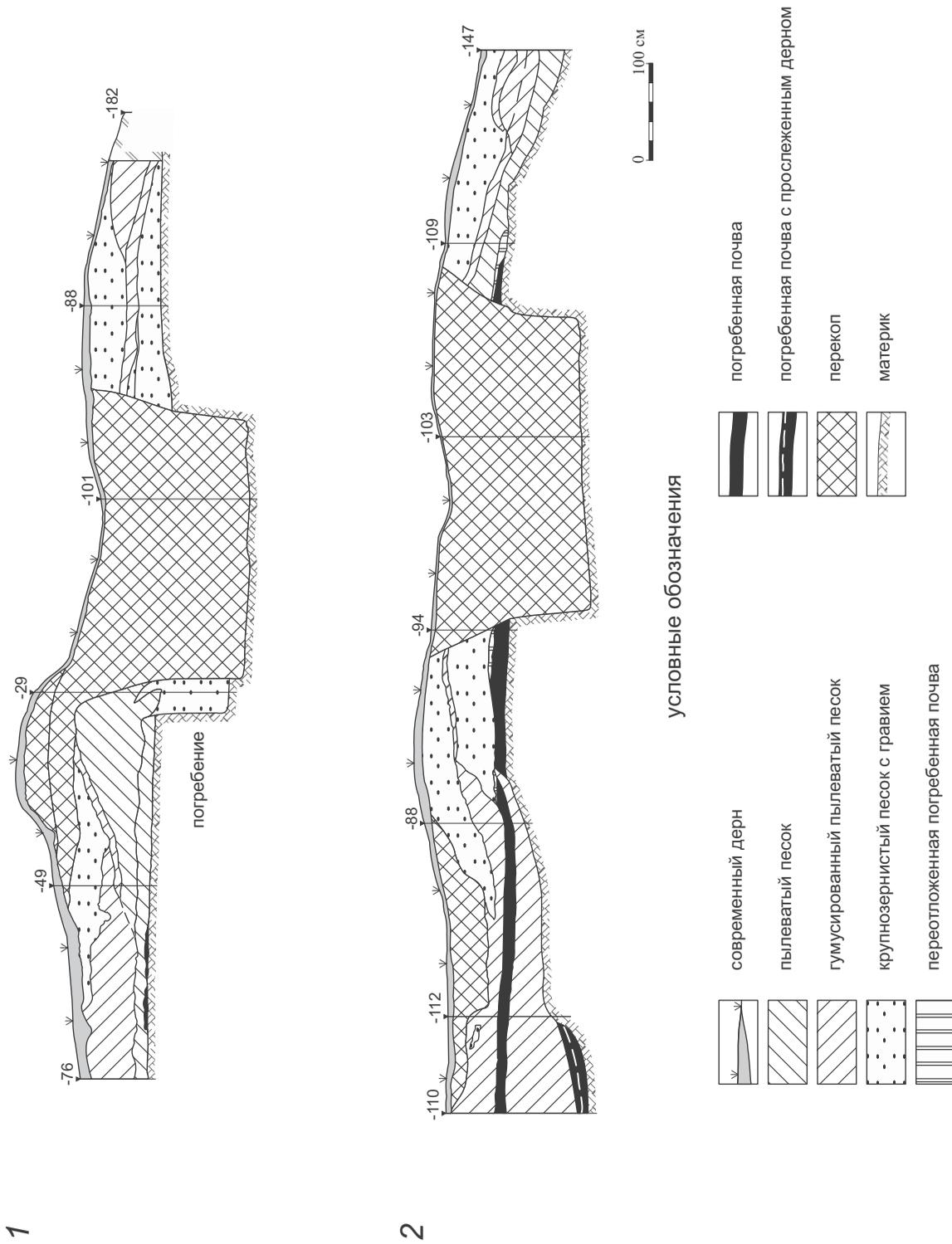

Рис. 77. Курган 10. Разрезы кургана

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с севера)

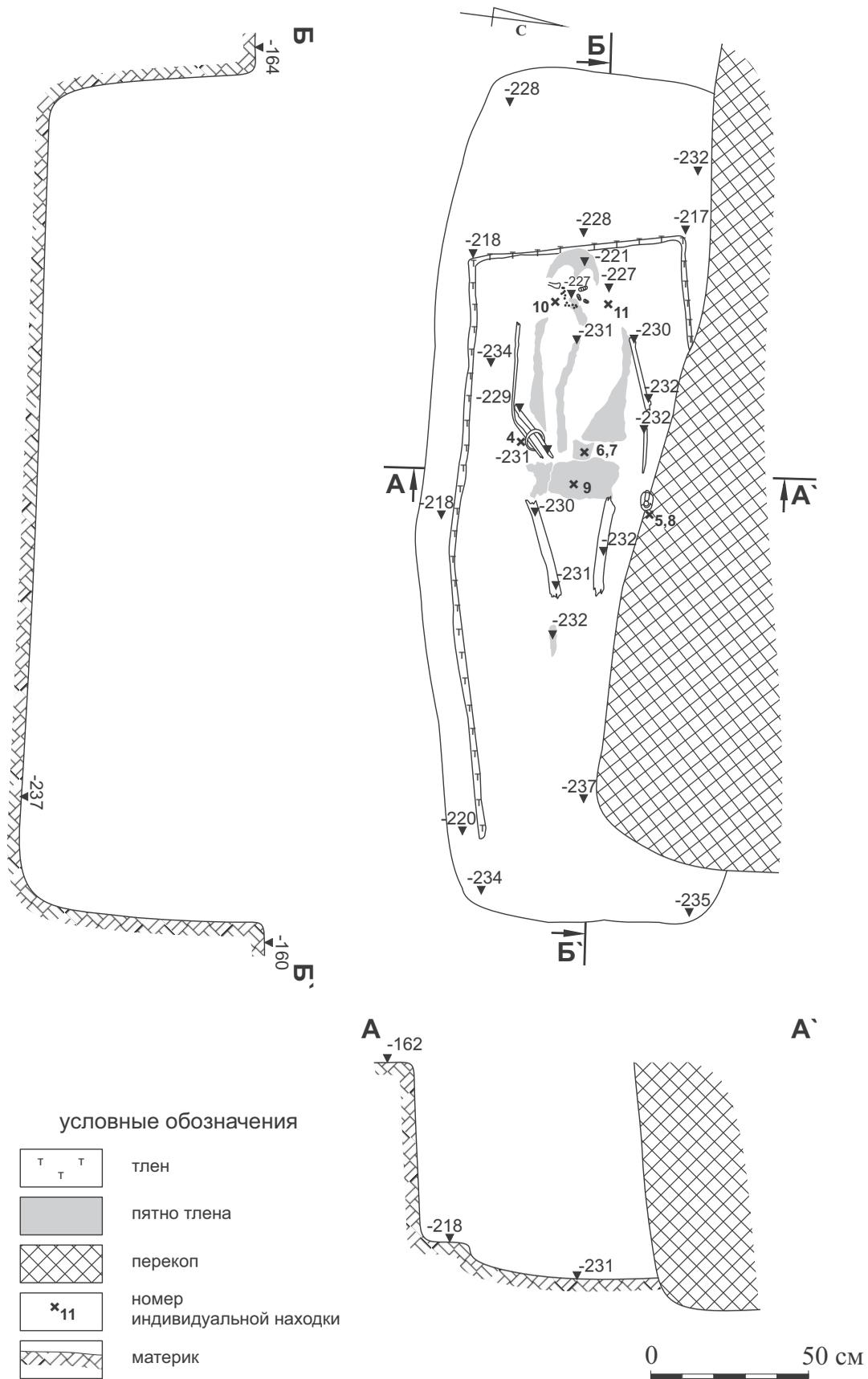

Рис. 78. Курган 10. Погребение 1. План и разрезы

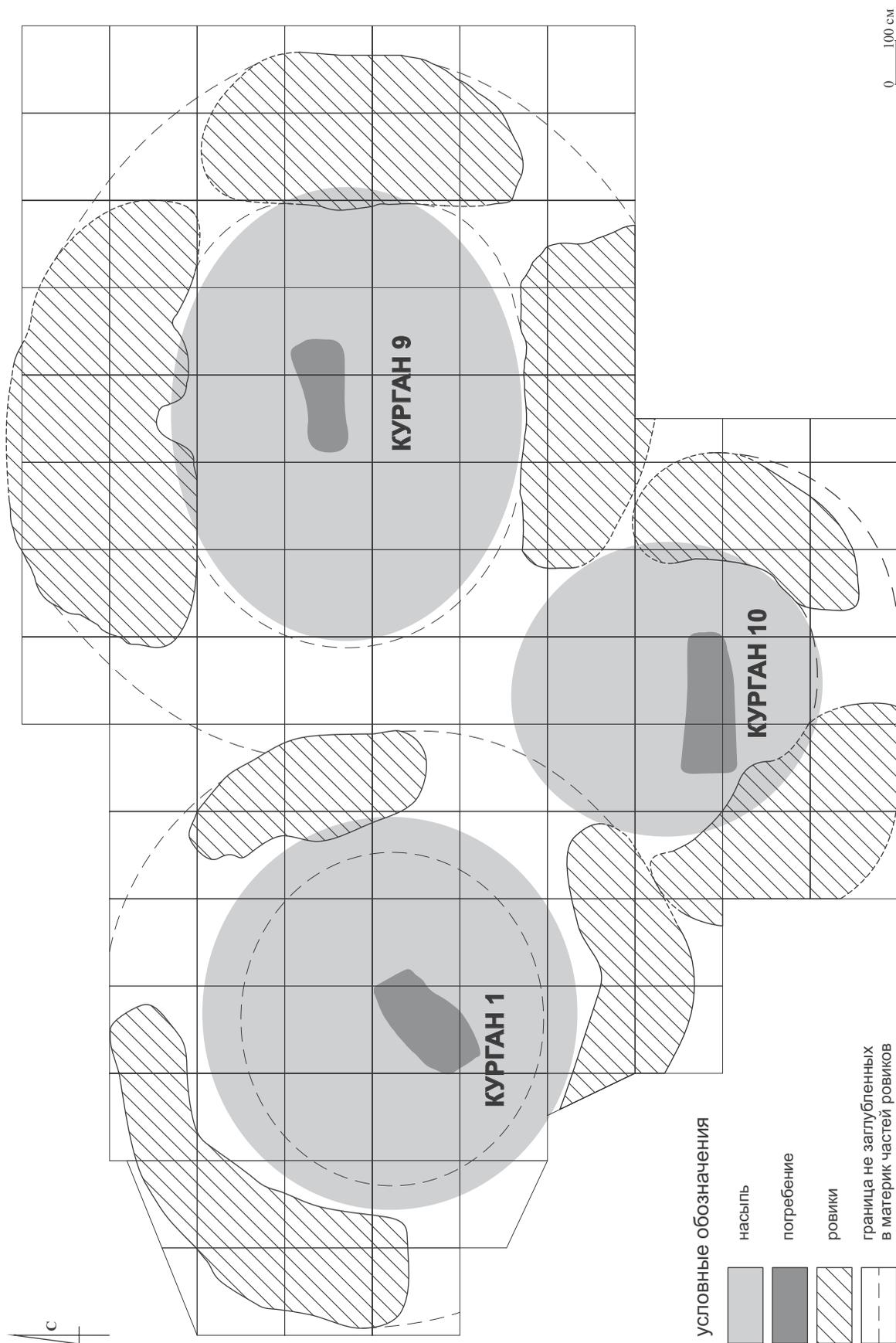

Рис. 79. Курганы 1, 9, 10. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

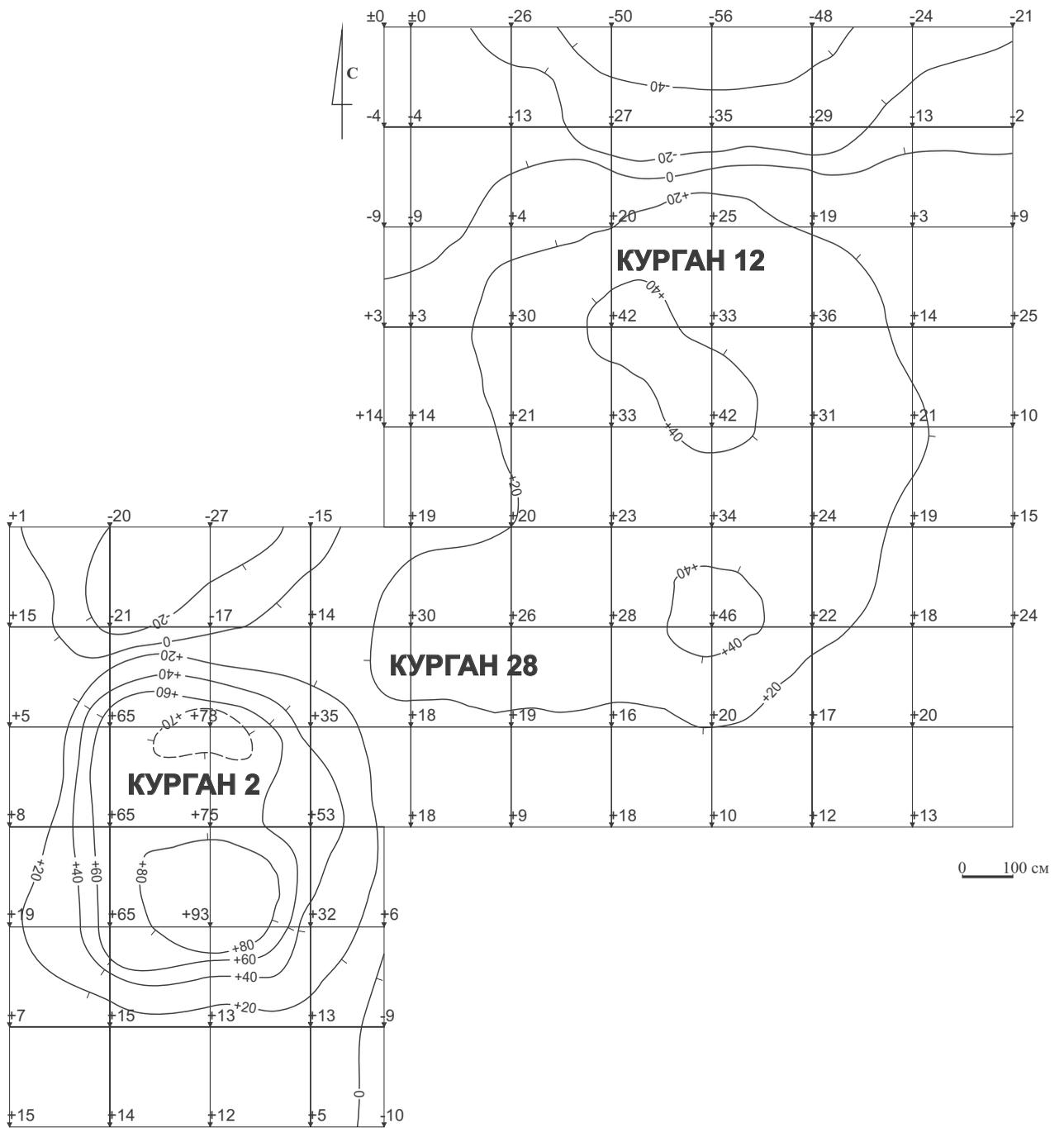

Рис. 80. Курганы 2, 12, 28. План нивелировки дневной поверхности

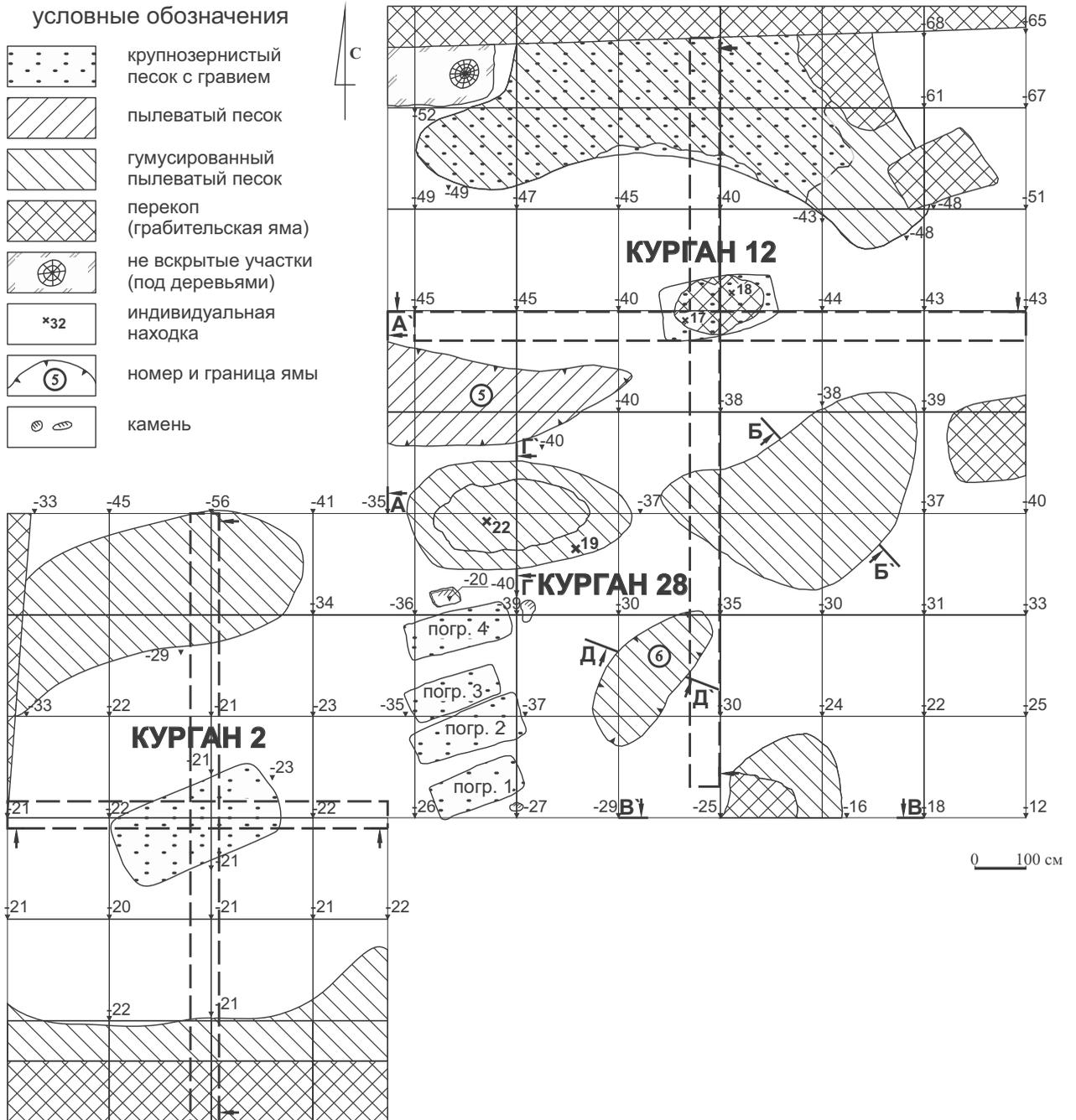

Рис. 81. Курганы 2, 12, 28. План зачистки по материке

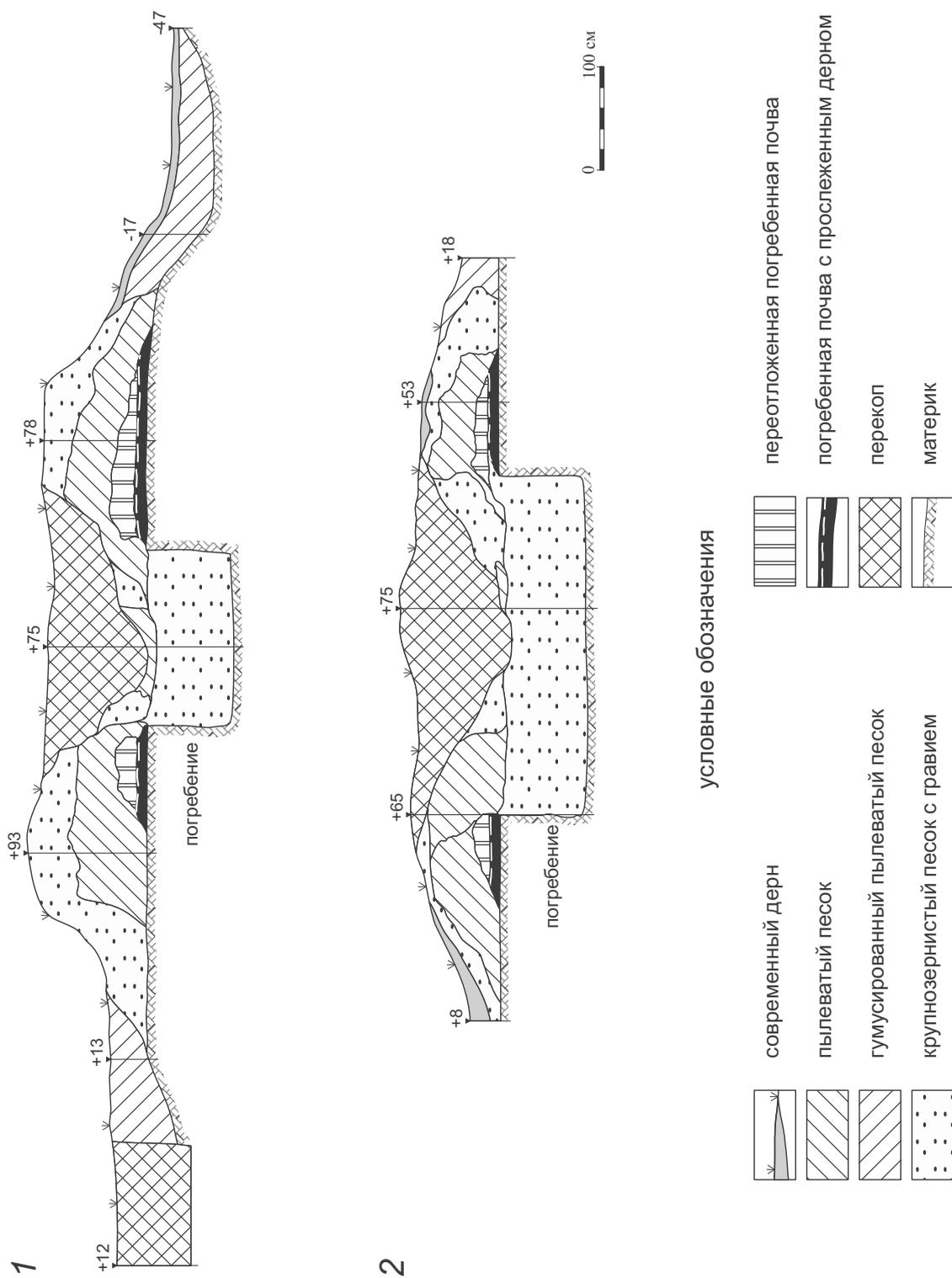

Рис. 82. Курган 2. Разрезы кургана

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с юга)

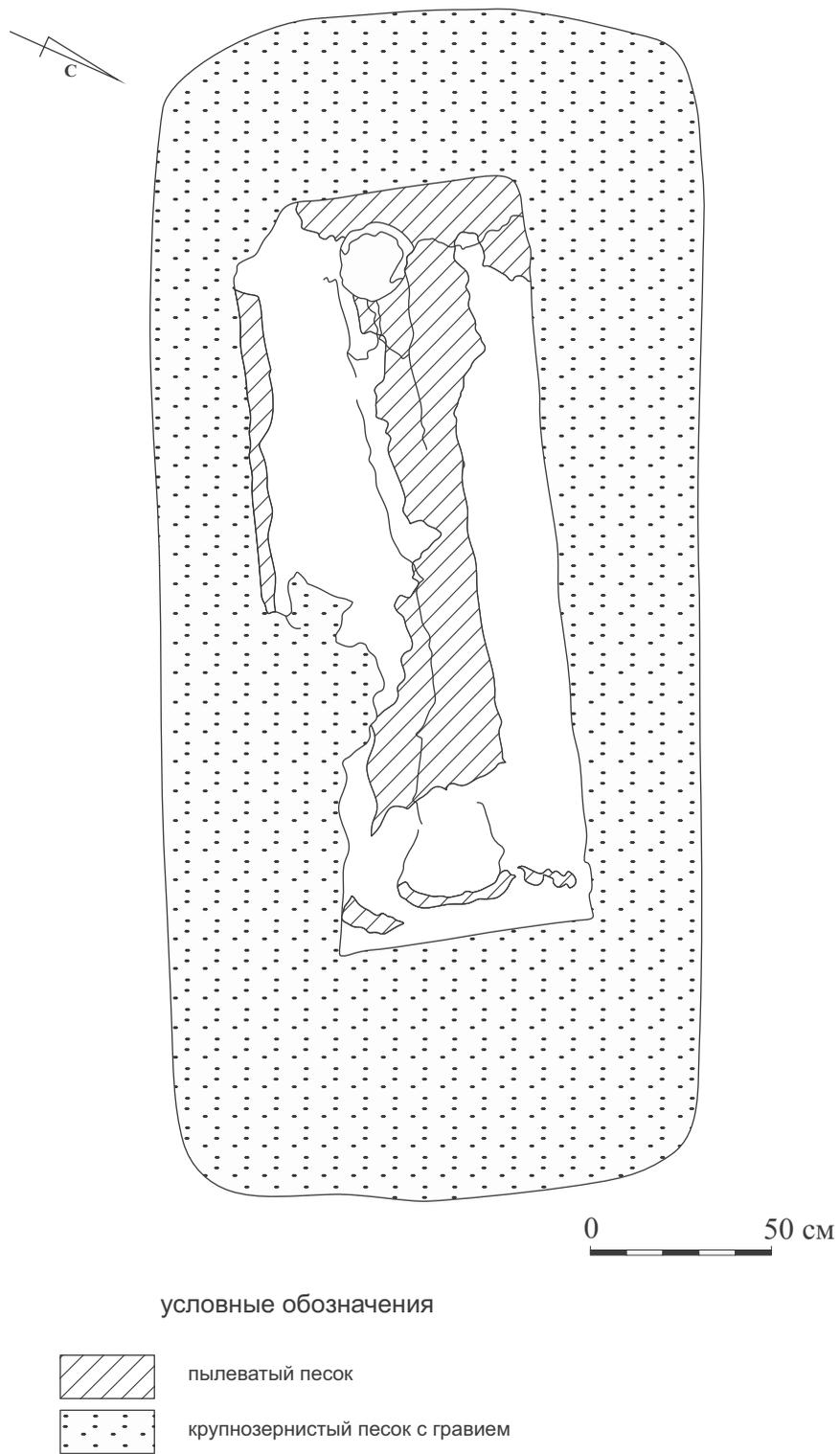

Рис. 83. Курган 2. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. План

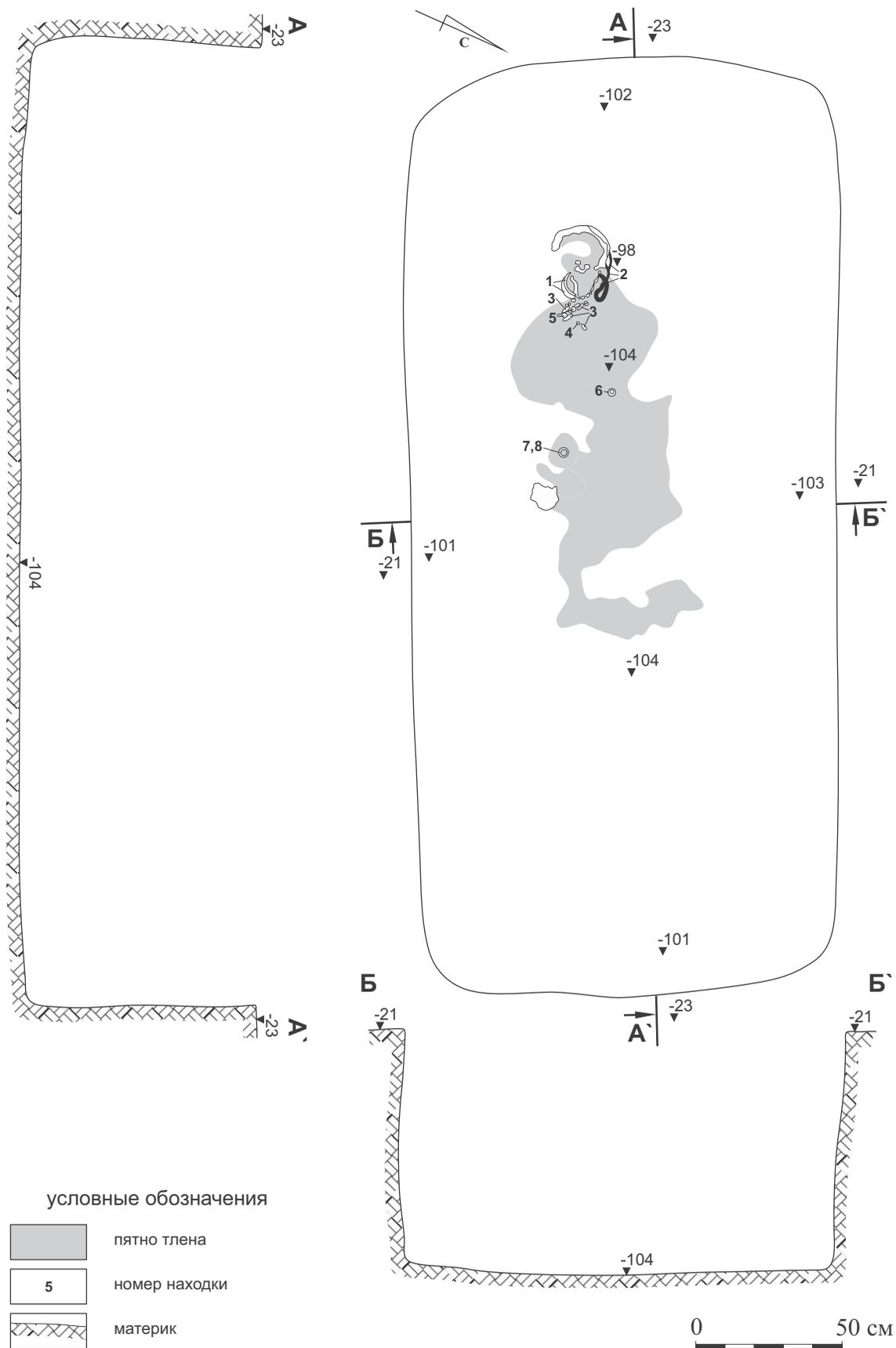

Рис. 84. Курган 2. Погребение 1. План и разрезы

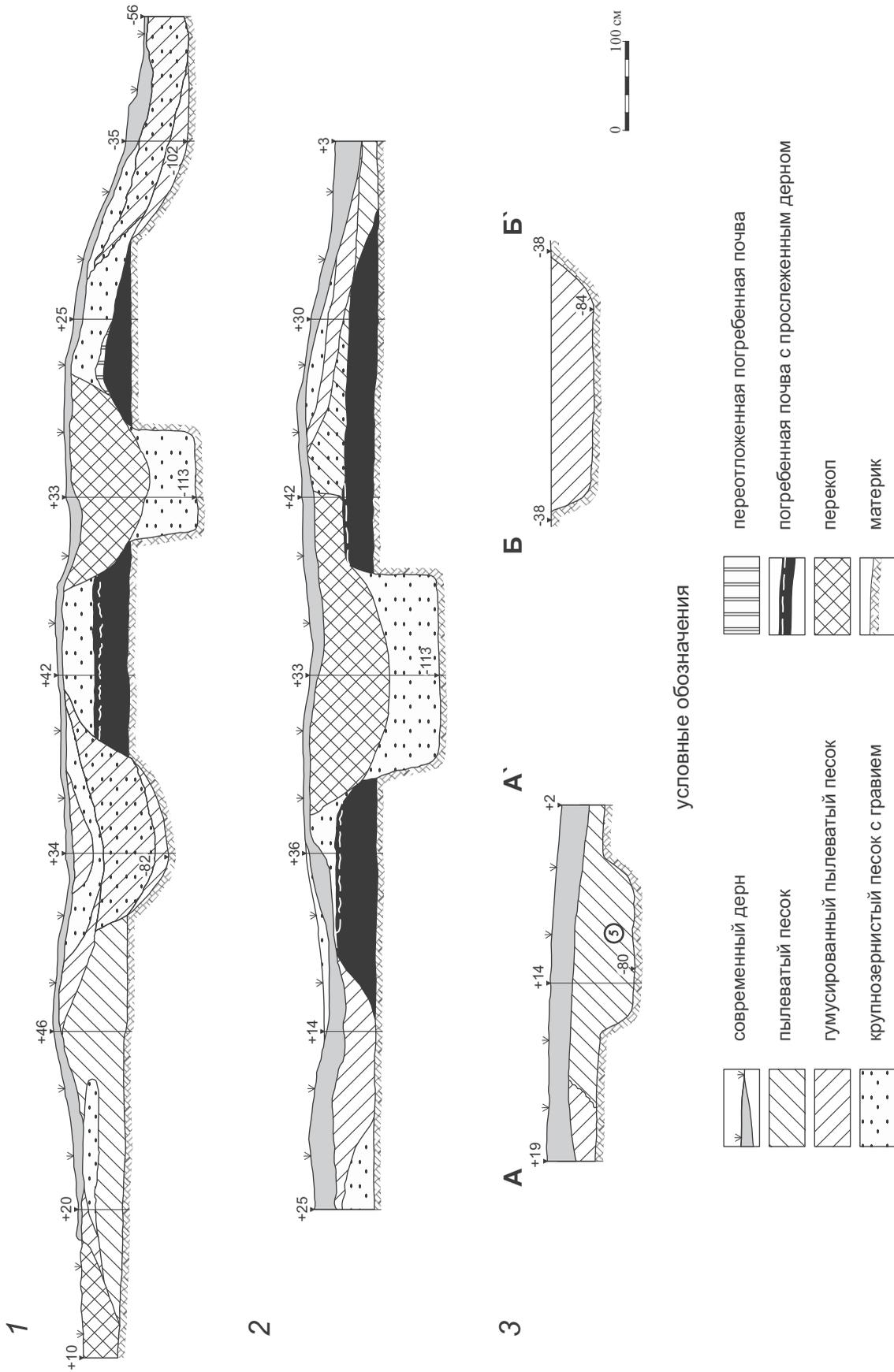

Рис. 85. Курган 12. Разрезы кургана

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с севера); 3 – разрезы ямы 5 (А-А') и юго-восточного ровика (Б-Б')

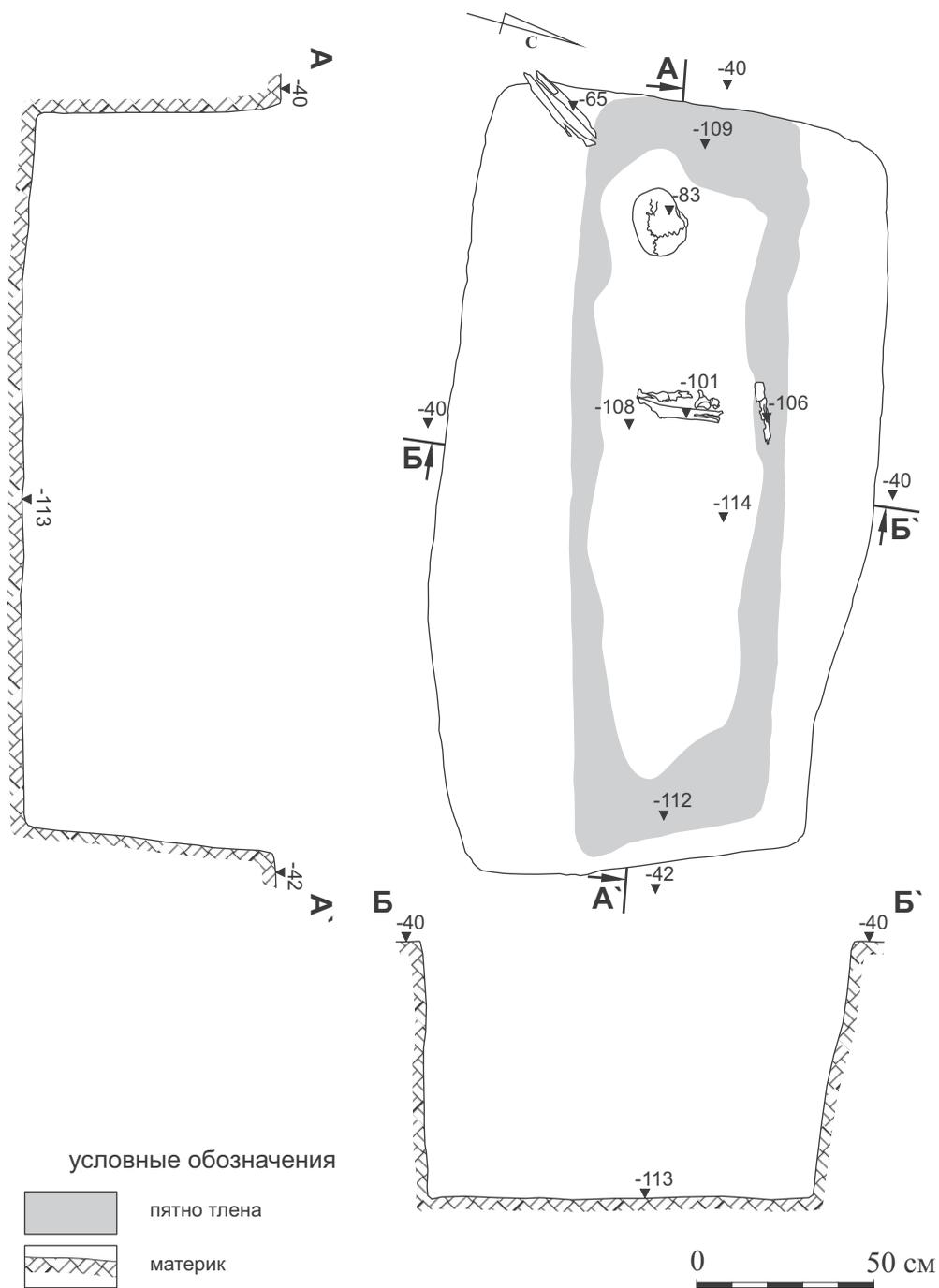

Рис. 86. Курган 12. Погребение 1. План и разрезы

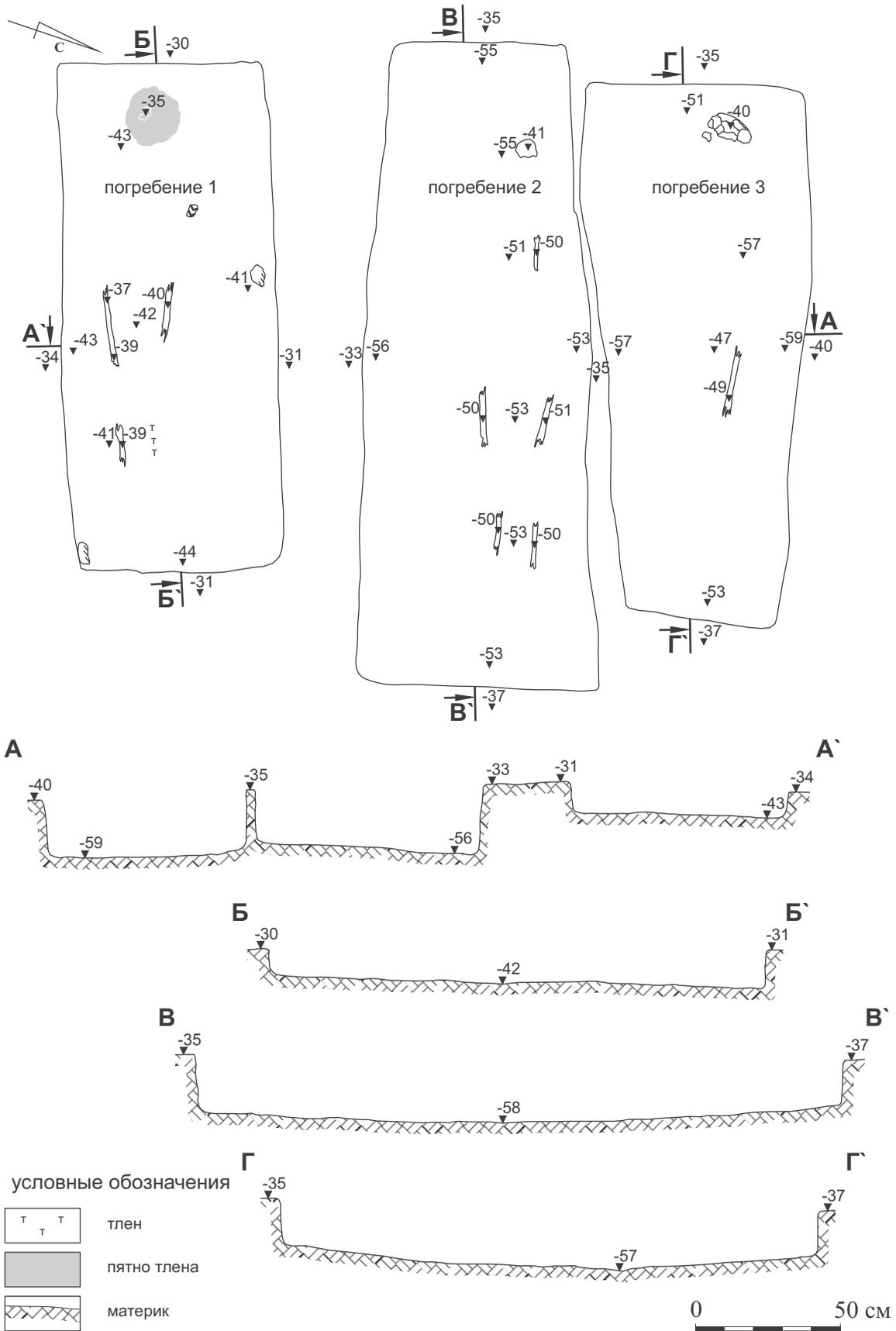

Рис. 87. Курган 28. Погребения 1–3. План и разрезы

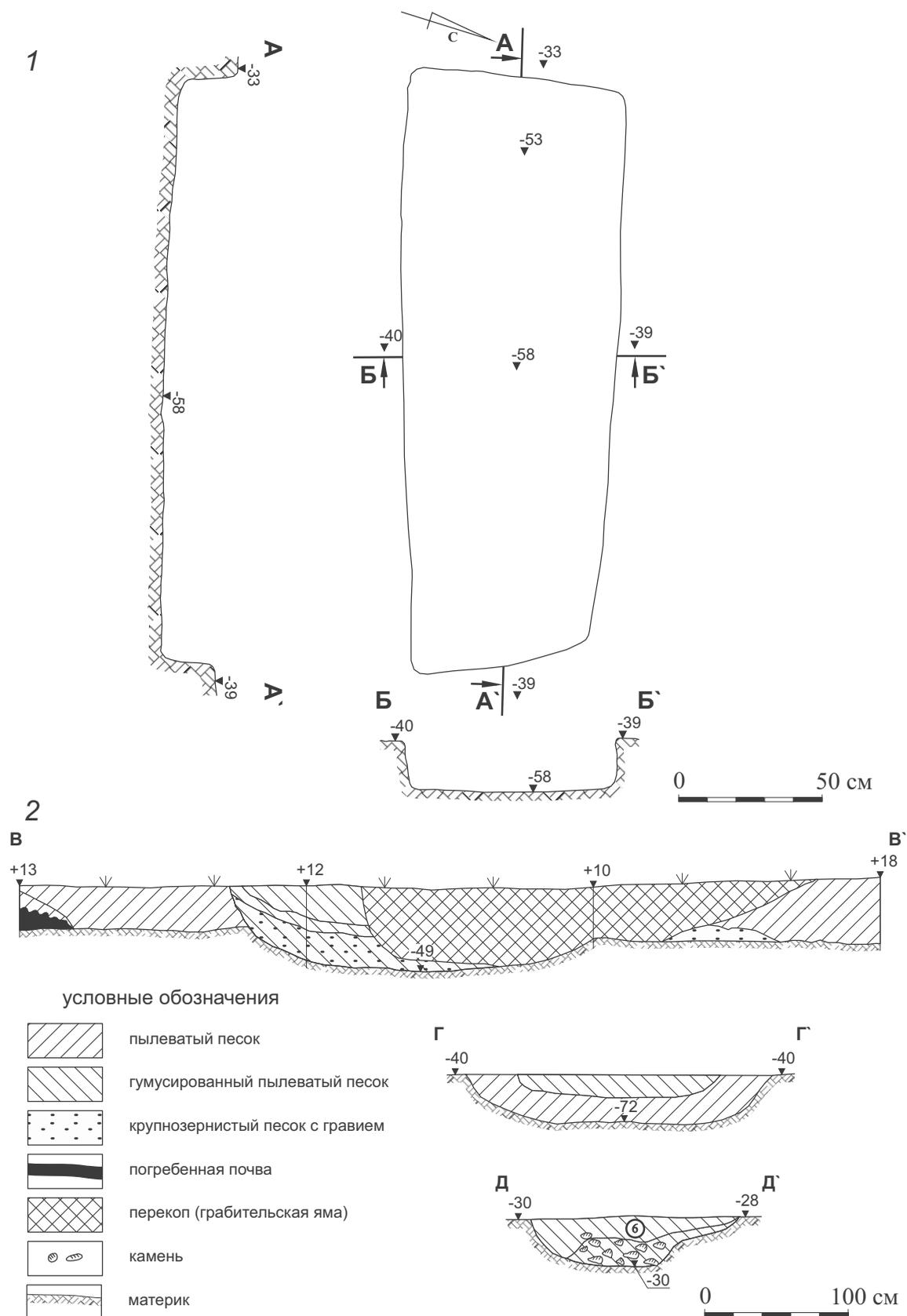

Рис. 88. Курган 28. План и разрезы погребения 4(1).
Разрезы (2) юго-восточного (В-В') северного (Г-Г') ровиков и ямы 6 (Д-Д')

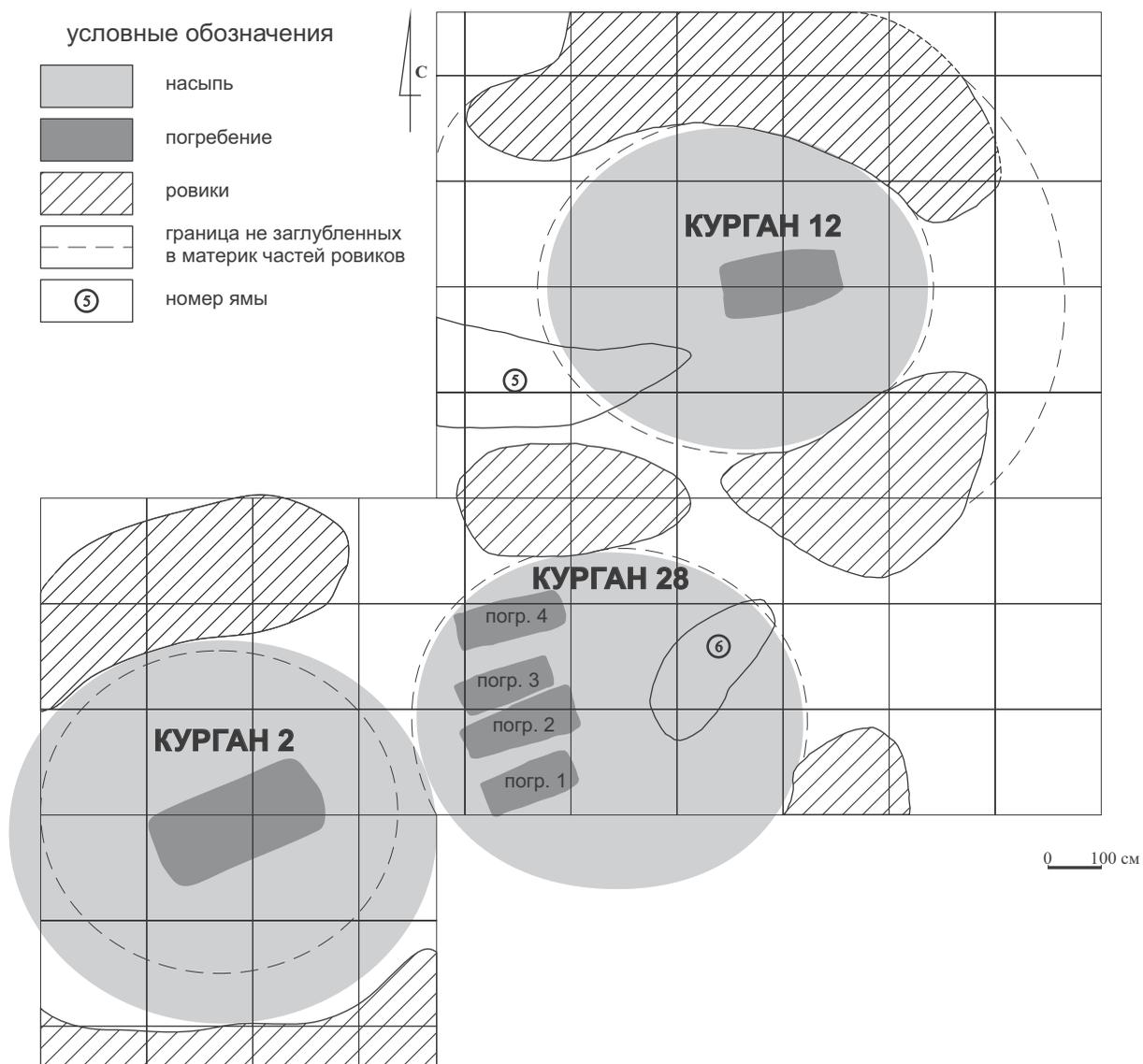

Рис. 89. Курганы 2, 12, 28. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

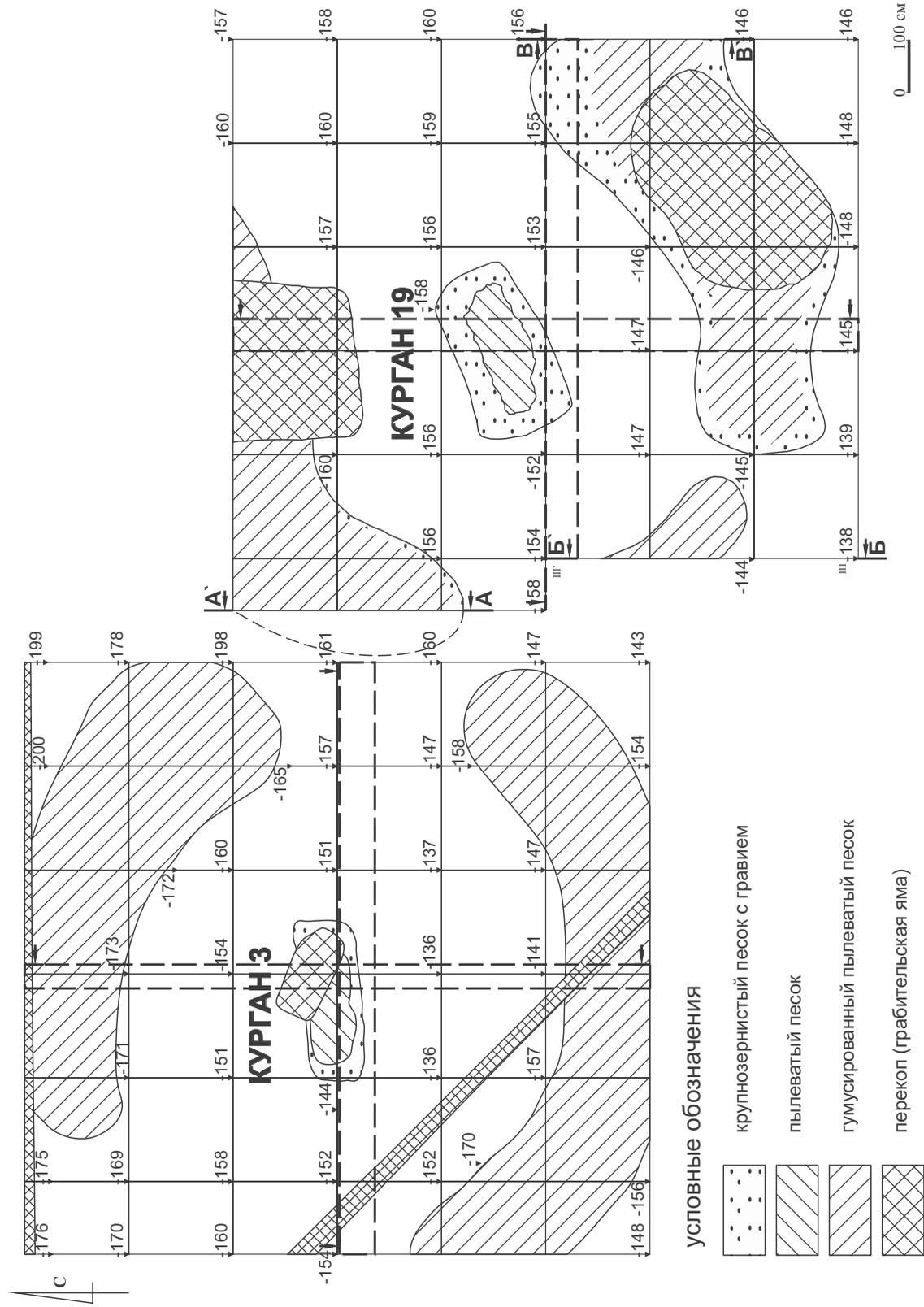

Рис. 91. Курганы 3, 19. План зачистки по материке

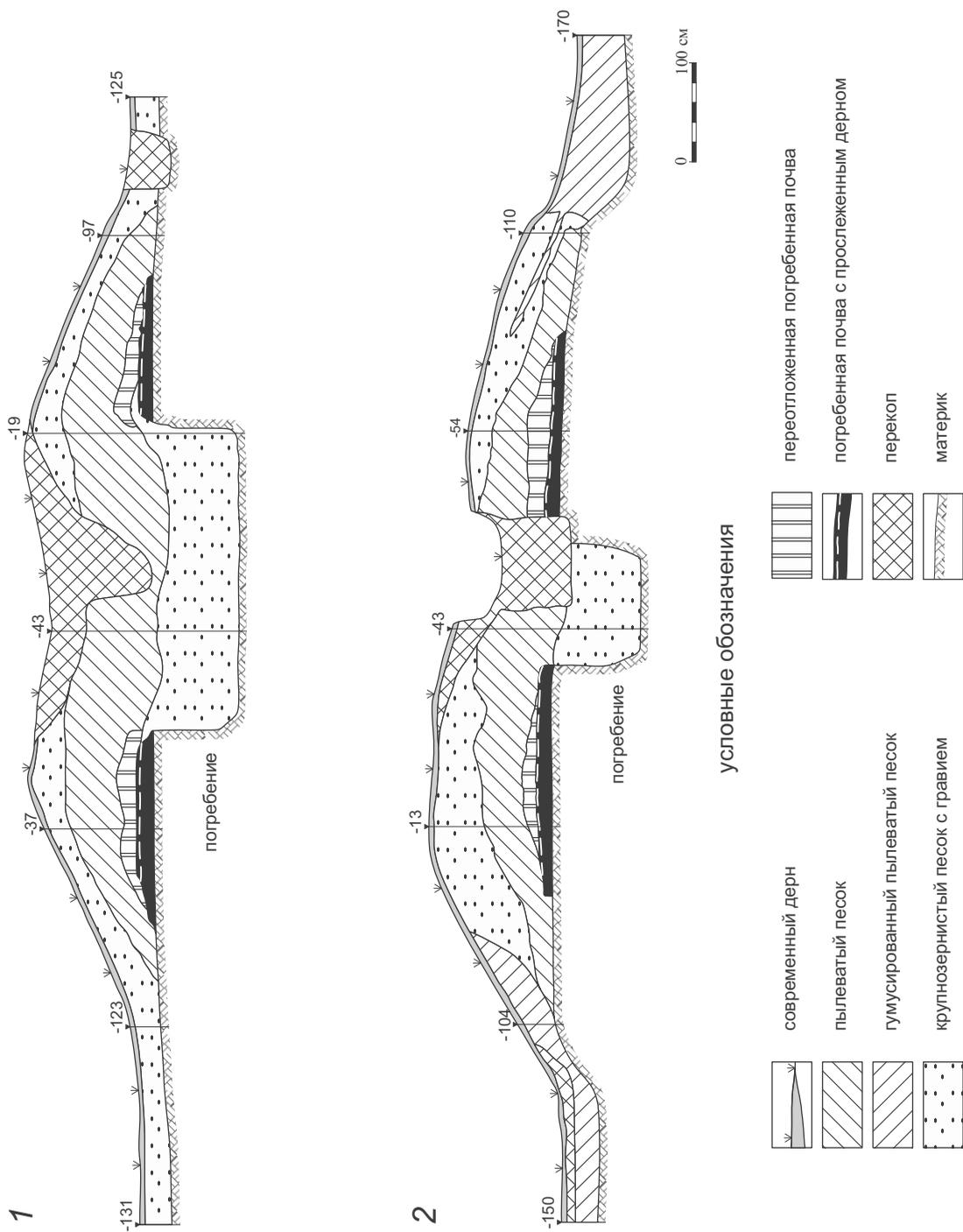

Рис. 92. Курган 3. Разрезы кургана

1 – бровка север-юг (вид с востока); 2 – бровка запад-восток (вид с севера)

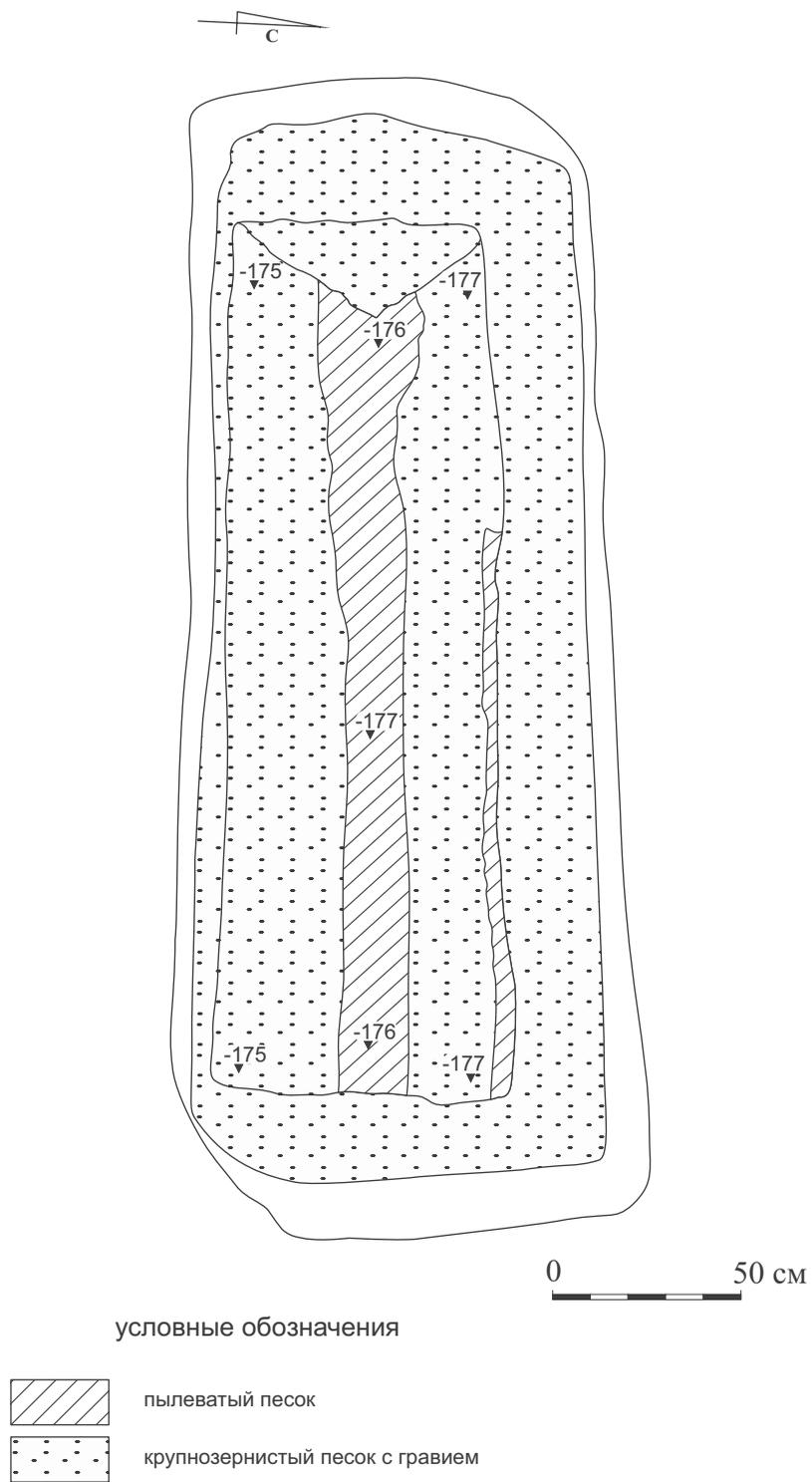

Рис. 93. Курган 3. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. План

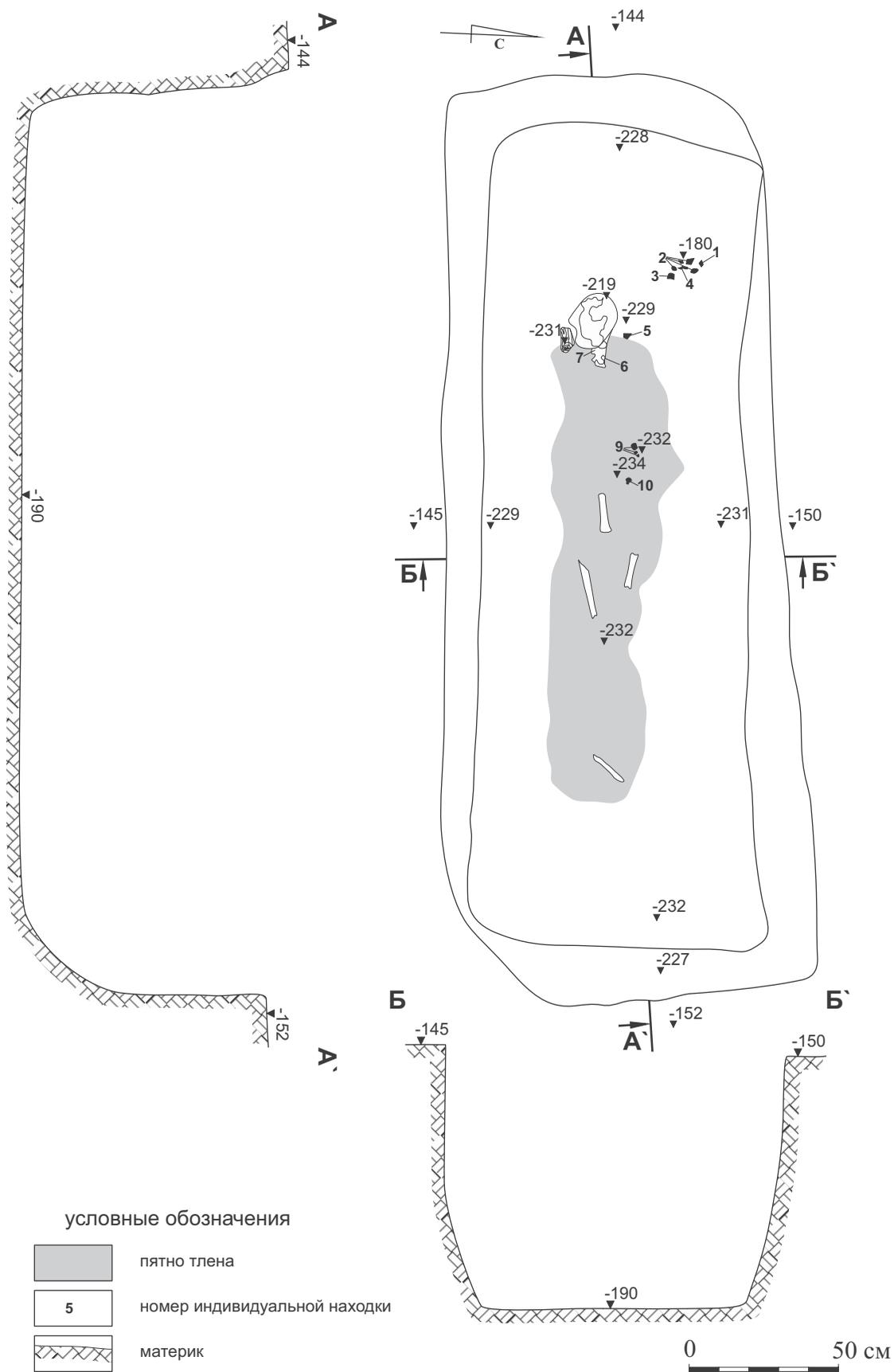

Рис. 94. Курган 3. Погребение 1. План и разрезы

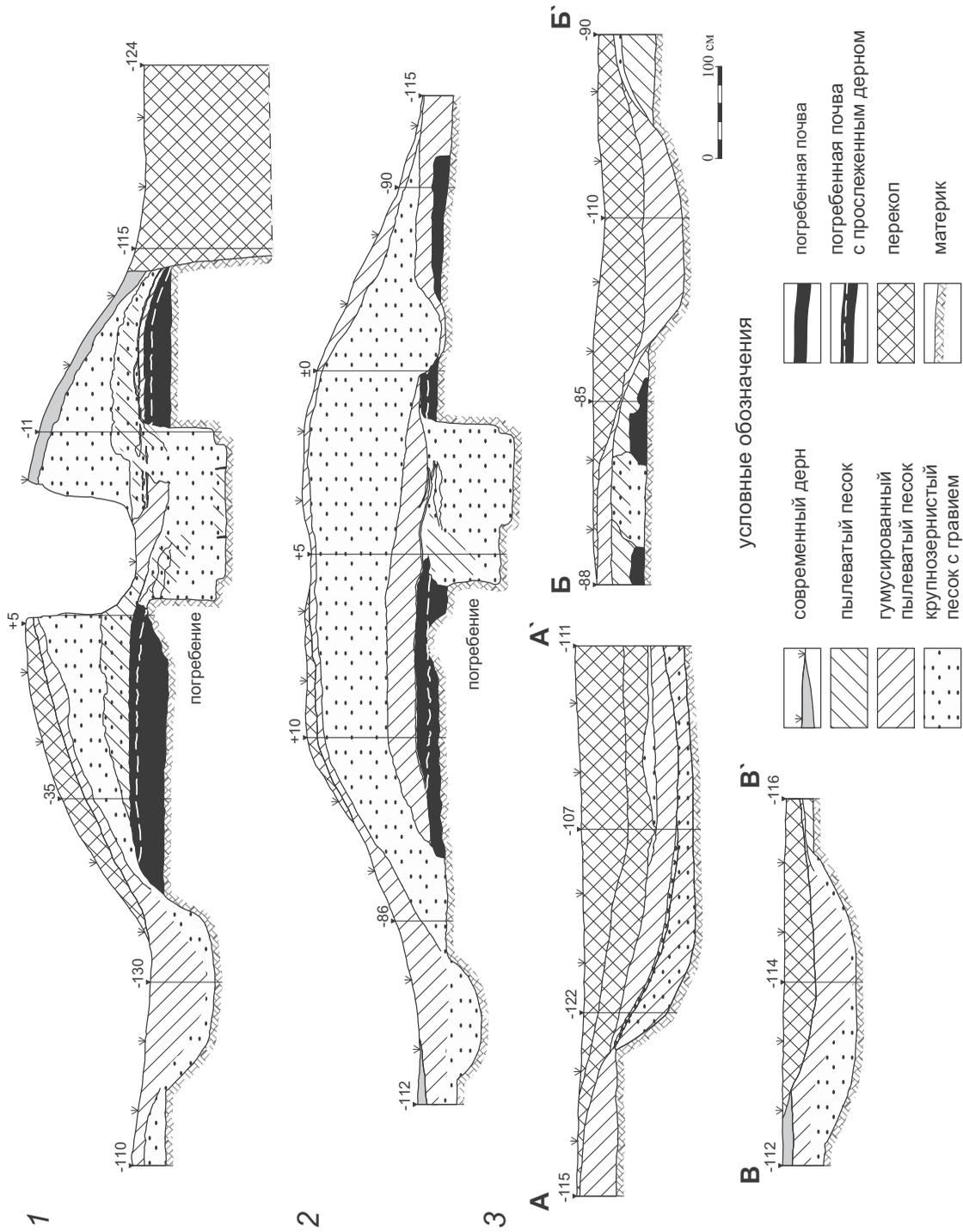

Рис. 95. Курган 19. Разрезы кургана

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с севера); 3 – разрез северо-западного (А-А') и юго-западного (Б-Б') и юго-восточного (В-В') ровиков

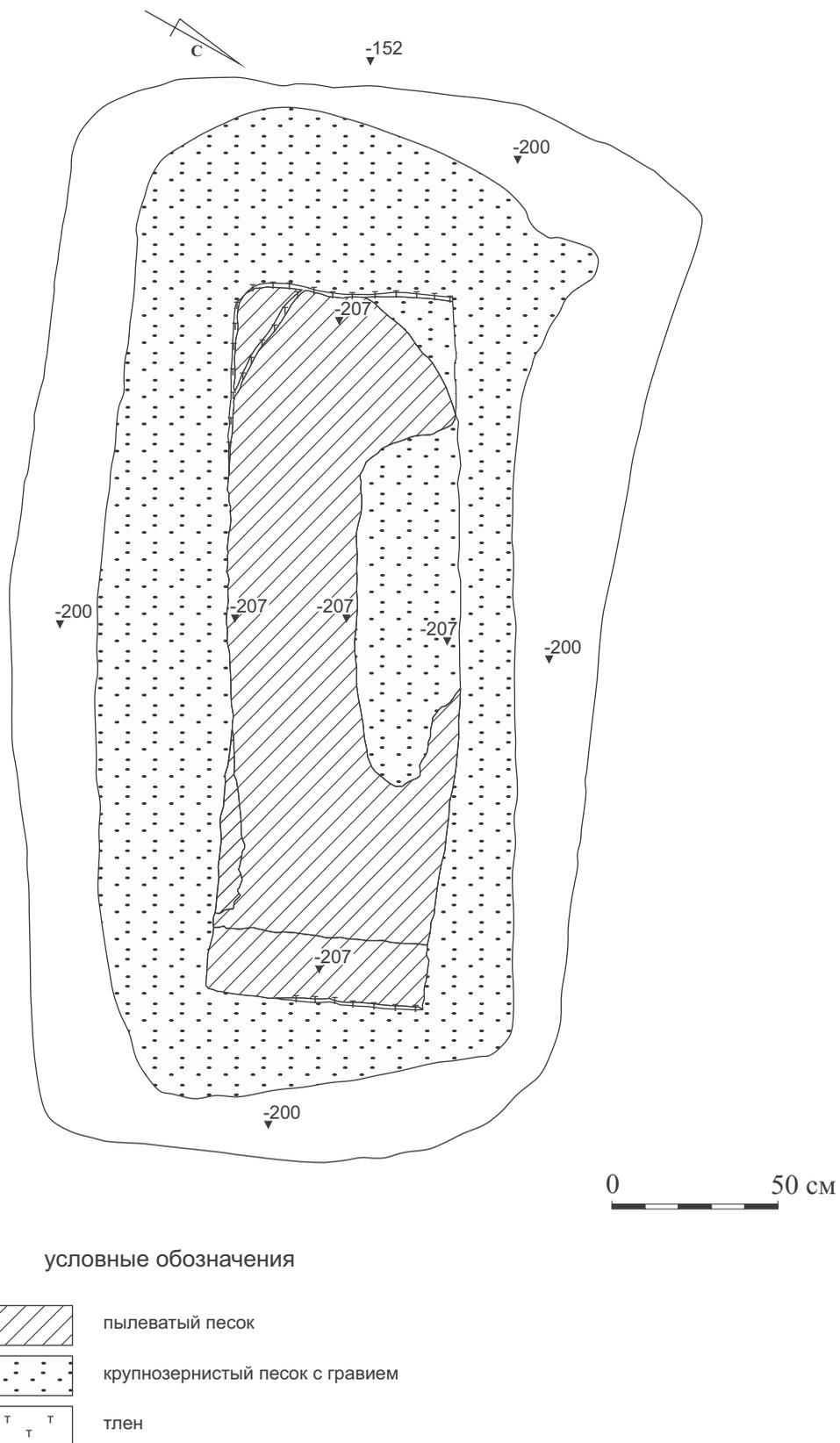

Рис. 96. Курган 19. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. План

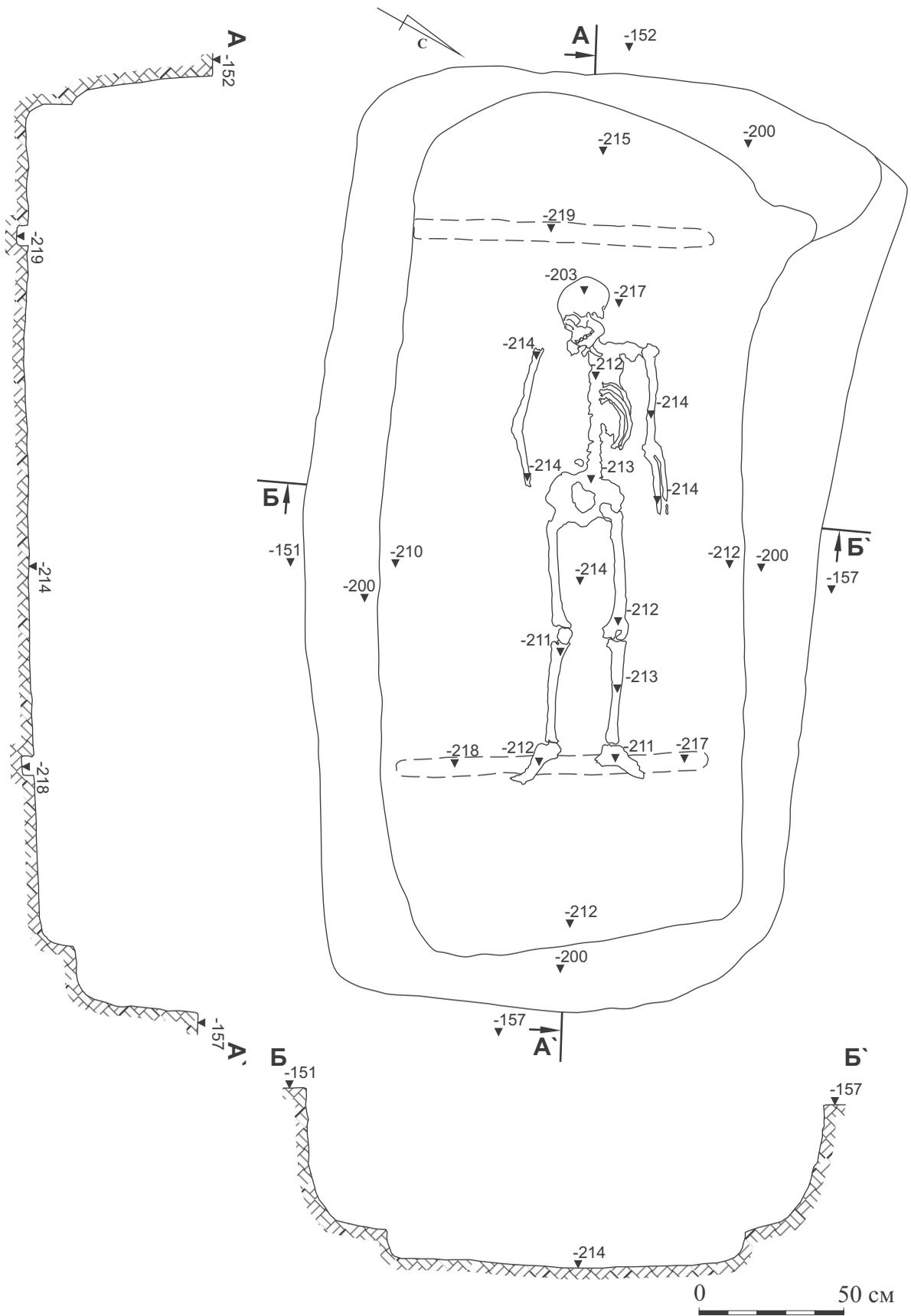

Рис. 97. Курган 19. Погребение 1. План и разрезы

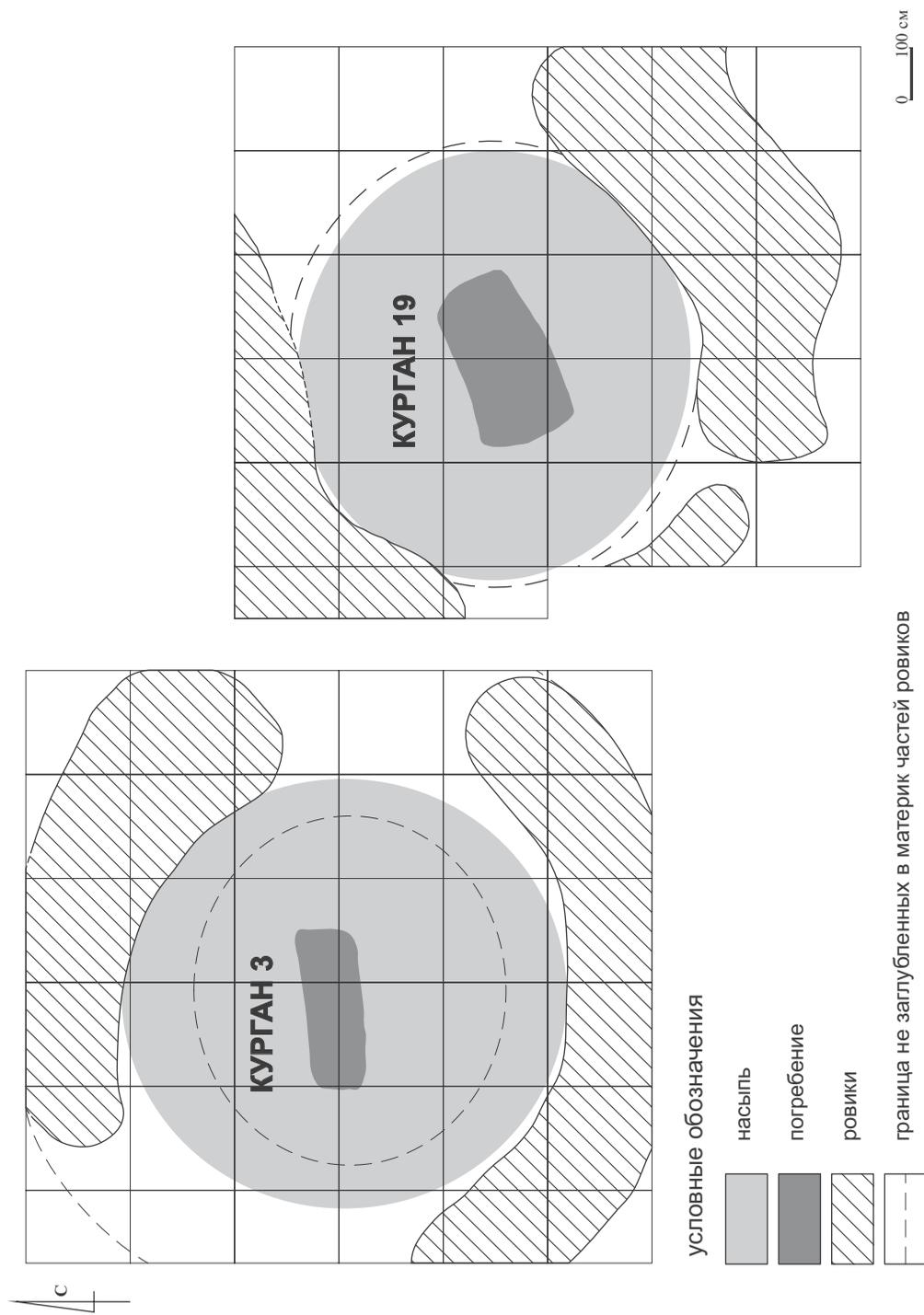

Рис. 98. Курганы 3, 12. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

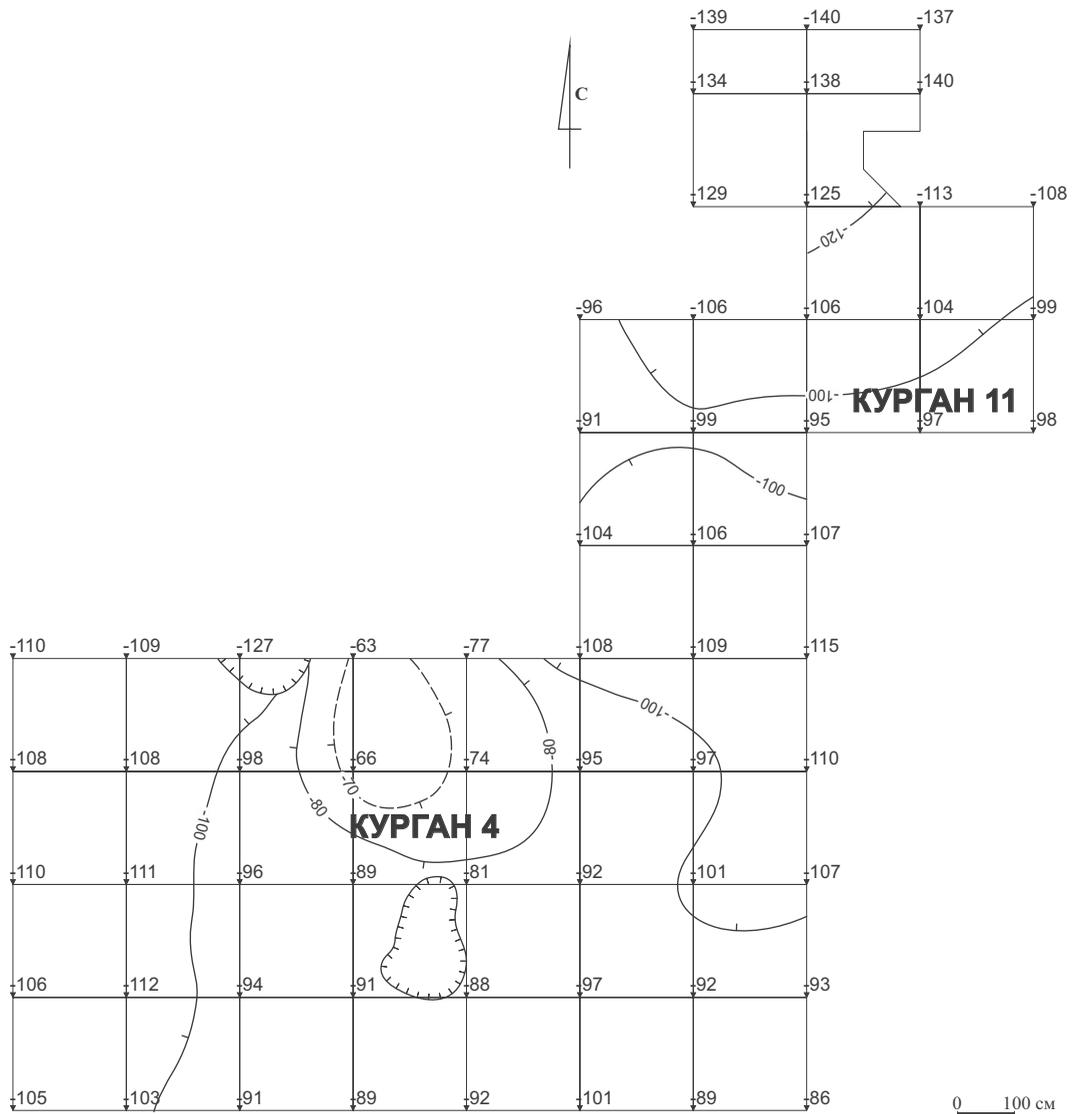

Рис. 99. Курганы 4, 11. План нивелировки дневной поверхности

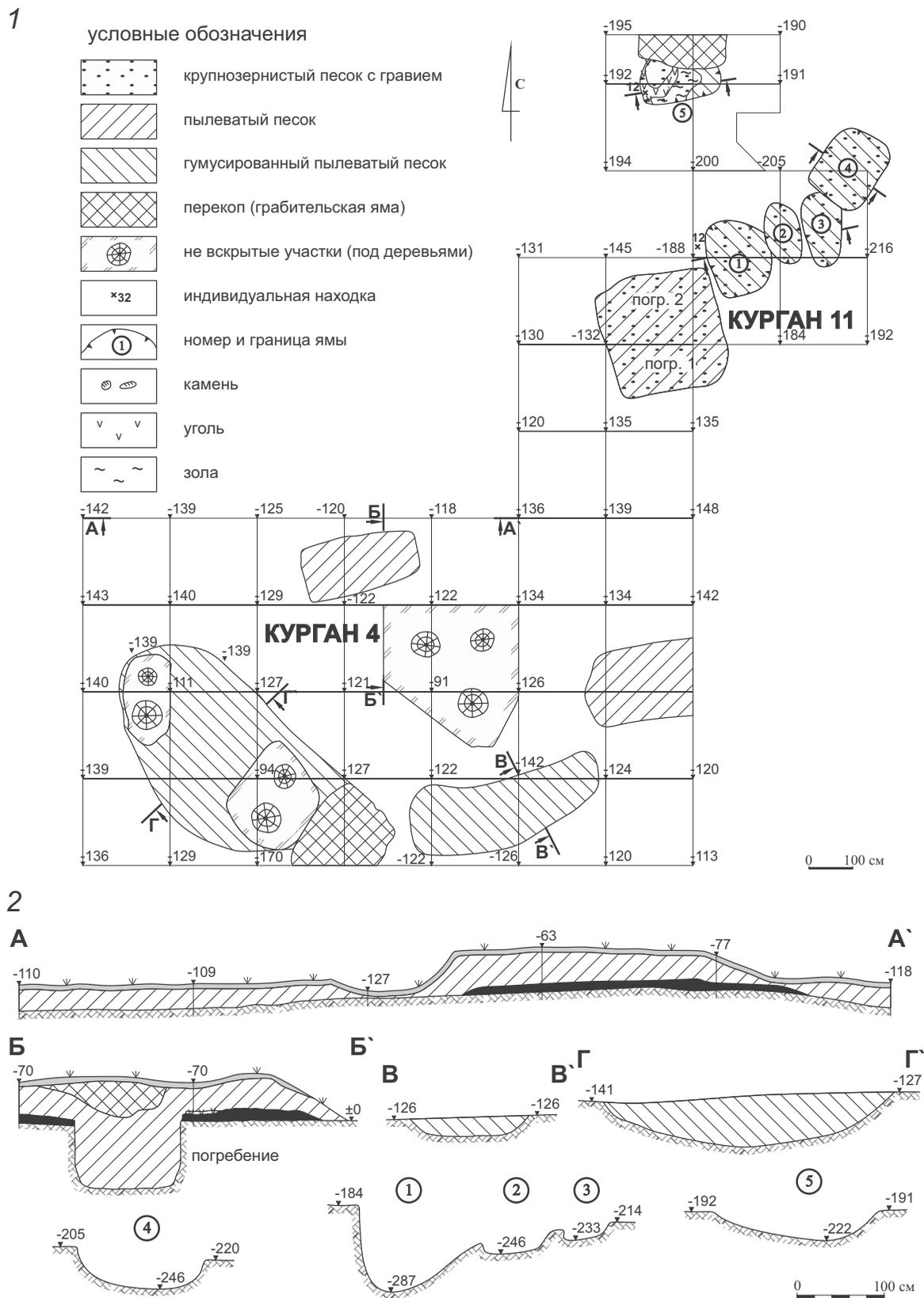

Рис. 100. Курганы 4, 11. План и разрезы

1 – план зачистки по матерiku; 2 – курган 4, разрезы: по северному краю (А-А'), бровке север-юг (Б-Б'), юго-восточного (В-В') и юго-западного (Г-Г') ровиков; курган 11, разрезы ям 1–5

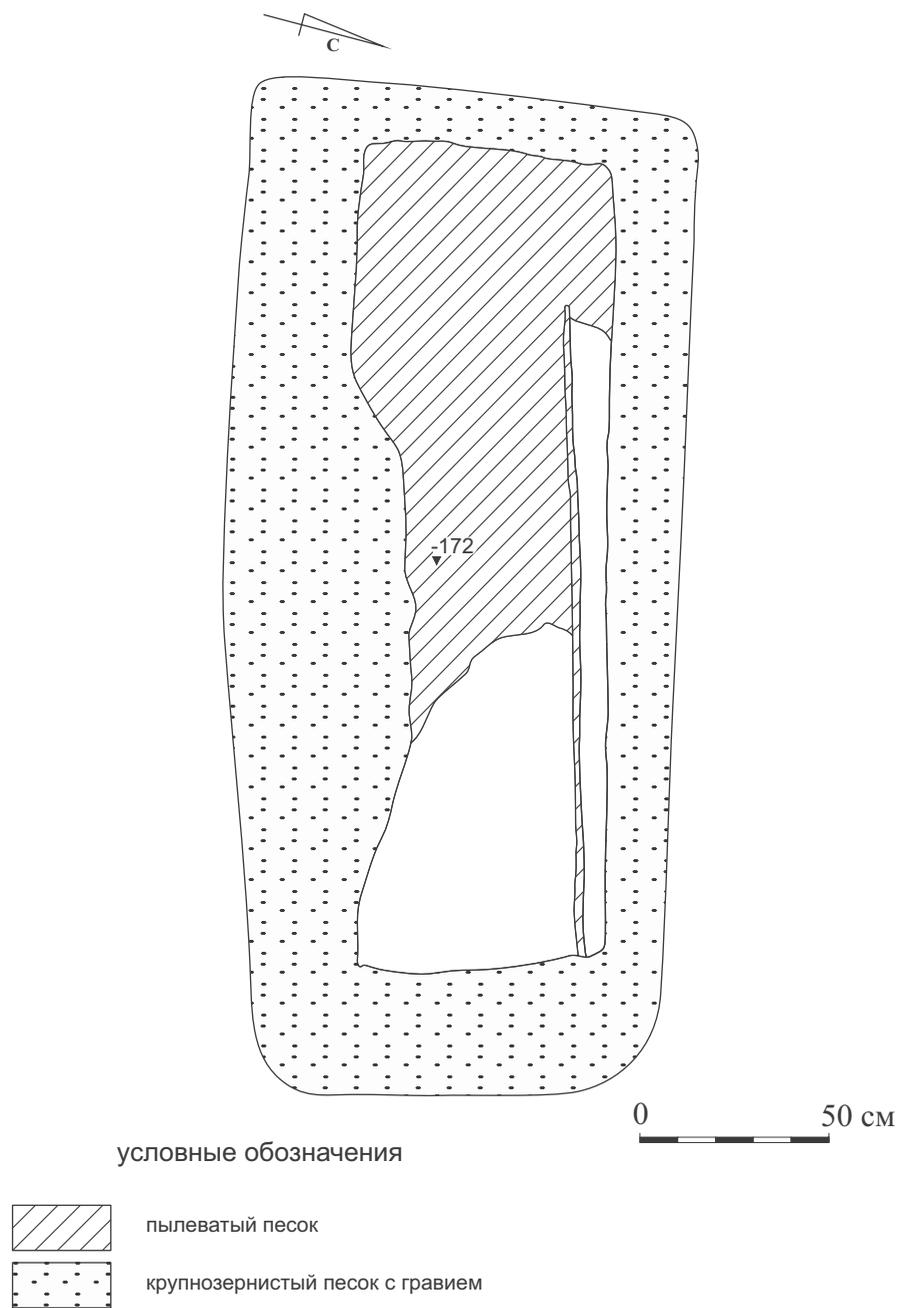

Рис. 101. Курган 4. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. План

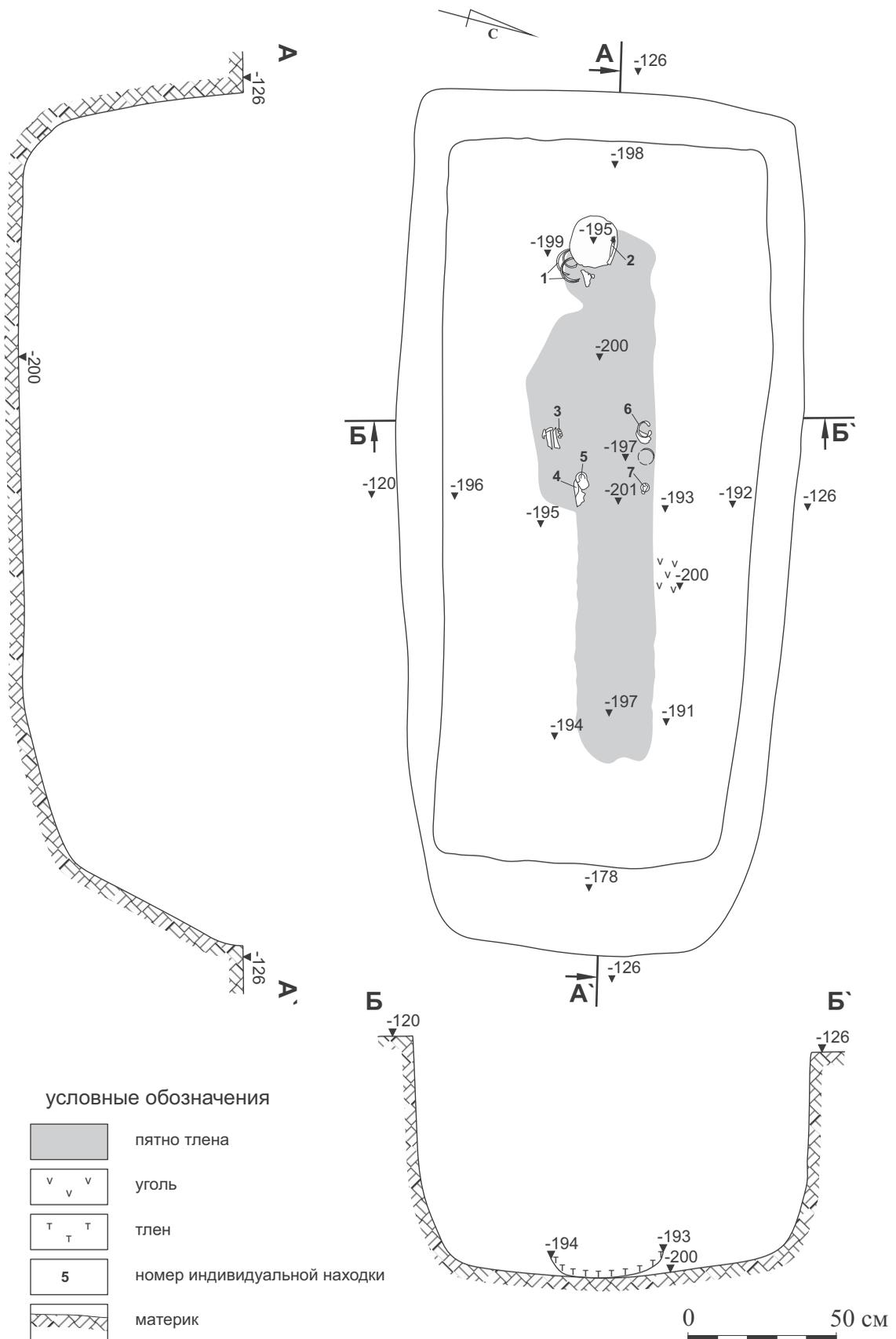

Рис. 102. Курган 4. Погребение 1. План и разрезы

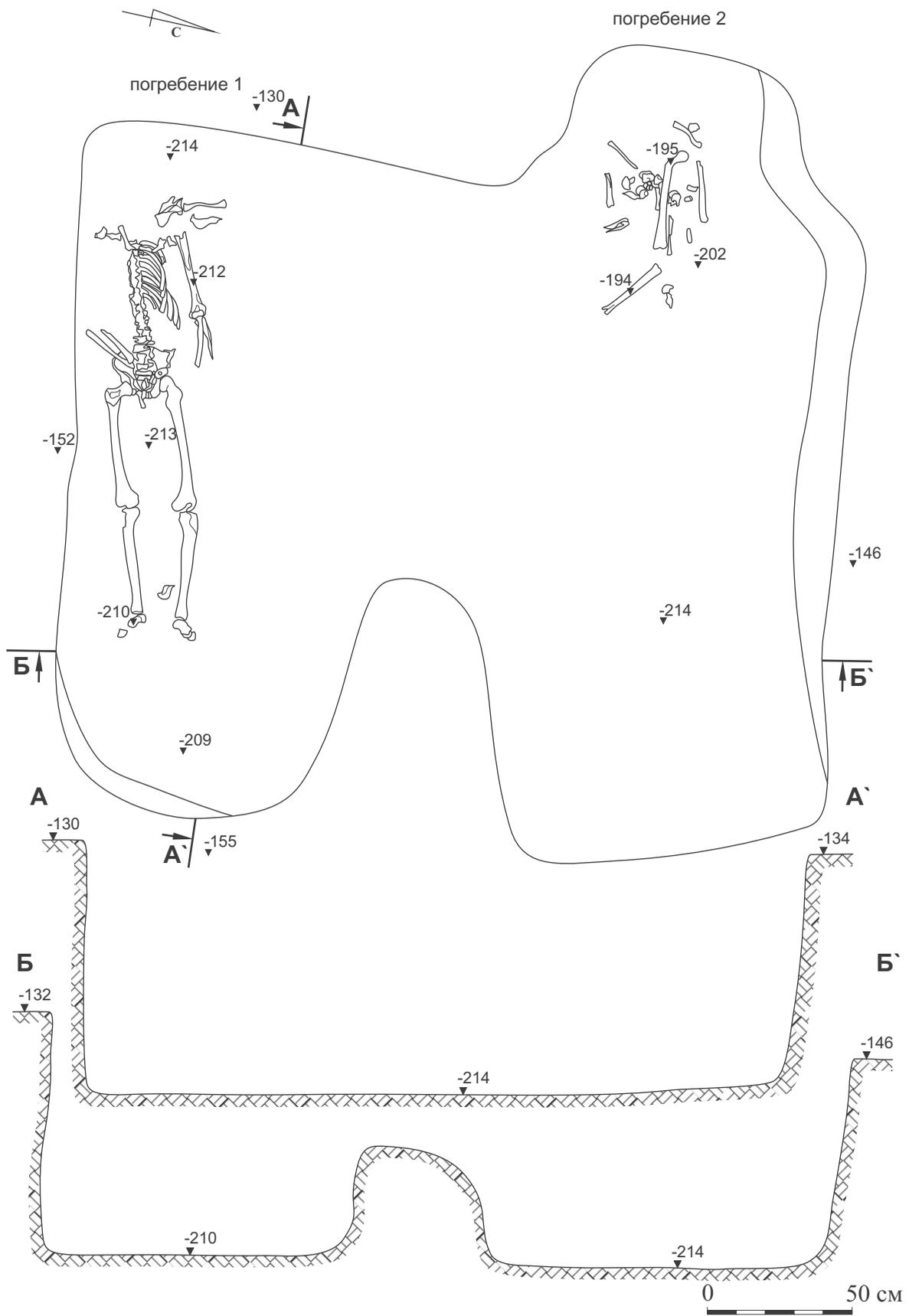

Рис. 103. Курган 11. Погребения 1 и 2. План и разрезы

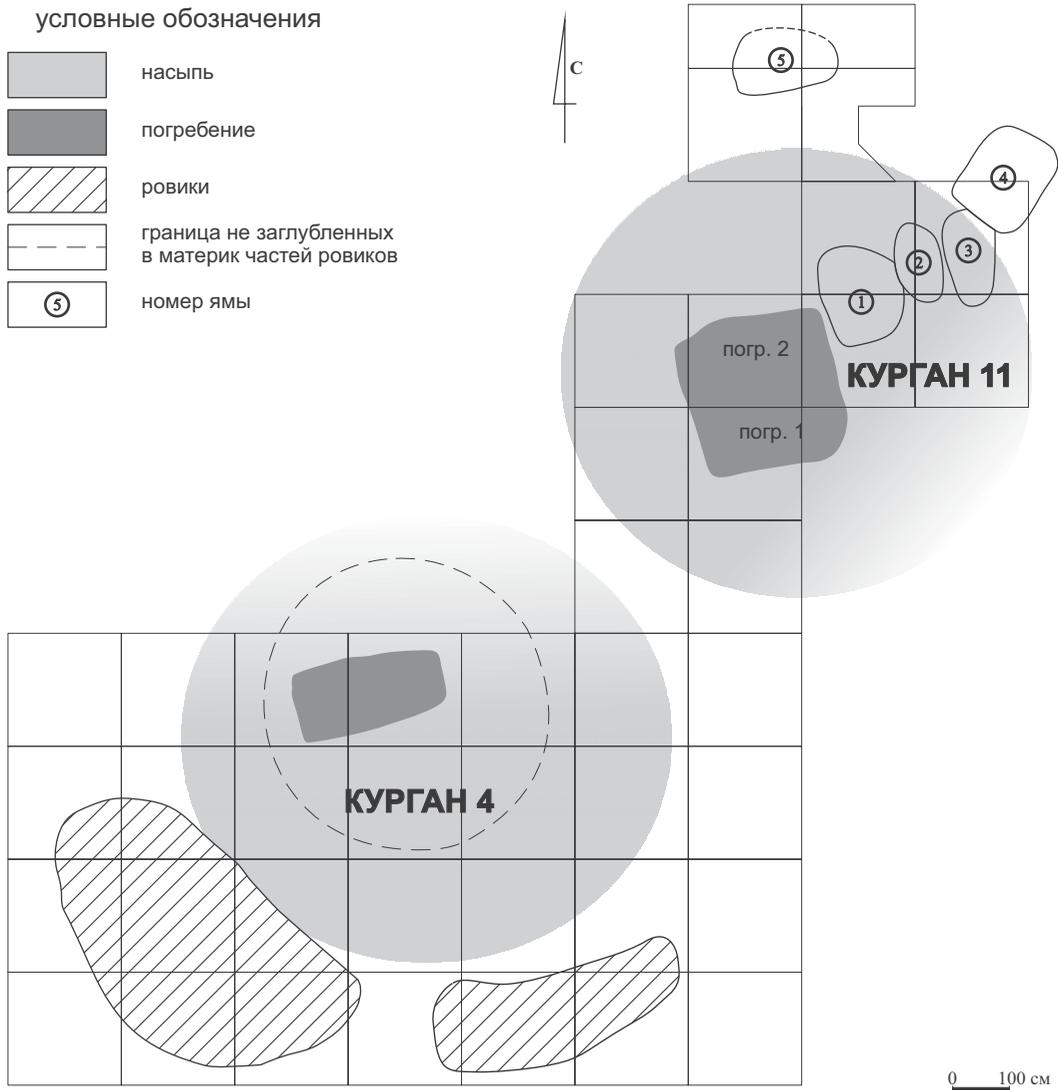

Рис. 104. Курганы 4, 11. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

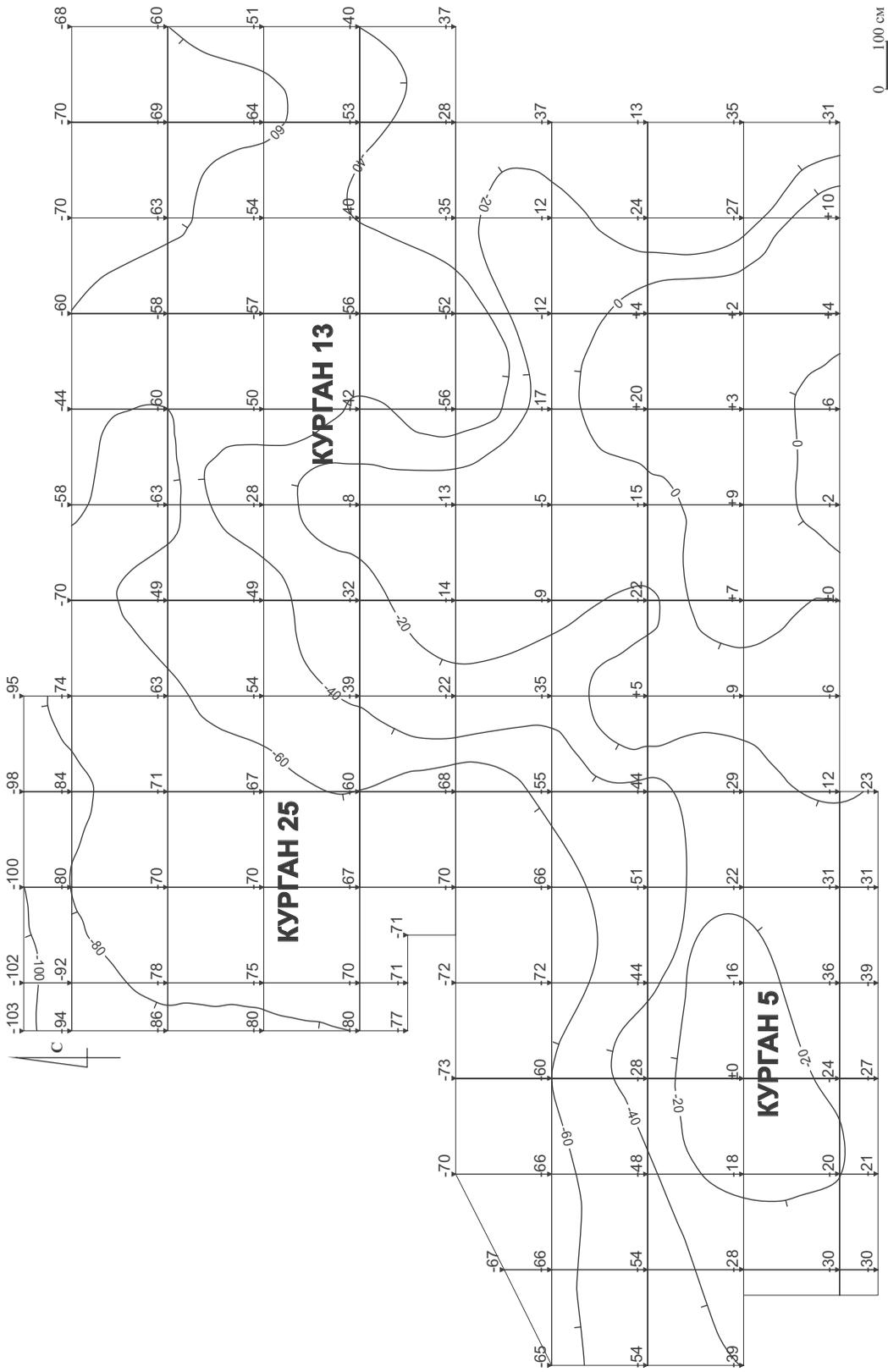

Рис. 105. Курганы 5, 13, 25. План нивелировки дневной поверхности

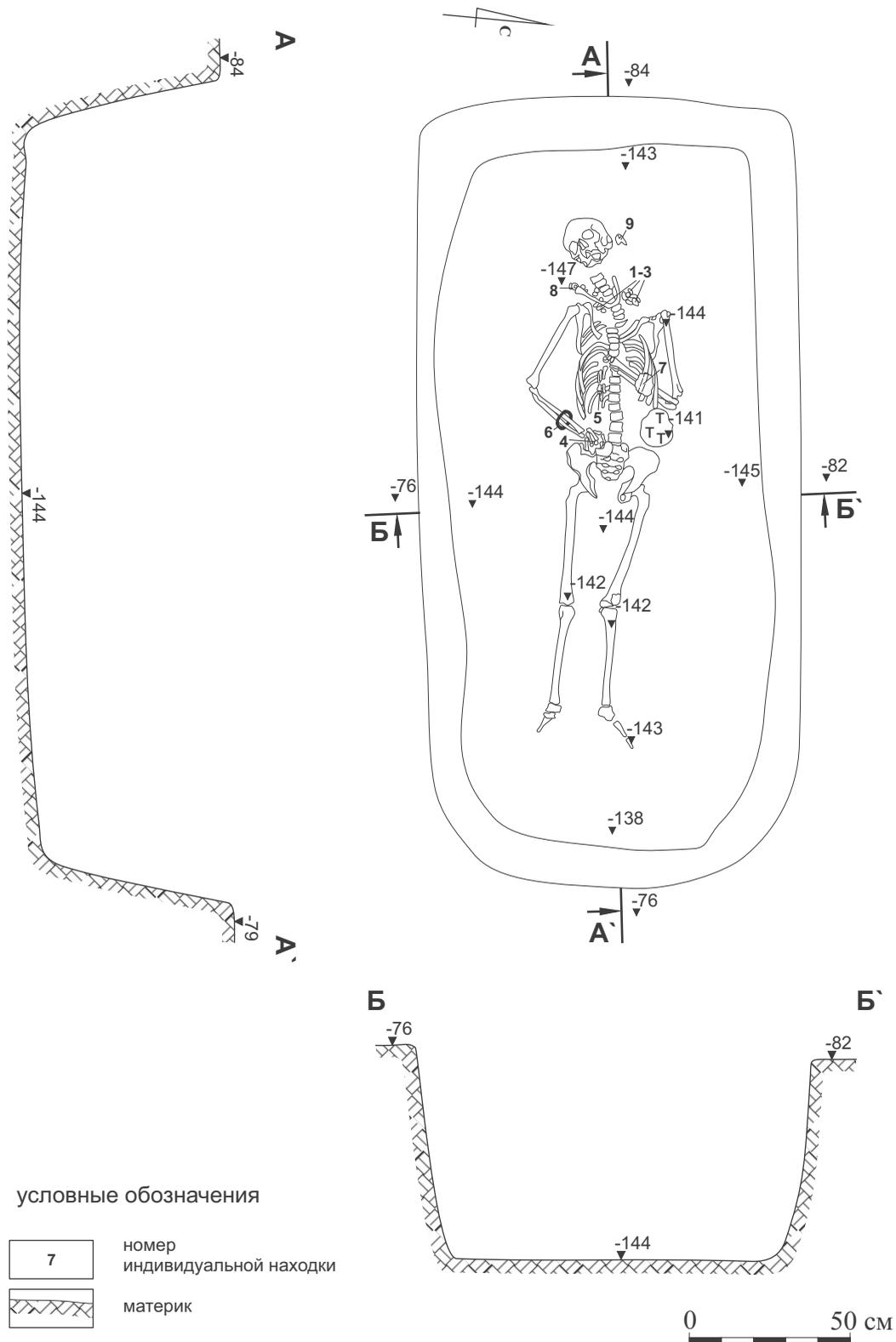

Рис. 108. Курган 5. Погребение 1. План и разрезы

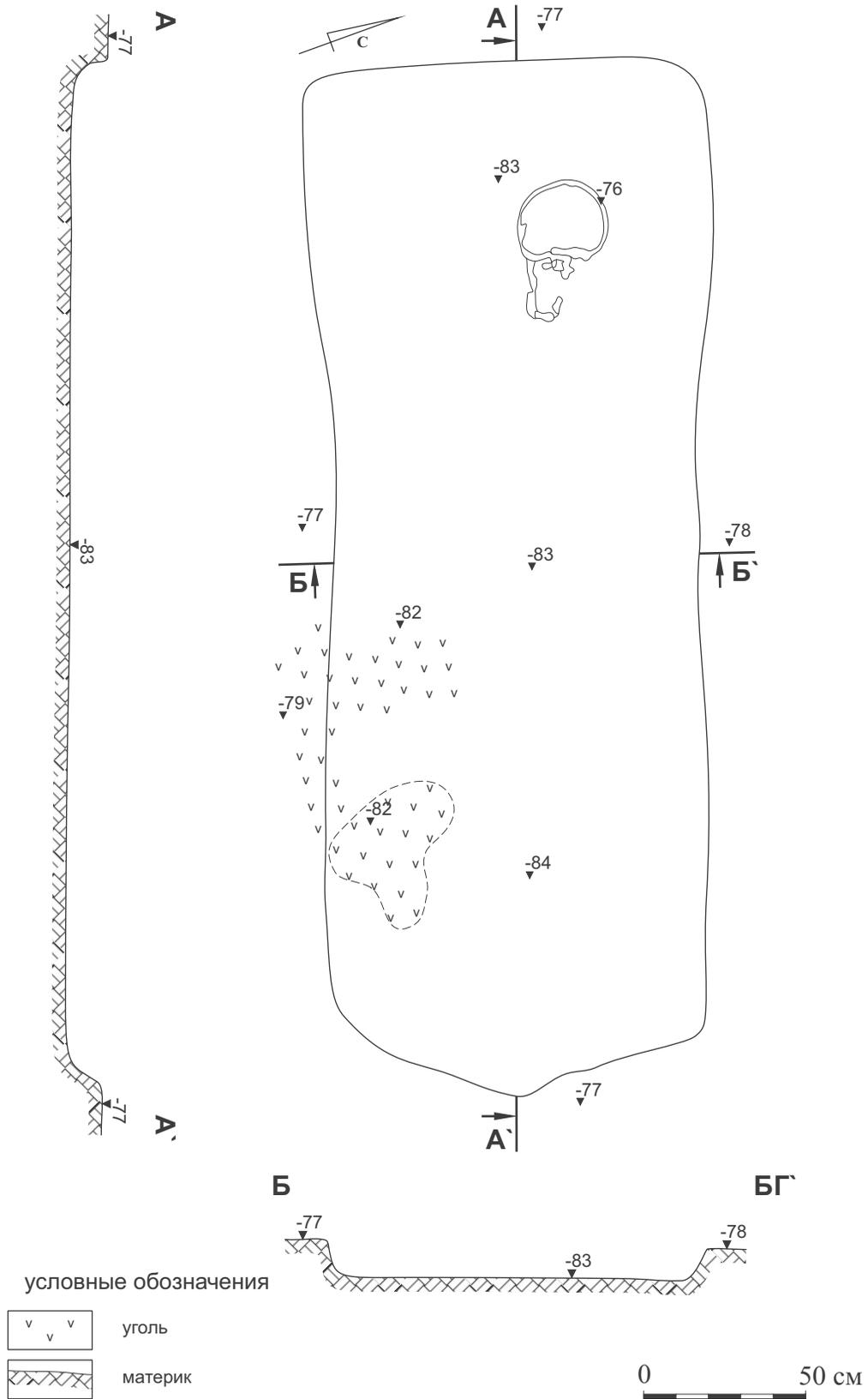

Рис. 109. Курган 5. Погребение 2. План и разрезы

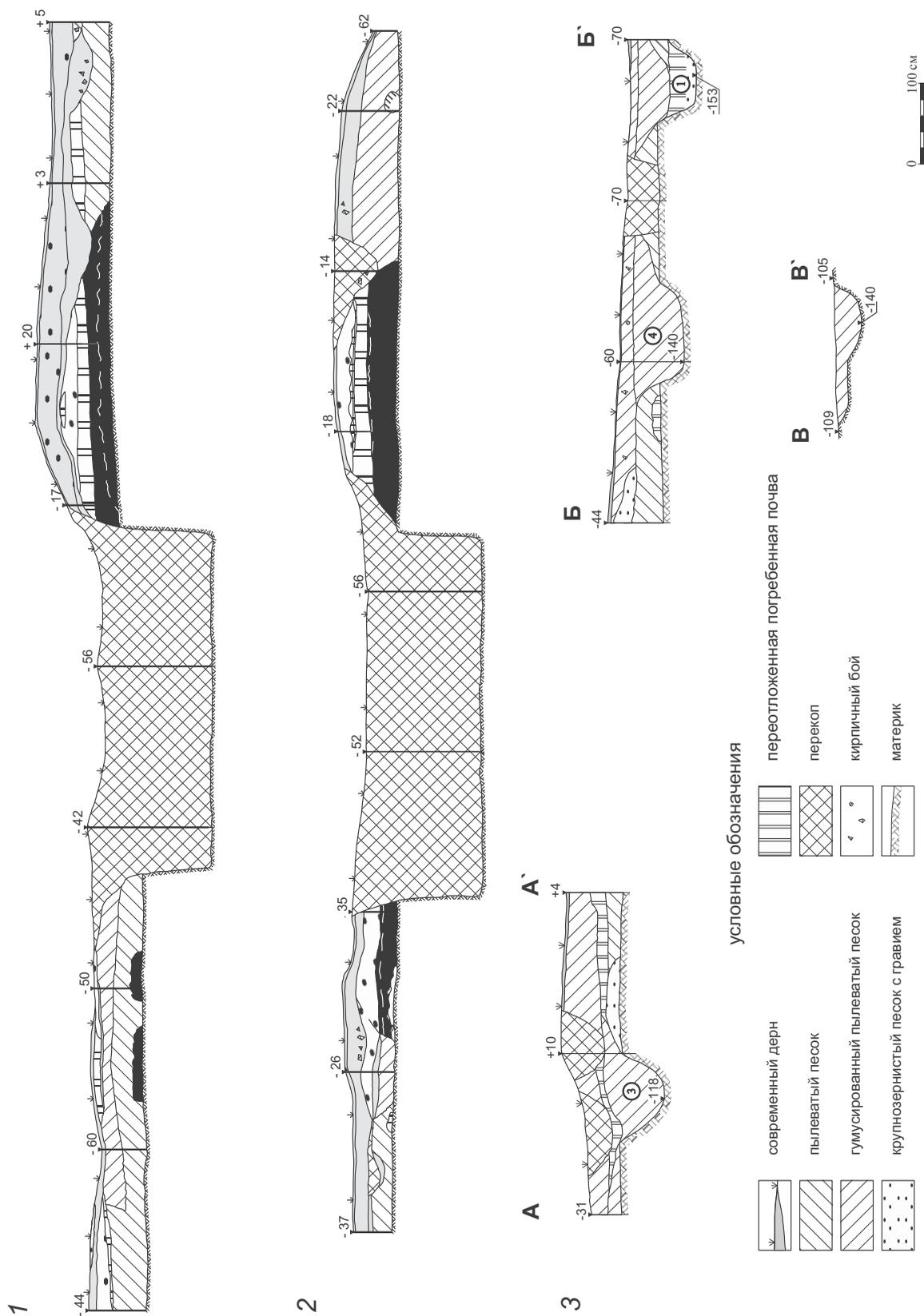

Рис. 110. Курган 13. Разрезы кургана и ям

1 – бровка север–юг (вид с запада); 2 – бровка запад–восток (вид с севера); 3 – разрезы ям: 3 (А-А'), 1 и 4 (Б-Б')

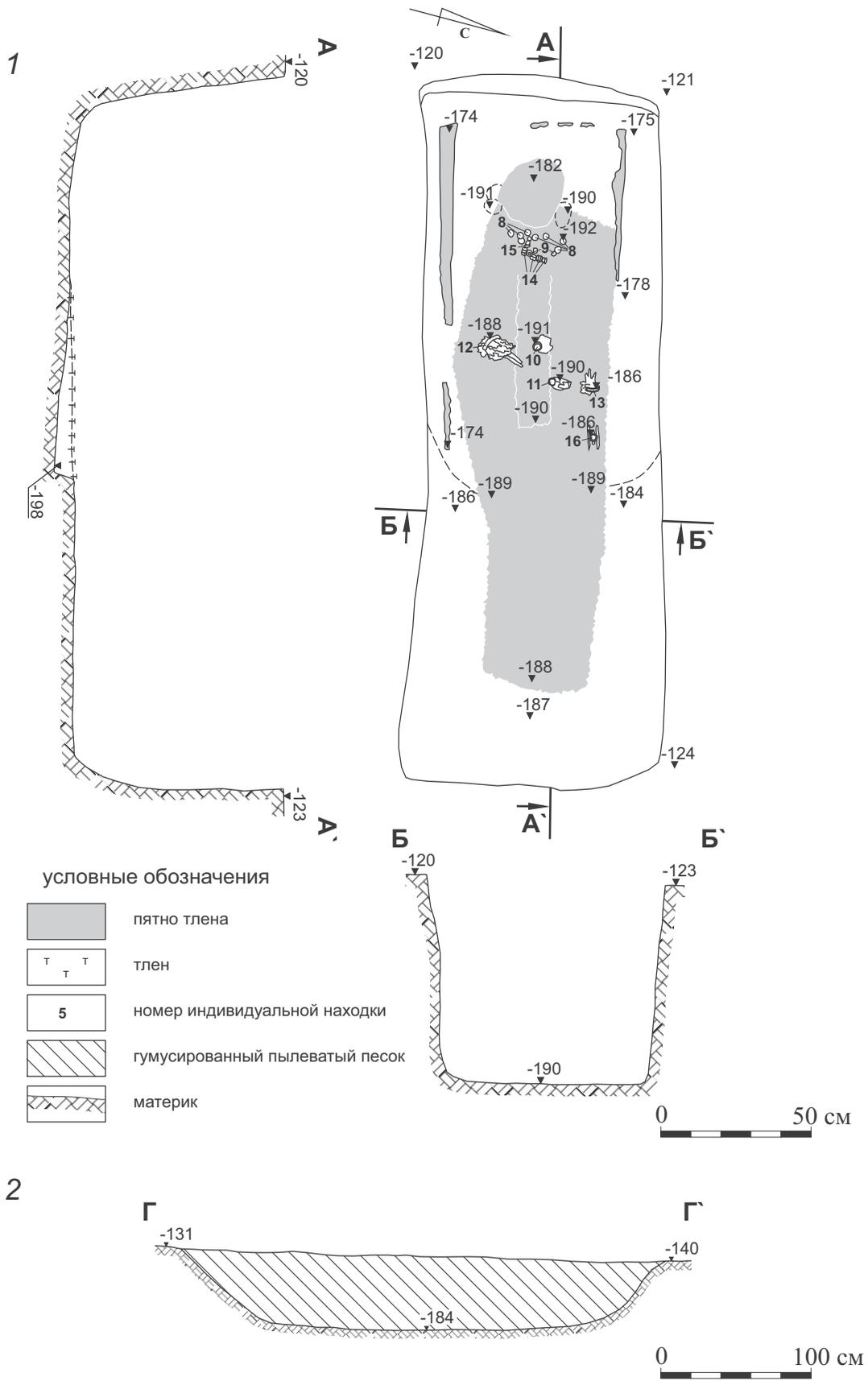

Рис. 111. Курган 25. План и разрезы погребения 1 (1) и разрез северного ровика (2)

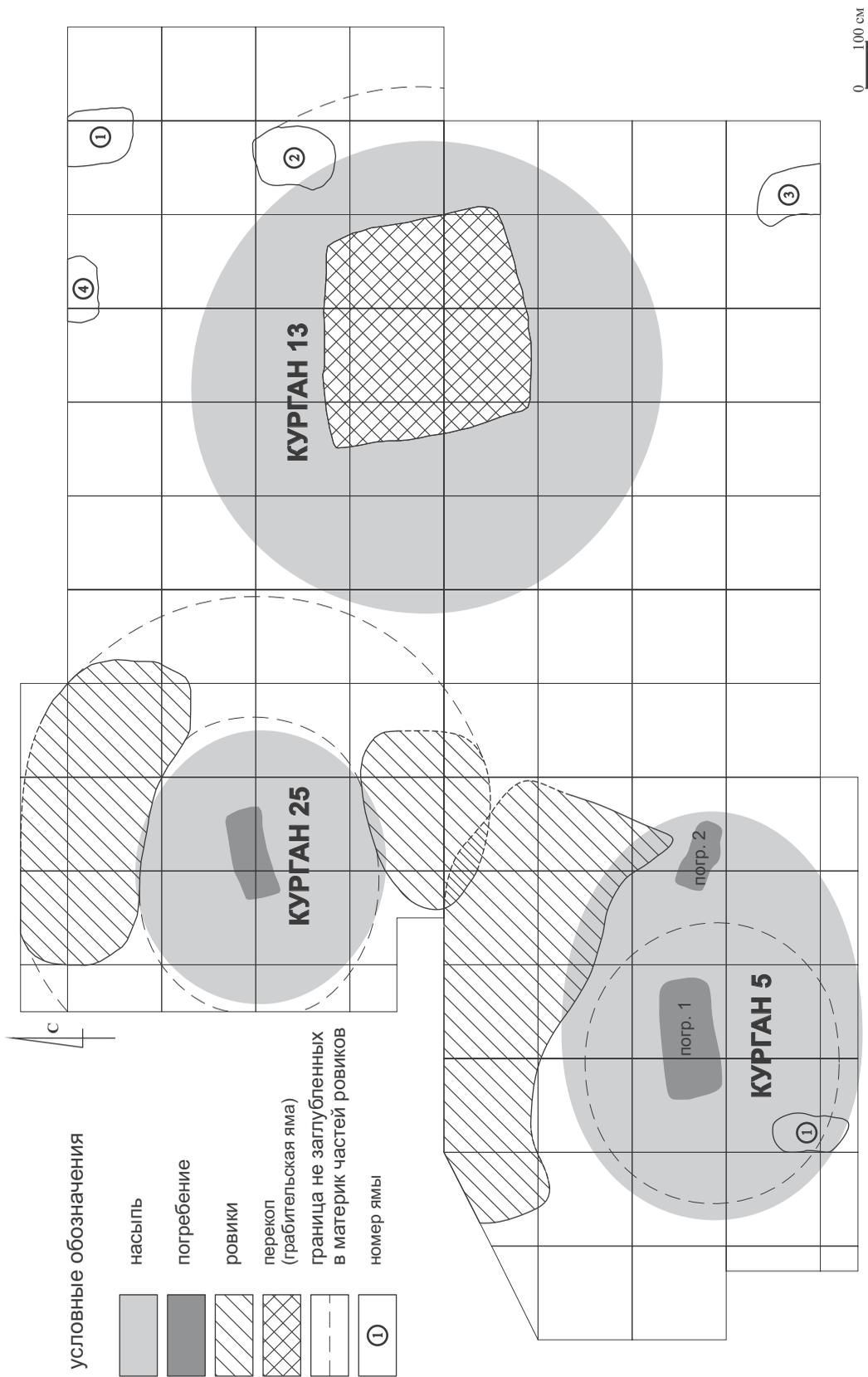

Рис. 112. Курганы 5, 13, 25. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

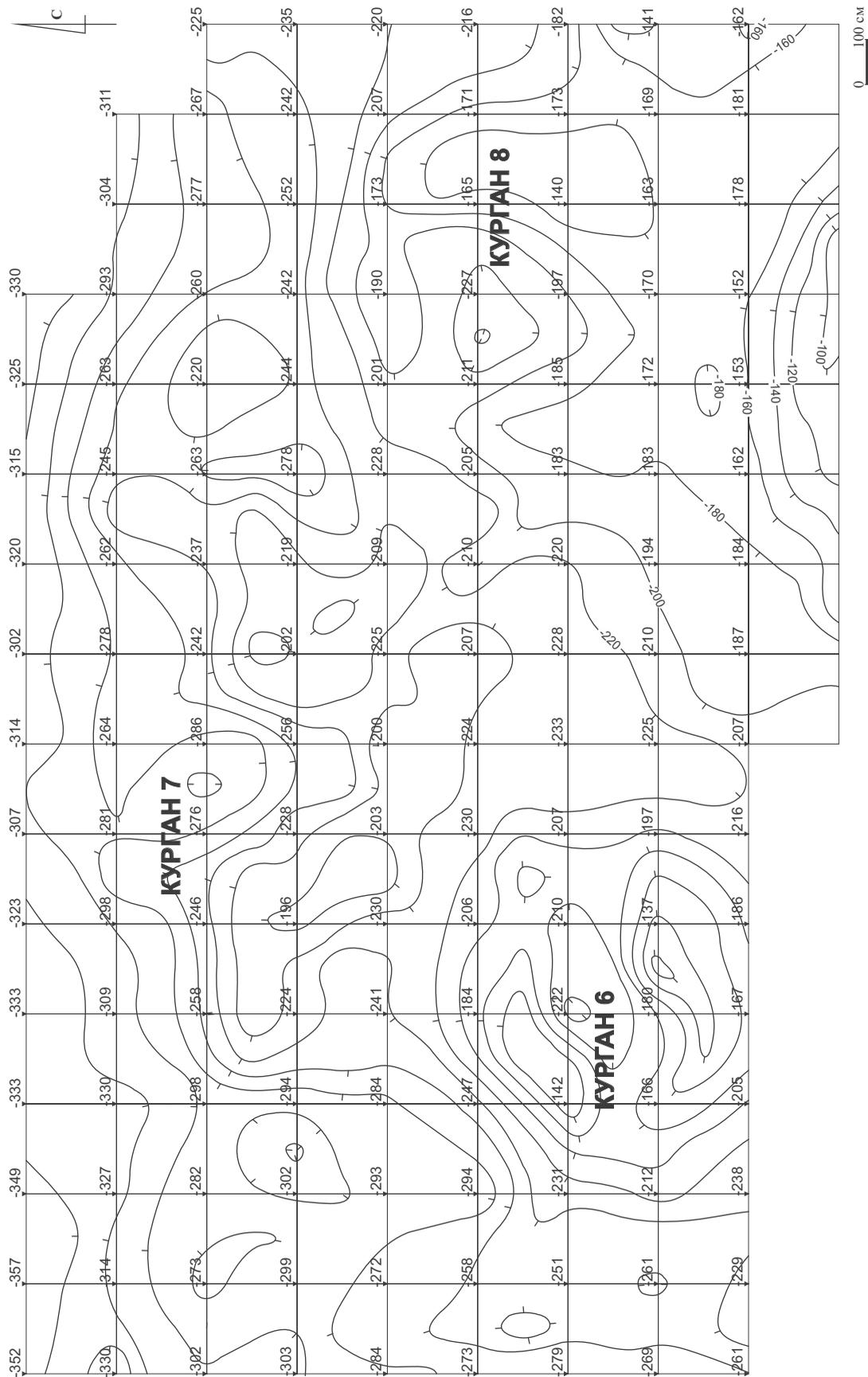

Рис. 114. Курганы 6, 7, 8. План зачистки по материке

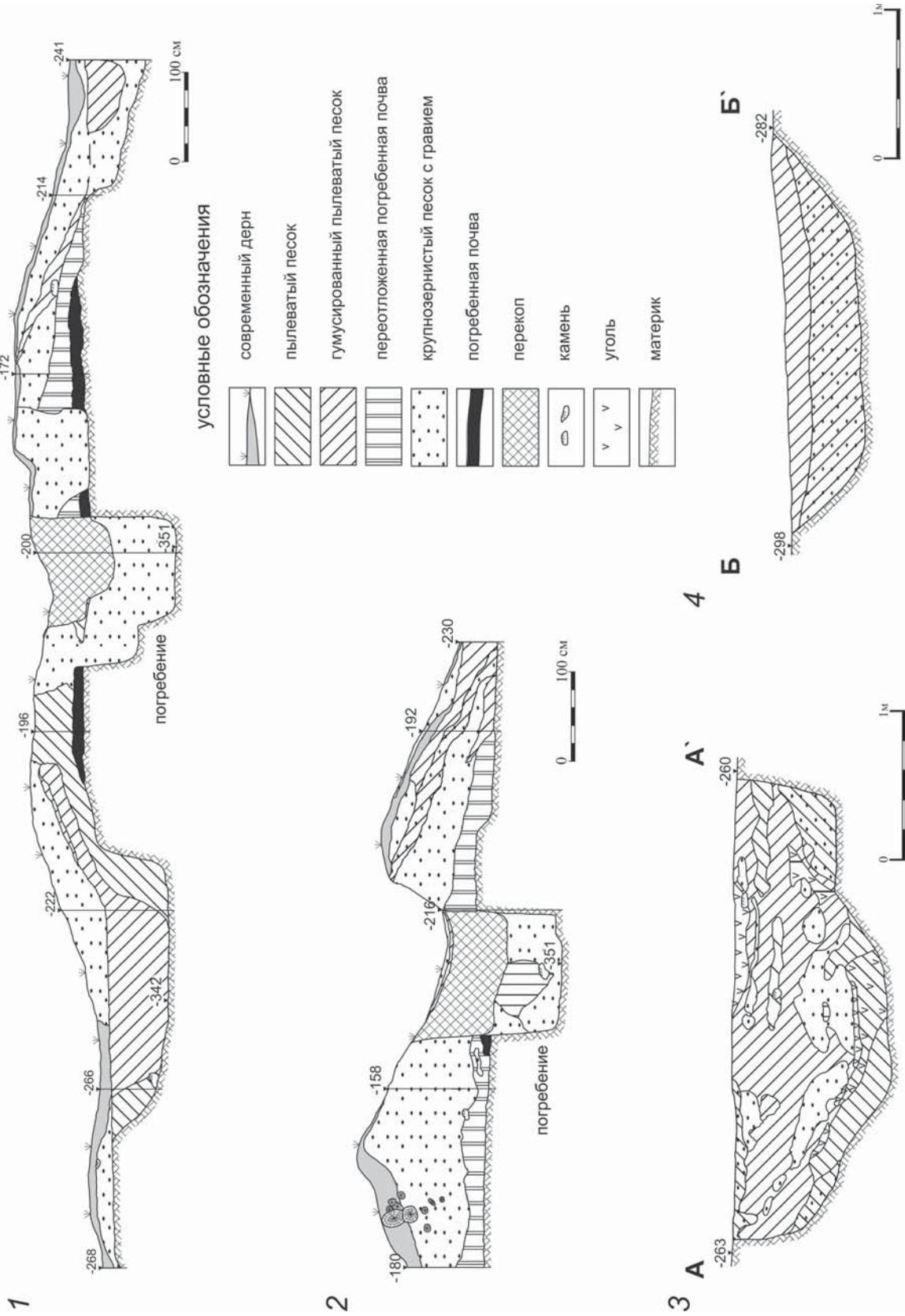

Рис. 115. Курган 6. Разрезы кургана и ровиков

1 — бровка запад-восток (вид с юга); 2 — бровка север-юг (вид с востока); 3 — разрезы ровиков: северо-восточного (А-А') и северо-западного (Б-Б')

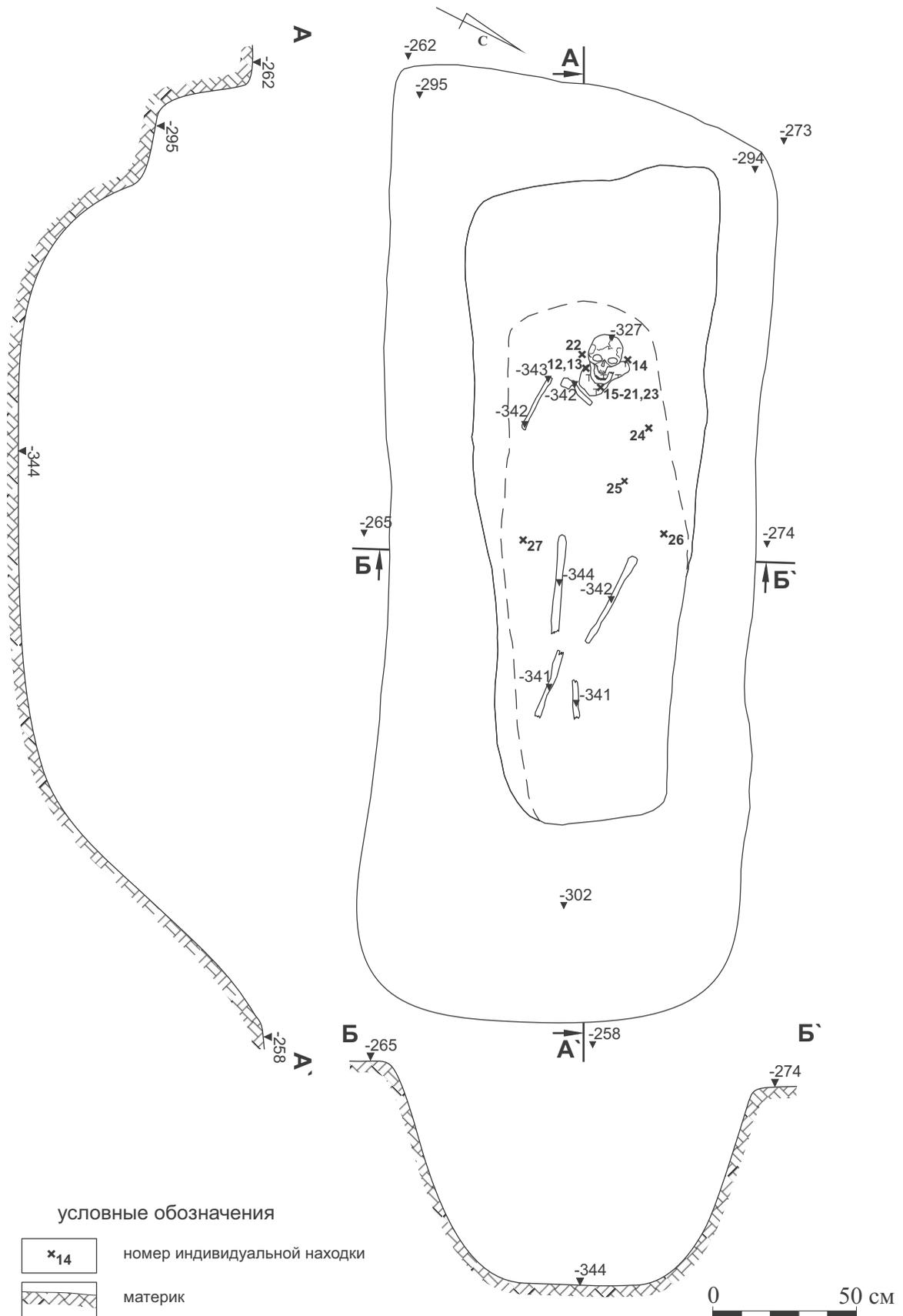

Рис. 116. Курган 6. Погребение 1. План и разрезы

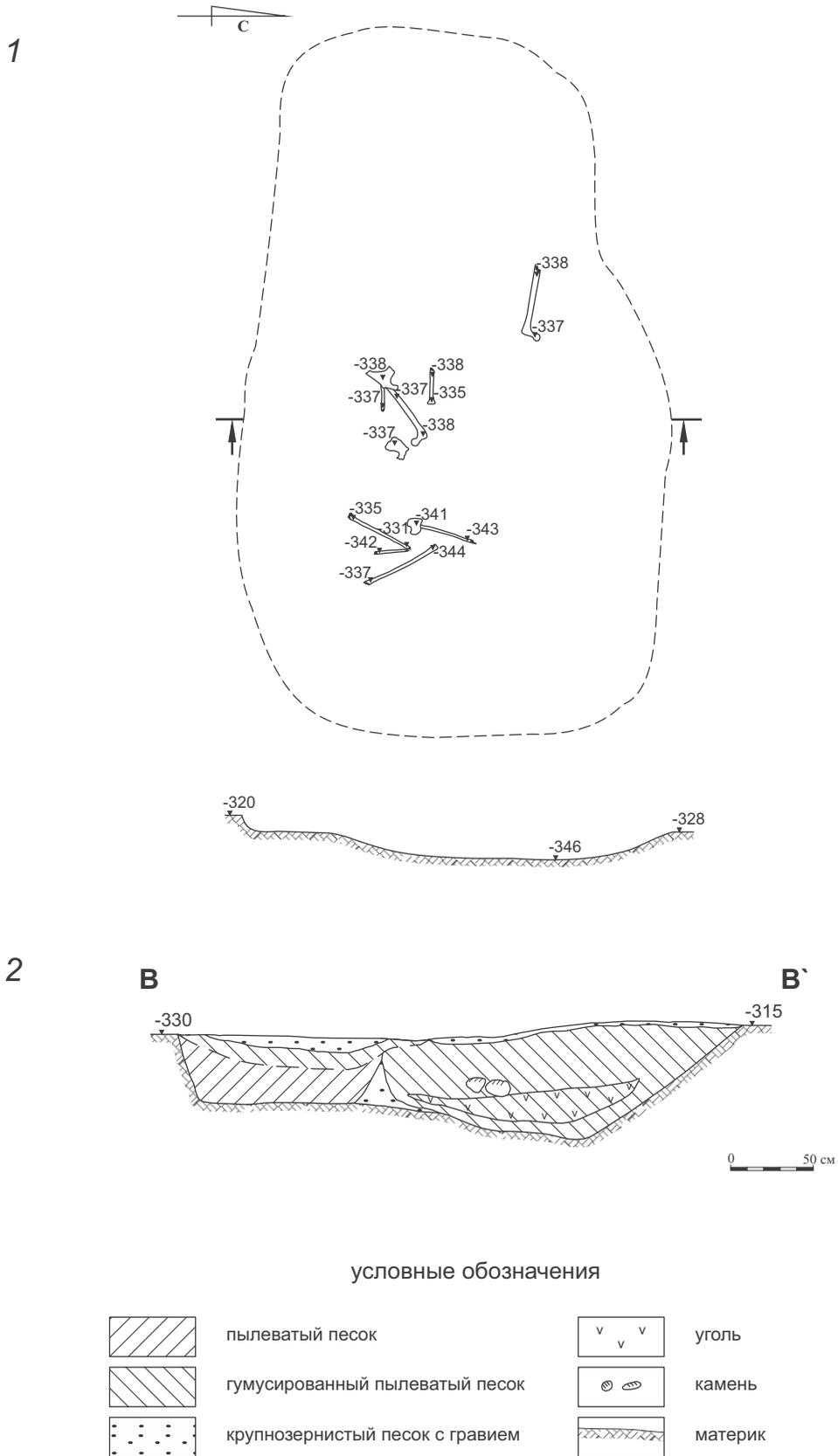

Рис. 117. Курган 7. План и разрез погребения 1 (1). Разрез западного ровика (2)

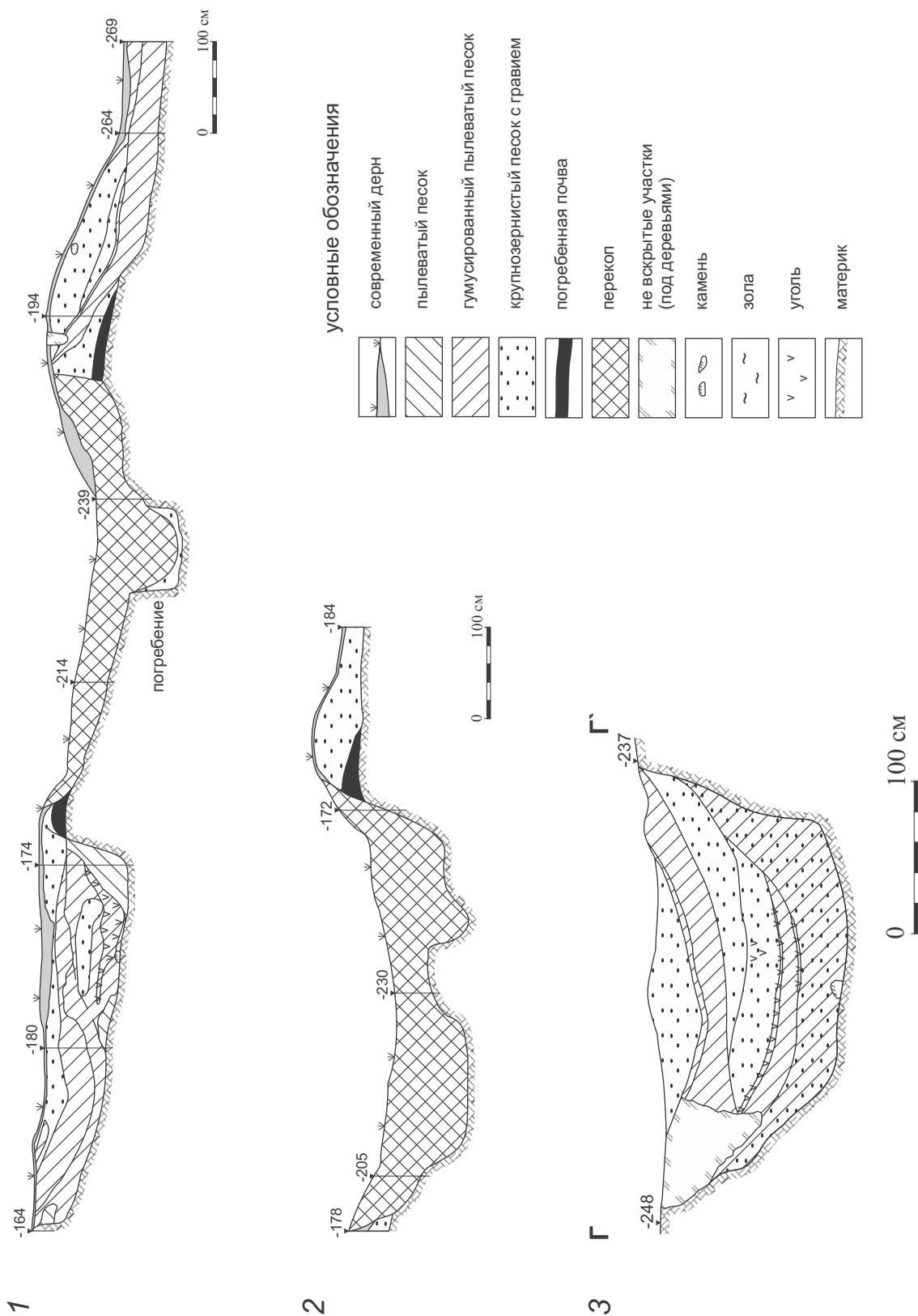

Рис. 118. Курган 8. Разрезы

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с юга); 3 – разрез западного ровика

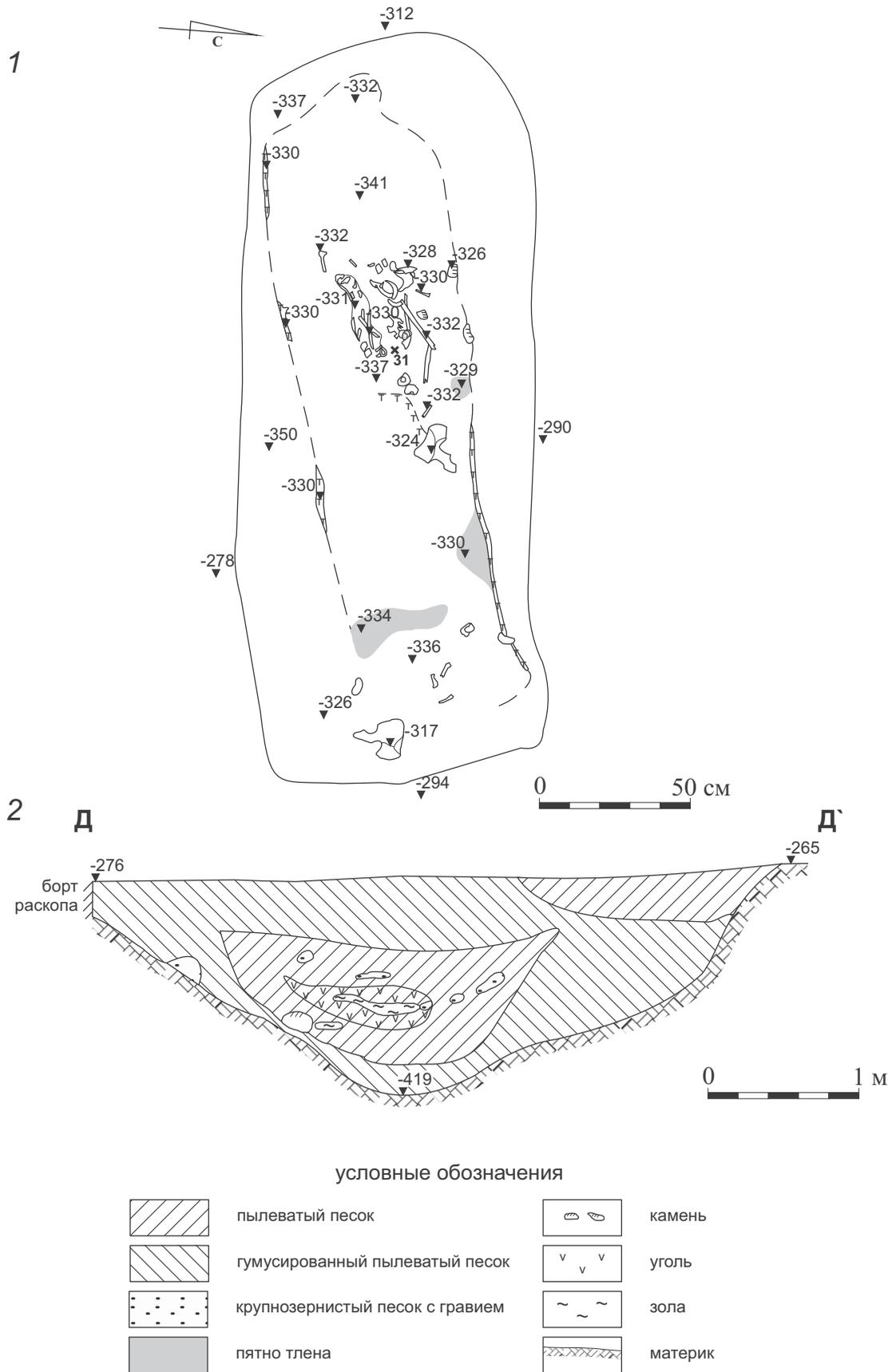

Рис. 119. Курган 8. План погребения 1 (1) и разрез северного ровика (2)

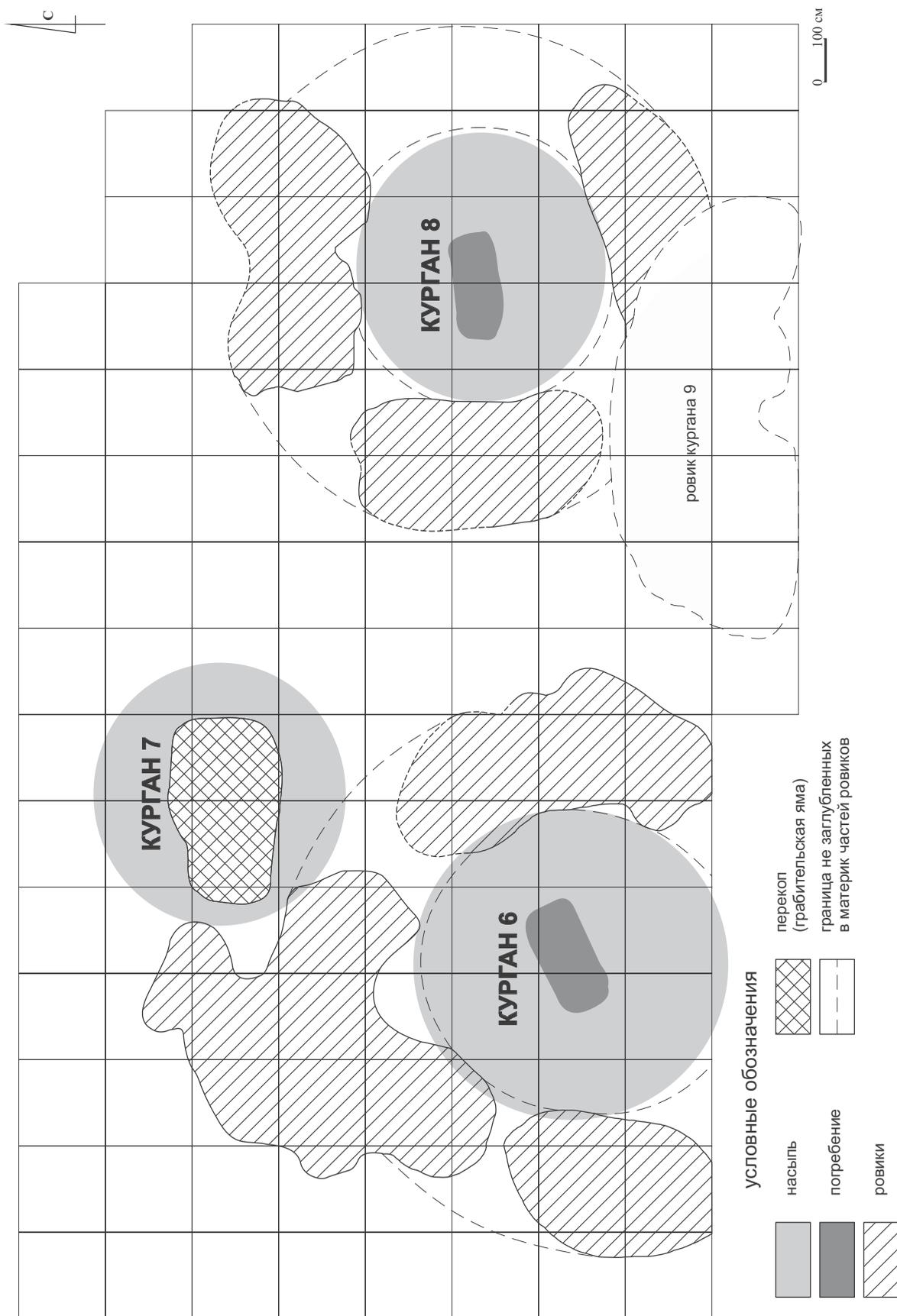

Рис. 120. Курганы 6, 7, 8. Реконструкция насыпи и ровиков в плане

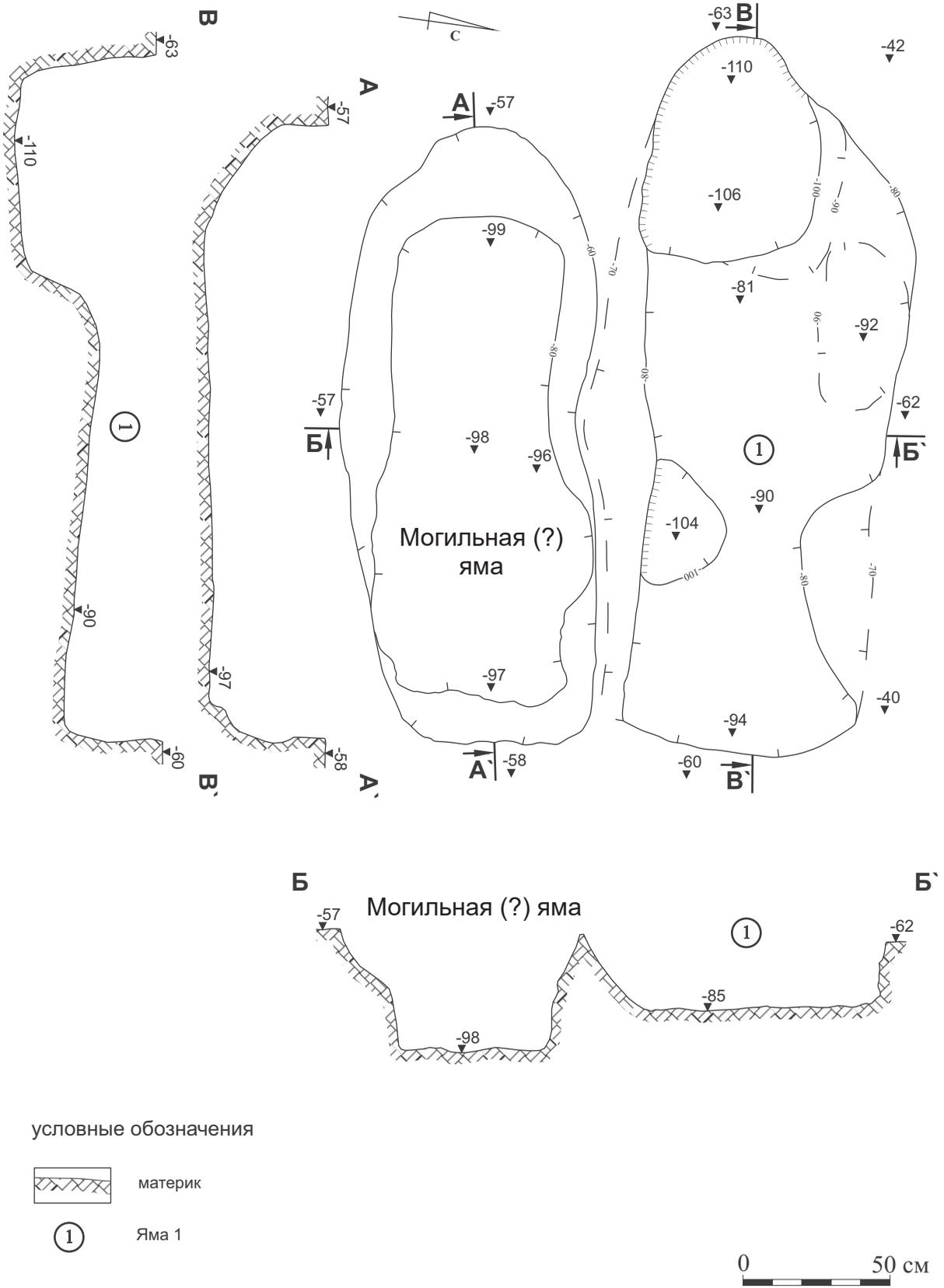
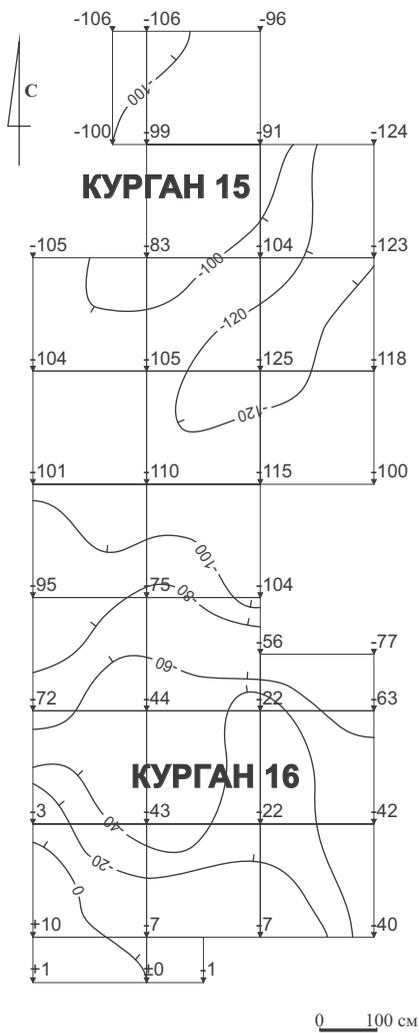
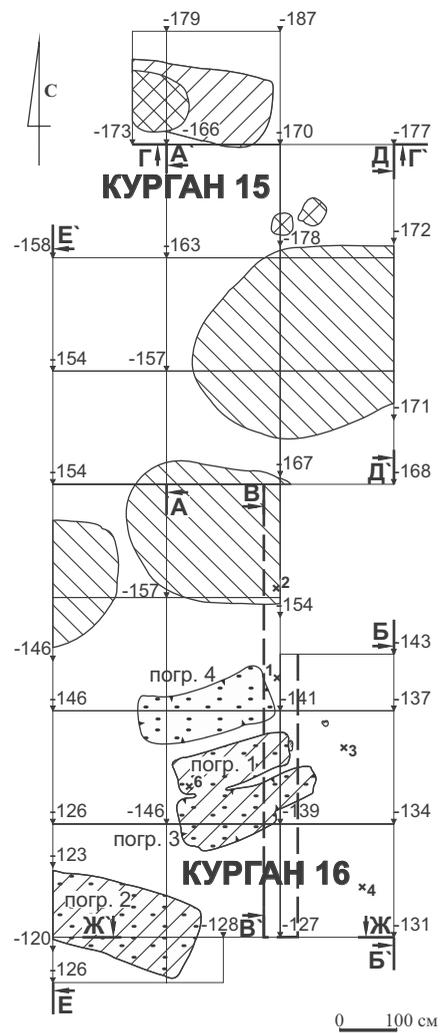

Рис. 123. Курган 14. Могильная (?) яма и яма 1. План и разрезы

1

2

условные обозначения

	крупнозернистый песок с гравием		индивидуальная находка
	пылеватый песок		номер и граница ямы
	гумусированный пылеватый песок		камень
	перекоп (грабительская яма)		

Рис. 124. Курганы 15 и 16. Планы нивелировки дневной поверхности (1) и зачистки по матрицу (2)

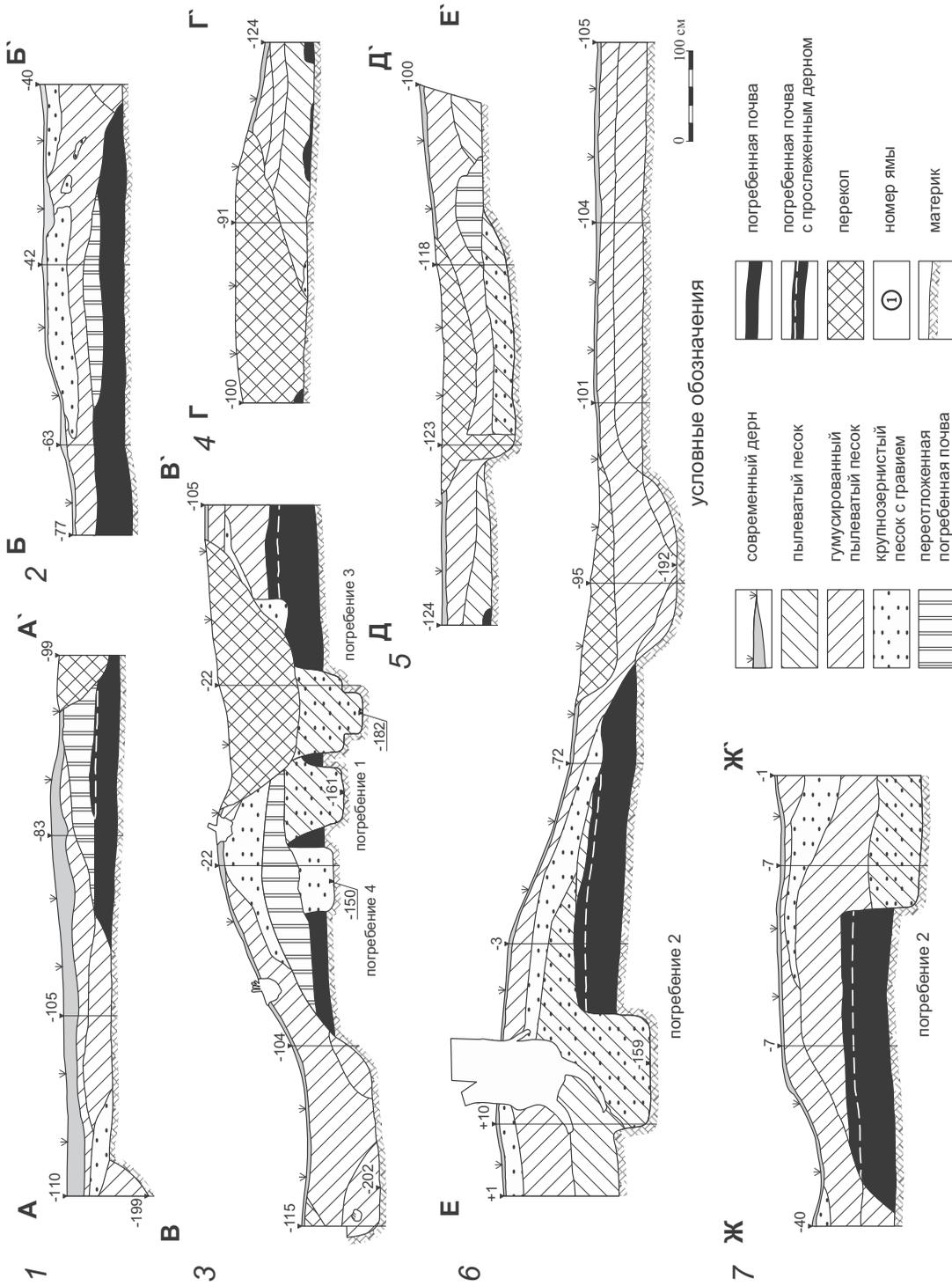

Рис. 125. Курганы 15 и 16. Разрезы курганов и ровиков

Курган 15: 1 – разрез южной поля; 4 – бровка запад–восток (вид с юга); 5 – разрез юго-восточного ровика. Курган 16: 2 – разрез восточной поля; 3 – бровка север–юг (вид с запада); 6 – разрез западной поля и северо-западного ровика; 7 – разрез южной поля

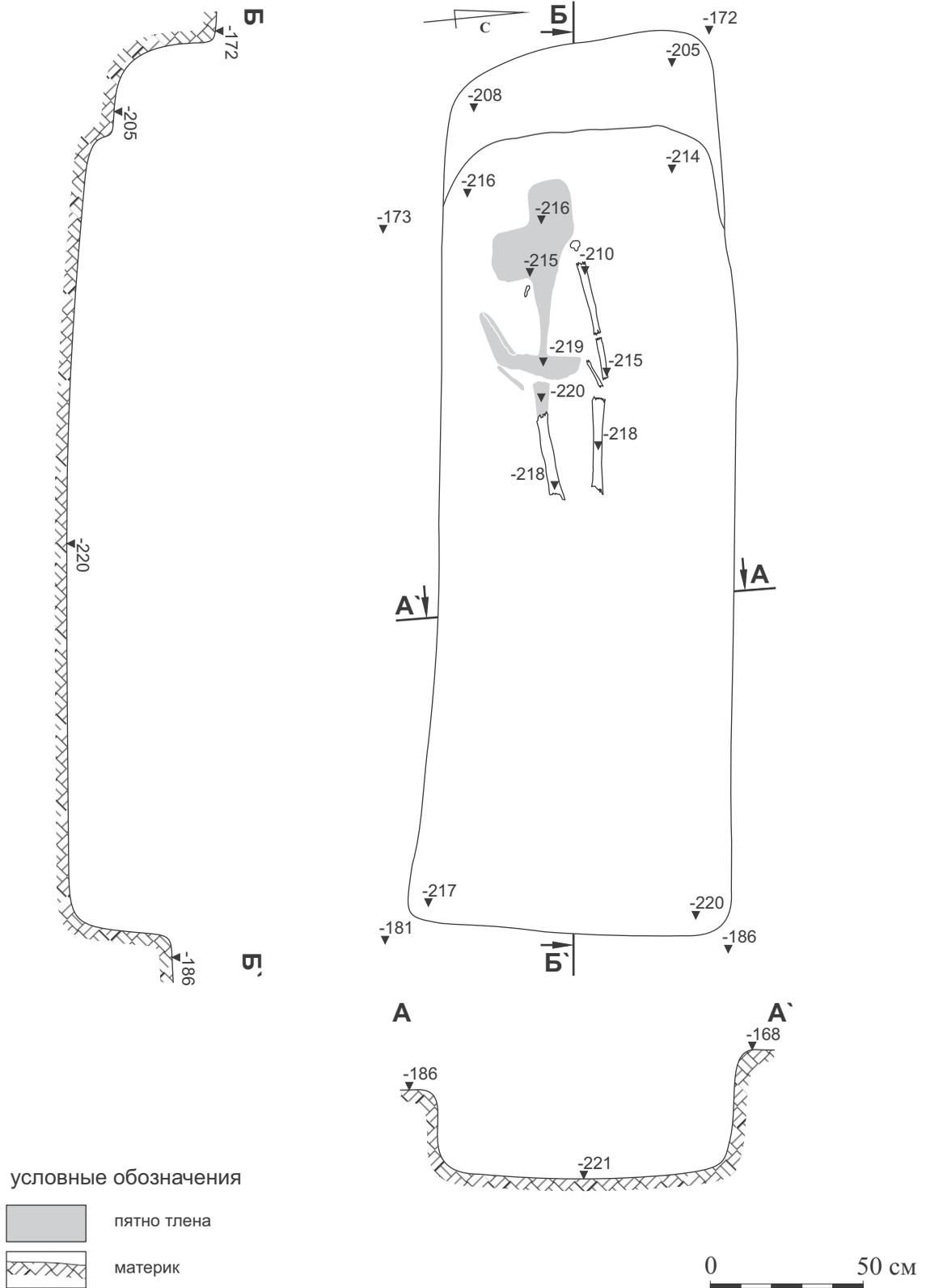

Рис. 126. Курган 15. Погребение 1. План и разрезы

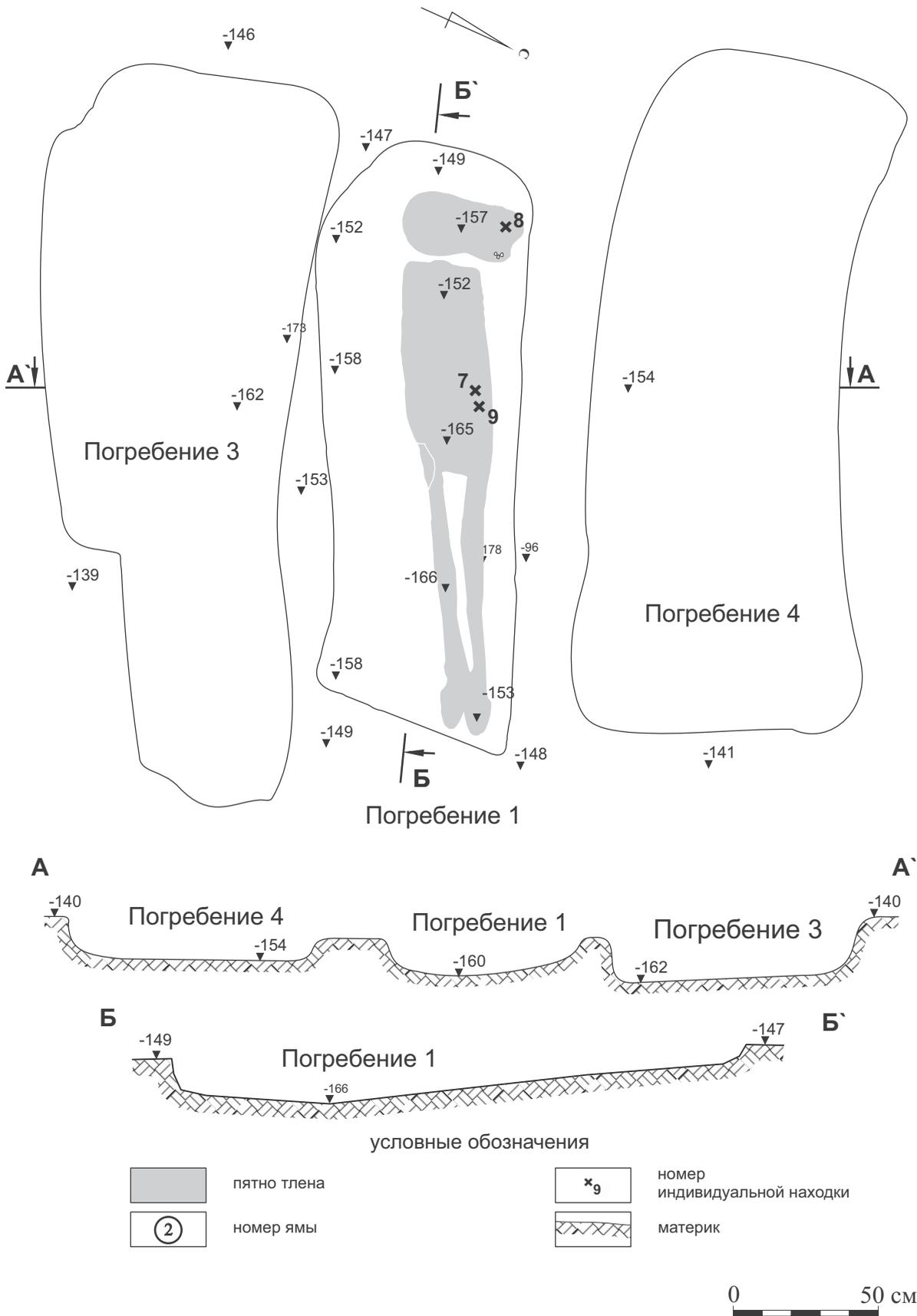

Рис. 127. Курган 16. Погребения 1, 3, 4. План и разрезы

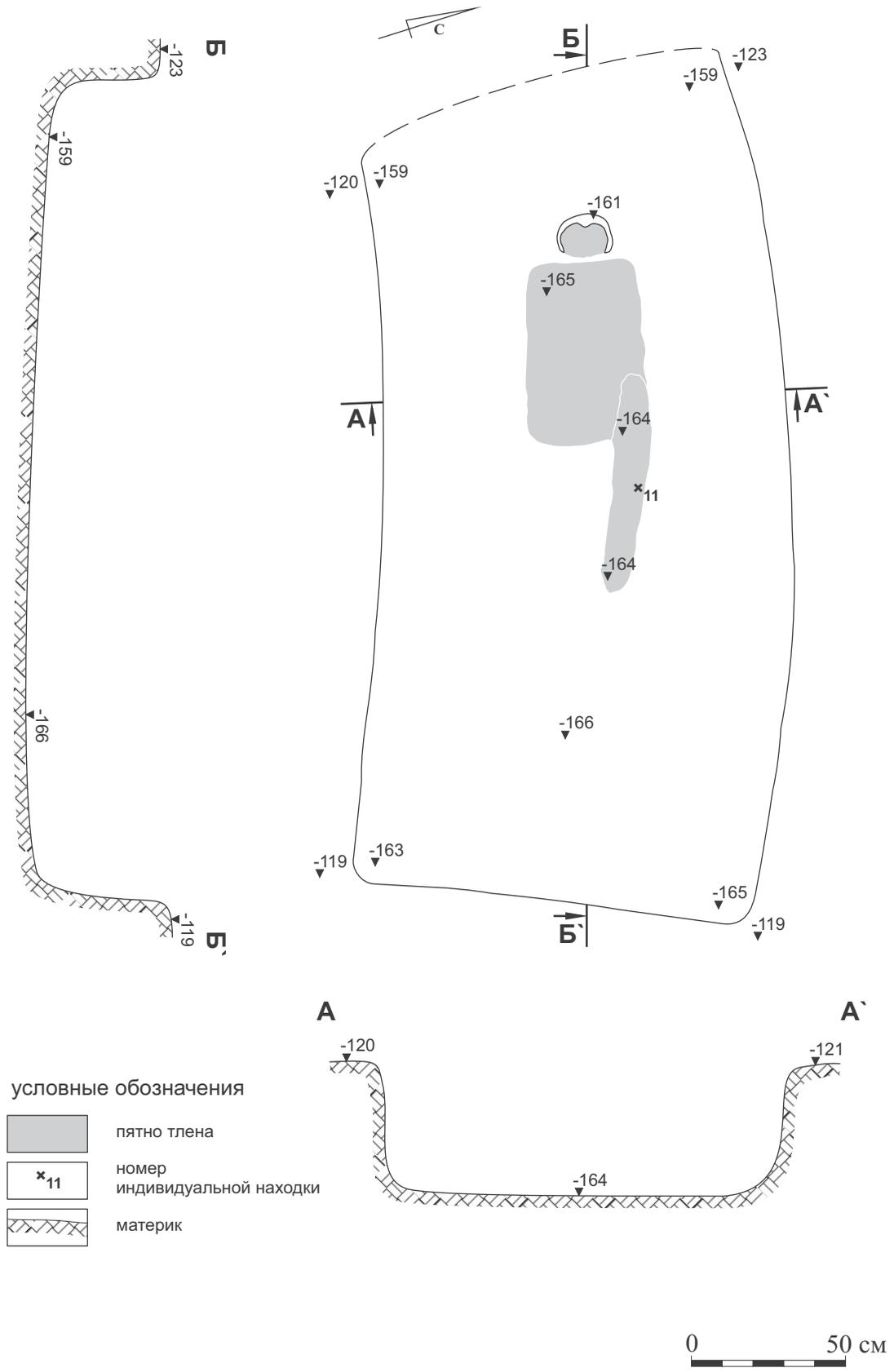

Рис. 128. Курган 16. Погребение 2. План и разрезы

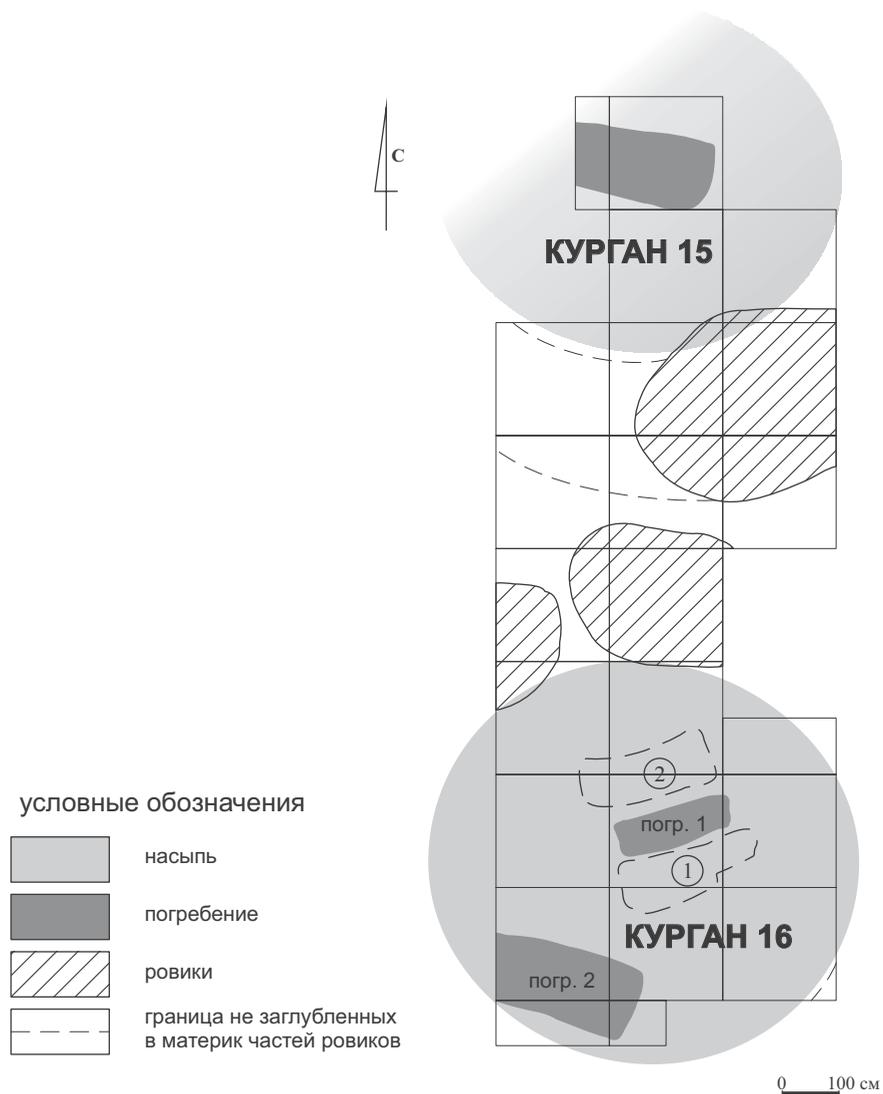

Рис. 129. Курганы 15 и 16. Реконструкция насыпей и ровиков в плане

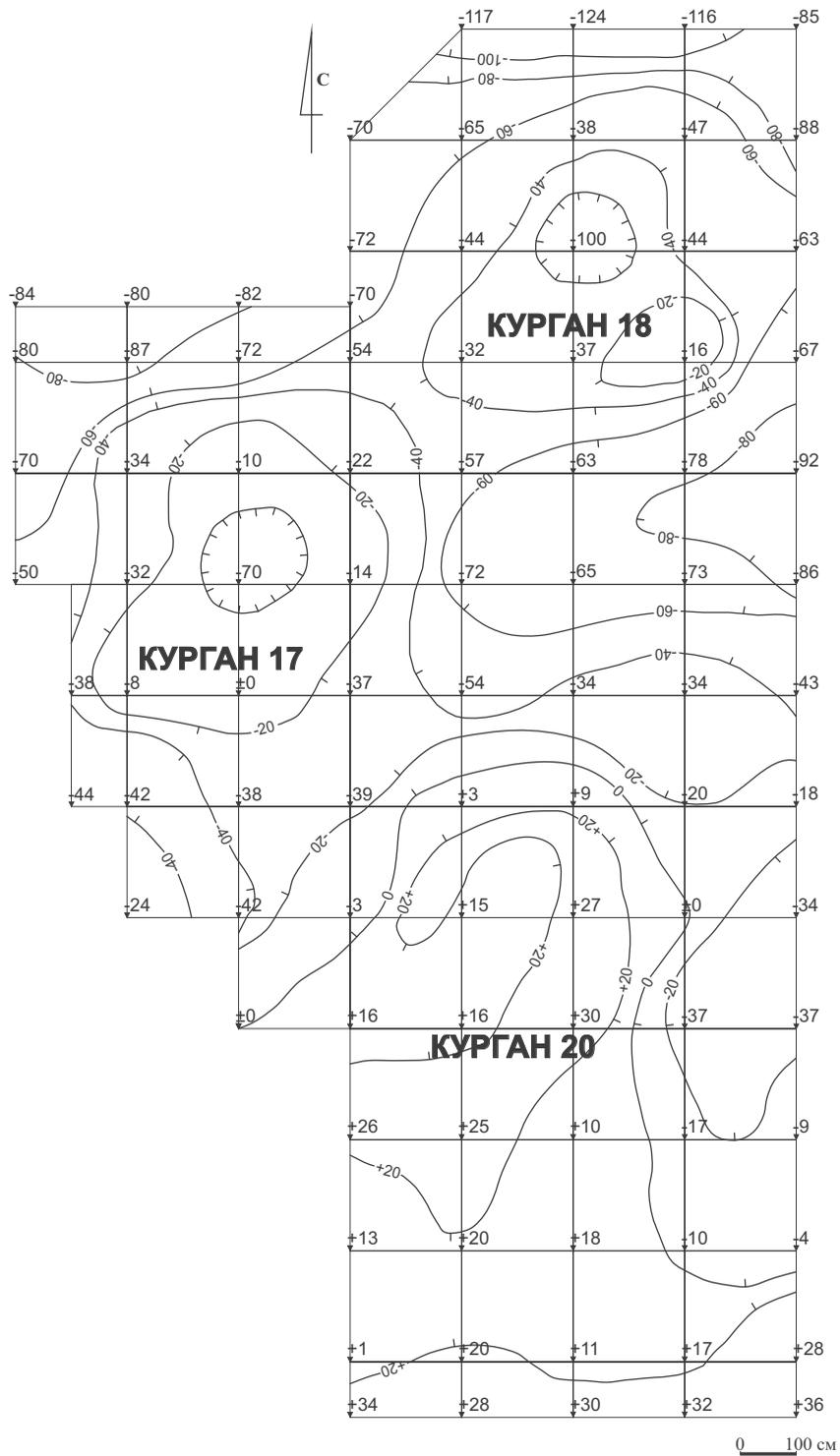
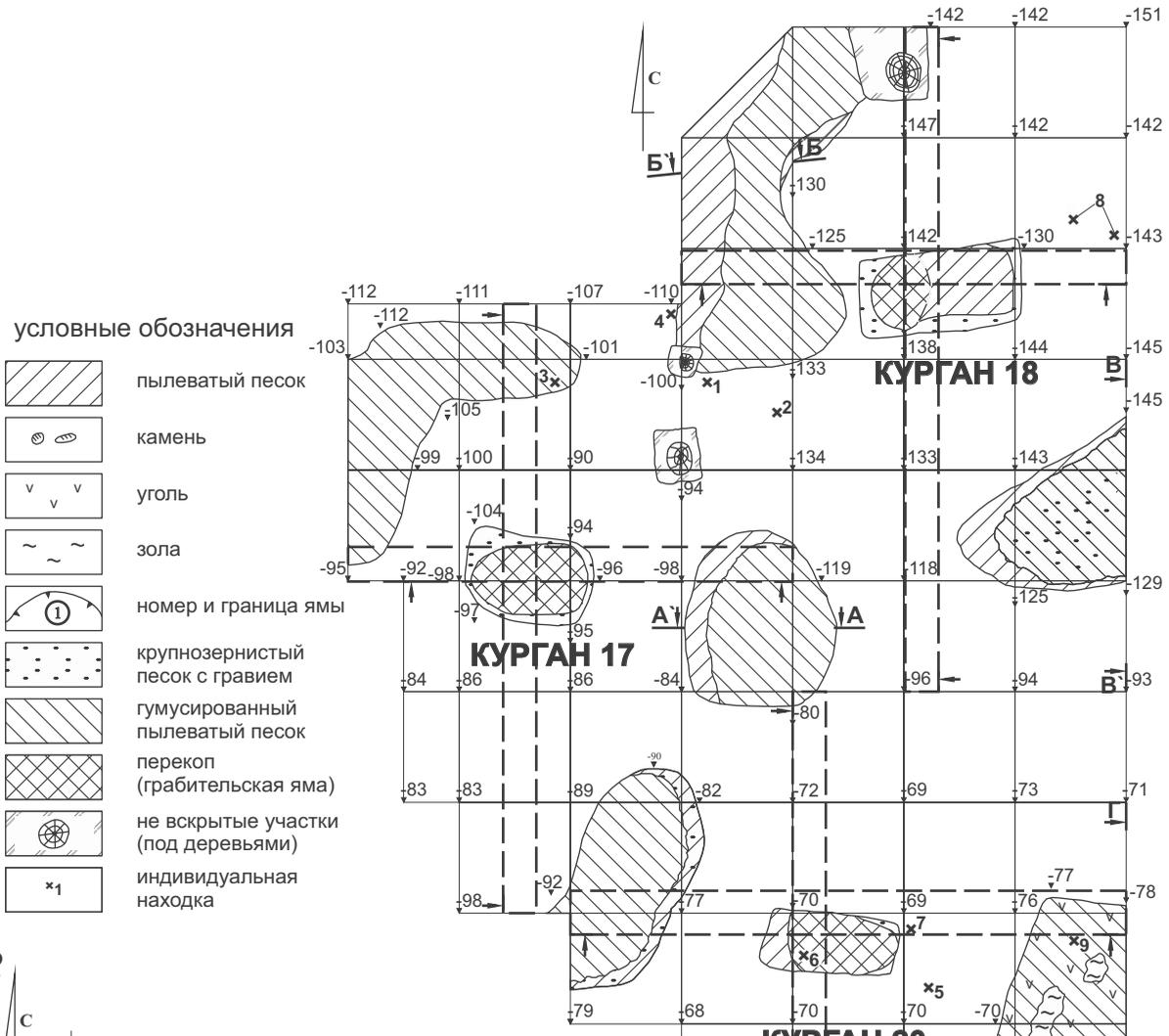

Рис. 130. Курганы 17, 18, 20. План нивелировки поверхности

1

2

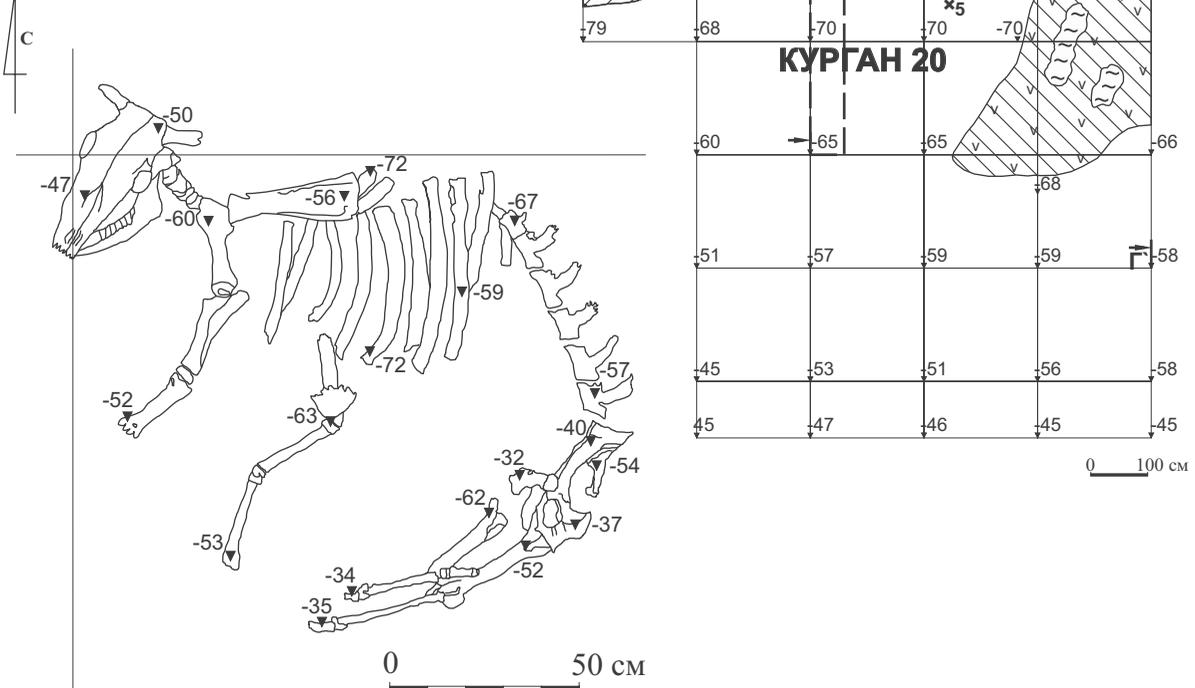

Рис. 131. Курганы 17, 18, 20. План зачистки по матерiku (1) и чертеж скелета коровы в кургане 20 (2)

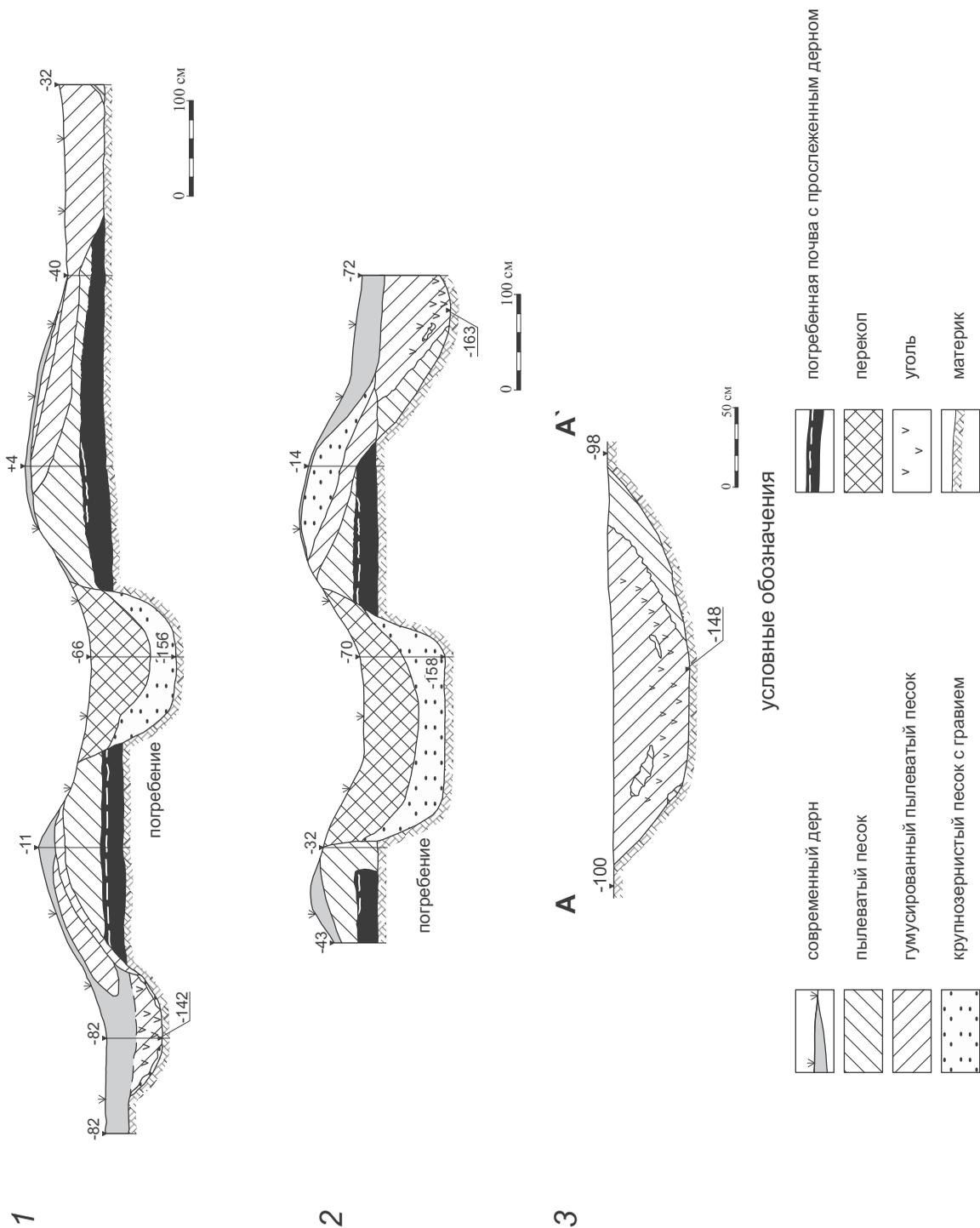

Рис. 132. Курган 17. Разрезы кургана и ровика

1 – бровка север-юг (вид с запада); 2 – бровка запад-восток (вид с юга); 3 – разрез восточного ровика

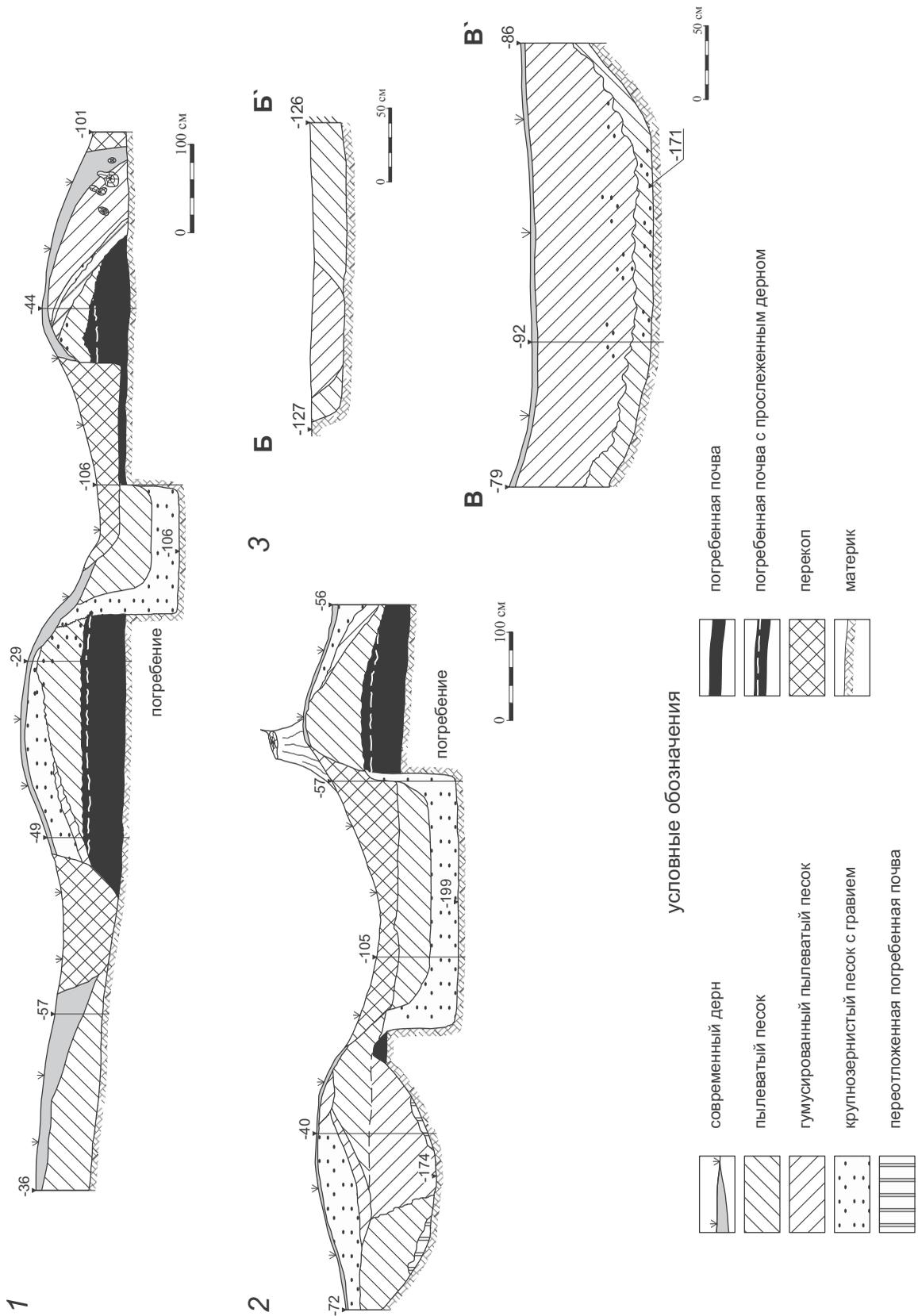

Рис. 133. Курган 18. Разрезы кургана и ровиков

1 – бровка север–юг (вид с востока); 2 – бровка запад–восток (вид с юга); 3 – разрезы северо-западного (Б-Б') и юго-восточного (В-В') ровиков

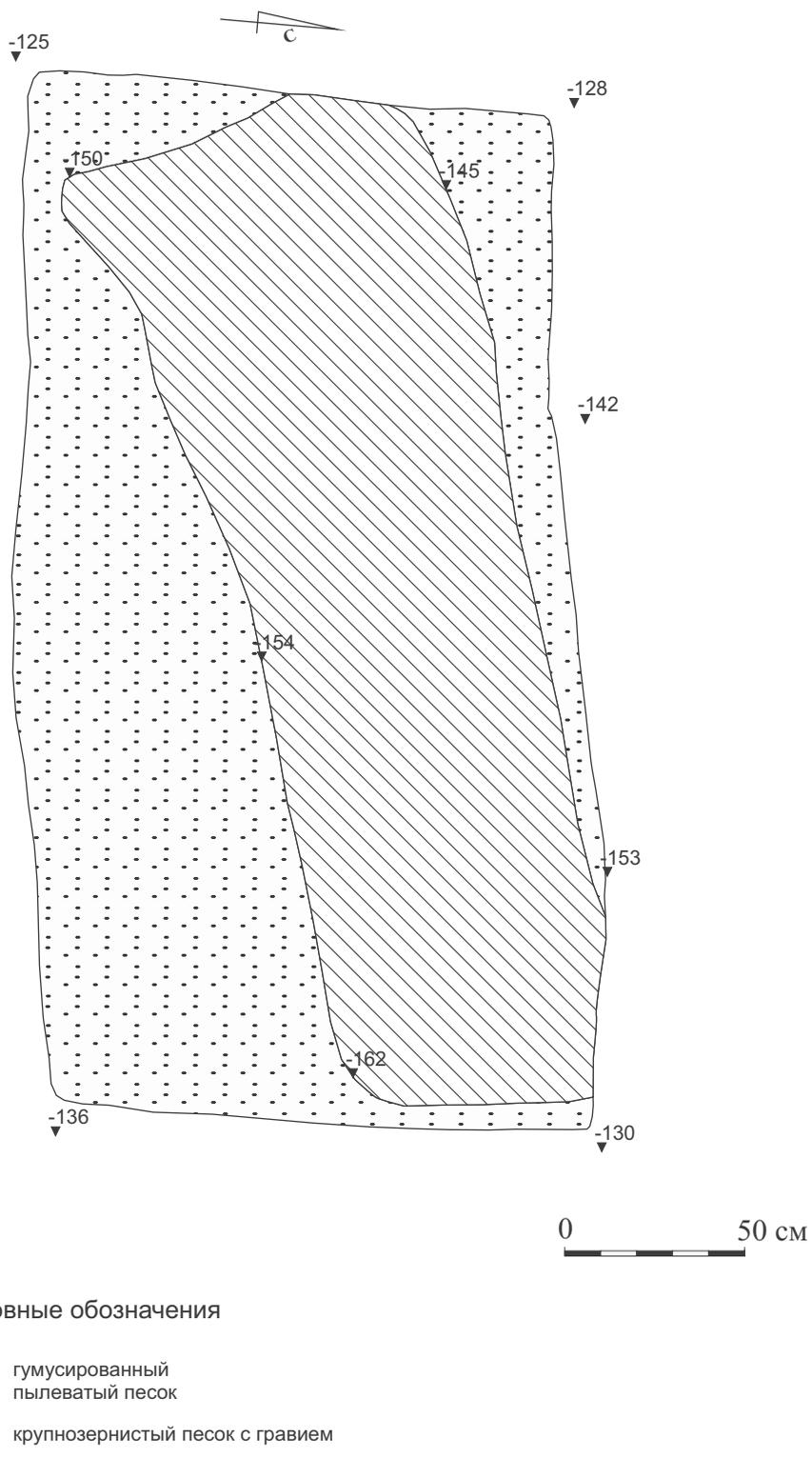

Рис. 134. Курган 18. Погребение 1. Следы гробовища на дне могилы. План

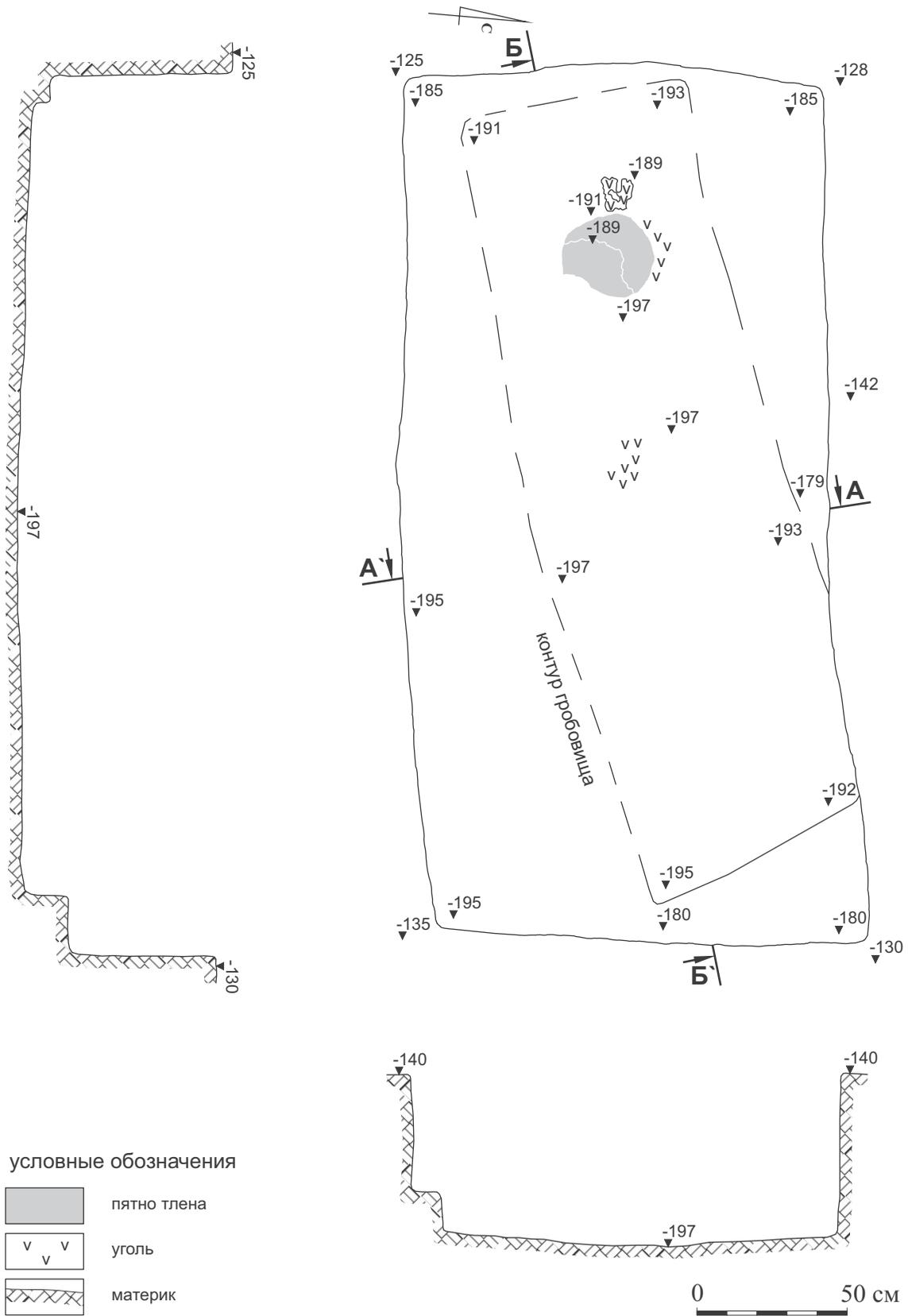

Рис. 135. Курган 18. Погребение 1. План и разрезы

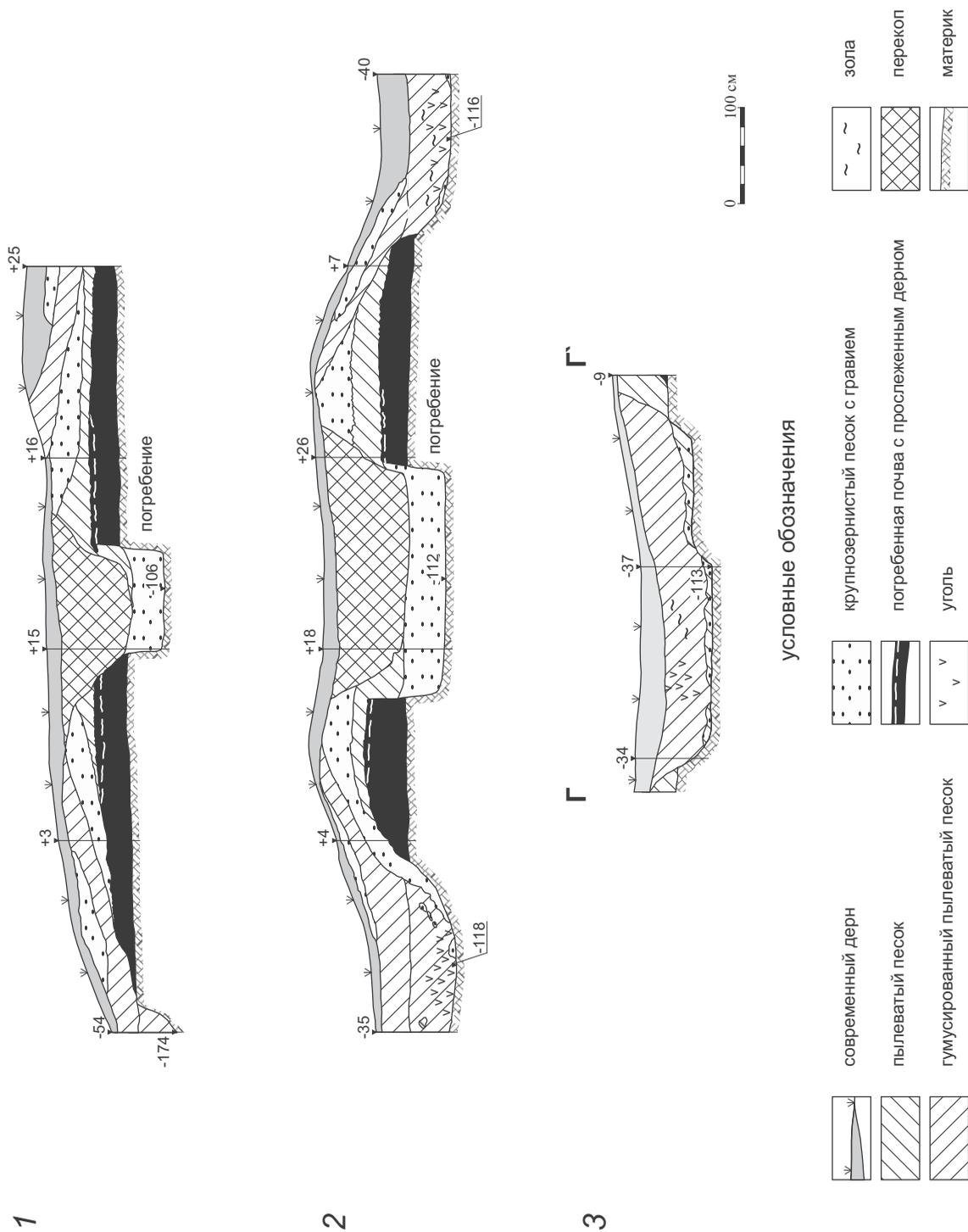

Рис. 136. Курган 20. Разрезы кургана и ровика
 1 – бровка север–юг (вид с запада); 2 – бровка запад–восток (вид с юга); 3 – разрез восточного ровика

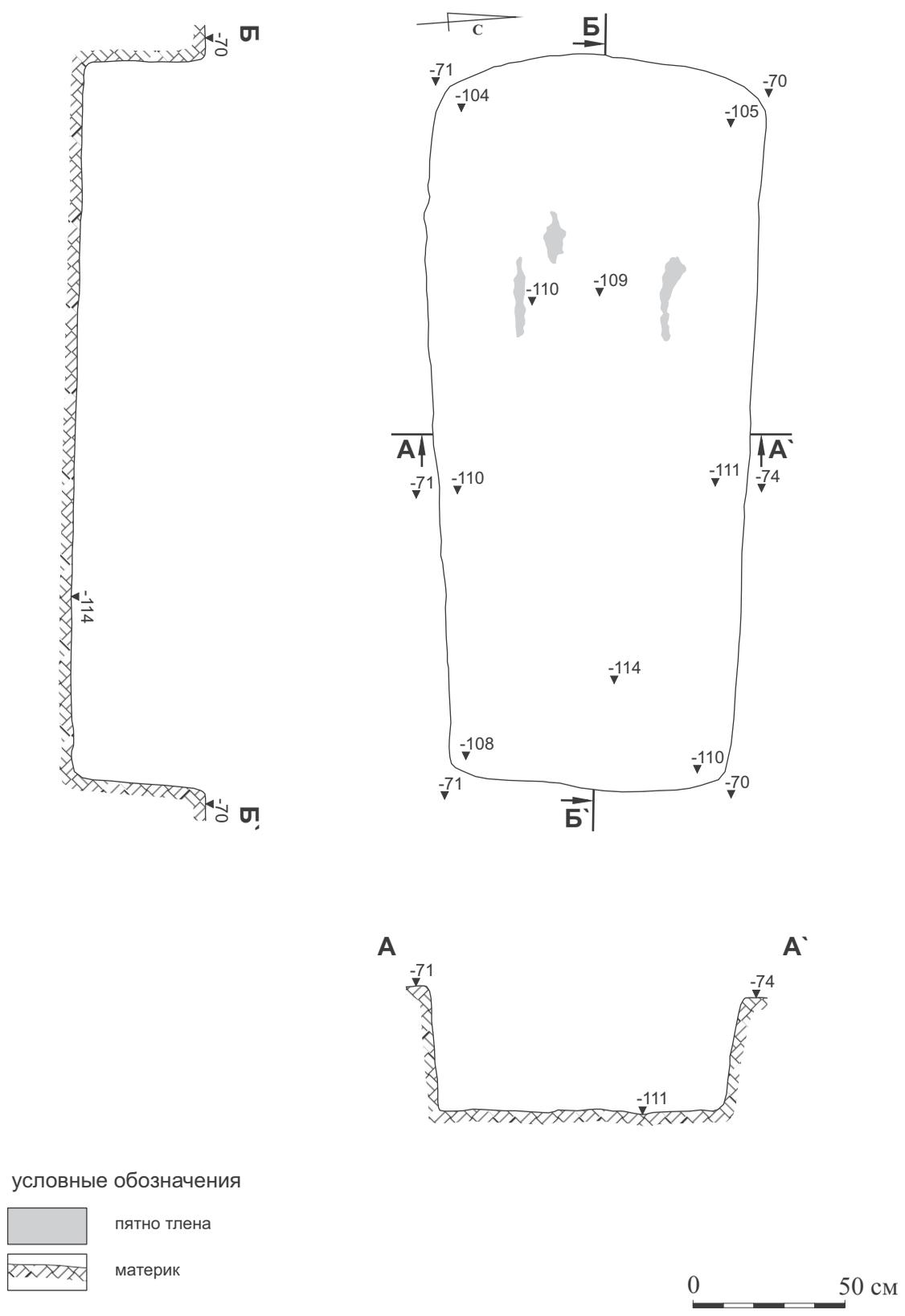

Рис. 137. Курган 20. Погребение 1. План и разрезы

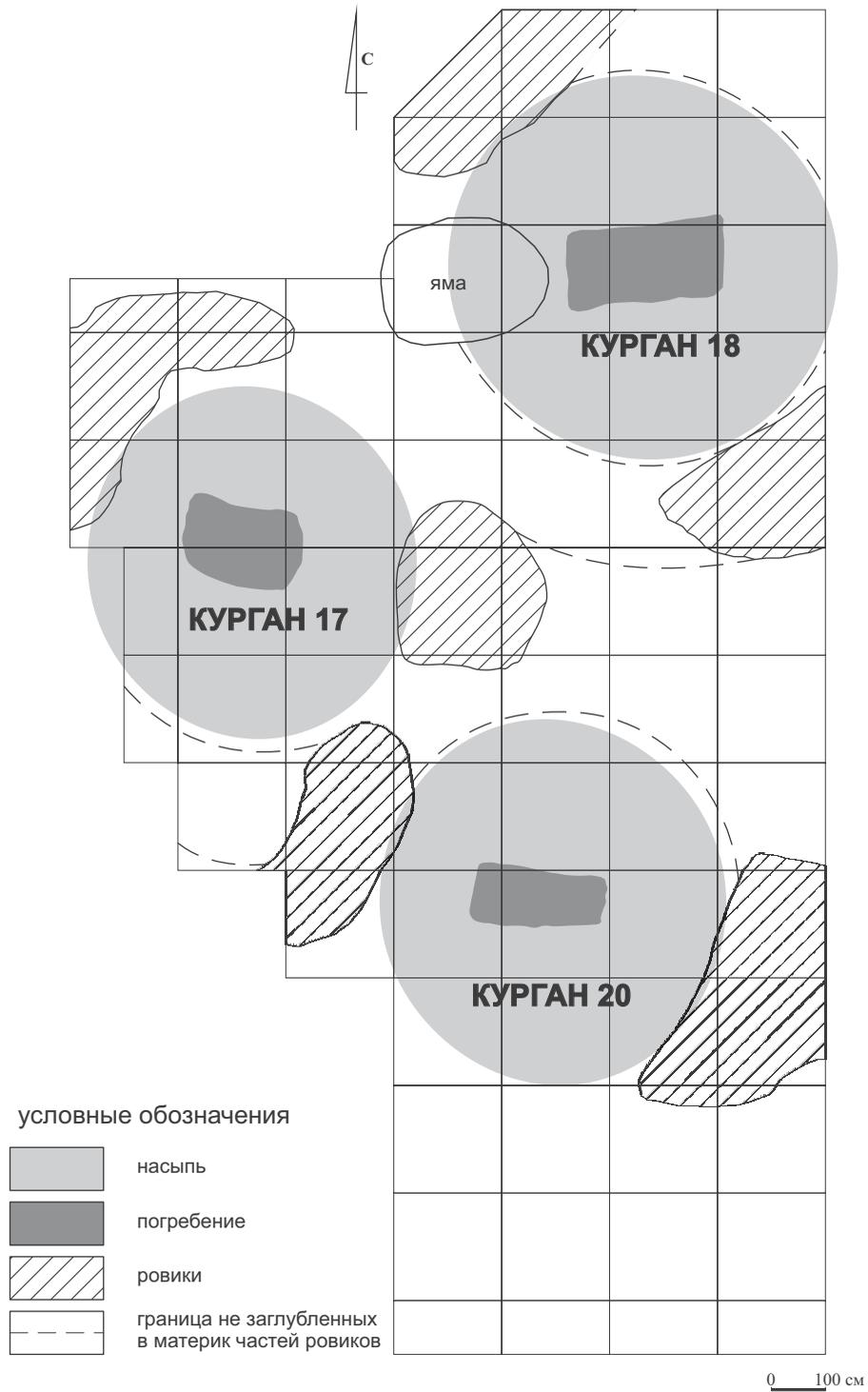
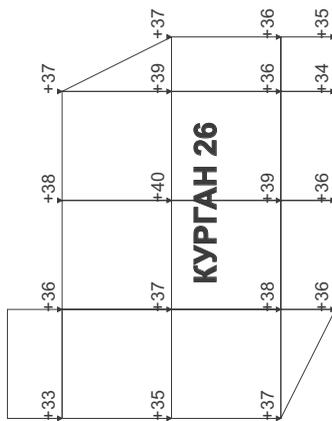
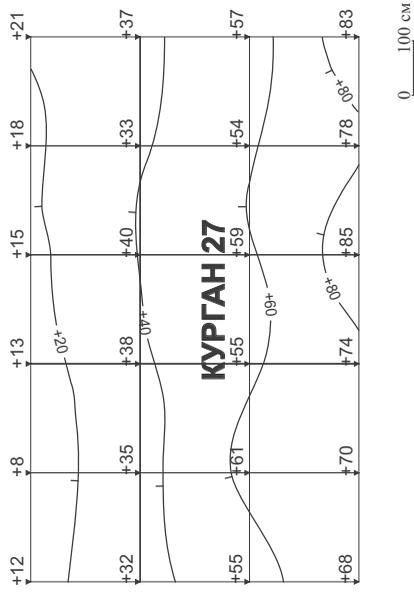
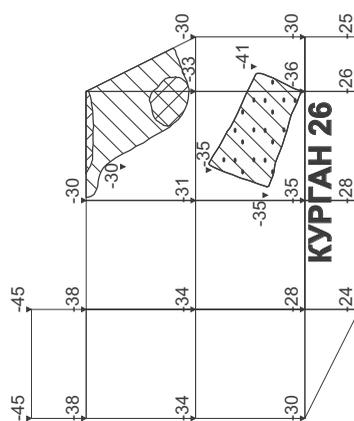

Рис. 138. Курганы 17, 18, 20. Реконструкция насыпей и ровиков в плане

1

2

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- крупнозернистый песок с гравием
- пылеватый песок
- погребенная почва
- перекоп (гравительская яма)
- не открытые участки (под деревьями)

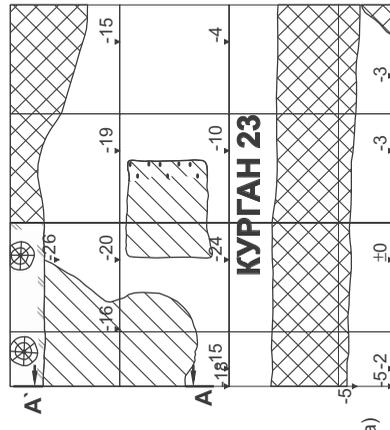
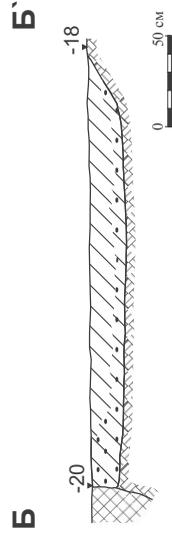
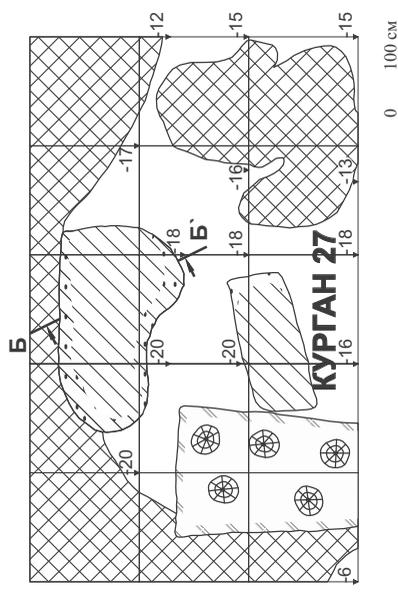
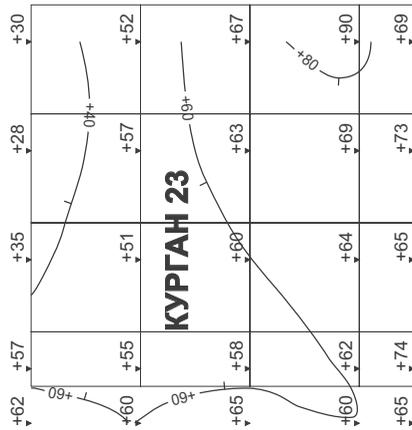

Рис. 139. Курганы 23, 26, 27. Планы нивелировки дневной поверхности (1) и записки по материке (2), разрез северного ровика кургана 27 (Б-Б')

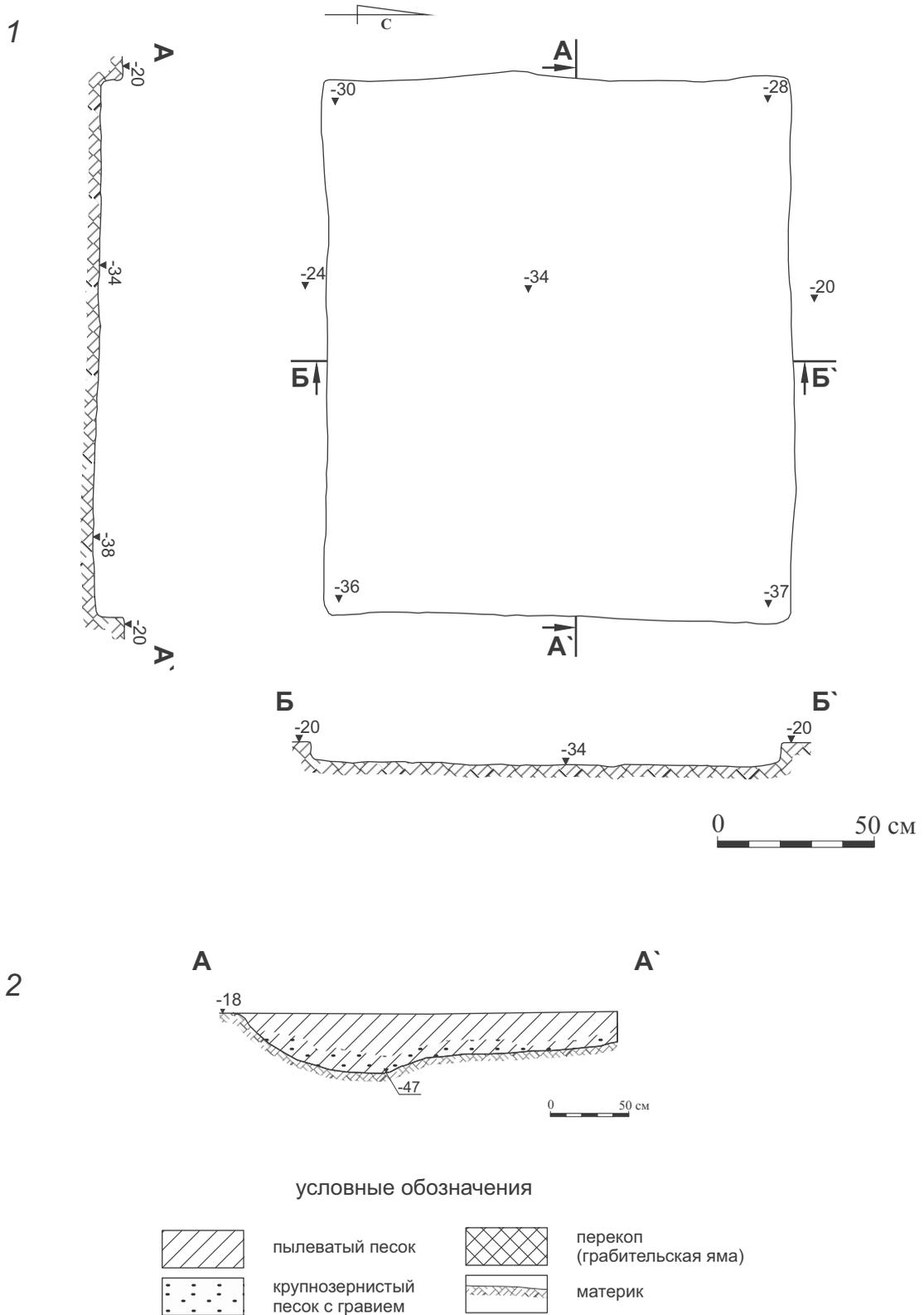

Рис. 140. Курган 23. План и разрезы могильной ямы (1), разрез северо-западного ровика (2)

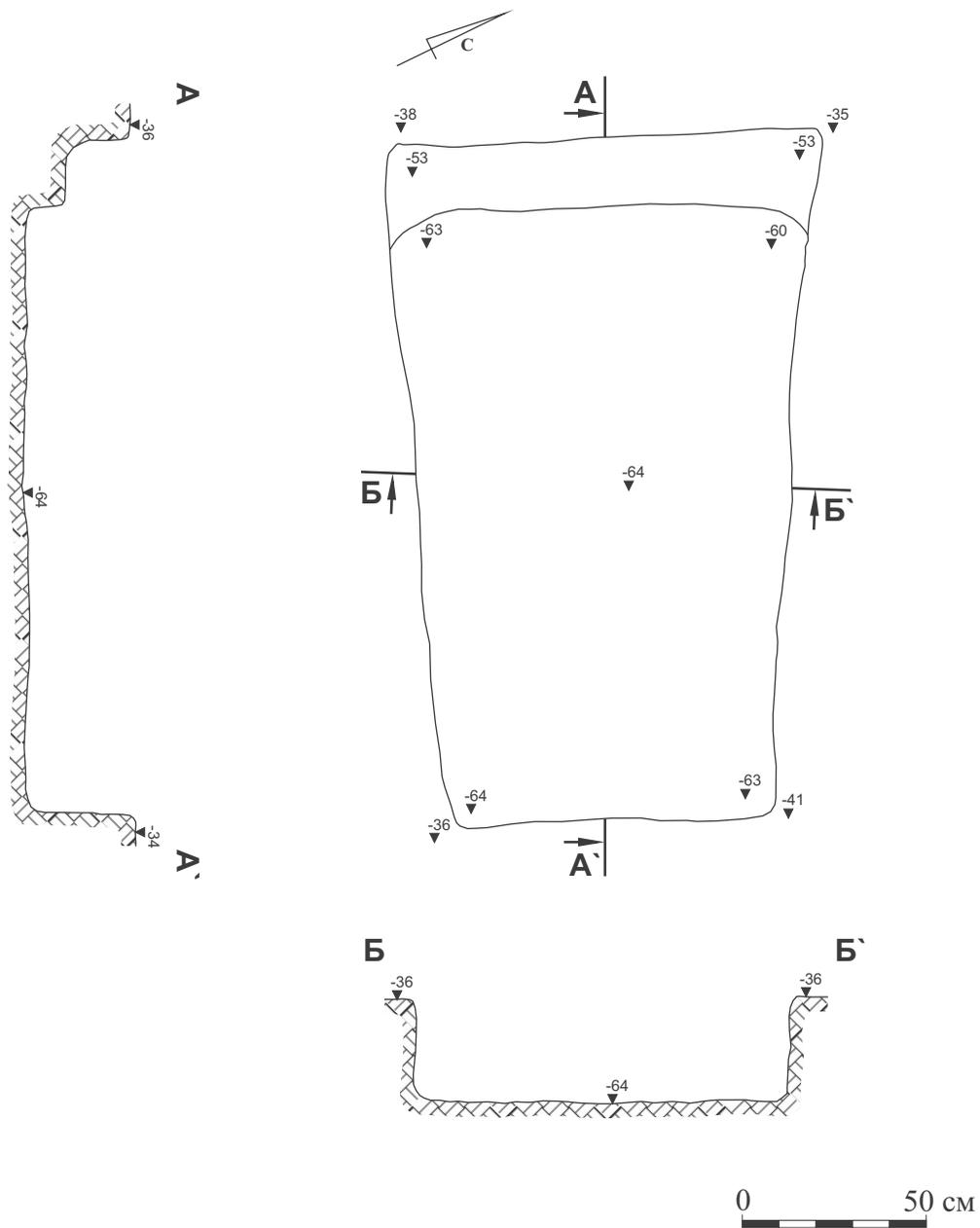

Рис. 141. Курган 26. Погребение 1. План и разрезы

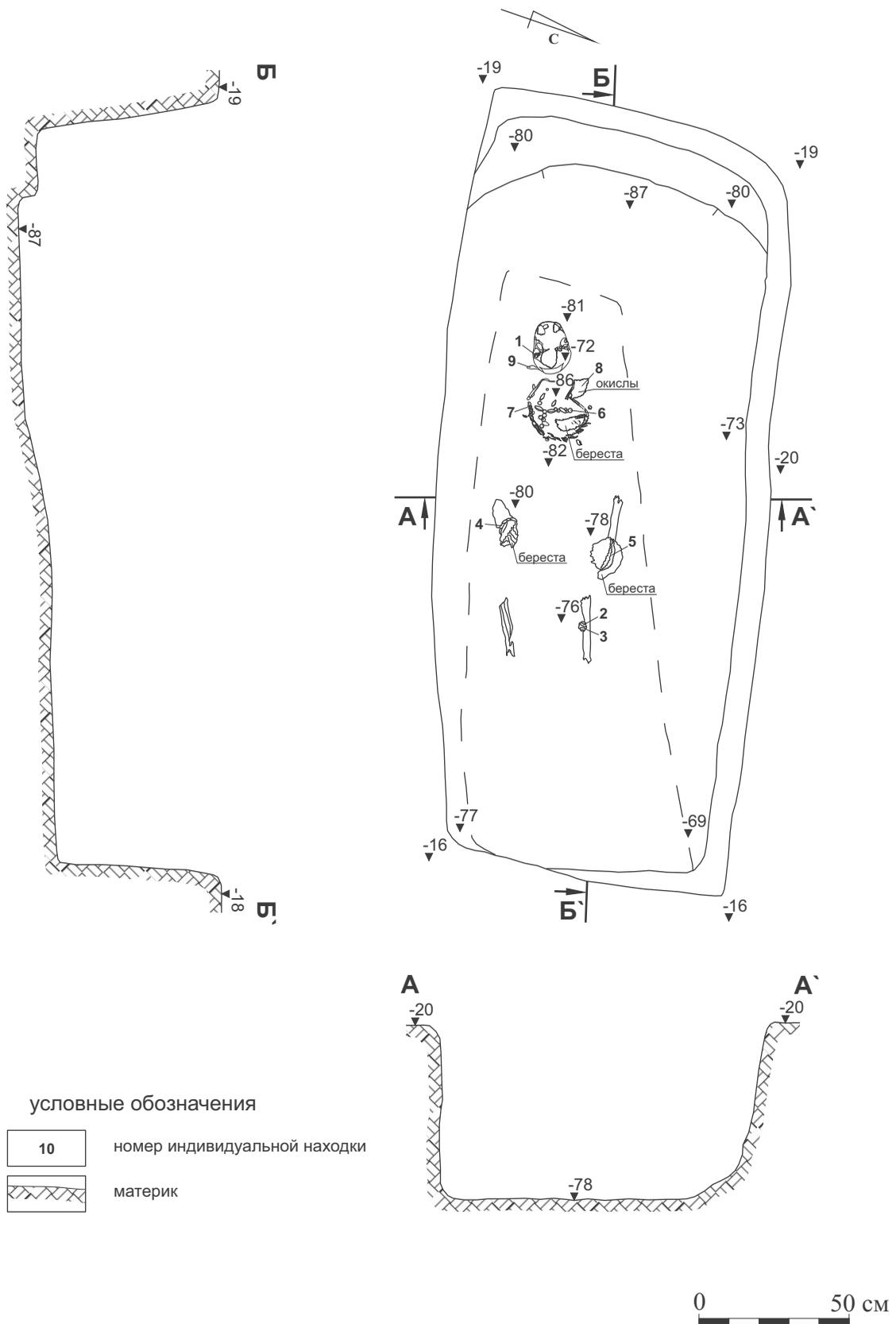

Рис. 142. Курган 27. Погребение 1. План и разрезы

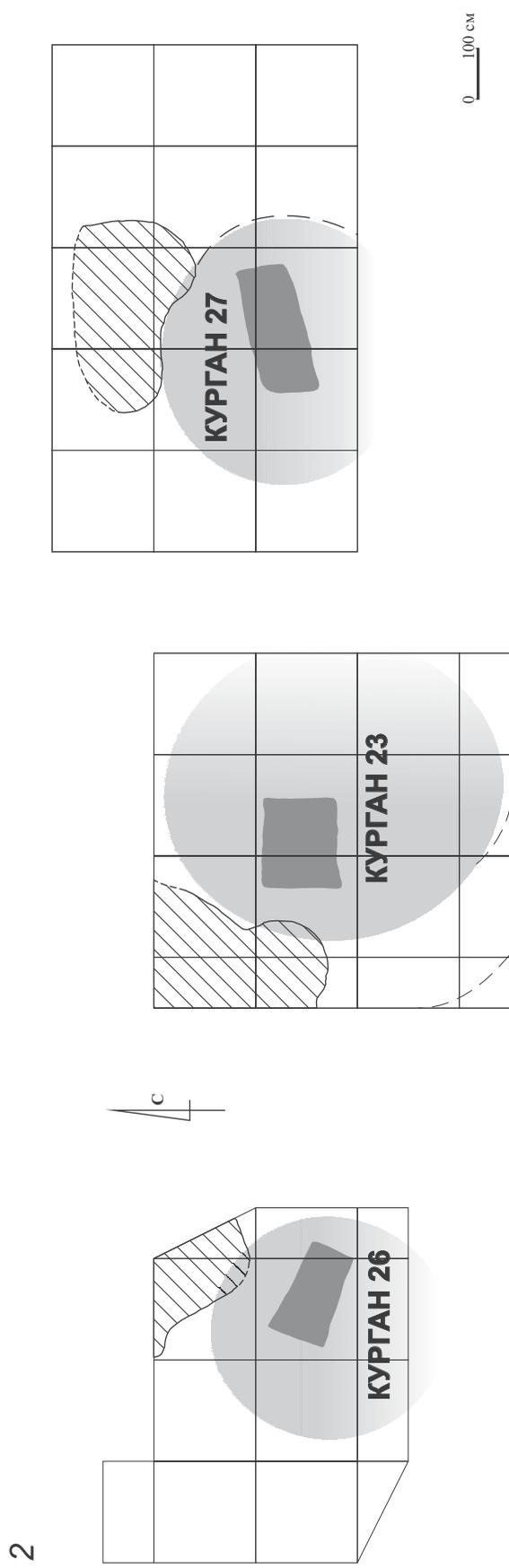

Рис. 143. Курган 27. Череп погребения 1 и украшения шеи (1). Курганы 23, 26, 27. Реконструкция насыпей и ровиков в плане (2)

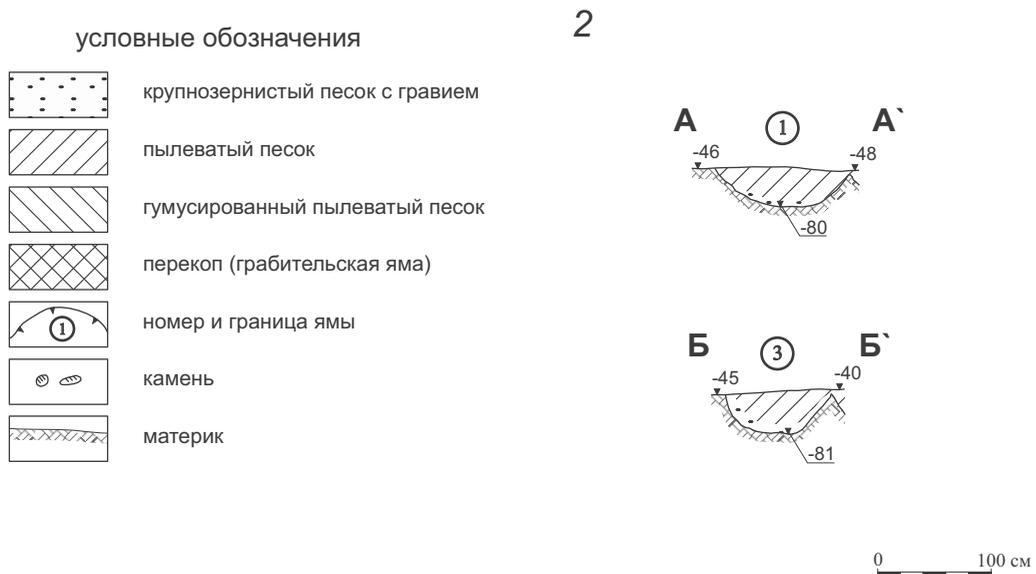
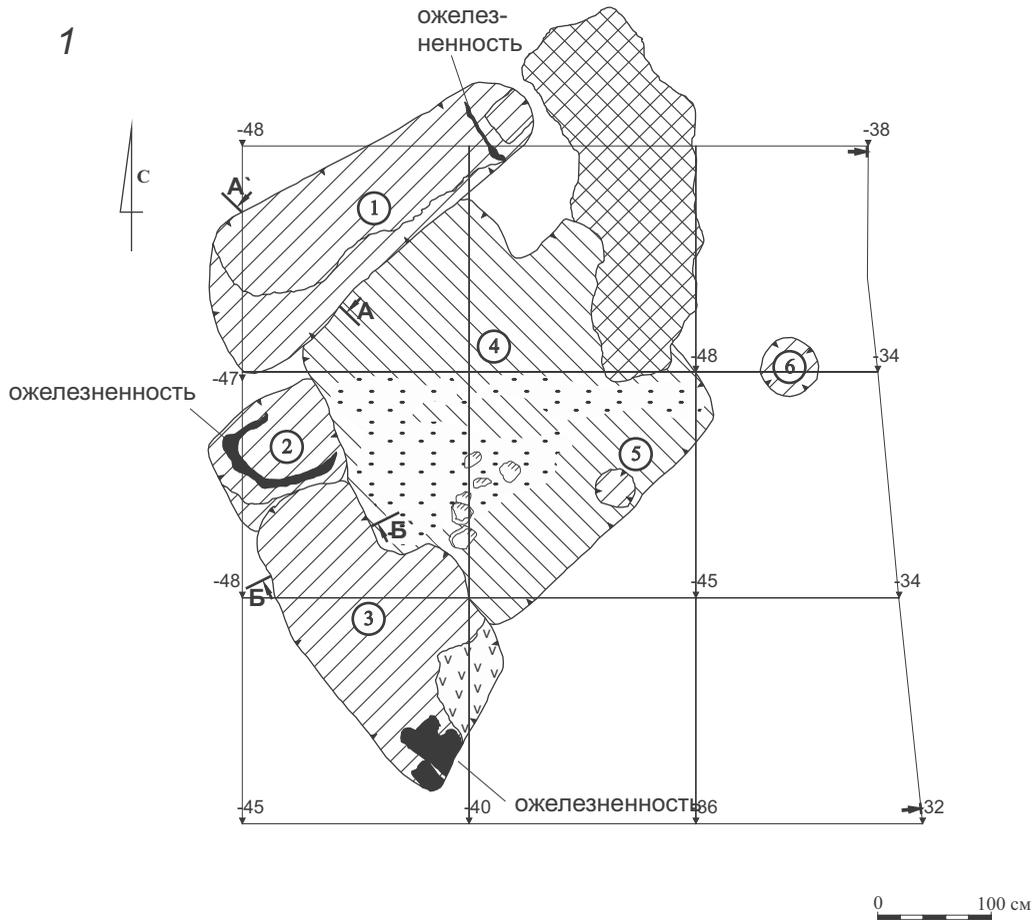
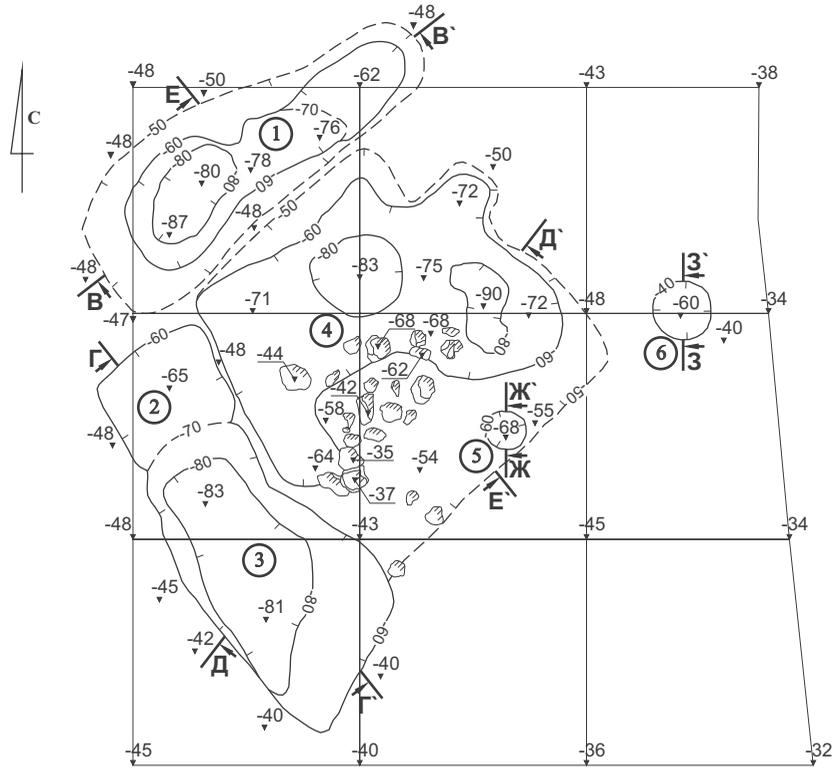

Рис. 144. Раскоп XI. План зачистки по материку (1), разрезы ям 1 и 3 (2)

1

2

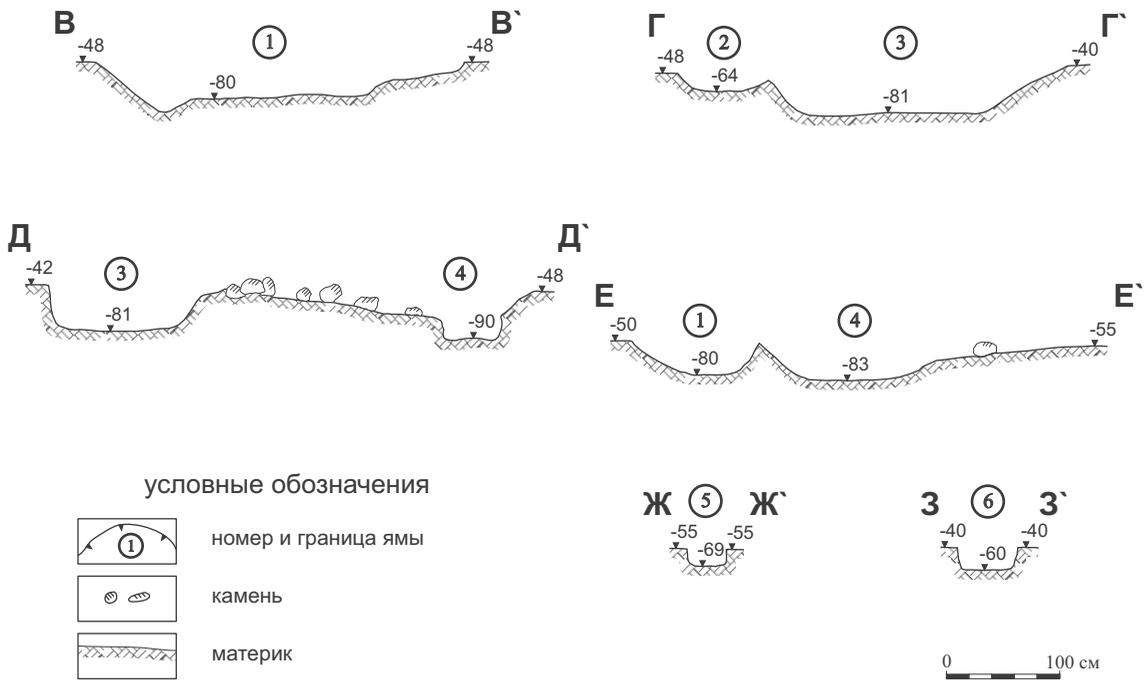

Рис. 145. Раскоп XI. План поверхности материка (1) и разрезы ям 1–6 (2)

Рис. 146. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из курганов I (1а-г) и III (2-6)
 I – набор поясной (№ 124/1-28): а – звено цепи (№ 124/28); б – пряжка фигурная (№ 124/27);
 в, г – бляшки (№ 124/15, 124/16); 2 – кольцо височное перстнеобразное, обломок № 124/31);
 3 – бусы (№ 124/30); 4 – браслет проволочный (№ 124/33); 5, 6 – перстни ложновитые (№ 124/29, 124/32)
 (I – серебро(?), медный сплав; 2, 4-6 – медный сплав; 3 – горный хрусталь, сердолик)

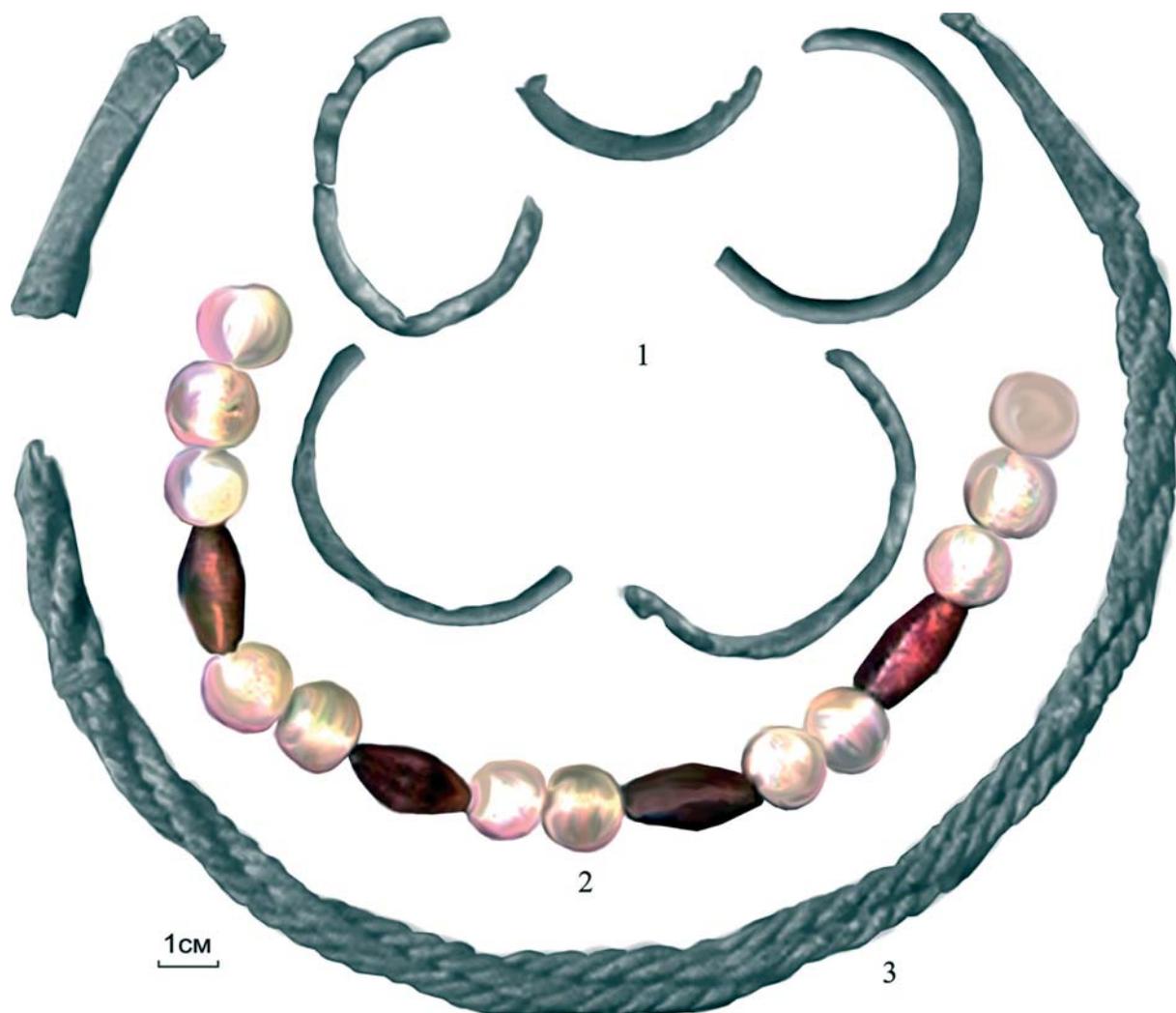

Рис. 147. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из кургана VI

1 – кольца височные перстнеобразные (№ 124/35); *2* – бусы (№ 124/37); гривна витая тройная (№ 124/36)
 (*1, 3* – медный сплав; *2* – горный хрусталь, сердолик)

Рис. 148. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из курганов VI (1–3) и VII (4–8)
 1, 3 – перстни (№ 124/40, 124/39); 2, 6–8 – браслеты (№ 124/34, 124/45, 124/53, 124/61); 4 – кольца височные перстнеобразные (№ 124/70); 5 – бусы (№ 124/54) (1–4, 7, 8 – медный сплав; 5, 6 – стекло)

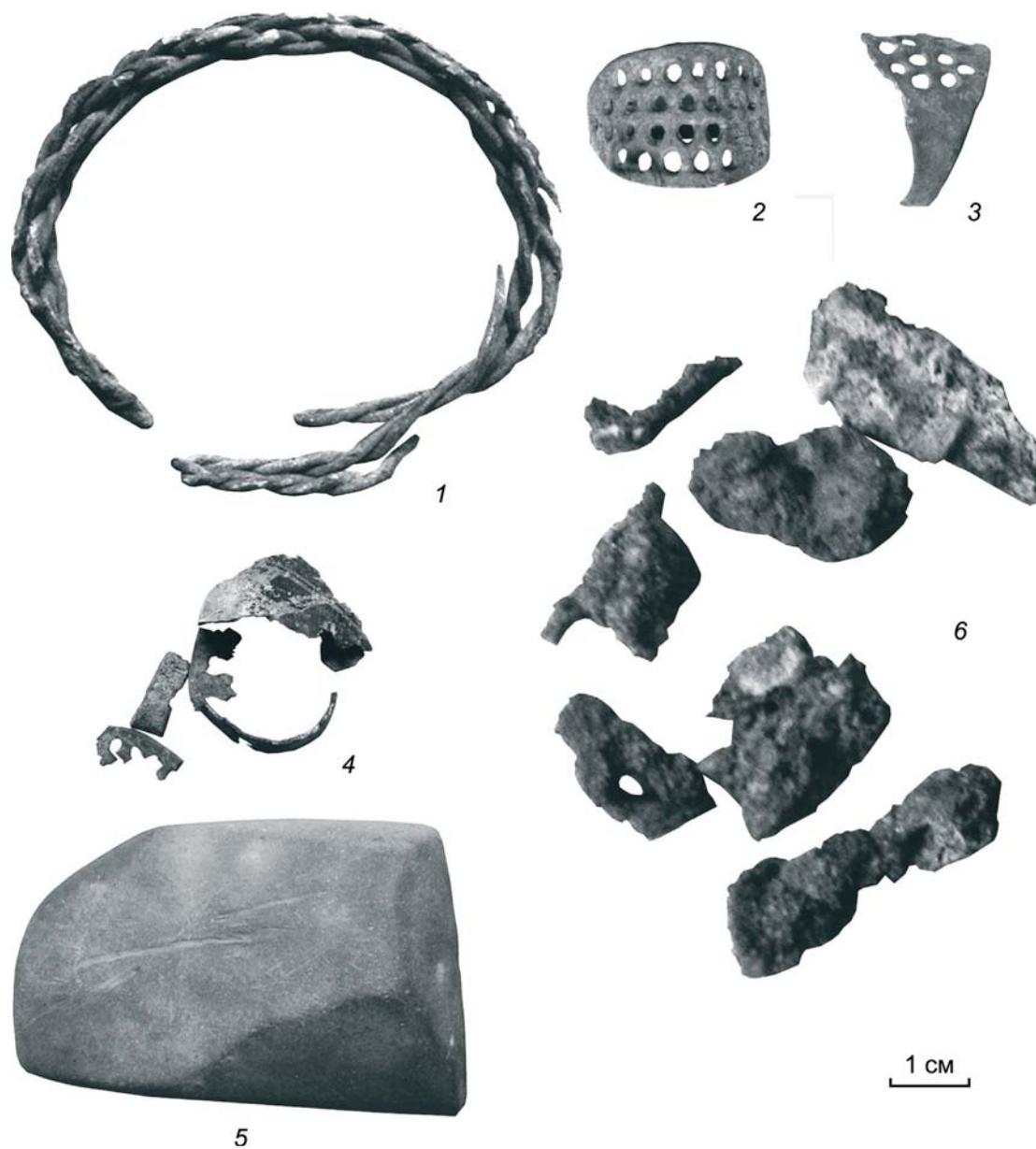

Рис. 149. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из кургана VII

1 – браслет витой (№ 124/62); *2–4* – перстни (№ 124/68, 124/69, 124/63–67); *5* – точильный камень (124/41);
6 – предмет (звенья цепи?) (№ 124/46–52) (*1–4* – медный сплав; *5* – камень; *6* – железо)

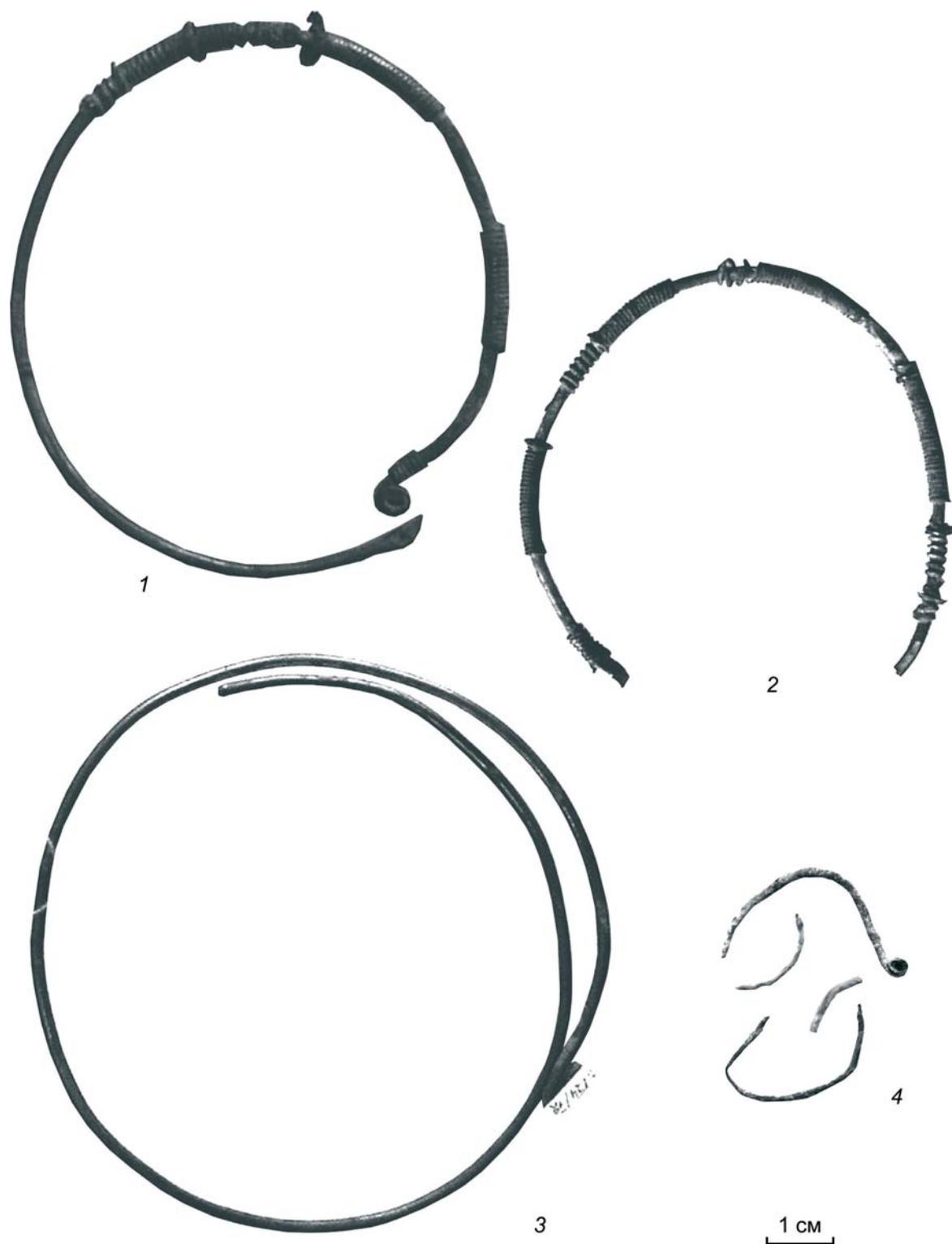

Рис. 150. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из кургана X

1, 2 – кольца височные с напускными бусами (не сохранились) (№ 124/81, 124/73);
 3 – кольцо височное браслетообразное (№ 124/72); 4 – кольца височные перстнеобразные, обломки (№ 124/77)
 (1–3 – серебро; 4 – медный сплав)

Рис. 151. Раскопки В. А. Городцова 1924 г. Находки из кургана X

1–3 – кольца височные браслетообразные (№ 124/76, 124/71, 124/86); 4 – кольца височные браслетообразное и перстнеобразное с фрагментом кожи (№ 124/74, 124/75); 5 – бусы (№ 124/82); 6, 7 – перстни пластинчатые (№ 124/85, 124/83); 8 – кольцо витое (№ 124/84) (1–3, 7 – серебро; 4 – серебро, медный сплав; 5 – горный хрусталь, стекло, сердолик; 6, 8 – медный сплав)

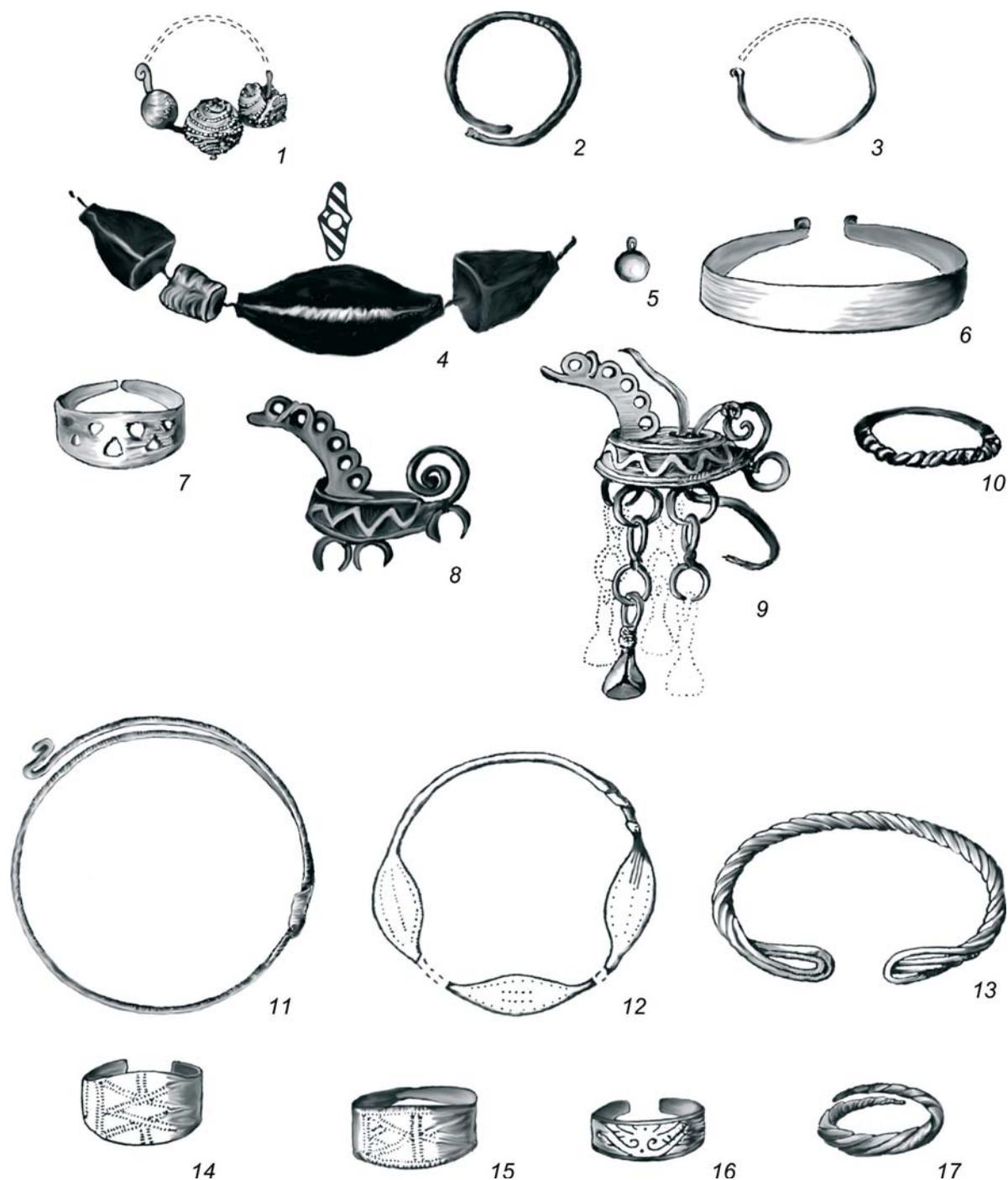

Рис. 152. Раскопки М. В. Городцова 1927 г. Находки из курганов XII (1–10) и XIII (11–17)

1 – кольцо височное с тремя напускными бусинами, украшенными сканью; 2, 3 – кольца височные перстнеобразные; 4 – бусы (темно-синие рыбовидные и золотостеклянная); 5 – пуговица шарообразная (4 шт.); 6 – браслет пластинчатый; 7 – перстень решетчатый; 8, 9 – привески шумящие, в виде петушков, с остатками тонких ремней; 10 – перстень ложновитой; 11 – кольцо височное браслетообразное с эсовидным концом; 12 – кольцо височное овальнощитковое; 13 – браслет витой; 14–16 – перстни пластинчатые; 17 – перстень витой (1, 12, 14 – серебро; 2, 3, 5–11, 13, 15–17 – бронза; 4 – стекло)

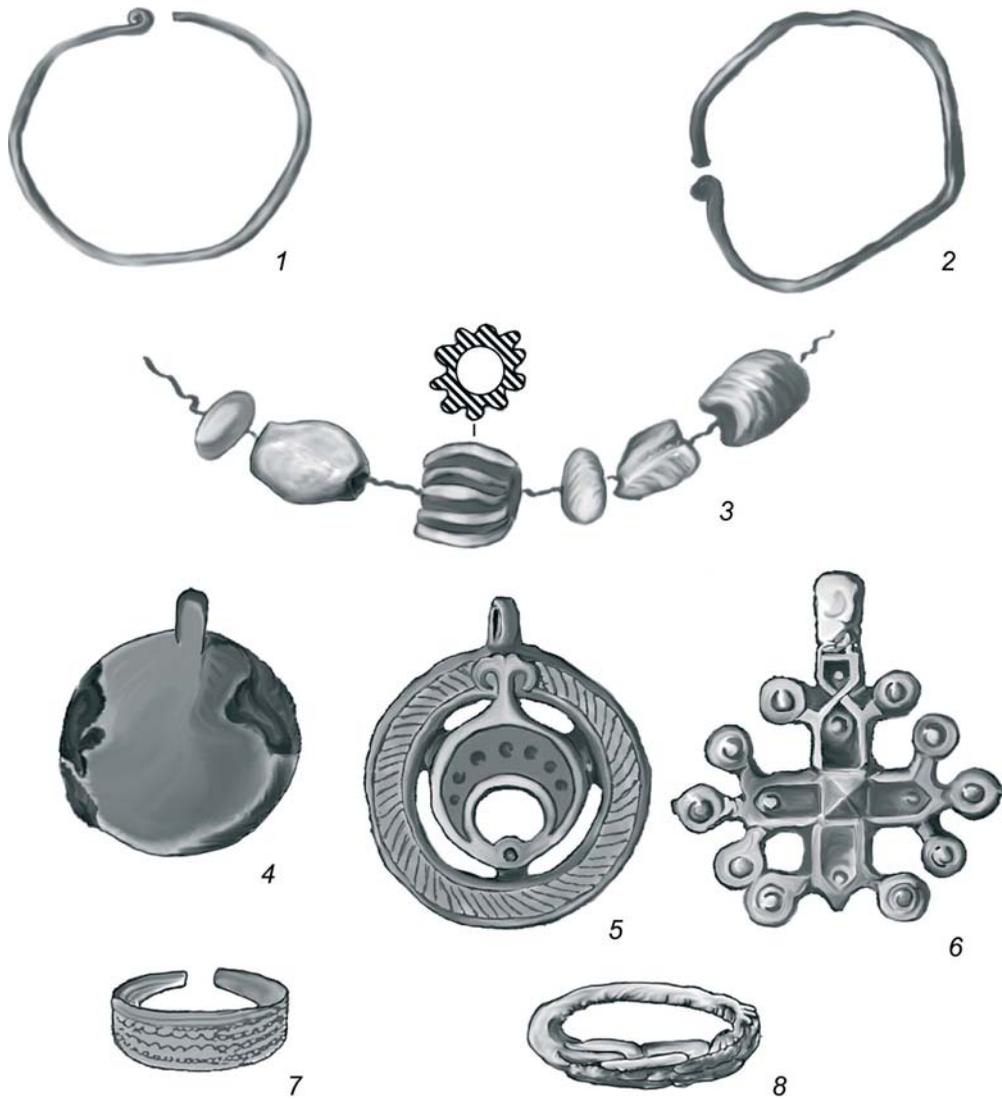

Рис. 153. Раскопки М. В. Городцова 1927 г. Находки из курганов XIV (погребение 2) (1–7) и XV (8)
 1, 2 – кольца височные перстнеобразные; 3 – бусы; 4 – привеска монетовидная; 5 – лунницевключенная
 подвеска; 6 – крестовключенная подвеска; 7 – перстень пластинчатый; 8 – перстень витой
 (1, 2, 7, 8 – бронза; 3 – стекло, сердолик; 4–6 – белый металл)

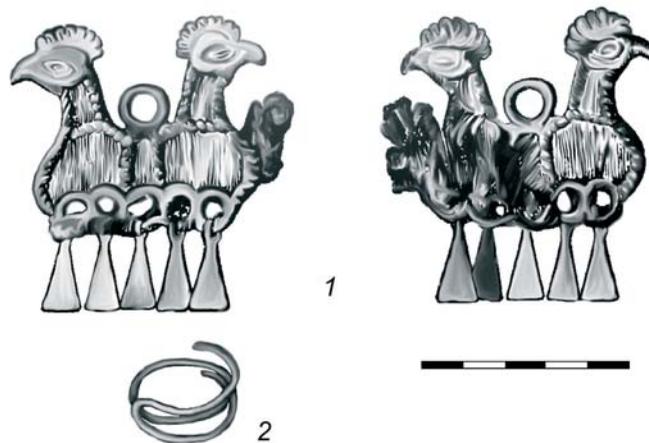

Рис. 154. Находки из раскопок М. Г. Рабиновича (1948 г.)

Рис. 155. Курган 1. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1, 2 – кольца височные (№ 5, 6); 3–7 – бусы (№ 1, 4, 3, 19, 2) (1, 2 – белый металл (серебро?); 3–7 – стекло)

Рис. 156. Курган 1. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь
 1 – бусы (№ 7); 2–7 – перстни (№ 18, 12, 17, 15, 16, 14); 8 – браслет (№ 13)
 (1 – сердолик; 2, 4–7 – медный сплав; 3 – серебро; 8 – сплав на основе олова)

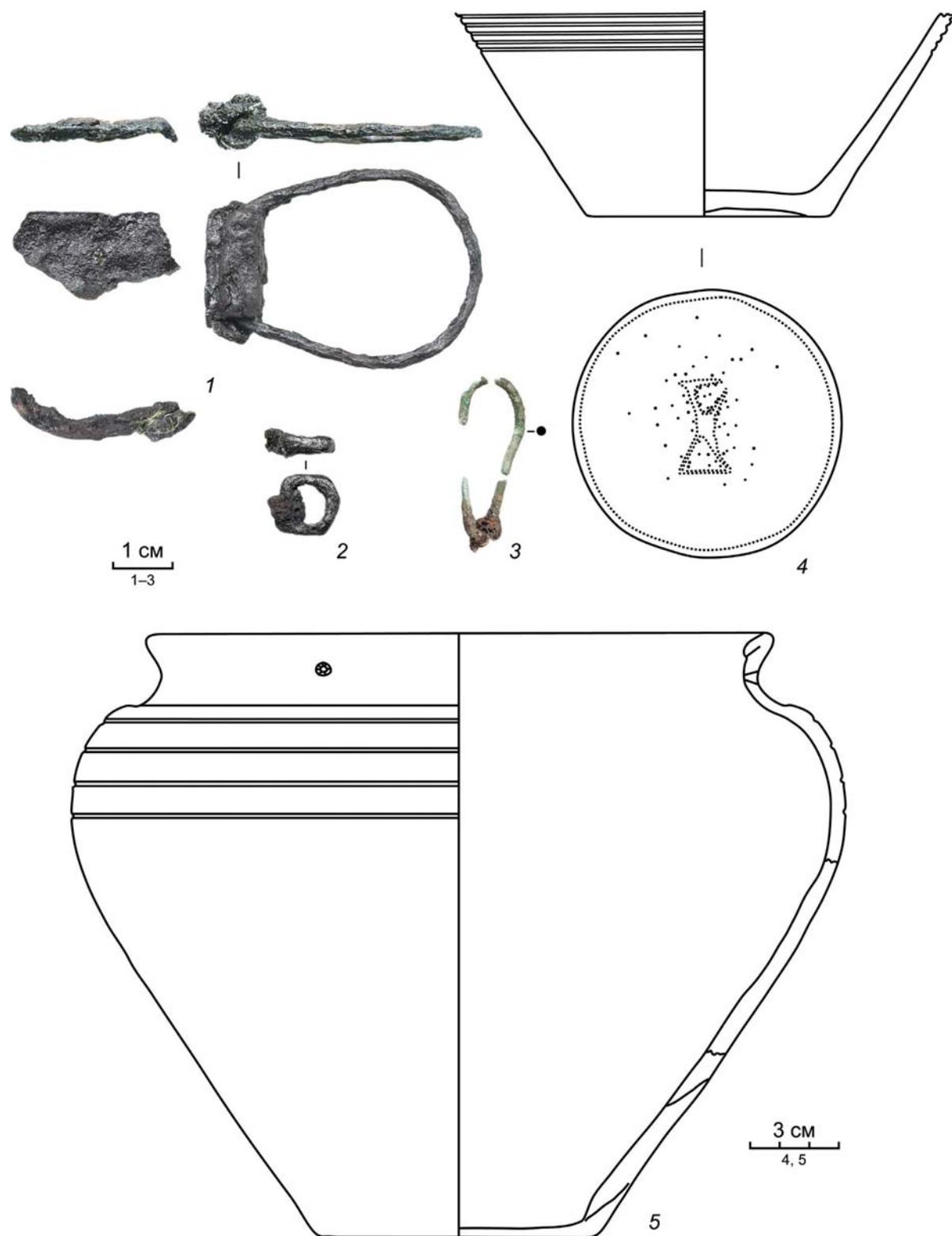

Рис. 157. Находки из кургана 1: погребение (1–4), северо-западный ровик (5)
 1 – ручка (№ 8); 2 – кольцо (№ 9); 3 – проволока (№ 11); 4 – дно горшка красноглиняного с клеймом (№ 10);
 5 – горшок красноглиняный (№ 20) (1, 2 – железо; 3 – бронза)

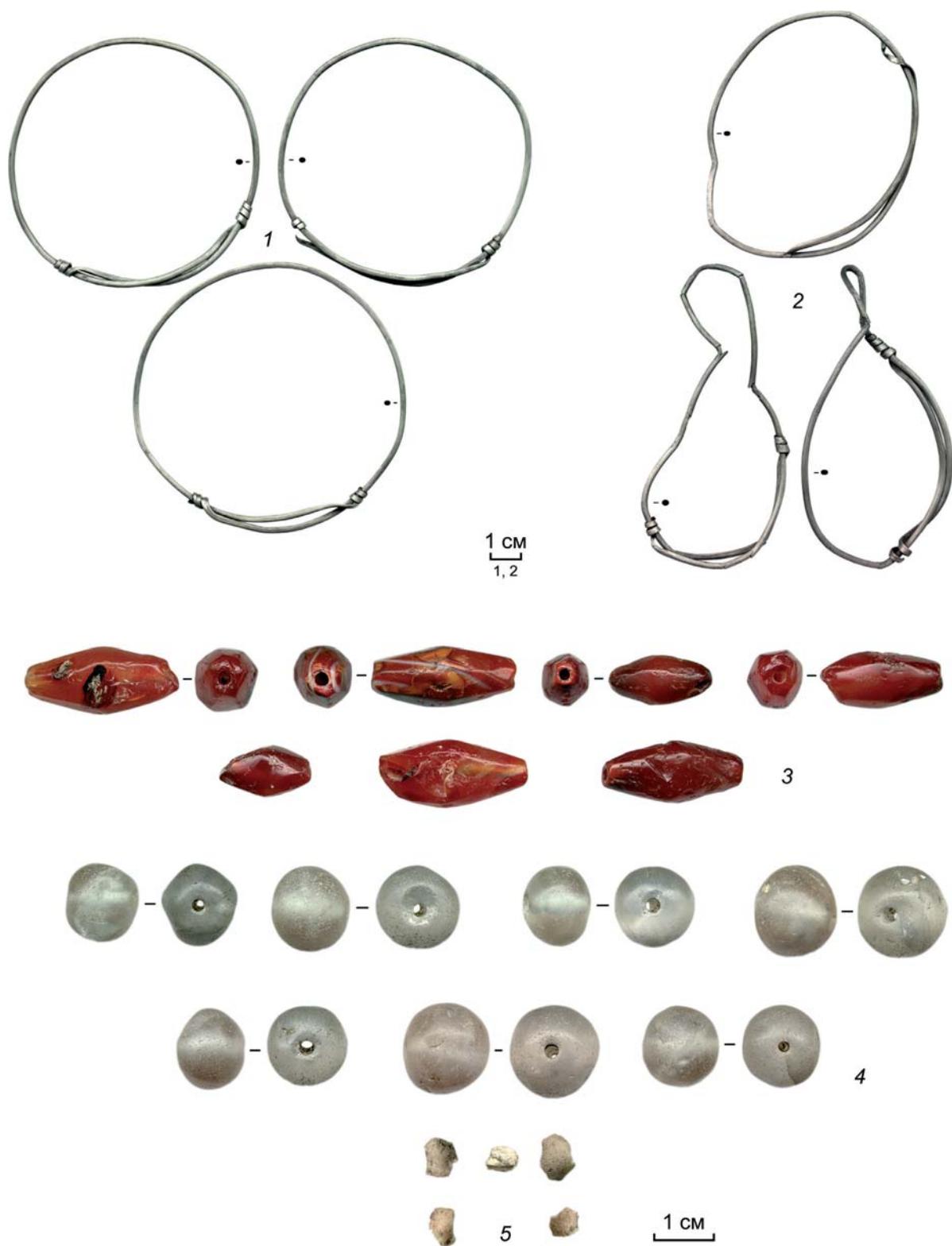

Рис. 158. Курган 2. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1, 2 – кольца височные (№ 1, 2); 3–5 – бусы (№ 3, 5, 4)

(1, 2 – серебро; 3 – сердолик; 4 – горный хрусталь; 5 – стекло)

Рис. 159. Курган 2. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1–5 – перстни (№ 6, 7, 8, 10, 11); 6 – ткань (№ 9)
 (1–3, 5 – медный сплав; 4 – серебро; 6 – шерсть)

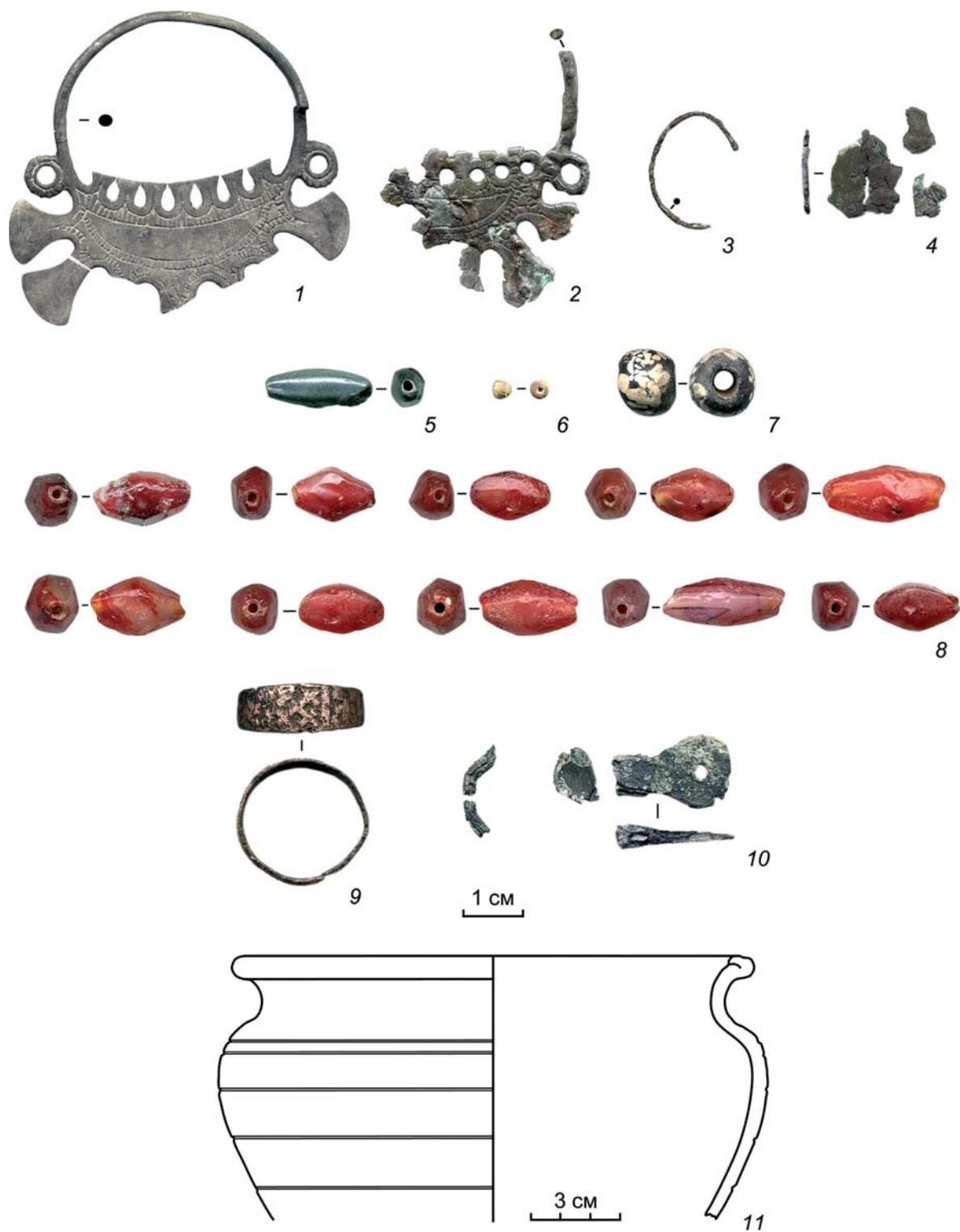

Рис. 160. Находки из кургана 3: погребение (1–10), южный ровик (11)

1–4 – кольца височные (№ 8, 6, 7, 5); 5–8 – бусы (№ 3, 4, 1, 2); 9 – перстень (№ 10);

10 – браслет (?) (№ 9); 11 – горшок красноглиняный (№ 11)

(1 – серебро; 2–4, 9, 10 – медный сплав; 5 – бронза; 6, 7 – стекло; 8 – сердолик; 10 – свинец (?))

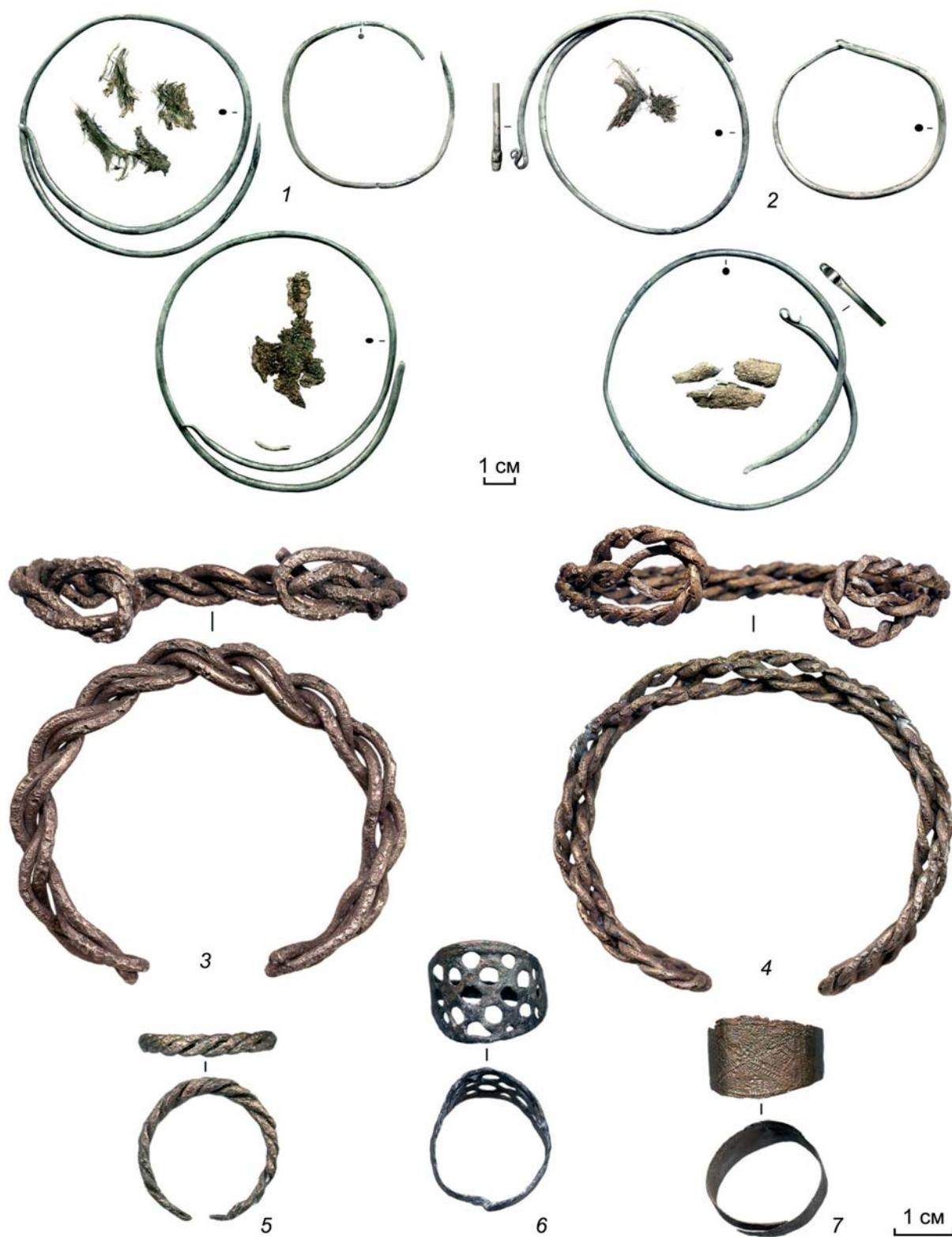

Рис. 161. Курган 4. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1, 2 – кольца височные (№ 1, 2); 3, 4 – браслеты (№ 3, 6); 5–7 – перстни (№ 4, 5, 7)
(1, 2 – серебро; 3–7 – медный сплав)

Рис. 162. Курган 5. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1 – кольца височные (№ 8, 9); 2–4 – бусы (№ 3, 2, 1)

(1 – медный сплав; 2 – горный хрусталь; 3 – сердолик; 4 – стекло)

Рис. 163. Находки из кургана 5: погребение 1 (1–4, 8), насыпь (6, 9)
 1, 2 – браслеты (№ 6, 7); 3, 4 – перетни (№ 4, 5); 5, 6 – привески; 7 – бусы;
 8, 9 – горшки красноглиняные (№ 10, 11) (1–6 – медный сплав; 7 – косточки плодовые)

Рис. 164. Курган 6. Погребение 1. Украшения

1, 3 – кольца височные (№ 22, 14) и волосы погребенной; *2* – перстень (№ 13)
(*1, 2* – медный сплав; *3* – серебро)

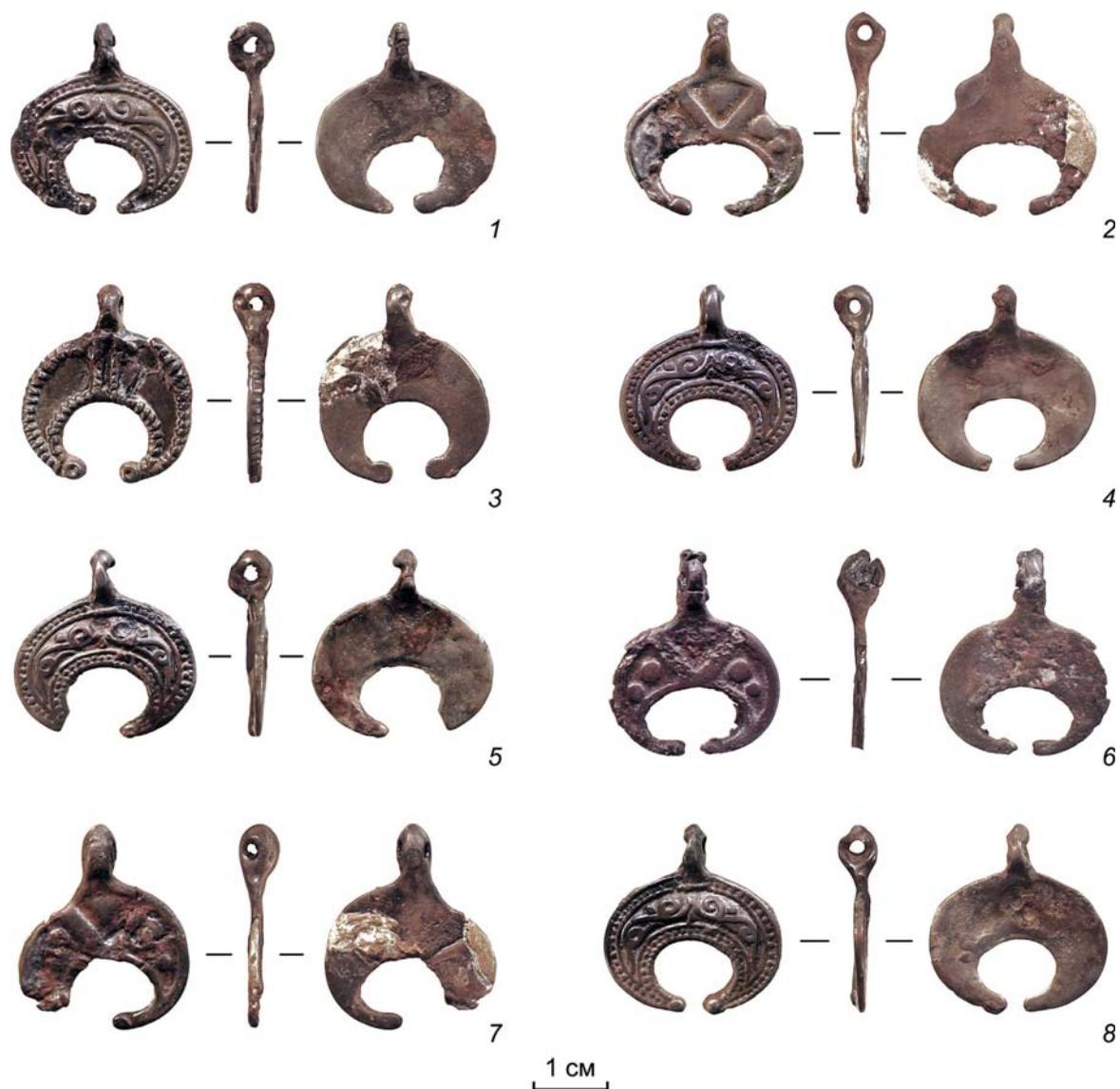

Рис. 165. Курган 6. Погребение 1. Лунницы (1–8) из медного сплава

Рис. 166. Курган 6. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1а-в – бусы, 1б – пуговицы (№ 23); 2, 3 – перстни (№ 26, 27); 4 – пряслице шиферное (№ 25)
 (1а – стекло; 1б – сердолик; 1в – белый металл; 1г – медный сплав с позолотой; 2, 3 – медный сплав; 4 – камень)

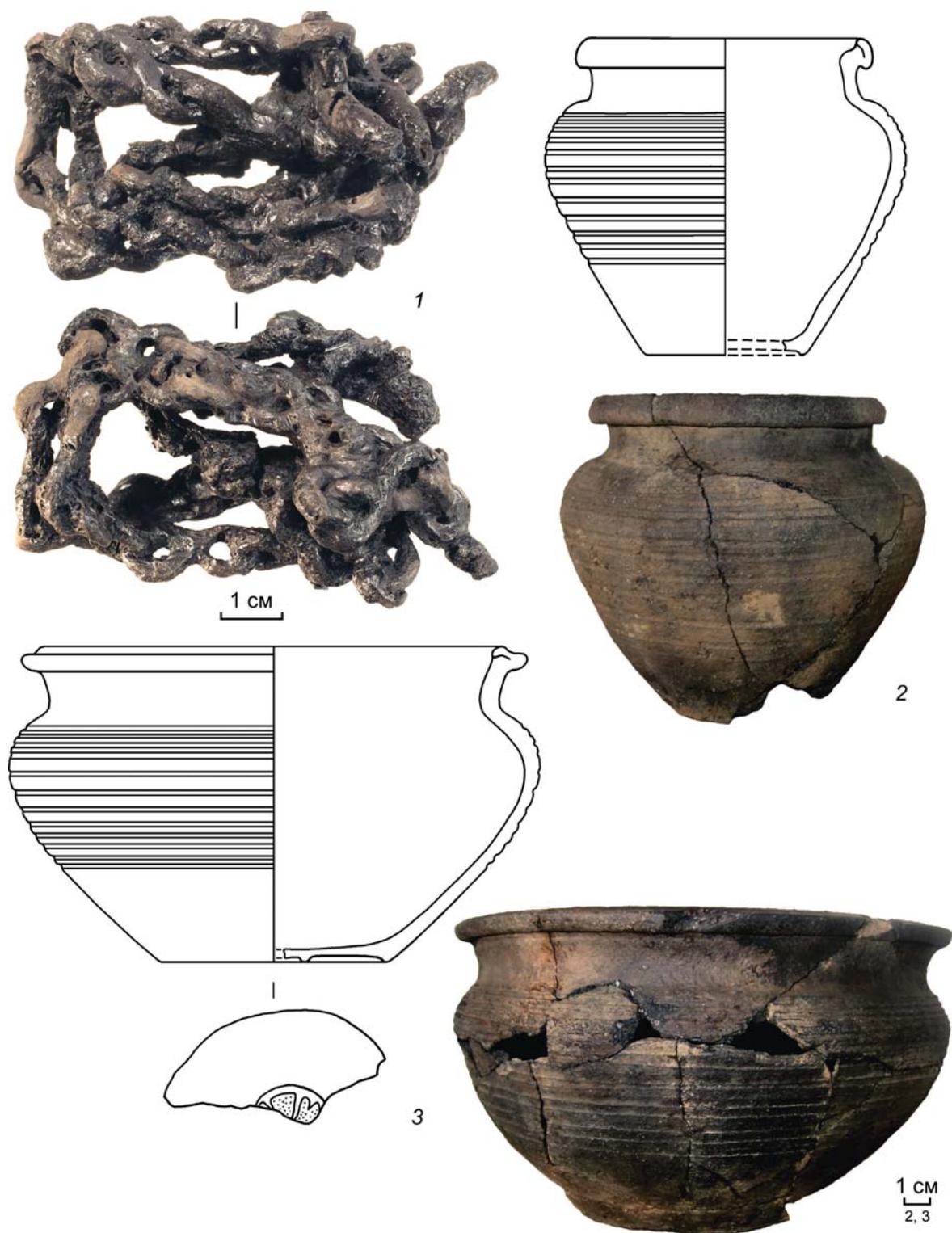

Рис. 167. Находки из кургана 6: погребение (1, 2), насыпь (3)

1 – цепочка с привеской (№ 24); 2 – горшок (№ 2); 3 – горшок-миска с клеймом на днище (№ 1)
(1 – железо; 2, 3 – керамика)

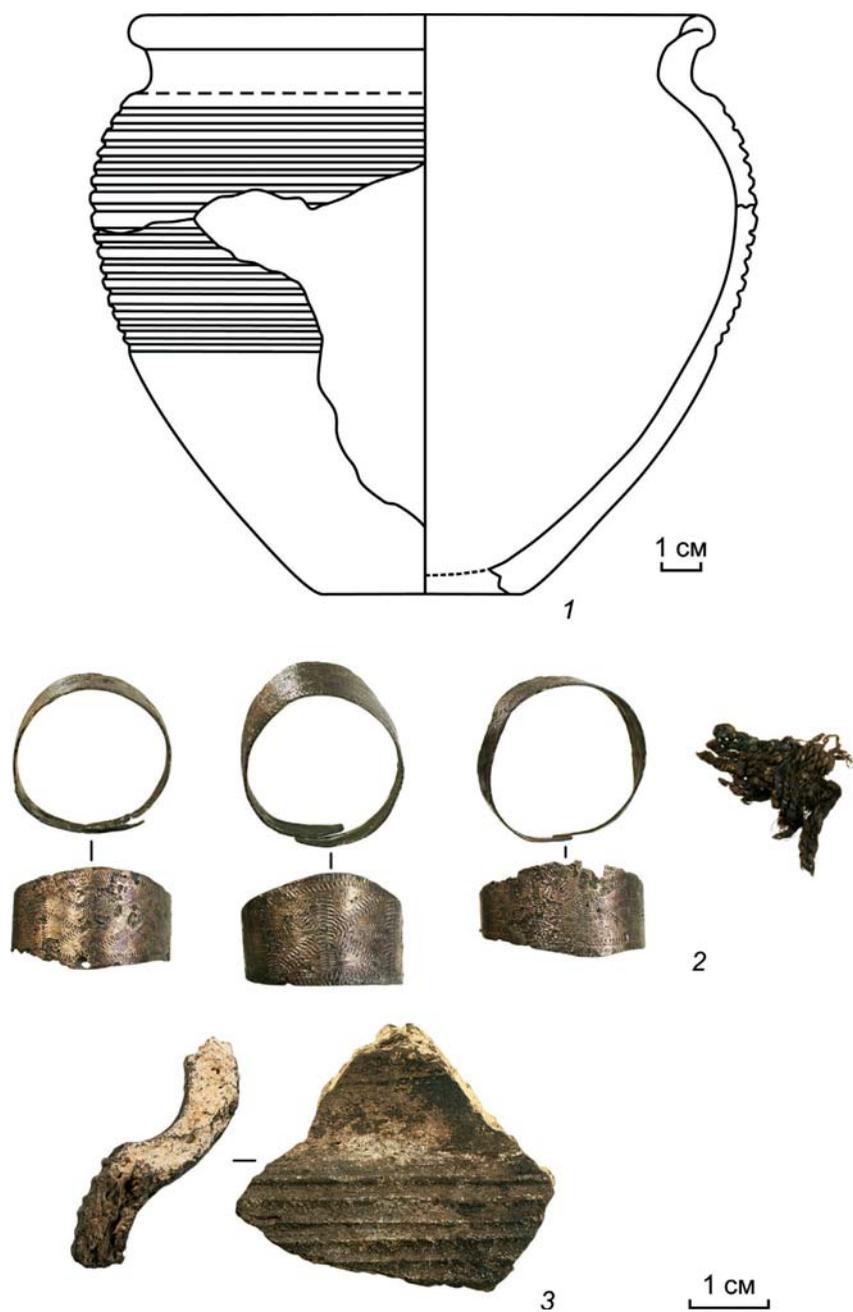

Рис. 168. Находки из кургана 6 (западный ровик) и 9 (1) и кургана 8: погребение (2), насыпь (3)
 1 – горшок красноглиняный (№ 3, 35, 37); 2 – перстни из медного сплава и обрывок ткани (№ 31);
 3 – обломок горшка белоглиняного (№ 30)

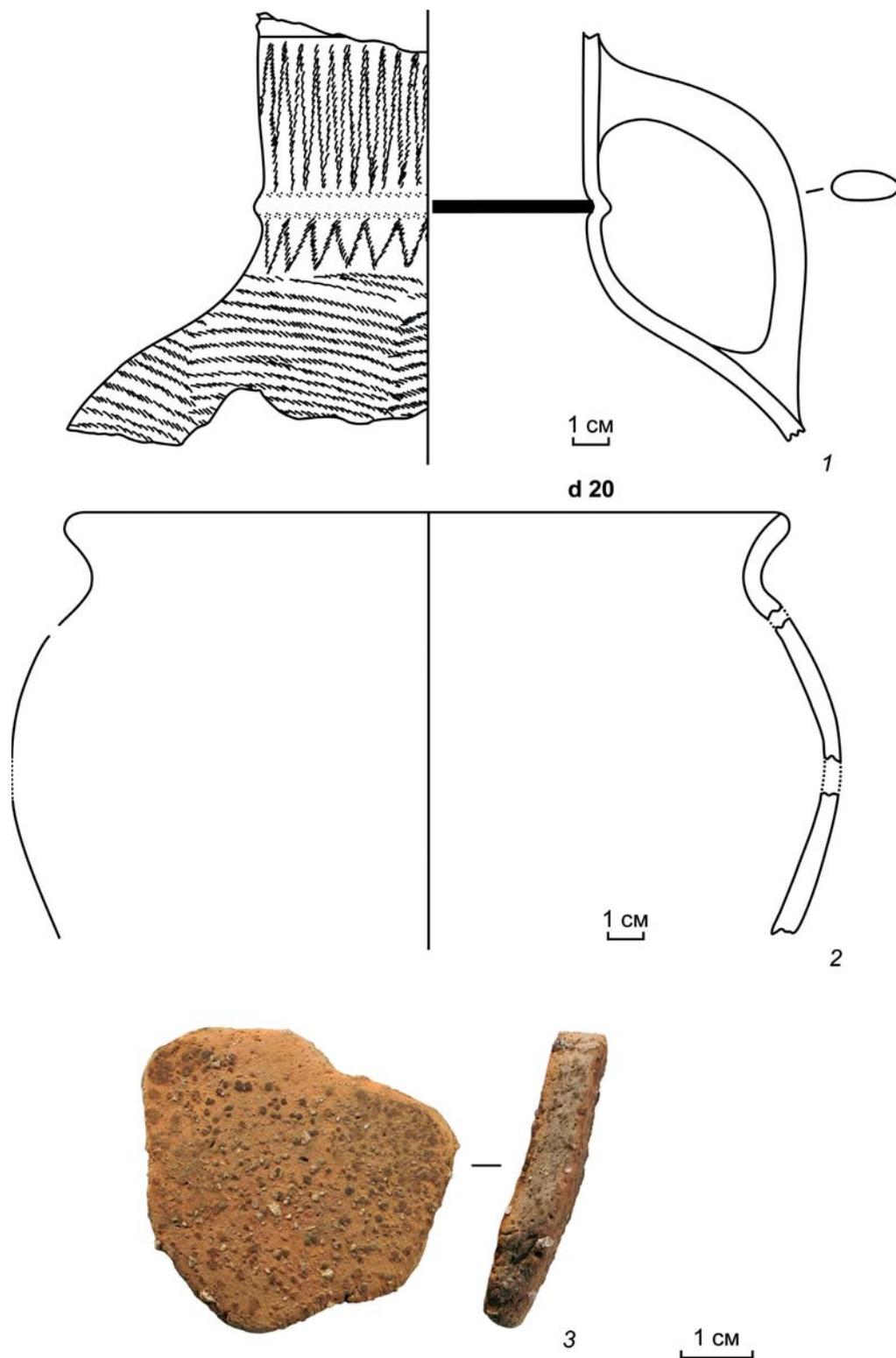

Рис. 169. Курган 9. Керамика из северного ровика

1 – обломок кувшина серолощеного (№ 36); 2, 3 – горшки красноглиняные (№ 39, 33)

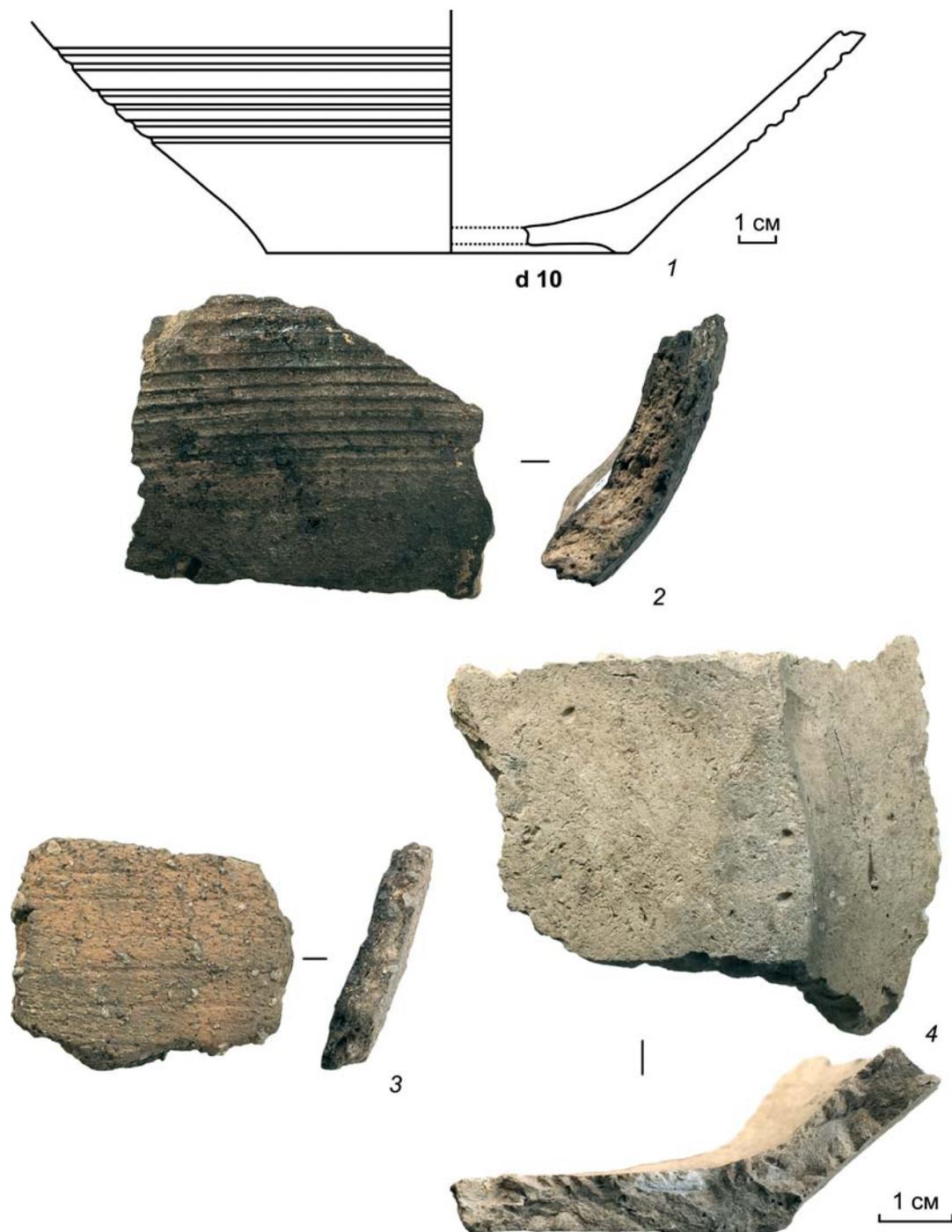

Рис. 170. Курган 9. Керамика из восточного (1, 2) и южного (3, 4) ровиков
 1, 3 – обломки горшков красноглиняных (№ 34, 32); 2, 4 – обломки горшков белоглиняных (№ 29, 38)

Рис. 171. Курган 10. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1 – кольца височные (№ 11); 2 – бусы (№ 10); 3 – браслет (№ 4); 4–6 – перстни (№ 9, 5, 8)
 (1а, б, 3, 4–6 – медный сплав; 1в – серебро; 2 – стекло)

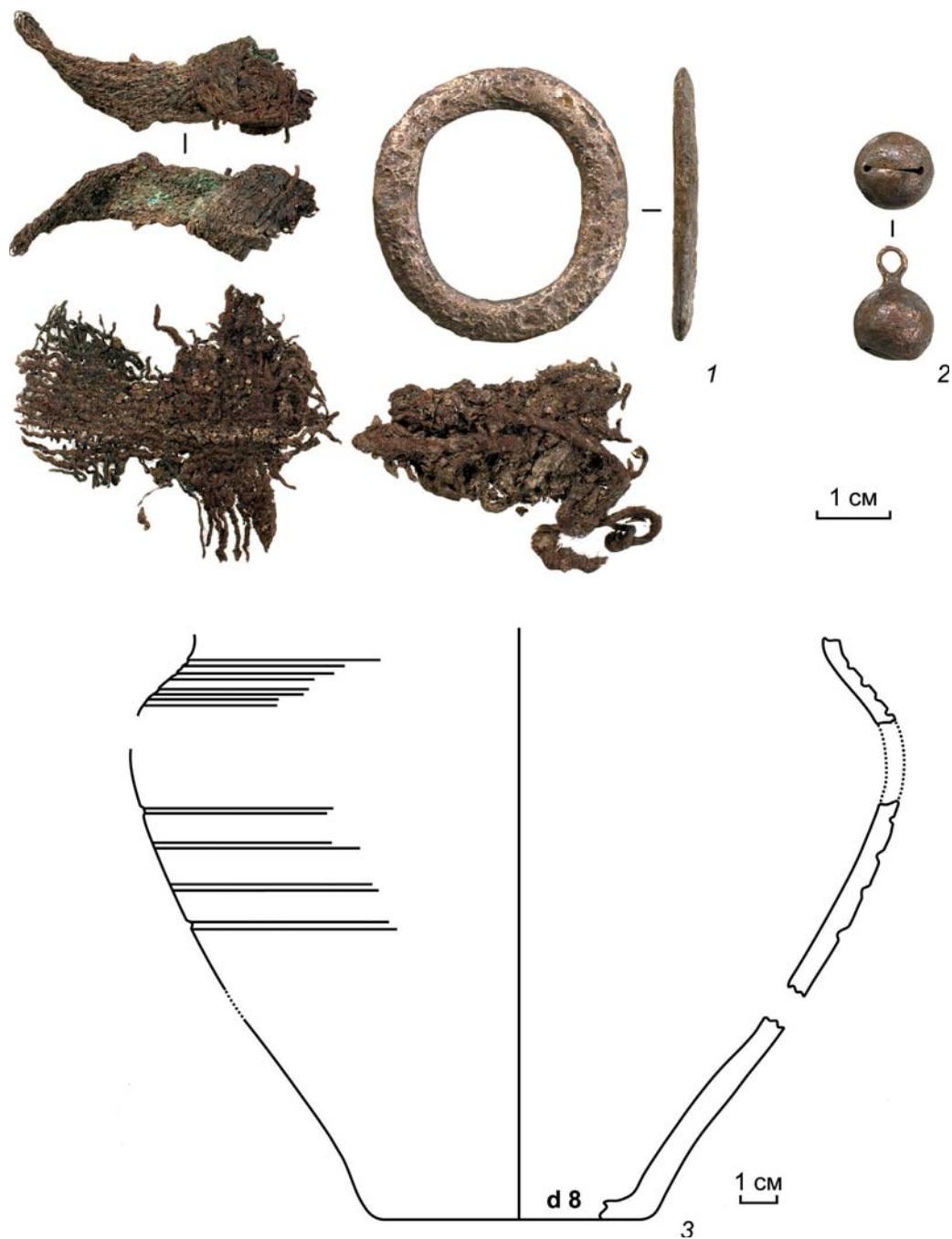

Рис. 172. Находки из кургана 10: погребение (1, 2), юго-восточный ровик (3)
 1 – кольцо поясное (№ 6); 2 – бубенчик (№ 7); 3 – горшок красноглиняный (№ 28)
 (1, 2 – медный сплав)

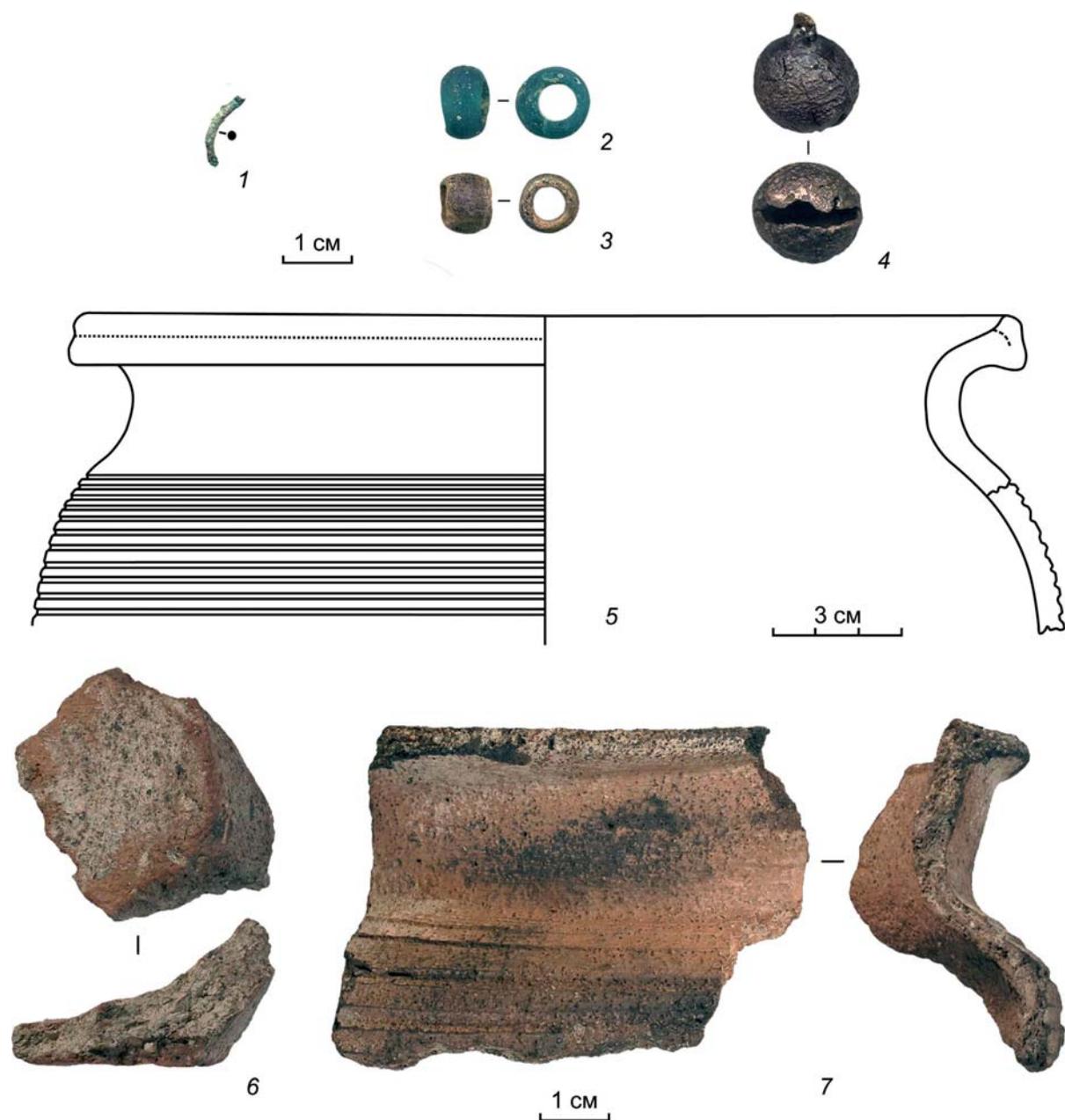

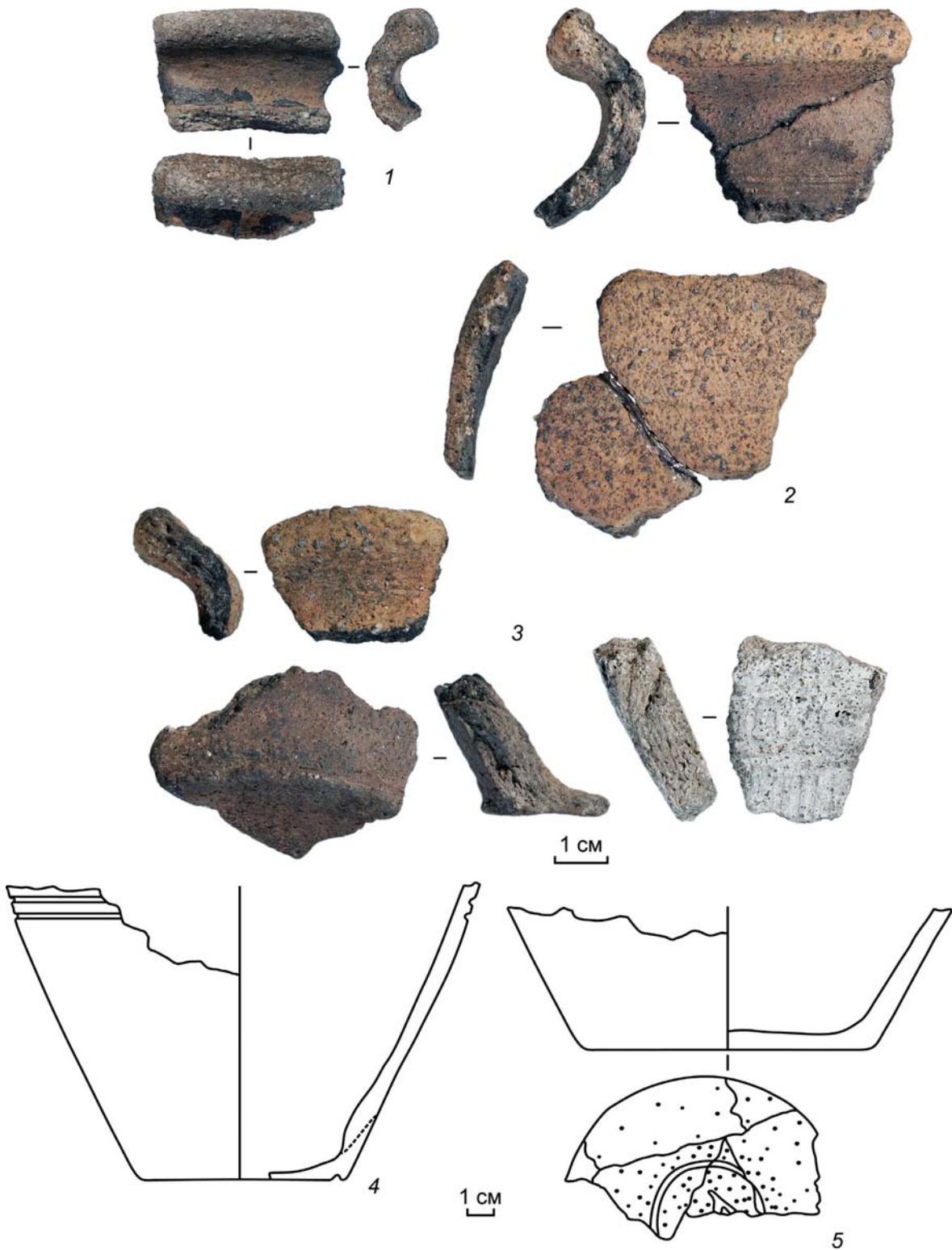
Рис. 173. Находки из кургана 11: погребение 2 (1–3), яма 5 (4), насыпь (5); и кургана 12 (могильная яма) (6, 7)
 1 – кольцо височное (№ 10); 2, 3 – бусы (№ 8, 9); 4 – бубенчик (№ 11); 5 – венчик горшка (№ 12);
 6, 7 – дно и венчик горшка (№ 17, 18) (1, 4 – медный сплав; 2, 3 – стекло; 5–7 – керамика)

Рис. 174. Курган 13. Керамика из насыпи (1, 4) и погребенной почвы (2, 3)
 1 – венчик горшка красноглиняного (№ 1); 2 – обломок горшка лепного гладкостенного (№ 2);
 3 – обломки горшков лепных (№ 4); 4 – горшок красноглиняный (№ 3)

Рис. 175. Находки из кургана 16: погребение 1 (1–4), погребение 2 (5), насыпь (6–9)
 1, 2 – кольца височные (№ 8, 10); 3 – браслет (№ 9); 4, 5 – перстни (№ 7, 11); 6 – горшок-миска (№ 1, 4, 6);
 7–9 – обломки горшков красноглиняных (№ 3, 2, 5) (1–5 – медный сплав; 6–9 – керамика)

**Рис. 176. Керамика. Курган 17: северо-западный ровик (1),
межкурганное пространство (2–4). Курган 18 (насыпь) (5)**

1 – венчик горшка красноглиняного (№ 3); 2 – обломки горшка красноглиняного (№ 2);
3 – обломки горшков красноглиняных (венчик, дно) и белоглиняного (стенка) (№ 4);
4 – горшка красноглиняного придонная часть (№ 1); 5 – горшка красноглиняного дно с клеймом (№ 8)

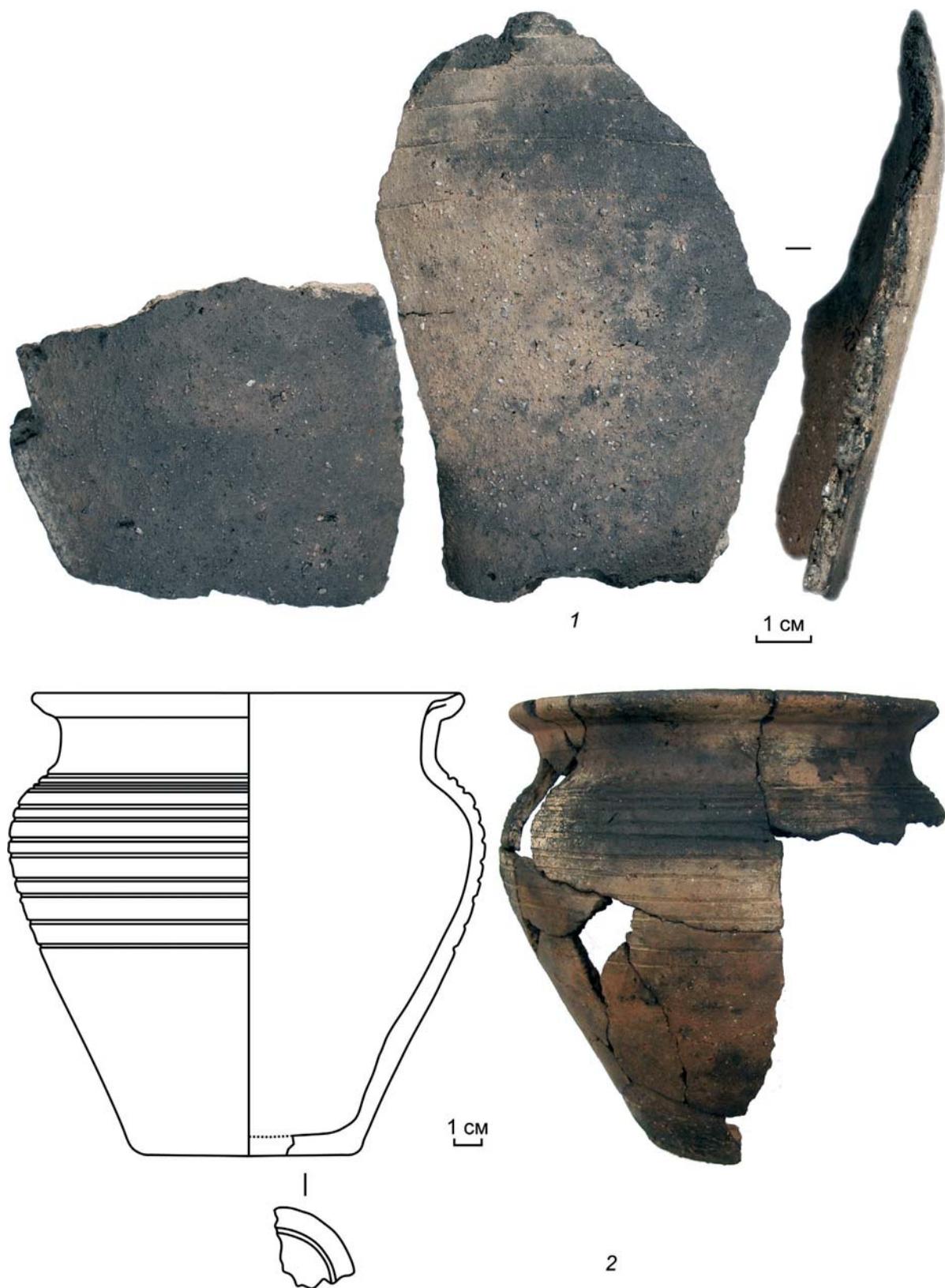

Рис. 177. Курган 20. Керамика из насыпи

1 – обломки горшка красноглиняного (№ 7); 2 – горшок красноглиняный с клеймом на дне (№ 5)

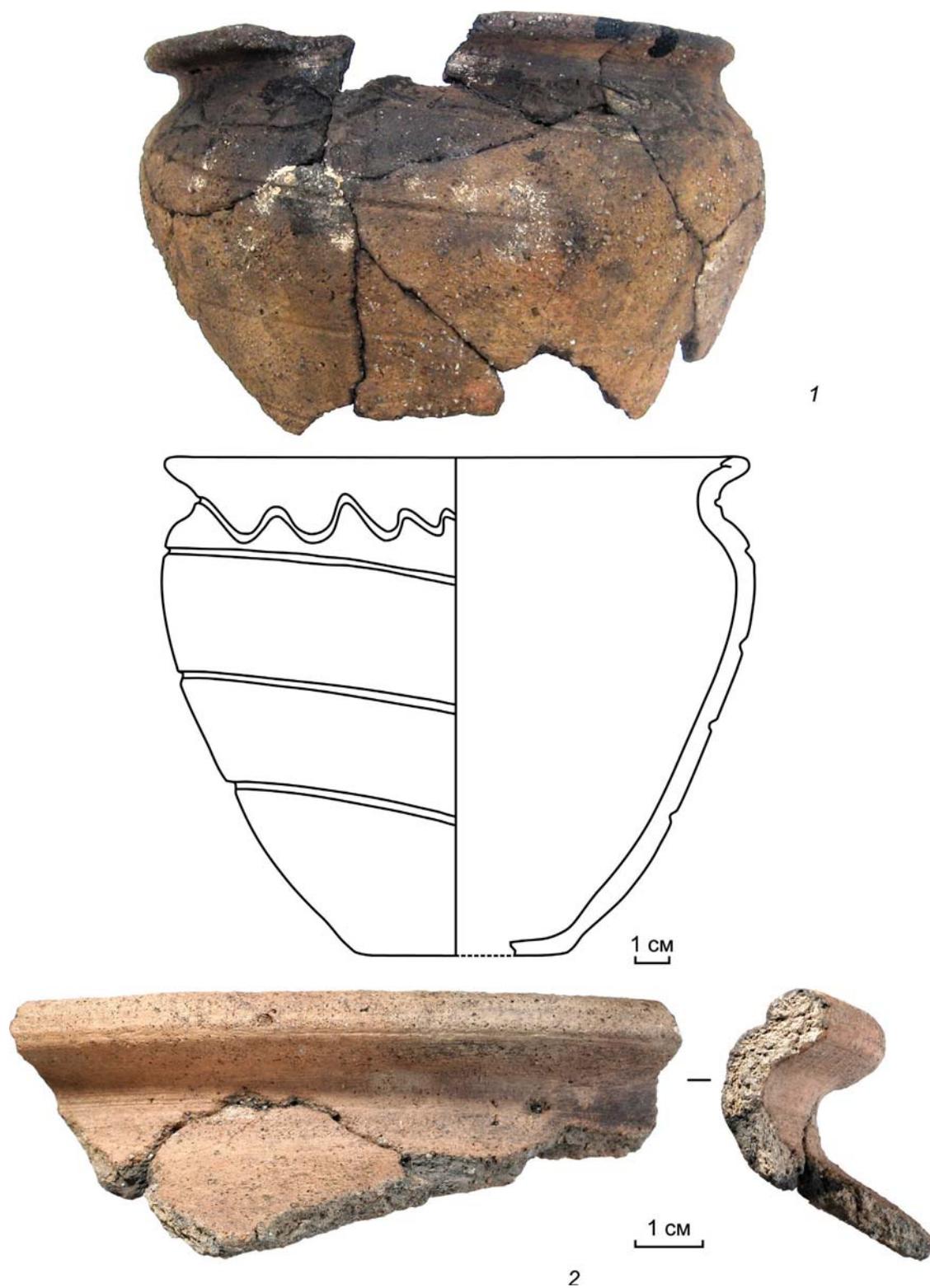

Рис. 178. Курган 20. Керамика из юго-восточного ровика (1) и перекопа в насыпи (2)
 1 – горшок красноглиняный (№ 9); 2 – венчик горшка красноглиняного (№ 6)

Рис. 179. Находки из кургана 25: насыпь (1, 3), северный ровик (2), погребение (4–10)

1 – обломки горшков красноглиняных (№ 6); 2 – венчик горшка красноглиняного (№ 21);
 3 – обломок предмета (№ 7); 4 – бусы (№ 8, 9, 14); 5 – бусина (№ 15); 6, 7 – браслеты (№ 12, 13);
 8–10 – перстни (№ 10, 11, 16) (3 – железо; 4 – стекло; 5–10 – медный сплав)

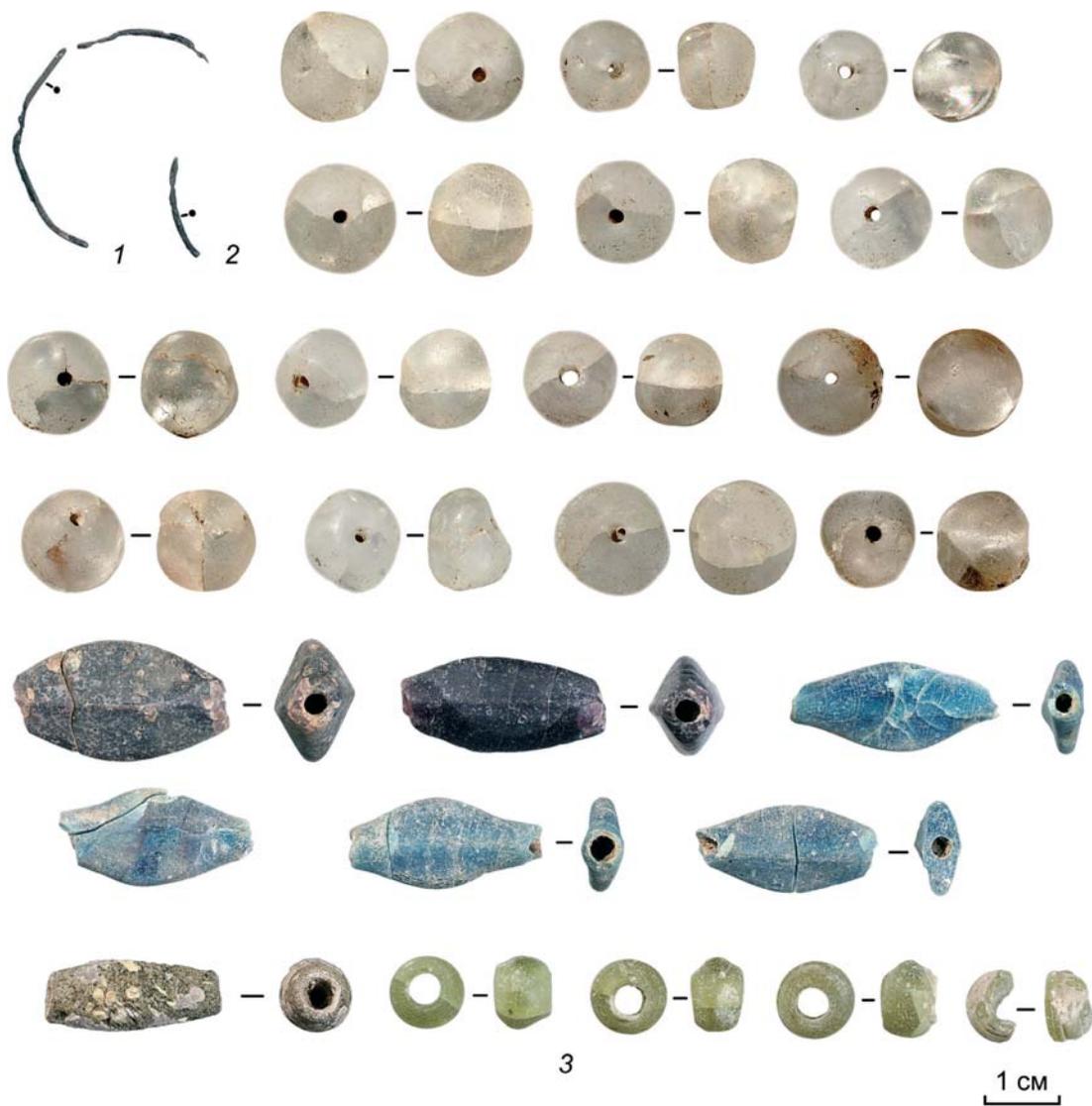

Рис. 180. Курган 27. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1, 2 – кольца височные (№ 1, 9); 3 – бусы (№ 6)
 (1, 2 – медный сплав; 3 – стекло, горный хрусталь)

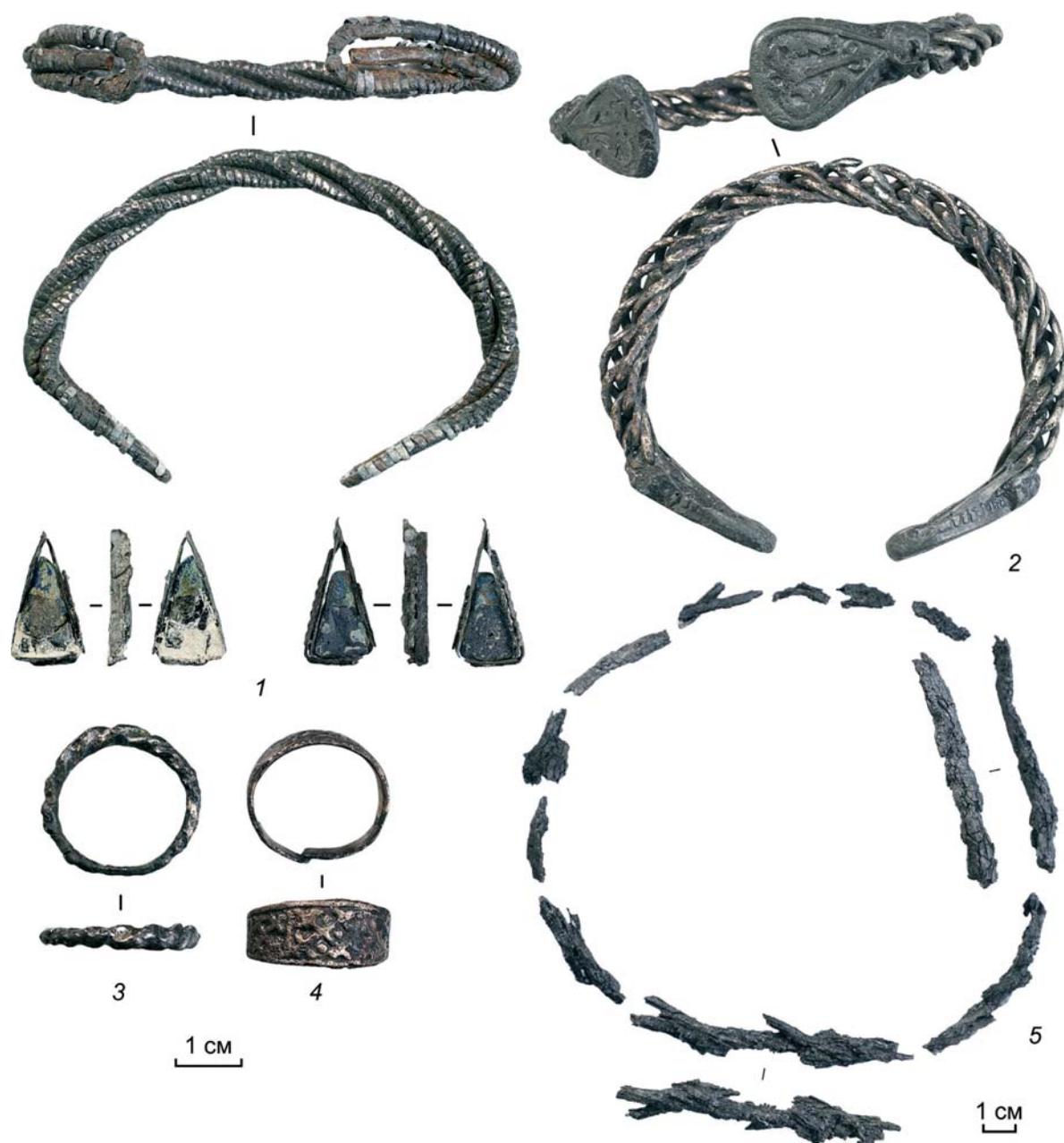

Рис. 181. Курган 27. Погребение 1. Сопровождающий инвентарь

1, 2 – браслеты (№ 4, 5); 3, 4 – перстни (№ 2, 3); 5 – гривна (№ 7)
 (1 – медь и стекло; 2 – медь, белый металл; 3, 4 – медный сплав; 5 – железо, медь)

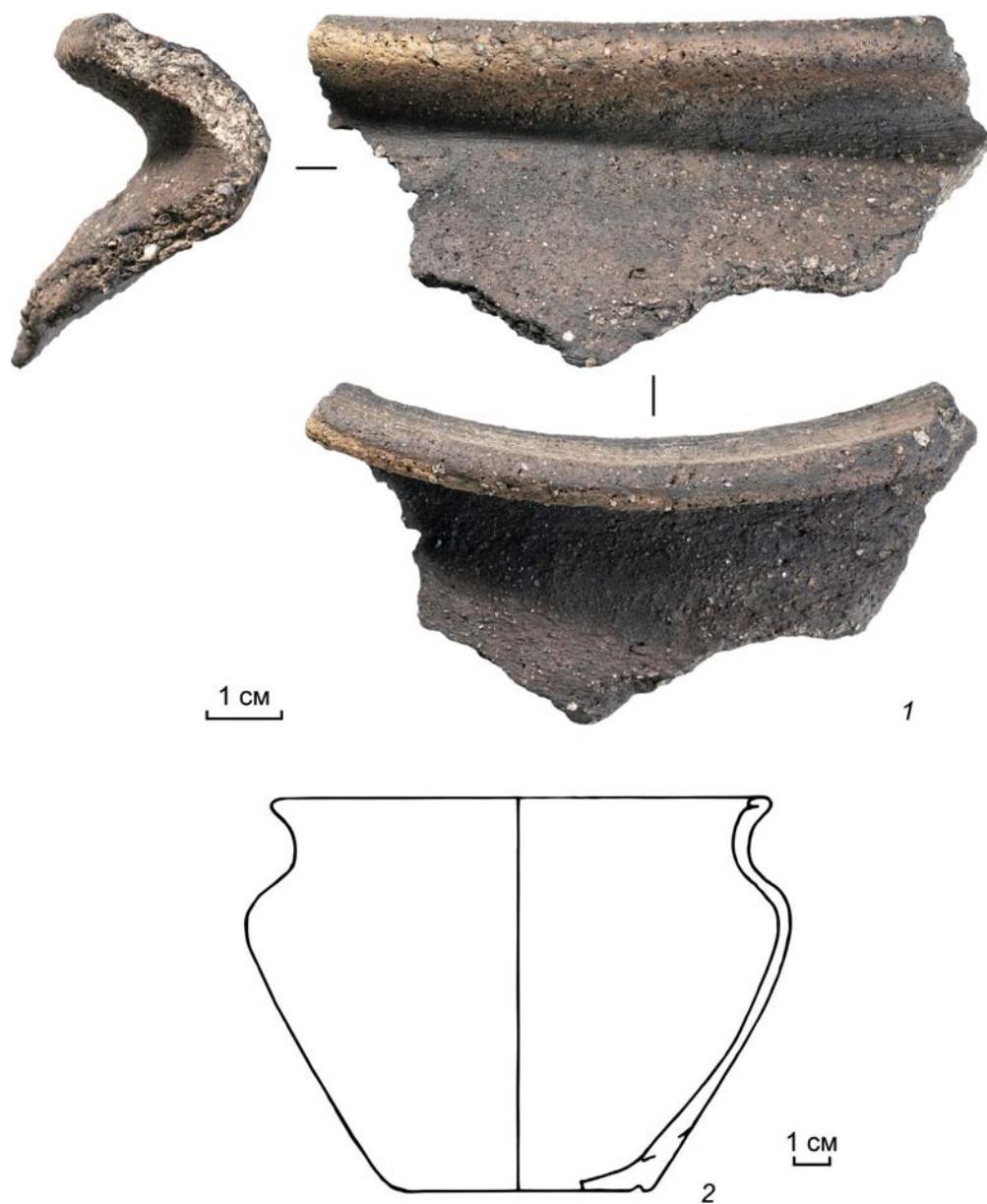

Рис. 182. Курган 28. Керамика из северного ровика
1 – венчик горшка (№ 19); 2 – горшок, реконструкция (№ 22)

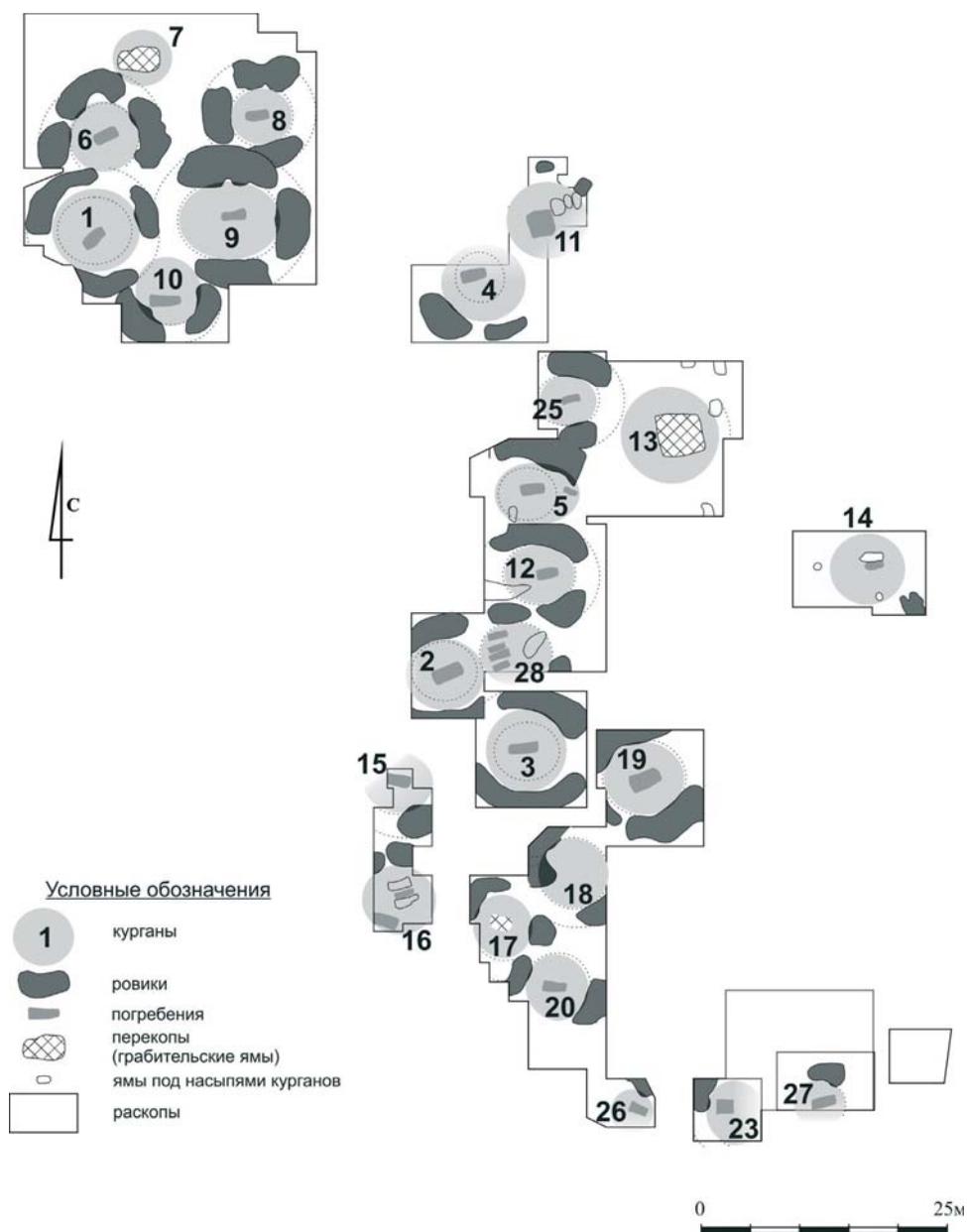

Рис. 183. Сводная схема курганов в раскопах 2004–2006 гг.

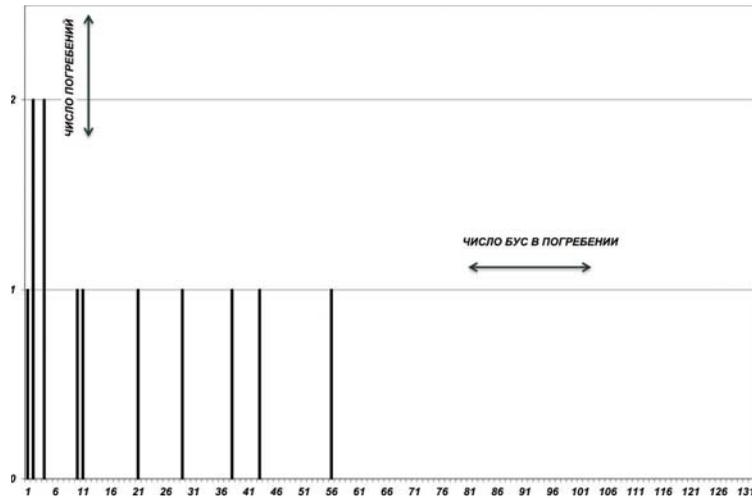

Рис. 184. Распределение стеклянных бус по погребениям

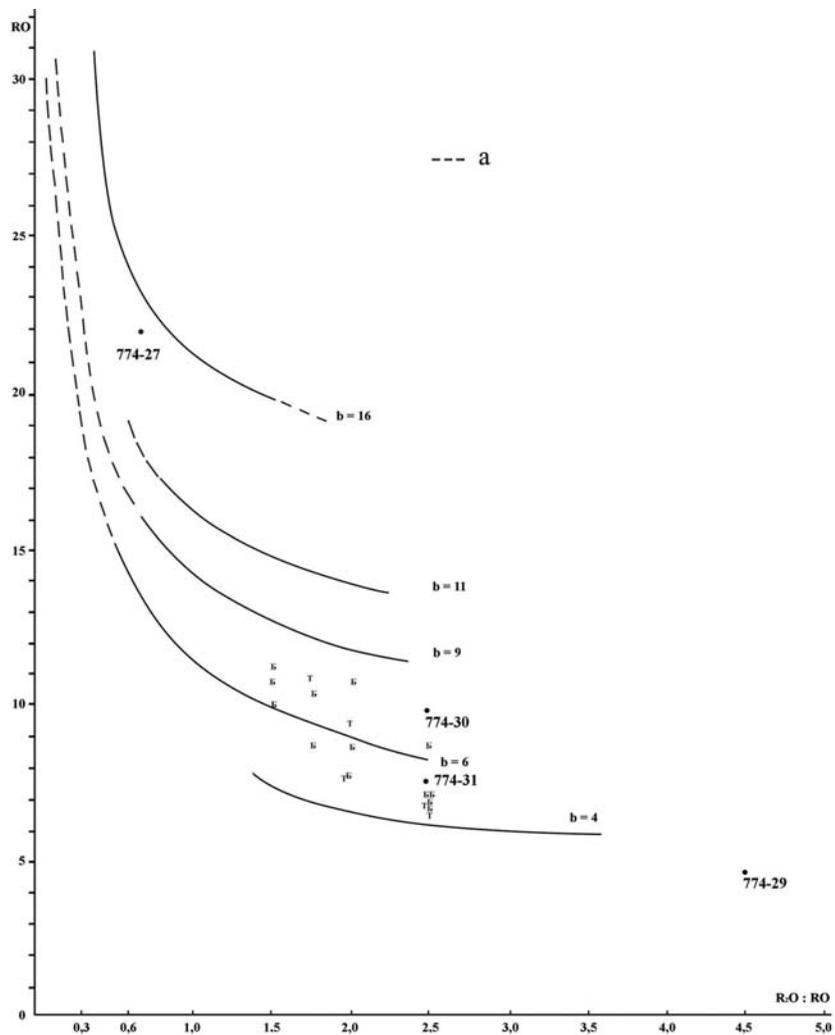

Рис. 185. Химический состав стеклянных бус. Мякининская курганная группа

774-27 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (зола), рецептурная норма 0,75; 774-29 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{SiO}_2$ (зола), рецептурная норма 4,5; 774-30, 31 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (зола), рецептурная норма 2,5; Б – ближневосточные бусы могильника Бельбек IV (I–III вв.); Т – ближневосточные бусы городища Тетюши II (V–VII вв.)

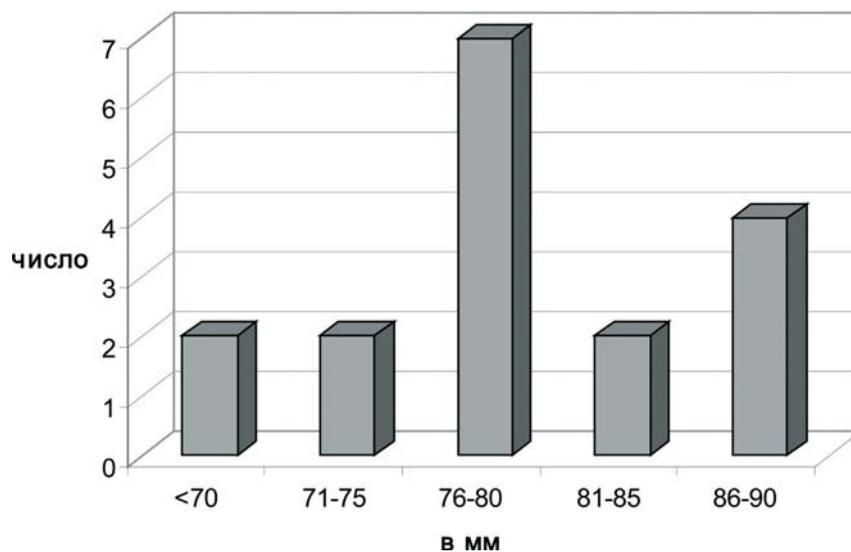

Рис. 186. Распределение браслетообразных височных колец в зависимости от диаметра обруча

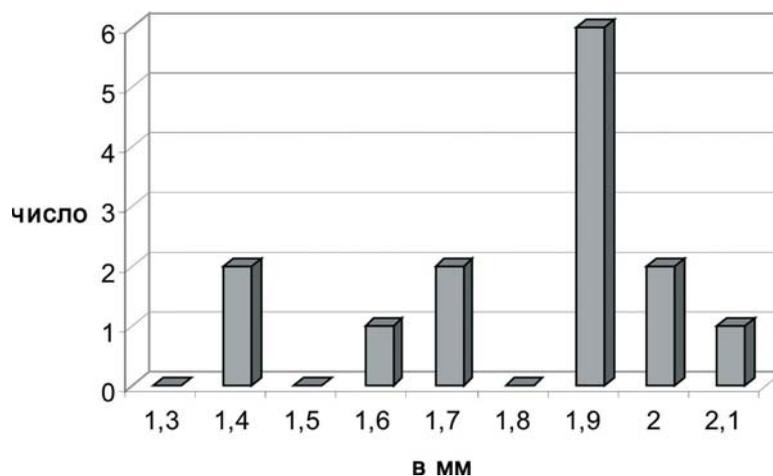

Рис. 187. Распределение браслетообразных височных колец по толщине обруча

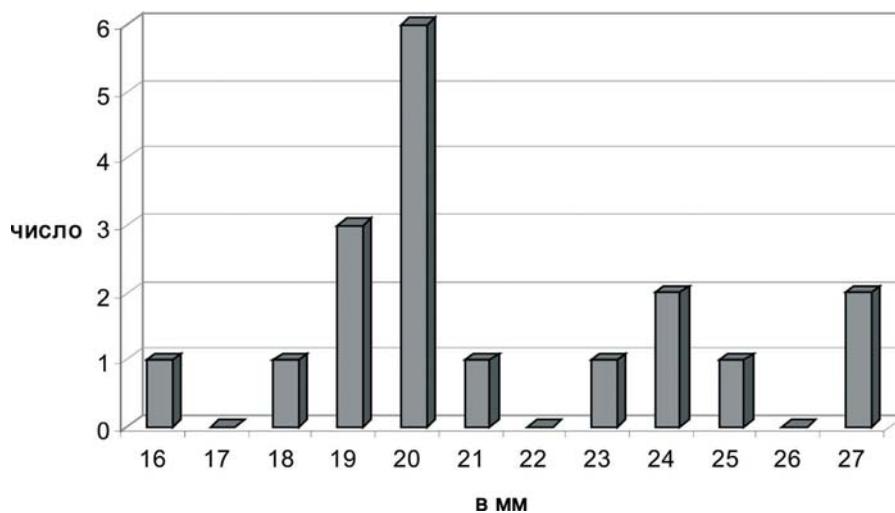

Рис. 188. Распределение перстнеобразных височных колец по толщине обруча

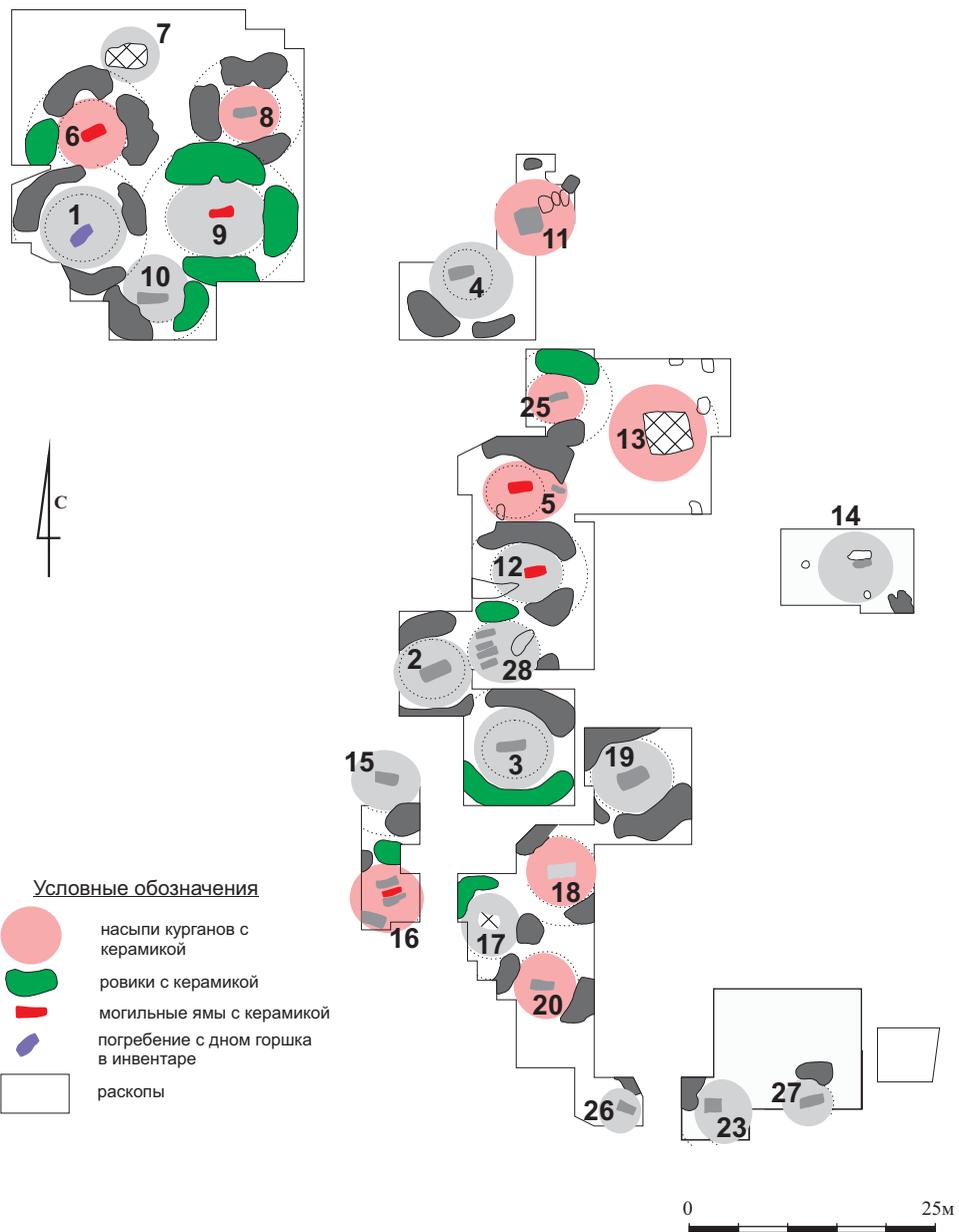

Рис. 189. Схема курганов из раскопок 2004–2006 гг., содержащих керамику в могилах, насыпях или ровиках

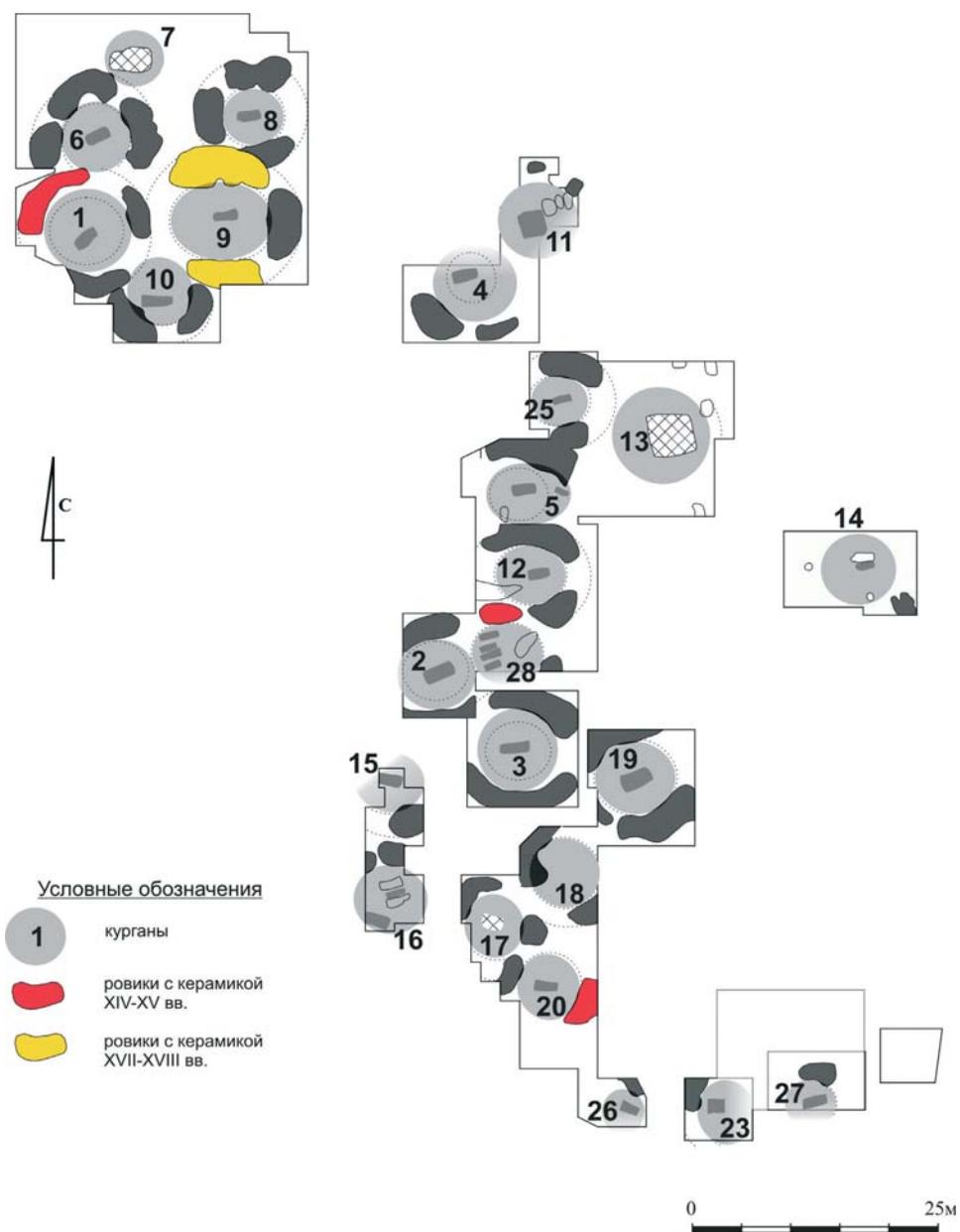

Рис. 190. Схема курганов из раскопок 2004–2006 г., содержащих керамику эпохи Средневековья и Нового времени

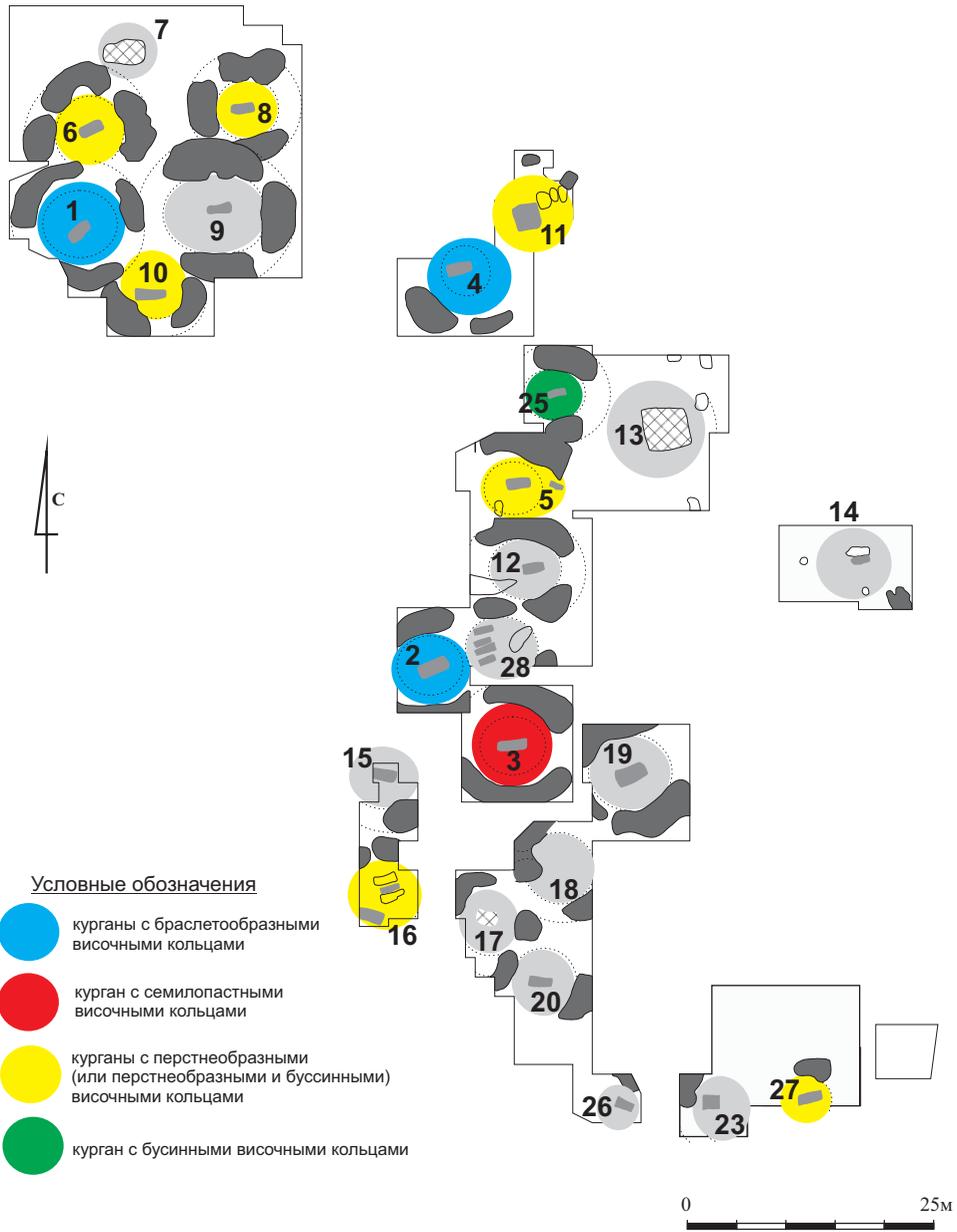

Рис. 191. Схема курганов из раскопок 2004–2006 гг. с височными кольцами разных типов

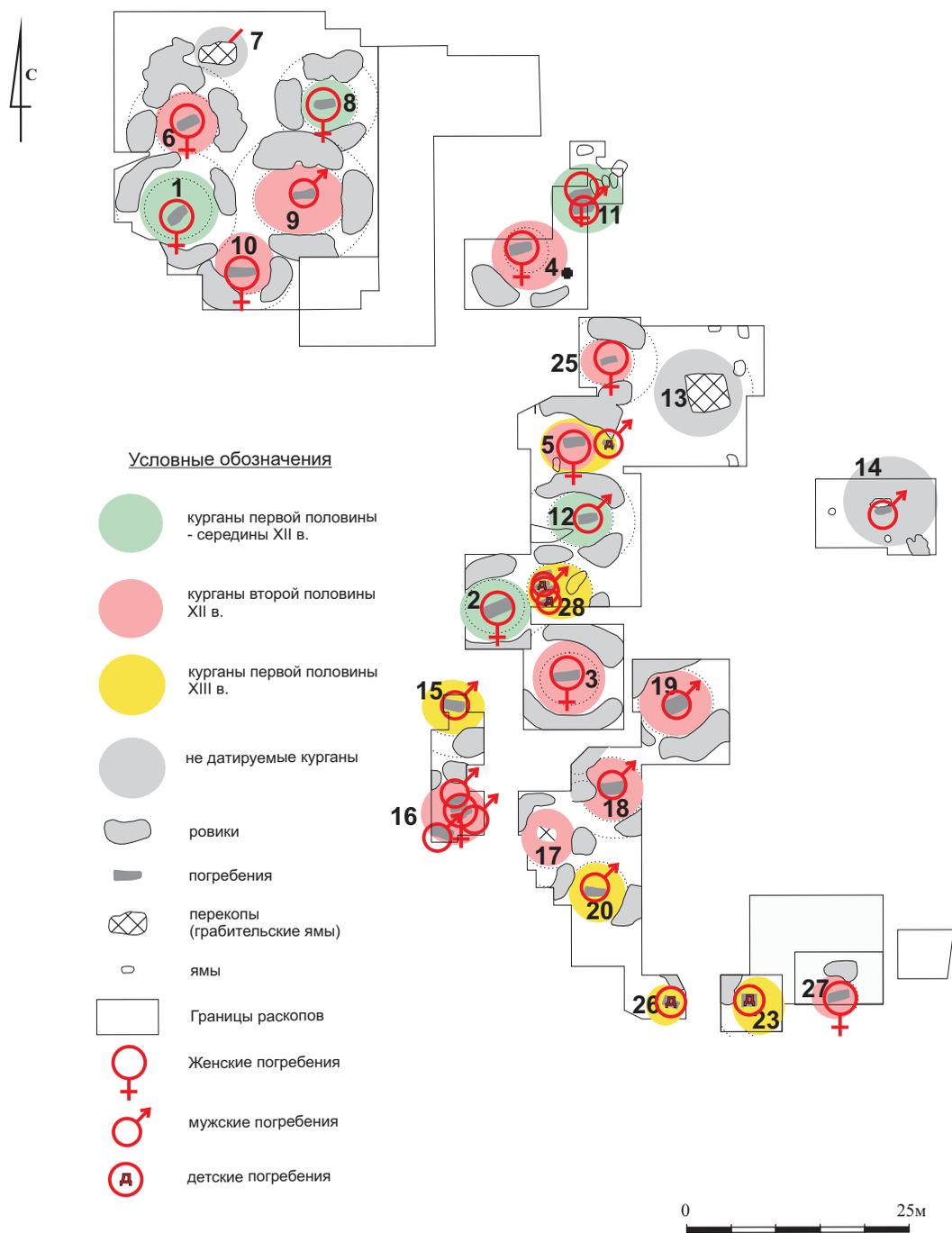

Рис. 192. Хронологическая схема курганов из раскопок 2004–2006 гг. с указанием половой принадлежности погребенных

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Спиридонова Е. А.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДАННЫМ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПО КУРГАНУ 1

В исследованном курганном комплексе были представлены отложения, предшествующие сооружению кургана, а также образования двух горизонтов насыпи кургана.

Литологические разности, образованные до сооружения кургана, представлены песками различной окраски и погребенной почвой, где были отобраны образцы 3 и 4.

Во всех палинологических спектрах, включая спектр нижнего образца погребенной почвы, в общем составе преобладает пыльца древесных пород (46–57%), тогда как пыльца травянистых растений составляет 15–25%, а содержание спор около 30%. Среди древесных пород преобладает липа (*Tilia*), содержание таких пород, как береза (*Betula*), ель (*Picea*) и сосна (*Pinus*), меньше. Принимая во внимание имеющиеся палинологические данные по другим археологическим объектам у дер. Мякинино, можно считать, что эти спектры отражают условия островных липовых лесов, а на открытых

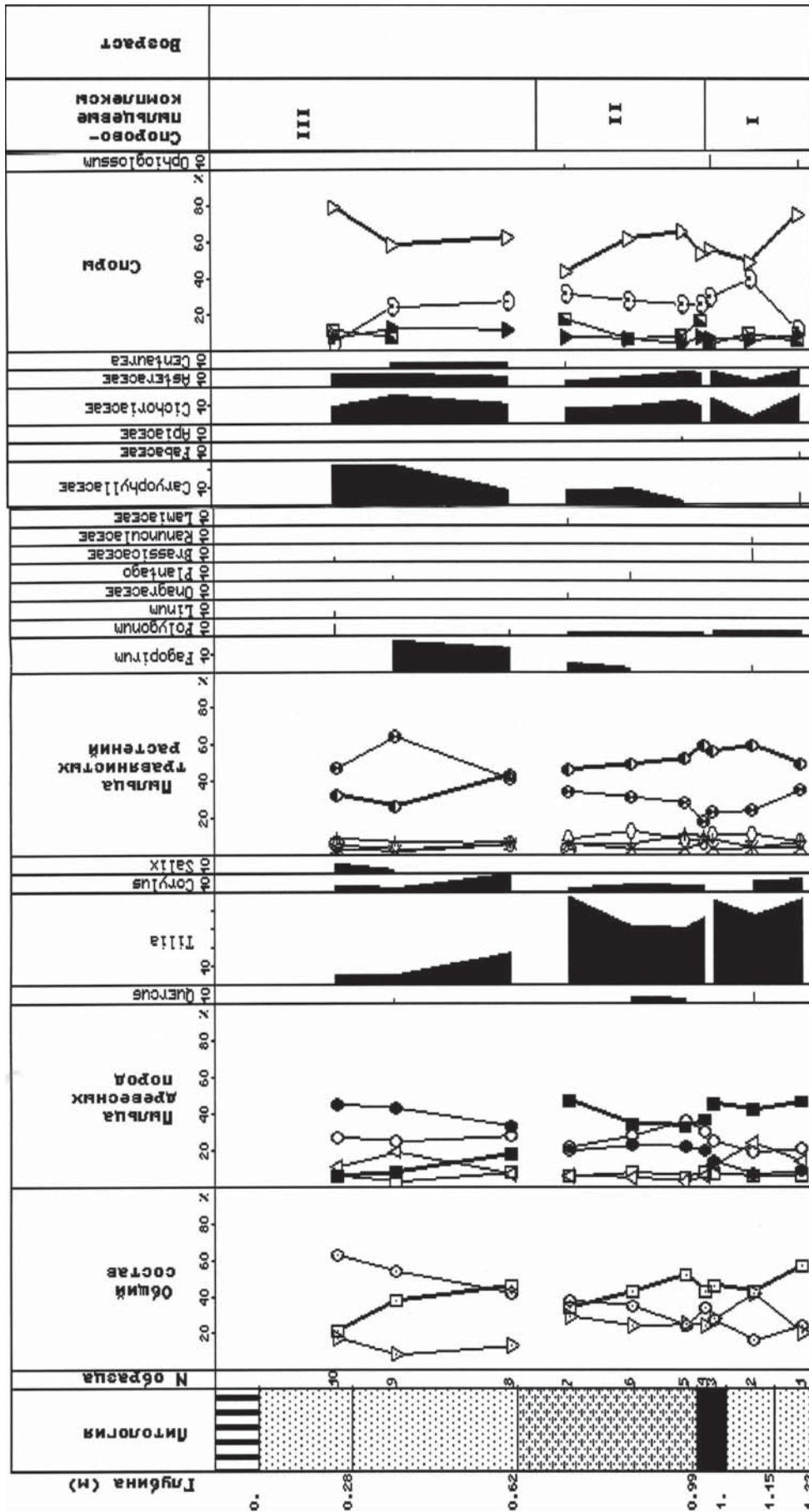
пространствах существовали сельскохозяйственные угодья и луга. Это был период наиболее теплого времени и, скорее всего, его можно сопоставить с оптимумом XII века.

Выше погребенной почвы лежат отложения (около 30 см) первой насыпи. По составу спектров образцов 5–7 можно сказать, что в насыпь попало больше всего пород из погребенной почвы, предшествующей захоронению, так как палинологические спектры этих образцов близки по составу спектрам отложений предыдущего комплекса.

Верхняя часть насыпи (Обр. 8–10) имеет иной состав палинологических спектров. Здесь велика роль сосны (*Pinus*), березы (*Betula*), тогда как липа составляет около 5%. Данные спектры отвечают значительно более прохладным климатическим условиям, и в настоящее время пока трудно определить, откуда брался данный грунт для насыпи кургана. Возможно, использовались отложения, лежащие ниже погребенной почвы под курганом.

Таблица. Результаты спорово-пыльцевого анализа

Систематический список	1 зерна/ проц	2 зерна/ проц	3 зерна/ проц	4 зерна/ проц	5 зерна/ проц	6 зерна/ проц	7 зерна/ проц	8 зерна/ проц	9 зерна/ проц	10 зерна/ проц
ОБЩИЙ СОСТАВ										
Деревья	84/ 57,5	84/ 43,1	69/ 46,3	58/ 43,0	87/ 51,8	68/ 42,5	57/ 33,7	70/ 46,1	85/ 38,1	38/ 20,5
Травы	34/ 23,3	30/ 15,4	39/ 26,2	45/ 33,3	40/ 23,8	55/ 34,4	64/ 37,9	63/ 41,4	121/ 54,3	117/ 63,2
Споры	28/ 19,2	81/ 41,5	41/ 27,5	32/ 23,7	41/ 24,4	37/ 23,1	48/ 28,4	19/ 12,5	17/ 7,6	30/ 16,2
Деревья										
<i>Picea</i>	11/ 13,1	20/ 23,8	8/ 11,6	3/ 5,2	2/ 2,3	3/ 4,4	3/ 5,3	4/ 5,7	16/ 18,8	4/ 10,5
<i>Pinus sylvestris</i>	7/ 8,3	5/ 6,0	9/ 13,0	11/ 19,0	19/ 21,8	15/ 22,1	11/ 19,3	23/ 32,9	36/ 42,4	17/ 44,7
<i>Alnus</i>	4/ 4,8	4/ 4,8	4/ 5,8	4/ 6,9	4/ 4,6	5/ 7,4	3/ 5,3	5/ 7,1	2/ 2,4	2/ 5,3
<i>Betula sec. Albae</i>	17/ 20,2	15/ 17,9	17/ 24,6	17/ 29,3	31/ 35,6	19/ 27,9	12/ 21,1	19/ 27,1	21/ 24,7	10/ 26,3
<i>Corylus</i>	6/ 7,1	5/ 6,0	-	2/ 3,4	3/ 3,4	3/ 4,4	1/ 1,8	7/ 10,0	2/ 2,4	1/ 2,6
<i>Salix</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	2/ 2,4	2/ 5,3
<i>Quercus</i>	-	4/ 4,8	-	-	2/ 2,3	2/ 2,9	-	-	2/ 2,4	-
<i>Tilia</i>	39/ 46,4	31/ 36,9	31/ 44,9	21/ 36,2	26/ 29,9	21/ 30,9	27/ 47,4	12/ 17,1	4/ 4,7	2/ 5,3
Травы										
Ericaceae	-	-	-	-	-	-	1/ 1,6	-	-	6/ 5,1
Poaceae	17/ 50,0	18/ 60,0	22/ 56,4	27/ 60,0	21/ 52,5	27/ 49,1	30/ 46,9	27/ 42,9	31/ 25,6	37/ 31,6
Cyperaceae	2/ 5,9	3/ 10,0	4/ 10,3	3/ 6,7	3/ 7,5	7/ 12,7	5/ 7,8	3/ 4,8	2/ 1,7	5/ 4,3
Chenopodiaceae	1/ 2,9	1/ 3,3	1/ 2,6	3/ 6,7	1/ 2,5	1/ 1,8	3/ 4,7	3/ 4,8	1/ 0,8	3/ 2,6
Artemisia	2/ 5,9	1/ 3,3	3/ 7,7	4/ 8,9	4/ 10,0	3/ 5,5	3/ 4,7	4/ 6,3	8/ 6,6	10/ 8,5
Fagopirum	-	1/ 3,3	-	-	-	1/ 1,8	3/ 4,7	8/ 12,7	20/ 16,5	-
Polygonum	1/ 2,9	1/ 3,3	1/ 2,6	1/ 2,2	1/ 2,5	1/ 1,8	1/ 1,6	2/ 3,2	-	7/ 6,0
Linum	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4/ 3,4
Onagraceae	-	-	-	-	-	-	2/ 3,1	-	-	-
Plantago	-	-	-	-	-	2/ 3,6	-	-	2/ 1,7	-
Brassicaceae	-	2/ 6,7	-	-	-	-	-	-	-	1/ 0,9
Ranunculaceae	-	1/ 3,3	-	-	-	-	-	-	-	-
Lamiaceae	-	-	-	-	-	-	2/ 3,1	-	-	-
Caryophyllaceae	2/ 5,9	-	-	-	1/ 2,5	5/ 9,1	5/ 7,8	5/ 7,9	27/ 22,3	26/ 22,2
Fabaceae	1/ 2,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Apiaceae	-	-	-	-	1/ 2,5	-	-	-	-	-
Cichoriaceae	5/ 14,7	1/ 3,3	5/ 12,8	4/ 8,9	5/ 12,5	5/ 9,1	5/ 7,8	6/ 9,5	18/ 14,9	10/ 8,5
Asteraceae	3/ 8,9	1/ 3,3	3/ 7,7	3/ 6,7	3/ 7,5	3/ 5,5	2/ 3,1	3/ 4,8	8/ 6,6	8/ 6,8
Centaurea	-	-	-	-	-	-	2/ 3,1	2/ 3,2	4/ 3,3	-
Споры										
Bryales	21/ 75,0	39/ 48,1	23/ 56,1	17/ 53,1	27/ 65,9	23/ 62,2	21/ 43,8	12/ 63,2	10/ 58,8	24/ 80,0
Sphagnum	2/ 7,1	3/ 3,7	2/ 4,9	2/ 6,3	1/ 2,4	2/ 5,4	3/ 6,3	2/ 10,5	2/ 11,8	2/ 6,7
Ophioglossum	1/ 3,6	-	3/ 7,3	-	-	-	1/ 2,1	-	-	-
<i>Lycopodium clavatum</i>	1/ 3,6	7/ 8,6	1/ 2,4	5/ 15,6	3/ 7,3	2/ 5,4	8/ 16,7	-	1/ 5,9	3/ 10,0
Polypodiaceae	3/ 10,7	32/ 39,5	12/ 29,3	8/ 25,0	10/ 24,4	10/ 27,0	15/ 31,3	5/ 26,3	4/ 23,5	1/ 3,3

Илл. 1. Спорно-пыльцевая диаграмма по кургану 1

Условные обозначения:

Общий состав: □ – сумма пыльцы древесных пород; ○ – сумма пыльцы травянистых растений; ▽ – сумма спор высших споровых растений.
Древесные породы: △ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ○ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород.
Травянистые растения: ● – злаки (*Poaceae*); ○ – осоковые (*Cyperaceae*); X – маревые (*Chenopodiaceae*); + – полыни (*Artemisia*); ⊕ – сумма пыльцы разногравья.
Споры: ▽ – зеленые мхи (*Bryales*); ⊕ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ⊕ – папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*); ▽ – плауны (*Lycopodiaceae*).

Приложение 2

Гольева А. А.

ПОЧВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАНАХ 1, 2, 5, 6, 9, 10, 14, 15, 16 МЯКИНИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

На территории Мякининского курганного могильника изучались материалы из захоронений и погребенные почвы под курганами (рис. 13). Основными задачами исследования была реконструкция последовательности возведения курганов на основе степени сохранности/нарушенности погребенных почв, выявление и характеристика типа антропогенного воздействия на почвы перед созданием курганов. Описание данных и обсуждение полученных результатов разделено на три блока – изучение погребенных почв, анализ компонентов локально сохранившегося пахотного горизонта и реконструкция элементов погребальной обрядности. В ходе исследований был применен многокомпонентный комплексный подход, включающий, помимо морфологического описания, физико-химические и микробиоморфные анализы. Все виды исследований проводились в лаборатории географии и эволюции почв Института географии РАН по стандартным методикам.

Погребенные почвы

Всего исследовано 9 погребенных почв под курганами: 1, 2, 5, 6, 9, 10, 14, 15, 16. Почва под курганом 14, имевшая четко выраженный пахотный горизонт, изучалась несколько более детально, поэтому ее описание приведено отдельно. Результаты химических анализов и гранулометрического состава представлены в таблицах 1 и 2.

Курган 1

Исследована западная стенка бровки север–юг, к югу от погребения.

Современная растительность – широколиственный лес с сорной луговой растительностью в нижнем ярусе. Современная почва на поверхности кургана – дерновая без признаков подзолообразования.

Насыпь кургана состоит из нескольких слоев, различающихся по цвету, плотности, наличию включений.

0–3 см. Современная дернина. Рыхлый темно-серый горизонт с обилием корней. Переход резкий по цвету, плотности, исчезновению основной массы корней.

3–40 см. Бурая плотная насыпь кургана, созданная из ожезненного материкового песка с включениями щебня. Встречаются только магистральные корни. Нижняя граница ровная резкая, заметная по цвету и плотности.

40–67 см. Белесый рыхлый прослой, созданный из подзолистого горизонта исходной почвы. Переход ясный, ровный, выражен по цвету.

67–128 см. Серый прослой курганной насыпи (дернина с окрестных мест?)

128–134 см. Буроватый прослой. (Нанос на исходную почву?)

134–136 см. Светло-серый горизонт – исходный дерновый горизонт погребенной почвы. Рыхлый, однородный, без включений. Граница поstepенная, диффузная.

136–140 (142) см. Белесый горизонт (подзол?). Горизонт маломощный, на другой стороне бровки выражен фрагментарно.

140 (142)–150 см. Переходный горизонт, состоящий из белесых и бурых пятен. Переход резкий, ясный, выражен по цвету, плотности, наличию включений щебня.

150–180 см. Ярко-бурый плотный песчанистый грунт со щебнем⁹⁸.

Почва кислая по всему профилю, что типично для почв данной природной зоны, при этом наиболее низкие значения рН выявлены в дерновых горизонтах и нижележавшем песчано-щебнистом материале (табл. 1). Очевидно, подвижные органические компоненты, формирующиеся в процессе разложения опада, мигрируя вниз по профилю, вызывают сильное подкисление нижележащего слоя. Для данного

⁹⁸ Возможно, этот грунт представляет собой моренные отложения.

Таблица 1. Данные химических анализов курганов Мякинино

Глубина, см	Горизонт, слой	pH _{водн.}	C орг, %
Курган 1			
0–3	Современный дерновый горизонт	4,75	2,22
3–40	Бурая плотная насыпь с щебнем	4,35	0,92
40–67	Белесая насыпь	5,2	0,23
67–128	Серая насыпь	4,8	0,26
128–134	Бурый нанос	5,0	0,23
134–136	Погребенный дерновый горизонт	5,1	0,18
136–140	Погребенный подзолистый горизонт	5,2	0,15
140–150	Погребенный переходный горизонт	5,4	0,12
150–180	Почвообразующая порода	5,75	0,08
Курган 2			
0–4	Современный дерновый горизонт	6,5	2,99
4–14	Современный переходный горизонт в насыпи	6,7	2,26
14–74	Современный переходный горизонт в насыпи	5,0	0,30
74–75	Бурий железистый прослой	4,6	0,28
75–82	Погребенный гумусово-подзолистый горизонт	4,75	0,43
82–87	Погребенный переходный горизонт	4,25	0,32
87–110	Иллювиальный горизонт	4,2	0,33
Курган 6			
0–10	Современный гумусовый горизонт с переходом в бурую насыпь	5,2	0,83
40–45	Бурая толща основной насыпи	5,0	0,21
90–95	Пятнистая толща насыпи	4,75	0,25
97–100	Погребенный органоминеральный горизонт	4,8	0,26
104–109	Погребенный органоминеральный горизонт	4,9	0,26
Курган 9			
30–35	Бурая с сероватым насыпь	5,1	0,29
58–62	Бурая с серым насыпь	4,85	0,34
66–70	Светло-серый погребенный органоминеральный горизонт	4,8	0,33
72–75	Погребенный переходный горизонт	4,8	0,32
80–85	Иллювиальный горизонт	4,75	0,22
Курган 10			
100–105	Серовато-бурая насыпь	4,6	0,45
110–115	Предполагаемая погребенная поверхность	4,55	0,37
120–125	Иллювиальный горизонт	4,7	0,29
130–135	Бурий однородный песок	4,85	0,21
Курган 15			
0–18	Современный гумусовый горизонт	Не опр.	2,33
18–25	Современный переходный горизонт		0,59
25–48	Основная толща насыпи		0,27
48–53	Погребенный гумусовый горизонт		0,28
55–65	Погребенный иллювиальный горизонт		0,27
65–79	Погребенный иллювиальный горизонт		0,19
79–99	Погребенный иллювиально-железистый горизонт		0,08
Курган 16			
0–15	Современный гумусовый горизонт	Не опр.	1,04
16–20	Светло-бурая насыпь		0,72
20–31	Погребенный гумусовый горизонт первоначальной насыпи		0,71
31–71	Насыпь кургана		0,33
72–75	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,34
75–78	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,32
78–82(85)	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,27
85–95	Погребенный переходный горизонт		0,27
95–105	Погребенный переходный горизонт		0,18
105–115	Иллювиальный горизонт		0,13
115–125	Почвообразующая порода		0,09

Таблица 2. Гранулометрический состав насыпей и почв курганов Мякинино

Глубина, см	Содержание фракций в % (размер частиц в мм)					
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001
	песок			пыль		ил
Курган 2						
0–4	43,39	20,92	23,52	2,40	5,15	4,62
14–74	43,11	16,79	25,11	4,11	5,44	5,44
74–75	34,50	20,23	27,92	5,08	4,61	7,66
75–82	34,50	19,97	30,72	4,32	6,60	3,89
82–87	29,76	18,89	33,98	6,21	5,72	5,44
87–110	22,51	13,74	43,08	6,80	7,43	6,44
Курган 14						
Колонка 1						
Дернина	36,21	18,30	29,95	5,50	6,40	3,64
A1 (Апах.)	35,78	16,15	32,24	5,41	5,98	4,44
A1 (Апах)	32,28	16,36	30,48	8,06	8,79	4,03
AB (Апах)	26,24	16,02	39,06	4,59	9,26	4,83
AB	14,92	9,72	54,61	8,69	8,28	3,78
Колонка 2						
Дернина	36,67	18,445	27,25	8,01	5,82	3,80
A1 (Апах.)	33,19	17,81	31,04	6,69	7,10	4,27
A1 (Апах)	30,53	14,53	35,69	6,68	7,25	5,32
AB (Апах)	24,19	16,06	37,85	8,21	7,97	5,72
AB	20,01	12,40	46,67	7,96	7,89	5,07
Колонка 3						
Дернина	39,02	20,23	26,68	5,34	5,58	3,15
A1 (Апах.)	36,83	20,11	28,12	5,25	6,14	3,55
A1 (Апах)	32,58	17,39	29,94	7,66	8,40	4,03
AB (Апах)	28,85	14,79	40,44	6,19	5,79	3,94
AB	37,61	13,28	33,36	6,11	6,02	3,62
Колонка 4						
[Апах]	34,83	20,04	27,96	5,40	6,45	5,32
[Апах]	30,22	18,51	27,16	11,37	7,10	5,64
[Апах]	29,95	14,21	35,97	7,16	6,95	5,79
[AB]	32,28	13,69	37,36	6,77	5,79	4,11
Колонка 5						
[Апах]	32,13	18,48	28,28	6,85	6,28	7,98
[Апах]	31,54	15,57	30,56	9,19	7,01	6,13
[Апах]	24,65	14,52	37,42	8,28	7,08	8,05
[AB]	20,07	12,97	43,81	10,65	6,37	6,13

профиля несколько странной является относительно слабая кислотность в погребенном подзолистом горизонте. Обычно, данный горизонт содержит наименьшие значения pH. Выявленное несоответствие может быть связано с особенностью строения кургана – использованием плотного ожелезненного песка со щебнем в качестве верхней части насыпи. Этот прослой стал своеобразным панцирем, который не пропускал почвенные растворы вниз по профилю, при этом миграции боковых и вертикальных потоков почвенных и грунтовых вод происходили в полном объеме. В результате произошли

диагенетические (после погребения почвы) изменения ряда химических характеристик погребенной почвы, включая и уменьшение кислотности.

По содержанию органического углерода наблюдается постепенное уменьшение значений вниз по профилю. Фиксируется лишь незначительное увеличение данных в переотложенном дерновом слое в нижней части насыпи, что естественно для дерновых горизонтов. С течением времени содержание органического углерода в погребенных почвах уменьшается, происходит минерализация органических соединений, и погребенные почвы всегда содержат

лишь некоторую часть от исходного количества. Поэтому в погребенных гумусовых горизонтах величины органического углерода небольшие. В то же время следует отметить, что в данной погребенной почве эти значения слишком малы, что трудно объяснить исключительно диагенезом за время погребения. Вероятнее всего, большое значение имело наличие «панциря» из песчаного грунта над почвой.

Исходная почва – маломощный подзол, сформированный на ожелезненном песке. Насыпь кургана создана из генетически различных горизонтов исходной почвы: на поверхность почвы был насыпан слой дернины, затем материал подзолистого горизонта и самый верхний слой сделан из материкового песка – насыпь имеет облик перевернутого профиля исходной почвы. Современная почва формировалась на песке.

Использование плотного ожелезненного песка для сооружения насыпи создало своеобразный барьер для нисходящих органоминеральных почвенных растворов, что привело к диагенетическим изменениям отдельных химических свойств погребенной почвы, таких, как уменьшение кислотности и значительной минерализации органических соединений.

Наличие светло-серого гумусированного дернового горизонта у погребенной почвы позволяет предположить, что незадолго до создания кургана лес был сведен, поверхность заросла лугом. Основным процессом почвообразования стал дерновый.

Курган 2

Описана западная стенка бровки север–юг. Современная растительность – та же, что и у кургана 1: широколиственный лес с сорной травянистой растительностью в нижнем ярусе. Современная почва – дерновая. Строение насыпи данного кургана отличается от строения насыпи предыдущего кургана 1. В насыпи исследуемого кургана нет бурого плотного прослоя из материкового песка.

0–4 см. Современная дернина. Рыхлый темно-серый горизонт с обилием корней. Переход постепенный, диффузный, заметный по уменьшению серой окраски и количества корней.

4–14 см АВ. Переходный органоминеральный горизонт светло серого цвета. Переход постепенный, расплывчатый.

14–74 см. Насыпь кургана из серовато-белесоватого рыхлого материала без включений щебня. Обилие корней.

58–70 см. В толще насыпи в одном из бортов бровки встречаются пятнистые линзы выкида из могильной ямы.

74–75 см. Ровная тонкая рыхлая бурая ожелезненная прослойка.

75–82 см. Погребенный рыхлый серовато белесый слабо гумусированный подзолистый горизонт исходной почвы. Нижняя граница постепенная, заметная по цвету и плотности.

82–87 см. А2В. Погребенный переходный элювиально-иллювиальный горизонт. Плотнее предыдущего. В горизонте наблюдается постепенный диффузный переход окраски от белесого к светло бурому.

87–110 см. Погребенный иллювиальный светло-бурый горизонт В исходной почвы. Нижняя граница ровная, заметная по цвету и появлению включений щебня.

110–180 см. Ярко-бурый плотный ожелезненный песчаный грунт с большим количеством щебня.

По химическим свойствам почва отличается от описанной для кургана 1. Вся толща хорошо подразделяется на два блока – современную почву на насыпи кургана и погребенную под насыпью. Тонкий железистый прослой в нижней части насыпи является своеобразной границей между обеими почвами. Данный прослой имеет диагенетическое происхождение – он сформировался после создания кургана за счет оседания железистых растворов из насыпи на границе контакта между насыпью и погребенной почвой, то есть исходно его не было. Малая мощность прослоя (1 см) не является значимым препятствием для нисходящих почвенных растворов, поэтому этот прослой какой-либо преградой, скорее всего, не служит.

Современная дерновая почва имеет нейтральную – слабокислую реакцию среды, высокое содержание органического углерода. Погребенная почва кислая по всему профилю, сильнокислая начиная с переходного горизонта (82–87 см). Такая сильная кислотность часто встречается в песчаных подзолах таежной зоны, поэтому данные значения в погребенной почве нормальны и указывают на то, что исходно почва формировалась под пологом хвойного леса. Содержание органического углерода максимально в верхнем погребенном горизонте и постепенно убывает вниз по профилю. Количественные различия между двумя нижними горизонтами незначительны и входят в рамки ошибки метода, поэтому ими можно пренебречь. Учитывая диагенетическое разрушение органики с течением времени в погребенной почве, очевидно, что исходно почва содержала органического углерода больше, чем определено сейчас. Более высокие значения элемента характерны не столько для подзолов (почв под хвойными лесами), сколько для дерновых почв (почв под луговыми сообществами).

Данные гранулометрического анализа подтверждают результаты изучения морфологического облика почвы – материал из нижнего уплотненного железненного песчаного горизонта не использовался при создании насыпи кургана. Вся верхняя толща, включая железистую прослойку, содержит песчаной фракции больше 50%, в то время как в нижнем уплотненном горизонте абсолютно преобладает пылеватая фракция. Распределение илистой фракции в верхней толще (до погребенной поверхности) и в погребенной почве сходно – наблюдается увеличение содержания ила вниз по профилю. Это типично для почв промывного водного режима. Обогащение железистой прослойки пылевато-илистым материалом за счет вымывания частиц сверху формирует уплотненный облик слоя. Таким образом, курган 2 был насыпан на исходный песчаный подзол, сформированный на материковом песке, первично под пологом хвойного леса. Скорее всего, непосредственно перед созданием кургана почва развивалась не под таежной, а луговой растительностью, что обусловило сероватую прокраску подзолистого горизонта, обогащение органическим углеродом. Возможно, беслесная стадия развития почвы имеет не природную, а антропогенную основу, то есть леса были сведены людьми для хозяйственных нужд.

Насыпь кургана создавалась из верхних горизонтов исходной почвы – гумусированного и подзолистого. Материковый песок не использовался. С течением времени за счет миграции из насыпи кургана на границе насыпи и погребенной почвы сформировался маломощный железистый прослой, который не являлся препятствием для нисходящих почвенных растворов.

Курган 5

Исследована северная сторона бровки восток–запад. Курган 5 так же, как и курганы 1 и 2, насыпан на маломощном подзоле. Некоторым отличием является то, что подзолистый горизонт местами нарушен и фрагментарен, имеет серовато-белесый цвет. Скорее всего, это связано с большой нарушенностью окружающего пространства в период строительства курганов и постоянным скальпированием верхних горизонтов почвы для создания насыпей. Следовательно, курган 5 по времени создания не является одним из первых. Он был сооружен, когда поблизости уже были другие курганы, на создание насыпей которых использовался почвенный материал. Почвообразующая порода та же – плотный щебнистый железненый песок.

Насыпь кургана 5 аналогична насыпи кургана 2, то есть она также создана из подзолистого горизонта.

Курган 6

Описан восточный профиль бровки север–юг, к северу от погребальной ямы. В этой части профиля выявлен темноцветный гумусовый горизонт погребенной почвы.

0–6 см. Современный гумусовый горизонт темно-серого цвета, рыхлый, содержит обилие крупных древесных и тонких травянистых корней, копролитов почвенной мезофауны. Нижняя граница ровная постепенная, заметная по цвету, плотности, сокращению количества корней.

6–10 см. Бурый уплотненный железненый горизонт курганной насыпи. Нижняя граница ровная, постепенная, хорошо фиксируемая по цвету и плотности.

10–28 см. Серый рыхлый гумусированный горизонт. Возможно, ранее курган был ниже современного уровня и фиксируемый гумусовый прослой является отражением исходной древней поверхности кургана. Нижняя граница ровная постепенная, заметная по цвету и плотности.

28–77 см. Бурая, плотная толща основной насыпи. Содержит большое количество включений щебнистого материала разной степени окатанности. Нижняя граница ровная, заметная по цвету и плотности.

77–97 см. Цвет слоя неоднородный – наблюдается чередование сероватых и бурых пятен с железистыми и белесыми прослоями между ними. Слой отражает современный процесс перераспределения железистых частиц и формирование железненых прослоев за счет контрастных окислительно-восстановительных процессов в песчаной толще. Эти явления типичны для песчаных почв таежной природной зоны. Нижняя граница резкая, ровная, хорошо фиксируемая по цвету, появлению углистых включений и исчезновению железистых прослоев.

97–109 см. Погребенный органоминеральный горизонт. Погребенная почва имеет темно-серую окраску с большим количеством включений мелких древесных угольков в своей толще. Простирается горизонт составляет порядка 70 см в обе стороны от могильной ямы. Подзолистый горизонт под гумусированной толщей не выявлен. Можно отметить неясное осветление в нижней части гумусового горизонта, но маломощное и диффузное. Нижняя граница волнистая, заметная по цвету.

Согласно данным химических анализов, вся толща имеет кислую, в нижней части – сильнокислую реакцию водных растворов. Наименее кислая

верхняя часть – современная почва и насыпь под ней, что типично для лиственных лесных насаждений с богатым разнотравно-злаковым травянистым покровом под ними. Содержание органического углерода невелико. Это типично для песчаных почв. Максимальное количество органического углерода отмечено в современном гумусовом горизонте, далее оно резко падает. Погребенный гумусовый горизонт не выделяется по содержанию органического углерода. Это может быть связано как с исходно малыми запасами органики в данном горизонте, так и с диагенетическим уменьшением (минерализацией) углерода со временем при погребении. Очевидно, в данном случае имели место оба фактора. Некоторое возрастание количества углерода в нижнем из исследованных горизонтов отражает потечный характер органических соединений, что типично для фульватного гумуса кислых песчаных почв.

Курган 9

Исследован восточный профиль бровки север-юг, к югу от могильной ямы. Погребенная почва выявлена условно по бурому горизонтальному прослою, залегающему на сероватом слабогумусированном горизонте. Общее простираие выявленной погребенной почвы составляет порядка 50 см вдоль одной части бровки.

- 0–10 см. Современный рыхлый светло-серый гумусовый горизонт с обилием крупных древесных корней. Нижняя граница постепенная, ровная, заметная по цвету и увеличению плотности.
- 10–64 см. Бурый с сероватым однородный песок, несколько плотнее предыдущего. Единично встречаются окатанные камни и тонкие корни деревьев. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету.
- 64–66 см. Бурый плотный прослой с единичными включениями окатанной гальки. Нижняя граница ровная, несколько диффузная, заметная по цвету.
- 66–72 см. Маломощный, светло-серый, слабо выраженный гумусово-минеральный горизонт погребенной почвы. Фиксируется фрагментарно. В толще горизонта наблюдаются включения в виде мелких рыхлых черных углистых частиц. Нижняя граница языковатая, постепенная, заметная по цвету.
- 72–75 см. Переходный светло-серовато-буроватый горизонт, рыхлый. Цвет неоднородный – наблюдается чередование сероватых языковатых потеков на общем буроватом фоне. Нижняя граница постепенная, диффузная, заметная по уменьшению серого цвета.

75–87 см. Однородный несколько уплотненный бурый песчаный горизонт с резким переходом к плотному ярко-бурому песчанистому массиву с обилием камней различной степени окатанности.

Согласно данным химических анализов, исследованная толща кислая по всему профилю. Содержание органического углерода мало, причем погребенный гумусовый горизонт более высоким количеством органического материала не выделяется. Это может быть связано с нарушенностью почвы на момент создания кургана, обедненностью ее гумусом, совместно с интенсивной минерализацией органической массы гумусового горизонта после погребения.

Курган 10

Исследована восточная стенка бровки север-юг кургана, к югу от могильной ямы.

- 0–64 см. Современный строительный и бытовой мусор в песчаной толще.
- 64–110 см. Насыпь кургана серовато-бурого цвета с обилием древесных корней, на нижней границе – единичная окатанная галька.
- 110–115 см. Предполагаемая поверхность погребенной почвы, то есть поверхность, на которую был насыпан курган. Окраска бурая со слабым сероватым оттенком. Гумусированность не выявлена. Книзу постепенно нарастает интенсивность бурой окраски, что позволяет выделить следующий горизонт.
- 115–135 см. Бурый, уплотненный однородный песок со значительным количеством включений в виде камней различной степени окатанности.

Результаты химических анализов подтвердили сделанный в полевых условиях вывод об отсутствии органического гумусированного горизонта под курганной насыпью. Вся толща имеет кислую и сильнокислую реакцию среды и очень низкое содержание органического углерода. Наибольшие количества органического материала отмечаются в насыпи кургана, что подтверждает вывод об использовании органических гумусированных горизонтов окрестных мест для возведения насыпи кургана.

Курган 15

- Исследована западная стенка бровки север-юг.
- 0–18 см. Современный песчаный гумусовый горизонт темно-серого цвета с обилием древесных корней и копролитов почвенной фауны. Переход вниз постепенный, хорошо фиксируемый по цвету и исчезновению основной массы корней.

- 18–25 см. Переходный органоминеральный горизонт. Смесь темно-серого и темно-бурого песков. Нижняя граница ровная, хорошо заметная по исчезновению серой окраски.
- 25–48 (50) см. Основная насыпь кургана. Бурый однородный песок. Нижняя граница выражена слабо, диффузная, заметная по появлению светло-серой окраски.
- 48 (50)–53 (55) см. Погребенный гумусовый горизонт. Маломощный светло-серый песок с диффузной языковатой нижней границей.
- 55–79 см. Иллювиальный минеральный горизонт однородного светло-бурого цвета, слегка уплотнен. Нижняя граница ровная, заметная по цвету.
- 79–99 см. Иллювиально-железистый горизонт. Неоднородный по цвету и плотности – наблюдается чередование белесых рыхлых пятен и уплотненных темно-охристых железистых органоидных стяжений под ними. Нижняя граница ровная, резкая, заметная по цвету и плотности.
- 99–108 см. Однородный плотный ярко-охристый ожелезненный горизонт с большим количеством включений камня разной степени окатанности и размерности.

Содержание органического углерода в погребенном гумусовом горизонте невелико и не превышает значений, полученных для нижележащего органоминерального горизонта.

Слабая выраженность, маломощность гумусового горизонта, а также незначительное содержание органического углерода в нем позволяют сделать вывод о нарушении ландшафта в период возведения кургана. Иными словами, верхняя часть почвы на момент возведения кургана отсутствовала.

Курган 16

Исследована южная стенка раскопа (разрез насыпи по линии запад–восток).

- 0–15 см. Современный гумусовый горизонт. Темно-серый, влажный, рыхлый песок с обилием древесных и травянистых корней и червоходов. Нижняя граница ровная, заметная по цвету.
- 16–20 см. Светло-бурый прослой с хорошо заметной нижней границей.
- 20–31 см. Серый гумусовый горизонт – поверхность погребенной почвы, возможно, исходной поверхности кургана. Выделяется обилием корней, червоходов. Нижняя граница постепенная, ровная, хорошо заметная по цвету.
- 31–71 см. Основная масса насыпи кургана. Светло-желтый уплотненный песок без крупных

корней. Много червоходов. Нижняя граница ровная, диффузная, заметная по цвету.

- 71–82 (85) см. Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы. Светло-серый песок с большим количеством червоходов. Нижняя граница диффузная, языковатая, заметная по цвету.
- 82 (85)–101 см. Переходный органоминеральный горизонт. Преобладает желтовато-буроватая окраска песчаных зерен. Нижняя граница постепенная, ровная.
- 101–116 см. Минеральный иллювиальный горизонт – светло-бурый песок с редкими железистыми прослоями и белесыми пятнами над ними. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету, плотности, появлению включений.
- 116–124 см. Ярко-бурый переходный к породе горизонт. Плотный ожелезненный песок с большим количеством включений в виде камней различной степени окатанности и размерности.

Содержание органического углерода в погребенном гумусовом горизонте невелико, но выше, чем в кургане 15. Наблюдается постепенное уменьшение содержания углерода вниз по профилю и в самой толще гумусового горизонта, что типично для нормально развитых почв.

Скорее всего, фиксируемая современная поверхность кургана не являлась исходной. Ранее курган был несколько ниже, поскольку в насыпи выделяется еще одна погребенная поверхность сразу под современной, что подтверждается и достаточно высоким содержанием органического углерода в этом горизонте.

Данные химических анализов и морфологические особенности насыпи кургана показывают, что насыпь создавалась только из верхней (гумусированной) части почвенных горизонтов, нижний ожелезненный материал не использовался.

Общие выводы по погребенным почвам курганов Мякинино

Насыпи курганов 1 и 2 создавались по-разному. Если при формировании кургана 1 использовались как почвенные (более рыхлые) горизонты, так и плотный грунт со щебнем, то курган 2 насыпался только из почвенных горизонтов без использования материкового песка.

Возможно, именно использование плотного материала способствовало лучшей сохранности кургана 1 – он не расползся с течением времени, как курган 2. Также наличие плотного прослоя над погребенной почвой изолировало ее от

нисходящих почвенных растворов, при сохранении восходящих и боковых. Это привело к изменению отдельных химических свойств погребенной почвы при неизменном морфологическом облике. Почва стала менее кислой, подзолистый горизонт по значениям pH не выделяется, значительно сократилось содержание органического углерода (даже учитывая диагенетическую минерализацию гумуса с течением времени).

Сходный характер распределения гранулометрических фракций в исходно однородной курганной насыпи и погребенной почве свидетельствует о перестройке курганной толщи. Это указывает на высокие скорости формирования песчаных почв – за 700–800 лет в почве на поверхности кургана произошло перераспределение песчано-пылеватого и илистого материала по элювиально-иллювиальному типу.

Курган 6 сооружался на маломощной слабогумусированной почве. Основу насыпи составил ожелезненный песок с большим количеством щебня, взятый из нижних почвенных горизонтов и почвообразующей породы.

Курган 9 возведен на нарушенной почве, верхний гумусовый горизонт которой был частично скальпирован или вытоптан. Насыпь кургана создавалась за счет перемешивания всех почвенных горизонтов, а также подстилающей почвообразующей породы.

Курган 10 насыпался на сильно нарушенную почву, у которой не было верхней части профиля. Очевидно, незадолго поблизости был создан еще один курган, для насыпи которого была скальпирована значительная площадь. Время между созданием обоих курганов было небольшим, поскольку почвенный покров не успел восстановиться. Насыпь кургана создавалась из смеси органоминеральных горизонтов, что обусловило неоднородность ее окраски и наличие включений.

На момент создания кургана 15 почвенный покров был нарушен, эродирован, верхнего гумусового горизонта практически не было. Насыпь кургана создавалась за счет сгребания с последующим перемешиванием почвенного материала из окрестных мест. Повышенное, по сравнению с породным, содержание органического углерода в толще насыпи убедительно показывает, что сгребалась и перемещалась только верхняя (гумусированная) часть почвенного профиля.

В кургане 16 погребенная почва хорошо выражена, имеет значительную мощность и протяженность, что позволяет сделать вывод о ненарушенности почвенного покрова участка на момент создания кургана. Верхняя часть погребенной почвы содер-

жит повышенное количество органического углерода по сравнению с остальными горизонтами почвы, что характерно для полноразвитых (не эродированных) луговых почв. Данный курган или возводился на периферии относительно остальной курганной группы, или же одним из первых в своей группе. Только в этих случаях возможна выявленная сохранность исходной почвы. Насыпь кургана создавалась из почвенных, преимущественно верхних горизонтов. Плотная ожелезненная почвообразующая порода не использовалась.

Обобщение полученного материала показывает, что под курганами 1, 2, 5 целиком или фрагментарно фиксируется подзолистый горизонт под луговой дерниной различной степени выраженности. Остальные курганы (исключая № 10 и 15, у которых нет верхних горизонтов) возводились на луговой почве. Выявленная изменчивость позволяет предположить, что те почвы, в которых еще сохранился белесоватый цвет подзола, были погребены раньше, чем остальные, где белесый горизонт полностью прокрашен темным органическим веществом лугового почвообразования. Другими словами, курган 1 создан раньше курганов 6 и 9, а курганы 2 и 5 – раньше кургана 16.

Благодаря выявленной динамике почвенного облика, можно реконструировать природную среду следующим образом: исходно на данном месте был хвойный лес и песчаные подзолы под ним. Впоследствии лес был сведен (не исключено, что вырублен человеком), земли заросли травами, под которыми начали формироваться гумусированные луговые почвы.

Степень сохранности почв под курганами позволяет определять последовательность создания курганов. Если для создания насыпи сгребался верхний почвенный слой, то наименее нарушенными должны быть наиболее ранние курганы, или же отстоящие от основной группы на значительном расстоянии. В рассмотренной выборке из 8 курганов наименее нарушены почвы курганов 1 и 16, наиболее – курганов 10 и 15; верхний горизонт фиксируется фрагментарно под курганами 5 и 9. Поскольку раскопана лишь часть курганов могильника, то делать вывод о том, какой курган был самым ранним в могильнике нельзя, но утверждать, что курганы 5, 9, 10, 15 не самые первые можно.

Изучение состава курганных насыпей не выявило какого-либо единообразия в технике возведения курганов. Так, при создании курганов 1, 6 и 9 использовалась плотная ожелезненная порода, содержащая большое количество гальки, а остальные насыпи создавались только из почвенных горизонтов. При этом насыпь кургана 1

представляла собой практически перевернутый почвенный профиль – настолько аккуратно и последовательно были уложены почвенные горизонты и порода сверху.

Таким образом, изучение погребенных почв средневекового курганного могильника Мякинино позволяет реконструировать этапы возведения курганов, специфику создания насыпей и изменения природной среды в процессе преобразования территории.

Погребенная пахотная почва (курган 14)

Во время археологических работ зачастую возникает необходимость диагностики древних агрогенных горизонтов. Пахотные, или агрогенные, преобразования происходят (записываются в профиле почвы), когда за счет распашки перемешиваются верхние 10–30 см. Морфологический облик агрогенно измененной почвы специфичен и легко определяется спустя длительное время. Наиболее заметными в полевых условиях являются два признака: ровная нижняя граница верхнего горизонта и его однородная, чаще всего серая окраска. Какие-либо дополнительные крупные включения (артефакты) в толще горизонта не являются обязательным компонентом.

Еще одним, не менее важным диагностическим признаком, который может быть выявлен непосредственно в поле, может служить сформированный под пахотным горизонтом более плотный слой, называемый подплужным горизонтом, или «плужной подошвой».

При работе с антропогенно преобразованными почвами прошлого одним из основных вопросов является устойчивость пахотного горизонта. В экспонированных почвах речь идет о первых сотнях лет. Более древние признаки распашки в этих почвах визуальны не выявляются.

Сохранность агрогенных горизонтов в погребенных почвах существенно выше. На сегодняшний день описаны погребенные пахотные горизонты под валами поселений дьяковской культуры, т. е. не менее 1500–2000 лет (Гольева, 2000. С. 70–77; Кренке и др., 2000. С. 58–62). Любой тип погребения консервирует пахотный горизонт, сохраняя его диагностические характеристики.

При проведении охранных раскопок раннеславянского курганного могильника Мякинино (Московская область) под полой кургана 14 (раскоп 8, восточный профиль) был вскрыт хорошо сохранившийся пахотный горизонт. При этом нижняя граница пахотного горизонта хорошо сохранилась

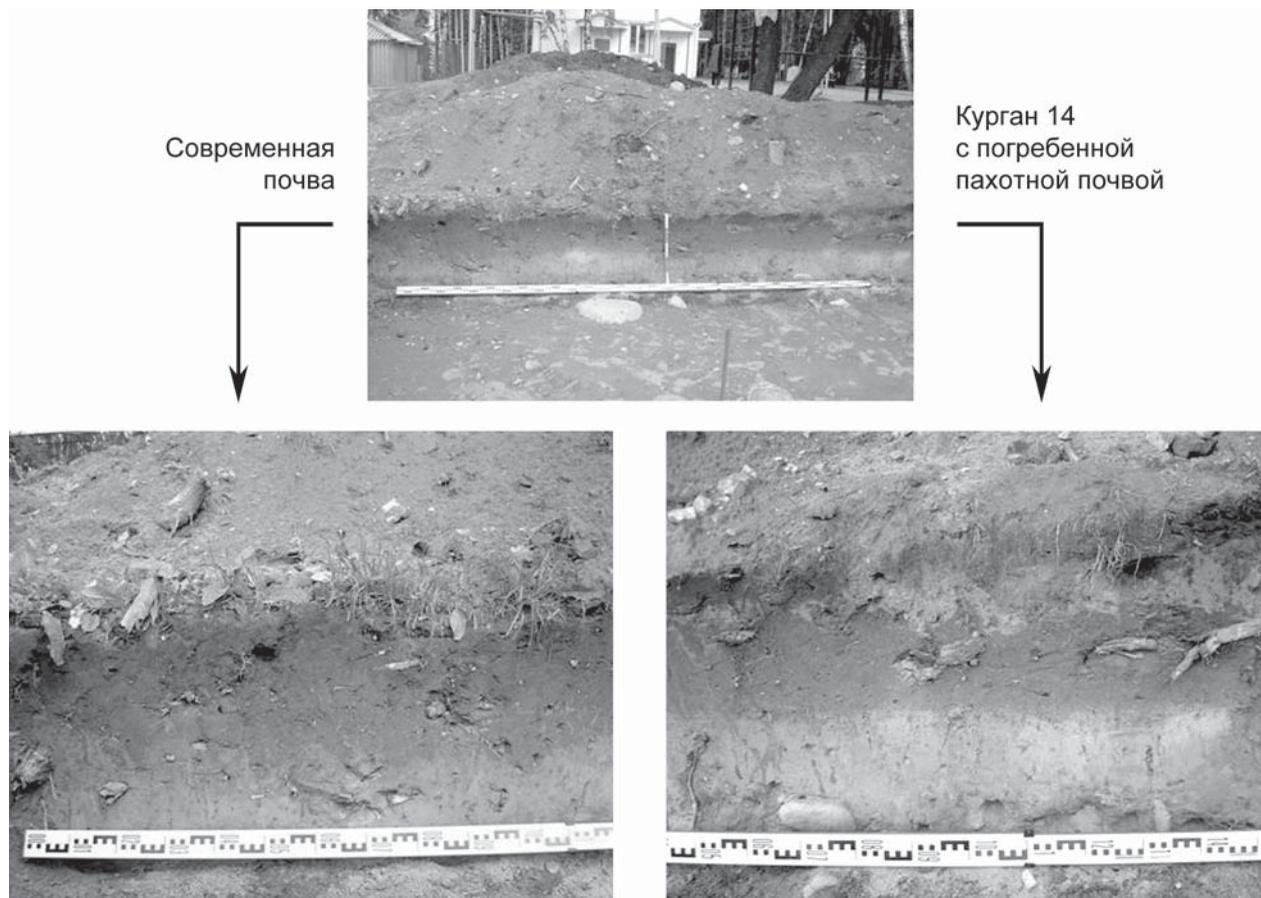
под насыпью кургана и полностью исчезла в современной почве, простирающейся непосредственно рядом с насыпью (илл. 1). Следов последующих перекопов, эрозионных сносов или иных признаков нарушения современной почвы нет. Таким образом, выявлен эволюционный тренд исчезновения морфологических признаков пахотного горизонта с течением времени. Период, прошедший с момента создания кургана (погребения пахотного горизонта) может составлять около 700–800 лет. Вопрос возраста погребенной пашни еще не определен окончательно. Но, учитывая полное отсутствие признаков пашни на курганах, можно с высокой долей вероятности считать, что возраст пашни или соответствует периоду функционирования поселения, или не намного моложе его. Курганный могильник создал новый характер поверхности, новый мезорельеф. Близкое расположение курганов делало распашку земли между ними без уничтожения самих курганных насыпей невозможной. То есть, скорее всего, пахали или до создания курганов, или одновременно с ними, но не после создания курганного могильника. Следовательно, можно считать, что пахотная почва была погребена 700–800 лет назад. Соответственно, расположенная рядом с насыпью экспонированная почва, также распаивалась 700–800 лет назад, и в дальнейшем профиль почвы был полностью преобразован природными процессами.

Таким образом, в данном случае мы имели уникальный хроноряд из древних пахотных почв – без последующего воздействия процессов почвообразования (под курганом 14) и с длительным постагрогенным преобразованием – современная почва около кургана. Уникальность этого объекта заключается в длительности постагрогенного воздействия – более 500–600 лет.

Физико-химические свойства пахотных горизонтов

За счет регулярного перемешивания при распашке меняется плотность почвы (пахотный горизонт обедняется илом и тонкой пылью при обогащении ими плужной подошвы) и химические свойства пахотного горизонта (однородное распределение органического вещества, валового фосфора и др.). Возможно, именно эти показатели являются более устойчивыми, чем характер границы пахотного горизонта. Для уточнения этой гипотезы был проведен сравнительный анализ данных современных и погребенных почв, расположенных рядом.

Именно с целью определения изменчивости или устойчивости отдельных диагностических па-

Илл. 1. Морфологический облик верхних горизонтов погребенной почвы (курган 14) и современной

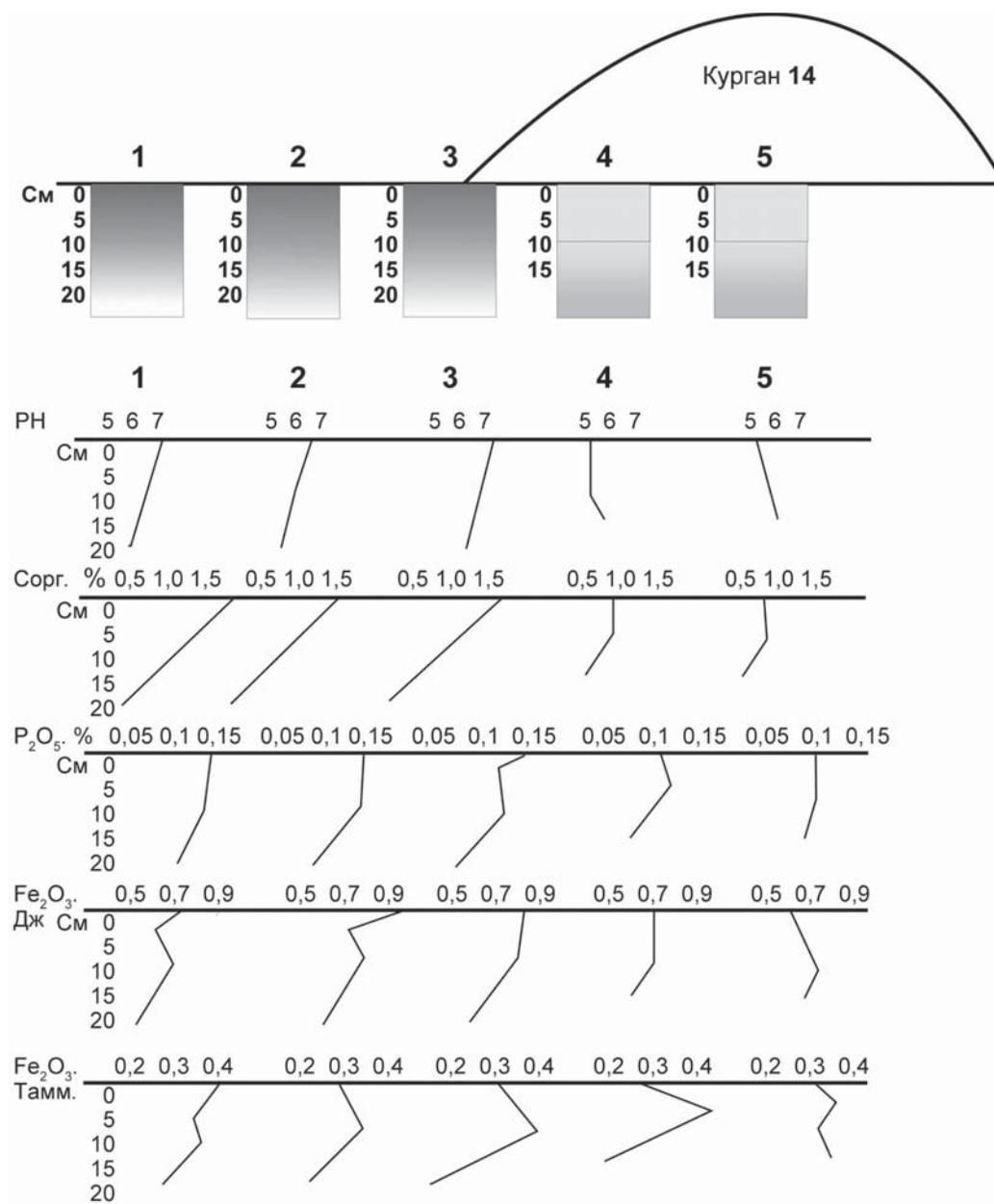
раметров пахотной почвы (химических, микроскопических свойств, характера распределения фитолитов) исследованы серии колонок старопахотной почвы как погребенной, так и экспонированной.

Для аналитических работ отбирались образцы сериями колонок (илл. 2). Колонки были заложены на расстоянии 70 см друг от друга от современной поверхности до погребенной с целью определения смены свойств старопахотной почвы. Точка 1 расположена под деревом (береза), где нет никаких признаков пахотного горизонта. В точках 1, 2, 3 (все – под современной растительностью) была на поверхности дернина, поэтому там отбирали по 5 образцов: дернина, верх предполагаемой пашни, низ, плужная подошва и переходный горизонт АВ. В точках 4 и 5 дернины на поверхности не было – эти объекты расположены под курганной насыпью (насыпь из плотного ожелезненно-го песка). В этих точках брали по 4 образца: верх пахотного горизонта, низ, плужная подошва, переходный горизонт АВ. Точка 3 расположена в самом конце курганной насыпи, где перекрывающим субстратом является дерновый горизонт курганной

насыпи. То есть в данном случае первым в почвенной колонке был дерновый горизонт, но это был горизонт курганной насыпи, переходящий в дернину современной почвы.

Химические свойства исследованных почв

Распределение рН (почвенной кислотности) показало очень интересную закономерность – все современные почвы в верхней части имеют нейтральную или близкую к нейтральной реакцию почвенных растворов, которая становится более кислой вниз по профилю (илл. 2). Данное распределение хорошо коррелирует с составом современного растительного покрова, где нет хвойных и высока доля трав. А во всех погребенных почвах тренд кислотности абсолютно иной – почвы кислые в верхней части, а вниз по профилю наблюдается уменьшение кислотности. Выявленная особенность может быть связана как со спецификой пахотных горизонтов при сильной выпашанности, так и с диагенетическими изменениями свойств

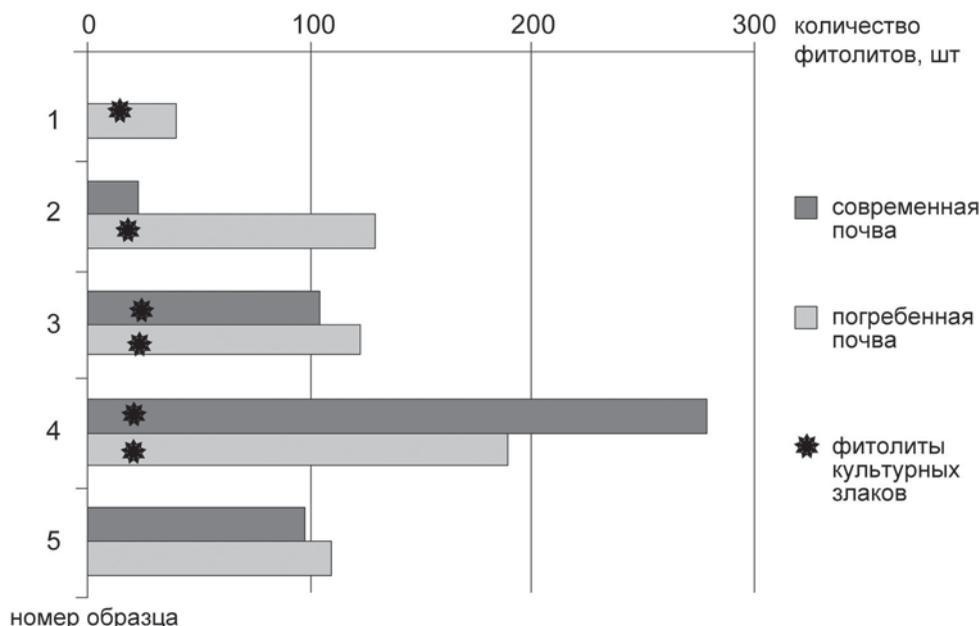

Илл. 2. Расположение исследованных почвенных колонок, схема отбора проб в них.
Химические свойства современной и погребенной почв

почв после погребения. В Мякинино было сделано достаточное количество химических анализов погребенных почв, в которых не было признаков распашки (Гольева, 2006. С. 85–111). Эти погребенные почвы всегда имели менее кислую реакцию среды, кислотность была ближе к современным фоновым почвам, чем к выявленным у пахотных. Поэтому можно с высокой долей вероятности считать, что выявленная кислотность почвенных растворов связана с процессом распашки, а не с последующими диагенетическими изменениями.

Распределение органического углерода также различается в современных и погребенных по-

чвах. Максимальное количество органики отмечается в дерновом горизонте с постепенным убыванием вниз по профилю: каждый нижележащий горизонт содержит органики значительно меньше, чем вышележащий. Погребенные пахотные горизонты не только содержат органического вещества меньше, чем аналогичные современные, но имеют и иной характер распределения: вся толща пахотного горизонта содержит равное, практически одинаковое количество органики. Это типично для агрогенных горизонтов из-за регулярного перемешивания пахотного слоя. Таким образом, современная почва имеет полностью перестроенный

Илл. 3. Распределение фитолитов и присутствие культурных злаков в образцах из современной и погребенной почвы (курган 14)

тип распределения органического вещества, соответствующего зональным типам почв.

В современных почвах валового фосфора больше всего в самом верхнем горизонте – органическом. Это естественно, поскольку фосфор биофильный элемент и его накопление связано с органикой. В пахотных почвах нет дернины, следовательно, не должно быть и накопления фосфора. В последующих горизонтах (бывших или погребенных пахотных) распределение фосфора сходно – вся толща пахотного горизонта содержит равное количество фосфора, а в разрезах 3 и 4 можно даже говорить о механическом накоплении элемента в плужной подошве.

Среди исследованных форм несиликатного железа ярко выраженных устойчивых признаков древней пашни в толще современного горизонта не выявлено. Хотя погребенный пахотный горизонт характеризуется обеднением аморфных соединений железа в пахотном слое и накоплением их в подпахотном – плужной подошве, что является специфической характеристикой пашни. В современной почве подобного перераспределения соединений аморфного железа нет. Этот же вывод применим по отношению к несиликатному окристаллизованному железу – динамика свойств в погребенном пахотном горизонте не прослеживается в современной почве.

Данные по содержанию и распределению физической глины (частицы менее 0,01 мм) показали, что если первые четыре колонки являются супесью,

то пятая колонка – легкий суглинок (табл. 2). Эти различия, скорее всего, оказали влияние на специфику распределения частиц по профилю в пятой колонке образцов, поэтому в сравнительном анализе устойчивости различных гранулометрических фракций будут в дальнейшем сравниваться только первые четыре колонки. Во всех колонках наблюдается некоторое обеднение физической глиной верхней части профиля при обогащении слоя, бывшего плужной подошвой, что является типичным проявлением агрогенного воздействия. Из всех фракций, входящих в состав физической глины наиболее устойчивой во времени оказалась фракция крупной пыли – во всех четырех колонках можно отметить элювиально-иллювиальное распределение частиц, хотя и разной степени выраженности.

Данные фитолитного анализа

Распределение фитолитов в пахотных почвах отличается от такового в зональных, поскольку из-за регулярного перемешивания фитолиты, как и весь мелкозем, мигрируют вниз, накапливаясь в плужной подошве (Гольева и др., 2010. С. 262–264). Формируется специфический фитолитный профиль с обеднением частицами в верхней части при значительном обогащении на нижней границе пахотного горизонта. Кроме этого, дополнительным диагностическим показателем является встречаемость в этой толще фитолитов культурных злаков. Общее количество этих форм,

как правило, невелико, поскольку урожай максимально убирается, следовательно, в почву попадает лишь незначительная часть растения.

Был проведен фитолитный анализ для самых крайних колонок изучаемой серии – 1 и 5 (илл. 3). Для большей наглядности при сравнительном анализе образцы представлены по номерам, где древние пахотные горизонты – это номера 2 и 3. Номер 4 – пограничный слой между пахотным горизонтом и исходной почвой, которая обозначена цифрой 5. Образец 1 – это дернина, которой не было у погребенной почвы, поэтому количество фитолитов здесь указано только для современной почвы.

Хорошо видно значительное увеличение количества фитолитов в нижней части пахотного горизонта у погребенной почвы, что полностью соответствует требованиям для агрогенных почв. Есть в верхней части почвы и фитолиты культурных злаков. Современная почва также имеет сходный рисунок количественного распределения фитолитов. Эта кривая несколько сглажена, что неудивительно, учитывая длительность постагрогенного периода, но все равно четко выражена. В верхней части современной почвы тоже есть единичные фитолиты культурных злаков.

Итоговые выводы о степени устойчивости/неустойчивости диагностических признаков древней распашки в дневных почвах

За 700–800 лет произошла полная перестройка древнего пахотного горизонта. Полностью исчезла ровная нижняя граница, изменились химические параметры – кислотность почвенных растворов, характер распределения органического вещества, содержание и распределение различных форм несиликатного железа.

В то же время можно выделить ряд устойчивых показателей пашни, которые даже спустя 700–800 лет изменились слабо и позволяют реконструировать древнюю распашку. К таким показателям относится характер распределения валового фосфора. Если в обычных почвах наблюдается аккумулятивный тренд с максимумом в верхнем горизонте, то в пахотном слое содержание фосфора ровное по всей толще горизонта, а в ряде случаев фиксируется даже накопление элемента в толще, бывшей ранее плужной подошвой. К достаточно устойчивым признакам можно отнести и характер распределения физической глины. Элювиально-иллювиальный тип распределения сохранился как в погребенной, так и в современной почве.

В период распашки в верхней части почв сформировался специфический фитолитный профиль с максимумом в районе плужной подошвы. Этот профиль сохранился даже спустя сотни лет,

хотя, конечно, имеет несколько сглаженный вид. То есть количественное распределение фитолитов по профилю почвы – это устойчивый показатель, который может служить надежным диагностическим признаком древней пашни даже если все остальные диагностические показатели отсутствуют. Наличие в верхней части фитолитов культурных злаков является дополнительным подтверждением агрогенного прошлого почвы.

Исследование тлена в погребениях

С целью определить генезис органического тлена, обнаруженного при проведении раскопок, были проведены химический (определение содержания валового фосфора) и микробиоморфный анализы 15 образцов из различных погребений (табл. 3, 4). Методика проведения микробиоморфного исследования и его информационные возможности при работе с курганными могильниками подробно описаны (Гольева, 2001. С. 66–70; 2005) и в данной работе не приводятся.

Курган 1, погребение 1

Тлен между черепом и височными кольцами. Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы, корни трав и деревьев, грибные гифы. Содержание валового фосфора значительно выше нормы и характерно для животной органики.

Вывод по образцу. На данном месте находилось что-то, сделанное из животного сырья (шерсти, кожи).

Гумусированный песок в восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне могилы. Образец содержит крупный травянистый детрит, аморфную органическую массу, грибные гифы. Валового фосфора очень мало – 0,07%. Эти величины более характерны для минеральных, чем органических горизонтов.

Вывод по образцу. Под костяком и вещами было что-то из трав. В составе трав не было злаков (например, тростника), осок (например, камыша). Скорее всего, использовались стебли двудольных трав, поскольку основная масса этих трав не формирует фитолиты, а стебли накапливают фосфора в меньшей мере. Отсутствие пыльцевых зерен (а особенно их скопления) свидетельствует, что цветущие растения не использовались, т.е. пятно под костяком не являлось букетом.

Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком. Образец не содержит микробиоморф,

Таблица 3. Содержание валового фосфора в образцах из курганов и основные выводы

Образец	Валовой фосфор, %	Комментарий, выводы на основе данных анализа
Курган 1, погребение 1		
Тлен между черепом и кольцами	0,66	Было что-то из животной органики (шерсть, кожа), объемы небольшие
Гумусированный песок восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне	0,07	Минеральный горизонт
Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком, глубина 250 см.	0,06	Минеральный горизонт
Курган 2, погребение 1		
Проба дна	0,06	Минеральный горизонт
Тлен серого цвета со дна ямы	0,71	Возможно, что-то из шерсти или кожи. Объемы небольшие
Тлен серый (Г)	3,75	Разложившаяся кожа в больших объемах
Изделие из кожи (?) (Б)	4,33	Разложившаяся кожа в больших объемах
Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища	0,10	Почва, нижняя часть
Грунт из гробовища № 2	0,03	Минеральный горизонт
Грунт из белой полосы в гробовище № 1	0,06	Минеральный горизонт
Грунт из гробовища № 3	0,04	Минеральный горизонт
Курган 3, погребение 1		
Тлен (подстилка) со дна могилы	0,31	Подстилка, скорее всего из растительного сырья или смеси животного и растительного
Курган 4, погребение 1		
Зеленоватый тлен у черепа	0,55	Что-то из шерсти или кожи (головной убор ?)
Тлен на месте черепа	0,26	Если погребение женское – это разложившиеся волосы, если мужское – что-то из шерсти
Тлен по дну могилы (подстилка ?)	0,18	Скорее всего, подстилка из растительного сырья

количество валового фосфора очень мало и типично для минеральных горизонтов.

Вывод по образцу. На данном месте органического материала не было.

Вывод по погребению

Можно реконструировать следующие элементы погребальной обрядности: подсыпка на дне могильной ямы создавалась из минерального сырья, в нее не добавлялась органика. Следовательно, материал для подсыпки брался не из почвы, из более глубоких слоев, где нет гумусированного или иного органического материала. Непосредственно под костяком было что-то из трав (подстилка? плетеные маты?). В любом случае между дном ямы и погребенным было что-то постелено.

Образец между черепом и кольцами – это, скорее всего, микроостатки головного убора или одежды из шерсти и/или кожи.

Курган 2, погребение 1

Проба грунта со дна могилы. Образец практически не содержит микробиоморф, количество валового фосфора очень мало, что характерно для минеральных горизонтов без органики.

Вывод по образцу. На данном месте органического материала не было.

Тлен серого цвета со дна ямы. Образец содержит большое количество крупных частиц травянистого детрита, грибные гифы. В небольшом количестве присутствует аморфная органическая масса. В то же время количество валового фосфора велико и более соответствует остаткам животной, чем растительной органики.

Вывод по образцу. На данном месте находились двудольные травы в большом количестве. Высокие величины валового фосфора позволяют предполагать, что помимо трав на дне ямы было и что-то из животной органики.

Тлен серый. Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы, грибные гифы, обрывки корней. Содержание валового фосфора одно из максимальных среди всех рассмотренных образцов (3,75%). Это однозначно связано с органикой животного происхождения.

Вывод по образцу. На данном месте разлагалась органика животного происхождения (кожа, шерсть и т. п.).

Таблица 4. Микробиоморфный анализ материала из курганов Мякинино

Образец	Детрит	Аморфная органика	Фитолиты	Другие микробиоморфы
Курган 1, погребение 1				
Тлен между черепом и кольцами	-	+++	-	Грибные гифы, корни трав
Гумусированный песок восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне	+++ Трав.	++	-	Грибные гифы
Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком, глубина 250 см.	-	-	-	-
Курган 2, погребение 1				
Проба дна	-	+	-	-
Тлен серого цвета со дна ямы	+++ Трав.	+	-	Гифы грибов
Тлен серый (Г)	-	+++	-	Корни, гифы
Изделие из кожи (?) (Б)	-	+++	-	Корни, гифы
Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища	+++ Трав.	-	+ Травы	Грибные гифы
Грунт из гробовища (№ 2)	+ Трав.	-	-	Грибные гифы
Грунт из белой полосы в гробовище (№ 1)	+ Трав.	-	-	Грибные гифы
Грунт из гробовища (№ 3)	+ Трав.	-	-	Грибные гифы
Курган 3, погребение 1				
Тлен (подстилка) со дна могилы	+++ Трав.	-	-	Грибные гифы
Курган 4, погребение 1				
Зеленоватый тлен у черепа	-	+++	-	-
Тлен на месте черепа	Ед. трав.	+++	-	Корни, гифы
Тлен по дну могилы (подстилка ?)	-	+++	-	Грибные гифы

Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. – единично; - отсутствуют.

Изделие из кожи (?). Образец содержит больше количество крупных фрагментов аморфной органической массы, грибные гифы, обрывки корней. Содержание валового фосфора максимально среди всех рассмотренных образцов (4,33%). Такие высокие величины типичны для кожи.

Вывод по образцу. На данном месте было изделие из кожи.

Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища. Образец характеризуется обилием грибных гифов, крупных частиц травянистого детрита, есть фитолиты. Все фитолиты характеризуют двудольные травы. Содержание валового фосфора невелико, типично для стеблей трав.

Вывод по образцу. На данном месте была мощная подстилка из двудольных трав.

Грунт из гробовища (№ 2). Образец содержит небольшое количество травянистого детрита и грибные гифы. Валового фосфора в образце практически нет (0,03%).

Вывод по образцу. Скорее всего, на данном месте не было органического материала.

Грунт из белой полосы в гробовище (№ 1). Образец содержит небольшое количество травянистого

детрита и грибные гифы. Валового фосфора немного, но все же в два раза больше, чем в предыдущем образце – 0,06%.

Вывод по образцу. Скорее всего, на данном месте не было органического (травянистого) материала, или его мощность была очень невелика.

Грунт из гробовища (№ 3). Образец содержит небольшое количество травянистого детрита и грибные гифы. Валового фосфора очень мало – 0,04%.

Вывод по образцу. Скорее всего, на данном месте не было органического материала.

Вывод по погребению

В данном погребении на дне могильной ямы была подстилка из двудольных трав. Наличие в ряде образцов микрочастиц животной органики может являться остатками одежды, обуви или головного убора погребенного. Не исключено, что травянистая подстилка была дополнительно покрыта чем-нибудь из шерсти или кожи.

Курган 3, погребение 1

Тлен (подстилка) со дна могилы. Образец характеризуется обилием крупных частиц травянистого детрита и грибных гифов. Содержание

валового фосфора типично для травянистых подстилок – 0,31%.

Вывод по образцу. На дне могилы была толстая подстилка из трав, злаки или осоки не использовались

Вывод по погребению

В данном погребении, как и в предыдущих, фиксируется подстилка исключительно из двудольных трав.

Курган 4, погребение 1

Зеленоватый тлен у черепа. Образец содержит исключительно аморфную органическую массу. Валового фосфора много. Эти величины (0,55%) более характерны для животной, чем для растительной органики.

Вывод по образцу. У черепа было что-то из шерсти или кожи значительных объемов.

Тлен на месте черепа. Образец характеризуется обилием аморфной органической массы. Также единично встречается травянистый детрит, грибные гифы, корни трав и деревьев. Содержание валового фосфора невелико, хотя и выше, чем в природных объектах – 0,26%. В тоже время большое количество аморфной органической массы свидетельствует о присутствии животной органики. Скорее всего, на данном месте не было изделий из кожи, а что-нибудь более рыхлое.

Вывод по образцу. Вероятно, на подстилке из двудольных трав, было что-то из шерсти или волоса.

Тлен по дну могилы (подстилка?). Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы и грибные гифы. Содержание валового фосфора невелико и более типично для растительного сырья. Учитывая отсутствие растительного детрита, можно предположить наличие рыхлой животной органики.

Вывод по образцу. На данном месте была мощная по объему подстилка из шерсти.

Вывод по погребению

На дне могильной ямы была подстилка из животной органики. Наличие травянистой подстилки

не исключается, поскольку травянистый детрит присутствует в отдельных образцах. Можно уверенно говорить, что на погребенном были одежда и головной убор из кожи и/или шерсти и войлока.

Большое количество грибных гифов во всех образцах указывает на интенсивные процессы минерализации, разложения органического материала в погребениях, которые продолжают до сих пор.

Общий вывод по погребениям

В четырех погребениях из разных курганов выявлены сходные черты погребальной обрядности. Общим является использование подстилки из трав. Более того, во всех исследованных образцах в составе трав нет злаковых (в том числе тростника), осоковых (в том числе камыша) и иных растений, формирующих фитолиты специфической морфологии. Это позволяет предположить, что набор трав во всех случаях имел не случайный характер, т.е. это были одни виды трав, которые соответствовали требованиям погребального обряда. Иными словами, одним из элементов погребального обряда у жителей Мякинино, было использование в качестве подстилки строго определенного набора или какого-то одного вида трав.

Наличие на погребенных одежды из кожи или шерсти не является каким-то специфическим признаком погребальной обрядности. Можно лишь отметить широкое использование различных видов животной органики, т.е. хорошее развитие животноводческой базы в период функционирования поселения.

В целом, разностороннее исследование образцов из курганного могильника Мякинино позволило получить разноплановые выводы, связанные с преобразованием почвенного покрова участка; этапностью, очередностью создания курганов, элементами погребальной обрядности; а также определить наиболее устойчивые признаки, связанные с диагностикой древней распахки.

Приложение 3

Орфинская О. В.

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ ИЗ КУРГАНА 5 В МЯКИНИНО

В «Центр исследования исторических и традиционных технологий» Института Наследия им. Д. С. Лихачёва был предоставлен почвенно-текстильный конгломерат (илл. 1, А). В процессе исследования этот объект был разобран на отдельные фрагменты, из которых были отобраны образцы. Список фрагментов и образцов представлен в *Таблице 1*:

Всего для исследования выделено 14 образцов.

Для идентификации материалов, были использованы следующие экспериментальные методы:

- микроскопия в отраженном неполяризованном свете (МБС-10, увеличение 10–100^x);
- микроскопия в отраженном неполяризованном свете («Полам Р-312», увеличение 200^x);

№ фрагмента	Описание фрагмента	№ образца	Описание образца
1	Фрагмент дерева, находился непосредственно на поверхности почвенно-текстильного конгломерата	1.1	Дерево
2	Фрагмент дерева (коры) со следами ржавчины на его внутренней стороне. Находился на противоположной от фрагмента 1 поверхности конгломерата.	2.1	Дерево
3	Фрагмент ткани, в которую завернуты металлические изделия и плодовые косточки неопределенного растения	3.1	Ткань 1
		3.2	Нить, расположенная у бронзового предмета
		3.3	Косточки растения, из которых было сделано ожерелье
		3.4	Нить, на которой было собрано ожерелье из косточек
4	Фрагмент ткани 1 с остатками кожаных шнуров и, возможно, пояса. Часть фрагмента покрыта желто-коричневыми и зелеными отложениями. Выделяется небольшой участок, где расположена другая ткань (ткань 2), сильно пропитанная ржавчиной	4.1	Пояс (?)
		4.2	Кожаный шнур
		4.3	Ткань 2
5	Металлическое изделие на кожаном шнуре. Один конец шнура оборван, а другой, проходя через отверстие в металлическом изделии, укреплен в кусочке черного пористого материала, природа которого визуалью не определяется	5.1	Металл
		5.2	Кожаный шнур
		5.3	Неопределенный материал
6	Плоское металлическое изделие, укрепленное на кожаном шнуре	6.1	Металл
		6.2	Кожаный шнур

- микроскопия в отраженном неполяризованном свете («Полам Р-211», увеличение 400–600^x);
- гистохимический метод.

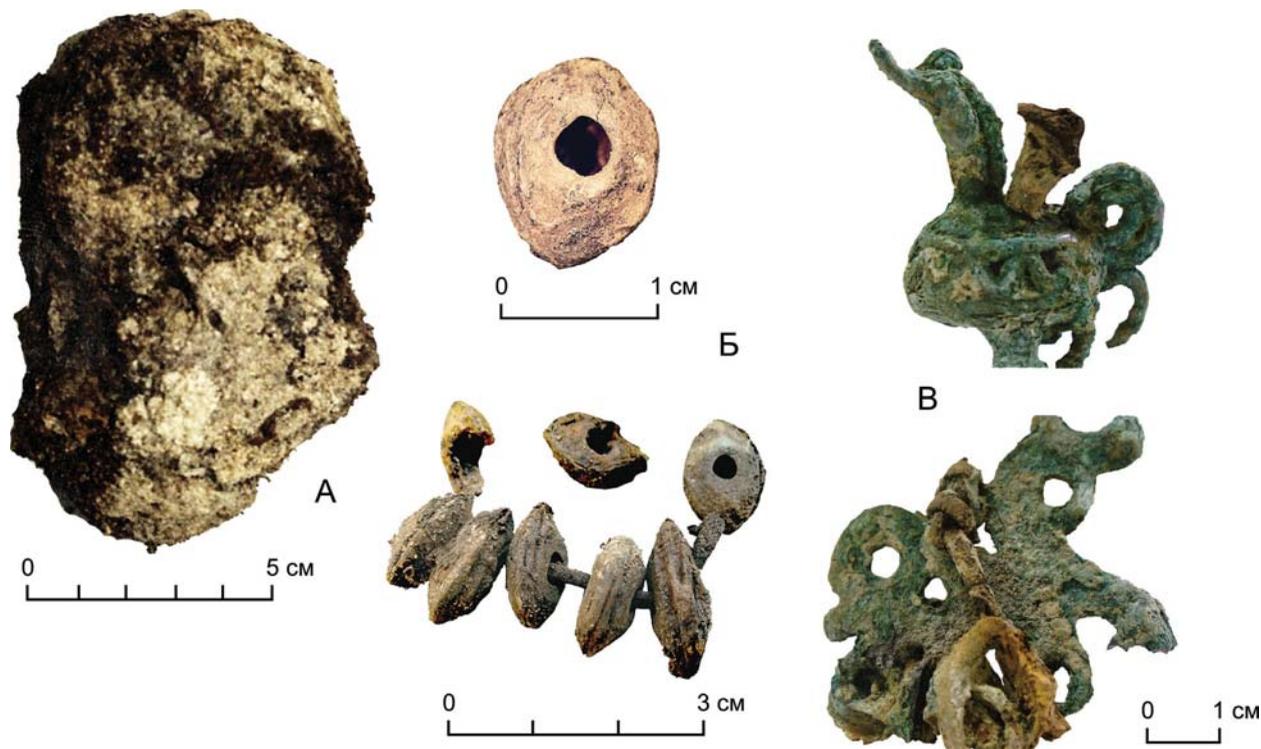
Для микроскопии в проходящем поляризованном свете были предварительно приготовлены постоянные иммерсионные препараты текстиля и сопутствующих материалов в пихтовом бальзаме. Для фотофиксации результатов были проведены макро- и микрофотография.

В ходе разбора почвенно-текстильного конгломерата удалось установить, что внутри сложен-

ной ткани (ткань 1) находились два металлических изделия, укрепленные на кожаных шнурах, связка из косточек плодового дерева, фрагмент тканой ленты (возможно от пояса), а также небольшой обрывок тонкой ткани (ткань 2).

Были выявлены следующие материалы:

- древесина и косточки растения – 3 образца (илл. 1, Б);
- ткани – 2 образца;
- лента – 1 образец;
- кожаные шнуры – 3 образца;

Илл. 1. Общий вид объекта и не текстильные изделия, которые были завернуты в ткань

А – общий вид почвенно-текстильного конгломерата; Б – плодовые косточки;
В – металлические изделия, укрепленные на кожаных ремешках

- отдельные нити – 2 образца;
- металлические изделия – 2 образца (илл. 1, В);
- неопределенный органический материал – 1 образец.

После разделения конгломерата на фрагменты, состояние выявленного текстиля не позволяло провести качественное исследование из-за его большой загрязненности. Реставрационные работы, направленные на расчистку и консервацию текстиля, проводились О. В. Орфинской под руководством художника-реставратора высшей категории Музеев Московского Кремля – Н. П. Спицыной. Реставрация проводилась по стандартной методике:

- сухая расчистка мягкой кистью;
- промывка 5–10% раствором ПЭГ в дистиллированной воде с добавлением фосфопага (дезинфекция);
- механическое удаление загрязнений под увеличительным стеклом;
- оформление текстиля в паспарту, изготовленное из бескислотного картона и льняной ткани.

После проведения расчистки текстиля были определены следующие его характеристики: природа текстильных волокон; технология изготовления нитей: порядок, крутка, шаг крутки нити и ее

толщина; технология изготовления тканей и тканой ленты.

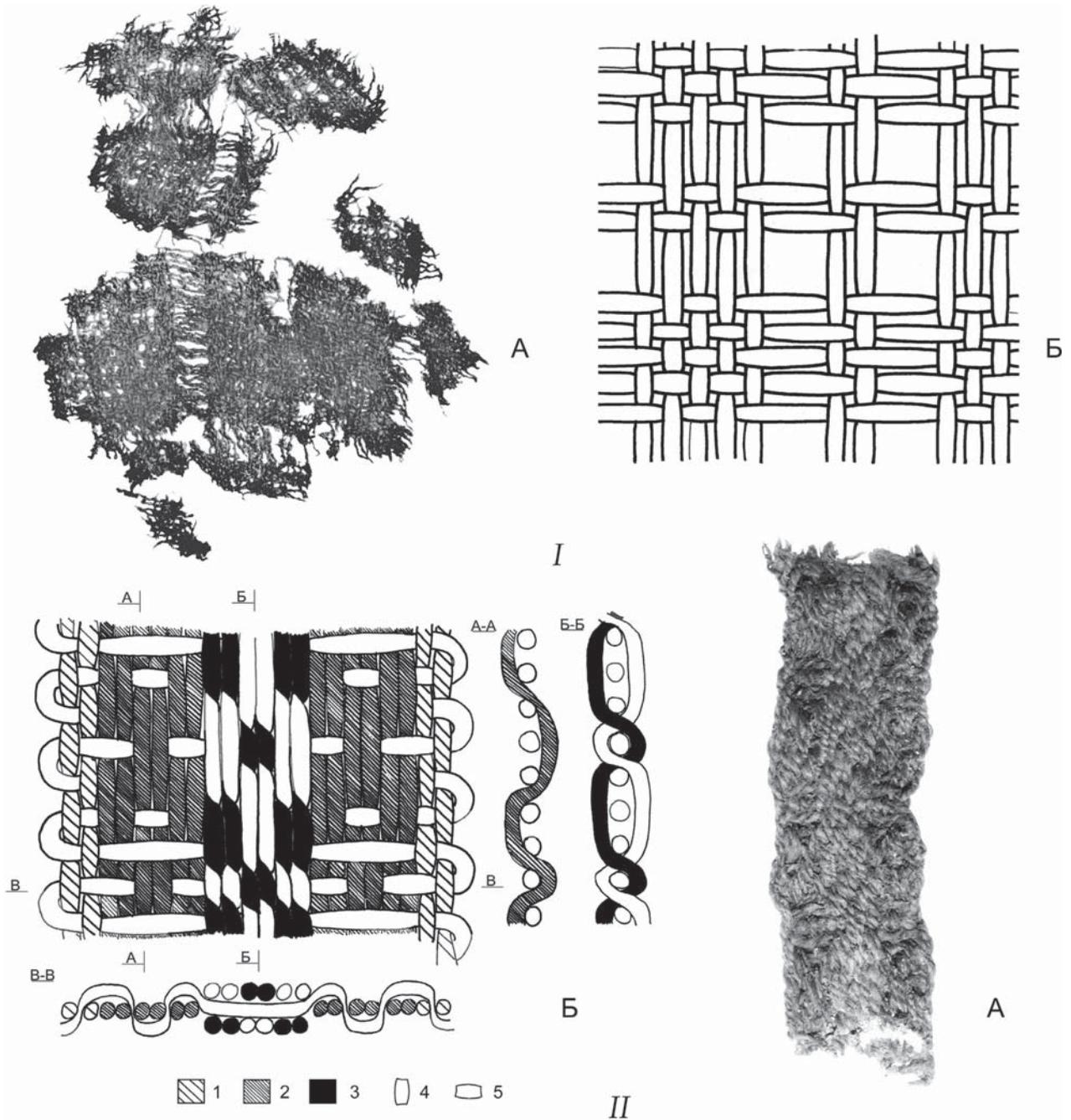
Ткань 1

Сохранившиеся фрагменты ткани складываются в прямоугольник со сторонами около 20×30 см (илл. 2, 1).

Аналогичные ткани полотняного переплетения с разреженными полосами принято называть «ажурными» (Нахлик, 1963. С. 249). Предполагают, что этот тип ткани изначально был выработан из шерстяных и растительных волокон, но в результате нахождения в почве растительные волокна разрушились, оставив в ткани пустые промежутки. Однако такой вариант ткани можно получить и непосредственно в процессе ткачества, оставляя незатканые полосы или после этого процесса убирая часть нитей (мережка).

Рисунок на ткани имеет форму квадратов. В каждом квадрате расположены маленькие квадраты: 4 ряда по 4 квадрата. Маленькие квадраты внутри разделены на 4 части (илл. 3, 1).

Схема текстильного переплетения: нити основы и утка имеют близкие характеристики: пер-

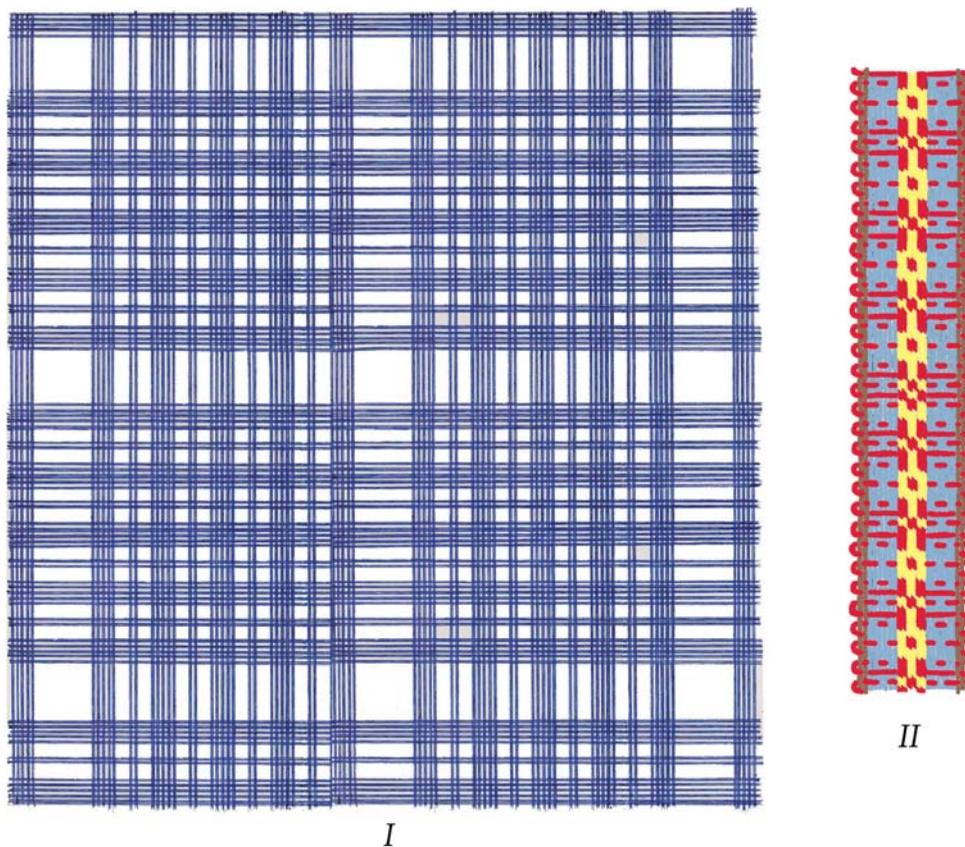

Илл. 2. Текстиль из кургана 5

I – ткань полотняного переплетения с разреженными полосами: А – общий вид фрагмента ткани; Б – схема текстильного переплетения. *II* – тканая лента: А – общий вид фрагмента; Б – схема текстильных переплетений: 1 – светло-коричневые нити основы; 2 – светло-зеленые нити основы; 3 – красно-коричневые нити основы; 4 – светло-коричневые нити основы; 5 – красно-коричневые нити утка; А-А и Б-Б – разрезы вдоль нитей основы; В-В – разрез вдоль нитей утка

вый порядок с Z-круткой. Крутка нити неравномерная и имеет средний шаг около 1 мм. Толщина нити – 0,6–0,8 мм. Плотность ткани – 10×10 нитей на 1 см. Природа текстильного волокна – шерсть.

При микроскопическом исследовании удалось выявить частички индиго, что является доказательством окраски нити или целиком ткани в синий или зеленый цвет.

Илл. 3. Цветовые реконструкции текстильных изделий

I – синяя (возможно, зеленая) ткань с клетчатым рисунком; *II* – цветная тканая лента, которая, вероятно, являлась поясом

Ткань 2

Ткань, сложенная в два слоя и сильно пропитанная ржавчиной, находилась на внутренней поверхности ткани 1 и занимала участок около 2 см².

Ткань полотняного переплетения, нити основы и утка выбраны условно, они имеют примерно одинаковые характеристики. Нити первого порядка, с Z-круткой (шаг крутки не определяется). Толщина этих нитей – 0,4–0,5 мм, промежуток между нитями – 0,1–0,2 мм. Природа текстильного волокна – растительная (лен или конопля). Плотность ткани – 20×20 нитей на 1 см.

Тканая лента

Тканая лента являлась, вероятно, частью пояса (илл. 2, *II*). На одном ее конце сохранились следы зеленоватого (окислы меди) и ржаво-коричневого (окислы железа) цветов. Вероятно, это следы от пряжки, состоящей из железных и медных деталей. Тесьма соткана из цветных толстых нитей: 28 нитей основы и 1 нити утка. Заправка ни-

тей основы осуществлялась в следующем порядке: 2 нити светло-коричневого цвета, 6 нитей синего (зеленого) цвета; в центральной части одновременно работают по две нити основы: 6 нитей красно-коричневого цвета и 6 нитей светло-коричневого, возможно желтого цвета; дальше опять 6 нитей синего (зеленого) цвета и 2 нити светло-коричневого цвета. Природа текстильных волокон – шерсть.

Нити основы:

- светло-коричневая, слабая Z-крутка, толщина – 0,20–0,30 мм;
- сине-зеленая, Z-крутка, толщина – 0,25–0,35 мм;
- красно-коричневая, слабая Z-крутка, толщина – 0,20–0,30 мм;
- светло-коричневая (возможно желтая), слабая Z-крутка, толщина – 0,20–0,30 мм.

Нить утка, вероятно, красного цвета, имеет второй порядок с S-круткой (S2Z) (шаг крутки около 2,5 мм), состоит из 2-х нитей первого порядка с Z-круткой (шаг крутки не определяется). Общая толщина нити второго порядка – 0,6–0,75 мм. Цветовая реконструкция ленты дана по результатам микроскопического исследования.

Состояние нитей, можно оценить, как удовлетворительное. Однако на отдельных участках сохранность нитей крайне плохая из-за сильной микробиологической деструкции волокон.

Отдельные нити

На внутренней поверхности ткани 1, была обнаружена нить, не связанная непосредственно с тканью или каким-либо другим изделием (образец 3.2). Нить шерстяная, имеет второй порядок (S2Z) с шагом крутки 2,0 мм и толщину около 0,5 мм.

Рядом с этой нитью находились фруктовые косточки, нанизанные на толстую нить, изготовленную не из текстильных волокон, а из разрезанного на тонкие полоски растения (стебель или листья). Нить скручена в Z-направлении и имеет толщину 3 мм.

Шнуры из кожи

Для идентификации протеина в коже был использован гистохимический анализ, который показал, что фрагменты состоят практически из чистого протеина, что типично для кожи. С помощью микроскопии в этих фрагментах были обнаружены коллагеновые тяжи, в которых коллаген упорядочен

и поэтому обладает двулучепреломлением. Остатки аморфного коллагена в этих фрагментах незначительны, так как именно аморфный коллаген в первую очередь деструктирует под действием протеолитических ферментов микроорганизмов в почвах.

В металлической подвеске «уточка» было заполнение из темного пористого материала. Возможно, это остатки сильно деструктированной кожи животного.

В курганном погребении Мякининского могильника была обнаружена ткань, в которую, видимо, были завернуты пояс и металлические подвесные украшения, а также низка из фруктовых косточек. Кроме этих изделий, там же находился, возможно, небольшой железный предмет, завернутый в тонкую ткань из растительных волокон.

Основная ткань, в которую были завернуты все эти предметы, является, по всей видимости, платком или его частью. Он имел клетчатый узор из разреженных полос и был окрашен в синий или зеленый цвет (илл. 3, I).

Плетеный пояс был полихромный и имел узор, состоящий из коричневого, возможно, желтого, красного и синего цветов (илл. 3, II).

Фруктовые косточки были нанизаны на нить, изготовленную из части растения. Металлические изделия крепились шнурами, вырезанными из кожи животного.

Приложение 4

Лебедева Е. Ю.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КОСТОЧЕК СЛИВ ИЗ КУРГАНА 5 В МЯКИНИНО

При раскопках кургана № 5 в Мякинино в 2004 г. была сделана одна очень интересная и по-своему уникальная находка. В основном погребении № 1, которое, по словам авторов раскопок, отличалось на редкость хорошей сохранностью, была захоронена молодая женщина. Среди прочих принадлежавших ей украшений обнаружено несколько косточек слив, имеющих сквозные отверстия. Косточки были нанизаны на кожаный шнурок, что подтверждается небольшим неплохо сохранившимся его фрагментом, а также присутствием почти полностью истлевших остатков кожи внутри самих отверстий (илл. 1).

Для получения этих отверстий использовалось не сверление, а подрезка, следы которой отчетливо прослеживаются на поверхности: были «сняты» выпуклые бока створок косточек. В результате такие «бусины» могли более компактно располагаться в низке. В процессе обработки многие морфологические признаки косточек, необходимые для таксономической диагностики плодов рода *Prunus* (сливы), были утеряны. Во-первых, это один из трех основных размерных показателей – ширина (В) (илл. 2), который еще можно было бы восстановить, несмотря на отверстия, если бы стенки в этих местах были просверлены, а не обрезаны. Без этого показателя невозможно рассчитать и индексы соотношения длины/ширины (L/B) и ширины/толщины (B/T). Другим важнейшим признаком является скульптура внешней поверхности косточек. В нашем случае она сохранилась лишь фрагментарно на небольших участках некоторых экземпляров. Здесь помимо обработки, на естественную сохранность оказали влияние еще и tafonomические условия их залегания в почве: поверхность косточек начала разлагаться и покрыта коркой, сравнимой с коррозией на металлах.

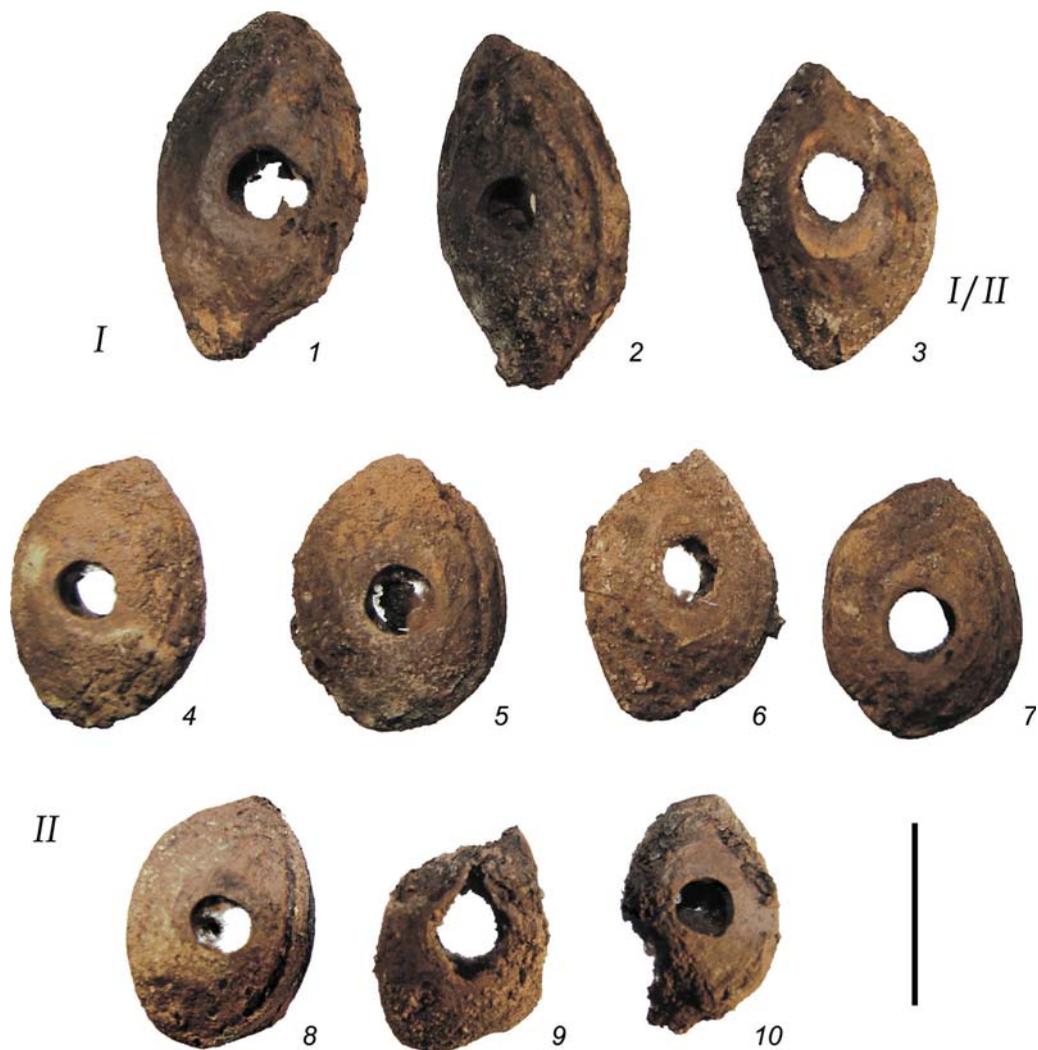
Таким образом, для видовой идентификации косточек помимо формы мы можем использовать только два размерных показателя – длину (L) и толщину (T), а также индекс их соотношения (T/L*100). Вся информация о проведенных измерениях и вычислениях приведена в таблице 1. В исследованной коллекции можно выделить по меньшей мере две группы или два типа косточек – тип I и тип II (илл. 1).

К первому типу относятся два экземпляра (№ 1, 2), имеющие удлинненно-овальную форму, приостренную вершинку, слегка вытянутое основание; почти симметричны. Исходящие из основания складки прослеживаются слабо, не видны из-за плохой сохранности. Брюшной хребет четко выражен, особенно на экземпляре № 2, брюшной шов заостренный. По форме такие косточки в большей степени соответствуют сливе домашней *Prunus domestica*, ssp. *domestica*. Но в то же время, размеры и индексы попадают в зону перекрытия параметров – минимальных для этого подвида и максимальных для терносливы или примитивной сливы *Prunus domestica*, ssp. *insititia* (syn.: *Prunus insititia*).

Второй тип представлен семью экземплярами (два нижних ряда на рис. 1), два из которых имеют очень плохую сохранность, они частично фрагментированы и сильно сморщены (№ 9, 10). Косточки типа II отличаются овально-округлой

Таблица 1. Размеры косточек *Prunus domestica* из кургана в Мякинино (ан. № 1760)

№	L	T	T/L*100
1	18,6	10,8	58,06
2	18,6	11,0	59,14
3	16,4	10,5	64,02
4	14,7	10,8	73,47
5	14,2	11,0	77,46
6	14,4	10,4	72,22
7	13,7	11,0	80,29
8	14,2	10,3	72,54
9	13,2	9,7	73,48
10	13,5	8,8	65,19
Сред.знач	15,15	10,43	69,59
мин	13,2	8,8	58,1
макс	18,6	11,0	80,3
№ 1, 2			
Группа I			
Сред. знач	18,60	10,90	58,60
№ 4–8			
Группа II			
Сред. знач	14,24	10,70	75,20
мин	13,7	10,3	72,2
макс	14,7	11,0	80,3

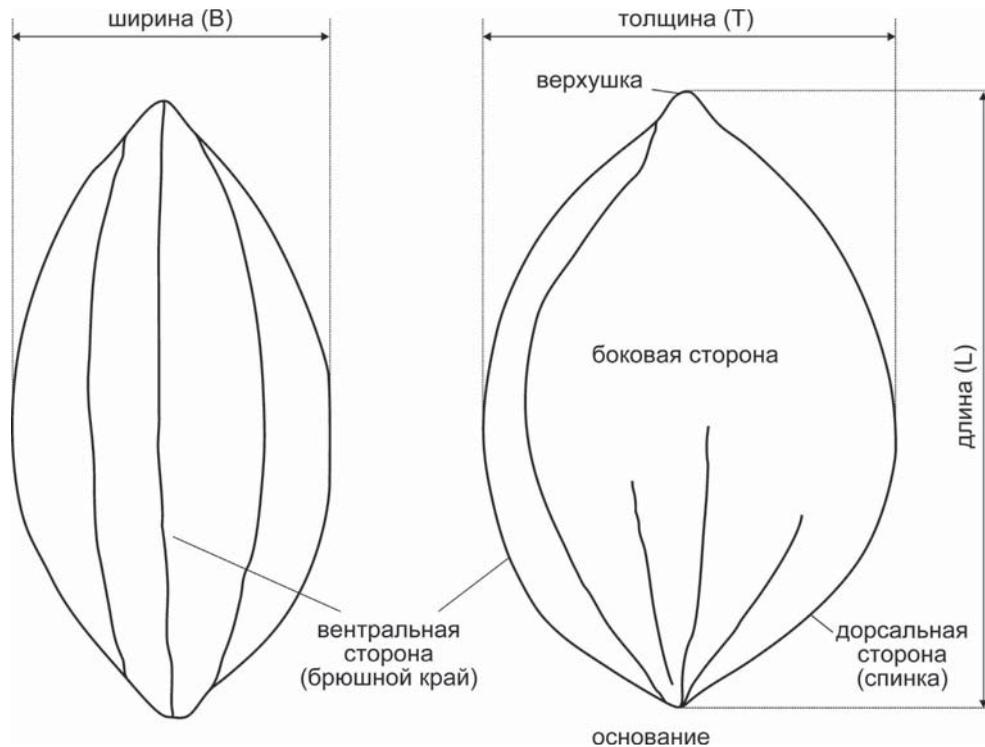
Илл. 1. Косточки слив из погребения 1 кургана № 5 в Мякинино (масштабный отрезок – 1 см)

формой: T/L-индекс у них заметно выше (73–80), чем у типа I (58–59). Вершинка у большинства экземпляров приостренная, реже – немного скругленная; основание чаще тупое, иногда лишь слегка вытянутое. Брюшной хребет слабо выражен, неглубокая бороздка проходит вдоль всего шва; на некоторых экземплярах эта ложбинка более углубленная. Сетчато-ямчатый рельеф поверхности (в тех местах, где сохранился) выражен много слабее, чем у косточек терна *Prunus spinosa*. По всем признакам косточки этого типа можно отнести к терносливе *Prunus domestica*, ssp. *insititia*. Тернослива – это подвид сливы домашней, т.е. культурной сливы, со сравнительно мелкими и не всегда вкусными плодами; по морфологии косточек близки и к терну, и к сливе домашней. Одну косточку, длина и пропорции которой занимают промежуточное положение между описанными выше типами (№ 3), я затрудняюсь отнести к какой-либо группе, тем более что она отличается

не самой лучшей сохранностью. Зато следы боковой подрезки на ней выражены наиболее отчетливо (илл. 1, тип I/II).

Таким образом, все исследованные экземпляры укладываются в размерный ряд *Prunus domestica*, ssp. *insititia*, однако нельзя исключать, что две из них принадлежали сливе домашней *Prunus domestica*, ssp. *domestica*. Здесь следует заметить, что вид *Prunus domestica* включает большое число всевозможных рас и промежуточных (переходных) форм и, как следствие, значительную вариабельность форм и размеров косточек с перекрывающимися признаками, что в значительной мере затрудняет их достоверную верификацию (Woldring, 2000; Zeist, Woldring, 2000).

В России археологические находки слив чрезвычайно редки даже на средневековых памятниках. В отечественной литературе мне удалось найти лишь единственное упоминание о двух косточках слив из слоя XI в. в Новгороде с фотографиями

Илл. 2. Схематическое изображение косточки сливы с указанием основных терминов и размерных параметров (по: *Behre, 1978. Fig. 1*)

находок. А. В. Кирьянов, публикуя эти материалы (*Кирьянов, 1959. С. 356–360*), не приводит размеров косточек, но судя по масштабу изображения на фото (илл. 1, 1), они были достаточно крупными (2,9–3,3 мм в длину и 1,5–1,6 мм толщиной). При таких размерах и форме это, безусловно, слива домашняя *Prunus domestica, ssp. domestica*⁹⁹. Однако единичность находок при хорошей сохранности органики в слоях города делает предположение А. В. Кирьянова о местной культуре сливы в Новгороде малообоснованным (*Кирьянов, 1959. С. 360*). Из собственной практики должна упомянуть находки трех небольших обугленных фрагментов косточек на селище Мякинино-1 (раскопки 2003 г.), которые условно были отнесены к сливам (cf. *Prunus* sp.), поскольку установить видовую принадлежность на столь мелких обломках практически невозможно. Не было обнаружено слив в древнерусских городах, где регулярно при раскопках применялась флотация: ни в Ярославле, ни в Переяславе Рязанском, ни в Ростиславле Рязанском. И только в Москве при раскопках «Романова двора» было найдено немало число

карбонизированных и необугленных косточек терносливы *Prunus domestica, ssp. insititia*¹⁰⁰. Однако это уже гораздо более поздние материалы.

В Западной и Центральной Европе тернослива известна с неолита, однако наиболее обильно она (как и домашняя слива) встречается в памятниках железного века и Средневековья (*Kroll, 2005; Behre, 1978; Zeist et al., 1994; Zeist, Woldring, 2000; Pollmann et al., 2005*). К примеру, при раскопках древнего Шлезвига было собрано около трех тысяч косточек слив в слоях от эпохи викингов (IX–X вв.) до рубежа XVI–XVII вв. и, что любопытно, находки сливы домашней среди них были единичны (всего 14 экз.). В ранних материалах здесь преобладал терн, а терносливы, хотя и присутствуют во всех напластованиях с начала IX века, вытесняют терн только в XIII в. (*Behre, 1978*). Интересен в этом отношении и проведенный А. Альслебен сравнительный анализ находок плодовых и овощных культур в средневековых городах Балтии, с одной стороны, и в Старой Ладоге и Новгороде – с другой. Очевидная обедненность спектров северорусских городов, и Новгорода

⁹⁹ В статье А. Альслебен эти сливы отнесены к *Prunus insititia* (Альслебен, 2011. С. 131. Рис. 7).

¹⁰⁰ Раскопки Н. А. Кренке 1997–1998 гг. Таксономическое определение проведено автором настоящей статьи; материалы не опубликованы, хранятся в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

в частности, приводит автора к мнению, что чужие обычаи и традиции в питании не заимствовались жителями (*Альслебен, 2011*). Справедливости ради следует отметить, что целенаправленные археоботанические сборы при раскопках древнерусских городов проводятся редко. Однако косточки слив – достаточно крупные объекты (в отличие, к примеру, от семян инжира), чтобы обнаружить их невооруженным глазом при раскопках и без применения флотации.

Возвращаясь к мякининским материалам, подчеркну, что это по сути третье местонахождение целых косточек слив на средневековых па-

мятниках Древней Руси. А тот факт, что они были превращены в изделие, придает этой находке уникальный характер. Однако судить о функциональном назначении этой низки «бус» довольно сложно – были это действительно бусы или браслет? На мой взгляд, более всего изделие напоминает четки. Нельзя исключать также и возможность использования его в качестве детской погремушки. В любом случае, этот предмет был чем-то особенно дорог погребенной молодой женщине, коли его поместили в могилу наряду с многочисленными металлическими украшениями и бусами из полудрагоценных камней, стекла и хрусталя.

Приложение 5

Гончарова Н. Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ РАСКОПОК КУРГАНОВ 2, 5-12, 15, 16, 19, 27 У ДЕРЕВНИ МЯКИНИНО

Антропологический материал из раскопок 2004–2006 гг. представлен костными останками из 15 погребений разной степени сохранности.

Курган 2. Погребение 1. Сохранились нижняя челюсть и височная кость. Поверхности костей в области ушного отверстия окрашены в зеленый цвет окислов меди, вероятно, здесь находилось украшение. Нижняя челюсть довольно грацильна, можно предположить, что захоронена **женщина**. На нижней челюсти все коренные зубы, кроме первого слева, выпали при жизни, альвеолярный отросток редуцирован. Судя по стертости оставшихся зубов, возраст смерти индивида – **30–40 лет**.

Курган 5. Погребение 1. Сохранились практически все кости скелета, кроме позвонков и мелких костей конечностей. Сохранность очень плохая, измерение многих размеров черепа и посткраниального скелета невозможно. Из дискретно-варьирующих признаков черепа отмечены гиподонтия, метопический шов. Синхондроз между основной и затылочной костью не закрылся. Совокупность измерительных признаков позволяет говорить, что перед нами захоронение **женщины** грацильного сложения, с небольшой шириной плеч (351 мм), с тонкими костями, с брахикранным черепом с низким, хорошо профилированным (клиногнатным) лицом. Возраст смерти **18–20 лет**.

Погребение 2. Фрагменты свода черепа и лицевых костей **ребенка 12–15 лет**.

Курган 6. Погребение 1. Череп плохой сохранности, швы черепа закрылись, стертость третьего моляра верхней челюсти – 1–2 балла. На нижней челюсти сохранились только резцы, сильно выражены явления пародонтоза. **Погребение женское**, возраст смерти – **старше 55 лет**.

Курган 7. Погребение 1. Сохранились фрагменты свода черепа (правой и левой теменных костей, сросшиеся, т.к. сагиттальный шов закрыт), частично – длинные кости рук и ног. Кости свода черепа лёгкие и тонкие. Тазовые кости и крестец крупные. Фрагменты длинных костей рук (две плечевых, две локтевых, одна лучевая) отражают мощную конституцию. Длинные кости ног отлича-

ются массивностью, особенно заметной в области шейки бедра. На головке левой бедренной кости образовался дополнительный сустав, что говорит о том, что осанка человека была искривленной. На бедренных костях – следы периостита (воспаление надкостницы), так называемая «апельсиновая» корка. Вероятнее это погребение **мужчины**, возраст смерти – **старше 50 лет**.

Курган 8. Погребение 1. Сохранились: позвонки (включая оба первых), ключицы, фаланги, локтевые и лучевые кости. На костях предплечья следы медных окислов. Размеры длинных костей и их массивность, а также размеры первых шейных позвонков позволяют предположить, что погребение **женское**. Сохранились также три зуба: два резца и моляр. По состоянию зубной системы, фалангам кисти и позвонкам – возраст смерти **35–40 лет**.

Курган 9. Погребение 1. Сохранились фрагменты бедренных костей, большеберцовые кости, кости таза, правая плечевая кость. Нижние конечности довольно мощные, на плечевой кости хорошо выражена дельтовидная шероховатость. Есть фрагменты тел позвонков, фрагмент ключицы, череп (сохранность плохая). Погребение **мужское**, возраст смерти – **40–45 лет**.

Курган 10. Погребение 1. Плохая сохранность костей: есть фрагменты диафизов бедренных, большеберцовых, плечевой и лучевой кости. Найдены зубы: первый моляр – стертость 2–3 балла, второй моляр – стертость один балл, третий моляр – стертость отсутствует. На фрагменте лучевой кости – следы окислов меди от браслета. Погребение **женщины**, возраст смерти – **около 25–30 лет**.

Курган 11

(№ XIV по нумерации Городцовых)

Погребение 1. Сохранились длинные кости рук и ног (эпифизы частично разрушены), кости плюсны, фрагменты безымянных костей, крестца, рёбер, частично сохранились позвонки. По размерам длинных костей, а также по строению тазовых

Илл. 1. Нижние резцы из погребения 2

костей это погребение **мужчины**. Кости плотные и тяжелые, возрастных процессов остеопороза нет. Возраст определяется только по длинным костям: **25–50 лет**.

Погребение 2. Сохранились длинные кости рук и ног, а также фрагменты нижней челюсти и четыре зуба: два резца, клык, премоляр. Особенностью резцов является сочетание вертикальной и горизонтальной гипоплазии – волнообразных изменений эмали на передней поверхности зуба. У данного индивида имеются следы горизонтальной гипоплазии, расположение которой на зубах соответствует времени появления около 3,5–4,5 лет. Кроме этого, передняя поверхность резцов исчерчена вертикально, а верхний край резца имеет пильчатую форму (илл. 1).

Эпифизы длинных костей не приросли, размеры диафизов маленькие. На правой плечевой кости хорошо выражена дельтовидная шероховатость, хотя диаметры середины диафиза плечевой кости очень маленькие. Совокупность перечисленных особенностей позволяет заключить, что в погребении находятся кости **подростка 15,5–16,5 лет**, вероятно, женского пола.

Курган 12. Погребение 1. Останки представлены фрагментами длинных костей скелета, которые позволяют сделать заключение о грацильности костяка, а также черепной коробкой и фрагментами костей носовой области (носовые кости, прилегающие фрагменты верхнечелюстных костей). Швы черепа закрыты полностью, возраст смерти индивида не менее 55 лет, вероятно, **60–65 лет**. Размерные характеристики и рельеф костей более соответствуют **женскому погребению**.

Курган 15. Погребение 1. Сохранились зубы, длинные кости ног (диафизы), диафиз плечевой кости. По степени стертости зубов возраст смерти индивида – **40–45 лет**. Диафизы костей очень тонкие, кости грацильные, более характерные для

женских индивидов, однако это может быть и индивид **мужского пола**, в этом случае надо говорить о грацильном типе конституции.

Курган 16. Погребение 1. Сохранились только зубы: моляр и два премоляра, только коронки, без корней. Это погребение **ребенка 6–8 лет**.

Курган 19. Погребение 1. Сохранились только кости свода черепа, «зафиксированные» монолитом (комом) земли. Продольный диаметр черепа 176 мм, другие размеры установить невозможно. В коме земли присутствуют фрагменты коронок коренных зубов. Стёртость довольно высока (3–4 балла). Швы свода черепа в стадии закрытия. Можно говорить, что это останки **женщины**, умершей в возрасте **45–55 лет**.

Курган 27. Погребение 1. Черепная коробка очень маленького размера. Череп выражено долихокраний. Рельеф черепа сглажен, по всем признакам (измерительным и описательным) череп **женский**. По состоянию швов черепа (начало закрытия сагиттального шва в области bregma и в районе теменных отверстий) можно говорить о возрасте смерти **30–35 лет**. Найдена также неразвитая коронка третьего моляра, челюстных костей не сохранилось.

Выводы. Малочисленность и плохая сохранность материала из курганной группы не дает возможности сделать достоверные выводы. Учитывая это замечание, тем не менее можно сказать следующее. Половозрастное распределение отличается малым количеством детских индивидов. Вероятнее всего, это вызвано плохой сохранностью материала, так как совсем не представлена возрастная когорта детей, обычно составляющая заметную долю в общем количестве погребенных – а именно, дети от рождения до 1,5–2 лет. Соотношение мужских и женских костяков также нехарактерно для обычной земледельческой группы: из общего числа взрослых индивидов (13) женщин оказалось 9, а мужчин 4. Однако такое соотношение наблюдается только по антропологическому материалу, анализ инвентаря погребений позволяет сказать, что количество мужских и женских захоронений практически одинаково. В изученной группе средний возраст смерти индивидов довольно высок для раннего Средневековья, и одинаков в мужской и женской подгруппе: 39,2 года у мужчин, 39,8 года у женщин. Это нехарактерная ситуация, так как обычно возраст смерти женщин несколько ниже, что связывают с повышением женской смертности вследствие несовершенства родовспоможения. Так как сохранность костного материала в целом плохая, даже для погребений взрослых, отсутствие дет-

ских погребений может быть связано с неизвестными нам особыми условиями их захоронения и, конечно, с разрушенностью курганных насыпей.

Морфологически это население было грацильным, что соответствует представлениям о раннем славянском населении московского региона. Анализ малочисленных краниологических измерений показывает, что население было долихокранным

с выраженными славянскими особенностями, такими, как сильная горизонтальная профилировка лица. Назомолярный угол в среднем относится к категории малых и очень малых величин, то есть уплощенность отсутствует даже на уровне глазниц. Таким образом, изученное население по своим этническим характеристикам соответствует раннесредневековому славянскому населению региона.

Приложение 6

Зоц Е. П.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ПО МАТЕРИАЛАМ МЯКИНИНСКИХ КУРГАНОВ

Раскопки Мякининских курганов позволили получить некоторые новые данные о конструкции и деталях женского костюма жителей Москворечья домогольского времени, представления о котором всегда формировались на базе изучения курганных древностей и изображений на древнерусских иконах (Рабинович, 1988. С. 139; Сабурова, 1997. С. 93). Существует несколько реконструкций, сделанных М. А. Сабуровой по результатам анализа материалов погребений вятичей и кривичей (Сабурова, 1997. С. 108, 109. Табл. 75, 76, 78). Реконструкция древнерусской погребальной одежды была предпринята также Ю. В. Степановой по материалам раскопок могильников Верхневолжья (Степанова, 2007).

Головной убор. В кургане X у правого виска погребенной женщины была обнаружена полоса кожи, в которую были продеты височные кольца (браслетообразное загнутоконечное серебряное и пятибусинное); у этого же виска были найдены еще четыре височных кольца: второе браслетообразное загнутоконечное серебряное и три бронзовых перстнеобразных. Интересно, что у левого виска находились при этом лишь два браслетообразных загнутоконечных серебряных и одно трехбусинное височные кольца (Городцов, 1928. С. 548). Складывается впечатление, что перстнеобразные кольца относились к удерживавшей волосы (или остальной головной убор) ленте, к которой могли крепиться кожаные полосы с височными кольцами. Учитывая очень плохую сохранность перстнеобразных колец, можно предположить, что такие же кольца у левого виска могли не сохраниться.

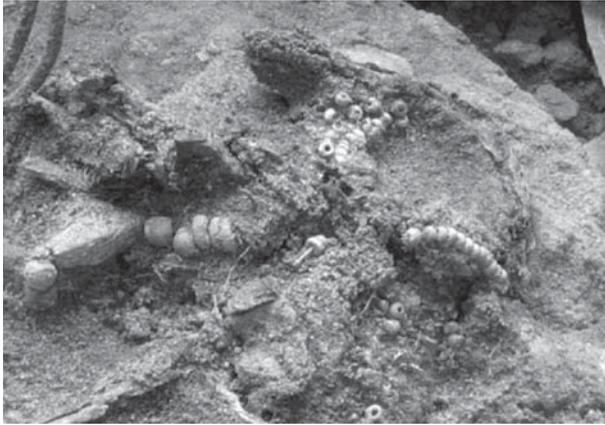
Как часть головного убора (вероятно – платка или повоя) можно рассматривать фрагмент шерстяной коричневой материи, который располагался в районе левого виска женщины, погребенной в кургане 2, исследованном в 1948 г. М. Г. Рабиновичем (Рабинович, 1948. С. 5).

В двух курганах (№ 4 и 6), исследованных в 2004 и 2005 гг., между височных колец были обнаружены пряди волос. Можно предположить, что

в данном случае эти украшения вплетались в волосы. В погребении под курганом 1 пряди волос располагались под браслетообразными височными кольцами. М. А. Сабурова считала, что волосы, подкладываясь под лопастные кольца, служили прокладкой между виском и кольцами (Сабурова, 1997. С. 99). В кургане 3 с левой стороны от черепа лежало одно семилопастное кольцо, а с правой – пятилопастное и обломки еще одного кольца, количество лопастей которого установить не удалось; таким образом, расположение украшений в уборе было несимметрично. Несимметричность височных украшений зафиксирована и в кургане 10 (см. ниже).

Встреченные при раскопках височные кольца относились к разным типам, причем никаких следов крепления их между собой и к головному убору, как и следов самого убора, обнаружено не было. Однако, исходя из взаиморасположения височных колец, в целом ряде случаев можно утверждать, что они крепились одно под другим, с отступом вниз по вертикали. Браслетообразные кольца носили по 3 с каждой стороны, а перстнеобразные – по 5–6 шт., возможно, последние также вплетались в волосы или привешивались на тканых лентах, которые в условиях сухого грунта не сохранились. Отдельно нужно выделить набор височных колец из погребения 1 кургана 5 – там у левого виска находилось 6 колец, а у правого – 5, причем с каждой стороны было по одному полтораоборотному перстнеобразному кольцу, а все остальные были бусинными. Количество металлических бусин установить не удалось из-за их плохой сохранности, но диаметр этих колец соответствовал диаметру перстнеобразных. Располагались эти кольца в уборе друг под другом.

Воротники. На многих рубашках воротников могло не быть вовсе, т.е. был простой вырез без специально скроенного и пришитого воротника. Однако есть основания предполагать наличие в некоторых погребениях стоячих воротников, имевших жесткую основу и застегивавшихся слева. По другим памятникам известно, что их украшали

Илл. 1. Курган 1. Погребение 1. Украшения шеи

вышивкой или накладками из цветных металлов, нашивали узоры из бусин (Рабинович, 1988. С. 141, 142; Сабурова, 1997. С. 99, 100).

В погребении под курганом 1 с правой стороны черепа, у нижней челюсти и под ней, находилось скопление различных бус. Отдельно от них, лежал ряд бус, образывавших полукруг (илл. 1). Возможно, это были две низки бус от ожерелья, однако можно предполагать и иной вариант: первое скопление (три параллельных ряда) бус являлось остатками украшения воротника, а второе – было ожерельем. В пользу такой версии может косвенно свидетельствовать и место расположения первого скопления бусин – около шейных позвонков.

С большей уверенностью наличие такого (расшитого бусами) воротника можно предполагать в погребении под курганом 27. Там в районе шеи погребенной была обнаружена полоса бересты шириной около 5 см, которая могла являться остатком стоячего воротника: вокруг нее и под ней лежали разнообразные бусы (рис. 143).

Частью ворота могут быть и пуговицы, когда они обнаруживаются в районе шеи. В кургане 6 под нижней челюстью погребенной было обнаружено 6 маленьких позолоченных шарообразных пуговиц. Возможно, они крепили к рубашке стоячий воротник, следы которого зафиксировать не удалось. Такие воротники известны, их называют «стоячие ожерелки» или просто «ожерелья», они не пришивались к одежде, но могли пристегиваться пуговицами. Их, так же как и стоячие воротники, украшали вышивкой, бляшками или бусинами (Рабинович, 1988. С. 142, 148; Сабурова, 1997. С. 100).

При раскопках М. В. Городцова в 1927 году в кургане XII, в районе шеи погребенной женщины, были обнаружены 4 бронзовых шарообразных пуговицы (Городцов, 1928, С. 549). Они либо яв-

лялись застежкой ворота, либо крепили стоячую ожерелку, как в предыдущем случае.

Опястья (запястья, зарукавья). Считается, что эти детали в основном присущи одежде священнослужителей и богатых людей. Они украшались дорогими тканями, покрывались вышивкой. Опястий известно очень мало, в курганах они почти не известны, поскольку дорогие ткани и ленты использовались в основном для украшения ворота (Сабурова, 1997. С. 101). В более позднее время пристяжные зарукавья (манжеты), богато украшенные вышивкой, расшитые бусами и жемчугом, являлись деталями одежды знати (Рабинович, 1988. С. 179). Хотя опястья описываются обычно как тканевые, они могли быть и жесткими (на основе из бересты, луба), особенно это относится к пристяжным опястьям (Сабурова, 1997. С. 101).

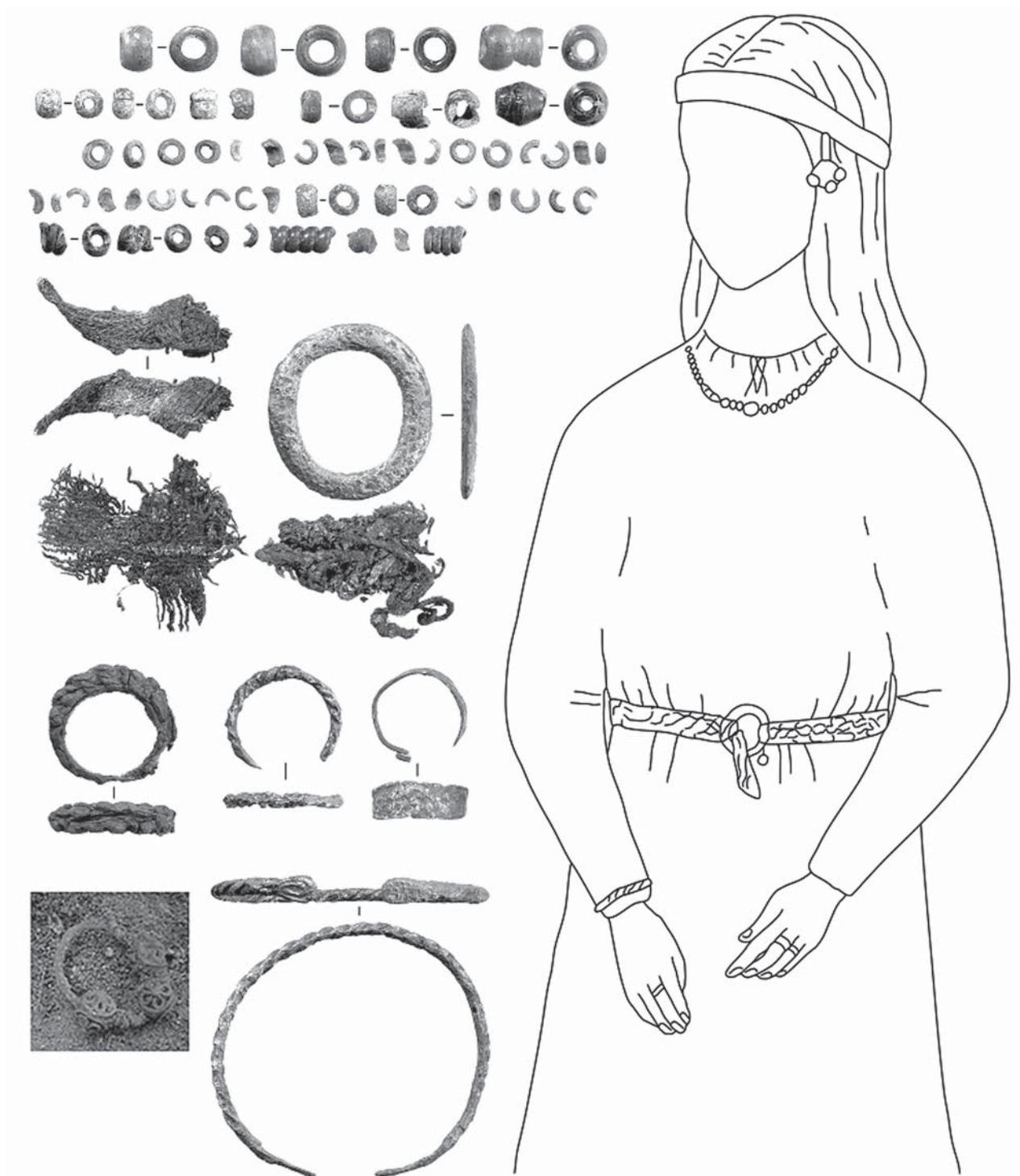
В погребениях Мякининских курганов обнаружены некоторые детали, которые могут относиться к конструкции опястий. В трех погребениях (из курганов 5, 25 и 27) в районе запястий, между костями рук и браслетами были обнаружены кусочки или полосы бересты. Еще в нескольких случаях береста фиксировалась поверх украшений. Это могли быть остатки берестяных гробовищ, однако нельзя исключать и иного варианта – того, что браслеты могли скрываться под рукава одежды.

Пояса. Остатки поясов были обнаружены в трех погребениях. В кургане 5 (2004 г., погребение 1) шерстяной тканый пояс был положен в погребение вместе с двумя привесками-уточками, завернутыми в платок, видимо, в качестве посмертного дара (см.: Приложение 3. Илл. 1). К поясным деталям относились и два кольца, которые могли выполнять функцию пряжек: одно (бронзовое) было найдено в 1924 г. в кургане X (Городцов, 1928. С. 548); другое (железное) – в 2005 г. в кургане 10 (рис. 172, 1).

Обереги. Две шумящие привески-уточка были найдены в 1927 г. в кургане XII. Они подвешивались на тонких кожаных ремешках к бронзовому кольцу и, судя по положению на костяке, помещались над нижней частью живота (Городцов, 1928. С. 549). Зооморфные привески интерпретируются исследователями как амулеты, охранявшие женское плодородие (Жилина, 2007. С. 157). Еще 2 зооморфные привески были обнаружены в погребении 1 кургана 5, возможно, в качестве посмертного дара (см.: Приложение 3).

Рассмотрим остатки конкретных костюмов, сохранившихся в курганах Мякининского могильника (в курганах 10 и 27).

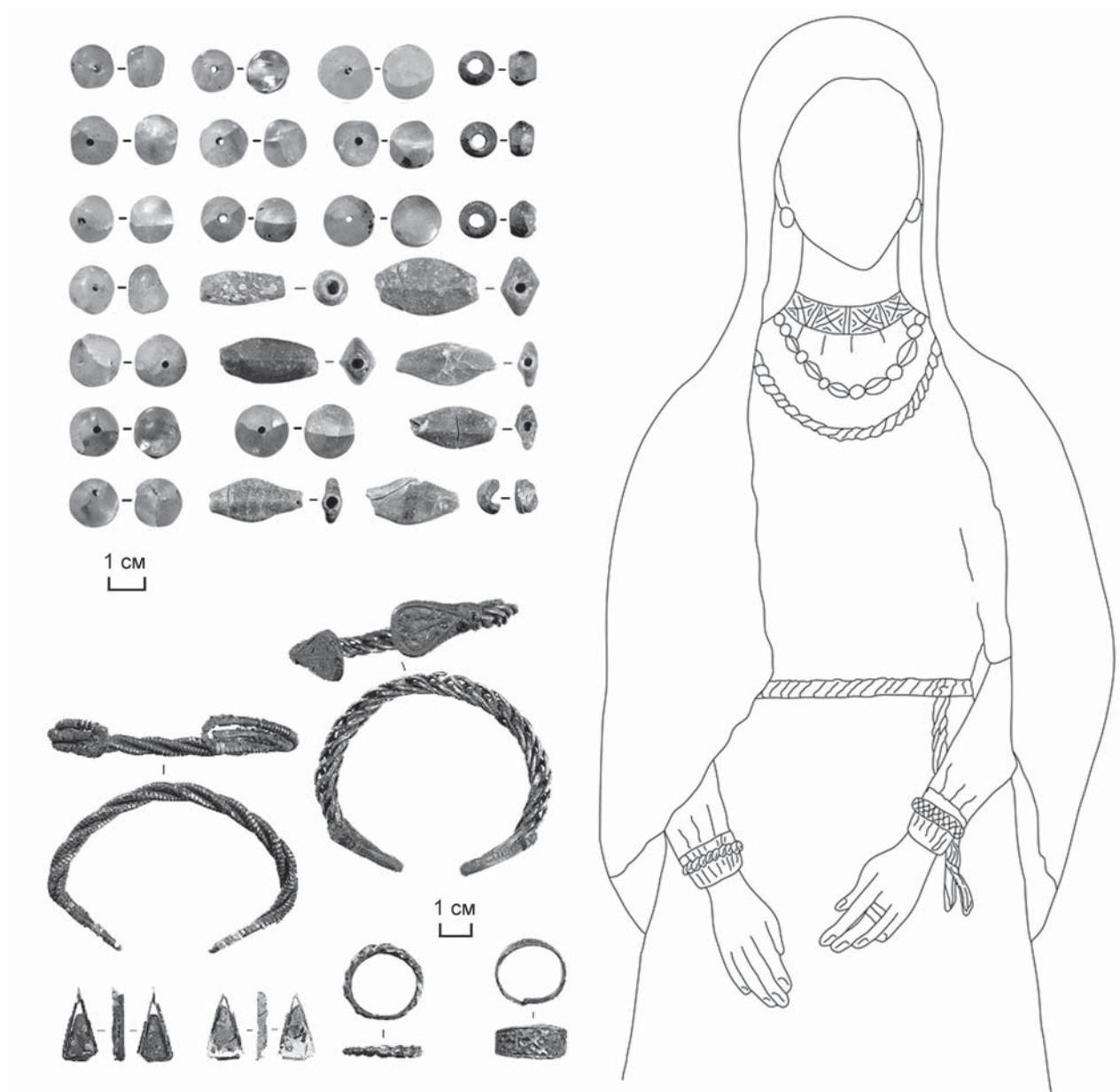
Курган 10 (илл. 2). В этом кургане была похоронена молодая женщина (возраст 25–30 лет). Никаких следов тканого головного убора не сохранилось, но можно предположить полотенчатый убор,

Илл. 2. Курган 10. Погребение 1. Реконструкция погребального костюма

характерный для замужних женщин. К ее головному убору относились два медных перстнеобразных височных кольца (у правого виска) и серебряное трехбусинное кольцо с ажурными бусинами (слева от черепа, вероятно, размещавшееся первоначально у левого виска). Следов их крепления к прическе не обнаружено, они могли привешиваться

на шнурках к ленте, скреплявшей волосы. На шее находилось ожерелье из 56 стеклянных бус. Пуговиц в районе шеи найдено не было, следовательно, ворот рубашки завязывался. Вероятно, следы полотняной ткани, отмеченные в районе пояса, принадлежали этой рубашке. На уровне талии фиксировались остатки пояса из тканей шерстяной

Илл. 3. Курган 27. Погребение 1. Реконструкция погребального костюма

ленты. Обнаружено также железное поясное кольцо, которое могло служить как простым украшением, так и пряжкой пояса, фиксировавшегося посредством затяга через это кольцо с последующим завязыванием. Там же были найдены шерстяные нитки и шарообразный линейнопрорезной бубенчик из медного сплава. Он, вероятно, как оберег, крепился к поясу.

Металлические украшения рук были изготовлены из медных сплавов. Правую руку погребенной украшал ложновитой браслет и ложновитой перстень. На пальцах левой руки обнаружены еще один ложновитой перстень и пластинчатый перстень с ячейковым декором.

Курган 27 (илл. 3). Здесь была похоронена женщина 25–35 лет. Ни одного текстильного фрагмента в погребении обнаружено не было. О конструкции головного убора сведений нет, были найдены лишь обломки перстнеобразных височных колец, точное количество которых установить не удалось. Можно предположить здесь полотнячатый головной убор, закрывавший волосы женщины; височные кольца могли крепиться так же, как и в кургане 10, т. е. привешиваться на шнурках к ленте, которой крепился сам полотнячатый убор, или привешиваться непосредственно на него.

Шею погребенной украшало ожерелье, состоявшее из 14 шарообразных бусин из горного

хрусталя и 11 стеклянных, а также витая железная гривна с медной оплеткой.

Больше можно сказать о самой одежде. Рубашка имела стоячий воротник, жесткость ему придавала полоска бересты шириной около 5 см, которая, вероятно, была обшита с двух сторон тканью. Рубашка могла иметь также жесткие опястья со вшитыми берестяными полосками. Поверх рукавов надевались браслеты из медных сплавов: на правой руке тройной витой браслет с накладками на концах, украшенными стеклянными вставками, на левой руке – плетеный браслет из медного сплава с припаянными на концах щитками из белого металла, украшенными рельефным растительным орнамен-

том. Нужно отметить, что береста и браслет на левой руке располагались на плечевой кости, в районе локтя. Они могли сместиться туда случайно, однако для этого ширина опястья должна была позволять рукаву свободно перемещаться по руке. Левую руку также украшали ложновитой и пластинчатый ячеичковый перстни из медного сплава (на одном пальце).

Следов пояса не обнаружено. Возможно, рубашка подпоясывалась тканым (или плетеным) поясом, или веревкой.

Погребенная женщина принадлежала к достаточно богатой семье: у нее в уборе находились и довольно ранние предметы (гривна и плетеный браслет), которые могли передаваться по наследству.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И РЕПУБЛИКАЦИИ

Рыбаков Б. А.

О РАСКОПКАХ ВЯТИЧСКИХ КУРГАНОВ В МЯКИНИНО И КРЕМЕНЬИ В 1927 Г.¹

[4]

Летом 1927 г. студентами-археологами 1-го МГУ были произведены раскопки курганов в Коломенском уезде близ деревни Кременье под руководством профессора В. А. Городцова и в Московском уезде близ деревни Мякинино под руководством М. В. Городцова.

Близ Кременья, на левом берегу реки Оки, было раскопано 6-ть курганов, из которых № 5 и № 6 (мужские) без находок, № 3 (мужской) в ногах костяка был найден раздавленный горшок с линейным орнаментом. Остальные три кургана содержали по одному женскому погребению.

Близ Мякинина, на правом берегу реки Москвы, было раскопано 5-ть курганов. Курган № 1 не дал ни костяка, ни вещей; в кургане № 4 оказалось парное погребение – мужское без вещей и женское с вещами. Все данные дневников раскопок развернуты на таблице (смтр. Таблицу № 1).

Инвентарь женских погребений: семилопастные височные кольца, ажурные перстни, сферические, хрустальные бусы, пластинчатые браслеты с отогнутыми концами не оставляет сомнения в принадлежности этих курганов славянскому племени вятичей. Форма курганов, способ погребения, положение костяков точно также типичны для этого племени. Перейдем к рассмотрению особенностей отдельных погребений. Для краткости курганы будут обозначаться так: Курган № 1 из кременьевской группы – К 1., из мякининской группы – М 1.

К 1. В этом погребении имеются остатки гроба. Бипирамидальные сердоликовые бусы дают дату не ранее XI века (так как до XI века бусы были призматической формы). Семилопастные височные кольца идут от XI до XIII века, но более примитивная форма колец данного погребения (рисунок № 1)² позволяет поместить их на рубеже XI и XIII веков.

К 2. Способ погребения не совсем обычный – костяк лежал в насыпи на 15-ть сант. выше горизонта. Некоторые археологи считают такие курганы насыпанными зимой. Для датировки здесь особенно интересны височные кольца. У одного из них (рис. № 6) конечные лопасти [5] уже атрофируются, превращаются в небольшие придатки – переход к 5-ти лопастным; у концов дужки появились петли, два из 7-ми зубчиков, а именно крайние оканчиваются так же петлей, в чем можно усмотреть тенденцию к развившейся впоследствии ажурности. Эта усложненная форма, являясь более поздней, чем височные кольца К 1, может быть датирована концом XII века или началом XIII века. Браслет витой из трех проволок (рис. № 8) приближает это погребение к XIII-му веку. У пояса – остатки ножа. Ношение ножа вятическими женщинами наблюдается очень часто.

Особенно интересны в этом погребении бусы. Сердоликовые, обычной бипирамидальной формы, они отличаются тем, что четыре из них носят следы сильного обжига: сердолик стал белым. Объяснить это трупосожжением (что легко могло быть применено к бусам призматическим) нельзя, так как и позднее время, да и сама обстановка погребения (у костяка сохранились волосы, а на бусах были прослежены остатки скреплений) исключает такое предположение. Не вполне состоятельно и объяснение обжига тем, что поскольку погребение зимнее и земля должна была предварительно оттаиваться, часть бус могла прийти в соприкосновение с горячей землей, так как для превращения красного сердолика в белый требуется длительное пребывание в высокой температуре. Остается, исключив обжиг бус в процессе погребения, предположить, что они носились уже обожженными;

К 4. Особенностью этого погребения (как и К 3) является куча камней на вершине кургана, обнаруженная непосредственно по снятии растительного слоя. Височные кольца (рис. № 12) здесь имеют форму,

¹ Впервые статья опубликована в Сборнике научно-археологического кружка первого МГУ (М., 1928. Вып. 1. Тираж 60 экз.). В настоящей публикации сохранены орфография и пунктуация автора. В квадратных скобках указаны номера страниц по публикации 1928 г. (номер поставлен в начале текста страницы). Приведены факсимиле таблицы I (из-за плохой исходной печати текст на ней практически нечитаем) и таблицы III (илл. 2, 3). Таблица II, в которой приведены сведения о вещах из раскопок курганов в Кременьи, не имеет отношения к Мякининской группе и по этой причине в данную републикацию не включена.

² Рис. 1 – указание на позицию изображения вещи в таблице III, которая в нашей републикации представлена на илл. 3.

О РАСКОПКАХ ВЯТИЧЕСКИХ КУРГАНОВ

В МЯКИНИНЕ И КРЕМЕНЬИ В 1927 г

Летом 1927 г студентами — археологами I-го М.Г.У. были произведены раскопки курганов в Коломенском уезде близ деревни Кременья под руководством профессора В.А. Городцова и в Московском уезде близ деревни Мякинино под руководством М.В. Городцова.

Близ Кременья, на левом берегу реки Ски, было раскопано 6-ть курганов, из которых № 5 и № 6. | мужские | без находок, № 3 | мужской | в ногах костяка был найден раздавленный горшок о линейным орнаментом. Остальные три кургана содержали по одному женскому погребению.

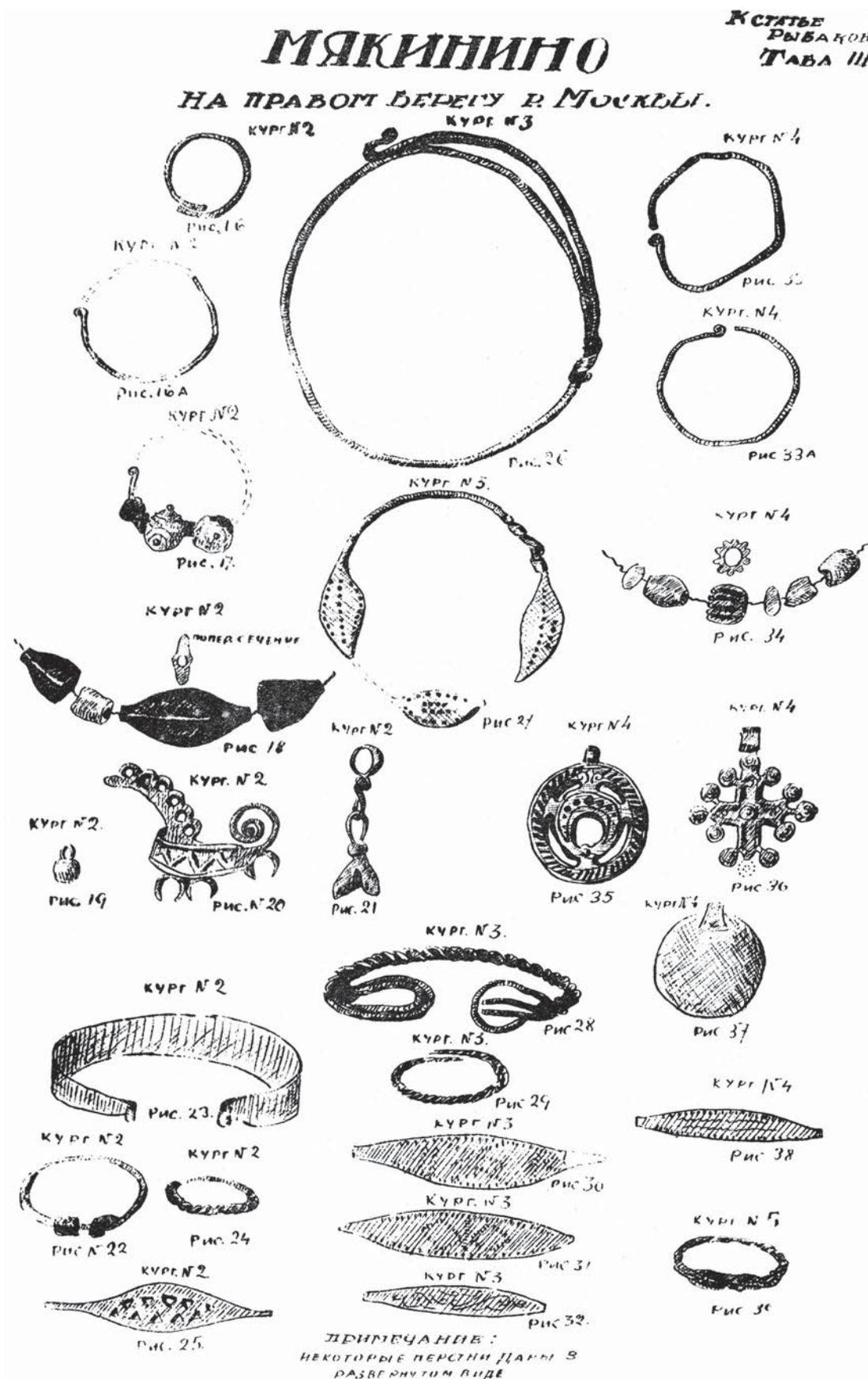
Близ Мякинина, на правом берегу реки Москвы, было раскопано 5-ть курганов. Курган № 1 не дал ни костяка, ни вещей; в кургане № 4 оказалось парное погребение — мужское без вещей и женское с вещами. Все данные дневников раскопок развернуты на таблице | см. таблицу № 1. |

Инвентарь женских погребений: семилопастные височные кольца, ажурные перотни, оферические, хрустальные бусы, пластинчатые браслеты с отогнутыми концами не оставляет сомнения в принадлежности этих курганов ольвянокому племени вятичей. Форма курганов, способ погребения, положение костяков точно также типичны для этого племени. Перейдем к рассмотрению особенностей отдельных погребений. Для краткости кургану будут обозначаться так:

Курган № 1 из кременьевской группы = К I., из мякининоской группы = М I.,

К I. | . В этом погребении имеются остатки гроба. Нипирамидальные сердечковне бусы дат не ранее XI века | так как до XII века были бусы призматической формы |. Семилопастные височные кольца идут от XI до XIII века, но более примитивная форма кольца данного погребения | рисунок № 1 | позволяет поместить их на рубеже — XI и XII веков.

К 2. | . Способ погребения не совсем обычный — костяк лежал в наомпи на 15 -ть сент. выше горизонта. Некоторые археологи считают такие курганы насыпанными землей. Для датировки здесь особенно интересны височные кольца. У одного из них | рис. № 6 | конечные лопасти уже атрофируются,

Илл. 3. Факсимилле таблицы III к статье Б. А. Рыбакова

М 4. (Женское погребение). Инвентарь погребения по своей скромности приближается к вещам М 2. Приблизительно датирующим может быть крест (рис. № 36). Христианство, если и проникало на берега Москвы с XI века, то вкорениться в быт оно могло не ранее, чем в XII веке.

М 5. Курган дал так мало находок, что говорить о нем почти не приходится. Перевитой перстень (рис. № 39) может относиться к XIII-му веку. В курганах мякининской группы вещи и хронологически и по типу делятся на две части – на часть местную, приблизительно XII-го века с перстнеобразными височными кольцами (М 2 и М 4) и на часть позднейшую, в основе своей кривичскую с новгородской примесью – это М 3.

Хотя раскопки 1927 года, преследовавшие главным образом методические цели, были слишком малы для того, чтобы на основании их [7] можно было дать широкие обобщения, тем не менее, они интересны тем, что охватывают две различные области земли вятичей.

Кременье – среднее течение Оки в соседстве со старой Каширой и целым рядом славянских городищ находится в области исконного (или точнее раннего) поселения вятичей.

Мякинино на р. Москве – это уже предел распространения вятичей на севере (по крайней мере, для XIII века), это граница вятичей с кривичами, область более поздней колонизации.

Если сравнивать вещи приблизительно синхронных курганов К 1 и К 2 с одной стороны, и М 2 и М 4 – с другой, то ясно выявится отражение территориального различия на инвентаре.

Оские вятичи, близкие к вятическим промышленным центрам, расположенным на Оке (Старая Рязань, Переяславль и ряд других), имеют яркую национальную самоопределенность. Все курганы дают, кроме семилопастных височных колец, еще и другие вятические признаки, как: сферические хрустальные бусы, ажурные перстни. Примеси общеславянские не загораживают собственно-вятической культуры.

Инвентарь московских вятичей-колониистов отражает их удаленность от племенных центров. Здесь вятическая культура теряется в посторонних, недостаток собственного производства приходится возмещать заимствованиями (торговыми или подражательными) у финнов и подражаниями чуждым образцам – киевским.

При сравнении более поздних вещей, как К 4 и М 3, прежде всего, бросается в глаза совершенно не вятический характер последнего кургана (рисунки №№ 26, 32). Основываясь на том, что эти вещи более поздние, можно бы предположить, что в XIII веке в бассейне Москвы усилилось влияние кривичей, но это исторически не верно, так как в это время экспансия вятичей на севере усилилась.

Можно решать вопрос о появлении этих вещей и применением «теории замужества», т. е. кривичская девушка, выйдя замуж за вятича, принесла с собой свое, кривичское приданное.

Возможно также и то, что эти вещи были приобретены путем торговли. Этим объясняется и смешанный кривическо-новгородский характер их.

[8]

Каково бы ни было происхождение этих вещей, одно наличие их же указывает, если не на подражание, то, во всяком случае, на пограничное положение московских вятичей, допускающее проникновение соседних культур.

Наличие вещей финского характера может указывать на небольшую длительность пребывания вятичей в этом крае (ко времени насыпи курганов), чувствуется еще зависимость, если не политическая, то культурная от туземного населения.

Вятичи же южные продолжают совершенствовать свою национальную культуру. Семилопастные височные кольца К 4 (рис. № 12) – есть дальнейшая эволюция типа К 1 (рис. № 1).

Тип К 2 (рис. № 6) представляет несколько особую форму параллельную, но не одинаковую с К 1.

Очевидно, центр производства височных колец семилопастного типа находится где-то ближе к Оке, чем к Москве, так как в последнем случае признаками вятической культуры является ажурный перстень, пластинчатые браслеты, а височные кольца доходят туда лишь эпизодически.

Городцов М. В.

ВЯТИЧЕСКИЕ КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ ДЕРЕВНИ МЯКИНИНОЙ, МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И УЕЗДА*

[542]

В 1923 г. Б. В. Прохоров сообщил студентам-археологам 1 МГУ, что около деревни Мякининой, Московской губ. и уезда, находится группа курганов, которую необходимо подвергнуть научным раскопкам, так как развившаяся кладоискательская деятельность местных крестьян угрожает ей окончательной гибелью. На основании этого заявления, 18 мая 1924 г. были произведены первые раскопки, выполненные студентами археологами под руководством профессора В. А. Городцова. Будучи студентом, в работе принимал участие и я. Всего было раскопано 10 курганов.

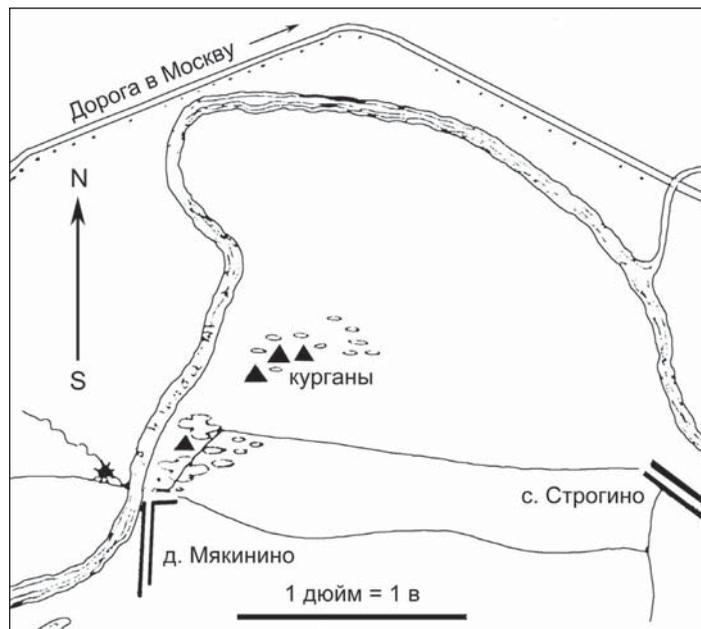

Рис. 1

В 1927 г., 1 октября, раскопка Мякининской курганной группы была продолжена мною самостоятельно, при чем в них по-прежнему принимали участие студенты-археологи 1 МГУ. В этот раз нами было раскопано 5 курганов, а всего с предыдущими – 15 курганов. Из оставшихся целых курганов более нет: они или раскопаны или распаханы местными крестьянами.

Мякининская группа курганов расположена на правом берегу р. Москвы, в расстоянии около 1 версты к северу от деревни Мякининой. Курганы

[543]

раскинуты на ровной, слегка покатой к северу местности, частью занятой пашнями (см. рис. 1). Всего в группе подсчитано около 30 курганов, но нельзя утверждать, что их не было больше, так как некоторые курганы так сильно распаханы, что их можно и не заметить.

По дороге из д. Мякининой к описываемой группе курганов, на высоком правом берегу р. Москвы, среди остатков большого леса, имеется еще пять курганообразных насыпей, которые местные жители, по-видимому, справедливо считают остатками когда-то бывшей здесь барской усадьбы. Эти насыпи никем не исследованы.

В настоящей работе, сначала будут приведены дневники раскопок, а потом – освещение добытых раскопками фактов и общие выводы.

* Текст статьи публикуется по изданию в Трудах секции археологии РАНИОН (М., 1928. Т. IV). В квадратных скобках указаны номера страниц по публикации 1928 г. (номер поставлен в начале текста страницы).

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1924 ГОДА

КУРГАН I

Форма кургана полушарная; высота – 1,07, диаметр – 9,64 м. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м. На глубине 0,30 м и ниже встречаются мелкие угольки.

На глубине 0,98 м, в Ю-З части колодца, обнаружено 8 камней диаметром в 25–30 см. Камни располагались в ряд с Ю-В на С-З.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиною в 0,95 м. На дне ямы стоял сильно истлевший деревянный (дощатый) гроб, похожий на современные, длиною в 2,50, шириною у головы в 0,65 м. К ногам гроб несколько суживался, но точно измерить ширину в этом месте не удалось, вследствие плохой сохранности досок. Высота гроба 0,35 м. В гробу лежал мужской костяк на спине, вытянуто, головою на Ю-З; череп повернут на левую сторону, руки вытянуты вдоль туловища.

При костяке найдены: 1) на тазу бронзовая пряжка с остатками кожи (рис. 2),

2) там же – 26 серебряных бляшек (рис. 3 и 4), украшавших, по-видимому, пояс, от которого, однако, не сохранилось никаких остатков и 3) 5 небольших обломков сильно заржавленного железного предмета неизвестного назначения. В ногах, вне гроба, находилось 4 камня, положенные в ряд, поперек могилы.

КУРГАН II

Форма кургана полушарная; высота – 0,47, диаметр – 4,70 м. Вокруг основания кургана замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на З и В. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

На глубине 0,15 м в северной части колодца, найдено 7 обломков от глиняного сосуда с линейным орнаментом.

На глубине 0,46 м встречены угольки.

[544]

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиною 0,61 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З; череп повернут в левую сторону. Рост костяка – 1,52 м. Ниже черепа, по обеим сторонам, лежало два камня, у правой стороны таза – третий и близ ступни левой ноги – четвертый камень. Размер камней – 0,25–0,30 м. Вещей при костяке не найдено.

КУРГАН III

Форма кургана полушарная; высота – 1,42, диаметр – 7,48 м. Вокруг основания замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на В и З. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

На глубине 0,53 м, в центре колодца, лежал камень.

2) С глубины 0,71 м начали встречаться угольки.

[544]

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма, длиною в 2,49, шириною – 0,71 и глубиною – 0,84 м. На дне ямы найдены, едва заметные следы от костяка, лежавшие вытянуто головою на З. При костяке прослежены остатки истлевшего гроба. На месте черепа лежали бронзовое проволочное височное кольцо и обломок, по-видимому, другого такого же кольца. Размеры колец – малые (рис. 5). В области шеи найдены: 10 круглых горнохрустальных, 6 бипирамидальных сердоликовых и 1 круглая, желтая стеклянная бусины, а на месте истлевших пальцев руки – два бронзовых перстня с псевдовитым орнаментом (рис. 6).

КУРГАН IV

Форма кургана полушарная; высота – 1,20, диаметр – 7,11 м. Вокруг основания замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на С-В и Ю-З. Раскопка ведена колодцем 2,85×2,85 м.

С глубины 0,84 м стали встречаться угольки.

Погребение № 1

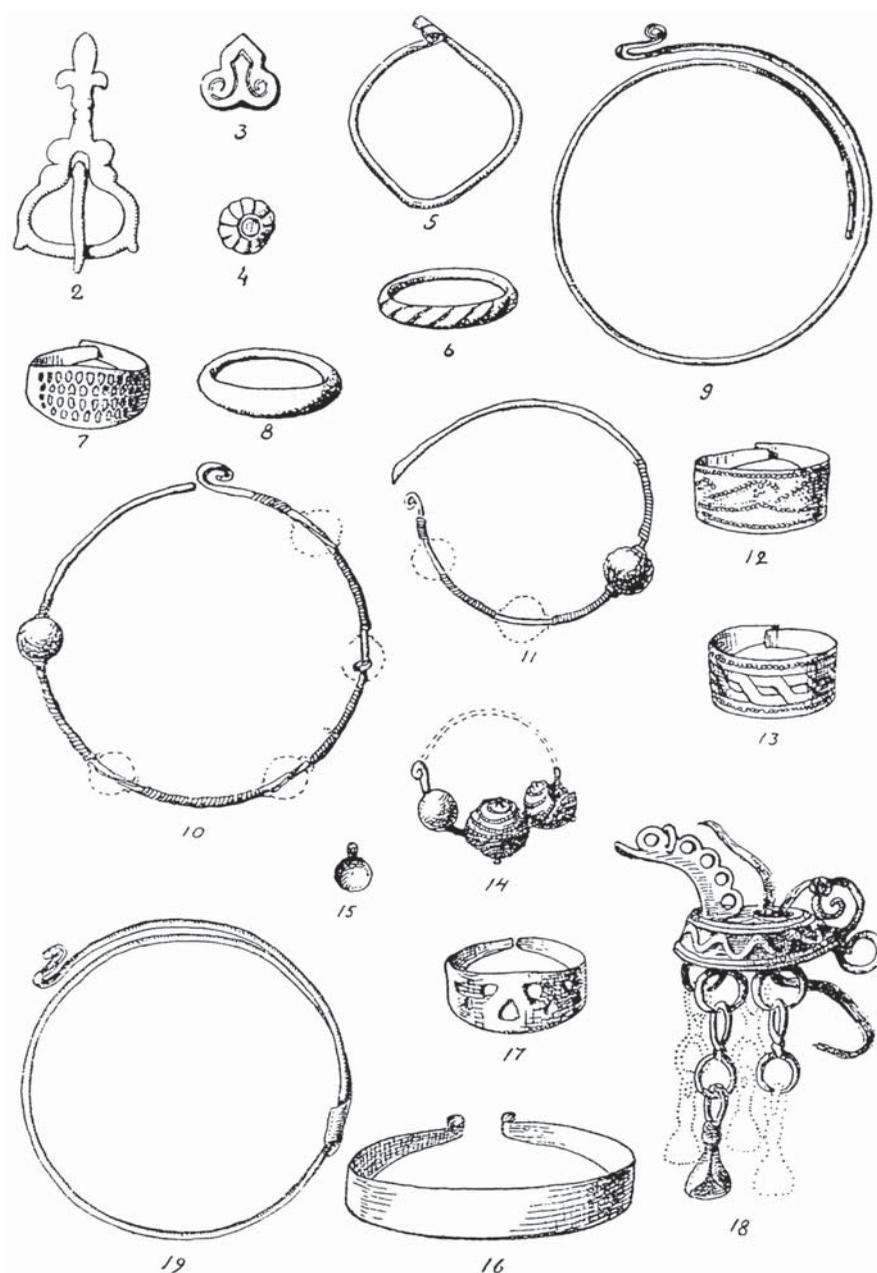
С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиной в 0,71 м. В яме никаких следов от погребения не найдено: вероятно, костяк истлел без остатка. Вещей также не оказалось.

КУРГАН V

Форма кургана полушарная; высота – 0,62, диаметр – 10 м. Курган сильно распахан. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

С глубины 0,27 м стали попадаться угольки.

[545]

[546]

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиною в 0,85 м, ориентированная с З на В.

Никаких следов от костяка не сохранилось. Вещей не оказалось.

КУРГАН VI

Форма кургана полушарная, расплывчатая; высота – 0,98, диаметр – 8,80 м. Вокруг основания замечены ровики с тремя перемычками, ориентированными на В, Ю-З и С-З. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м. С глубины 0,75 м стали попадаться угольки.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма длиною в 2,15, шириною в 0,71 и глубиною в 0,97 м. На дне ямы лежали остатки истлевшего гроба, в котором покоился костяк на спине, вытянуто, головою на З. Рост костяка ровнялся 1,73 м. При костяке найдены: 1) на шее – бронзовая гривна витая из трех жгутов, 14 сердоликовых бипирамидальных и 12 хрустальных круглых бусин; 2) у черепа – обломки серег или височных колец; 3) на правой, согнутой в локте руке – бронзовый пластинчатый браслет и под ним – кусок истлевшей ткани; 4) на левой руке – 2 бронзовых псевдовитых перстня.

КУРГАН VII

Форма кургана полушарная; высота – 1,08, диаметр – 6,40 м. Вокруг основания замечены ровики с тремя перемычками, ориентированными на С-В, Ю-З и Ю. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

На глубине 0,60 м, посреди колодца, найден камень размером в 50 на 20 см.

На глубине 0,85 м, в восточной части колодца, найден обломок точильного бруска.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиною в 0,75 м. На дне ямы лежал костяк плохой сохранности, на спине, вытянуто, головою на С-З. При костяке найдено: 1) с левой стороны черепа – обломки небольших бронзовых височных колец; 2) на левой руке – два бронзовых, витых из проволоки, браслета и 1 обломок от стеклянного темно-лилового цвета браслета; около браслетов сохранились остатки истлевшего дерева, вероятно, от гроба; 3) между левой рукой и грудной клеткой найден сломанный на несколько частей сильно заржавленный железный предмет неизвестного назначения; 4) на месте истлевшей правой руки – три обломка стеклянного темно-лилового витого браслета, два целых и один сломанный, бронзовые ажурные

[547]

перстни (рис. 7) и несколько мелких обломков браслета белого металла; 5) в области таза, на пальцах левой руки найдены: один целый и три обломка бронзовых перстней с ажурным орнаментом и один обломок пластинчатого перстня с ромбическим точечным орнаментом; 6) в ногах два бронзовых перстня, из них один гладкий (рис. 8), другой с псевдовитым орнаментом, 4 кусочка истлевшей ткани, 2 кусочка кожи, 2 обломка бронзового перстня и 29 стеклянных бусин темно-синего и светло-синего цвета.

КУРГАН VIII

Форма кургана полушарная; высота – 1,25, диаметр – 9 м. Вокруг основания замечены ровики с четырьмя перемычками, ориентированными на С, Ю, З и В. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

С глубины 0,98 м стали попадаться угольки.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма, с неясными очертаниями, шириною в 0,67, глубиною – 0,57 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З, череп повернут на левую сторону. Вещей при костяке не найдено.

КУРГАН IX

Форма кургана полушарная; высота – 0,93, диаметр – 6,85 м; вокруг основания замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на З и Ю. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

С глубины 0,80 м стали попадаться угольки.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиной в 0,93 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З., череп повернут на левую сторону. Правая рука согнута в локте, левая рука вытянута вдоль туловища. Вещей при костяке не найдено.

КУРГАН X

Форма кургана полушарная; высота – 1,52, диаметр – 5,80 м. Вокруг основания замечены ровики с тремя перемычками, ориентированными на Ю, С-З и С-В. Раскопка ведена колодцем в 2,85×2,85 м.

С глубины 0,65 м стали попадаться угольки.

На глубине 0,90 м найдена челюсть коровы.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма, ориентированная с Ю-З на С-В. Ширина ямы – 0,71, глубина – 1,07 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на Ю-З, череп повернут на левую сторону,

[548]

левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кистью – на животе. Вокруг костяка сохранились остатки гроба. При костяке найдены: 1) у правого виска 2 серебряных височных кольца с эсовидными завитками (рис. 9), кусочек кожи, через который были пропущены одно серебряное височное кольцо, схожее с предыдущим, и другое кольцо с напущенными пятью серебряными гладкими бусинами (рис. 10), из которых сохранились лишь две; три маленьких височных кольца из бронзовой проволоки, два из них распались на мелкие кусочки; 2) около левого виска – два серебряных височных кольца с эсовидными завитками и одно височное кольцо с тремя напускными серебряными гладкими бусинами (рис. 11); 3) в области шеи – 5 круглых хрустальных, 1 сердоликовая бипирамидальная и две стеклянных темно-синих цилиндрических бусин; 4) на правой руке – серебряный пластинчатый, орнаментированный перстень с неспаянными концами (рис. 12); 5) на левой руке – бронзовый пластинчатый перстень с неспаянными концами (рис. 13) и 6) между бедренных костей – бронзовое кольцо.

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1927 ГОДА**КУРГАН XI**

Форма полушарная; высота – 1,50, диаметр – 8,80 м. Вокруг основания замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на В и З. Раскопка ведена колодцем в 3×3 м.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, ориентированная с В на З; глубиной в 0,78 м. На дне ямы прослежен тлен от костяка. Вещей не оказалось.

КУРГАН XII

Форма кургана полушарная; высота – 1,40, диаметр – 5,27 м. Вокруг основания замечены ровики с двумя перемычками, ориентированными на Ю-В и С-В. Раскопка ведена колодцем в 3×3 м.

С глубины 0,18 м стали встречаться угольки.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма длиной в 2,70, шириной – в 1 и глубиной в 0,90 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З. Костяк плохой сохранности. Череп повернут на левую

сторону. Правая рука согнута в локте, кистью – на животе; левая рука вытянута вдоль туловища. При костяке найдено: 1) у левого виска три бронзовых проволочных височных кольца малых размеров; 2) у правого виска – два таких же височных кольца и одно небольшое серебряное кольцо с тремя напускными бусинами, украшенными сканью (рис. 14);

[549]

3) в области шеи – 9 темно-синих стеклянных бусин рыбовидной формы, 1 стеклянная золоченая, цилиндрическая бусина и 4 бронзовых шаровидных пуговицы (рис. 15); 4) на левой руке – бронзовый пластинчатый браслет с загнутыми концами (рис. 16); 5) на кисти левой руки – бронзовый перстень с ажурным орнаментом (рис. 17) и один перстень с псевдовитым орнаментом; 6) на пальцах правой руки – 3 бронзовых псевдовитых перстня; 7) около таза – бронзовое кольцо; вероятно кольцо это было прикреплено к поясу, от которого ничего не сохранилось; тут же лежали две бронзовые шумящие привески, в виде петушков с остатками тонких ремней (рис. 18); 8) около локтя правой руки найден сильно заржавленный железный предмет (нож).

КУРГАН XIII

Форма кургана полушарная, сильно распаханная, высота – 0,45, диаметр – 3,90 м. У южной полы насыпи замечен ровик. Раскопка ведена на снос.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиной в 0,83 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З. Рост костяка – 1,62 м. При костяке найдены: 1) на черепае остатки русых волос; 2) у левого виска – два бронзовых височных кольца с эсовидными завитками (рис. 19) и одно серебряное височное кольцо с тремя овальными щитками (рис. 20); 3) у правого виска – три бронзовых височных кольца, с эсовидными завитками; 4) у локтя правой руки – бронзовый витой браслет; 5) на левой руке близ кисти – такой же витой браслет (рис. 21); 6) на пальцах правой руки – серебряный пластинчатый перстень (рис. 22); 7) на пальцах левой руки – 2 пластинчатых (рис. 23 и 24) и один витой из 3-х проволок (рис. 25) бронзовые перстни с неспаиваемыми концами.

КУРГАН XIV

Форма кургана полушарная, сильно распаханная; высота – 0,60, диаметр – 6 м. Раскопка ведена коломцем 3×3 метра.

На глубине 0,50 м встречены угольки.

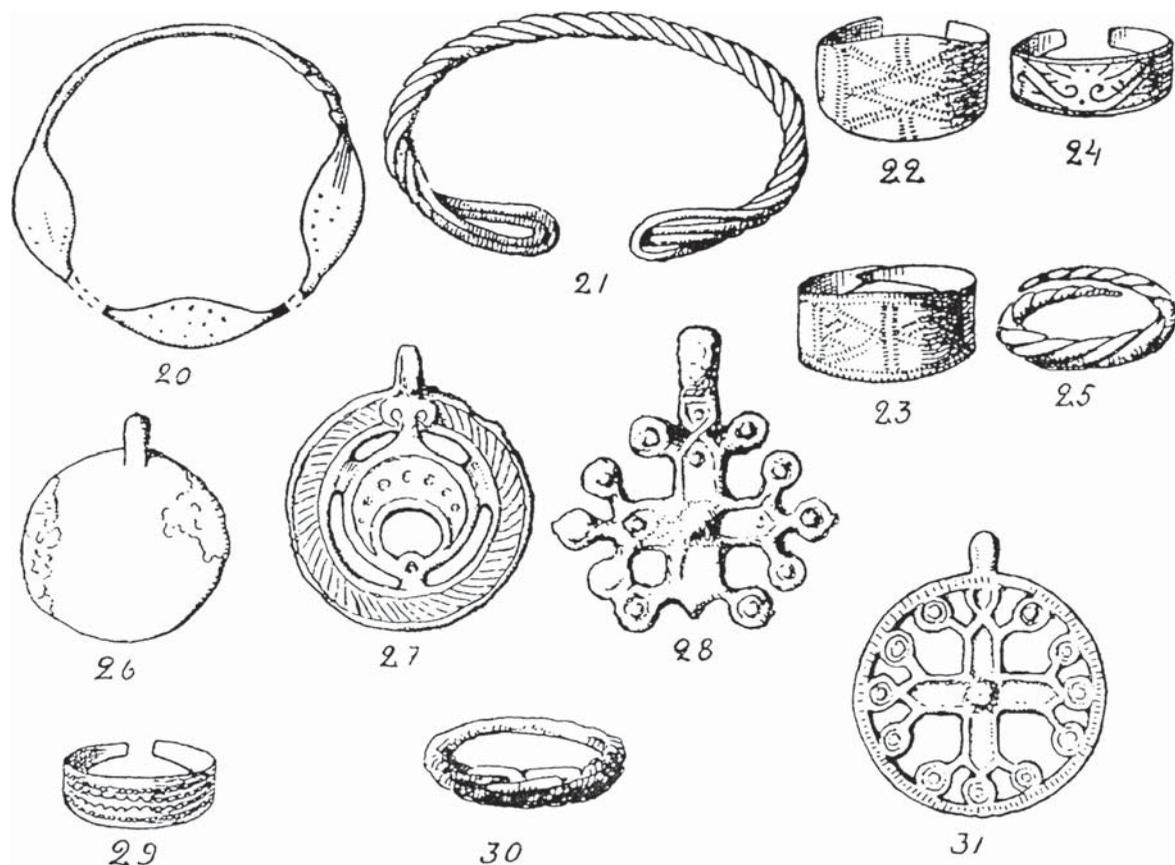
Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма с неясными очертаниями, глубиной в 0,90 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З. Рост костяка – 1,66 м. Левая рука вытянута вдоль туловища; правая согнута в локте, кистью к тазу. Вещей не оказалось.

[550]

Погребение № 2

В расстоянии 1-го метра к северу от могильной ямы погребения № 1, с горизонта, открылась вторая могильная яма с неясными очертаниями, глубиной в 0,90 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головою на З. Рост костяка – 1,45 м. Череп повернут на левую сторону, руки вытянуты вдоль туловища. Замечены остатки истлевшего гроба длиной в 1,75 м. При костяке найдено: 1) на правом виске – 5 бронзовых проволочных небольших височных колец; 2) на левом виске – 5 таких же височных колец; 3) в области шеи – 18 стеклянных цилиндрических, одна стеклянная бочковидная и одна сердоликовая бипирамидальная бусины, 2 круглые привески в виде медалей (рис. 26), одна лунница (рис. 27) и фигурный крестик (рис. 28) (последние четыре привески из белого металла); 4) на пальце левой руки – бронзовый перстень с псевдовитым орнаментом; 5) на пальце правой руки – пластинчатый бронзовый перстень с неспаиваемыми концами (рис. 29).

КУРГАН XV

Форма кургана полушарная, сильно распаханная; высота – 0,40, диаметр – 7,65 м. Раскопка ведена колодцем 3×3 метра.

[551]

На глубине 0,15 м, под вершиной насыпи, обнаружена каменная кладка из крупного булыжника, покрывавшего округлую площадь в 1,50 м в диаметре.

Погребение № 1

С горизонта открылась могильная яма, длиною в 1,65, шириною в 0,90 и глубиною в 0,57 м. В С-В углу ямы лежал валун величиною около 0,50 м. На дне ямы открыт костяк, лежавший на спине, вытянуто, головою на З. Костяк оказался очень плохой сохранности. При костяке найдены: 1) у черепа – обломок глиняного горшка с линейным орнаментом; 2) на месте левой руки – один бронзовый плетеный из 4-х проволоч (рис. 30) и один бронзовый гладкий массивный перстни; 3) на левом бедре – еще один бронзовый перстень.

ОСВЕЩЕНИЕ ДОБЫТЫХ РАСКОПКАМИ ФАКТОВ

Изучая добытый раскопками Мякининских курганов материал, можно сделать ряд нижеследующих общих наблюдений.

Курганы имели небольшие полушарные формы, иногда деформированные пахотою. Высота насыпей варьировала от 0,40 до 1,52 м, диаметр – от 3,90 до 10 м. В насыпях встречались мелкие угольки. Явление их загадочно, но, относя все погребения к христианским, можно полагать, что угольки высыпались духовными лицами из кадил, после отпевания покойников. Подобный обычай существует и в настоящее время

у православного духовенства, наблюдаемый во многих местах средне-русских губерний, напр., в Ярославской, Московской, Владимирской, Рязанской, Орловской и др. В раскопках В. А. Городцова на Боровском городище, Московской губ., при вскрытии христианских погребений, относящихся к XV в., в могильных ямах, наблюдалось также присутствие мелких угольков. В его же раскопках курганов близ дер. Кузнецовки, Московской губ. и уезда, в 1924 г., угольки, попадавшие в насыпи и могильной яме одного кургана, были тщательно собраны, при чем, общее их количество оказалось значительно менее пригоршни, что легко можно было вместить в одно кадило или кацею. Очень возможно, что началом этого обычая является воспоминание о более древнем обряде сжигания покойников в огне, когда последнему, как засвидетельствовал арабский писатель X в. Ахмед ибн-Фадлан, придавалось очистительное значение¹. У старообрядцев Псковской губ., прежде чем положить покойника в яму, последнюю окуривают огнем, а постель, на которой умер этот человек, сжигают в поле, у перекрестков дорог.

В некоторых насыпях встречались крупные одиночные камни; в кургане же XIV – обнаружена целая каменная кладка, имевшая вид мостовой округлой формы диаметром в 1,50 м. Какой смысл и назначение имели эти явления, остается загадочным.

[552]

Вокруг оснований курганных насыпей обычно прослеживались небольшие ровики с несколькими (с 2–4) перемычками, ориентированными весьма разнообразно. Из ровиков, очевидно, бралась земля для сооружения курганной насыпи. Что же касается перемычек, то назначение их не совсем понятно. Возможно, что они оставлялись для входа в курганы, на вершинах которых могли совершаться поминки, в виде оплакивания и заупокойных трапез, как это делается крестьянами некоторых местностей и до настоящего времени. Погребения во всех исследованных курганах совершались в ямах под вершинами насыпей. Размеры ям не всегда удавалось проследить; глубина их варьировала между 0,35 и 1,07 м. Длина ям, где можно было ее определить, равнялась от 1,65 до 2,07 м, а ширина – от 0,67 до 1,00 м. Покойники, по-видимому, все хоронились в деревянных гробах, сбитых из досок. Форма гробов, насколько удалось выяснить в кургане I, походила на форму современных дощатых гробов, суживающихся к ногам. Размеры более сохранившихся гробов равнялись в длину от 1,75 до 2,50 м, а в ширину в 0,65 м и в высоту в 0,35 м.

Покойники полагались на спине, вытянуто, головою на З, иногда с отклонениями к С и Ю. Руки лежали то согнуто, то вытянуто вдоль туловища.

В курганах обычно хоронился один покойник. Только в кургане XIV встретилось их два, ямы для которых были вырыты недалеко друг от друга.

Пол покойников нами определялся по вещам, при чем выяснено, что из 16 погребений, 8 принадлежало женщинам и 8 мужчинам; хотя о числе последних уверенно говорить нельзя, так как от некоторых из них не сохранилось никаких остатков. Сохранность костяков много зависела от присутствия при них металлических, в особенности бронзовых вещей, которые обычно находились в женских погребениях.

Что касается предметов, сопровождающих покойников, то, как уже отмечено, они были найдены почти исключительно в женских погребениях. Из мужских погребений вещи оказались только при одном костяке (курган I): это был металлический набор кожаного пояса, от которого сохранились небольшие остатки. Набор состоял из одной бронзовой пряжки и 26-ти серебряных бляшек, из них 25 имели вид небольших пальметок (рис. 3) и 1 – вид розетки (рис. 4). Пряжка отличается изящною лировидною формою, с узкой и длинной обоймой в виде лилии (рис. 2). Это очень редкий тип: подобная пряжка известна мне только в одном экземпляре, найденном М. Н. Щербатовым в курганном погребении близ села Тушина, Московской губ. и уезда, недалеко от Мякининской группы курганов. В других местах, насколько мне известно, они не встречались, а это говорит за то, что они местного, может быть, Московского производства. Время пряжки и всего поясного набора можно, с наибольшей вероятностью, определить концом XII или началом XIII в.

[553]

В состав предметов женских погребений входили преимущественно разного рода украшения, а также остатки одежды с металлическими принадлежностями и один железный нож.

Форма железного ножа, благодаря его ветхости, осталась невыясненною; по-видимому, он был в ножнах и висел на поясе. Обычай полагать ножи при женских погребениях наблюдался и в других курганных

¹ А. Я. Гаркави. «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб. 1870 г. Стр. 100–101.

группах Московской губ., напр., близ с. Ивина в раскопках М. Е. Арсаковой, с. Митяева в раскопках А. В. Арциховского, с. Ивановского в раскопках Н. И. Булычева, с. Рождествена в раскопках В. А. Городцова.

Остатки одежды представлены в виде незначительных обрывков ткани (курганы №№ VI и VII). Материя ткани осталась невыясненной. К принадлежностям одежды относятся металлические пуговицы (кург. XII.) Последние имели вид полых бронзовых шариков, величиною с горошину, с прикрепленными к ним проволочными петельками, служившими для пришивания их к одежде (рис. 15). Подобные пуговицы в курганных погребениях Московской губ. не редки; не редки они и в других средне-русских губерниях. Описание им дают А. С. Уваров² и А. А. Спицын³. Время их определяют не древнее XI в. Христ. Эры, но они существовали и гораздо позже.

Украшения женских погребений подразделяются на головные, шейные, ручные и поясные.

К головным украшениям относятся височные кольца, которые легко подразделяются на две группы: 1) бронзовых и 2) серебряных. В группе бронзовых наблюдаются два отдела: 1) перстнеобразных и 2) браслетообразных⁴. Из перстнеобразных встречается только один тип загнутоконечных, число колец этого типа достигает 20 экземпляров. Загнутоконечные височные кольца пользуются широким распространением в славянских курганных погребениях (рис. 5). Время их относится к XI–XII в. Отдел браслетообразных височных колец содержит также только один эсоконечный тип с завязанным концом (рис. 19). Этот тип редок: он здесь встречен впервые и впервые нами описывается. Близкий к нему эсоконечный тип изредка встречается и в других средне-русских курганных погребениях; А. А. Спицын указывает его в Тверских и Новгородских курганах⁵.

В состав группы серебряных височных колец входит четыре отдела: 1) браслетообразных, 2) овальнощитковых, 3) трехбусенных и 4) пятибусенных.

Отдел браслетообразных представлен одним эсоконечным типом (рис. 9); его один конец загнут в эсовидный завиток, а другой является без всяких украшений. Относительно эсоконечных типов височных колец следует заметить, что в Зап. Европе их считают самыми характерными для славянской культуры⁶. Л. Нидерле время их определяет между X и XII в., но на Русской территории, кажется, они существовали и несколько

[554]

позже. Подобные типы височных колец найдены: в с. Саввине, Богородского у., Московской губ.⁷, в Новгородской губ. и др.

В отделе овальнощитковых имеется только один тип, представленный одним экземпляром (рис. 20). Кольцо его с завязанным кольцом и тремя овальными щитками, орнаментированными пунктирным узором. Щитковые височные кольца характерны для новгородских курганных погребений. В среднерусскую область они проникали редко. Овальнощитковые височные кольца были найдены В. И. Сизовым в курганах близ с. Кожухова, Московской губ. и уезда⁸ и Н. И. Булычевым – в верховьях Днепра и Волги⁹. Время их определяется XII–XIII вв.

Отдел трехбусенных височных колец представлен двумя типами: 1) гладким и 2) филигранным. Гладкого типа найдено одно кольцо (рис. 11). Кольца этого типа имели в Восточной Европе довольно широкое распространение; они особенно часты в культуре кривичей и Новгородцев. В Московской губ. такие кольца найдены П. А. Дмитриевым в курганах близ Серафимо-Знаменского скита, Подольского уезда. Время этих колец определяется XII–XIII вв.

К типу филигранных относится также одно кольцо (рис. 14). Подобные кольца характерны для культуры полян. Центром их выработки, вероятно, был Киев¹⁰, откуда они проникали и в область Средней Рос-

² А. С. Уваров. «Меряне и их быт». М. 1872 г.

³ А. А. Спицын. «Владимирские курганы». Изв. Арх. Ком. В. 15, рис. 203.

⁴ Термины, касающиеся типов, отделов категорий браслетов, височных колец, гривен, перстней и бус, заимствованы у А. В. Арциховского как точно им установленные в работе «Вятические курганы» (рукопись).

⁵ А. А. Спицын. Изв. Арх. Ком. В. 15, стр. 113, рис. 119А и стр. 2, рис. 9.

⁶ Dr. Lubor Niederle. «Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslawischen Grd». Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXIV Band. IV Heft.

⁷ В. А. Городцов. Дневники раскопок за 1914 г. Рукопись.

⁸ Коллекции Гос. ист. муз., зал XIII.

⁹ Н. И. Булычев. «Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги». Стр. 20.

¹⁰ Д. Я. Самоквасов. «Раскопки северянских курганов в Чернигове». Стр. 36.

сии. В Московской губ. они редки. Кроме описанного, известно еще филигранное трехбусинное височное кольцо, найденное Н. И. Лыжнинным близ с. Косина Московской губ. и уезда. Время их – XII–XIII вв.

К отделу пятибусинных относится один гладкий тип (рис. 10), найденный в одном экземпляре. Эти височные кольца характерны для новгородских славян. В Московской области они встречаются редко. Время их определяется XIII в.

В состав шейных женских украшений входят: гривна, бусы и привески.

Гривна найдена только в одном погребении (кург. VI); она относится к группе меднообразных, к отделу жгутовых, к типу загнутоконечных, хотя точно тип определить затруднительно по причине сильной порчи концов. Этого типа гривны найдены: 1) М. Н. Щербатовым в курганах близ с. Тушина Московской губ. и уезда, недалеко от Мякининской группы; 2) В. А. Городцовым близ д. Потаповой Московской губ. и уезда, близ д. Кузнецовки того же уезда и 3) А. В. Арциховским близ д. Никоновой Московской губ. Подольского уезда. В других местах находки их мне не известны.

В категорию бус входят три группы: 1) стеклянных, 2) сердоликовых и 3) хрустальных. Не вдаваясь в детальное описание всех отделов и типов бус, я ограничусь замечанием, что сочетание красных сердоликовых и светлых горно-хрустальных бус является характерным для культуры

[555]

вятичей. Особенно полно представлены ожерелья из этих бус в курганах III и VI. В первом из них в ожерелье находилось 10 горно-хрустальных, 6 сердоликовых и 1 стеклянная, во втором кургане – 12 горно-хрустальных и 14 сердоликовых бусин. Сердоликовые бусы относятся к бипирамидальному типу. Этого типа бусы, по исследованию А. В. Арциховского, вырабатывались в средне-русской области¹¹.

Шейные ожерелья из бус дополнялись привесками. Всего их найдено 4 экземпляра; из них два – медалевидной гладкой формы (рис. 26). Обе они отлиты из биллона (сплава меди и серебра); третий экземпляр представляет лунницу «включенного типа», отлитую из того же сплава (рис. 27). В. В. Гольмстен датирует этот тип XII в.¹² Подобные лунницы встречаются в Смоленской и Московской губ. в курганных погребениях. Особенно интересна четвертая привеска, представляющая христианский нательный крест с тремя кружочками на каждом конце (рис. 28); она, как и предыдущие, отлита из биллона. Типы этой привески найдены Г. О. Шмидтом в курганах Гдовского уезда, Ленинградской губ.¹³ Разница заключающаяся между Мякининской и Гдовской привесками в том, что последняя включена в кольцо (рис. 31). Время Гдовской привески можно датировать XII в.

Ручные украшения представлены перстнями и браслетами.

Перстни принадлежат к двум группам: 1) серебряных и 2) медно-бронзовых. В группе серебряных имеется отдел пластинчатых, тип широкосрединный, в двух экземплярах, отличающиеся друг от друга узорами: на одном перстне узор ромбический, штриховый (рис. 22), на другом – меандровый, кружковый (рис. 12).

В группу медно-бронзовых перстней входят пять отделов: 1) решетчатых (ажурных), 2) пластинчатых, 3) проволочно-литых, 4) ложновитых (псевдовитых) и 5) витых. Отдел решетчатых представлен типами: 1) однозигзаговым, в одном экземпляре (рис. 17) и 2) двузигзаговым, в пяти экземплярах (рис. 7).

Отдел пластинчатых имеет один тип широкосрединный в 5 экземплярах с разными узорами (рис. 13, 23, 24 и 29). Отдел проволочно-литых имеет посередине широкое утолщение; в отдел входят 5 экземпляров (рис. 8). В отделе ложновитых имеется тип простой, представленный 10 экземплярами (рис. 6) и, наконец, отдел витых, представленный двумя типами: тройным (рис. 25) и четверным (рис. 30), по одному экземпляру в каждом. Последний перстень, может быть, биллоновый, но без анализа утверждать это затруднительно. Из мякининских перстней особенно интересны решетчатые (ажурные); они очень характерны для Вятической культуры. Время их употребления довольно длительное: оно совпадает с XI–XIII вв.¹⁴

В категории браслетов имеется три группы: медно-бронзовых, биллоновых (спрудовых) и стеклянных. Медно-бронзовых браслетов – 6

¹¹ А. В. Арциховский. «Сердоликовые бипирамидальные бусы». Труды отделения археологии РАН ИИ. Т. I, стр. 51.

¹² В. В. Гольмстен. «Лунницы Рос. Ист. Муз.» Отч. Рос. Ист. Муз. за 1913 г. Стр. 95.

¹³ Гос. Ист. Муз., зал IX.

¹⁴ Н. И. Лебедева. «Перстни рязанских курганов». Изд. Рязан. Гос. Обл. Муз. 1928 года.

[556]

экземпляров, из них два принадлежат к отделу пластинчатых к типу загнутоконечному (рис. 16) и четыре к отделу витых, к типам 1×3 (один на три) один экземпляр, 2×2 (два на два) два экземпляра (рис. 21) и к типу 2×3 (два на три) один экземпляр. Биллоновый браслет рассыпался и поэтому не поддается более точному определению.

Стекланный браслет относится к отделу ложновитых, к типу сплошному. Браслет имеет темно-лиловую окраску.

Все типы описываемых браслетов могут быть датированными XII–XIII вв. Особенное внимание заслуживает стеклянный браслет. Подобные браслеты имели широкое распространение у древне-русских племен, но в особенности их существовало много у Полян, Кривичей и Вятчей. Чаще они находятся в городищах, чем в погребениях. Большое количество их найдено в Старо-Рязанском городище, являющемся столицей Вятчей. Время распространения стеклянных браслетов в средней России относится к XI–XIII вв. После татарского нашествия, по-видимому, стеклянные браслеты становятся неизвестными. Древнейшие из них, несомненно, были завезены из Византии. Что же касается происхождения позднейших (начала XIII в.), то можно допустить их местное происхождение, так как при сравнении этих браслетов с византийскими, можно заметить более грубые их формы и более мутные цвета, что как бы указывает на не вполне умелую их местную выработку.

К числу поясных украшений относятся две бронзовых привески в виде петушков, с подвешенными к ним на цепочках бубенчиками (рис. 18). В каждой из них сохранились тонкие ремешки, посредством которых они были прикреплены к бронзовому кольцу; последнее же, вероятнее всего, было привязано к поясу. Судя по положению на костяке, можно заключить, что привески свешивались над нижней областью живота. Похожая по своей форме бронзовая привеска была найдена близ с. Калчуги Московской губернии и уезда, и значительное количество описано Д. Н. Анучиным для курганов Костромской губ¹⁵.

Этим исчерпывается весь материал, относящийся к женским украшениям. Остается еще сказать несколько слов об обломках глиняной посуды. Их всего было найдено 9 шт. и в разных курганах (кург. II, VII и XV). Возможно, что они попали в курганы случайно. По своему типу, обломки могут принадлежать ко времени описываемого курганного инвентаря. Поверхность их покрыта линейным орнаментом, характерным для славянской керамики. Формованы на гончарном круге и хорошо обожжены.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Вышеописанные факты и материал дают возможность сделать более или менее положительные выводы, касающиеся наиболее важных вопросов в археологии о времени и народности памятников.

[557]

Время народности, оставившей Мякининские курганы, определяется в относительной хронологии легко: оно относится к поздней поре неометаллической эпохи металлического периода, но близость памятников к нашему времени требует более точного определения в абсолютной хронологии. Этому требованию отвечает тот ряд определений, который сопутствует многим из вышеописанных предметов. В этом ряде самые древние даты относятся к XI, а самые поздние к XIII в. христ. эры. Придавая большее значение поздней дате, следует заключить, что Мякининская группа курганов сооружена не позже XIII в. и, вероятнее всего, в начале этого века, до начала татарского нашествия, после которого, по нашему наблюдению, перестают существовать стеклянные браслеты.

Что касается народности, то почти все вещи, найденные в курганах и самые формы курганов указывают на принадлежность ее к русским славянам. Географическое же положение курганов и их хронологические даты требуют, чтобы памятники были связаны с племенем Вятчей. О принадлежности мякининских курганов именно к этому племени убедительно говорят решетчатые (ажурные) перстни и сочетания ожерелий из шаровидных горно-хрустальных и бипирамидальных сердоликовых бус, свойственных по преимуществу культуре Вятчей.

¹⁵ Д. Н. Анучин. «О культуре костромских курганов». М. 1899 г.

Рабинович М. Г.

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ ГРУППЫ КУРГАНОВ У Д. МЯКИНИНО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Курганная группа Мякинино расположена на правом берегу р.Москвы между деревнями Мякинино и Строгино, у дома отдыха Управления Делами ВЦСПС. Курганы непосредственно примыкают с восточной стороны к забору Дома отдыха; при устройстве забора разрушены 2 кургана. От современной поверхности воды реки Москвы группа отстоит на 210 м, но ранее, когда река была более полноводной, курганы находились, очевидно, в непосредственной близости от реки.

Группа включает 16 курганов полусферической формы и состоит как бы из двух частей, в южной из которых 9 курганов, а в северной, отделенной от южной расстоянием в 37 м – 7 курганов (см. план)².

Большинство курганов (10 из 16) уже раскопаны колодцами (очевидно лет 30 назад). Однако, это, по-видимому, не те курганы, которые раскапывал М. В. Городцов³. По его собственному заявлению, раскопанная им группа курганов Мякинино, широко известная в нашей археологической литературе, находилась дальше от берега реки и от роши, в поле. Следов этой группы обнаружить не удалось (возможно, курганы распахивавшиеся, сравнены теперь окончательно с землей). Кто раскапывал курганы нашей группы и где хранится добытый материал, установить не удалось. В материалах к «Археологической карте Москвы и ее окрестностей» О. Н. Бадера в этом месте указана только группа, раскопанная М. В. Городцовым.

Раскопки курганов группы Мякинино в 1948 г. производились в мае и сентябре 1948 г. силами студентов исторического факультета МГПИ им. В. П. Потемкина в порядке практических занятий по курсу археологии Москвы.

Были раскопаны те 4 кургана, которые уцелели от предыдущих раскопок и строительных работ (по плану I–IV). Курганы наполовину разрушенные при устройстве забора дома отдыха, не раскапывались. Раскопки велись по общепринятым правилам на снос с оставлением бровки, которая после открытия могильного пятна убиралась.

КУРГАН 1

Полушарной формы. Диаметр с севера на юг 8,20 м, с запада на восток – 8,20 м. Ровик с юга. Высота кургана по дно ровика 1,62 м, поверх перемычки – 1,52 м. Курган насыпан из желто-серого песка почти не отличающегося от местного материкового желтого песка. В насыпи (особенно, в западной ее части) попадаются камни размера 10–35 см. На гл. 1,20 м в северо-восточной части кургана обнаружено 2 фрагмента керамики, сделанной на гончарном круге, и несколько уголков. На гл. 1,40 м. в западной части кургана открылась погребенная почва – желтый песок.

Погребение по центру кургана на горизонте, в прямоугольном (1,76×0,80 м) деревянном гробу, остатки которого хорошо прослеживаются. Гроб был сделан из досок толщиной до 3-х см. Сохранились остатки его вертикальных стенок и крышки. Гвоздей не найдено. На крышке гроба у головы, в области таза и у ног лежало по 3 валуна диаметром 20–45 см, восточнее ног было положено еще 2 валуна. Тяжесть валунов, очевидно, вскоре после погребения, продавila крышку гроба и упавшие валуны сильно повредили скелет.

Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад, лицом вверх; руки вытянуты вдоль тела, колени широко расставлены, кисти рук под тазом. Общая длина костяка 1,71 м. Кости чрезвычайно плохой сохранности (в особенности – кости лица). Вещей при погребении нет. Костяк не взят.

¹ В издании сохранены орфография и пунктуация автора отчета (Отчет хранится в Архиве Института археологии РАН. Фонд Р-1. Дело № 216).

² Этот план помещен в качестве рис. 9 в основной текст монографии.

³ На полях отчета имеется рукописная пометка: «Впоследствии оказалось, что эта та самая группа, которую раскапывал В. А. Городцов».

КУРГАН 2

Полушарной формы, сильно расплывшийся. Диаметр с севера на юг – 4,70 м, с запада на восток – 4,20 м. Ровик с юга. Высота по дно ровика 0,48 м, поверх перемычки – 0,39 м. Курган насыпан из того же желто-серого песка. На гл. 0,46–0,52 м в песке встречено большое количество камней. Наиболее крупный валун достигает размера 0,46 м. Он лежал в 75 см. к западу от центра кургана на другом валуне разм. 0,36 м. Рядом с валунами – отд. угольки. На гл. 0,48–1,00 м выступает погребенная почва – желтый песок, уровень которого понижается к северу. У центра кургана на гл. 0,80–0,90 м открылась яма размером 1,80×0,80 м; глубина ямы 0,40 м. Западная оконечность ямы приходилась как раз у лежащих друг на друге камней.

На дне ямы на гл. 1,25 м открыт костяк (череп под западной гранью бровки) вытянуто на спине головой на запад лицом вправо. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте, кисть лежит в области живота, ступни ног не сохранились. На черепе в области висков медные проволочные кольца типа не встречавшиеся ранее в подмосковных курганах (по размеру напоминающие перстнеобразные, но сделанные в виде спирали с одним обратным изгибом проволоки). На правом предплечье – браслет медный пластинчатый загнуто-конечный, покрытый красным лаком, по которому процарапан геометрический орнамент. Такой браслет встречается в курганах впервые. На левом предплечье медный плетеный браслет. На пальцах правой руки три медных пластинчатых перстня с заходящими концами и растительным орнаментом. Такие же 2 перстня – на правой руке. Под кистью правой руки – серебряная привеска в виде двух петушиных голов, обращенных в разные стороны. В нижней части привески – круглые петли, к которым, судя по аналогичным вещам из костромских курганов, были привешены железные висюльки. Эта шумящая часть привески не сохранилась, но ржавчина пропитала часть рубашки, находившуюся под привеской, благодаря чему после расчистки открылся кусок пропитавшегося ржавчиной полотна. Привеска висела на шее на шерстяном витом шнурке, остатки которого также сохранились.⁴

Общая длина костяка (1,20 м), слабо сросшиеся еще швы на черепе и малые размеры костей, а также признаки смены зубов на нижней челюсти говорят о том, что перед нами скелет девочки не старше 12 лет. Череп и длинные кости сданы в Музей Антропологии МГУ.

КУРГАН 3

Полуэллипсоидной формы. Диаметр с С на Ю 8,20 м, с З на В 7,60 м. Ровики – с З и СЗ. Высота кургана по дно ровика 1,40 м, поверх перемычки 0,85 м. Курган насыпан из желто-серого песка. В насыпи встречаются камни размером 0,22–0,30 м. В профиле кургана на гл. 0,90–1,60 м видна погребенная почва, понижающаяся от краев к центру кургана.

Могильная яма размером 0,55×1,90 м открылась лишь на гл. 2,06 м. В яме на гл. 2,35 м прослеживаются остатки гроба трапециодальной формы, размером в головах 54,5 см, в ногах 45 см, длина 185,0 см. В гробу – костяк длиной 181 см, лежащий вытянуто на спине головой на запад лицом кверху. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте, кисть лежит на тазу. У правого и левого висков по одному медному височному кольцу того же типа, что в кургане 2. В области шеи – кусок шерстяной материи коричневого цвета без каких-либо следов шитья. На правом предплечье браслет медный плетеный, на левом – медный пластинчатый загнуто-конечный. На пальцах правой руки – 2 медных перстня – пластинчатый и рубчатый, соединенные вместе шерстяным шнуром. На другом пальце правой руки – медный пластинчатый перстень. На пальцах левой руки – 2 пластинчатых перстня.⁵

Всё погребение, очевидно, было прикрыто сверху берестой, остатки которой встречались при расчистке. На кусках бересты получились отпечатки украшений – браслетов и перстней.

⁴ В списке находок на чертеже погребения «привеска» не отмечена вовсе, зато под № 2 отмечена «пряжка». Поскольку список составлялся явно в поле, можно предположить, что «привеска» была принята первоначально за пряжку. Пластинчатый браслет на правой руке в том же списке назван «черненым». Вероятно, он не был ни черненым, ни тем более покрытым лаком, а просто обладал слоем патины красного цвета. Наконец, в списке находок фигурируют не 4, а 5 перстней, один из которых (под № 9) вообще не обозначен на плане (*прим. ред.*).

⁵ В списке находок на плане погребения, составлявшемся, видимо, в поле, на пальцах правой руки отмечено не два, а три перстня, причем третий «с остатком витого шнура» (под № 6) показан несколько в стороне от кисти руки. Вероятно, этот шнур вовсе не скреплял два перстня, либо, если такой факт все же имел место, эти перстни находились не на фалангах пальцев, а рядом с ними, являясь погребальным даром (*прим. ред.*).

КУРГАН 4

Полушарной формы диаметром с запада на восток 8,00 м, с севера на юг – 8,15 м. Ровики с СВ, ЮЗ и ЮВ. Высота по дно ровика 1,97 м, поверх перемычки 1,80 м. Насыпь кургана состоит из суглинка (верхняя и центральная часть), очевидно, взятого где-то на стороне, и песка местного происхождения. Ясно прослеживаются стадии засыпки. Очевидно, при рытье могильной ямы песок выбрасывался тут же, на две стороны от нее. Сюда же впоследствии был подсыпан и песок, взятый из ровиков. Засыпка ямы и окончательная досыпка кургана были сделаны при помощи привозного суглинка (см. профиль). У границ могильной ямы по краям ее лежало 6 валунов диаметром 25–30 см. Погребенная почва открылась на глубине 1,80 м. На этой глубине у границ ямы найдены фрагменты двух глиняных горшков обычного курганного типа. Из этих фрагментов ни одного целого сосуда склеить не удалось. Яма трапециодальной формы длиной 2,40 м, шириной в головах 1,07 м, в ногах – 0,60 м, глубиной 0,25 м⁶, выложена березовыми плахами, обернутыми белой прекрасно сохранившейся берестой. Берестой же было покрыто погребение сверху. На дне ямы на глубине 2,05 м от верха кургана лежал костяк вытянуто на спине головой на запад, лицом влево под углом к югу 5 градусов. Кости перепутаны (плечевая кость правой руки лежит в области груди, берцовых костей левой ноги нет вовсе, правой только одна). Кисти рук и ступни не сохранились. Вещей нет. Вещевой материал группы требует еще дополнительного изучения. Характерные славянские вещевые комплексы отсутствуют. Дата группы ориентировочно – XIII век.

Приложение:

– 4 фото

– 5 чертежей (копии)

Подлинники чертежей хранятся в кабинете истории СССР МГПИ.

⁶ Судя по чертежу разреза кургана, глубина могилы должна была составлять около 3 м от верха кургана или чуть более 1 м от древнего горизонта. Между тем в тексте отчета данные о глубине могилы соответствуют отметке ее дна, приведенной на чертеже. Графическая документация разреза кургана выполнялась в поле, однако разрез могилы явно подрисовывался к профилю уже после сноса бровки и разборки заполнения, поэтому он мог быть нарисован неправильно по ошибке. Тем не менее сомнения в истинности данных текстовой части отчета остаются (*прим. ред.*).

Фото 1. Общий вид раскопок

Фото 2. Обмер кургана

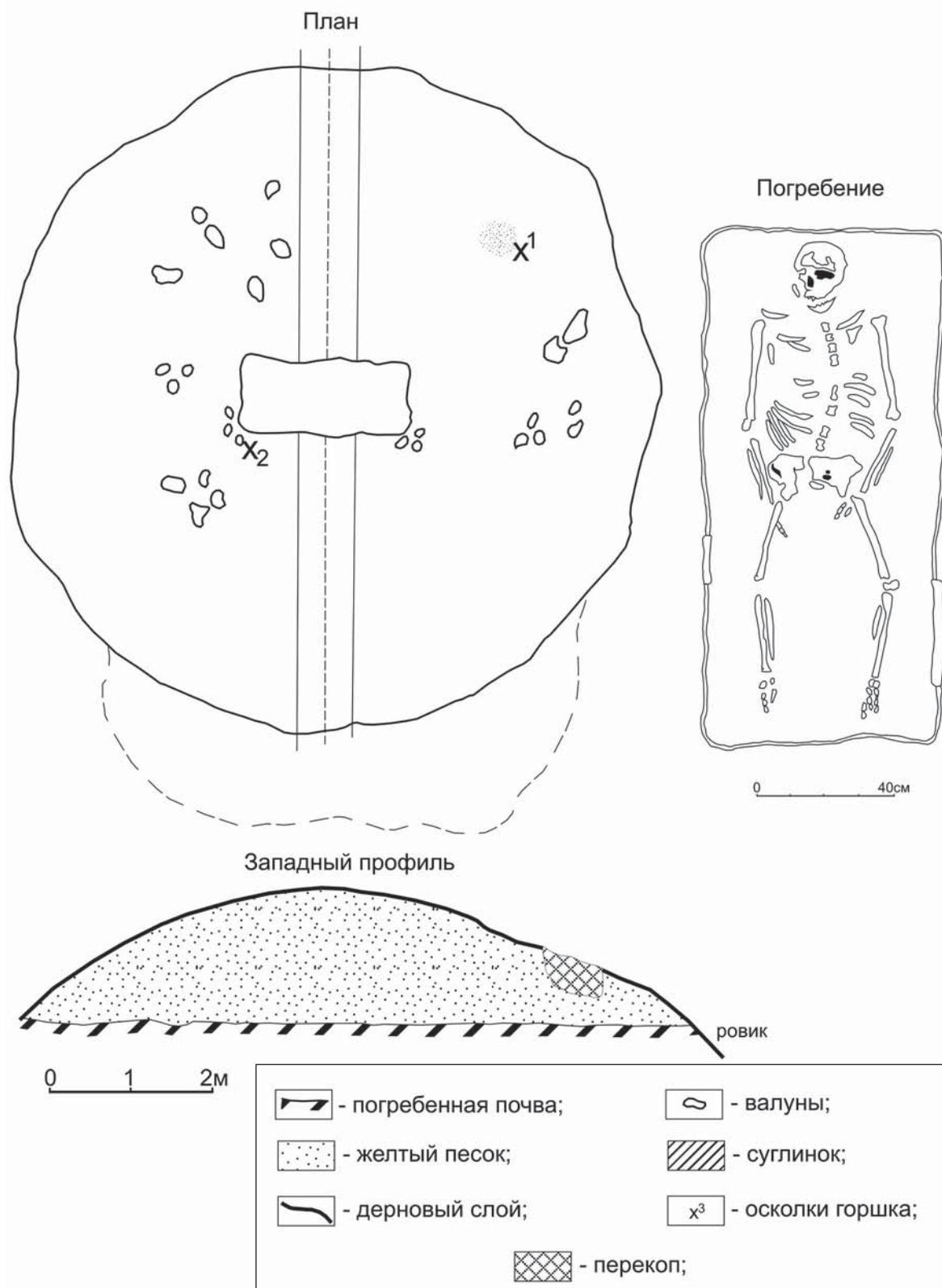

Фото 3. Валуны в насыпи

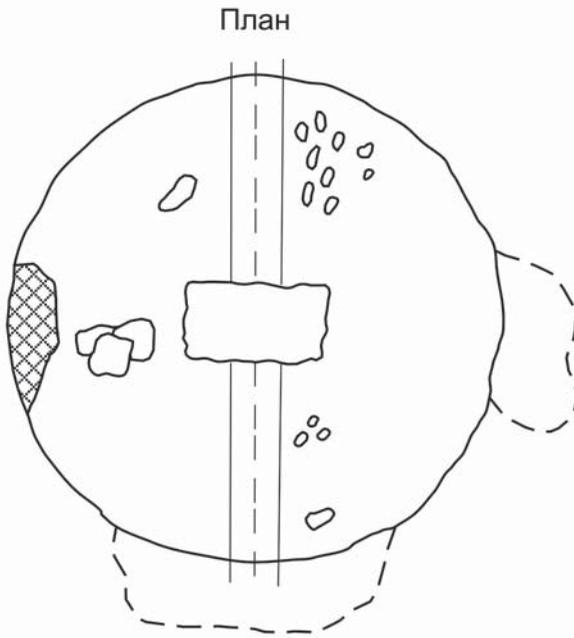

Фото 4. Курган 1. Погребение.

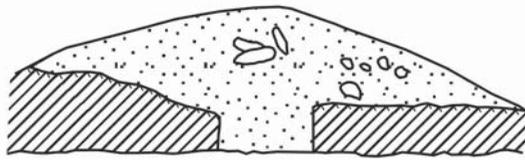
Курган I

Курган II

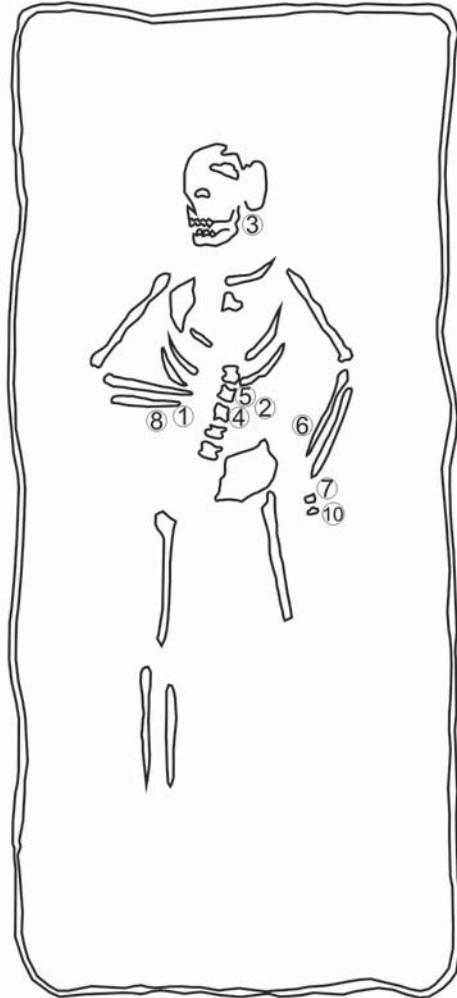
Восточный профиль

0 1 2м

- - желтый песок;
- - суглинок;
- - перекоп;
- - валуны;
- - индивидуальные находки;
- - переотложенная погребенная почва;

Погребение

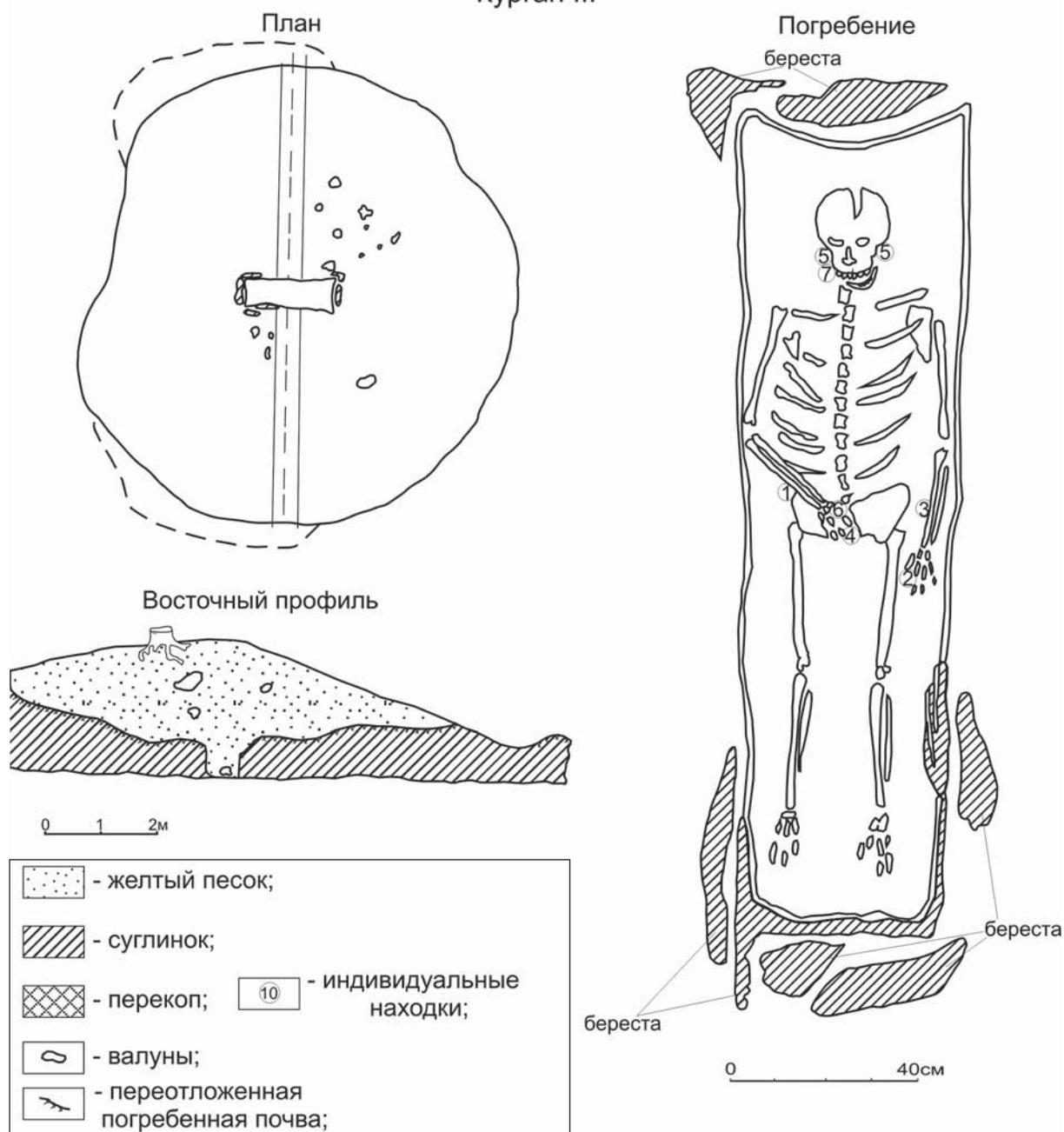

0 40см

Список находок:

- 1 - браслет пластинчатый черный;
- 2 - пряжка;
- 3 - височное кольцо;
- 4 - перстень пластинчатый;
- 5 - перстень пластинчатый;
- 6 - браслет витой;
- 7 - перстень пластинчатый;
- 8 - 2-височное кольцо под черепом;
- 9 - перстень пластинчатый;
- 10 - перстень пластинчатый.

Курган III

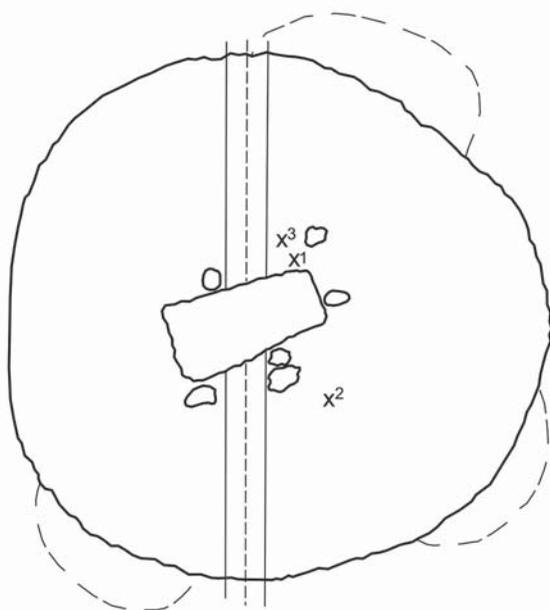

Список находок:

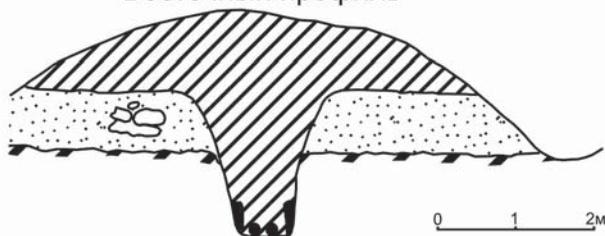
- 1 - браслет /витой/;
- 2 - кольца -2 пластинчатые /сохранность плохая/;
- 3 - браслет-пластинчатый /эта часть руки покрыта большим куском бересты/;
- 4 - кольца - 2 () пластинчатое и круглое. На одном очень хороший отпечаток ткани /сохранность плохая/;
- 5 - височные кольца спиральные /сохранность очень плохая/;
- 6 - кольцо пластинчатое, тут же остаток витого шнура;
- 7 - большой кусок ткани.

Курган IV

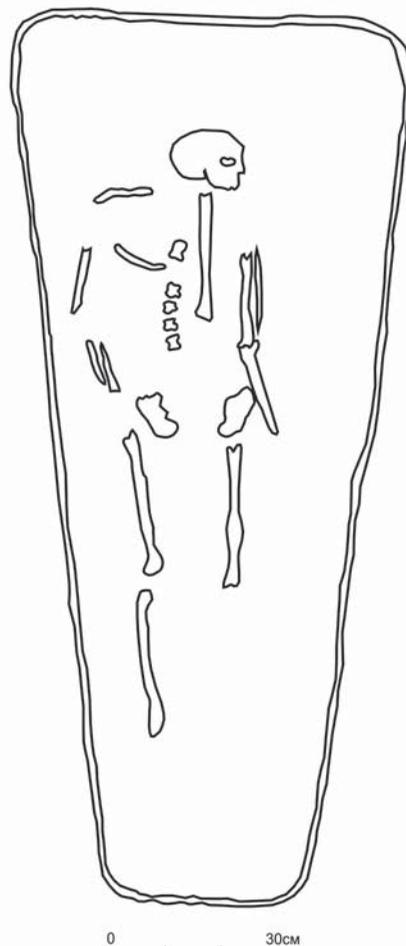
План

Восточный профиль

Погребение

- - желтый песок;
- - дерновый слой;
- - суглинок;
- - валуны;
- - берестовые плахи;
- - погребение;
- - осколки горшка;
- - погребенная почва;

Равдина Т. В.

ОПИСАНИЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ДЛЯ СВОДА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (М., 1989)¹

№ 297 (Мякининский курганный могильник)

I.

2. Одинцовский.

3. Мякинино, д. Павшинской волости.

4. В 1 км к северу от д. Мякинино, между ней и д. Строгино.

5. В 200 м от правого берега Москвы.

6. По подсчетам 1924 г. – 30 курганов, а в 1948 г. – 16 курганов. Высоты – от 0,4 до 1,5 м, диаметры – от 4 до 10 м.

7. Прохоров Б. В. в 1923 г. (по Бадеру).

8. В. А. Городцовым в 1924 г., М. В. Городцовым в 1927 г., М. Г. Рабиновичем в 1948 г.

9. Городцовы раскопали колодцем 15 курганов, Рабинович – на снос 4 кургана.

10. В трех курганах 1924 и 1927 годов погребений не было, в 16 курганах – 19 погребений (в к. 10, 12, 14 по два погребения² – одно мужское, другое женское): 18 погребений в ямах глубинами от 0,25 до 1 м, а одно погребение на горизонте в гробу, покрытом валунами, кисти рук под тазом, вещей не было (не позднее ли это погребение? – Т. Р.). Из 18 ямных погребений: два погребения обернуты берестой, три погребения в гробах (по одному случаю на каждый год раскопок). Положения рук: обе вытянуты 5, одна на тулове 9, неизвестно 4. Из 18 ямных погребений 5 погребений без вещей (в том числе единственное на горизонте и одно в двойном погребении), 3 погребения с мужскими вещами (в том числе два с поясными кольцами не были замечены при раскопках) и 10 погребений с женскими украшениями (в одном наборе женских вещей лежит оселок, который я считаю мужской принадлежностью).

11. В одном погребении у шеи коричневая ткань. Височные кольца проволочные: диаметрами 8 см эсоконечные полутораоборотные (второй конец или свободен – 5 или полузавязан – 5); диаметром 3,5 см загнутоконечные 11 полузавязанное; диаметром 2,5 см – 4, диаметром 21 мм – 8 в четырех погребениях; диаметром 18 мм с одним обратным загибом проволоки – 7. Овальнощитковое. Диаметром 6,5 см пятибусинное гладкое. Диаметром 5 см трехбусинное гладкое; диаметром 32 мм трехбусинные, бусины зерненные и сканные, один конец загнут – 2. Бусы стеклянные: зонные и шарообразные – 35, фиолетовые, голубые, желтая; бочонковидная ребристая; цилиндрические – 18; рыбовидные крупные – 9. Бусы сердоликовые бипирамидальные (22), вместе с хрустальными шарообразными (27) в трех погребениях. «Шесть обломков бронзовых бус». Гривна полужгутовая (жгут 3×3) загнутоконечная. Привески. Монетовидные гладкие 2 и лунничковключенная; крест спрутовидный: на каждом из четырех концов по три круглых отростка (такой же в Акатово 7, только заключенный в окружность). Две объемные уточки с привешенными бубенчиковидными подвесками. Серебряный плоский двуглавый петушок с петельками для подвесок, висел на шерстяном витом шнурке. Браслеты (11) в шести погребениях: пластинчатые загнутоконечные 3 (один «покрыт красным лаком»); витые тройной, 2×3, четверные – 2; плетеные на дроте, на концах которого стеклянные вставки – 2 (бирюзовые на одном); кольчужный на железном (!) дроте; стеклянный целый мелкокрученный фиолетовый (1924 год). Перстни 39 во всех десяти женских погребениях: рубчатые 11, дротовые 3, толстопластинчатые с литым орнаментом 5 (4 – с «арабским» орнаментом), пластинчатые с чеканным орнаментом 4, пластинчатый гладкий, решетчатые 4, пластинчатые кованые 7, витые 3 (четверной и остроконечные). Пуговицы бронзовые овальнооухие 6. У одного черепа обломки горшка с линейно – волнистым орнаментом. Мужские вещи: в кург. 1 1924 года поясной набор из пряжки необычной очень изящной и 26-и серебряных фигурных бляшек; в двух других мужских погребениях – поясные кольца не описанного вида. Пряжка и бляшки из к.1 имеют аналогии в Спас – Тушино.

¹ Архив сектора археологии Москвы ИА РАН. Сохранена авторская пунктуация. Расшифровка пунктов анкеты отсутствует.

² Ошибка: согласно публикации (Городцов, 1928), два погребения обнаружены лишь под одним курганом № 14. Отсюда ошибки в дальнейших подсчетах количества погребений (прим. ред.).

12. Вторая половина XII в. – начало XIII в. По пятибусинному, по трехбусинным ажурным, по объемной шумящей привеске, по ямным погребениям. Несколько более ранней вещью является привеска лунничновключенная и монетовидные гладкие.

13. ГИМ, инв. № 56112, оп. 124 (вещи из раскопок 1924 года). Вещи 1927 года мне известны только по рисункам публикации М. В. Городцова. Вещи 1948 года – в Музее Истории Москвы.

14. М. В. Городцов 1928; Арциховский, 1930, с. 59, 65, 107, 118, 183, №№ 129–132 (женские комплексы из раскопок 1924 года и почему-то не попали вещи из раскопок 1927 года). Бадер, 1947, с. 109–110; Архив ИА, Р-І, № 216/1948; Горюнова, 1961, с. 214, 218, 219 и рис. 84-7 (Мякинино – не вятические погребения); Рабинович, 1962, с. 65 и рис. 3-Б; Розенфельдт, 1973, с. 145, № 68; Рябинин, 1981, №№ 794, 795 (объемные уточки 1927 года; не учтен двуголовый петушок 1948 года, хотя он опубликован в 1962 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусина Г. А.*, 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности А. В. Арциховского. М.: МГУ. С. 272–289.
- АКР, 1994 – Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН. 320 с.
- Алексеев А. В.*, 2005. Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода (материалы к археологической карте) // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 111–118.
- Альслебен А.*, 2011. Отражается ли городская культура питания в материале археоботанических находок? // Новгородские археологические чтения – 3: материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода» (25–28 сентября 2007 г.). Великий Новгород: Печатный двор «Великий Новгород». С. 125–133.
- Арсланова Ф. Х.*, 1989. Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин: Калининский гос. ун-т. С. 33–49.
- Арсланова Ф. Х., Ковалец Ю. А.*, 1991. Посуда Кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь: ТГУ. С. 74–102.
- Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. № 1. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1895. 434 с.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Арциховский А. В.*, 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.
- Арциховский А. В.*, 1947. Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.: АН СССР. С. 7–22. (МИА; № 7.)
- Арциховский А. В.*, 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.: АН СССР. С. 167–170. (МИА; № 11.)
- Бадер О. Н.*, 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.: АН СССР. С. 88–167. (МИА; № 7.)
- Балинский И.*, 1977. Отчет о работах МОКМ в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7406.
- Баталов А. Л.*, 1995. К истории Спас-Тушинского монастыря на реке Сходне. Церковь Андрея Стратилата конца XVI века // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М.: РАСН. С. 141–145.
- Безбородов М. А.*, 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: АН Белорусской ССР. 306 с.
- Воронин Н. Н.*, 1949. Раскопки в Переславле-Залесском // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.: АН СССР. С. 193–202. (МИА; № 11.)
- Голубева Л. А.*, 1997. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 153–165.
- Гольева А. А.*, 2000. Результаты биоморфного анализа разновозрастных культурных слоев г. Москвы и городищ Центральной России // Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования) М.: МГУ. С. 70–77.
- Гольева А. А.*, 2001. Фитолиты и их информационная роль при исследовании природных и археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста: Полтекс. 240 с.
- Гольева А. А.*, 2005. Органическое сырье в погребальных обрядах Мустаевских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург: ОГПУ. С. 70–86.
- Гольева А. А.*, 2006. Микробиоморфный анализ почвенно-ландшафтных систем: генезис, география, информационная роль: автореф. дис. ... д-ра геол. наук. М.
- Гольева А. А.*, 2007. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // Археология Подмоскovie. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 85–110.

- Гольева А. А., Сорокина Н. П., Кузнецова И. В., 2010. Отражение современных и прошлых агрогенных воздействий в распределении биогенного кремнезема по профилю дерново-подзолистых почв // География продуктивности и биогеохимического круговорота наземных ландшафтов. К 100-летию проф. Н. И. Базилевич: материалы конф. М.: ИГ РАН. С. 262–264.
- Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.: ГИМ. С. 92–162. (Тр. ГИМ; вып. 150.)
- Гоняный М. И., Недошивина Н. Г., 1991. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. № 1. С. 246–254.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности: труды МАО. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216.
- Городцов М. В., 1928. Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой, Московской губернии и уезда // Труды секции археологии РАНИОН. Т. IV. М.: РАНИОН. С. 542–558.
- ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: АН СССР. 597 с.
- Дяденко В. Д., Моця О. П., 1986. Жовнинський могильник XI–XIII ст. // Археологія. Т. 54. Київ. С. 82–90.
- Егорьков А. Н., 2000. Химический состав древнерусской плиточной поливы // РА. № 4. С. 77–85.
- Енисосова Н. В., Жарнов Ю. Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного» города домонгольского Владимира // РА. № 2. С. 64–80.
- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–179.
- Жилина Н. В., 2007. Косы и усерязи тверской боярыни // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь: Триада. С. 219–227.
- Журжалина Н. П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. С. 122–140.
- Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнера и Ко. 713 с.
- Загорульский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск: БГУ. 358 с.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Захарова Е. П., 2008. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 41–46.
- Захарова Е. П., 2009. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 163–169.
- Захарова Е. П., 2010. Конструкция древнерусских курганов по материалам Мякининского курганного могильника и курганной группы Новоселки 2 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 125–129.
- Івакін Г. Ю., 2008. Християнський поховальний обряд населення давньоруського Києва // Археологія. № 3. Київ. С. 60–75.
- Ильинский П. В., 2005. Переславльский Никитский монастырь и Никита Столпник. М.: Melanar. 27 с.
- Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М.: Столица, 1991. 432 с.
- Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.
- Кадлубовский А. П., 1899. Житие Пафнутия Боровского, писаное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин. С. 98–149.
- Карамзин Н. М., 2010. История Государства Российского. М.: Эксмо. 1024 с.
- Каргер М. К., 1946. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. № 8. С. 175–222.
- Кельсиев А. И., 1885. Подмосковное курганное кладбище у д. Митиной // Древности: труды МАО. Т. 10. М.: Моск. синод. тип. С. 30–45.
- Кирьянов А. В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. (по археологическим материалам) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР. С. 306–360 (МИА; № 65.)
- Ключевский В. О., 1871. Древнерусския Жития Святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и комп. 510 с.

- Коваль В. Ю.*, 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 21–39. (Тр. Подмосковной экспедиции; т. 2.)
- Коваль В. Ю.*, 2007. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском районе Московской области в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 33226–33229.
- Коваль В. Ю.*, 2008а. Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М.: ИА РАН. С. 340–345.
- Коваль В. Ю.*, 2008б. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 161–180.
- Коваль В. Ю.*, 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на курганном могильнике Новоселки-2 в Химкинском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–205.
- Коваль В. Ю.*, 2014а. О местоположении Войницкого мыта // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 111–128.
- Коваль В. Ю.*, 2014б. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.
- Коваль В. Ю., Хижняков О. И.*, 2005. Средневековые поселения в селе Аносина на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII в.) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 153–183.
- Коваль В. Ю., Энгватова А. В., Хижняков О. И., Алексеев А. В., Бадеев Д. Ю., Захарова Е. П., Смирнов А. М.*, 2009. Исследования на Мякининском комплексе памятников и в Дмитрове // АО 2006 года. М.: Наука. С. 208–211.
- Коновалов А. А.*, 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у д. Каблуково // Новое в археологии: сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М.: МГУ. С. 152–158.
- Колчин Б. А.*, 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: АН СССР. С. 44–137. (МИА; № 55.)
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.*, 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука. 176 с.
- Косинский В. В.*, 1958. Отчет об археологических разведках на Спас-Тушинском городище // Архив ИА РАН. Р-1. № 1773.
- Косинский В. В.*, 1959. Отчет о полевых исследованиях на территории Красногорского района Московской области за 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1935.
- Краснов Ю. А.*, 1980. Безводнинский могильник: (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Кренке А. Н., Кренке Н. А.*, 2014. Археологическая карта курганов XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы // КСИА. Вып. 232. С. 64–73.
- Кренке Н. А.*, 1992. Отчет об археологических исследованиях и раскопках в зоне строительства канализационного коллектора для 2-й очереди застройки Митино Тушинского района г. Москвы в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15967.
- Кренке Н. А.*, 2000. Отчет о разведках на территории г. Москвы в 2000 г. (с приложением данных, собранных в 1996–1999 гг.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23875.
- Кренке Н. А.*, 2004. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука. С. 319–378.
- Кренке Н. А., Александровский А. Л., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е.*, 2000. Изучение валов и погребенных под ними почв на дяковских городищах Троицкое, Луковня-2 и Коробово в Подмосковье // Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М.: МГУ. С. 58–62.
- Крис Х. И.*, 1970. Отчет об обследовании археологических памятников лесопаркового пояса г. Москвы в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4260.
- Кузина И. Н.*, 2012. Стекланные бусы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2007–2008 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 4. М.; СПб: Нестор-История. С. 244–251.

- Лагуткина Е. В.*, 2003. Проблема эволюции погребальных памятников XI–XIII вв. Тверского Поволжья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: ТНИИАРЦ. С. 17–26.
- Латышева Г. П.*, 1954. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 1. М.: Госкультпросветиздат. С. 39–56.
- Левашева В. П.*, 1967а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 207–252. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Левашева В. П.*, 1967б. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 7–54. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Леонтьев А. Е.*, 1991. Любилковские курганы // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново. С. 3–5.
- Леонтьев А. Е.*, 2006. Раскопки у северных ворот Ростовского кремля // Археология Верхнего Поволжья. К 80-летию К. И. Комарова. М.: ИА РАН. С. 225–243.
- Лесман Ю. М.*, 1977. Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: ЛГУ. С. 106–112.
- Лесман Ю. М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: ЛГУ. С. 118–153.
- Лесман Ю. М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988 г. Новгород: НГОМЗ. С. 29–98.
- Львова З. А.*, 1959. Стекланные браслеты и бусы из Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л.: АН СССР. С. 307–332. (МИА; № 75.)
- Львова З. А.*, 1970. Стекланные бусы Старой Ладуги. Ч. II // АСГЭ. № 12. С. 89–111.
- Макаров Н. А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с.
- Мальм В. А.*, 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 149–190. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Мальм В. А.*, 1971. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия. С. 197–206.
- Мальм В. А., Фехнер М. В.*, 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 133–148. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Мачульский Е. Н.*, 1968. Отчет о исследовании археологических памятников Красногорского района в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3434.
- Монгайт А. Л.*, 1947. Салтыковские курганы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.: АН СССР. С. 82–87. (МИА; № 7.)
- Монгайт А. Л.*, 1952. Топография Старой Рязани // КСИИМК. Вып. 44. С. 104–115.
- Моця А. П.*, 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка. 156 с.
- Моця О. П.*, 1993. Населення південноруських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ: Наукова думка. 159 с.
- Мурашева В. В.*, 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС. 136 с.
- Нахлик А.*, 1963. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Жилища Древнего Новгорода. М.: АН СССР. С. 228–313. (МИА; № 123.)
- Недошивина Н. Г.*, 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 256–264. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Недошивина Н. Г.*, 1971. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия. С. 182–196.
- Недошивина Н. Г.*, 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Недошивина Н. Г.*, 2007. Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 124–144.
- Недошивина Н. Г.*, 2014. Вятическое кладбище у с. Бельково // Славяне и иные языки... К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. С. 34–53. (Тр. ГИМ. Вып. 198.)
- Ольчак Е.*, 1959. Производство стекланных перстней на славянской территории в средние века // СА. № 3. С. 81–90.
- Павлова М. С.*, 2008. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб: Нестор-История. С. 103–138.
- Пакин А. А.*, 1997. Курганный могильник у дер. Горки Ярославской области // Тверь, Тверская

- земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: ТНИИАРЦ. С. 55–58.
- Панова Т. Д.*, 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунца. 180 с.
- Персов Н. Е., Солдатенкова В. В.*, 2011. Новые данные о домонгольской Твери (по материалам раскопок тверского Затъмачья) // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 138–154.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г.*, 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ИА РАН. 208 с.
- Рабинович М. Г.*, 1940. Курганы в Поворовке // Сборник научных студенческих работ. Вып. 11 (История). М.: МГУ. С. 59–84.
- Рабинович М. Г.*, 1948. Отчет о раскопках группы курганов у д. Мякинино Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 216.
- Рабинович М. Г.*, 1964. О древней Москве. М.: Наука. 351 с.
- Рабинович М. Г.*, 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука. 312 с.
- Равдина Т. В.*, 1968. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища) // КСИА. Вып. 113. С. 117–118.
- Равдина Т. В.*, 1975. Хронология «вятических древностей»: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Равдина Т. В.*, 1978. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М.: Наука. С. 133–138.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1960. Отчет об исследовании археологических памятников на территории Московской области с целью выявления сохранности их на лето 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.
- Русаков П. Е., Андрианов И. М., Коваль В. Ю.*, 2014. Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 179–198.
- Рыбаков Б. А.*, 1928. О раскопках вятических курганов в Мякинине и Кременьи в 1927 г. // Сборник научно-археологического кружка первого МГУ. Вып. 1. М.: МГУ. С. 5–11.
- Рындина Н. В.*, 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии: труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.: Наука. С. 200–247. (МИА; № 117.)
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. М.: Наука. 124 с. (САИ; вып. Е1–60.)
- Рябинин Е. А.*, 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб: Дмитрий Буланин. 258 с.
- Саблин М. А.*, 1879. Список курганов Московской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Т. 35. Ч. 1. Вып. 1. М.: Отдел тип. т-ва И. Д. Сытина. С. 185–188.
- Сабурова М. А.*, 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–109.
- Сагайдак М. А.*, 1991. Давньокиївський Поділ. Київ: Наукова думка. 168 с.
- Салмина Е. В.*, 2007. Работы на Богоявленских XXXI и XXXIV раскопах в 2004–2005 годах // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 22 (52). М.; Псков. С. 45–58.
- Самойлович Н. Г.*, 1993. Курганно-жальничный могильник в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. V. Ростов. С. 153–156.
- Сарачева Т. Г.*, 2007. Химико-технологическое изучение металлических украшений из раскопок курганов у деревни Каблуково // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 145–171.
- Сарачева Т. Г.*, 2014. Химико-технологическое изучение металлических украшений древнерусского времени из раскопок курганов у с. Бельково // Славяне и иные языки... К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. С. 54–63. (Тр. ГИМ; вып. 198.)
- Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А.*, 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 52–65. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 2.)
- СГГД, 1813 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н. С. Всеволожского. 533 с.
- Седов В. В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Седова М. В.*, 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.
- Свирелин А. И.*, 2005. Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия молчальника. М.: MelanarĖ. 22 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.

- Смирнова М. Е.*, 1999. Курганная группа у бывшего погоста Благовещенье // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь: ТНИИАРЦ. С. 39–52.
- Соболев В. Ю.*, 2006. Материалы раскопок у деревень Логовище и Селище в собрании фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб: МАЭ РАН. С. 302–341.
- Соловьева Г. Ф., Кропоткин В. В.*, 1953. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси // КСИИМК. Вып. 49. С. 21–25.
- Спицын А. А.*, 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб: Тип. Главн. управ. уделов. 124 с. (МАР; т. 20.)
- Спицын А. А.*, 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. Т. VIII. СПб. С. 301–340.
- Спицын А. А.*, 1903. Гдовские курганы в раскопках В. П. Глазова. СПб: Тип. Главн. управ. уделов. 124 с. (МАР; т. 29.)
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб. С. 84–172.
- Степанова Ю. В.*, 2007. Покрой и конструкция древнерусской погребальной одежды (по материалам Верхневолжья) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь: Триада. С. 212–217.
- Степанова Ю. В.*, 2010. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 55-го заседания. Псков: ИА РАН. С. 187–195.
- Столярова Е. К.*, 1996. Стеклянные изделия Москвы XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Столярова Е. К.*, 2002. Предварительные итоги изучения стеклянных предметов из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 173–202. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 1.)
- Столярова Е. К.*, 2003. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: тез. конф. Ч. I. М.: ГИМ. С. 115–117.
- Столярова Е. К.*, 2004. Химический состав стеклянных изделий селища Настасьино // Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН. С. 69–73. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 2.)
- Столярова Е. К.*, 2005. Стеклянные украшения болгарских селищ низовой Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа. С. 43–66.
- Столярова Е. К.*, 2006а. Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: вторая международная конференция. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 306–331.
- Столярова Е. К.* 2006б. Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы // КСИА. Вып. 220. С. 151–162.
- Столярова Е. К.*, 2008. Стеклянные бусы Мякинской курганной группы // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 47–61.
- Столярова Е. К.*, 2011. К вопросу о проникновении стеклянных бус на территорию северного Подмосковья в домонгольскую эпоху // Форум «Идель–Алтай»: материалы научно-практической конф. «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Казань: АН РТ. С. 169–173. (Археология евразийских степей; вып. 13.)
- Столярова Е. К., Журухина Е. Ю.*, 2014. Находка стеклянного слитка из Киева // КСИА. Вып. 232. С. 195–202.
- Строков А. Л.*, 1945. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. Вып. 11. С. 65–73.
- Тарасенко В. Р.*, 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск: АН Белорусской ССР. С. 182–257.
- Товкайло Н. Т., Бузын Г. Н., Тетеря Д. А., Юрченко А. В.*, 2012. Грунтовый могильник на окраине Переяславля Русского // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: РИАМЗ. С. 215–222.
- Токарев С. А.*, 1957. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. Л.: АН СССР. 163 с.
- Трусов А. В.*, 1991. Отчет о полевых исследованиях в зоне строительства района Митино в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 15961, 15962.
- Трусов А. В.*, 2005. Стоянка эпохи мезолита Мякинино // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 5–9.
- Турина Н. Н., Крижевская Л. Я.*, 1939. Обзор полевых археологических исследований ИИМК

- Академии наук СССР в 1938 г. // КСИИМК. Вып. 1. С. 11–36.
- Урванцев Н. Н.*, 1969. История открытия и освоения медно-никелевых руд Сибирского Севера. М.: Недра. 89 с.
- Успенская А. В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 88–132. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Фехнер М. В.*, 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Советская Россия. С. 149–224. (Тр. ГИМ; вып. 33.)
- Фехнер М. В.*, 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 3. М.: Советская Россия. С. 55–87. (Тр. ГИМ; вып. 43.)
- Хвоцинская Н. В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб: Дмитрий Буланин. 290 с.
- Хижняков О. И.*, 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: ТНИИАРЦ. С. 136–148.
- Хижняков О. И.*, 2009. Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 153–162.
- Черепнин А.*, 1898. Раскопки Пронских курганов // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. Год VI. № 1. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова. С. 6–17.
- Чернов С. З.*, 1994. Волок Ламский в XIV – начале XVI в.: административно-территориальное устройство и структуры землевладения // Архив русской истории. Вып. 4. М. С. 65–66.
- Чернов С. З.*, 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: ИА РАН. 543 с.
- Чернов С. З.*, 2005. Домен московских великих князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука. 688 с.
- Черных Е. М.*, 1989. Предварительные итоги исследования курганной группы у деревни Большая Коша // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин: Калининский гос. ун-т. С. 57–64.
- Шахнович М. М., Ширококов И. Г.*, 2013. Позднесредневековый некрополь села Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 97–113.
- Шеляпина Н. С.*, 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М.: Наука. С. 117–157. (МИА; № 167.)
- Шполянская Д. В.*, 2005. Древнерусские курганы на р. Рогожке в Южном Подмосковье (опыт архивного исследования) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 221–245.
- Щапова Ю. Л.*, 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: АН СССР. С. 164–179. (МИА; № 55.)
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.
- Щапова Ю. Л.*, 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.: МГУ. 200 с.
- Щапова Ю. Л.*, 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.
- Энговатова А. В.*, 2001. Отчет об охранно-археологических разведках на территории строительства торгово-выставочного комплекса «Крокус-Сити» в Красногорском районе Московской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26501.
- Энговатова А. В.*, 2003. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23327.
- Энговатова А. В., Гончарова Н. Н.*, 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 203–295. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 1.)
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю.*, 2002. Отчет об охранных археологических раскопках на селищах Мякинино-2 и Мякинино-5 в Красногорском районе Московской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22870.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю.*, 2005. Отчет об охранных археологических раскопках на Мякининском комплексе памятников в Красногорском районе Московской области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26185–26188.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю.*, 2006. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26681–26687.

- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 71–80.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2008. Мякининское I селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука. С. 319–330.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Панченко К. И., Смирнов А. М., Хижняков О. И., 2005. Работы на Мякининском комплексе памятников // АО 2004 года. М.: Наука. С. 255–257.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Хижняков О. И., Алексеев А. В., Русаков П. Е., 2007. Исследования на Мякининском комплексе памятников // АО 2005 года. М.: Наука. С. 281–284.
- Энговатова А. В., Сапрыкина И. А., 2007. Погребения в берестяных гробах // Живая старина. № 4. М. С. 30–32.
- Юшко А. А., 1972. Отчет о работе в Москве и Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 8639.
- Янин В. Л., 1988. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука. 240 с.
- Andrae P., 1975. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. No. 4 (1973). Berlin. P. 101–198.
- Behre K., 1978. Formenkreise von *Prunus domestica* L. von der Wikingerzeit bis in die frühe Neuzeit nach Fruchtsteinen aus Haithabu und Alt-Schleswig // Berichte der Deutschen Botanischen Gesellschaft. Vol. 91. P. 161–179.
- Callmer G., 1977. Trade beads and beads trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologica Lundensia. Serie in 4°. № 11. Lund.
- Kroll H., 2005. Literature on archaeological remains of cultivated plants 1981–2004 // <http://www.archaeobotany.de/database.html>
- Pollmann B., Jacomet S., Schlumbaum A., 2005. Morphological and genetic studies of waterlogged *Prunus* species from the Roman vicus Tasgetium (Eschenz, Switzerland) // Journal of Archaeological Science. Vol. 32.
- Woldring H., 2000. The origin of Plums: a study of sloe, damson, cherry plum, domestic plums and their intermediate forms // Palaeohistoria. Vol. 39/40. P. 535–562.
- Zeist W. van, Woldring H., Neef R., 1994. Plant husbandry and vegetation of early medieval Douai, northern France // Veget Hist Archaeobot. Vol. 3, Iss. 4. P. 191–218.
- Zeist W. van, Woldring H., 2000. Plum (*Prunus domestica* L.) varieties in late- and post-medieval Groningen: the archaeobotanical evidence // Palaeohistoria. Vol. 39/40 (1997/1998). P. 563–576.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БГУ	– Белорусский государственный университет. Минск.
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГИН РАН	– Геологический институт Российской академии наук. М.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия. М.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. М.
ИГ РАН	– Институт географии Российской академии наук. М.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. СПб.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет. Л.
МАО	– Московское Археологическое Общество. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. СПб.
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт. М.
МГУ	– Московский государственный университет. М.
МИА	– Материалы по археологии СССР. М.
МОКМ	– Московский областной краеведческий музей. Новый Иерусалим
НАНУ	– Национальная Академия Наук Украины. Киев
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
РА	– Российская археология. М.
РАНИОН	– Российская ассоциация научных исследований по общественным наукам
РАСН	– Российская академия архитектуры и строительных наук
РЖВ	– ранний железный век
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РТ	– Республика Татарстан
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
ТГУ	– Тверской государственный университет
ТНИИАРЦ	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр

Научное издание

**Мякининские курганы.
Мякининский археологический комплекс в Подмосковье
Материалы спасательных археологических исследований
Том 21**

Редактор: Л. Б. Орловская
Верстка: В. Б. Степанов
Дизайн обложки: В. А. Кулишов
Подготовка иллюстраций: Е. П. Зоц, Д. Ю. Бадеев, В. Б. Степанов

Подписано в печать 31.01.2018
Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 40,0. Уч.-изд. л. 41,3
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Ковчег» 394033,
г. Воронеж, Ленинский пр-т, 119А, офис 226

ISBN 978-5-94375-236-0

